

# Кавказ и Циркумпонтийский регион в древности: материалы, исследования, гипотезы





INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY  
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

---

# Caucasus and the Circumpontic in Antiquity: Materials, Studies, Hypotheses

---



Moscow | 2025

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

---

# Кавказ и Циркумпонтийский регион в древности: материалы, исследования, гипотезы

---



Москва | 2025



Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН  
Approved for print by the Academic Council of the Institute of Archaeology of the RAS

*Редколлегия:*

канд. ист. наук А.А. Клещенко (отв. ред.), канд. ист. наук М.Т. Кашуба (отв. ред.), д-р ист. наук В.А. Эрлих,  
канд. ист. наук А.Н. Гей, Ю.Ю. Пиотровский, д-р ист. наук А.Л. Пелих,  
канд. ист. наук А.И. Джопуа, И.В. Скакова (отв. секретарь)

*Editorial Board:*

Aleksandr A. Kleshchenko, Cand. of Hist. Sci. (Editor-in-Chief); Maya T. Kashuba, Cand. of Hist. Sci. (Editor-in-Chief);  
Vladimir R. Erlikh, Dr. of Hist. Sci.; Aleksandr N. Gey, Cand. of Hist. Sci.; Yuriy Yu. Piotrovskiy;  
Aleksandr L. Pelikh, Dr. of Hist. Sci.; Arkadiy I. Dzhopua, Cand. of Hist. Sci.; Izabella V. Skakova (Secretary-in-Chief)

*Рецензенты:*

д-р ист. наук, проф. РАН Д.С. Коробов (ИА РАН),  
канд. ист. наук Ю.В. Лунькова (ИА РАН)

*Reviewers:*

Dmitry S. Korobov, Dr. of Hist. Sci., Prof. of the RAS (Institute of Archaeology of the RAS),  
Yulia V. Lunkova, Cand. of Hist. Sci. (Institute of Archaeology of the RAS)

**Кавказ и Циркумпонтийский регион в древности: материалы, исследования, гипотезы /**

Отв. ред.: А.А. Клещенко, М.Т. Кашуба. — Москва: ИА РАН, 2025. — 376 с. : ил.

**Caucasus and the Circumpontic in Antiquity: Materials, Studies, Hypotheses /**

Ed. by Aleksandr A. Kleshchenko and Maya T. Kashuba. — Moscow: Institute of Archaeology of the RAS,  
2025. — 376 p.: ill.

ISBN 978-5-94375-478-4

Настоящий сборник включает материалы Всероссийской научной конференции «Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона», которая состоялась 1 декабря 2023 года в Институте археологии РАН (Москва, Россия), а также близкие по тематике работы. Само научное мероприятие было посвящено памяти выдающегося ученого-кавказоведа Александра Юрьевича Скакова. В статьях настоящего издания в основном отражена проблематика эпохи бронзы и раннего железного века Кавказа и Циркумпонтийского региона, которая всегда присутствовала в сфере научных интересов исследователя. В отдельном блоке помещены статьи и воспоминания о А.Ю. Скакове, а также полный список его опубликованных трудов.

Издание адресовано археологам, искусствоведам, историкам, студентам профильных вузов и широкому кругу читателей, интересующихся древним прошлым Северного Кавказа и Циркумпонтийского региона.

This collection of articles includes proceedings of the All-Russian scientific conference “Connections and Interrelations of Cultures of the Circumpontic Region” held in December 1, 2023 at the Institute of Archaeology the RAS (Moscow, Russia) as well as related papers. The conference was dedicated to the memory of the outstanding researcher in Caucasus studies Aleksandr Yurievich Skakov. The articles in the collection are mainly focused on the issues of the Bronze Age and Early Iron Age of the Caucasus and the Circumpontic, which were a main part of the researcher’s scientific interests. A separate section features articles and memoirs about A.Yu. Skakov, as well as a complete list of his published works.

The publication is intended for researchers specializing in archaeology, art studies, history, for university students and a wide range of readers interested in the ancient past of the North Caucasus and the Circumpontic region.

В оформлении обложки использованы фотографии культовых предметов из элитного колхидского комплекса из села Ачандара (Бзыбская Абхазия), опубликованные в статье В.Р. Эрлиха, А.И. Джопуа, А.Ю. Скакова (†) настоящего сборника.

Cover image: photographs of cult objects from the elite Colchis complex in the village of Achandara (Bzyb Abkhazia), published in the article by V.R. Erlikh, A.I. Dzhopua, and A.Yu. Skakov (†) in this collection.

Проведение ряда исследований, подготовка и издание сборника выполнены в рамках НИОКТР 122011200270-0 «Динамика развития духовной и материальной культуры в энеолите — бронзовом веке (Юго-Восточная Европа, Кавказ, Передний Восток)».

ISBN 978-5-94375-478-4

DOI: 10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-478-4

© Федеральное государственное бюджетное  
учреждение науки Институт археологии РАН, 2025  
Institute of Archaeology of the RAS, 2025

© Авторы (фамилии выделены в содержании), 2025  
Authors (names are marked in the contents), 2025

## Содержание

<b>Предисловие ответственных редакторов</b> (А.А. Клещенко, М.Т. Кашуба) .....	7
<b>Кавказ и Циркумпонтийский регион в эпоху бронзы и раннем железном веке</b>	
А.А. Клещенко. Каменные «куранты» среднего бронзового века Предкавказья: классификация и хронология .....	9
А.С. Кизилов, К.А. Глазов. Датировка барельефных изображений на дольмене группы Капибге-1 в окрестностях Большого Сочи .....	87
А.А. Горошников, З.В. Горошникова, Р.А. Мимоход, А.Н. Усачук. Комплекс вещевых находок поселения позднего бронзового века Багай 1 в Северо-Западном Крыму .....	94
А.Л. Пелих, С.Н. Савенко. Клад бронзовых изделий из станицы Боргустанской: история открытия, морфология и особенности культурно-хронологической интерпретации .....	111
О.А. Брилева, Г.Ю. Колганова, Ю.М. Свойский, Е.В. Романенко, Ю.А. Миронова. Группа зооморфных предметов из кавказской коллекции А.В. Живаго в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина .....	129
И.В. Бруяко. О клинках и ножнах парадных мечей и кинжалов предскифско- раннескифского времени (VIII–VII вв. до н.э.) .....	147
С.Б. Вальчак, К.А. Крутоголовенко, Е.А. Кудрявцев. Погребения с предметами вооружения некрополя Грушевского городища .....	156
Я.Б. Березин. О кобанских подкурганых погребениях Северного Ставрополя .....	183
А.А. Кадиева, С.В. Демиденко. Браслеты доскифского и скифского периодов могильника Заюково-3 (западная кобанская культура) .....	194
М.А. Кулькова, М.Т. Кашуба, А.И. Джоуа, А.М. Кульков. Состав сплава и функциональность железных топоров из могильника Джантух (Северо-Западное Закавказье) по данным минералого-геохимических исследований .....	219
Е.А. Клещенко, Н.Г. Свирикина, Т.Ю. Шведчикова. Коллективная кремация колхидской культуры на могильнике Джантух: биоархеологический подход в исследовании останков .....	234
В.Р. Эрлих, А.И. Джоуа, А.Ю. Скаков (†). Элитный колхидский комплекс из села Ачандара (Бзыбская Абхазия) .....	249
Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко. Бронзовые принадлежности конской сбруи из меотских всаднических комплексов IV в. до н.э. на правобережье Кубани .....	271
С.А. Володин, А.А. Шевченко. Чернолаковая керамика из погребальных памятников скифского времени на Среднем Дону .....	297
И.В. Скакова. Общность знаков раннесредневековых строителей Кавказа на примере храма Гиеноса, армянских церквей и крепости Дербента .....	322
<b>А.Ю. Скаков: список печатных работ; воспоминания о нем</b>	
Список печатных работ Александра Юрьевича Скакова (составитель А.Ю. Скаков; дополнено и отредактировано Д.В. Журавлевым, В.Ю. Луньковым) .....	334
С чего все начиналось... (Людмила Ивановна Скакова (мама)) .....	363
Саша (Виктор Чхаидзе) .....	365
О Саше (Алексей Пелих) .....	367
План-перехват, или Детектив по-археологически — фантазия скаковская (Евгений Щеглов) .....	369
Случай в Драндах (Ольга Брилева) .....	372
<b>Список сокращений</b> .....	373

## Contents

<b>Foreword by the editors</b> ( <i>Aleksandr A. Kleshchenko, Maya T. Kashuba</i> ) .....	7
<b>The Caucasus and the Circumpontic region in the Bronze Age and Early Iron Age</b>	
<i>Aleksandr A. Kleshchenko</i> . Stone “courants” of the Middle Bronze Age in Ciscaucasia: classification and chronology .....	9
<i>Andrey S. Kizilov, Konstantin A. Glazov</i> . Dating of the bas-relief images on the dolmen of the Kapibge-1 group in the vicinity of Greater Sochi .....	87
<i>Andrey A. Goroshnikov, Zoya V. Goroshnikova, Roman A. Mimokhod, Anatoliy N. Usachuk</i> . The complex of material finds of the Late Bronze Age settlement Bagai 1 in the North-Western Crimea .....	94
<i>Aleksey L. Pelikh, Sergey N. Savenko</i> . The bronze products hoard from the village of Borgustanskaya: the history of discovery, morphology and features of cultural and chronological interpretation .....	111
<i>Olga A. Brileva, Galina Yu. Kolganova, Yuriy M. Svoyskiy, Ekaterina V. Romanenko, Yulia A. Mironova</i> . Group of zoomorphic artefacts from the Caucasian collection of A.V. Zhivago at the Pushkin State Museum of Fine Arts .....	129
<i>Igor V. Bruyako</i> . About blades and scabbards of ceremonial swords and daggers of the pre-Scythian–Early Scythian periods (8 <sup>th</sup> –7 <sup>th</sup> centuries BC) .....	147
<i>Sergey B. Valchak, Konstantin A. Krutogolovenko, Evgeny A. Kudryavtsev</i> . Burials with weapons necropolis of the Grushevsky settlement .....	156
<i>Yakov B. Berezin</i> . About Koban burial mounds in northern Stavropol region .....	183
<i>Anna A. Kadieva, Sergey V. Demidenko</i> . Bracelets of the pre-Scythian and Scythian periods of the Zayukovo-3 cemetery (Western Koban culture) .....	194
<i>Marianna A. Kulkova, Maya T. Kashuba, Arkady I. Dzhopua, Aleksandr M. Kulkov</i> . Alloy composition and functionality of iron axes from the Dzhantukh burial ground (North-Western Caucasus) based on mineral and geochemical investigations .....	219
<i>Ekaterina A. Kleshchenko, Natalia G. Svirkina, Tatyana Yu. Shvedchikova</i> . Collective cremation of the Dzhantukh cemetery (Colchian culture): a bioarchaeological approach to the study of remains .....	234
<i>Vladimir R. Erlikh, Arkady I. Dzhopua, Alexander Yu. Skakov</i> (†). A rich Colchian burial complex in the village of Achandara (Bzyb Abkhazia) .....	249
<i>Natalya Yu. Limberis, Ivan I. Marchenko</i> . Bronze accessories of horse harness from Maeotian horsemen’s complexes of the 4 <sup>th</sup> century BC on the right bank of the Kuban River .....	271
<i>Semyon A. Volodin, Aleksandr A. Schevchenko</i> . Black glazed pottery from the Middle Don funerary sites of the Scythian period .....	297
<i>Izabella V. Skakova</i> . Commonality of signs of early medieval builders of the Caucasus on the example of the temple of Gyenos, Armenian temples and the fortress of Derbent .....	322
<b>Alexander Yu. Skakov: list of published works; memories of him</b>	
List of published works by Alexander Yuryevich Skakov (compiler <i>Alexander Yu. Skakov</i> ; elaborated and edited by <i>Denis V. Zhuravlev, Vladimir Yu. Lunkov</i> ) .....	334
How it all started... ( <i>Lyudmila Ivanovna Skakova (mom)</i> ) .....	363
Sasha ( <i>Victor Chkhaidze</i> ) .....	365
About Sasha ( <i>Alexey Pelikh</i> ) .....	367
The Interception plan, or an Archaeological detective — fantasy by Skakov ( <i>Evgeny Shcheglov</i> ) .....	369
The incident in Dranda ( <i>Olga Brileva</i> ) .....	372
<b>List of abbreviations</b> .....	373

## Предисловие ответственных редакторов

<http://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-478-4.7-8>

В декабре 2023 г. в отделе археологии бронзового века ИА РАН прошла конференция «Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона», посвященная памяти выдающегося исследователя кавказских древностей Александра Юрьевича Скакова, по итогам которой вышел небольшой сборник материалов. В настоящем издании объединены не только работы коллег и друзей Александра Юрьевича, желающих отдать дань его памяти, но также обновленный список трудов исследователя и воспоминания о нем.

Материалы сборника охватывают широкий хронологический диапазон от среднего бронзового века до Средневековья на Кавказе и окружающих территориях.

Издание открывают две статьи, посвященные материалам среднего бронзового века. Как надкультурное явление А.А. Клещенко рассмотрены «куранты» начала — третьей четверти III тыс. до н.э. в погребениях новотиторской, ямной, северокавказской, раннекатакомбных, позднекатакомбных культур. Автор связывает происхождение этой традиции с миграцией в Предкавказье на рубеже IV–III тыс. до н.э. носителей кветянской (постмариупольской) культуры. Барельефные изображения лучников на фронтальной плите дольмена Капибге-1 в районе Большого Сочи А.С. Кизилова и К.А. Глазов датируют временем постройки дольмена.

Следующие две статьи посвящены памятникам позднего бронзового века. А.А. Горошников, З.В. Горошникова, Р.А. Мимоход и А.Н. Усачук представили всесторонний анализ находок (керамика, орудия труда, предметы обихода и украшения из различных материалов) из поселения второй половины II тыс. до н.э. Багай 1 (Северо-Западный Крым), относящегося к позднему этапу культур Ноуа-Сабатиновка и белозерской. В статье А.Л. Пелиха и С.Н. Савенко уточнены обстоятельства обнаружения клада бронзовых изделий (топоры, тесла, серп, наконечник копья), найденного в 1941 г. в ст. Боргустанской (Ставропольский край). Культурно-хронологическая атрибуция клада определена авторами в рамках бекешевской группы прикубанского очага металлопроизводства, датирующейся около XII–X вв. до н.э.

Отдельный большой блок составляют работы по предскифско-раннескифским и кобанским материалам. С применением методов 3D-моделирования в работе О.А. Брилевой, Г.Ю. Колгановой, Ю.М. Свойского, Е.В. Романенко и Ю.А. Мироновой была комплексно проанализирована группа зооморфных предметов из кавказской коллекции А.В. Живаго (ГМИИ им. А.С. Пушкина), происходящая из окрестностей селения Они (Рача, Грузия). По выявленным параллелям с материалами из Луристана и Лчашено-цителгорийского горизонта эти артефакты можно считать важным свидетельством культурных связей между регионом Кавказа и Ближнего Востока в предскифское время.

И.В. Бруяко представил результаты исследования серии парадных мечей и кинжалов VIII–VII вв. до н.э. Автор пришел к выводу, что в парадном экземпляре из сакского комплекса Елеке саз (Восточный Казахстан) объединен кинжал карасукского типа и ножны северокавказского происхождения, сделанные для клинка кабардино-пятигорского типа.

Кавказскую тематику продолжает статья С.Б. Вальчака, К.А. Крутоголового и Е.А. Кудрявцева, посвященная публикации и анализу погребений с оружием VIII–VI вв. до н.э. из некрополя Грушевского городища, которые авторы связывают с традициями западной кобанской культуры. Еще три западнокобанских погребения из этого же региона являются



предметом исследования Я.Б. Березина, который отметил глубокое проникновение позднекобанского населения в степные районы и интеграцию их в структуру местного скотоводческого населения, практиковавшего подкурганый обряд захоронений.

Завершает «кобанскую часть» сборника работа А.А. Кадиевой и С.В. Демиденко по классификации браслетов X–V вв. до н.э. из могильника Заюково-3 в Кабардино-Балкарии, на основании которой авторы приходят к выводу о существовании трех этапов функционирования некрополя. Согласно проведенному исследованию браслеты являлись важным элементом убора: женского — в доскифский период, мужского и женского — в скифское время.

Три статьи сборника посвящены материалам VI–IV вв. до н.э. из Абхазии, которые стали известны благодаря многолетним полевым исследованиям А.Ю. Скакова, А.И. Джопуа и многих коллег, принимавших участие в совместных экспедиционных работах. Две статьи посвящены погребению № 7 (VI–IV вв. до н.э.) Джантухского могильника. На основе минералого-геохимических исследований М.А. Кулькова, М.Т. Кашуба, А.И. Джопуа и А.М. Кульков пришли к выводу, что топоры произведены из шлаков бронзолитейного производства, не использовались по утилитарному назначению, а были предметами дарения. По материалам кремнированных останков из того же погребения Е.А. Клещенко, Н.Г. Свиркина и Н.Ю. Шведчикова уделено внимание методике работы с подобными захоронениями, а также определили половозрастной состав погребенных и установили факт сожжения тел вместе с изделиями из металла. Работа В.Р. Эрлиха, А.И. Джопуа и А.Ю. Скакова посвящена всестороннему анализу материалов элитного колхидского погребения IV в. до н.э., открытого в 2018 г. в селе Ачандара. Драгоценные изделия из этого комплекса выполнены в «царских» мастерских Колхиды, а культовые предметы характерны исключительно для бзыбского варианта позднеколхидской культуры.

В следующих двух статьях рассмотрены материалы IV в. до н.э. В первой из них Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко на основе особенностей бронзовых принадлежностей конской сбруи из меотских комплексов Прикубанья отметили, что в первой половине IV в. до н.э. у меотов оформился особый (отличный от классического скифского) стиль зооморфных изображений, обозначенный ими как «прикубанский» или «меото-скифский». В статье С.А. Володина и А.А. Шевченко на основе всестороннего источниковедческого анализа погребений с находками чернолаковой керамики скифского времени на Среднем Дону пришли к выводу об узкой ее датировке в пределах второй четверти IV — рубежа IV–III вв. до н.э. и использовании в быту в качестве социального или ритуального маркера.

Завершает научную часть сборника работа И.В. Скаковой, в которой рассмотрены знаки на плинфе раннесредневекового храма Гиеноса, датирующегося с V–VI по VII вв., их аналогии на строительных материалах армянских церквей и крепости Дербента.

Важную часть книги составляет уточненный и дополненный список печатных работ А.Ю. Скакова, который состоит из более 300 публикаций и отражает широту и многообразие его интересов. В книгу помещены воспоминания друзей и коллег об Александре Юрьевиче.

Настоящий сборник — не только дань уважения и памяти замечательному ученому Александру Юрьевичу Скакову, но также яркое свидетельство «чувства материала» и свободы научного творчества, что в полной мере относилось и к его исследованиям.

*А.А. Клещенко<sup>1</sup>, М.Т. Кашуба<sup>2</sup>*

1 Александр Александрович Клещенко — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: sansanych@bk.ru; ORCID: 0000-0001-7577-8835.

2 Майя Тарасовна Кашуба — Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: mirra-k@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8901-811.

## Каменные «куранты» среднего бронзового века Предкавказья: классификация и хронология

А.А. Клещенко<sup>1</sup>

*В работе представлены результаты анализа каменных «курантов» из памятников среднего бронзового века Предкавказья. Источниковая база составляет 241 изделие из 161 курганного (могильного и внемогильного) комплекса ямной, новотиторовской, северокавказской, раннекатакомбных и позднекатакомбных культур. Все они были проанализированы в пределах трех основных этапов среднего бронзового века на основании их морфологических (форма, размеры, другие особенности), технологических (материал изготовления, цвет, качество обработки, следы использования), обрядовых (место комплексов в кургане, половозрастные определения погребенных, положение «курантов» в погребении, наличие на них следов охры, сочетание с прочими категориями находок) характеристик. Установлено, что обычай использования каменных «курантов» в погребальном обряде населения среднего бронзового века Предкавказья является надкультурным явлением, а специфические особенности связаны с хронологическими, культурными, географическими и другими факторами. Функциональное назначение «курантов» как ритуальных и бытовых предметов остается неясным. Вероятно, традиция изготовления каменных «курантов» берет начало от глиняно-охровых изделий квилянкой (постмариупольской) культуры вытянутых погребений Северного Причерноморья. Ее распространение связано с миграцией на рубеже IV–III тыс. до н.э. северо-причерноморского населения в Предкавказье, что в первой четверти III тыс. до н.э. вызвало кардинальную смену традиций в духовной и материальной сферах жизни населения региона, в той или иной степени сохраняющихся здесь до конца среднего бронзового века.*

**Ключевые слова:** каменные «куранты», средний бронзовый век, Предкавказье, ямная культура, новотиторовская культура, северокавказская культура, раннекатакомбные культуры, позднекатакомбные культуры, происхождение, классификация, характеристика, эволюция

<http://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-478-4.9-86>

### Введение

На территории Предкавказья в настоящее время количество раскопанных подкурганных погребений различных культур среднего бронзового века (первая — третья четверти III тыс. до н.э.) превышает 9000 комплексов и продолжает неуклонно расти. При этом обобщающих работ, посвященных

<sup>1</sup> Александр Александрович Клещенко — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: sansanych@bk.ru; ORCID: 0000-0001-7577-8835.

анализу этих памятников, относительно немного. Так, из девяти культурных феноменов указанного периода только два имеют более или менее полную характеристику: новотиторовская и восточноманычская катакомбная культуры (Гей, 2000; Андреева, 2014)<sup>2</sup>. Другой относительно небольшой список аналитических исследований составляют работы по локальным особенностям памятников северокавказской культуры (Корневский, 1990; Николаева, 2011; Клещенко, 2011а; 2020; 2024а; Гей, Клещенко, 2018. С. 103–122), а также обзорные статьи и части монографий, посвященные отдельным группам памятников ямной, новотиторовской, раннекатакомбной, батуринской и суворовской культур (Сафронов, 1974; Трифонов, 1991а; 1991б; Державин, 1991; Гей, 1995; Клещенко, 2013а; 2014б; 2022; 2024б; Гей, Клещенко, 2018. С. 123–126; и др.).

Значительное количество исследований в последние полвека были связаны также с анализом отдельных — как правило, наиболее значимых для определения хронологии памятников среднего бронзового века Предкавказья — категорий погребального инвентаря и деталей их производства: керамических сосудов и курительниц (Корневский, 1990. С. 40–52. Рис. 27–41; Гей, 2000. С. 134–150; Николаева, 2011. С. 82–104; Клещенко, 2013а; 2013б; Панасюк, 2015), роговых булавок (Николаева, Сафронов, 1975; Гей, 2000. С. 63–70; Клещенко, 2012; Шишлина и др., 2013), бронзовых булавок и блях (Корневский, 1984; 1986б; 1986в; Гей, Корневский, 1989; Гак, Калмыков, 2009; 2013; Клещенко, 2017б; Геворкова, 2024), бронзовых орудий (Гей, 2000. С. 150–153; Корневский, 1976; 1981; 1984; Клещенко, 2011б; Гак, Клещенко, 2016; Гак, Калмыков, 2009; 2013; 2014), металлических украшений (Корневский, 1984; 1990. С. 53–59; Ростунов, Хашегульгов, 1985; Гей, 2000. С. 159–162; Гак, Калмыков, 2009; 2014; Гак, Клещенко, 2016; Гак, 2016; Клещенко, 2017б), каменных топоров (Гей, 2000. С. 154–157; Клещенко, 2018а), кремневых наконечников стрел (Клещенко, 2018б), каменной и глиняной антропоморфной пластики (Нечитайло, 1978; Клещенко и др., 2021), а также общих вопросов металлопроизводства (Корневский, 1984; Гак, Калмыков, 2009; 2014; Гак, 2016; Гак, Клещенко, 2016; Белькевич и др., 2018).

В этом ряду можно отметить и незначительную серию работ, в которых затрагивается тема каменных предметов из погребений курганных культур среднего бронзового века Предкавказья и в частности — т.н. терочников (терочников-курантов) или наковаленок.

Так, в работе Т.А. Шаровской были представлены результаты трасологического анализа двух предметов из раннекатакомбного погребения Веселая Роща II 13/7<sup>3</sup>, а именно — каменных «уплощенных, округлых в плане изделий усеченно-цилиндрической формы», обработанных пикетажной и абразивной техникой и имеющих две рабочие поверхности: первая (меньшего диаметра — верхняя) «характеризуется скоплением неглубоких неравномерных выбоинок в центре, что говорит об использовании орудия

2 Здесь не учитываются многочисленные работы (в первую очередь Р.А. Мимохода), посвященные анализу памятников финала среднего бронзового века, выходящие за рамки настоящего исследования, как хронологически, так и в связи с полным отсутствием в них рассматриваемых в настоящей работе категорий каменных предметов.

3 Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем — номер погребения: Веселая Роща II 13/7 соответствует Веселая Роща II, курган 13, погребение 7.

в качестве наковаленки», вторая (нижняя) «заполирована до металлического блеска, покрыта тонкими, удлинённых пропорций линейными следами, параллельными между собой, что характеризует подставки для раскатки металлической фольги» (Шаровская, 1985. С. 225, 227. Рис. 1: 7, 8). Следует подчеркнуть, что в настоящее время это единственное исследование, в котором функциональное назначение каменных предметов такой формы в Предкавказье подтверждено проведенным трасологическим анализом<sup>4</sup>.

Вопросам утилитарного и ритуального назначения каменных «курантов» уделил внимание С.Н. Корневский. В частности, при описании двух таких предметов из погребений могильника Нежинский I они названы «наковаленками». При этом автор отметил, что «функциональное назначение таких предметов установлено Г.Ф. Коробковой, как подставок под обработку листового металла» (Корневский, 1990. С. 63). Из описания предметов следует, что один из них «имеет две рабочие поверхности, на которых при увеличении видны выбоины», а второй имеет «также две рабочих поверхности: одну для обработки тонкого листа металла, другую под обработку более толстого листа» (Там же). Интересно, что исследователь в этой части текста ссылается на работу Г.Ф. Коробковой и Т.А. Шаровской, в которой говорится об «употреблении в качестве наковаленок каменных прямоугольных и дисковидных плиток в памятниках ранней и средней бронзы Прикубанья» (Там же). Надо отметить, что в упомянутой статье действительно представлены результаты анализа трех подпрямоугольных плиток-«подушек», свидетельствующие об их использовании в качестве «наковален» (Коробкова, Шаровская, 1983. С. 91–92. Рис. 1: 9, 11, 12). Однако все они происходят из погребения и насыпи кургана раннего бронзового века могильника Клады в Закубанье. Что касается единственного «дисковидного» предмета с углублением, относящегося к позднекатакомбной батуринской культуре (Там же. Рис. 1: 13), то результатов его анализа авторами не приводится, а сказано лишь, что он мог применяться для «выдавливания металлической фольги» (Там же. С. 92).

В другой, относительно недавней работе С.Н. Корневский называет эти же предметы «терочниками-курантами» или просто «курантами», отмечая, что «название «терочник» для них, конечно, условно» (Корневский, 2018. С. 56). Здесь же указано на частую встречаемость этих предметов в одном комплексе с каменными топорами, отражающими «ритуалы воинских захоронений». Далее исследователь пишет, что «все перечисленные выше комплексы с курантами на Кавминводах возможно интерпретировать как захоронения мужчин и отроков, *так как ни в одном из них нет характерных женских украшений* (курсив мой. — А.К.)» (Там же. С. 57), и ниже: «Устойчивое сочетание находок каменных топоров в погребениях Кавминводской группы с наковаленками-курантами могло означать *связь воинского престижа человека с престижем мастера по обработке металла, кузнеца-умельца, оружейника* (курсив мой. — А.К.)» (Там же. С. 60). Еще в одной работе С.Н. Корневский вновь называет рассматриваемые предметы «курантами», утверждая, что «находки подобных вещей связаны

---

4 За пределами Предкавказья трасологический анализ подобных предметов был проведен, например, Г.Ф. Коробковой для находок из Михайловского поселения (Коробкова, Шапошникова, 2005. Рис. 58: 2; 79: 2), в результате которых автор исследования пришла к идентичным выводам.



именно с племенами кавминводской группы и комплексами с каменными топорами кабардино-пятигорского типа» (Корневский, 2019. С. 287)<sup>5</sup>.

Наконец, в работах А.Н. Гея рассматриваемые предметы названы «терочниками» и определены в категорию «культовых предметов»<sup>6</sup> (Гей, 1993. С. 44–45 сл.). По мнению автора, они применялись для растирания охры, но, возможно, что это их вторичная функция после использования в качестве «наковаленок» (Гей, 2000. С. 154).

Таким образом, в историографии в настоящее время имеются как минимум четыре названия для рассматриваемой категории изделий: «наковаленки», «терочники», «терочники-куранты» и просто «куранты», а также два варианта интерпретации их назначения: дляковки металла и для растирания охры. Как будет показано ниже, далеко не все предметы такого вида могли использоваться в металлопроизводстве в силу своей специфической формы, материала изготовления и характеру сработанности. В то же время использование их в качестве терочников более вероятно (именно так они называются в подавляющем большинстве публикаций и отчетных материалов). В работах одного из основоположников системного изучения памятников среднего бронзового века Северного Кавказа В.И. Марковина (например: Марковин, 1999) используется термин «терочник-курант» или «курант». В этом отношении интересен и такой историографический прецедент: в одной из публикаций случайных находок с территории относительно далекой от Предкавказья Донецкой области, такой предмет фигурирует как «курант» (Археологический альманах..., 1993. С. 34. Рис. 37: 6).

Строго говоря, термин «терочник-курант» — своего рода тавтология, т.к. «курант» (от *франц.* *courant* — бегущий, текущий) сам по себе является терочником или пестом для растирания, в частности, краски (например, см.: Даль, 1905. С. 568). В то же время термином «пест» в археологической литературе принято называть изделия совершенно другой формы. Отталкиваясь от вышесказанного и опираясь на сложившуюся историографическую традицию, в данной работе в качестве определения рассматриваемой категории предметов используется термин «курант».

### 1. Общая характеристика и классификация источников

Представленная в настоящей работе выборка каменных «курантов» ограничена территорией Предкавказья и включает следующие субрегионы: Прикубанская (Кубано-Приазовская) низменность, Закубанская наклонная равнина, Ставропольская возвышенность, Терско-Кумская низменность и предгорные районы Большого Кавказа (рис. 1).

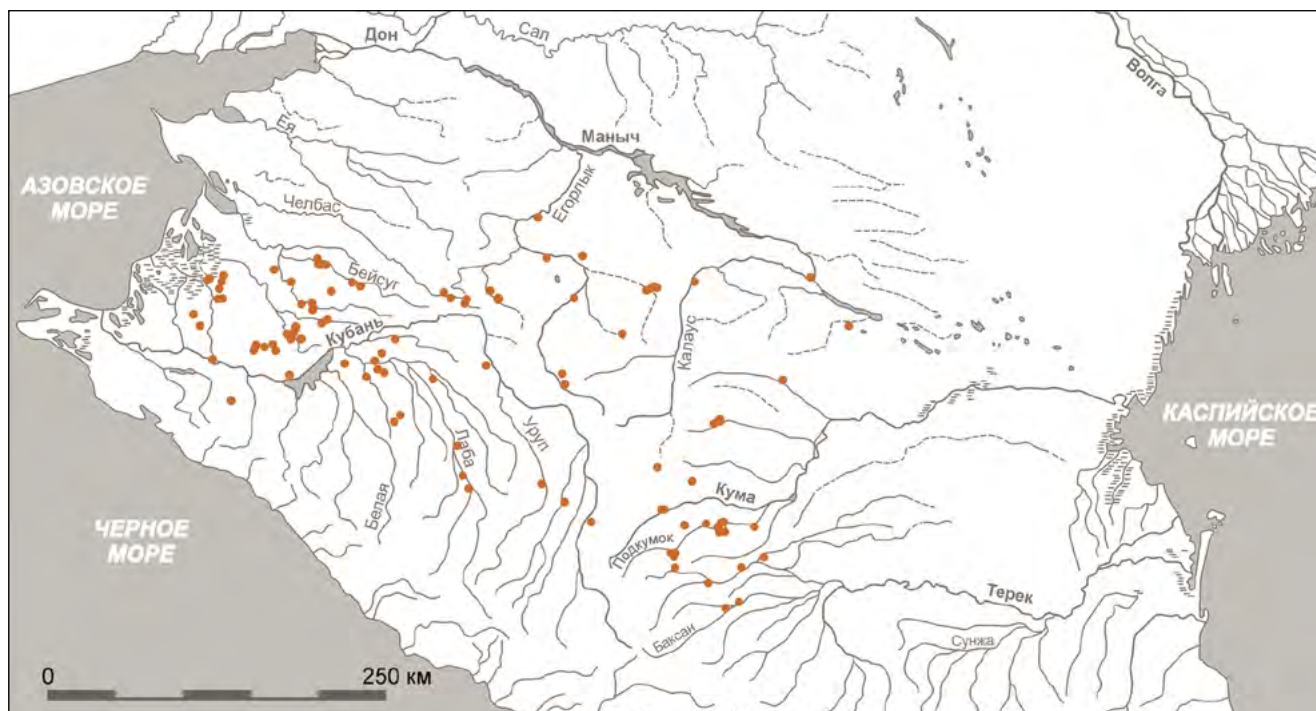
Хронологические рамки исследования ограничены средним бронзовым веком, а именно первой — третьей четвертями III тыс. до н.э. Это связано с тем, что в раннем бронзовом веке (майкопская/майкопско-новосвободненская и пластуновская культуры) такие предметы практически не из-

5 Следует отметить, что выводы С.Н. Корневского, основанные на небольшой локальной выборке погребений с рассматриваемой категорией предметов, как показало настоящее исследование, лишь частично подтвердились.

6 Соотнесение категории «культовые предметы» в тексте статьи несколько разнятся. Судя по таблицам 1 и 2, к ним, согласно А.Н. Гею, относятся: собственно, терочники, а также глиняные модели повозок, керамические жаровни, куски охры, сферосидериты, каменные изделия и сколы, глиняные «лепешки» (Гей, 1993).

вестны<sup>7</sup>. Отсутствуют они и в предкавказских комплексах финала среднего бронзового века (лолинская и невинномысская культуры).

В результате работы с архивными и опубликованными материалами раскопок погребальных памятников среднего бронзового века в Предкавказье была собрана серия из 241 «куранта», происходящих из 161 комплекса, из которых 151 — погребения, а 10 — ритуальные объекты и отдельные находки из курганных насыпей.



Практически все они были атрибутированы культурно и хронологически и по этому принципу разделены на четыре группы:

1) первая четверть III тыс. до н.э. (ямная, новотиторовская и северокавказская (ранний этап) культуры: 78 «курантов») (табл. 2: 1–44; рис. 3–5; 17: 1–14);

2) вторая четверть III тыс. до н.э. (северокавказская (развитый и поздний этапы) и раннекатакомбные культуры: 118 «курантов») (табл. 2: 45–127; рис. 6–9; 17: 15–40);

3) первая половина III тыс. до н.э. — без уточнения (в основном — комплексы северокавказской культуры с неустановленным этапом: 28 «курантов») (табл. 2: 128–146; рис. 10; 11; 18: 1–14);

4) третья четверть III тыс. до н.э. (батуринская, западно- и восточно-манычская, суворовская позднекатакомбные культуры: 17 предметов) (табл. 2: 147–161; рис. 12; 13; 18: 15–20).

В данную выборку не вошли единичные находки рассматриваемой категории каменных изделий: на поселениях (например, Даховское поселение: Сафронов, 1979. Рис. 27: 4; 29: 3–5); в дольменных памятниках (нам известно только две находки: дольмен Девичий (Трифонов, 2005.

**Рис. 1.** Общая карта памятников с находками каменных «курантов» среднего бронзового века (первая — третья четверти III тыс. до н.э.) в Предкавказье  
**Fig. 1.** General map of sites with finds of stone “courants” of the Middle Bronze Age (1st–3rd quarter of the 3rd millennium BC) in Ciscaucasia

<sup>7</sup> Нам известен только один «курант» этого времени, обнаруженный в могильнике Клады 15/1 (Резепкин, 2012. Рис. 37: 10), отличающийся довольно небольшими размерами: диаметр — 5 см, высота — 2 см.

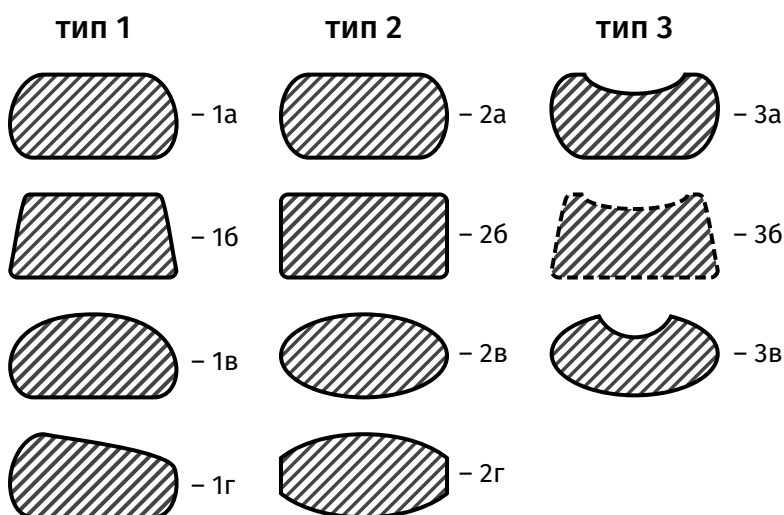
Рис. 50: 1) и т.н. постдольменный комплекс Шушук-49 (Эрлих и др., 2020. Рис. 5: 35)); некоторые «сомнительные» находки в насыпях курганов (плохо обработанные или необработанные камни), в том числе без рисунков и фотографий; случайные находки без археологического контекста; плохо документированные находки из дореволюционных раскопок, например, «курант» из погребения IV/8 в урочище «Три камня» (Самоковасов, 1908. С. 28); материалы раскопок, проведенных после 2020 г.

Следует отметить, что далеко не все относительно современные отчетные материалы и публикации, вошедшие в рабочую выборку, были снабжены рисунками и фотографиями «курантов». Так, прорисовки имеются только для 194 предметов, еще в 31 случае представлены только их фотографии — чаще всего с одного ракурса (вид сверху), а в 16 случаях изображения отсутствовали вовсе. В результате удалось установить форму и уточнить размеры для 217 каменных «курантов».

На основании полученных данных была произведена формальная классификация «курантов». Все предметы имеют круглую или подовальную в плане форму, поэтому главным критерием классификации был выбран абрис изделия в профиль. Всего было выделено три основных типа с 11 вариантами (рис. 2; 15: 1).

**Рис. 2.** Классификация каменных «курантов» среднего бронзового века Предкавказья (по форме сечения)

**Fig. 2.** Classification of stone “courants” of the Middle Bronze Age in Ciscaucasia (according to the shape of the section)



К **типу 1** отнесены изделия подтрапецевидной в сечении формы в четырех вариантах:

**тип 1а:** с округленными боковыми гранями (81 экз., рис. 4: 1–19; 7; 11: 1–6; 13: 1–6);

**тип 1б:** с прямыми боковыми гранями (28 экз., рис. 4: 20–24; 8: 1–15; 11: 7–10; 13: 7–9);

**тип 1в:** с выгнутой верхней площадкой — условно грибовидной формы (девять экз., рис. 4: 25–28; 8: 16–19; 11: 11);

**тип 1г:** со скошенной верхней площадкой (восемь экз., рис. 4: 29, 30; 8: 20–23; 11: 12; 13: 10).

К **типу 2** отнесены изделия подпрямоугольной и уплощенно-овальной в сечении формы в четырех вариантах:

**тип 2а:** с округленными параллельными гранями и плоскими горизонтальными площадками (41 экз., рис. 5: 1–11; 9: 1–13; 11: 13–18; 13: 11);

**тип 2б:** с прямыми параллельными гранями и плоскими горизонтальными площадками (13 экз., рис. 5: 12–15; 9, 14–17; 11: 19–22);

**тип 2в:** подовальные, в том числе с округленными параллельными гранями и выпуклыми горизонтальными площадками, а также т.н. гальки (23 экз., **рис. 5: 16–25; 9: 18–26; 11: 23–26**);

**тип 2г:** подпрямоугольные с прямыми параллельными гранями и выпуклыми площадками (10 экз., **рис. 5: 26–28; 9: 27–29; 11: 27; 13: 13; 17: 6; 18: 5, 18**).

**Тип 3** представлен всего тремя изделиями:

**тип 3а:** подтрапециевидные, с округленными гранями и значительным углублением на широкой площадке (два экз., **рис. 13: 14, 16**);

**тип 3б:** трапециевидные, с прямыми гранями и значительным углублением на широкой площадке (этот тип выделен условно: такая форма для «курантов» пока не известна, однако она есть в серии «ступ» позднекатакомбного времени — см. ниже).

**тип 3в:** подовальный, со значительным углублением на одной из площадок (один экз., **рис. 13: 15**).

Тип 3 в целом отражает уже разнообразие форм другой категории изделий — каменных «ступ» округлой в плане формы, однако эти предметы имеют гораздо большие размеры, в то время как включенные в нашу выборку три предмета такой формы более сопоставимы по размерам именно с «курантами» и обозначены условно как «куранты-ступы».

Следует отметить, что далеко не все предметы, определенные в тот или иной тип (вариант типа), полностью соответствуют заявленному стандарту — во всяком случае, насколько можно судить по их изображениям. К таковым относятся 38 предметов (**рис. 4: 14, 19; 5: 1, 14, 15; 7: 27–41; 8: 8, 17–19; 9: 14, 15, 27; 11: 23; 13: 6, 10, 13, 16**) — в столбце «тип» каталога (**табл. 2**) они отмечены знаком «\*».

Кроме того, может возникнуть определенное сомнение в правомерности отнесения к «курантам» части предметов типа 2в, представляющих собой простые округлые в плане «гальки». Однако как минимум в трех случаях эти предметы находились в одном комплексе с «курантами» других типов (**табл. 2: 41, 51, 56**) и, как и предметы других типов, они имеют следы сработанности и окраски охрой. Хотя следует признать их существенное морфологическое отличие от наиболее стандартных изделий вариантов 1а, 1б, 2а и 2б.

Общие абсолютные и относительные размеры всей рассматриваемой серии «курантов» составляют: диаметр — от 4 до 15,3 см, при этом 2/3 предметов попадают в диапазон 6–9 см (**рис. 16: I**)<sup>8</sup>; высота — от 0,9 до 9 см, со стандартом в пределах 3–5 см — те же 2/3 предметов (**рис. 16: II**); соотношение диаметра к высоте — от 1,3 до 5,7 при наиболее частом интервале (в 70% случаев) от 1,8 до 2,3 (**рис. 16: III**)<sup>9</sup>. Корреляция размеров с типами, показанная на **рис. 16**, в целом не дает особых результатов, за исключением, возможно, незначительной специфики «курантов» наиболее представительных форм: для типа 1а более характерны диаметры 8–9 см, а для типа 1б — 7–8 см.

8 На **рис. 16: I, II** отсутствуют данные по оригинальному предмету из погребения Лосево 2/11, который имел диаметр 15,3 см и высоту 9 см.

9 На **рис. 16: III** не показаны четыре наиболее тонких предмета с соотношением диаметра к высоте от 4,3 до 5,7.



При анализе «курантов» и комплексов, в которых они были обнаружены, наряду с размерными характеристиками изделий и предложенной классификацией были учтены следующие параметры.

### **Характеристики «курантов»**

*Наличие вогнутости на горизонтальных площадках.* Большинство «курантов», судя по изображениям и описаниям, имеют ровные горизонтальные поверхности. Однако в 17 случаях на поверхности верхней площадки была зафиксирована незначительная вогнутость. В 18 случаях вогнутыми оказались обе горизонтальные площадки. В основном эти предметы относятся к типам 1а (19 экз.) и 1б (10 экз.), реже — к типам 2а (четыре экз.), 2б и 2г (по одному экз.). Что касается незначительной серии «курантов-ступ» позднекатакомбного времени, представленных всего тремя предметами, наличие ярко выраженного углубления для них является типобразующим признаком.

*Форма в плане.* Большая часть «курантов» имеет округлую в плане форму, однако некоторые экземпляры отличаются разной степенью «подовальности» (порядка 28 экз.). В **табл. 2** в разделе «диаметр» для них указано среднее значение. Наиболее оригинальные в этом отношении предметы: мелкая галька из новотиторовского погребения Кореновский V 4/5 (не попала в представленную выше классификацию — **табл. 2: 12; рис. 17, 10**) и изделие из комплекса суворовской культуры Ульяновский I 1/15 (**табл. 2: 161; рис. 13:10**).

*Материал изготовления.* Описание породы, внешнего вида, плотности камня в источниках в том или ином виде имеется для 147 предметов. Для 118 экз. вместе с описанием самого камня указан (или можно распознать по фотографии) его цвет. Кроме того, в 41 случае указан цвет камня без описания самого материала.

*Характер обработки предметов* установлен по описанию и фотографиям для 122 предметов.

*Наличие или отсутствие следов использования (сработанности)* установлено по описанию, рисункам и фотографиям для 88 предметов. Из них в 24 случаях достоверно отмечено отсутствие таких следов.

### **Характеристики погребений, содержавших «куранты»**

*Положение «курантов» в погребении* определено для 185 предметов.

*Наличие следов окраски «курантов» охрой* установлено в 46 случаях.

*Возрастные определения* (как профессиональные (камеральные), так и полевые) известны для 130 погребений: из них 81 — дети и подростки; 47 — взрослые<sup>10</sup>. Для последних пол был определен или установлен предположительно только в 12 случаях: в восьми случаях — мужской, в четырех — женский. Имеется всего 40 точных возрастных определений для детей и взрослых.

*Стратиграфическое положение* комплекса в кургане рассматривается по трем позициям: основные для первичной насыпи (33 погребения), основные для досыпки (13 погребений) и впускные (107 погребений).

*Поза погребенного и количество индивидов в погребении.* Поза погребенных достоверно или предположительно зафиксирована для 127 погребений, из них 27 были коллективными (содержали от двух до четырех индивидов).

---

<sup>10</sup> Еще в двух случаях «куранты» относятся к комплексам, содержавшим совместные погребения взрослых и детей без соотнесения их с конкретным погребенным.

*Сопровождающий инвентарь.* Состав погребального инвентаря (в частности, встречаемость определенных его категорий) — в совокупности со стратиграфической позицией погребения в насыпи — позволяет рассмотреть вопросы «статуса» погребений с каменными «курантами», которые поднимались А.Н. Геем и С.Н. Кореневским. Всего было выделено 16 основных категорий сопровождающих предметов из 117 комплексов. Остальные 44 комплекса (включая отдельные находки в насыпи) сопутствующих находок не имели.

## **2. Эволюция традиций изготовления и использования каменных «курантов» в погребальном обряде среднего бронзового века Предкавказья**

Исходя из современных представлений о культурно-хронологической дифференциации памятников среднего бронзового века, в Предкавказье можно выделить три основных этапа их эволюции. К первому из них относятся комплексы развитого этапа ямной, раннего этапа северокавказской и всей новотиторовской культур, датирующиеся в основном первой четвертью III тыс. до н.э. Следующий период связан с появлением раннекатакомбных культур (восточноприазовской — в Прикубанье и условно «ставропольской» — на территории Ставропольской возвышенности), развитым и поздним этапами эволюции северокавказской культуры, а также самыми поздними комплексами ямной культуры, датирующимися второй четвертью III тыс. до н.э. Третий этап связан с позднекатакомбными памятниками третьей четверти III тыс. до н.э.

На основании этой схемы большая часть рассматриваемых комплексов среднего бронзового века с находками «курантов» была разделена на три основные хронологические группы<sup>11</sup>. Кроме того, была выделена небольшая группа комплексов, датирующихся в целом в пределах первой половины III тыс. до н.э. и относящихся в основном к северокавказской культуре без соотнесения их с конкретным этапом ее развития.

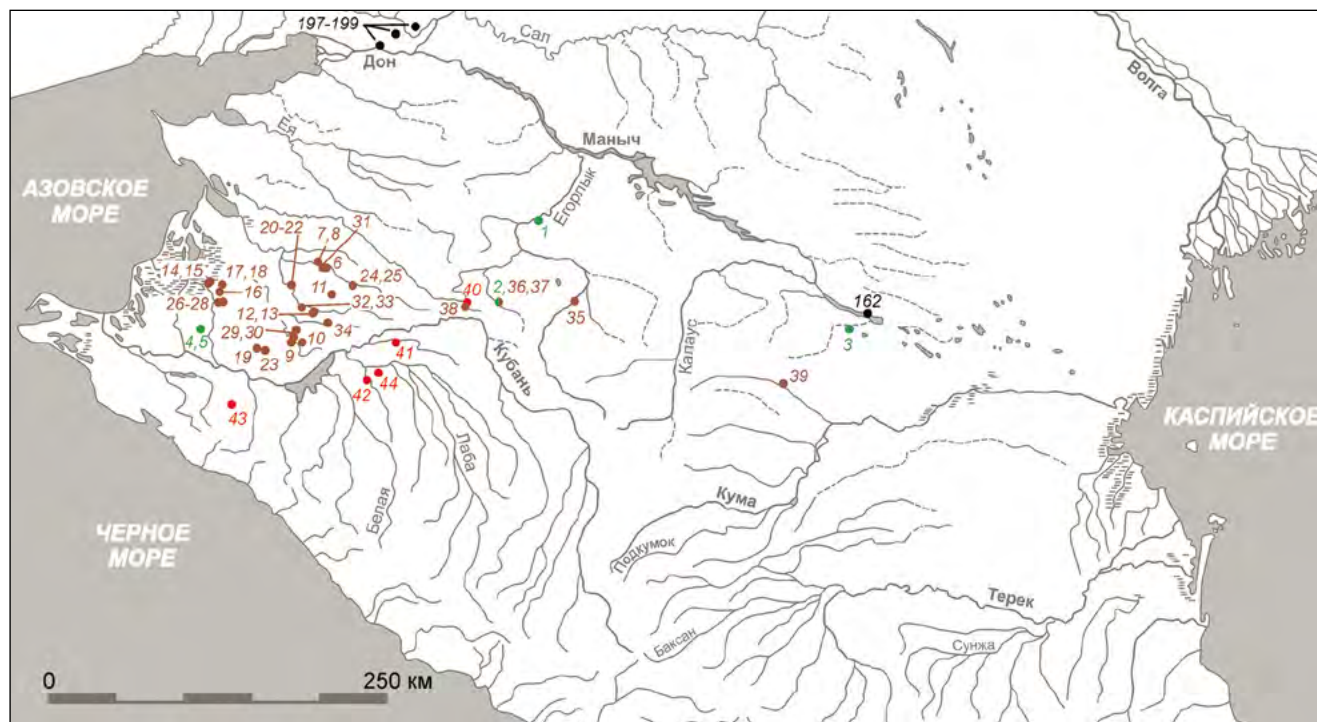
### **2.1. Первая четверть III тыс. до н.э.**

К этому периоду можно отнести 42 погребения и два условно «ритуальных» комплекса, содержащих в общей сложности 78 каменных «курантов». Они связаны с ямной (девять экз. в пяти комплексах), новотиторовской (60 экз. в 34 комплексах) и ранним этапом северокавказской (девять экз. в пяти комплексах) культур (**табл. 2: 1–44; рис. 3–5; 15: II; 16; 17: 1–14; 19: I; 20: I; 21: I; 22**). При этом количество предметов в одном комплексе

<sup>11</sup> Внутри этих трех групп имеются комплексы с не вполне достоверными культурными и хронологическими позициями. К таковым погребениям относятся, например: Ильинский I 2/5 — предположительно отнесено к новотиторовской культуре на основании близости к ее основному ареалу и западной ориентировки погребенного; Ильинский I 1/5 (см. следующую сноску); Расшеватский V 2/6 — условно отнесено к ямной культуре из-за скорченного на спине положения в яме, однако сопровождавший его сосуд выполнен в катакомбных традициях, поэтому погребение было датировано второй четвертью III тыс. до н.э.; Расшеватский V 4/1 — по сопровождающему инвентарю, безусловно, датируется второй четвертью III тыс. до н.э., однако может относиться как к северокавказской, так и раннекатакомбной культурам; Золотаревка I 25/2 — по всем признакам, а также по определению автора раскопок А.А. Калмыкова, атрибутируется как западноманычское, однако по данным радиоуглеродного датирования, представленного в отчете по раскопкам, оно датируется первой четвертью III тыс. до н.э.

варьировало от одного (28 случаев), до шести: по два — шесть случаев; по три — четыре случая; по четыре — пять случаев; шесть — в одном случае.

Как следует из приведенных данных культурной атрибуции и картографирования, подавляющее большинство находок «курантов» связано с памятниками Прикубанской низменности и, в гораздо меньшей степени, северной части Ставропольской возвышенности и степного Закубанья (рис. 3).



**Рис. 3.** Карта памятников с находками каменных «курантов» в Предкавказье и соседних районах (первая четверть III тыс. до н.э.): 1–5 — ямная культура; 6–39 — новотиторовская культура; 40–44 — северокавказская культура (ранний этап) (цифры соответствуют номерам в каталоге (табл. 2)). Погребения вне территории Предкавказья (нет в каталоге): 162, 197–199 — ямная культура.

1 — Баранчук II 1/2; 2 — Расшеватский I 12/2; 3 — Чограй I 8/4; 4 — Старонижестеблиевская (1986) 3/11; 5 — Старонижестеблиевская (1986) 4/11; 6 — Анапская I 1/2; 7 — Батуринский II 3/6; 8 — Батуринский II 3/11; 9 — Динская (1987) 1/16; 10 — Динской I 1/3; 11 — Журавская VII 1/26; 12 — Кореновский V 4/5; 13 — Кореновский XI 3/6-11; 14 — Лебеди I 2/120; 15 — Лебеди II 7/XXV; 16 — Магистральный I 1/26; 17 — Малаи I 9/11; 18 — Малаи I 9/24; 19 — Нововеличковская II 1/3; 20 — Новокорсунская (1985) 2/11; 21 — Новокорсунская (1985) 2/15; 22 — Новокорсунская (1985) 2/17; 23 — Ново-Титаровская (1973) 3/2; 24 — Первомайская 1/7; 25 — Первомайская 4/3; 26 — ПКOC (1979) 9/8; 27 — ПКOC (1979) 18/2; 28 — ПКOC (1980) 39/17; 29 — Пластуновская LII 2/9; 30 — Пластуновский I 1/11; 31 — Полтавская III 5/6; 32 — Пролетарский (1986) 2/9; 33 — Пролетарский (1986) 3/9; 34 — Раздольная 13/4; 35 — Ильинский I 2/5; 36 — Расшеватский I 10/3; 37 — Расшеватский I 12/4; 38 — Темжбекская II 1/5; 39 — Спасское 2/6; 40 — Кавказский II 9/8; 41 — Дальний 2/ комплекс А; 42 — Дукмасовский 2/3; 43 — Ильский XXVII 1/1; 44 — Уляп 1/42; 162 — Восточный Маныч, левый берег III 14/8; 197 — Садовый II 51/4; 198 — Аглицкий II 1/5; 199 — Кривянский IX 1/8

**Fig. 3.** Map of sites with finds of stone “courants” in Ciscaucasia and neighboring regions (the 1<sup>st</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC): 1–5 — Yamnaya culture; 6–39 — Novotitorovskaya culture; 40–44 — Severokavkazskaya culture (early stage) (the numerals correspond to the catalog numbers (tab. 2)). The burial outside Ciscaucasia (not in the catalog): 162, 197–199 — Yamnaya culture

В рамках приведенной выше типологии были классифицированы 65 изделий; еще для 12 экз. отсутствуют прорисовки и описания, а один предмет представлял собой небольшую тонкую гальку, входившую в набор «курантов» — **рис. 17: 10**. Из них почти треть относилась к типу 1а (21 экз., **рис. 4: 1–19; 15: II**), четверть — к типу 2а (16 экз., **рис. 5: 1–11; 15: II**), 15% — к типу 2в (10 экз., **рис. 5: 16–25; 15: II**), остальные варианты форм представлены двумя–пятью экземплярами (**рис. 4: 20–30; 5: 12–15, 26–28; 15: II**).

Размеры «курантов» рассматриваемого этапа следующие. Диаметры варьируют от 5 до 9 см в ямных комплексах, от 4 до 10 см — в новотиторовских, от 6 до 10 см — в раннесеверокавказских, при этом почти 2/3 предметов имели диаметр 6–9 см (**рис. 16: I**). Корреляции между диаметром и типом изделий не прослеживается. Высота «курантов» этого периода: 1,6–6,0 см — в новотиторовских комплексах, 3,0–4,6 см — в ямных и раннесеверокавказских (**рис. 16: II**); наиболее стандартные формы имеют высоту 3–5 см (80% экз.). По соотношению диаметра к высоте новотиторовские «куранты» обладают наибольшей вариабельностью — от 1,3 до 3,9; серия раннесеверокавказских предметов — от 1,7 до 2,8; изделия из ямных комплексов компактно укладываются в диапазон 1,6–2,1. Данные распределения соотношения диаметра к высоте по типам можно увидеть на **рис. 16: III**.

Следует также сказать еще о двух морфологических особенностях «курантов» рассматриваемого периода. В трех случаях на поверхности верхней площадки была зафиксирована незначительная вогнутость (**рис. 4: 10, 12, 16**), в девяти случаях вогнутыми оказались обе горизонтальные площадки (**рис. 4: 2–5, 9, 23, 24; 5: 1, 8**). В 11 случаях «куранты» имели подовальную в плане форму (**рис. 4: 6, 10, 15, 17; 5: 1, 9, 18, 20, 22, 24; 17: 10**).

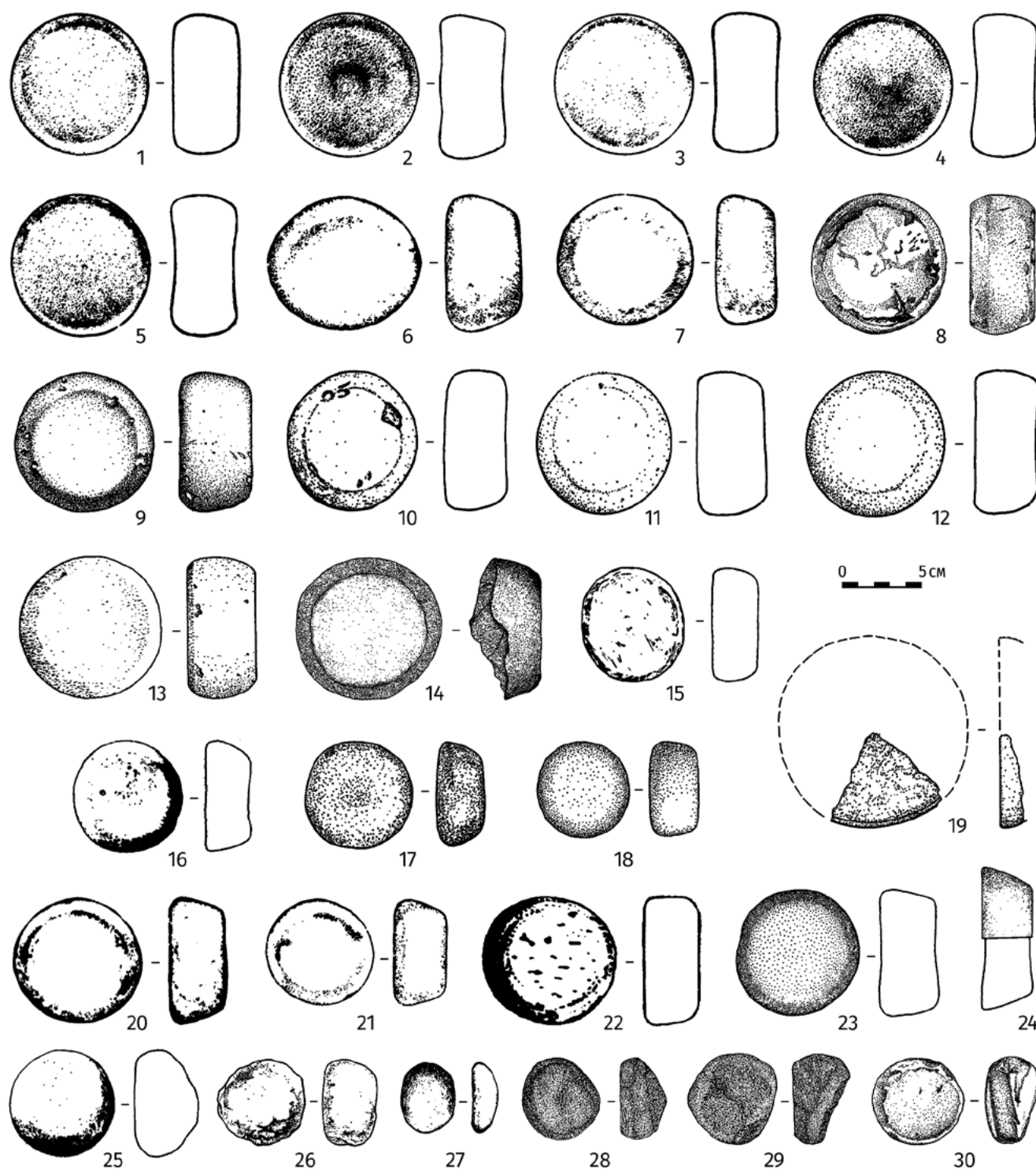
Согласно отчетным и публикационным данным, материал изготовления для «курантов» первой четверти III тыс. до н.э. указан в 41 случае: песчаник (14 экз.); камень с зернистой структурой, возможно, гранит (восемь экз.); «галька» (шесть экз.); гранит (три экз.); лимонит (три экз.); кварцит (два экз.); «плотная» или «плотная горная» порода (два экз.), а также диабаз, диорит, известняк (по одному экз.). Суммируя эти данные, можно прийти к выводу, что большинство «курантов» этого времени были сделаны из осадочных пород (песчаника и галечника), в меньшей степени представлены камни магматического происхождения (гранит, базальт и др.).

Цвет камня определяется в 51 случае: серый (16 экз.), желтый и серо-желтый (10 экз.), зеленый и серо-зеленый (шесть экз.), коричневый и серо-коричневый (шесть экз.), серо-синий и сине-зеленый (четыре экз.), белый (три экз.), серо-красный и бордовый (три экз.), сиреневый (два экз.), черный (один экз.). В качестве иллюстрации на **рис. 17: 1–14** приведены некоторые имеющиеся в полевых отчетах цветные фотографии «курантов».

Данных по характеру обработки «курантов» немного (34 экз.): в 19 случаях — это зашлифованные предметы; в девяти — заполированные; в одном случае грани зашлифованы, а поверхности заполированы; для двух экземпляров отмечена «грубая» обработка; для одного предмета указано отсутствие обработки.

В отношении следов использования есть данные для 20 предметов. Из них один не имел следов износа, в 11 случаях просто сказано об их наличии (из них на одном изделии — на боковой грани), у шести «курантов» отмечены сколы различной интенсивности (в одном случае — на боковой грани), у одного — имелись «выщерблены», у одного была целиком сколота нижняя

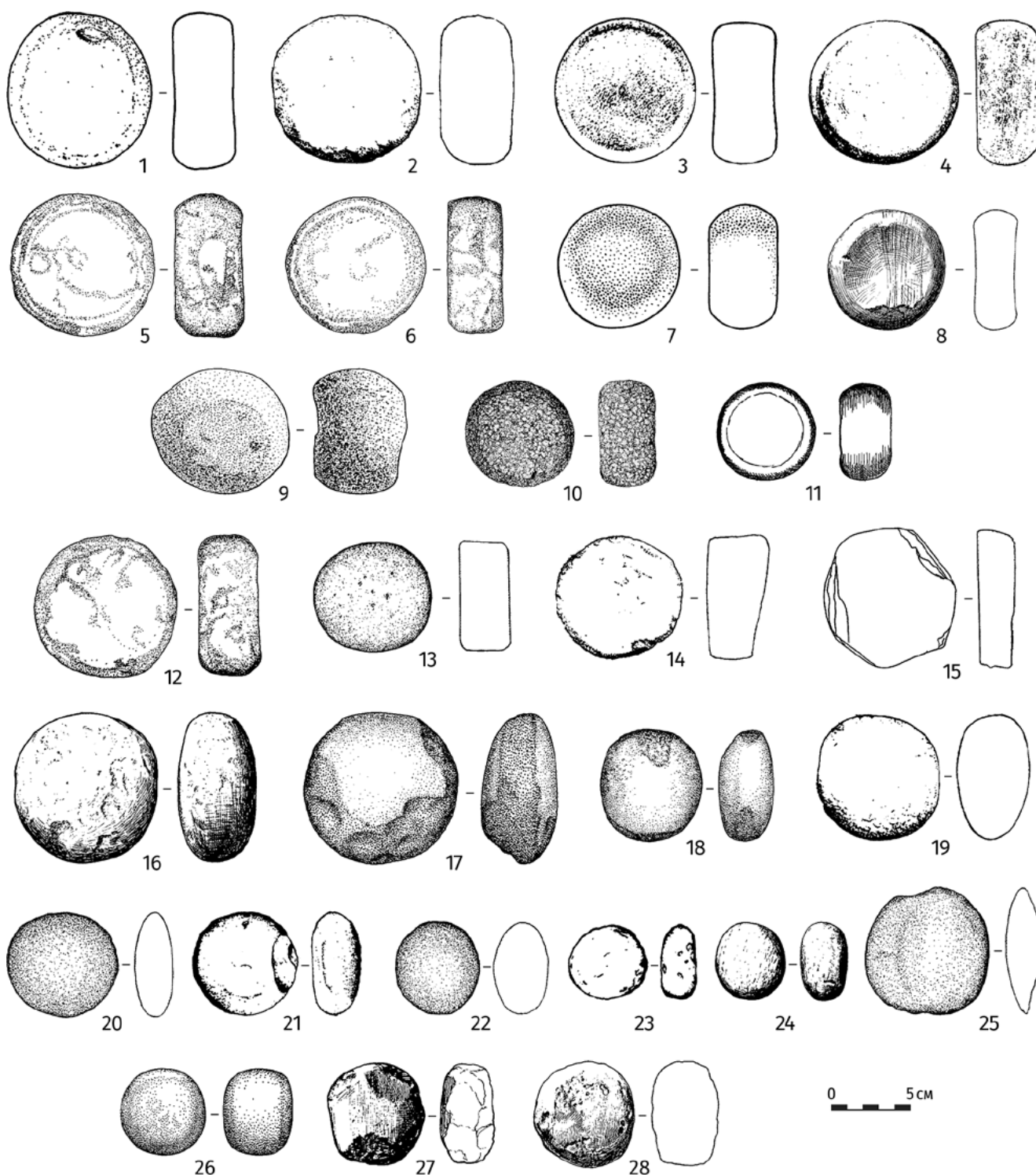




**Рис. 4.** Каменные «курanty» первой четверти III тыс. до н.э.: 1–12, 16–23, 25–27, 30 — новотиторовская культура; 13, 15, 24 — северокавказская культура (ранний этап); 14, 28, 29 — ямная культура. 1–19 — тип 1а; 20–24 — тип 1б; 25–28 — тип 1в; 29, 30 — тип 1г.

1–5 — Батуринский II 3/11; 6, 7, 20, 21 — Магистральный 1/26; 8 — Новокорсунская (1985) 2/11; 9 — Ильинский I 2/5; 10–12 — Полтавская III 5/6; 13 — Кавказский II 9/8; 14 — Старонижестеблиевская (1986) 4/11; 15 — Дукмасовский 2/3; 16, 25 — ПКOC (1978) 9/8; 17 — Динская (1987) 1/16; 18 — Нововеличковская II 1/3; 19 — Динской I 1/3; 22 — Спасское 2/6; 23 — Пластуновская LII 2/9; 24 — Ильский XXVII 1/1; 26 — Батуринский II 3/6; 27 — Пролетарский (1986) 3/9; 28, 29 — Старонижестеблиевская (1986) 3/11; 30 — Новокорсунская (1985) 2/15

**Fig. 4.** Stone “courants” of the 1<sup>st</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC: 1–12, 16–23, 25–27, 30 — Novotitorovskaya culture; 13, 15, 24 — Severokavkazskaya culture (early stage); 14, 28, 29 — Yamnaya culture. 1–19 — type 1a; 20–24 — type 1b; 25–28 — type 1v; 29, 30 — type 1g



**Рис. 5.** Каменные «курранты» первой четверти III тыс. до н.э. (продолжение): 1, 3–10, 12, 13, 15–18, 20–28 — новотитовская культура; 2, 14, 19 — северокавказская культура (ранний этап); 11 — ямная культура. 1–11 — тип 2а; 12–15 — тип 2б; 16–25 — тип 2в; 26–28 — тип 2г.

1 — Полтавская III 5/6; 2, 14, 19 — Дальний 2/комплекс А; 3 — Батуринский II 3/11; 4 — ПКOC (1979) 18/2; 5, 6, 12 — Новокорсунская (1985) 2/17; 7 — Анапская I 1/2; 8, 28 — Пластуновский I 1/11; 9 — Лебеди II 7/комплекс XXV; 10 — Расшеватский I 10/3; 11 — Чограй I 8/14; 13 — Первомайская I 7; 15 — Темижбекская II 1/5; 16 — Малаи I 9/11; 17, 18 — Журавская VII 1/26; 20, 22 — Первомайская 4/3; 21, 23 — Пролетарский (1986) 2/9; 24 — Малаи 9/24; 25 — Раздольная 13/4; 26 — Кореновский XI 3/6-11; 27 — Лебеди I 2/120

**Fig. 5.** Stone "courants" of the 1<sup>st</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC (continuation): 1, 3–10, 12, 13, 15–18, 20–28 — Novotitovskaya culture; 2, 14, 19 — Severokavkazskaya culture (early stage); 11 — Yamnaya culture. 1–11 — type 2a; 12–15 — type 2b; 16–25 — type 2v; 26–28 — type 2g

площадка. К случаям «использования», вероятно, следует отнести находку небольшого фрагмента «куранта» из погребения Динской I 1/3 (**рис. 4: 19**).

Для установленных случаев положения «курантов» в погребении прослеживается следующая ситуация. Для групп вытянутых и скорченных на спине погребений наблюдается концентрация находок слева и справа от верхней части скелета, реже встречаются случаи положения их в головах, в районе ног и в углу ямы. Для скорченных на боку погребений, напротив, наблюдается устойчивая традиция положения «курантов» в районе ног, а также за спиной погребенного. Кроме того, небольшая серия предметов была обнаружена вне ям: на перекрытии или погребенной почве (**рис. 19: Л**).

Для 20% находок «курантов» (16 из 78) или в 23% погребений и других комплексов (10 из 44) — отмечена их окраска охрой.

Обрядовая специфика рассматриваемой группы захоронений выглядит следующим образом: наибольшее число находок «курантов» относились к индивидам, похороненным вытянуто на спине (13 случаев) и скорченно на правом боку (13 случаев), а также скорченно на спине (восемь случаев). Остальные варианты обряда представлены единичными случаями. Кроме того, следует отметить довольно высокую встречаемость «курантов» в коллективных погребениях (12 случаев): одно из них относилось к ямной культуре, остальные — к новотиторовской.

Возраст погребенных определен в 38 комплексах. Из них в двух случаях «куранты» были обнаружены при коллективных погребениях взрослых и детей, в которых их невозможно связать с каким-то определенным индивидом. В остальных случаях основные группы выглядят следующим образом: дети — 19 погребений; подросток — одно погребение; взрослые — 20 погребений. Таким образом, серия захоронений детей и подростков в первой четверти III тыс. до н.э. тождественна группе погребений взрослых людей (**рис. 20: Л**). Для детских захоронений есть следующее определение возраста: 1–4 года — четыре случая; 5–7 лет — четыре случая; 12–13 лет — один случай. Определения в группе взрослых: 25–35 лет — пять случаев; «молодой» — один случай; «зрелый» — один случай. Для последних пол определен с разной степенью достоверности в семи случаях: мужчины — пять индивидов; женщины — два индивида.

Важно отметить, что в рассматриваемой хронологической группе погребения с «курантами» довольно часто занимали основное положение в курганных насыпях (28%), еще в четверти случаях они являлись основными для досыпок, в остальных же 47% они являлись впускными в предшествующие насыпи, предположительно, без досыпок (**рис. 21: Л**).

Из рассматриваемых 42 погребений с «курантами» 13 не сопровождались другим инвентарем. Наиболее частыми сопутствующими были три категории находок: керамические предметы, украшения из кости и раковин, другие каменные и кремневые изделия и сферосидериты (каждая встречена в 10 случаях). От четырех до восьми случаев вместе с «курантами» обнаружены кости животных, булавки и детали их наборов, деревянные повозки и их части, бронзовые украшения, бронзовые орудия, серебряные височные кольца. Лишь в одном–двух случаях это были кремневые наконечники стрел, формованные охровые изделия, глиняные «лепешки», каменный топор, астрагалы, сердоликовые бусины (**рис. 22**).

В упоминаемой выше работе А.Н. Гей, выделяя категории «престижных» инвентарных наборов в погребениях новотиторовской культуры, связанных с наибольшими трудозатратами (основными для первой или последующих

насыпей), отнес к таковым повозки и их детали, металлические орудия, каменные топоры, кремневые наконечники стрел (Гей, 1993. С. 56). Все эти категории в том или ином числе встречены при погребениях с «курантами». При этом четыре из пяти новотиторовских погребений с повозками и их деталями не сопровождались другими «престижными» предметами из указанного списка. Также не было иных находок и в северокавказском погребении с «курантом» и каменным топором (Ильский XXVII 1/1). Сочетание нескольких «престижных» категорий в одном комплексе встречено только в двух случаях: основном для досыпки кургана погребении Батурицкий II 3/11 (сопровождавшегося деревянным колесом, бронзовым ножом и двумя кремневыми наконечниками стрел) и основном для первичной курганной насыпи захоронении Полтавская III 5/6 (содержавшем, в том числе, бронзовый нож и девять кремневых наконечников стрел). Следует отметить, что в первом из указанных комплексов находилось сразу шесть «курантов», а во втором — четыре. Интересно также, что оба эти погребения были совершены в вытянутом на спине положении.

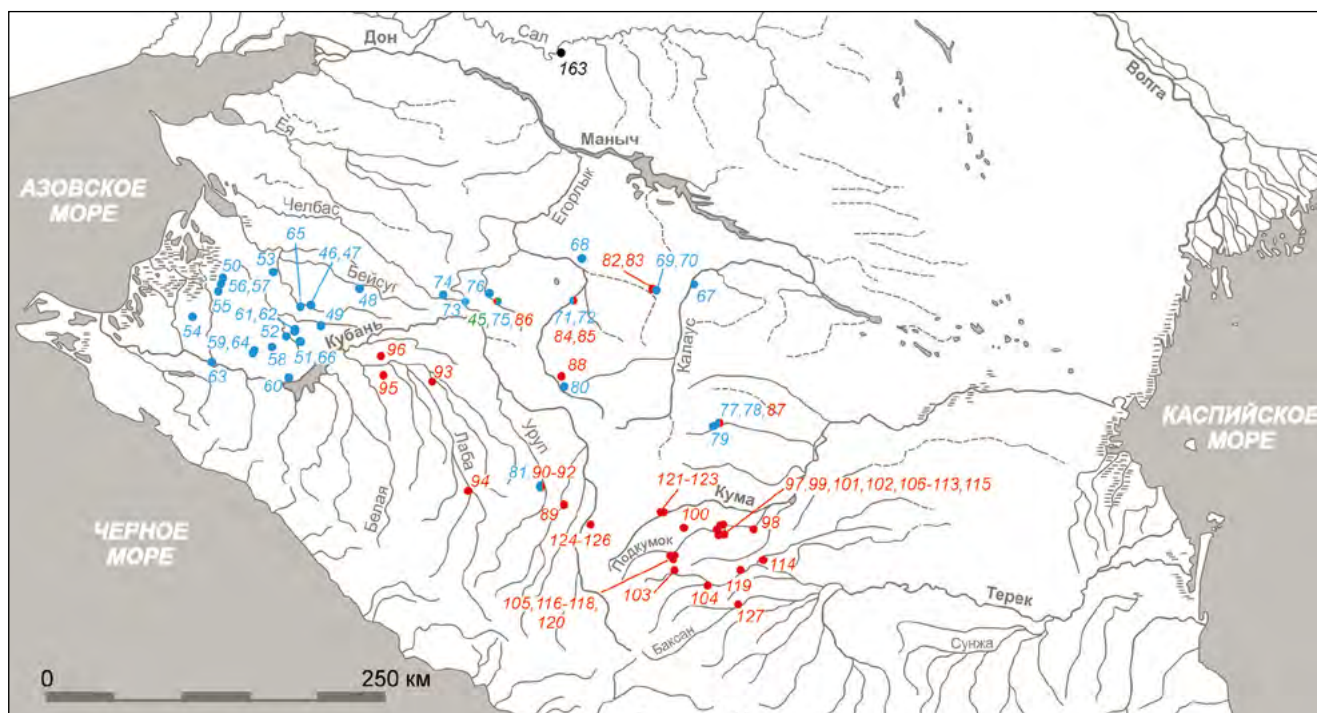
В целом сопоставление данных по сопутствующим категориям инвентаря со стратиграфическим положением погребений (основные для кургана или досыпки) позволяет отнести восемь комплексов первой четверти III тыс. до н.э. к разряду наиболее «престижных» захоронений с «курантами».

## 2.2. Вторая четверть III тыс. до н.э.

Со второй четвертью III тыс. до н.э. с большой долей уверенности можно связать 118 каменных «курантов», происходящих из 79 погребений и четырех внемогильных комплексов северокавказской культуры (59 экз. в 46 комплексах) и раннекатакомбных культурных групп (58 экз. в 36 комплексах), а также, предположительно, позднейшей традиции (один экз. в одном погребении) (табл. 2: 45–127; рис. 6–9; 15: III; 16; 17: 15–40; 19: II; 20: III; 21: III; 22). При этом количество предметов в одном комплексе варьировало от одного (75 случаев), до четырех: два экз. — 18 случаев, три и четыре экз. — по три случая.

Как следует из приведенных данных культурной атрибуции и картографирования, на этом этапе находки «курантов», как и ранее, связаны с территорией Прикубанья (комплексы восточноприазовской раннекатакомбной культуры), северной частью Ставропольской возвышенности и степной частью Закубанья (как в раннекатакомбных, так и в северокавказских памятниках). В то же время «куранты» появляются в северокавказских памятниках (развитого и позднего этапов) в Центральном Ставрополье, предгорных районах Закубанья и Центрального Предкавказья — вплоть до р. Малка и Баксан на юго-востоке ареала (рис. 6). Интересно, что, несмотря на распространение памятников развитого и позднего этапов северокавказской культуры далее на восток — вплоть до низовьев р. Терек (Клещенко, 2024a), находки «курантов» в этом районе пока неизвестны.

Для рассматриваемой хронологической серии были классифицированы 107 изделий (еще для 11 отсутствуют прорисовки и описания). Из них 44% относились к типу 1а (47 экз., рис. 7; 15: III), 17% — к типу 2а (18 экз., рис. 9: 1–13; 15: III), 15% — к типу 1б (16 экз., рис. 8: 1–15; 15: III), 8% — к типу 2в (девять экз., рис. 9: 18–26; 15: III), остальные типы представлены четырьмя-пятью экземплярами (рис. 8: 16–23; 9: 14–17, 27–29; 15: III). Можно отметить, что при практически равном количестве «курантов», обнаруженных в северокавказских и раннекатакомбных погребениях этого времени, распределение их по выделенным типам выявляет лишь незначительные



**Рис. 6.** Карта памятников с находками каменных «курантов» в Предкавказье и соседних районах (вторая четверть III тыс. до н.э.): 45 — ямная культура; 46–81 — раннекатакомбные культуры; 82–127 — северокавказская культура (развитый и поздний этапы) (цифры соответствуют номерам в каталоге (**табл. 2**)). Погребение вне территории Предкавказья (нет в каталоге): 163 — раннекатакомбная культура.

45 — Расшеватский V 2/6; 46 — Бейсужек XXXV 2/2; 47 — Бейсужек XXXV 2/7; 48 — Бузиновская 3/2; 49 — Верхний 1/2; 50 — Греки I 3/6; 51 — Динской I 3/13; 52 — Динской VI 1/6; 53 — Кавказский (1991) 7/1; 54 — Крупский 6/2; 55 — Магистральный 1/27; 56 — Малаи I 9/17; 57 — Малаи I 15/13; 58 — Новотитаровская (1980) 8/8; 59 — Новотитаровская XIV 13/8; 60 — Пашковская (1981) 2/10; 61 — Пластуновская LIV 4/18; 62 — Пластуновский I 1/15; 63 — Прикубанский (Екатериновский I) 2/2; 64 — Примаки III 3/5; 65 — Пролетарский (1984) 2/ находка в насыпи; 66 — Украинский I 7/10; 67 — Барханчак II 7/5; 68 — Дмитриевское VII 2/2; 69 — Золотаревка I 26/14; 70 — Золотаревка I 26/15; 71 — Ильинский I 4/4; 72 — Ильинский I 6/7; 73 — Кавказский II 6/2; 74 — Лосево 2/11; 75 — Расшеватский V 5/3; 76 — Расшеватский VI 4/7; 77 — Веселая Роща I 10/6; 78 — Веселая роща II 13/7; 79 — Жуковская II 4/1; 80 — Сengiлеевский VII 6/3; 81 — Большеетегинский 2/ находка в насыпи; 82 — Золотаревка III 1/3; 83 — Золотаревка III 1/5; 84 — Ильинский I 1/5; 85 — Ильинский I 1/9; 86 — Расшеватский V 4/1; 87 — Веселая Роща I 26/2; 88 — Сengiлеевский III 3/3; 89 — Бесленей (1981) 7/12; 90 — Большеетегинский 1/находка в насыпи; 91 — Большеетегинский 1/9; 92 — Большеетегинский 4/3; 93 — Михайловская 11/1; 94 — Свободный Мир II 39/6; 95 — Чернышевский I 1/23; 96 — Шумный 1/6; 97 — Балка Звериная I 1/4; 98 — Георгиевский III 1/2; 99 — Горячеводский I 14/3; 100 — Ессентукский IV 1/2; 101 — Иноземцево I 1/ритуальный комплекс 1; 102 — Иноземцево I 3/4; 103 — Кабардинка 1/9; 104 — Каменноостские I 1/1; 105 — Кисловодск (1975) разрушенный курган, погр. 1; 106 — Константиновская X 1/8; 107 — Константиновская XII 1/12; 108 — Константиновская XII 1/15; 109 — Константиновский VI 1/17; 110 — Константиновское плато 2(4)/5(8); 111 — Константиновское плато 2(4)/8(14); 112 — Константиновское плато 2(4)/15(12); 113 — Константиновское плато 3(7)/4; 114 — Марьинская V 1/19; 115 — Машук 1/5; 116 — Нежинская I 1/19; 117 — Нежинская I 2/17; 118 — Нежинская II 5/1; 119 — Прогресс II 1/31; 120 — Ракитная гора 2/9; 121 — Суворовская 1/6; 122 — Суворовский I 1/9; 123 — Суворовский I 1/20; 124 — Усть-Джегутинский 3/3; 125 — Усть-Джегутинский 11/3; 126 — Усть-Джегутинский 37/1; 127 — Заюково 2/2; 163 — Арбузов 8/12

**Fig. 6.** Map of sites with finds of stone “courants” in Ciscaucasia and neighboring regions (the 2<sup>nd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC): 45 — Yamnaya culture; 46–81 — Early Catacomb cultures; 82–127 — Severokavkazskaya culture (evolved and late stages) (the numerals correspond to the catalog numbers (**tab. 2**)). The burial outside Ciscaucasia (not in the catalog): 163 — Early Catacomb culture

отличия. Так, типы 1а и 1б тяготеют к северокавказским традициям, а типы 1в, 2а и 2в — к раннекатакомбным (**рис. 15: III**).

Диаметры «курантов», как в раннекатакомбных, так и в северокавказской культурах, варьируют от 4,5 до 11 см, лишь в одном случае диаметр достигал 15,3 см (**рис. 9: 17**) — вполне вероятно, что данный комплекс (Лосево 2/11) имеет переходный характер от ранней катакомбной традиции к поздней. При этом если раннекатакомбные «куранты» имеют более расплывчатые стандарты диаметров, то для северокавказских наиболее характерны размеры в пределах от 7 до 9 см (более 70% предметов) (**рис. 16: I**). Высота варьирует от 1,5 до 5,5 см в северокавказских комплексах и от 2 до 6,9 см — в раннекатакомбных (**рис. 16: II**). Исключение составляет вышеупомянутый «курант» из погребения Лосево 2/11 высотой 9 см. Большая же часть экземпляров (77%) имеет высоту 3–5 см. Соотношение диаметра к высоте «курантов» — в основном от 1,3 до 3. Наиболее стандартными являются значения от 1,8 до 2,3 (73% — **рис. 16: III**). Явной специфики в культурном отношении здесь нет.

К другим морфологическим особенностям «курантов» этого времени относятся: незначительная вогнутость верхней площадки, зафиксированная в 14 случаях (**рис. 7: 6, 22, 23, 25, 34; 8: 3, 13–15; 9: 12, 17, 27; 17: 28**); у семи предметов вогнутыми оказались обе горизонтальные площадки (**рис. 7: 10–12, 28, 29; 8: 5, 6**). Кроме того, 12 «курантов» имели подовальную в плане форму (**рис. 8: 18, 20; 9: 15, 17, 18, 21, 22, 25, 28; 17: 28**).

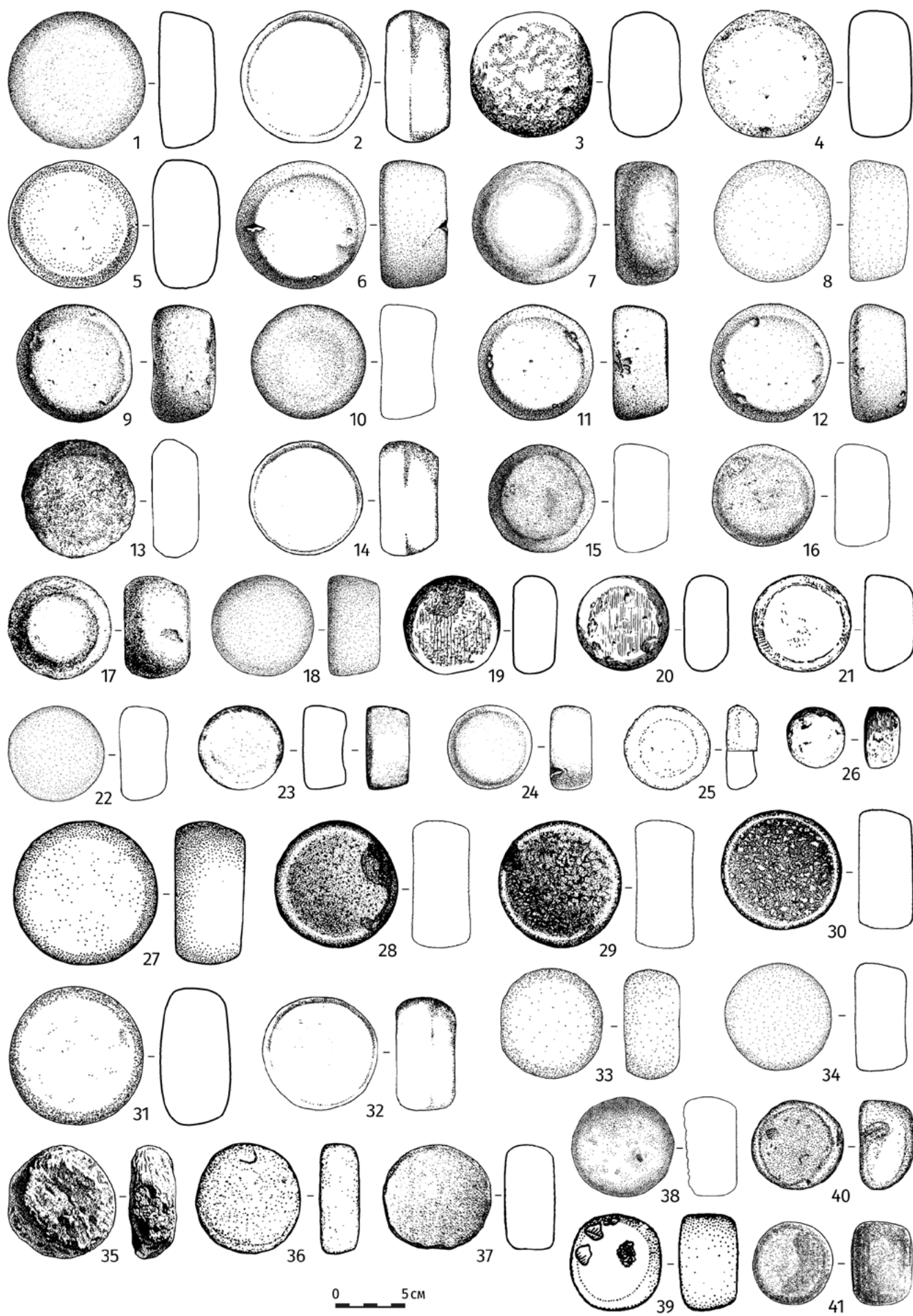
В отношении материала изготовления и его цвета для «курантов» второй четверти III тыс. до н.э. имеются такие сведения. В имеющихся 80 описаниях в качестве материала изготовления указаны: песчаник (17 экз., в том числе один «мягкий, сыплющийся»); камень с зернистой структурой, возможно, гранит (10 экз.); гранит (10 экз.); «плотный» или «твердый» камень (восемь экз.); серпентинит (семь экз.); «галька» (семь экз.); кварцит (пять экз.); камень «магматического» или «вулканического» происхождения (пять экз.); диорит (два экз.); «кристаллическая» порода (два экз.), а также по одному случаю — базальт, аплит, гранодиорит, диабаз, известняк, «мягкая» порода, пористый камень. В целом надо отметить преобладание камней магматического происхождения (серпентинит, базальт, гранит и другие неопределенные «зернистые» породы) по сравнению с осадочными породами (песчаник, «галька»). Соотношение это выглядит примерно как 3:2. При этом для изготовления «курантов» из погребений северокавказской культуры применялись в основном камни магматического происхождения (80% случаев), в раннекатакомбной же традиции их доля составляет всего 35%.

Цвет камня указан или идентифицируется по фотографиям в 78 случаях: серый (32 экз.); зеленый и серо-зеленый (19 экз.); коричневый и серо-коричневый (13 экз.); желтый и серо-желтый (четыре экз.); красно-коричневый, красный, бордовый (пять экз.), а также по одному — голубой, белый, сиреневый, фиолетовый, «темный». Некоторые имеющиеся в отчетных материалах цветные фотографии «курантов» приведены на **рис. 17: 15–40**.

Для 60 предметов есть сведения о характере обработки камня: 33 предмета зашлифованы; 18 — заполированы; для трех экземпляров отмечена «грубая» обработка или «плохая шлифовка»; для пяти — указано, что они «нешлифованные»; в одном случае «курант» выполнен из мягкого сыплющегося камня, не позволяющего оценить степень его изначальной обработки.

На 30 предметах отмечены следы использования: «следы сработанности» без уточнения — девять экз.; сколы — 12 экз.; выбоины на верхней







**Рис. 7.** Каменные «куранты» второй четверти III тыс. до н.э.: 1, 6–8, 10–13, 15–18, 21, 22, 28–30, 33, 34, 37, 38 — северокавказская культура (развитый и поздний этапы); 2–5, 9, 14, 19, 20, 23–27, 31, 32, 35, 36, 39–41 — раннекатакомбные культуры. 1–26 — тип 1а; 27–41 — тип 1а (с элементами других типов).

1 — Сенгилеевский III 3/3; 2, 14, 32 — Пролетарский (1984) 2/находка в насыпи; 3, 19, 20 — Пластуновский I 1/15; 4 — Бейсужек XXXV 2/2; 5 — Пластуновский LIV 4/18; 6 — Ильинский I 1/9; 7 — Золотаревка III 1/3; 8, 33 — Константиновский VI 1/17; 9 — Золотаревка I 26/14; 10 — Кабардинка I 9; 11, 12 — Ильинский I 1/5; 13 — Суворовский I 1/9; 15, 16 — Суворовский I 1/20; 17 — Золотаревка III 1/5; 18 — Георгиевский III 1/2; 21 — Константиновское плато 2(4)/15(12); 22 — Балка Звериная I 1/4; 23 — Барханчак II 7/5; 24 — Ильинский I 6/7; 25 — Новотитаровская XIV 13/8; 26 — Малаи I 9/17; 27 — Прикубанский (Екатериновский I) 2/2; 28–30 — Иноземцево I/ комплекс 1; 31 — Бейсужек XXXV 2/7; 34 — Константиновский X 1/8; 35 — Ильинский I 4/4; 36 — Верхний 1/2; 37 — Большегегинский I/ находка в насыпи; 38 — Константиновская XII 1/12; 39 — Веселая Роща III 13/7; 40 — Динской VI 1/6; 41 — Дмитриевское VI I 2/2

**Fig. 7.** Stone “courants” of the 2<sup>nd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC: 1, 6–8, 10–13, 15–18, 21, 22, 28–30, 33, 34, 37, 38 — Severokavkazskaya culture (evolved and late stages); 2–5, 9, 14, 19, 20, 23–27, 31, 32, 35, 36, 39–41 — Early Catacomb cultures. 1–26 — type 1a; 27–41 — type 1a (with elements of other types)

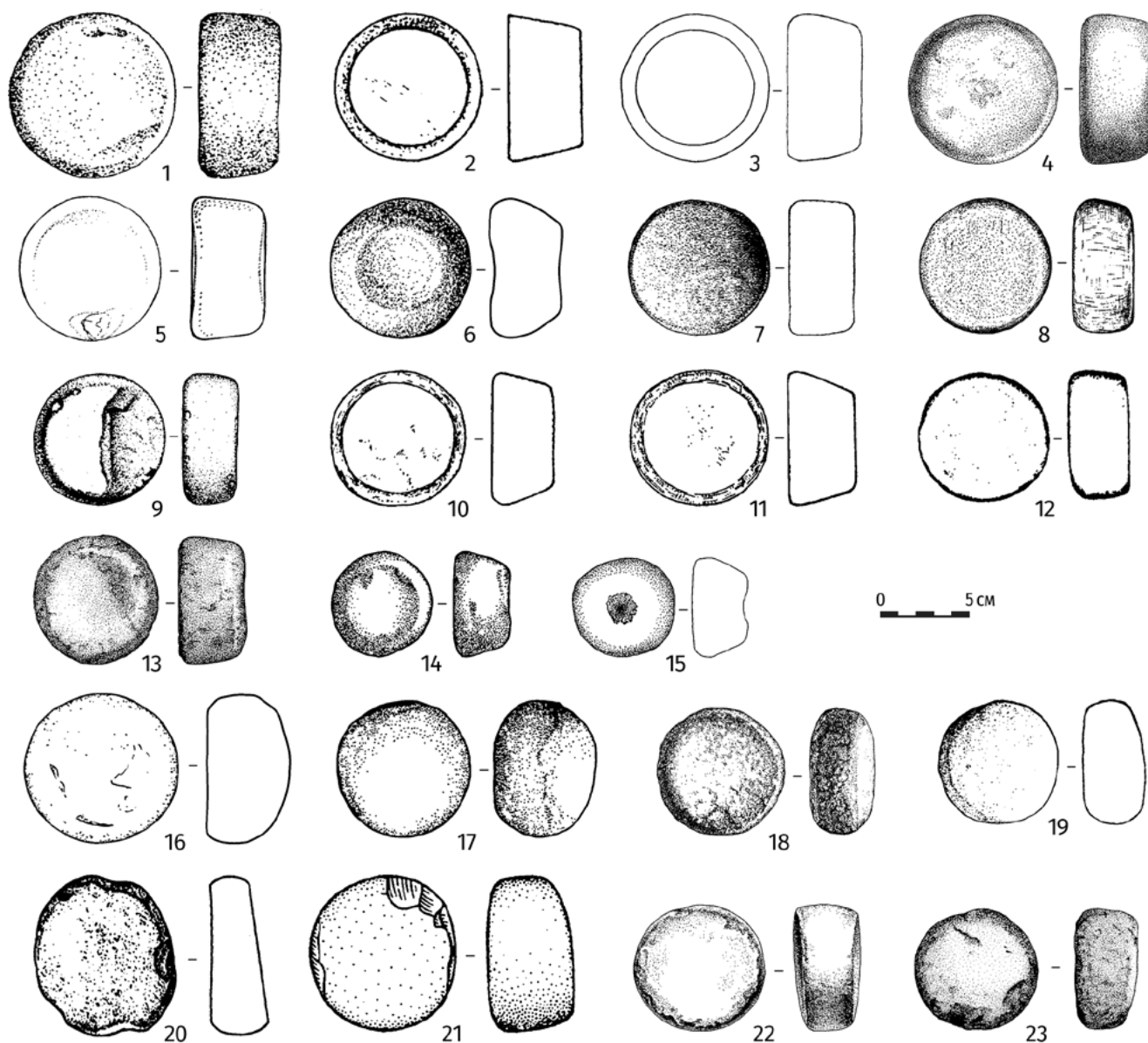
площадке — три экз.; «потертости» — два экз.; выщерблины в центре верхней площадки, сбитые грани, сточенные поверхности, отколотая верхняя поверхность — по одному случаю. Еще для 17 предметов в источниках указано на отсутствие каких-либо следов сработанности.

Судя по установленным случаям положения «курантов» в погребении (**рис. 19: И**), для северокавказской культуры в целом зафиксирована тенденция помещения их в районе верхней части тела (до 3/4 случаев), реже — в ногах. В раннекатакомбных погребениях характерно положение «курантов» перед погребенным (для скорченных на боку) и в ногах (для вытянутых и скорченных на спине). Четыре экземпляра были обнаружены в шахте катакомбы (два случая), а также на погребенной почве и среди камней забутовки ямы. В 19 случаях положение «куранта» относительно погребенного осталось невыясненным, чаще всего в силу отсутствия костных останков.

Для 20% находок «курантов» (23 из 118) отмечена окраска охрой. Здесь интересен явный дисбаланс в сторону раннекатакомбных памятников (17 «курантов» из девяти комплексов) по сравнению с северокавказскими (шесть «курантов» из пяти комплексов).

подавляющее большинство «курантов» этой хронологической группы были обнаружены при вытянутых на спине погребенных (39 комплексов, относящихся в основном к северокавказской культуре). Реже они встречаются при скорченных на правом боку погребенных (18 комплексов — в основном это памятники восточноприазовской катакомбной культуры). В пяти случаях погребенные находились в скорченном на спине положении. Коллективных погребений в этой хронологической группе немного: четыре — в северокавказской и пять — в раннекатакомбных группах.

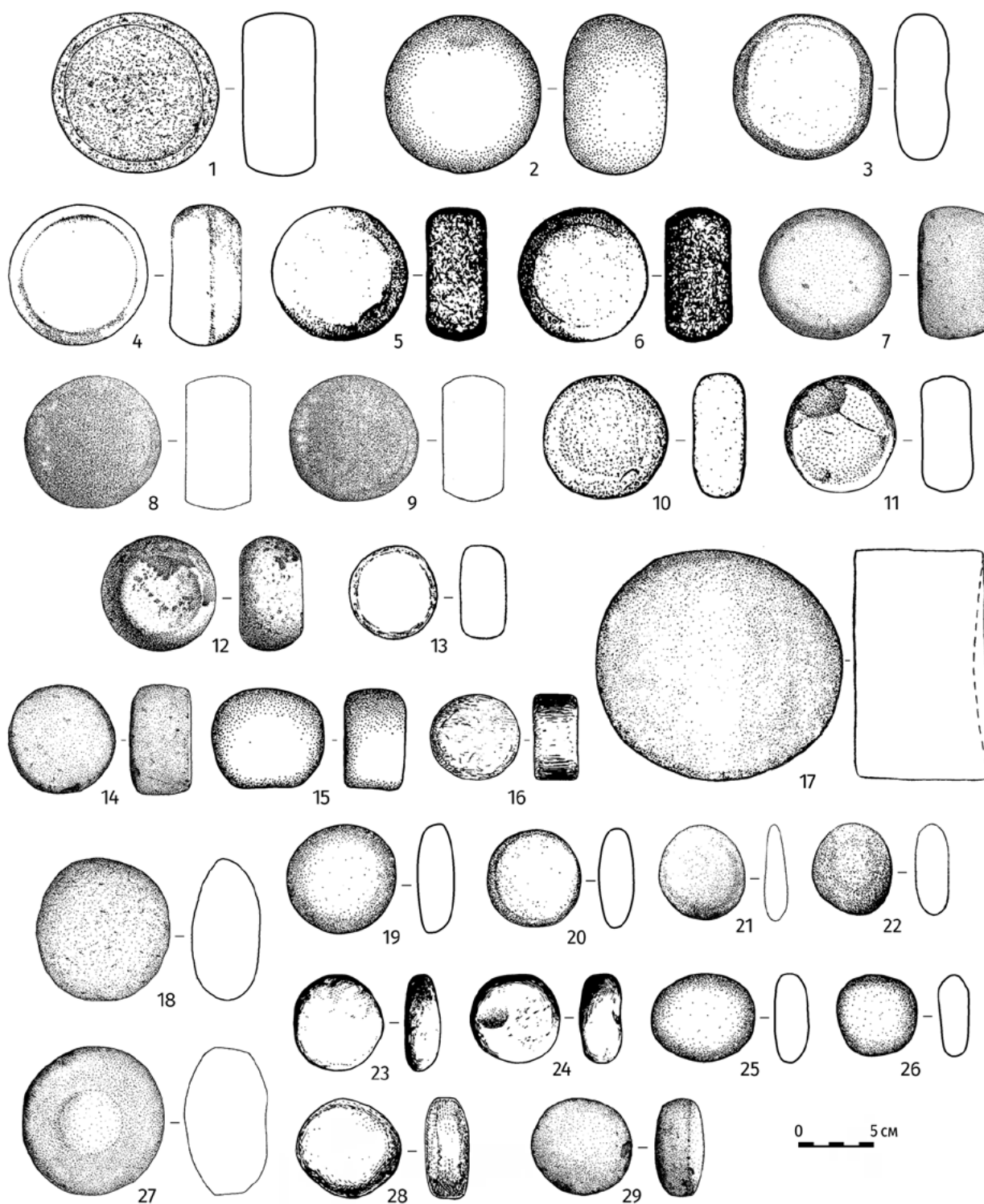
Возраст погребенных определен в 66 случаях. Основные их группы выглядят так: дети — 38 погребений; подростки — восемь погребений; взрослые — 20 погребений (здесь северокавказские погребения (15) преобладают над раннекатакомбными (шесть)). Таким образом, группа захоронений младших возрастных групп составляет до 70% (**рис. 20: III**). В группе детских и подростковых захоронений есть определения точного возраста, которые можно разбить на следующие группы: 1 год — один случай; 2–7 лет — пять случаев; 7–8 лет — один случай; 8–12 лет — шесть случаев; 10–15 лет — четыре случая; еще в одном погребении определения антрополога и археолога расходятся: 6–8 лет или 10–14 лет. В группе взрослых есть только три



**Рис. 8.** Каменные «курранты» второй четверти III тыс. до н.э. (продолжение): 1, 6, 7, 9, 14–18, 21, 22 — раннекатакомбные культуры; 2–5, 8, 10–13, 19, 20 — северокавказская культура (развитый и поздний этапы); 23 — предположительно, поздний этап ямной культуры. 1–15 — тип 1б; 16–19 — тип 1в; 20–23 — тип 1г.

1 — Кавказский II 6/2; 2 — Константиновское плато 3(7)/4; 3 — Машук 1/5; 4 — Константиновская XII 1/15; 5 — Нежинский II 5/1; 6 — Малаи I 15/13; 7 — Большетегинский 2/ находка в насыпи; 8 — Нежинский I 2/17; 9 — Ильинский I 4/4; 10 — Константиновское плато 2(4)/5(8); 11 — Константиновское плато 2(4)/8(14); 12 — Нежинский I 1/19; 13 — Иноземцево I 3/4; 14 — Магистральный I 2/7; 15 — Примаки III 3/5; 16 — Украинский I 7/10; 17 — Прикубанский (Екатериновский I) 2/2; 18 — Сенгилеевский VII 6/3; 19 — Свободный Мир II 39/6; 20 — Чернышевский I 1/23; 21 — Веселая Роща II 13/7; 22 — Расшеватский VI 4/7; 23 — Расшеватский V 2/6

**Fig. 8.** Stone “courants” of the 2<sup>nd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC (continuation): 1, 6, 7, 9, 14–18, 21, 22 — Early Catacomb cultures; 2–5, 8, 10–13, 19, 20 — Severokavkazskaya culture (evolved and late stages); 23 — presumably the late stage of Yamnaya culture. 1–15 — type 1b; 16–19 — type 1v; 20–23 — type 1g



**Рис. 9.** Каменные «курранты» второй четверти III тыс. до н.э. (продолжение): 1–6, 10–12, 15, 17, 19, 20, 23–26, 28 — ранне-катакомбные культуры; 7–9, 13, 14, 16, 18, 21, 22, 27, 29 — северокавказская культура (развитый и поздний этапы).

1–13 — тип 2а; 14–17 — тип 2б; 18–26 — тип 2в; 27–29 — тип 2г.

1 — Бузиновская 3/2; 2, 15 — Прикубанский (Екатериновский) I 2/2; 3, 20 — Динской I 3/13; 4 — Пролетарский (1984) 2/ находка в насыпи; 5, 6 — Крупский 6/2; 7, 14, 29 — Расшеватский V 4/1; 8, 9 — Большегегинский I 9/9; 10 — Верхний 1/2; 11 — Пластунский 1/15; 12 — Золотаревка I 26/15; 13 — Константиновское плато 2(4)/15(12); 16 — Бесленей (1981) 7/12; 17 — Лосево 2/11; 18 — Ессентукский IV 1/2; 19, 25, 26 — Кавказский (1991) 1/7; 21, 22 — Михайловский 11/1; 23, 24 — Малаи I 9/17; 27 — Большегегинский 4/3; 28 — Греки I 3/6

**Fig. 9.** Stone “courants” of the 2<sup>nd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC (continuation): 1–6, 10–12, 15, 17, 19, 20, 23–26, 28 — Early Catacomb cultures; 7–9, 13, 14, 16, 18, 21, 22, 27, 29 — Severokavkazskaya culture (evolved and late stages). 1–13 — type 2a; 14–17 — type 2b; 18–26 — type 2v; 27–29 — type 2g

определения: 18–20 лет — два случая и 40–50 лет — один случай. Для взрослых погребенных есть также определения пола: мужчины — четыре случая, женщина — один случай (предположительно).

Из 80 случаев установленного стратиграфического положения комплексов в рассматриваемой хронологической группе впускные абсолютно преобладают над основными (63 комплекса, или почти 80% выборки), основных захоронений для досыпок не зафиксировано (**рис. 21: III**). При этом распределение основных и впускных комплексов в рамках северокавказской и раннекатакомбной культурных традиций оказалось абсолютно одинаковым.

Из 79 захоронений с «курантами» второй четверти III тыс. до н.э. лишь 15 не сопровождалось другим инвентарем. В остальных случаях (**рис. 22**) самыми частыми сопутствующими категориями находок были керамические изделия (31 погребение), бронзовые украшения (28), кости животных (17), астрагалы (16), а также каменные и кремневые изделия и сферосидериты (12). Реже встречаются украшения из кости и раковин (девять), каменные и бронзовый топоры (семь), бронзовые орудия (шесть), булавочные наборы (четыре), фаянсовые украшения (четыре), золотое и серебряные височные кольца (три), формованные охровые изделия (два), набор кремневых наконечников стрел (одно).

Из выделяемых А.Н. Геом для новотиторовской и раннекатакомбной культур «престижных» категорий предметов во второй хронологической группе вместе с «курантами» обнаружены топоры, бронзовые орудия и кремневые наконечники. Все они сочетаются только в одном комплексе, соотносимом условно с развитым этапом северокавказской культуры — Ильинский I 1/5<sup>12</sup>. Каменные топоры в сочетании с орудиями (бронзовыми ножами) в погребениях с «курантами» были встречены дважды: Ракитная гора 2/9 и Машук 1/5, причем в последнем комплексе было обнаружено также золотое височное кольцо, которое, по мнению С.Н. Корневского, «маркировало особо значимый статус покойного человека и его высокий престиж при жизни» (Корневский, 2019. С. 284). Только с каменными топорами «куранты» встречены в четырех случаях. К последней серии сле-

12 Этот комплекс был неоднократно опубликован. В первичной публикации (Калмыков, Корневский, 2001) авторы приводят широкий круг аналогий деталям обряда и инвентарному набору, а также радиоуглеродную дату комплекса: ГИН-10138 4070±50 BP. Ее калибровка дает достаточно широкий диапазон: 2850–2500 calBC (95,4% вероятности), однако основной его пик приходится на интервал ~2700–2500 calBC (73,4% вероятности). При этом в первой публикации отсутствуют данные о культурной принадлежности комплекса. В последующих работах погребение из Ильинского могильника было помещено в группу ямно-новотиторовских древностей, синхронным отчасти первому этапу раннекатакомбной культуры (Гак, Калмыков, 2009. С. 117; 2013. С. 130). Интерпретация рассматриваемого комплекса как северокавказского в настоящей работе основана на нескольких аргументах: 1) вытянутое положение одного из погребенных, при котором и находились «куранты»; 2) набор кремневых стрел, идентичный Ильинскому известен из достоверного северокавказского комплекса Кёнделенская I 426/7 (Клещенко, 2018б. Рис. 1: 16), для которого также есть радиоуглеродное определение: Poz-95886 4080±40 BP, его калибровка дает широкий интервал 2860–2490 calBC (95,4% вероятности), но основной пик приходится именно на 2700–2550 (60,3% вероятности), что полностью идентично радиоуглеродной дате погребения Ильинский I 1/5.

дует отнести и погребение 8 из кургана IV в урочище «Три Камня», исследованным Д.Я. Самоквасовым (см.: *Кореневский*, 2018. С. 51). Еще в трех случаях «куранты» сопровождались бронзовыми орудиями (ножом и шильями).

Таким образом, к «престижным» комплексам с «курантами» из представленной выборки второй четверти III тыс. до н.э. можно отнести 10 погребений. При этом для шести захоронений статус был подчеркнут основным положением погребения в кургане. Из них пять относятся к северокавказской культуре и только одно — к раннекатакомбной.

### 2.3. Первая половина III тыс. до н.э. (без уточнения)

К относительно небольшой группе комплексов, датирующихся в целом первой половиной III тыс. до н.э. были отнесены 15 погребений и четыре находки в насыпи, всего 28 «курантов» (**табл. 2: 128–146; рис. 10; 11; 15: IV; 16; 18: 1–14; 19: II; 20: II; 21: II; 22**). Кроме одного комплекса (находка в насыпи кургана, которую невозможно достоверно связать с новотиторовской или раннекатакомбной традициями), все они обнаружены в захоронениях северокавказской культуры, которые ни по сопровождающему инвентарю, ни по курганной стратиграфии и планиграфии не могут быть отнесены к определенному ее этапу.

Географически находки этой хронологической группы занимают в основном районы Закубанья, Ставропольской возвышенности и Центрального Предкавказья, не выходя за рамки ареала северокавказских комплексов второй четверти III тыс. до н.э. (**рис. 10**).

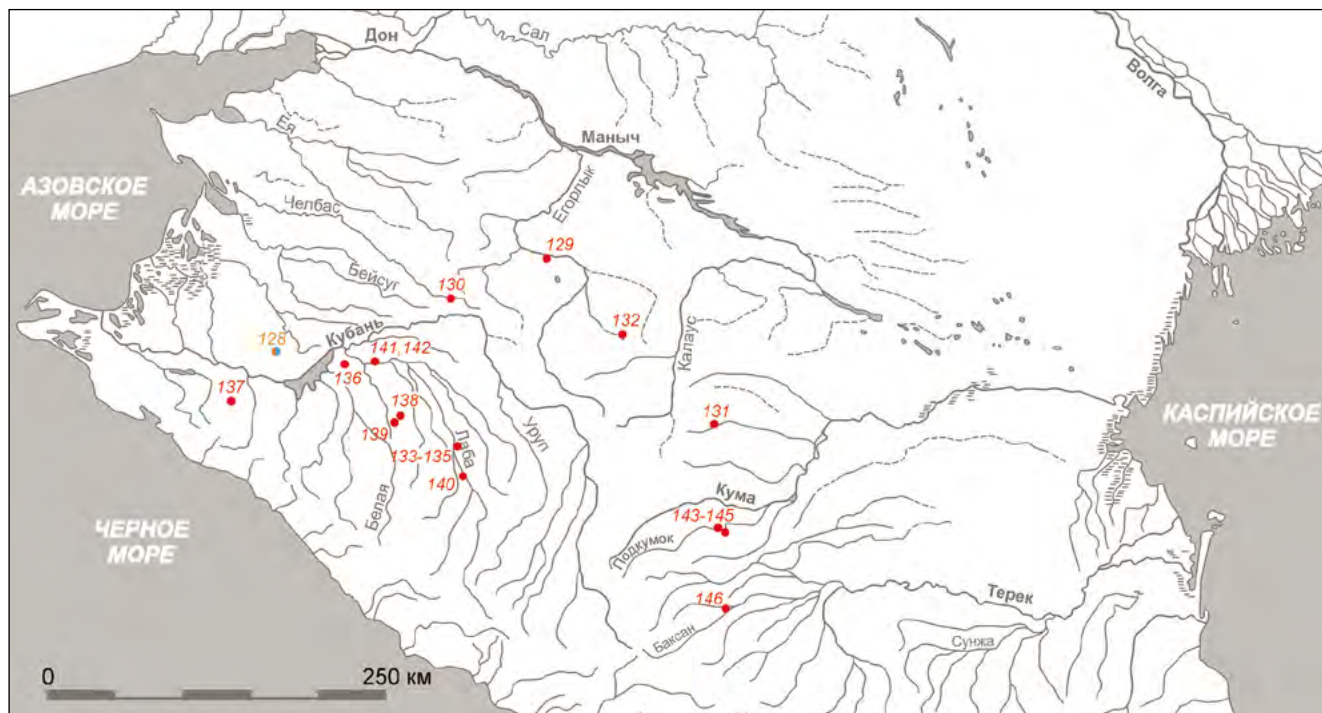
Из 27 классифицированных предметов типы 1а и 2а представлены равным образом (по шесть экз. или по 22%, **рис. 11: 1–6, 13–18; 15: IV**); также в одинаковом соотношении присутствуют типы 1б, 2б, 2в (по четыре экз. или по 15%, **рис. 11: 7–10, 19–26; 15: IV**), типы 1в, 1г и 2г представлены по одному экземпляру (**рис. 11: 11, 12, 27; 15: IV**).

«Куранты» этой условной хронологической группы имеют диаметры от 6 до 9,5 см (**рис. 16, I**); высота их варьирует от 1,5 до 5 см, но большая часть экземпляров имеет высоту 3–5 см (**рис. 16: II**); соотношение диаметра к высоте составляет в основном от 1,5 до 5,7, наиболее стандартными являются значения от 1,9 до 2,4 (68% предметов — **рис. 16, II**).

К морфологическим особенностям этой серии «курантов» можно отнести следующие: всего в двух случаях была зафиксирована вогнутость верхней и нижней площадки изделий (**рис. 11: 8, 9**), а подовальную в плане форму имели только три предмета (**рис. 11: 15, 23, 25**).

Материал изготовления указан в 19 случаях: песчаник (пять экз.); камень с зернистой структурой, возможно, гранит (четыре экз.); «плотный» или «твердый» камень (четыре экз.); «галечник» (два экз.); гранит, кварцит, базальт, пористый камень — по одному предмету. Таким образом, в этой серии изделий в качестве сырья для изготовления равно представлены магматические и осадочные породы. Цвет камня установлен в 20 случаях: серый (восемь экз.); серо-зеленый (пять экз.); серо-желтый (четыре экз.); красный или бордовый (два экз.) и коричневый (один экз.) (**рис. 18: 1–14**).

Сведения о характере обработки камня представлены для 17 предметов: семь — зашлифованы; два — заполированы; для двух экземпляров отмечена «грубая» обработка; шесть предметов охарактеризованы как «нешлифованные». На 10 «курантах» отмечены следы использования: сколы — три экз.; «следы сработанности» без уточнения — два экз.; выбоины и прокал —



**Рис. 10.** Карта памятников с находками каменных «курантов» в Предкавказье (первая половина III тыс. до н.э., без уточнения): 128 — новотиторовская или раннекатакомбная культура; 129–146 — северокавказская культура (без уточнения этапа) (цифры соответствуют номерам в каталоге (**табл. 2**)).

128 — Динская VIII 2/ находка в насыпи; 129 — Красногвардейский I 1/1; 130 — Челбас I (1977) 5/2; 131 — Жуковская II 6/1; 132 — Тугулюк III 4/1; 133 — Владимирская (2017) 2/3; 134 — Владимирская (2017) 7/1; 135 — Владимирская (2018) 8/ находка в насыпи; 136 — Еленовское I 2/2; 137 — Ильский XVII 1/ находка в насыпи; 138 — Келермеская 3/6; 139 — Красная Улька I 4/4; 140 — Мостовской (2006) 3/3; 141 — Тенгинская I 1/ находка в насыпи; 142 — Тенгинская I 1/11; 143 — Константиновская X 1/13; 144 — Константиновская XI 1/13; 145 — Константиновский VI 6/6; 146 — Кёнделенская I 422/3

**Fig. 10.** Map of sites with finds of stone “courants” in Ciscaucasia (the 1<sup>st</sup> half of the 3<sup>rd</sup> millennium BC, without specifying): 128 — Novotitorovskaya or Early Catacomb culture; 129–146 — Severokavkazskaya culture (without specifying the stage) (the numerals correspond to the catalog numbers (**tab. 2**))

два экз.; «выкрошенные поверхности» — два экз.; следы сработанности на гранях — один экз. Для пяти предметов указано отсутствие следов сработанности.

Интересно, что большая часть «курантов» этой группы в погребении располагалась ближе к нижней части скелета, в отличие от большинства других северокавказских комплексов.

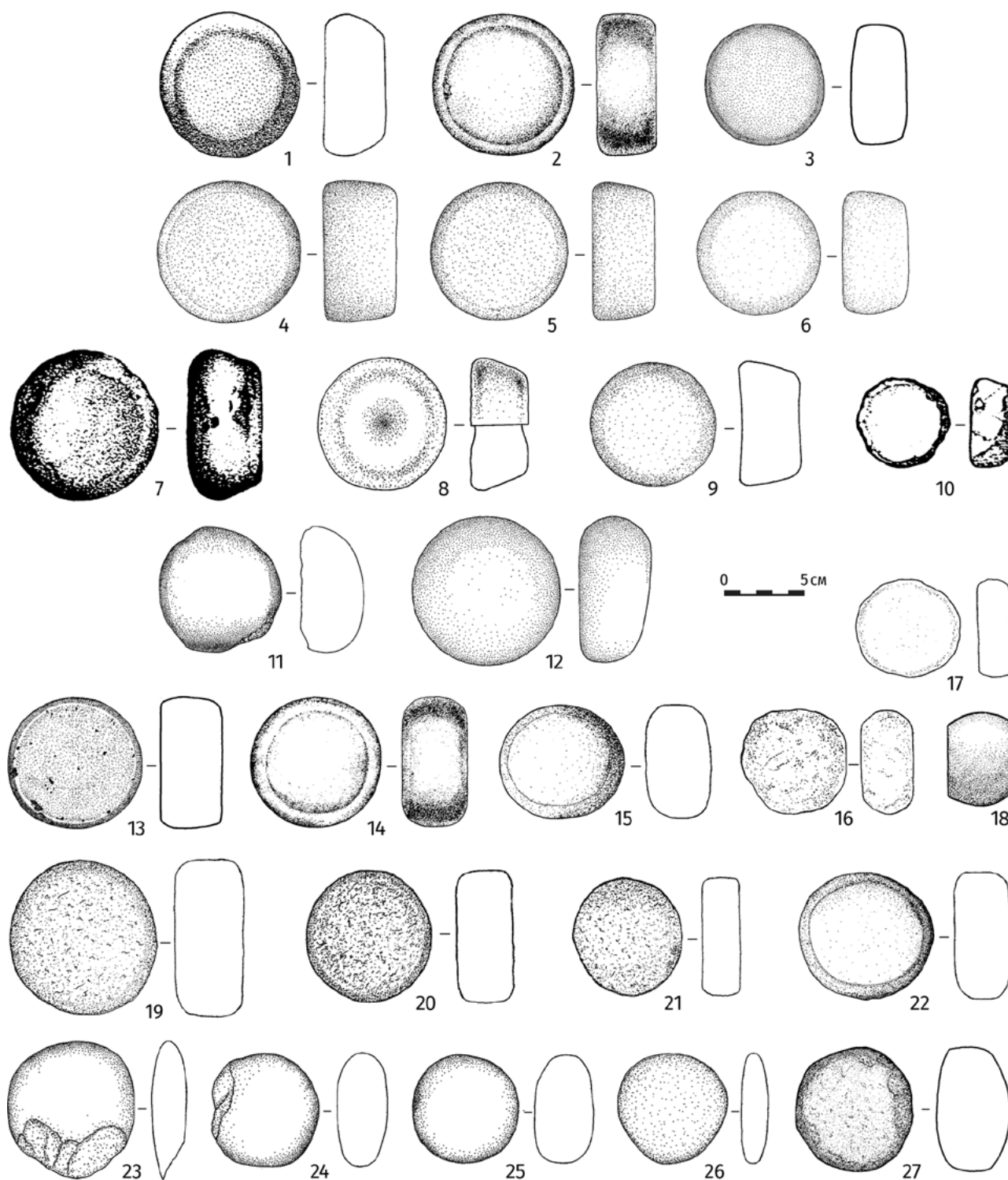
Окраска охрой зафиксирована для четырех «курантов» (14% от общей серии).

Из установленных случаев положения погребенного 11 были совершены в вытянутом на спине положении (из них два — коллективные), два — скорчено на правом боку.

Возраст погребенных определен в 13 случаях: дети — шесть; подросток — один; взрослые — шесть (**рис. 20: II**). Точный возраст определен лишь для одного взрослого индивида — 18–25 лет. Определения пола отсутствуют.

Судя по данным стратиграфических наблюдений, впускные погребения встречаются почти в три раза чаще, чем основные и основные для досыпок: 13 против пяти (**рис. 21: II**).





**Рис. 11.** Каменные «курранты» первой половины III тыс. до н.э., без уточнения: 1–11, 13–27 — северокавказская культура (без уточнения этапа); 12 — новотиторовская или раннекатакомбная культура. 1–6 — тип 1а; 7–10 — тип 1б;

11 — тип 1в; 12 — тип 1г; 13–18 — тип 2а; 19–22 — тип 2б; 23–26 — тип 2в; 27 — тип 2г.

1 — Келермеская 3/6; 2, 14 — Тенгинская I 1/ находка в насыпи; 3 — Владимирская (2017) 2/3; 4–6 — Константиновская XI 1/3; 7 — Красногвардейский 1/1; 8, 17 — Ильский XVII 1/ находки в насыпи; 9 — Константиновский VI 6/6; 10 — Красная Улья 1/4; 11 — Владимирская (2017) 7/1; 12 — Динская VIII 2/ находка в насыпи; 13 — Кёнделенская I 422/3; 15, 22 — Еленовское 1/2; 16 — Тенгинская I 1/11; 18 — Челбас I 5/2; 19–21 — Мостовской (2006) 2/3; 23–25 — Владимирская (2018) 8/ находки в насыпи; 26 — Константиновская X 1/13; 27 — Тугулук III 4/1

**Fig. 11.** Stone “courants” of the 1<sup>st</sup> half of the 3<sup>rd</sup> millennium BC, without specifying: 1–11, 13–27 — Severokavkazskaya culture (without specifying the stage); 12 — Novotitorovskaya or Early Catacomb culture. 1–6 — type 1a; 7–10 — type 1b; 11 — type 1v; 12 — type 1r; 13–18 — type 2a; 19–22 — type 2b; 23–26 — type 2v; 27 — type 2r



Сопровождающий инвентарь в северокавказских погребениях с «курантами» этой группы редок, так как именно его «бедность» или полное отсутствие и является отчасти основанием для выделения этой серии комплексов. В единичных случаях это были керамические сосуды, кремневые отщепы и каменное тесло, кости животных, астрагалы, бронзовое височное кольцо, бусы из раковин, формованный кусок охры, а так же бронзовые шило и тесло, обнаруженные в основном погребении кургана (Красная Улька 1/4), что позволяет формально отнести этот комплекс к «престижным». В 11 погребениях этой группы другого инвентаря не было вовсе (рис. 22).

Подводя итог анализа данной условной хронологической группы каменных «курантов», важно отметить, что большая часть ее характеристик тождественна северокавказским материалам второй четверти III тыс. до н.э. (см.: табл. 1).

#### 2.4. Третья четверть III тыс. до н.э.

В памятниках позднекатакомбного времени (третья четверть III тыс. до н.э.) обнаружено 17 «курантов» из 15 погребений батуринской, суворовской, западно- и восточноманычской культур (табл. 2: 147–161; рис. 12; 13; 15: V; 16; 18: 15–20; 19: III; 20: IV; 21: IV; 22). Их спецификой является наличие предметов, формально относящихся как к «курантам», так и к «ступам», появление которых в погребальном инвентаре «курганных» культур Предкавказья и соседних северных и северо-западных районов, в свою очередь, приходится именно на позднекатакомбный период.

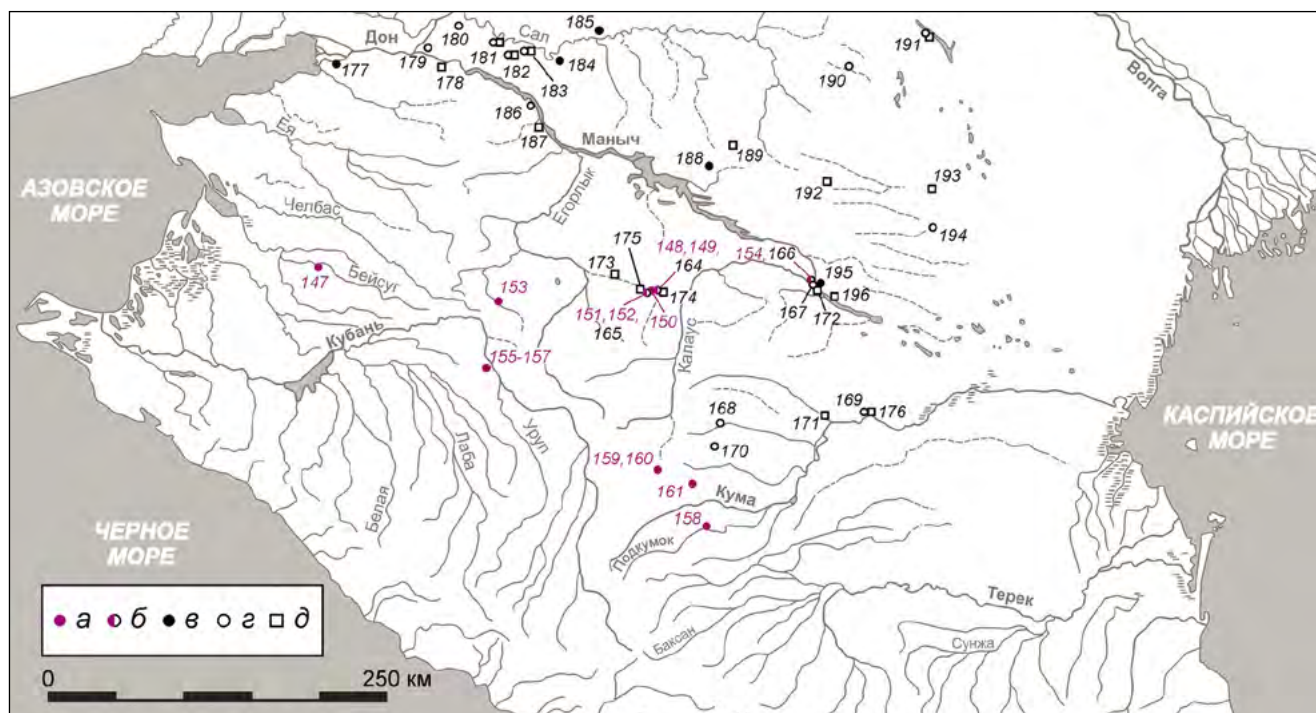
Находки «курантов» этого времени связаны в основном с территорией Ставропольской возвышенности и лишь частично с Прикубаньем, Закубаньем и Центральным Предкавказьем (рис. 12). Стоит отметить, что количество комплексов с «курантами» в манычских (восточной и западной) и суворовской культурных группах одинаково (по семь погребений), в то время как в батуринской культуре известно пока только одно такое изделие, к тому же специфической формы.

Большая часть «курантов», согласно представленной выше классификации, относится к типу 1а (семь экз. или 41% — рис. 13: 1–6; 15: V), три предмета — к типу 1б (рис. 13: 7–9; 15: V), два — к типу 2г (рис. 13: 12, 13; 15: V), по одному — к типам 1г и 2а (рис. 13: 10, 11; 15: V). Еще три предмета представляют собой синкретические морфологические формы — «куранты-ступы»: они были выделены в типы 3а и 3в (рис. 13: 14–16; 15: V). Несмотря на небольшую серию источников этого времени, следует отметить, что для северных (манычских) традиций характерны изделия типа 1а (пять из семи экз.), а для южных (суворовских) — типы 1б, 1г, 2а, а также 3в.

Диаметр изделий этого времени варьируют от 4,2 до 11,3 см, чаще всего — 7–9 см (10 из 17 случаев) (рис. 16: I)<sup>13</sup>; высота — от 2 до 6,8 см при стандарте в 3–5 см (рис. 16: II); соотношение диаметра к высоте — 1,4–2,6, но в основном — 1,8–2,1 (10 из 17 случаев, рис. 16: III).

В серии «курантов» этого времени нет экземпляров с вогнутыми поверхностями (кроме тех, которые относятся к типам 3а и 3в). Овальную или подовальную (овально-прямоугольную) форму имеют только два предмета из погребений Ульяновский I 1/15 и Золотаревка I 25/2 (рис. 13: 10, 16).

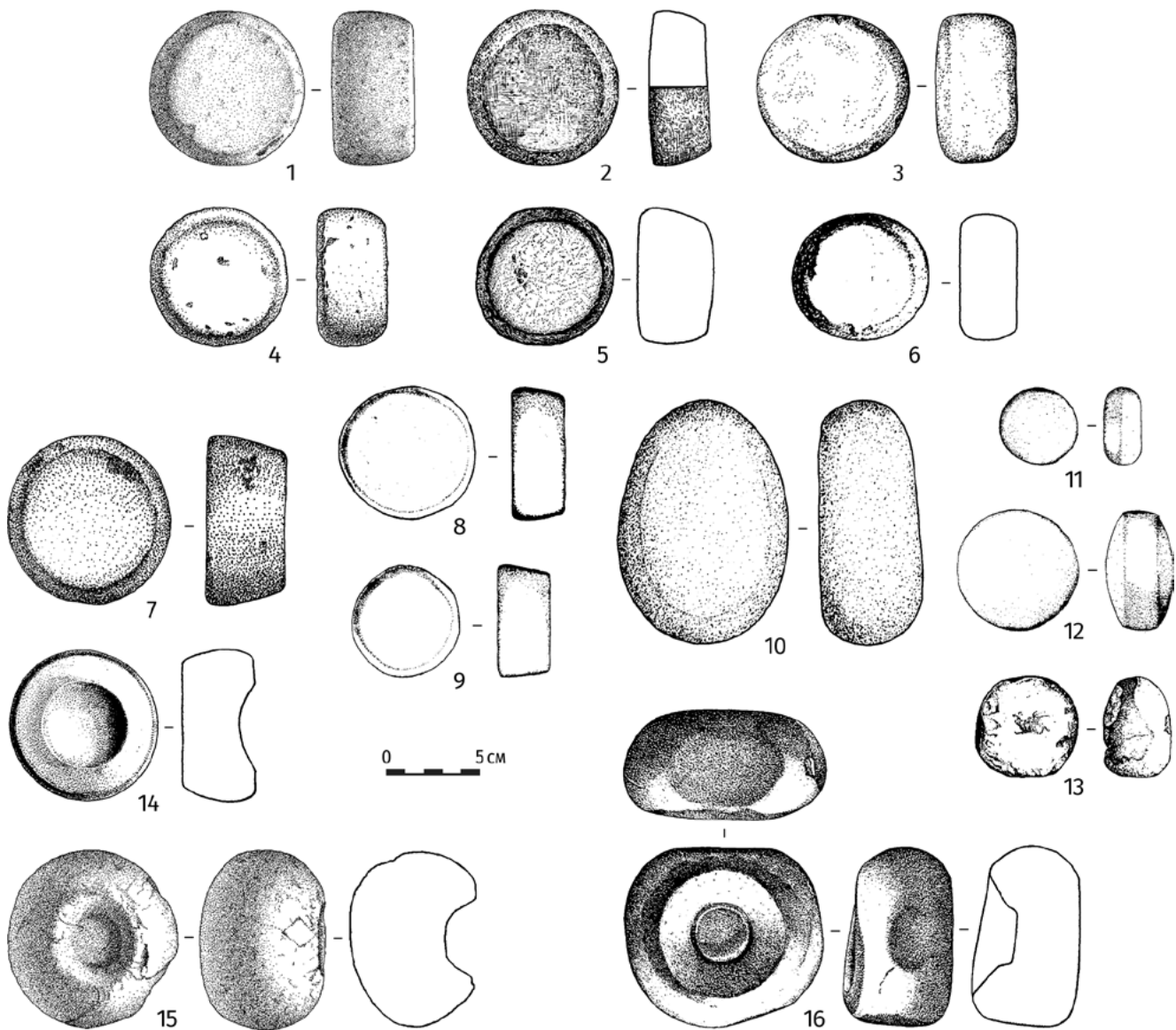
13 На рис. 16 характеристики «курантов-ступ» (типы 3а и 3в) в силу своей малочисленности учтены только в общих данных.



**Рис. 12.** Карта памятников с находками каменных «куррантов», «куррантов-ступ» и ступ в Предкавказье и соседних регионах (третья четверть III тыс. до н.э.): а – «курранты» и «курранты-ступы» в Предкавказье (147–161 – цифры соответствуют номерам в каталоге (табл. 2)); б – территориально близкие находки ступ округлой в плане формы и «куррантов» и Предкавказье (164–166); в – «курранты» вне территории Предкавказья (177, 184, 185, 188, 195 – нет в каталоге); г – ступы округлой в плане формы (167–170, 179–183, 186, 190, 191, 194); д – ступы подквадратной в плане формы (171–176, 178, 181–183, 187, 189, 191–193, 196). 147 – батуринская культура; 148–154, 164–196 – западно- и восточно-манычская культуры; 155–161 – суворовская культура.

147 – Батуринский I 1/10; 148 – Золотаревка I 5/4; 149 – Золотаревка I 25/2; 150 – Золотаревка V 2/4; 151 – Золотаревка VI 2/3; 152 – Золотаревка VI 3/3; 153 – Расшеватский V 10/3; 154 – Типки VI 1/4; 155 – Новокубанск (1985) 1/15; 156 – Новокубанск (1985) 4/8; 157 – Новокубанск (1985) 5/3; 158 – Винсады V 1/4; 159 – Кунаковский II 1/8; 160 – Кунаковский III 6/3; 161 – Ульяновский I 1/15; 164 – Золотаревка I 7/5; 165 – Золотаревка VII 4/4; 166 – Типки I 2/14; 167 – Дамба-Калаус I 2/5; 168 – Веселая Роща III 23/2; 169 – Кабакинский II 1/4; 170 – Петровка I 3/2; 171 – Буденновск IV 5/1; 172 – Дамба-Калаус II 1/11; 173 – Залесный I 1/4; 174 – Золотаревка I 22/9; 175 – Золотаревка VI 1/4; 176 – Кабакинский II 4/2; 177 – Красногоровка III 3/7; 178 – Дарья 1/18, Колдыри 20/10, 21/8 и Тузлуки 1/12; 179 – Лысый курган/19; 180 – Сусат 1/2; 181 – Саганский I 7/6 и 18/8; 182 – Комаров I 1/7 и Комаров II 13/96; 183 – Долгий 2/10, 4/7 и 5/9; 184 – Новый 131/3; 185 – Семенкин 20/1-2; 186 – Северный II 6/8 и 10/9; 187 – Соленьковский 1/13; 188 – Лысянский I 2/7 и 4/4; 189 – Улан IV 4/10; 190 – Ергенинский I 11/1; 191 – Эвдык 6/9 и 7/42; 192 – Элистинский 5/9; 193 – КВЧ-56 2/8; 194 – Цаган Усн IV 1/компл. I; 195 – Зунда-Толга III 1/3; 196 – Зунда-Толга IV 1/5

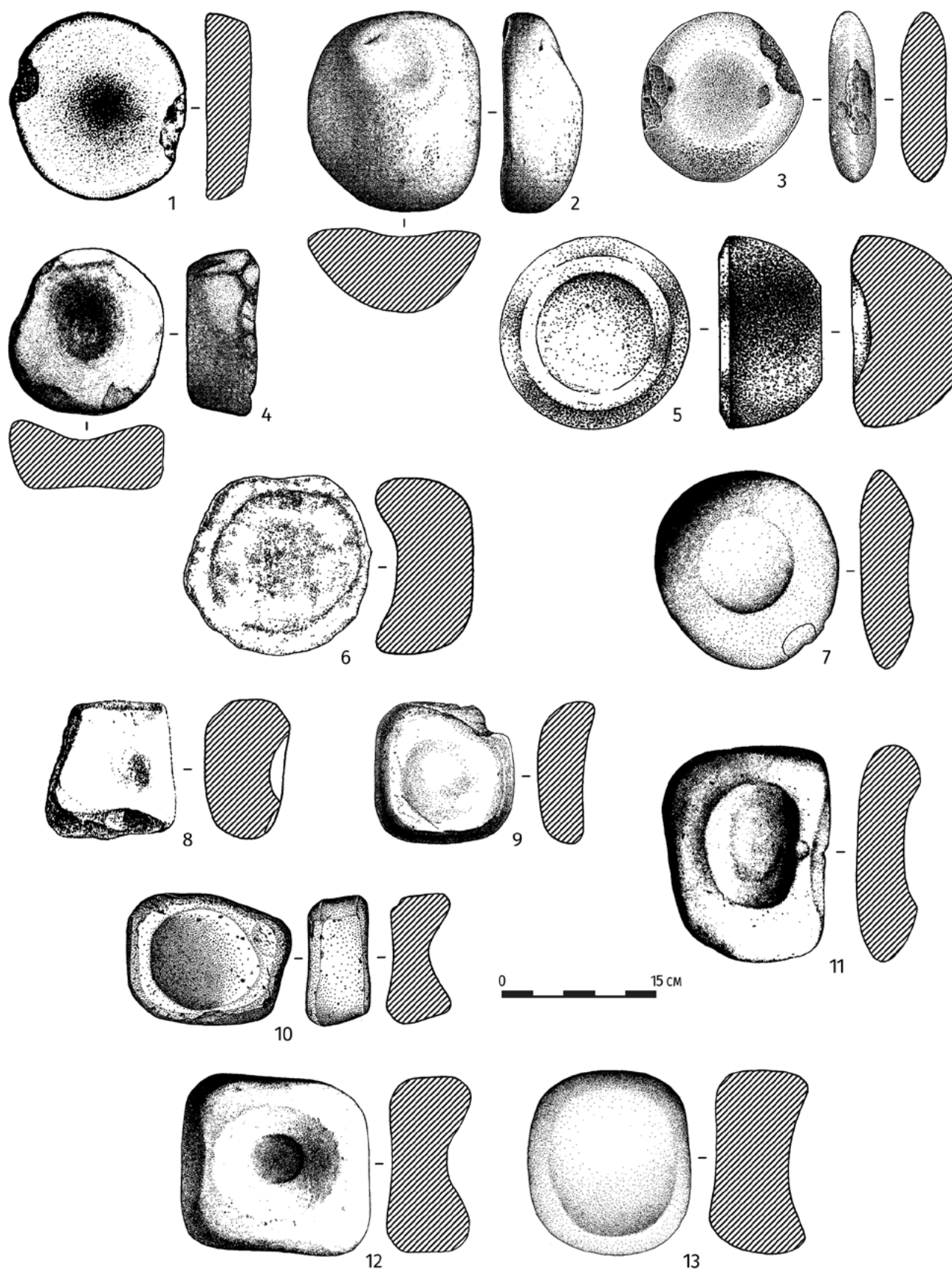
**Fig. 12.** Map of sites with finds of stone “courants”, “courant-stupas” and stupas in Ciscaucasia and neighboring regions (the 3<sup>rd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC): а – “courantes” и “courantes-stupas” in Ciscaucasia (147–161 – the numerals correspond to the catalog numbers (tab. 2)); б – nearby finds of round-shaped stupas and “courantes” in Ciscaucasia (164–166); в – “courantes” outside Ciscaucasia (177, 184, 185, 188, 195 – not in the catalog); г – round-shaped stupas (167–170, 179–183, 186, 190, 191, 194); д – square-shaped stupas (171–176, 178, 181–183, 187, 189, 191–193, 196). 147 – Baturinskaya culture; 148–154, 164–196 – Western- and Eastern-Manych cultures; 155–161 – Suvorovskaya culture



**Рис. 13.** Каменные «курранты» и «курранты-ступы» третьей четверти III тыс. до н.э.: 1, 5, 7–12, 15 — суворовская культура; 2–4, 6, 13, 16 — восточно- и западноманычская культуры; 14 — батуринская культура. 1–6 — тип 1а; 7–9 — тип 1б; 10 — тип 1г; 11 — тип 2а; 12, 13 — тип 2г; 14, 16 — тип 3в; 15 — тип 3а.

1, 15 — Винсады V 1/4; 2 — Типки VI 1/4; 3 — Расшеватский V 10/3; 4 — Золотаревка V 2/4; 5 — Кунаковский II 1/8; 6 — Золотаревка VI 2/3; 7 — Кунаковский III 6/3; 8 — Новокубанск (1985) 1/15; 9, 11 — Новокубанск (1985) 5/3; 10 — Ульяновский I 1/15; 12 — Новокубанск (1985) 4/8; 13 — Золотаревка I 5/4; 14 — Батуринский I 1/10; 16 — Золотаревка I 25/2

**Fig. 13.** Stone “courants” and “courant-stupas” of the 3<sup>rd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC: 1, 5, 7–12, 15 — Suvorovskaya culture; 2–4, 6, 13, 16 — Eastern- and Western-Manych cultures; 14 — Baturinskaya culture. 1–6 — type 1a; 7–9 — type 1b; 10 — type 1g; 11 — type 2a; 12, 13 — type 2g; 14, 16 — type 3b; 15 — type 3a



**Рис. 14.** Каменные ступы третьей четверти III тыс. до н.э. (восточно- и западноманычская культуры).

1 — Типки I 2/14; 2 — Золотаревка I 7/5; 3 — Золотаревка VII 4/4; 4 — Дамба-Калаус I 2/5; 5 — Веселая Роща III 23/2; 6 — Петровка I 3/2; 7 — Кабакинский II 1/4; 8 — Золотаревка VI 1/4; 9 — Буденновск IV 5/1; 10 — Залесный I 1/45; 11 — Дамба-Калаус II 1/11; 12 — Золотаревка I 22/9; 13 — Кабакинский II 4/2

**Fig. 14.** Stone stupas of the 3<sup>rd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC (Eastern- and Western-Manych cultures)

Материал изготовления для «курантов» позднекатакомбного времени известен для семи предметов: галечник (три экз.); гранит, кварцит, «плотная осадочная порода», «вулканическая порода» — по одному предмету. Цвет камня определяется в 10 случаях: серый (четыре экз.); зеленый и серо-зеленый (четыре экз.); коричневый и черный — по одному экз. (рис. 18: 15–20).

В отношении характера обработки камня имеются 11 описаний: шесть экз. — зашлифованы; три экз. — заполированы; два экз. имеют трещиноватую структуру и крошатся. На пяти предметах отмечены следы использования: в двух случаях это сколы, на единичных изделиях отмечены следы потертостей, царапин и «сработанности» на гранях.

В силу малочисленности находок в этот период сложно установить условный стандарт положения «курантов» в погребении. В целом заметно тяготение их к нижней части скелетов в памятниках суворовской культуры (вытянутый обряд) и положение за спиной погребенного для манычских комплексов (рис. 19: III).

Окраска «курантов» охрой зафиксирована всего в трех случаях.

Обряд погребенных с «курантами» индивидов в позднекатакомбной группе в основном соответствует стандартам тех культур, к которым они относятся. Отметим, что из 15 погребений позднекатакомбного времени три были коллективными (два — в суворовской группе и одно — в западно-манычской).

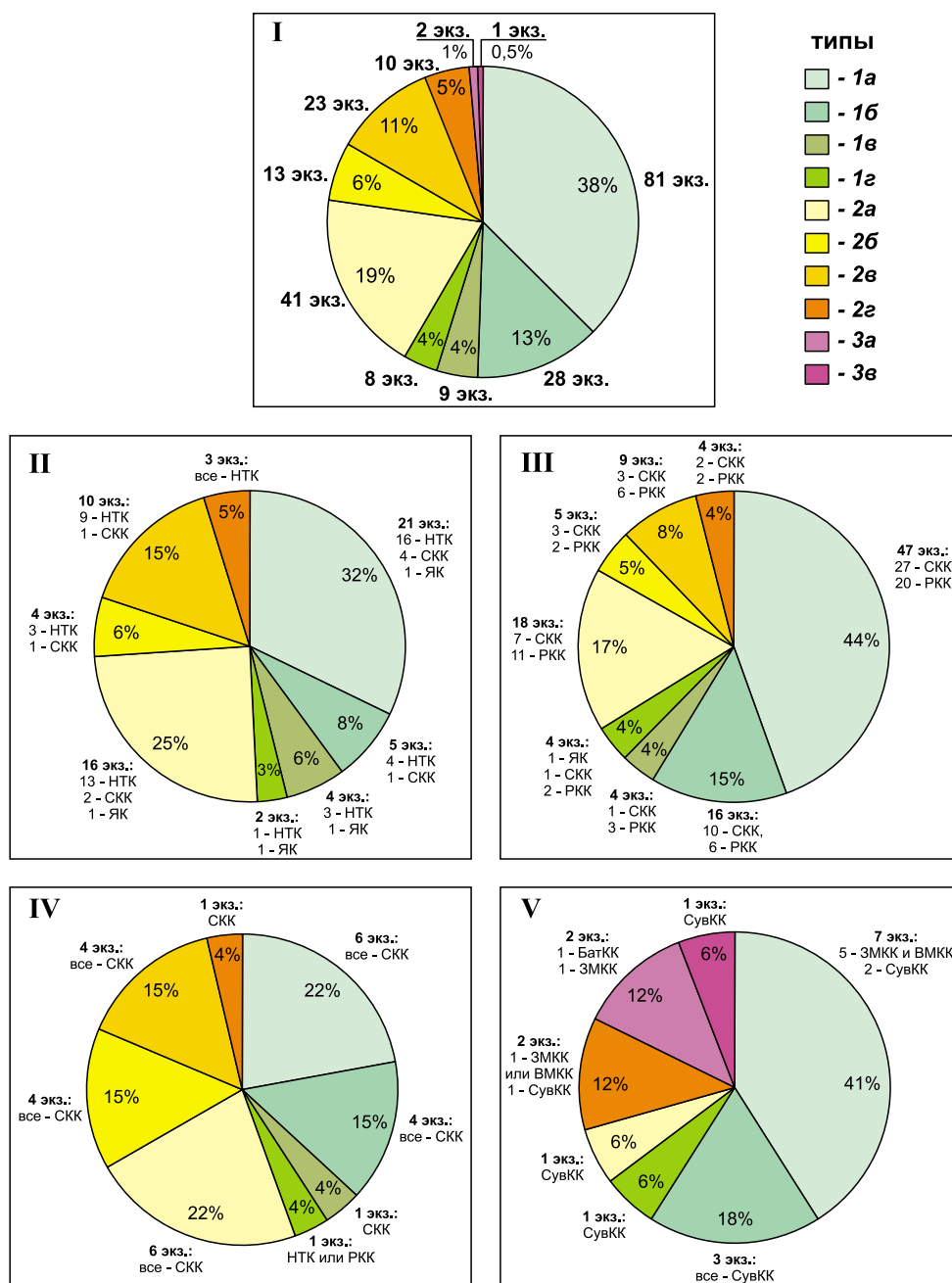
Возраст погребенных определен в 13 случаях. Из них погребения детей — 10 случаев (для четырех из них определен возраст: 1–7 лет, 3–4 года, 4–5 лет и 6–8 лет), взрослых — три (из них только в одном известен возраст — 25–35 лет, а в двух пол: в одном случае женский, в другом — мужской) (рис. 20: IV).

Из 15 погребений лишь одно являлось основным в кургане, еще два — основными для досыпки, остальные комплексы — впускные (рис. 21: IV).

В отличие от погребений с «курантами» предшествующих периодов, в позднекатакомбное время все без исключения погребения сопровождались другим инвентарем. В первую очередь, это керамические сосуды, жаровни и курительницы (в 12 комплексах) и астрагалы, в том числе наборы по 150–160 экз. (в восьми погребениях), а также украшения из фаянса, сердолика, гагата, камня, глины (пять комплексов), бронзовые украшения (четыре), изделия из кости и раковины (четыре), кости животных (три), каменные предметы (три) (рис. 22).

В продолжение вопроса «престижа», поднятого для других хронологических групп погребений с «курантами», здесь важны три комплекса с бронзовыми орудиями (ножи и шилья), причем одно из них (Ульяновский I 1/15) сопровождалось еще и набором из четырех кремневых наконечников стрел. Однако стоит отметить, что все они имели впускной характер, поэтому по формальным признакам не вполне обладают всеми признаками «престижности».

В заключение раздела о комплексах с «курантами» позднекатакомбного времени необходимо остановиться на предметах, которые выше были обозначены как «куранты-ступы» и отнесены к оригинальным типам 3а и 3в (рис. 13: 14–16). Размеры и пропорции этих предметов вполне сопоставимы со стандартами «курантов», главное их отличие — существенное углубление на одной из поверхностей.



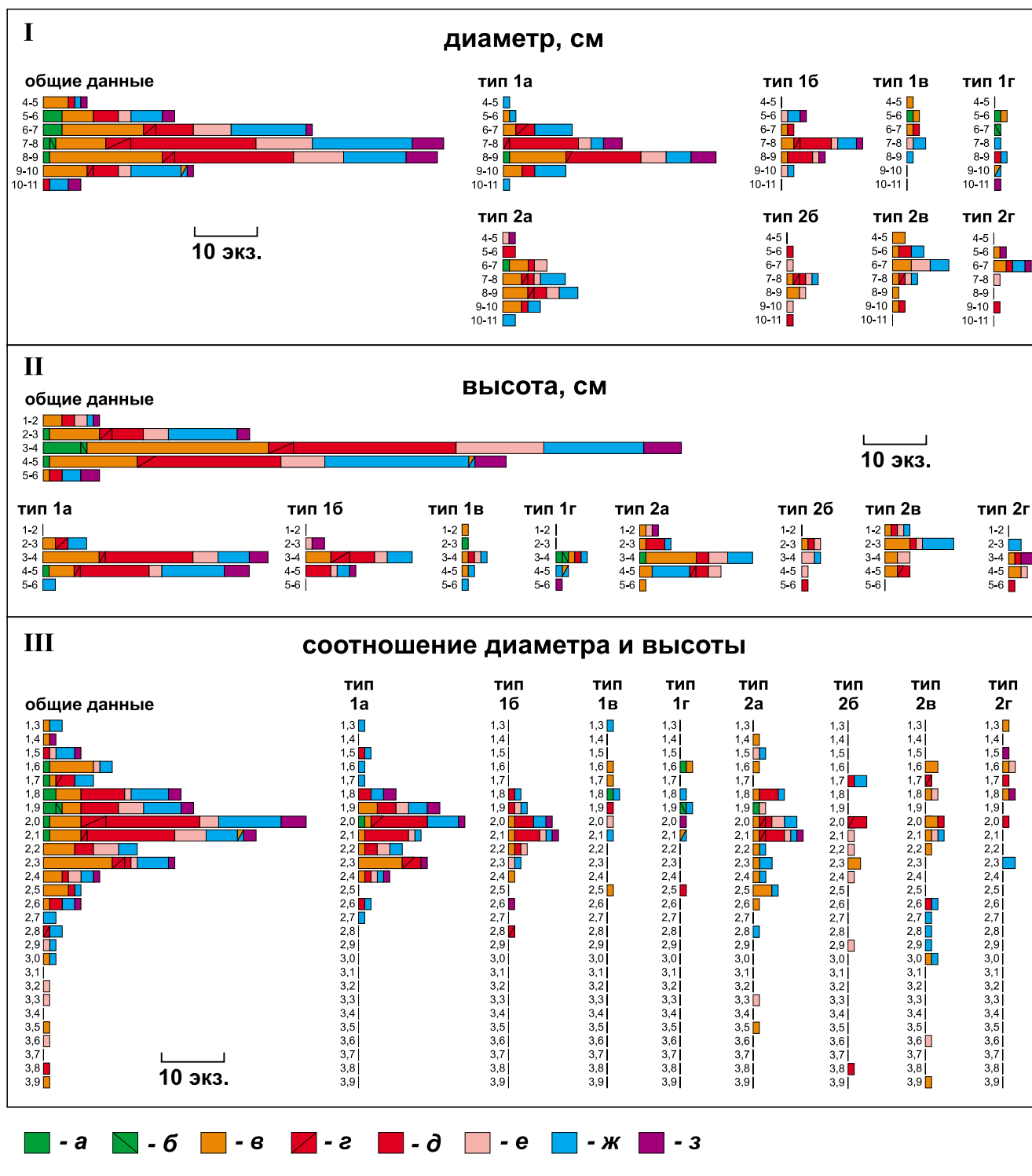
**Рис. 15.** Распределение типов каменных «курантов» Предкавказья по периодам и культурам среднего бронзового века: I — общие данные (первая — третья четверти III тыс. до н.э.); II — первая четверть III тыс. до н.э.; III — вторая четверть III тыс. до н.э.; IV — первая половина III тыс. до н.э. (без уточнения); V — третья четверть III тыс. до н.э.

Сокращения: ЯК — ямная культура; НТК — новотиторовская культура; СКК — северокавказская культура; РКК — ранние катакомбные культуры; ЗМКК — западноманьчская культура; ВМКК — восточноманьчская культура; БатКК — батуринская культура; СувКК — суворовская культура

**Fig. 15.** Distribution of types of stone “courants” of Ciscaucasia by periods and cultures of the Middle Bronze Age:

I — general information (1<sup>st</sup>–3<sup>rd</sup> quarters of the 3<sup>rd</sup> millennium BC); II — the 1<sup>st</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC; III — the 2<sup>nd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC; IV — the 1<sup>st</sup> half of the 3<sup>rd</sup> millennium BC (without specifying); V — the 3<sup>rd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC. Abbreviations: ЯК — Yamnaya culture; НТК — Novotitorovskaya culture; СКК — Severokavkazskaya culture; РКК — Early Catacomb cultures; ЗМКК — West-Manych culture; ВМКК — East-Manych culture; БатКК — Baturinskaya culture; СувКК — Suvorovskaya culture





**Рис. 16.** Основные размерные характеристики каменных «курантов» Предкавказья и их корреляция с типами и культурной атрибуцией: I — диаметр; II — высота; III — соотношение диаметра и высоты (а — ямная культура (первая четверть III тыс. до н.э.); б — ямная культура (вторая четверть III тыс. до н.э.); в — новотиторовская культура; г — северокавказская культура (ранний этап); д — северокавказская культура (развитый и поздний этапы); е — северокавказская культура (без уточнения этапа); ж — раннекатакомбные культуры; з — позднекатакомбные культуры)

**Fig. 16.** The main dimensional characteristics of the stone “courants” of Ciscaucasia and their correlation with the types and cultural attribution: I — the diameter; II — the height; III — the relation of the diameter and height (а — Yamnaya culture (the 1<sup>st</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC); б — Yamnaya culture (the 2<sup>nd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC); в — Novotitorovskaya culture; г — Severokavkazskaya culture (early stage); д — Severokavkazskaya culture (developed and late stages); е — Severokavkazskaya culture (without specifying the stage); ж — Early Catacomb cultures; з — Late Catacomb cultures)



В это же время в погребениях манычского круга встречены т.н. ступки (Андреева, 2014. С. 107–108). Часть из них имеет округлую в плане форму. Для территории Предкавказья известно семь таких находок: Дамба-Калаус I 2/5 (Ляхов, 2002. Рис. 131; 133), Золотаревка I 7/5 (Калмыков, 2000. Рис. 475), Золотаревка VII 4/4 (Калмыков, 1999. Рис. 297; 298), Типки I 2/14 (Ляхов, 1997. Рис. 171; 172), Веселая Роща III 23/2 (Андреева, 2014. Ил. 47: 14), Кабакинский II 1/4 (Ростунов, 2006. Рис. 35) и Петровка I 3/2 (Калмыков, 2010. Рис. 17: 1). По форме они находят параллели с предложенными выше типами «курантов»: 1в (рис. 14: 2), 2в (рис. 14: 3), 3а (рис. 14: 5, 6), 3б (рис. 14: 1, 4) — предметы этого типа как раз отсутствуют в серии «курантов», 3в (рис. 14: 7). Отличают их от «курантов», в первую очередь, размеры: диаметр — 16,0–18,5 см и высота — до 10 см. Это хорошо видно на рис. 18, где обе категории предметов изображены в едином масштабе.

Помимо ступ округлых в плане форм есть также подпрямоугольные экземпляры, встреченные в Предкавказье в шести комплексах: Дамба-Калаус II 1/11 (Ляхов, 2002. Рис. 502; 503), Залесный I 1/4 (Гузев, 2016. Рис. 330; 331), Золотаревка I 22/9 (Калмыков, 2000. Рис. 1084), Золотаревка VI 1/4 (Бабенко, 1999. Рис. 53), Буденновск IV 5/1 (Лычагин, 2014. Рис. 369; 370) и Кабакинский II 4/2 (Ростунов, 2006. Рис. 126: 2) (рис. 14: 8–13).

В рамках погребальных наборов ступы, в отличие от «курантов» и «курантов-ступ», часто сопровождалась каменными пестами (восемь из 13 комплексов), что подчеркивает их иное функциональное назначение. При этом расположение округлых в плане ступ в погребении в целом сопоставимо с находками «курантов» (рис. 19: III).

На территории Предкавказья комплексы со ступами обеих форм пересекаются с ареалом «курантов» в Егорлык-Калаусском междуречье (рис. 12: 164–167, 172–175), а также встречены вне зоны находок «курантов» — в Центральном Ставрополье (рис. 12: 168–171, 176).

Здесь следует особо отметить, что концентрация находок каменных ступ именно в степных районах Ставрополья не случайна. Их ареал имеет продолжение на соседних территориях Ергенинской возвышенности, нижнего течения р. Маныч и Сал, где в комплексах восточноманычской и, особенно, западноманычской культур встречено не менее 24 таких находок, причем как округлой (11 случаев), так и подпрямоугольной (13 случаев) в плане формы. Перечислим эти комплексы: Дарья 1/18 (Ларенок П., 1992. Рис. 91; 96: 2); Колдыри 20/10 и 21/8 (Власкин, Ильюков, 1992. Рис. 7: 10); Тузлуки 1/12 (Там же. Рис. 7: 12); Лысый курган /19 (Братченко, 1976. Табл. XVIII: 1); Сусат 1/2 (Власкин, Ильюков, 1992. Рис. 7: 1); Сагванский I 7/6 и 18/8 (Зельдина, 1978. Рис. 1599); Комаров I 1/7 (Власкин, Ильюков, 1992. Рис. 7: 6); Комаров II 13/96 (Головокова, 1980. Рис. 240); Долгий 2/10, 4/7 и 5/9 (Власкин, Ильюков, 1992. Рис. 7: 4, 5, 7); Северный II 6/8 и 10/9 (Там же. Рис. 7: 8, 13); Соленковский 1/13 (Там же. Рис. 7: 9, 11); Улан IV 4/10 (Шишлина, 2011. Рис. 65); Ергенинский I 11/1 (Шилов, 1986. Табл. XLV); Эвдык 6/9 (Щуцкин, 1982. Рис. 191); Эвдык 7/42 (Шилов, 1983. Табл. XXVI: 2); Элистинский 5/9 (Синицын, 1964. Рис. 58); КВЧ-56 2/8 (Шишлина, 1988. Рис. 89: а); Цаган Усн IV 1/компл. I (Андреева, 2014. Ил. 124: II-2); Зунда-Толга IV 1/5 (Шишлина, 2001. Рис. 374: 1) (рис. 12: 178–183, 186, 187, 189–194, 196). При этом в отличие от предшествующих этапов (первая половина III тыс. до н.э.), в позднекакомбное время в этом регионе встречена серия из семи комплексов, содержащих «куранты»: Красногоровка III 3/7 (Беспалый, Парусимов, 1986. Рис. 658); Новый 131/3 (Ильюков, 1983. Рис. 332: а); Семенкин 20/1 и 20/22



**Рис. 17.** Фотографии каменных «курентов» среднего бронзового века Предкавказья: 1–14 — первая четверть III тыс. до н.э.: новотитаровская (1–10) и ямная (11–14) культуры; 15–40 — вторая четверть III тыс. до н.э.: ранекатакомбные (15–26) и северокавказская (27–40) культуры.

1 — Журавская VII 1/26; 2–5 — Полтавская III 5/6; 6 — Кореновский XI 3/6-11; 7–10 — Кореновский V 4/5; 11–14 — Расшеватский I 12/2; 15 — Бейсужек XXXV 2/7; 16 — Бейсужек XXXV 2/2; 17 — Золотаревка I 26/14; 18, 22 — Расшеватский V 5/3; 19 — Украинский I 7/10; 20 — Сенгилеевский VII 6/3; 21 — Золотаревка I 26/15; 23 — Расшеватский VI 4/7; 24 — Новотитаровская XIV 13/8; 25 — Примаки III 3/5; 26 — Барханчак II 7/5; 27 — Шумный I 1/6; 28 — Марьинская V 1/19; 29 — Золотаревка III 1/3; 30 — Константиновская XII 1/15; 31 — Ессентукский IV 1/2; 32, 36 — Константиновский VI 1/17; 33 — Суворовский I 1/9; 34 — Константиновская X 1/8; 35 — Константиновская XII 1/12; 37 — Кабардинка I 1/9; 38 — Золотаревка III 1/5; 39 — Балка Звериная I 1/4; 40 — Прогресс II 1/31

**Fig. 17.** Photos of stone “courants” of the Middle Bronze Age of Ciscaucasia: 1–14 — the 1<sup>st</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC: Novotitorovskaya (1–10) and Yamnaya (11–14) cultures; 15–40 — the 2<sup>nd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC: Early Catacomb (15–26) and Severokavkazskaya (27–40) cultures





**Рис. 18.** Фотографии каменных «куррантов», «куррантов-ступ» и ступ среднего бронзового века Предкавказья:

1–14 — первая половина III тыс. до н.э. (северокавказская культура); 15–23 — третья четверть III тыс. до н.э.

(западно- и восточноманычская (15, 18, 19, 21–23) и суворовская (16, 17, 20) культуры).

1–3 — Мостовской (2006) 3/3; 4 — Кёнделенская I 422/3; 5 — Тугулук III 4/1; 6 — Константиновская X 1/13;

7 — Владимирская (2017) 7/1; 8 — Владимирская (2017) 2/3; 9, 10 — Владимирская (2018) 8/ находки в насыпи;

11–13 — Константиновская XI 1/13; 14 — Константиновский VI 6/6; 15 — Золотаревка VI 3/3; 16 — Кунаковский III 6/3;

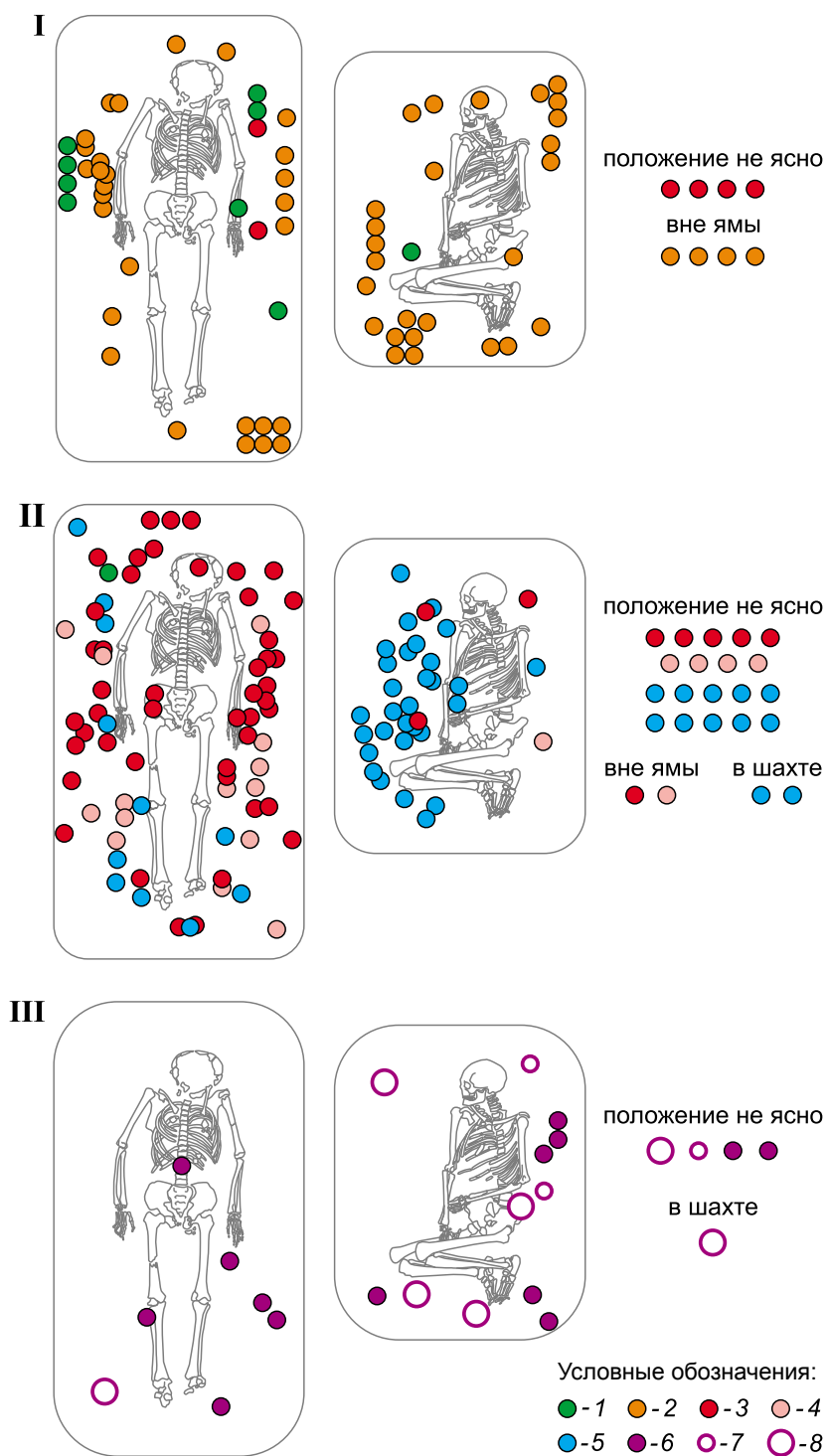
17, 20 — Винсады V 1/4; 18 — Золотаревка I 5/4; 19 — Золотаревка I 25/2; 21 — Типки I 2/14; 22 — Дамба-Калаус I 2/5;

23 — Кабакинский II 1/4

**Fig. 18.** Photos of stone “courants”, “courant-stupas” and stupas of the Middle Bronze Age of Ciscaucasia:

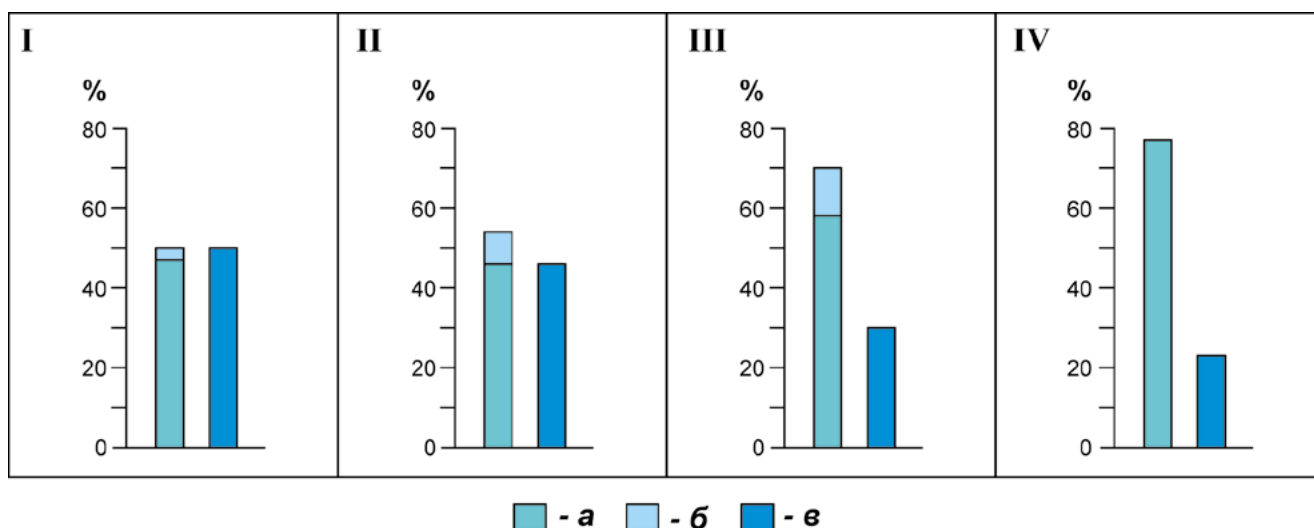
1–14 — the 1<sup>st</sup> half of the 3<sup>rd</sup> millennium BC (Severokavkazskaya culture); 15–23 — the 3<sup>rd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC

(Western- and Eastern-Manych (15, 18, 19, 21–23) and Suvorovskaya (16, 17, 20) cultures)



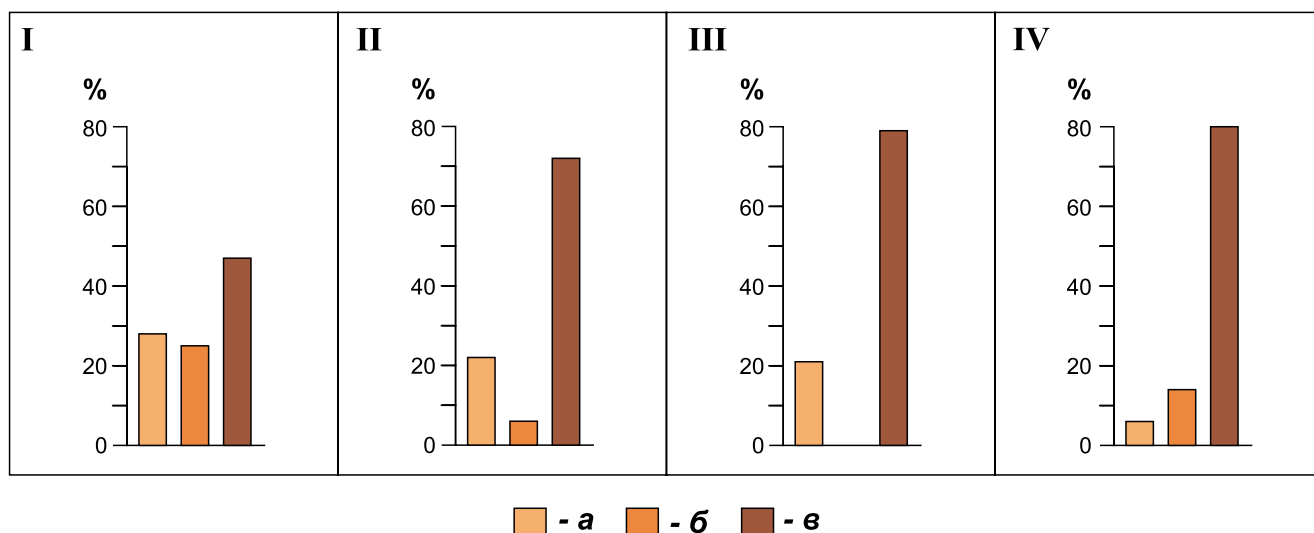
**Рис. 19.** Аккумулятивные схемы расположения каменных «курантов», «курантов-ступ» и ступ в погребениях среднего бронзового века Предкавказья (первая — третья четверть III тыс. до н.э.): I — первая четверть III тыс. до н.э.; II — вторая четверть и первая половина III тыс. до н.э. (без уточнения); III — третья четверть III тыс. до н.э. (1 — ямная культура; 2 — новотиторовская культура; 3 — северокавказская культура определенных этапов; 4 — северокавказская культура без уточнения этапа; 5 — раннекатакомбные культуры; 6 — позднекатакомбные культуры («куранты»); 7 — позднекатакомбные культуры («куранты-ступы»); 8 — позднекатакомбные культуры (ступы))

**Fig. 19.** Accumulative position schemes of stone “courants”, “courant-stupas” and stupas in the Middle Bronze Age burials of Ciscaucasia (1<sup>st</sup>–3<sup>rd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC): I — the 1<sup>st</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC; II — the 2<sup>nd</sup> quarter and the 1<sup>st</sup> half of the 3<sup>rd</sup> millennium BC (without specification); III — the 3<sup>rd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC (1 — Yamnaya culture; 2 — Novotitorovskaya culture; 3 — Severokavkazskaya culture of certain stages; 4 — Severokavkazskaya culture without specifying the stage; 5 — Early Catacomb cultures; 6 — Late Catacomb cultures (“courants”); 7 — Late Catacomb cultures (“courant-stupas”); 8 — Late Catacomb cultures (stupas))



**Рис. 20.** Соотношение основных возрастных групп погребенных с каменными «курантами» в комплексах среднего бронзового века Предкавказья: I — первая четверть III тыс. до н.э.; II — первая половина III тыс. до н.э. (без уточнения); III — вторая четверть III тыс. до н.э.; IV — третья четверть III тыс. до н.э. (a — дети (1–12 лет); б — подростки (12–15 лет); в — взрослые (18–55 лет))

**Fig. 20.** The relation of the main age groups of buried with stone “courants” in the in the Middle Bronze Age complexes of Ciscaucasia: I — the 1<sup>st</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC; II — the 1<sup>st</sup> half of the 3<sup>rd</sup> millennium BC (without specification); III — the 2<sup>nd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC; IV — the 3<sup>rd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC (a — children (1–12 years old); б — teenagers (12–15 years old); в — adults (18–55 years old))



**Рис. 21.** Стратиграфическое положение погребений с каменными «курантами» в памятниках среднего бронзового века Предкавказья: I — первая четверть III тыс. до н.э.; II — первая половина III тыс. до н.э. (без уточнения); III — вторая четверть III тыс. до н.э.; IV — третья четверть III тыс. до н.э. (a — основные погребения в кургане; б — основные погребения для досыпки; в — впускные погребения без досыпки)

**Fig. 21.** Stratigraphic position of burials with stone “courants” in the Middle Bronze Age sites of Ciscaucasia: I — the 1<sup>st</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC; II — the 1<sup>st</sup> half of the 3<sup>rd</sup> millennium BC (without specification); III — the 2<sup>nd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC; IV — the 3<sup>rd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC (a — the very first burials in the kurgans; б — the secondary burials in the kurgans with an additive; в — additional burials)



**Рис. 22.** Основные категории инвентаря, обнаруженные вместе с каменными «курантами» (цветом отмечены «престижные» категории предметов)

**Fig. 22.** The main categories of goods found together with the Middle Bronze Age stone “courants” (the “prestigious” item categories are marked in color)

категории инвентаря	совстречаемость с каменными «курантами»				
	1-я четверть III тыс. до н.э.	2-я половина III тыс. до н.э. без уточнения	2-я четверть III тыс. до н.э.	3-я четверть III тыс. до н.э.	ВСЕГО
керамические сосуды, жаровни, курильницы, воронка	10	2	31	12	55
бронзовые украшения (височные кольца, бусы, пронизи, подвески, медальоны)	5	1	28	4	38
кости животных	8	1	17	3	29
другие каменные орудия и предметы, кремневые изделия, сферосидериты	10	2	12	3	27
астрагалы	1	1	16	8	26
костяные бусы, пронизи, кольца, изделия из раковин, подвески из челюстей и клыков хищника	10	1	9	4	24
бронзовые орудия (ножи, шилья, тесла)	5	1	6	3	15
украшения из фаянса, сердолика, глины, гагата, камня	1		4	5	10
булавочные наборы (булавки из рога и бронзы, бронзовые бляхи)	6		4		10
каменные и бронзовый топоры	1		7		8
золотые и серебряные височные кольца	4		3		7
деревянные повозки и их части	6				6
формованные охровые изделия	2	1	2		5
кремневые наконечники стрел	2		1	1	4
глиняные «лепешки»	2				2
другого инвентаря нет	16	11	18		45

(Ларенок В., Ларенок П., 1990. Рис. 94; 96: 4); Лысянский I 2/7 и 4/4 (Парусимов, 1997. Рис. 17: 4; 23: 8); Зунда-Толга III 1/3 (Шишлина, 2001. Рис. 299: 2) (**рис. 12: 177, 184, 185, 188, 195**).

В этой связи можно предположить, что одновременное использование в обрядовых традициях манычских культур Предкавказья «курантов» и ступ, а также «курантов-ступ» представляет собой своего рода переходную стадию эпохальной смены наборов культовых предметов и их символики, за которой стоит пока малоизученный процесс трансформации религиозных и хозяйственных традиций культур позднего этапа среднего бронзового века.

### 3. Результаты и обсуждение

#### 3.1. Общие тенденции в развитии традиций изготовления и использования каменных «курантов» в погребальном обряде среднего бронзового в Предкавказье

Суммируем данные, полученные в результате анализа комплексов с каменными «курантами» среднего бронзового века Предкавказья относительно территории их распространения, культурного контекста, морфологической специфики, характера обработки, следов использования, места и символики в погребальном обряде — в контексте обозначенных основных хронологических групп (табл. 1).

**Ареал и культурный контекст.** Традиция использования «курантов» в погребальном обряде в Предкавказье появляется в *первой четверти III тыс. до н.э.* и связана в основном с носителями новотиторовской культуры (рис. 3; табл. 1), где доля таких погребений составляет до 3% (33 из 1150 комплексов). При этом, по подсчетам для новотиторовских памятников Прикубанья, при вытянутых погребенных «куранты» встречены в 10 из 27 случаев, что составляет 3,7% от общего числа таких погребений (т.н. кочетовского типа). В то время как в целом доля погребений с «курантами» для других обрядовых групп, представленных в этой культуре, составляет в среднем только 2,5% (Клещенко, 2024б. С. 70. Табл. 2).

Помимо новотиторовских комплексов «куранты» в это время встречены в ранней группе погребений северокавказской культуры (четыре достоверных случая). К сожалению, определить соотношение погребений, содержавших «куранты», с общим их количеством в раннесеверокавказской традиции не представляется возможным, т.к. комплексы этого времени плохо диагностируются в силу своей малоинвентарности. По предварительным данным в настоящее время их серия насчитывает не менее 100 погребений (Гей, Клещенко, 2018. С. 107–108). Таким образом, доля погребений раннесеверокавказских погребений с курантами может составлять до 4%, т.е. близка по этому показателю группе вытянутых погребений новотиторовской культуры.

Наконец, в ямных памятниках этого времени «куранты» обнаружены в пяти погребениях. Как и раннесеверокавказские комплексы, погребения ямной культуры плохо диагностируются в рамках ее отдельных этапов из-за консервативности погребального обряда и большого числа безынвентарных захоронений (Клещенко, 2022. С. 56). По предварительным подсчетам серия памятников ямной культуры этого времени на территории Предкавказья может насчитывать примерно 500–600 погребений (Там же), т.е. частота встречаемости в ней погребений с «курантами» составляет не более 1%. Здесь же следует отметить, что на территории Северо-Западного Прикаспия сейчас известно не менее 600 погребений ямной культуры, большинство из которых, как можно полагать, относятся к этому же периоду (Шишлина, 2007. С. 366–370). При этом здесь известна только одна находка каменного «куранта» — в могильнике Восточный Маныч (левый берег) III (Синицын, 1966. Рис. 525), который лишь формально находится вне территории Предкавказья (рис. 3: 162).

Во второй четверти III тыс. до н.э. традиция использования «курантов» в погребальном обряде в Прикубанье, а также в северной и центральной частях Ставропольской возвышенности имеет продолжение в раннекатакомбных памятниках, а на территории Закубанья и того же Ставрополя — в комплексах развитого и позднего этапов северокавказской культуры.



**Табл. 1.** Основные характеристики комплексов с каменными «курантами» среднего бронзового века Предкавказья

**Tab. 1.** Main characteristics of complexes with stone “courants” of the Middle Bronze Age in Ciscaucasia

Хронология Основные характеристики	Хронологические группы (этапы)			
	Первая четверть III тыс. до н.э.	Первая половина III тыс. до н.э. (без уточнения)	Вторая четверть III тыс. до н.э.	Третья четверть III тыс. до н.э.
Культура	НТК	СКК	СКК / РКК	ВМКК, ЗМКК, СувКК
Доля погребений с курантами в культурах	3% (НТК) / 4% (СКК) / <1% (ЯК)	2,5–4%	2,5% / 2,3%	<1%
Обряд	Выт / ск пб	Выт	Выт / ск пб	Разный
Основные типы (>10% экземпляров)	1а, 2а, 2в	1а, 1б, 2а, 2б, 2в	1а, 1б, 2а / 1а, 1б, 2а, 2в	1а, 1б, 2г, 3а
Диаметр (основные показатели)	6–9 см	6–9 см	7–9 см / 6–10 см	7–9 см
Высота (основные показатели)	3–5 см	3–5 см	3–5 см / 2–5 см	3–6 см
Соотношение диаметра и высоты (основные показатели)	1,6–2,5	1,9–2,2	1,8–2,3 / 1,5–2,4	1,8–2,1
Вогнутые поверх- ности	17%	7%	27% / 13%	18% (типы 3а, 3в)
Овальной формы в плане	16%	11%	10% / 10 %	12%
Камень (примерная доля от имеющих- ся данных)	Осадочные породы (до 65%)	Осадочные и магматические породы (равное соотношение)	Магматические породы (80%) / осадочные породы (65%)	Осадочные породы (66%)
Цвета (наиболее характерные)	Серый, зеле- ный, желтый, коричневый	Серый, зеленый, желтый	Зеленый, серый, коричневый	Серый, зеленый
Обработка (доля от имеющих- ся данных)	Зашлифован- ный (58%)	Зашлифованный (64%)	Зашлифованный (65% / 55%)	Зашлифован- ный (55%)
Сработанность (доля от имеющих- ся данных)	Без уточнения и сколы (90%)	Без уточнения и сколы (50%)	Без уточнения и сколы (85% / 73%)	Сколы (40%)
Положение в погребении	Возле верхней части скелета (для выт и ск сп), возле ног и за спиной (для ск пб)	Возле ног	Возле верхней части скелета / перед скелетом и возле ног (для выт)	Возле ног и за спиной
Окраска охрой	20%	14%	10% / 29%	18%
Доля коллектив- ных погребений	29%	13%	В целом — 12% (10% / 16%)	20%
Доля детских и подрост- ковых погребений	50%	54%	В целом — 70% (60% / 80%)	77%
Доля основных погребений для насыпей и досыпок	53%	28%	20% / 20%	20%
Комплексы с «престижными» наборами, основ- ные для насыпей курганов	19%	7%	11% / 3%	Нет

**Сокращения:** НТК — новотиторовская культура; СКК — северокавказская культура; ЯК — ямная культура; РКК — раннекатакомбные культуры; ВМКК — восточнома-нычская культура; ЗМКК — западноманычская культура; СувКК — суворовская культура; *выт* — вытянуто; *ск сп* — скорченно на спине; *ск пб* — скорченно на правом боку. **Примечание:** для памятников второй четверти III тыс. до н.э. через «/» указаны данные для северокавказской и раннекатакомбных культур.

При этом в среде носителей последней она распространяется на юго-восток — до бассейнов р. Малка и Баксан (**рис. 6**). Интересно, что в имеющихся в нашем распоряжении материалах раннекатакомбного времени на территории Донского Левобережья встречен только один комплекс с каменным «курантом» — Арбузов 8/12 (*Кияшко*, 1980. Рис. 105) (**рис. 6: 163**)<sup>14</sup>. В Северо-Западном Прикаспии и долине Маныча находки таких предметов в это время вовсе не известны.

По сравнению с предшествующими новотиторовской и раннесеверокавказской традициями в предкавказских памятниках раннекатакомбного круга доля погребений с «курантами» несколько ниже: 34 из 1500 комплексов или ~2,3%. Выявить частоту встречаемости погребений с «курантами» для памятников северокавказской культуры этого времени гораздо сложнее в силу указанных выше проблем с определением хронологической позиции большого числа погребений. Тем не менее, по предварительным данным это соотношение в целом близко к показателям раннекатакомбной культуры — ~2,5%, причем наибольшая концентрация комплексов с «курантами» приходится на территорию восточной части Закубанья, Северное Ставрополье и Центральное Предкавказье (в границах района Кавказских Минеральных Вод) — до 3–4%.

В позднекатакомбное время (*третья четверть III тыс. до н.э.*) традиция использования «курантов» в погребальном обряде угасает: они встречены всего в 15 из 1600–1700 известных в Предкавказье комплексов этого времени, т.е. менее чем в 1% погребений. Сужается в целом и их ареал (**рис. 12: 147–161**). При этом надо отметить продолжение обычая использования «курантов» в большей степени в суворовских памятниках, культурно и территориально наследующей северокавказским традициям в предгорной зоне, в то время как в степной части (в памятниках манычских культур), «куранты» в погребениях «соседствуют» с каменными ступами. На территории Прикубанья этот обычай практически исчезает, хотя всю первую половину III тыс. до н.э. у населения этого региона традиция использования «курантов» в погребальном обряде была широко представлена.

**Морфология и технологические особенности «курантов».** Как уже было отмечено выше, в начале среднего бронзового века наиболее «популярными» формами «курантов» были типы 1а, 2а, а также тип 2в. Во второй четверти III тыс. до н.э. к самым распространенным относятся все те же типы 1а и 2а, а также 1б и 2в. Интересно, что предметы разных типов представлены как в северокавказской, так и в раннекатакомбной традициях — с той или иной частотой встречаемости (**рис. 15: III**). Для третьей четверти III тыс. до н.э. характерны типы 1а, 1б, 2г, 3а, хотя в силу малочисленности серии эти наблюдения могут быть и преждевременными. Таким образом, общим

14 Приношу благодарность А.В. Файферту и А.Н. Гею за предоставление данных по источникам этого региона.

для всего среднего бронзового века является тип 1а, что подтверждается и наибольшим количеством предметов такой формы.

*Средние размеры «курантов»* в целом остаются практически неизменными с самого начала среднего бронзового века: диаметр — 6–9 (позже — 7–9) см; высота — 3–5 (позже — 3–6) см; при соотношении диаметра к высоте от 1,6–2,5 в начале тысячелетия до 1,8–2,1 — в позднекатакомбное время. При этом размеры предметов раннекатакомбных культур обладают более выраженной дискретностью (**табл. 1**).

Следует отметить относительно стабильную долю подовальных предметов в течение всех рассматриваемых периодов, а также определенное увеличение доли «курантов» с незначительно вогнутыми поверхностями на развитом и позднем этапах северокавказской культуры. В третьей четверти тысячелетия таких предметов нет, но при этом появляются т.н. куранты-ступы с глубокими «выемками».

В отношении определяемого авторами раскопок *материала изготовления «курантов»* в первой четверти III тыс. до н.э. преобладают осадочные породы (песчаник, «галька», известняк), однако встречаются камни и магматического происхождения (базальт, «зернистые» породы). Подчеркнем, что на этом этапе, судя по имеющимся данным, отсутствуют предметы из серпентинита. Для следующего этапа данные для раннекатакомбной и северокавказской культур диаметрально разнятся. Для первой из них характерны те же осадочные породы, что является своего рода продолжением новотиторских традиций. В то время как северокавказские «куранты» в подавляющем большинстве сделаны из камней вулканического происхождения, в частности, из серпентинита, гранита, базальта, аплита, диорита. Наконец, «куранты» из позднекатакомбных комплексов, согласно небольшой серии описаний, продолжают по большей части новотиторско-раннекатакомбную традицию использования осадочных пород камня. Вполне очевидно, что большее использование осадочных пород камней населением степных районов, а магматических — носителями северокавказской культуры было связано с доступностью сырья.

В отношении *цветности* камня неизменными в среднем бронзовом веке остаются серые, зеленые, серо-зеленые, коричневые оттенки, хотя на ранних этапах варианты определения цвета более разнообразны и включают оттенки желтого цвета. Отметим большое количество находок «курантов» зеленых оттенков в погребениях северокавказской культуры, что, конечно, связано с использованием для их производства серпентинита.

Для большинства предметов во всех хронологических группах *качество обработки* указано как «зашлифованные» (более половины описанных предметов). Аналогичным образом суммирование данных по *следам использования «курантов»* указывает на большую долю предметов с неопределенными свидетельствами «использования», а также на присутствие «сколов», что в целом, за неимением профессиональных трасологических определений, не говорит ничего конкретного о характере использования этих предметов.

Тем не менее, различное изначальное сырье (мягкие породы камня), наличие обработки (грубая отделка), следов использования «курантов», как и морфология предметов, свидетельствуют о различной технологии

их изготовления и первичного утилитарного назначения. В частности, возвращаясь к упоминавшейся в начале работы интерпретации «курантов» как «наковаленок» для расковки металла, нет сомнений в том, что далеко не все «куранты» выполняли именно такую функцию.

Безусловно, все перечисленные факты были почерпнуты из данных отчетов и публикаций, в которых авторы раскопок редко опирались на профессиональные минералогические и трасологические исследования. Поэтому подавляющее большинство представленных выводов носят гипотетический характер.

**Использование «курантов» в погребальном обряде.** В результате проведенного анализа была установлена определенная *связь между положением «курантов» в погребениях и их культурной и хронологической принадлежностью*. На раннем этапе для вытянутых и скорченных на спине захоронений характерно расположение предметов у верхней части скелета, а для скорченных на боку — в ногах и за спиной или головой. В северокавказских комплексах следующего хронологического горизонта продолжается традиция расположения «курантов» в районе верхней части скелета, однако достаточно случаев и помещения их возле ног погребенного (особенно в хронологически недифференцируемой группе погребений первой половины III тыс. до н.э.). В синхронных раннекатакомбных памятниках для скорченных на боку захоронений находки «курантов» связаны с пространством перед погребенным, а для вытянутых и скорченных на спине — больше с областью ног. Наконец, в позднекатакомбное время в вытянутых погребениях (суворовской культуры) «куранты» располагались в основном возле ног, что, возможно, является продолжением раннекатакомбных традиций захоронений с таким обрядом, а в скорченных на боку — также возле ног и за спиной погребенного.

*Окраска «курантов» охрой* (как целиком, так и одной из поверхностей) отмечается в течение всех основных этапов, причем в целом доля таких случаев довольно стабильна — в среднем до 20%. Исключение составляет заметная разница по этому показателю между северокавказскими и раннекатакомбными погребениями (10 и 29%, соответственно), хотя среднее значение для второй четверти III тыс. до н.э. равно тем же 20%.

Интересно отметить, что доля *коллективных погребений* с «курантами», составлявшая в первой четверти III тыс. до н.э. до 30%, на следующем этапе сокращается более чем вдвое (в среднем — до 12%), а на позднекатакомбном этапе опять несколько возрастает — до 20%.

Имеющиеся *возрастные определения* указывают в целом на стабильное увеличение детских и подростковых погребений с «курантами» в течение среднего бронзового века — от 50% — в первой до 77% — в третьей четверти III тыс. до н.э., причем наибольшее значение захоронений младших возрастных групп связано с памятниками раннекатакомбных культур (80%). Интерпретация этих, как и некоторых других приводимых здесь данных, является темой будущих исследований, посвященных отдельным рассматриваемым в данной работе культурным феноменам.

В свою очередь доля *основных погребений* (для курганов и их досыпок), составлявшая в начале тысячелетия более половины от всей серии захоронений,

во второй и третьей четверти значительно уменьшается (до 20%)<sup>15</sup>. Здесь интересно отметить тождественность этого показателя в обеих основных культурных традициях второй четверти III тыс. до н.э.

В разделах, посвященных памятникам отдельных хронологических горизонтов, были предварительно определены наиболее «престижные» комплексы с «курантами», идентифицированные на основании сочетания «престижных» категорий инвентаря (повозки и их детали, металлические орудия, каменные топоры, кремневые наконечники стрел) и стратиграфического положения захоронений в насыпи кургана. Наибольшая доля таких погребений приходится на первую хронологическую группу: в новотиторовской культуре — 18%, а для небольшой раннесеверокавказской серии — вообще половина. На следующем этапе этот показатель существенно снижается: для северокавказских памятников — до 11%, а в раннекатакомбной традиции известно только одно такое погребение. В позднекатакомбное время захоронений с сочетанием вышеуказанных признаков «престижа» нет вовсе.

Следует отметить, что приведенные данные основаны на интерпретации концепции А.Н. Гея, разработанной им на основе анализа новотиторовских и катакомбных памятников Прикубанья. Трансляция этих представлений на другие культуры (в первую очередь, северокавказскую) в известной степени гипотетична и не учитывает всех возможных факторов общественной организации различных коллективов, обитавших в Предкавказье в среднем бронзовом веке. Их установление — дело будущего. Однако указанная динамика, как представляется, может быть объяснена несколькими причинами. С одной стороны, это активное освоение во второй четверти III тыс. до н.э. носителями северокавказской культуры предгорной зоны, в результате чего такие изделия как «куранты», изготовленные из довольно презентабельных вулканических пород камня, потеряли свой уникальный, «престижный» статус. С другой стороны, активизация связей между населением предгорно-плоскостной и степной зон в это и последующее время также повлияла на утрату «престижности» таких предметов в среде степняков, изначально высокую, что первоначально было связано с труднодоступностью каменного сырья. Иначе говоря, могло произойти «обесценивание» этих изделий, а также, возможно, постепенная утрата их исходного сакрального значения.

### **3.2. Гипотеза о происхождении традиции использования каменных «курантов» в Предкавказье**

Многие значимые категории материальной культуры населения среднего бронзового века Предкавказья представляют собой продолжение традиций IV тыс. до н.э. К таковым можно отнести: булавки-рогатки и иногда сопровождавшие их небольшие бронзовые бляшки, датируемые репинским этапом ямной культуры и ставшие прообразом молоточковидных булавок и т.н. булавочных наборов; раннебронзовые подвески из зубов

---

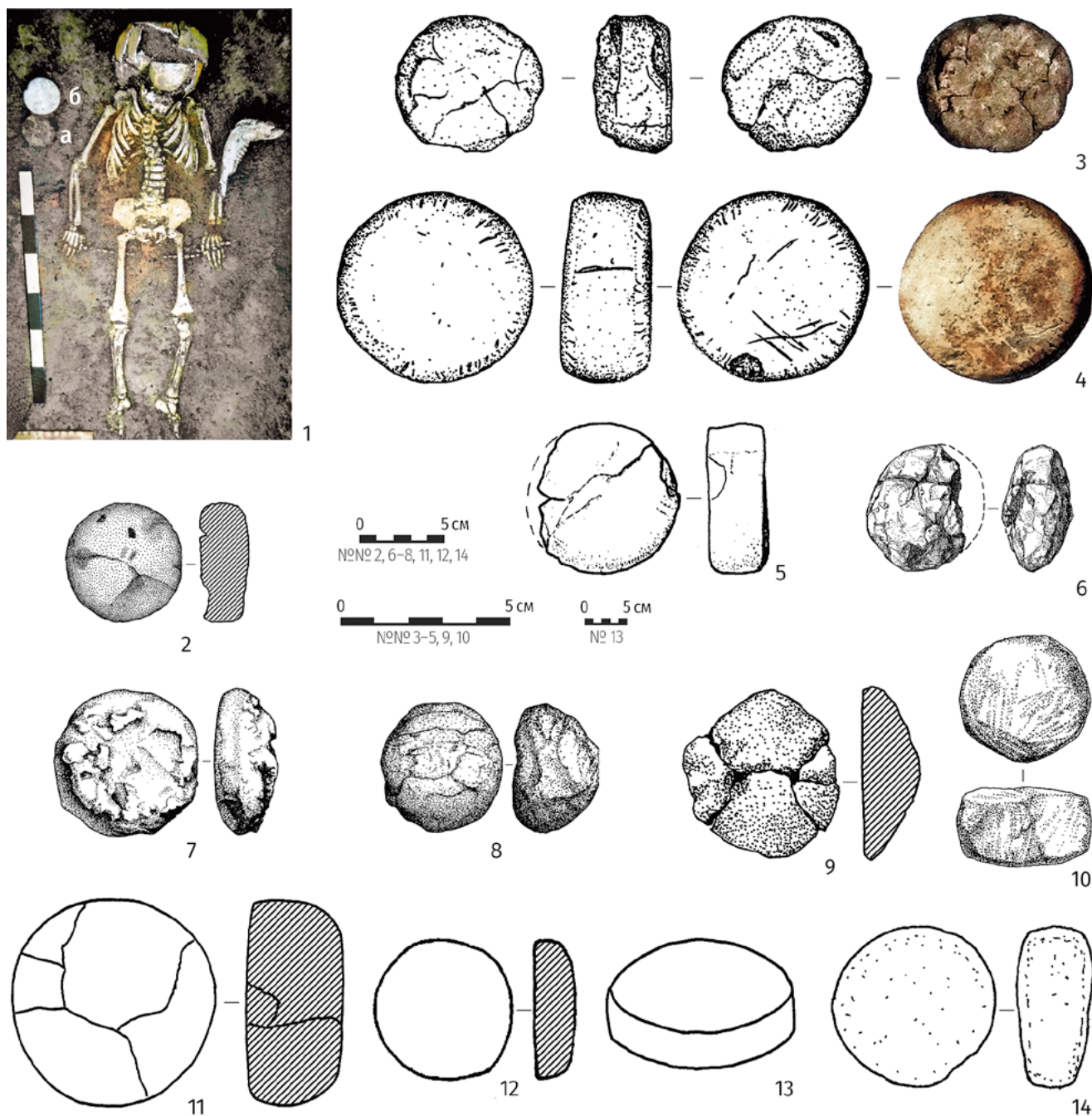
15 Безусловно, это связано со снижением курганного строительства в степной части Предкавказья в течение среднего бронзового века: по данным А.Н. Гея, доля основных для кургана и досыпок захоронений в новотиторовской культуре составляла порядка 64%, а в катакомбное время — уже ~18% (Гей, 1993. С. 55. Табл. 3; 4). В восточноманычской культуре соотношение основных и впускных погребений близко к 1:10 (Андреева, 2014. С. 19).

олена, идея которых, по мнению некоторых исследователей, нашла продолжение в простейших каплевидных бронзовых подвесках среднего бронзового века; некоторые типы бронзовых орудий и оружия.

При этом в памятниках раннего бронзового века Предкавказья практически полностью отсутствуют кремневые треугольные выемчатые наконечники стрел, а также уплощенные костяные бусы, появляющиеся здесь только с самого начала III тыс. до н.э. Ближайшие по времени серийные находки таких предметов связаны с памятниками квитянской (постмариупольской) культуры Северного Причерноморья, датирующихся в основном второй половиной IV тыс. до н.э. и характеризующихся вытянутым на спине обрядом положения погребенных (Клещенко, 2020; 2024 и др.). В этом контексте рассмотрим проблему происхождения традиций «курантов» в Предкавказье.

Одной из маркирующих категорий находок в памятниках квитянской (постмариупольской) культуры являются изделия из формованной каолиново-охровой массы различных геометрических форм. В работах И.Ф. Ковалевой указано, что такие предметы в бассейне р. Орель и Самара (левых притоков среднего течения Днепра) зафиксированы в 70% погребений «постмариупольской» культуры (Ковалева, 1984. С. 40). В каталоге Ю.Я. Рассамкина доля таких изделий в «квитянских» памятниках, охватывающих гораздо большую территорию, составляет порядка 20% (Rassamakin, 2004. Т. II. S. 5–63. Tab. B). Причем некоторые из этих предметов имели «низкоцилиндрическую» и овальную в плане форму или вид «хлебца»: Юрьевка 6/7; Гряковатое 3/2; Орестополь II 3/5; Петропавловка I 3/2; Соколово V 1/12; Верхняя Маевка XII 2/7; Чкаловка II 3/2; Новоалександровка I 6/16; Новониколаевка I 2/1; Новый Мир I 2/10 («Острая Могила»); и др. (Rassamakin, 2004. Т. II. S. 13, 19–20, 27, 31, 38, 40, 41, 46. Taf. 112: 2; 119: 3, 4; 140: 3; Ковалева, 1984. Рис. 7: 5, 8, 11, 15). Стоит отметить, что, согласно Ю.Я. Рассамкину, такие предметы с гораздо меньшей частотой встречаются и в памятниках животиловско-волчанской культурной группы, синхронной квитянской и занимающей с нею частично один ареал (Rassamakin, 2004. Т. II. Tab. G; I). В частности, здесь интересен предмет из погребения пос. Ленина 1/5 («Круглая Могила») (Ibid. Т. II. S. 125. Taf. 394: 2). Судя по имеющимся изображениям и описаниям некоторых из этих предметов (рис. 23: 11–14), они имеют форму и размеры, сопоставимые с предкавказскими «курантами» среднего бронзового века.

В этой связи необходимо указать на некоторые аналогии как глиняно-охровым изделиям квитянской (постмариупольской) культуры, так и каменным «курантам» среднего бронзового века. Речь идет о небольших, но довольно выразительных сериях изделий близких форм из необожженной глины и охры или охровой массы, происходящих из предкавказских памятников первой половины III тыс. до н.э. К первым из них относятся новотиторовские комплексы Останний 1/100 (Гей, 2000. С. 71), Останний 2/18 (Там же. Рис. 35: 8), Раздольная 18/14 и 18/15 (Нехаев, 1980. С. 26–27), Украинский I 1/4 (Цокур, 2003. Рис. 22), Малаи I 9/24 (Гей, 2000. С. 56), Пластунская LII 2/9 (Бочковой, 2002. Рис. 100; 102; 104: 4) (рис. 23: 1–5). Причем в последних двух случаях глиняные «лепешки» сопровождалась каменными «курантами». Вне территории Предкавказья, но на смежной территории, известна одна находка подобного глиняного предмета в предположительно синхронном новотиторовскому горизонту ямном погребении Песчаный V 1/2 (Шишлина, 2003. Рис. 28) (рис. 23: 6).



**Рис. 23.** Глиняные и охровые изделия из погребений IV — первой половины III тыс. до н.э. с территории Предкавказья, Ергенинской возвышенности и Северного Причерноморья: 1–6 — глиняные изделия из погребений первой четверти III тыс. до н.э. (ямная и новотиторвская культуры); 7–10 — охровые изделия из погребений второй четверти III тыс. до н.э. (северокавказская и ямная культуры); 11–14 — изделия из каолиново-охровой массы IV тыс. до н.э. (квитянская культура и памятники животиловско-волчанского типа, по Ю.Я. Рассамакину).

1 — Пластунская LII 2/9 (фотография погребения: а — глиняная «лепешка»; б — каменный «курент»); 2 — Пластунская LII 2/9 (рисунок глиняной «лепешки»); 3, 4 — Украинский I 1/4; 5 — Останний 2/18; 6 — Песчаный V 1/2; 7 — Ильинский I 1/5; 8 — Сухая Термиста II 1/3; 9 — Бударка III 10/4; 10 — Родионов I 3/7; 11 — Новый Мир I 2/10 («Острая Могила»); 12, 13 — Новоалександровка I 6/16; 14 — пос. Ленина 1/5 («Круглая Могила»)

**Fig. 23.** Clay and ochre goods from burials of the 4<sup>th</sup> and 1<sup>st</sup> half of the 3<sup>rd</sup> millennium BC from Ciscaucasia, Ergeni upland and the Northern Black Sea region: 1–6 — clay goods from burials of the 1<sup>st</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC (Yamnaya and Novotitorvskaya cultures); 7–10 — ochre goods from burials of the 2<sup>nd</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC (Severokavkazskaya and Early Catacomb cultures); 11–14 — goods made of kaolin-ochre mass of the 4<sup>th</sup> millennium BC (Kvityanskaya culture and sites of the Zhivotilovka-Volchanskoe type, by Yu.Ya. Rassamakin)



К наиболее выразительным случаям находок изделий из охры (охровой массы) для первой четверти III тыс. до н.э. следует отнести ямное погребение Старонижестеблиевская (1986) 4/11, в котором было обнаружено «шесть круглых комьев охры диаметром 6–7 см», лежавших компактной «кучкой» ближе к углу погребальной ямы, что аналогично шести каменным «курантам» в упоминавшемся ранее новотиторовском погребении Батуринский II 3/11. В этом же контексте следует упомянуть северокавказское погребение Бударка III 10/4 и раннекатакомбное погребение Родионов I 3/7, где были найдены охровые «таблетки» или «лепешки» (рис. 23: 9, 10), а также обсуждавшееся выше погребение Ильинский I 1/5, где наряду с двумя «курантами» был встречен идентичный им по размерам охровый «диск» (рис. 23: 7).

Вне территории Предкавказья охровые изделия интересующей нас формы были достоверно обнаружены в погребениях ямной (Восточный Маньч, Левый берег III 20/9: *Синицын*, 1966. С. 340) и раннекатакомбной (Сухая Термиста II 1/3: *Шишлина*, 2008. Рис. 42) культур (рис. 23: 8).

Отметим, что в целом рассмотренные находки представляют собой яркую, но относительно небольшую серию. Впрочем, сохранность предметов из необожженной глины и охровой массы в Прикубанье и других районах Предкавказья гораздо хуже, чем в континентальных районах Северного Причерноморья — в силу состава почв и близкого к поверхности уровня грунтовых вод, в связи с чем такие предметы зачастую могут просто не доходить до археологов в их изначальном виде.

Возвращаясь к территории Поднепровья, следует отметить, что в смежном здесь памятнике квитянской (постмариупольской) культуры ямном горизонте погребений, по наблюдениям И.Ф. Ковалевой, обнаружены «круглые и овальные в плане каменные терочники» из гранита, однако на иллюстрации автором приведены совершенно другие формы (*Ковалева*, 1984. С. 91, 92. Рис. 13: 9–11). В более поздней работе, посвященной каменным «курантам» (в нашем определении) или «алтарей» (в интерпретации автора статьи) ингульской катакомбной культуры, И.Ф. Ковалева не находит им полных аналогий в комплексах ямной культуры (*Ковалева*, 2012. С. 48). Кроме того, в работах по памятникам ямной культуры Днепровского Левобережья нет упоминаний ни о глиняных, ни об охровых изделиях интересующей нас формы.

Аналогичная ситуация характерна для ямных памятников других районов Северного Причерноморья, на территории которых на предыдущем этапе были известны погребения квитянской (постмариупольской) культуры: каменные «куранты» здесь встречены в единичных случаях, а охровые и глиняные изделия практически не известны (см.: *Шапошникова и др.*, 1986. С. 44–47; *Дергачев*, 2023). Единственная известная нам небольшая компактная серия находок «курантов» этого времени в Поднепровье происходит из «среднего» и «верхнего» слоев Михайловского поселения (*Коробкова, Шапошникова*, 2005. Рис. 54: 2; 58: 2; 79: 2; 86: 3; 88: 1). Это может указывать на существование и использование таких изделий в быту местными группами носителей ямной культуры: по наблюдениям Г.Ф. Коробковой, все эти предметы являются «наковаленками», при этом в погребальном обряде (культовой сфере) они не представлены.

Относительно ближайших к предкавказскому региону ямных памятников Нижнего Подонья начала III тыс. до н.э., то на левом берегу такие находки нам не известны. На правом берегу, по данным базы А.В. Файферта,

сейчас известно всего три комплекса с каменными «курантами» (рис. 3: 197–199). В этом же районе обнаружена и одна находка глиняного «куранта».

Таким образом, в захоронениях ямной культуры, как на территории Предкавказья, так и в Северном Причерноморье и на Нижнем Дону, где ямные племена на рубеже IV и III тыс. до н.э. приходят на смену носителям вытянутого обряда погребений квиянской (постмариупольской) культуры, каменные «куранты» и предметы из охры и глины близкой формы практически не известны. Вероятно, их несколько большее распространение именно в памятниках ямной культуры предкавказского региона можно объяснить соседством с основными носителями этой традиции в первой четверти III тыс. до н.э., соблюдавшими обряд вытянутого положения погребенных (кочетовский тип новотиторовской и ранний этап северокавказской культур).

Имеющиеся данные указывают на то, что традиция использования глиняно-охровых изделий («лепешек» и «низкоцилиндрических» форм), характерная для вытянутых погребений квиянской (постмариупольской) культуры второй половины IV тыс. до н.э., имеет продолжение в последующее время на территории Предкавказья в среде носителей того же вытянутого обряда погребений — в виде глиняных и охровых изделий, а также в виде каменных «курантов». Причем связь последних именно с символикой изделий предшествующего горизонта подчеркивается значительным числом окрашенных охрой «курантов». В связи с этим можно поставить под сомнение интерпретацию «курантов» как предметов «для растирания охры», т.к. их окраску можно интерпретировать и как попытку придать им соответствующий погребальной традиции цвет.

Наконец, отмеченную связь «курантов» с т.н. вытянутыми погребениями подтверждают находки таких предметов в захоронениях ингульской катакомбной культуры (см.: Ковалева, 2012. Рис. 1: 2, 6, 10, 13, 18; Копьева, 2021. Рис. 101: 6; 111: 18; и др.). Однако развитие этой темы выходит уже за рамки настоящей работы.

## Выводы

Анализ каменных «курантов» и традиции их использования в погребальном обряде культур среднего бронзового века Предкавказья привел к следующим выводам.

1. Рассмотренная выборка содержит практически исчерпывающую информацию обо всей имеющейся в настоящее время источниковой базе, включая иллюстрации и проверенные по источникам все характеристики предметов. Из 241 проанализированных каменных «курантов» не более 50 экз. ранее попадали в публикации. Ссылки на источники помогут в дальнейшем идентифицировать места музейного хранения и, по возможности, провести профессиональные минералогические, трасологические и иные определения каменных «курантов» среднего бронзового века Предкавказья.

2. Следует поддержать идею А.Н. Гея о различии сакрального (погребального) и изначального практического предназначения «курантов», которое в значительной степени пока остается невыясненным для большинства рассмотренных предметов.

3. Наиболее выразительно обычай использования каменных «курантов» в погребальном обряде представлен в памятниках первой половины III тыс. до н.э. — новотиторовской, северокавказской и раннекатакомбных культур,

выступая как своего рода надкультурное явление, близкое традициям булавочных наборов, бронзовых орудий, украшений «северокавказского стиля» и т.д. Безусловно, время, культурная среда и географическая специфика влияли на их форму и размеры, материал изготовления и место в обряде, в том числе в составе условно «престижных» наборов. В третьей четверти III тыс. до н.э. (позднекатакомбное время) использование в обрядовой сфере «курантов» резко сокращается, в частности, уступая в степной зоне место другим каменным предметам — в первую очередь, т.н. ступам. Для погребальных памятников финала среднего бронзового века (последняя четверть III тыс. до н.э.) «куранты» пока не известны вовсе.

**4.** Происхождение данной традиции в рассматриваемом регионе связано с носителями вытянутого обряда погребений и их миграции на рубеже IV–III тыс. до н.э. из Северного Причерноморья в Предкавказье.

**Табл. 2.** Каталог находок каменных «курантов» на территории Предкавказья**Table. 2.** Catalog of finds of stone "courants" in Ciscaucasia

№ п/п	Культура	Комплекс	Стратиграфическое положение	Обряд (кол-во погребенных)	Возраст, пол	Дополнительный инвентарь	Кол-во «курантов»	Положение «курантов»	
Первая четверть III тыс. до н.э.									
1	ЯК	Баранчук II 1/2	осн.	ск сп (2)	реб	кам. предмет	1	у правого бедра	
2	ЯК	Расшеватский I 12/2	впуск. с досыпкой	ск сп (1)	реб	кост. бусы, кост. кольца	4	справа от груди	
3	ЯК	Чограй I 8/4	?	ск сп ? (1)	реб (12–13)	нет	1	под левым предплечьем	
4	ЯК	Старонижестеблиевская (1986) 3/11	впуск.	ск сп (1)	взр, М	сферосидериты, кам. шарики	2	у левого плеча	
5	ЯК	Старонижестеблиевская (1986) 4/11	впуск.	ск сп (1)	реб	3 рог. булавки, бр. бляхи, бр. пронизи, бр. шило, бр. тесло, 6 круглых комков охры, меловой брусок	1	слева от ног	
6	НТК	Анапская I 1/2	впуск.	выт (1)	реб (5–7)	нет	1	у правого плеча	
7	НТК	Батурицкий II 3/6	впуск.	выт (1)	подр	кер. сосуд, кост. украшения, ЮЖ	1	за черепом	
8	НТК	Батурицкий II 3/11	впуск. с досыпкой	выт (1)	взр, М	дер. колесо, бр. нож, 2 кремн. наконечника стрел, кремн. отщеп, фр-т кер. сосуда, рисунок киноварью	6	в углу, справа от ног	
9	НТК	Динская (1987) 1/16	впуск.	не ясно (1)	?	дер. повозка, бр. тубочка, кусок мела, сферосидерит	1	в районе головы	
10	НТК	Динской I 1/3	осн.	не ясно (1)	реб (1–3)	нет	1	в ногах	
11	НТК	Журавская VII 1/26	впуск. с досыпкой	ск пб, ск лб (4)	оба – взр (25–35)	дер. повозка	2	за черепом в ногах	
12	НТК	Кореновский V 4/5	впуск.	выт (3)	взр (>30), М ? или реб (4–5)	нет	4	справа от ног или слева от руки	
13	НТК	Кореновский XI 3/6-11	осн.	ск пб (1)	взр	рог. булавка	1	рядом с погребением	
14	НТК	Лебеди I 2/120	впуск. с досыпкой	ск пб, ск лб (2)	взр (20–35), М и реб (3–4)	дер. повозка, кер. сосуд, кер. жаровня, 2 рог. булавки, кост. бусы, кост. кольцо, астрагалы, подвески из челюсти и клыков хищника, позвонки рыбы, ЮЖ	1	на поверхности насыпи	

Тип	Вогнутость	Камень, цвет	Отделка	Сработанность	Окраска охрой	Диаметр, см	Высота, см	№ рисунка	Ссылка на рисунок
?	?	серый	?	?	+	?	?	–	Файферт, 2014. С. 379 (только фотография)
?	нет	мягк. песч., ж.	?	?	–	7,5	4	17: 12	Березин Я., 1998а. Рис. 245–248 (только фотографии)
?	нет	серый	зашлиф.	сколы	–	6	3,5	17: 14	
?	нет	зерн., сине-зел.	зашлиф.	крупные сколы	–	7,5	3,5	17: 11	
?	нет	мягк. песч., ж.	?	?	–	6,2	3,5	17: 13	
2а	нет	диабаз	границы зашлиф., пов-ти заполир.	?	–	6,3	3,4	5: 11	Коренько, 1977. Рис. 173
1в	нет	песч., серо-кор.	грубо зашлиф.	?	–	5,2	2,9	4: 28	Анфимов, 1986. Рис. 300; 301
1г	нет	гранит, серо-кр.	грубо зашлиф.	?	–	5,7	3,6	4: 29	
1а*	нет	гранит, серый	зашлиф.	нижняя площадка сколота	–	9	4,5	4: 14	Там же. Рис. 464
2а	нет	?	?	?	–	7,8	4,4	5: 7	Бочкарев, 1982. Рис. 129
1в	нет	изв., белый	?	?	–	5,5	3,5	4: 26	Бочкарев, 1980. Рис. 264
2а	нет	?	заполир.	?	–	9	4	5: 3	Там же. Рис. 283; 284
1а	обе пов-ти	?	заполир.	?	–	9	4	4: 1	
1а	обе пов-ти	?	заполир.	?	–	9	4	4: 2	
1а	обе пов-ти	?	заполир.	?	–	9	4	4: 3	
1а	обе пов-ти	?	заполир.	?	–	9	4	4: 4	
1а	обе пов-ти	?	заполир.	?	–	9	4	4: 5	
1а	нет	?	зашлиф.	?	–	6,6	3	4: 17	Чернопицкий, 1987. Рис. 88; 89
1а*	?	зерн., зел.	?	?	+	?	?	4: 19	Ступак, 1999. Ил. 22
2в	нет	кор.	зашлиф.	сколы на гранях	–	9,7	4,8	5: 17; 17: 1	Левин, 2012. Рис. 346
2в	нет	?	зашлиф.	есть	–	6,9	3,5	5: 18	
2а	нет	серо-кр.	нешлиф.	есть	+	6,9	2	17: 8	Науменко, 2013. Рис. 505
2а	нет	серо-кор.	зашлиф.	есть	+	6,4	4	17: 9	
2а	нет	зерн., серый	?	?	+	8	3,2	17: 7	
оваль. галька	нет	галька, серо-зел.	?	?	+	4,6	0,9	17: 10	
2г	нет	?	белый	?	+	5,5	4,4	5: 26; 17: 6	Селивантеев, 2013. Рис. 61
2г	нет	?	грубый	сколы	+	6,2	3,5	5: 27	Гей, 2000. Рис. 7: 12

№ п/п	Культура	Комплекс	Стратиграфическое положение	Обряд (кол-во погребенных)	Возраст, пол	Дополнительный инвентарь	Кол-во «курантов»	Положение «курантов»
15	НТК	Лебеди II 7/комплекс XXV	осн. ?	–	–	нижний камень («палитра») зернотерки	1	в яме ?
16	НТК	Магистральный 1/26	осн.	ск пб (1)	взр (25–30), Ж ?	дер. повозка, дер. сосуд	4	перед берцовыми
17	НТК	Малаи I 9/11	впуск.	ск пб (1)	реб (1–3)	2 кер. сосуда, сер. височное кольцо, кост. бусы, ЮЖ	1	перед грудью
18	НТК	Малаи I 9/24	впуск.	ск сп (1)	реб (6–7)	кер. сосуд, галечный скол, глин. «лепешка», ком охры	1	у правого локтя
19	НТК	Нововеличковская II 1/3	впуск. с досыпкой	ск пб (1)	взр, Ж	рог. булавка, бр. бляхи, кост. трубочка, кремн. отщеп	1	перед стопами
20	НТК	Новокорсунская (1985) 2/11	впуск. с досыпкой	сидя (1)	реб ?	нет	1	слева от груди
21	НТК	Новокорсунская (1985) 2/15	впуск. с досыпкой	выт (2)	реб	кост. бусы	1	справа от берцовых
22	НТК	Новокорсунская (1985) 2/17	впуск. с досыпкой	ск пб (1)	взр	кер. сосуд, сердоликовые бусы	3	за спиной, у стенки
23	НТК	Ново-Титаровская (1973) 3/2	?	выт (1)	?	нет	1	у правого колена
24	НТК	Первомайская 1/7	впуск.	выт на пб (2)	реб	бр. височное кольцо, кост. бусы, бр. бусы, кост. проколка, фр-ты кер. сосуда	1	справа от груди
25	НТК	Первомайская 4/3	впуск.	ск лб (3)	реб	кер. сосуд, бр. наконечники, бр. бляхи, кост. пластины	2	перед черепом
26	НТК	ПКОС (1979) 9/8	впуск.	ск пб (2)	?	нет	2	перед черепом под черепом
27	НТК	ПКОС (1979) 18/2	осн.	ск лб (1)	взр	нет	4	перед бедренными
28	НТК	ПКОС (1980) 39/17	?	выт ? (2)	реб	кер. сосуд	3	в ногах справа от груди
29	НТК	Пластуновская LII 2/9	впуск.	выт (1)	реб (4–5)	кост. бусы, глин. «лепешка», КЖ	1	справа от плеча
30	НТК	Пластуновский I 1/11	впуск.	выт (2)	реб (1–3)	имитация дер. повозки, 3 сер. и 1 бр. височные кольца, кост. бусы, кам. пест, набор галек, кам. плитка-терочник, кост. орудие, черепа хищников, фр-ты кер. сосуда, КЖ	2	у правого бедра на перекрытии
31	НТК	Полтавская III 5/6	осн.	выт (1)	взр	кер. сосуд, 6 кам. «выпрямителей», 9 кремн. наконечников стрел, бр. нож, сер. височное кольцо	4	слева от груди и таза, у стенки



	Тип	Вогнутость	Камень, цвет	Отделка	Сработанность	Окраска охрой	Диаметр, см	Высота, см	№ рисунка	Ссылка на рисунок
	2а	нет	галька	?	есть	–	8,5	6	5: 9	Рябова, 1980. Рис. 308; 309
	1а	нет	серый	?	?	+	8,4	3,8	4: 7	Дроздова, 1986. Рис. 50
	1б	нет	серый	?	?	+	6,8	3,4	4: 21	
	1б	нет	серый	зашлиф.	?	+	8	3,6	4: 20	
	1а	нет	кор.	?	?	+	9,1	4,8	4: 6	
	2в	нет	серый	?	сколы	+	9	5	5: 16	Гей, 2000. Рис. 15: 5
	2в	нет	желтый	?	?	–	4,7	3	5: 24	Там же. Рис. 15: 14
	1а	нет	песч., серый	?	?	–	6	3,2	4: 18	Лимберис и др., 2001. Рис. 6: 2
	1а	нет	плотная горная порода, зел.	зашлиф.	?	–	8,8	4,1	4: 8	Тарабанов, Кондрашев, 1985. Ил. 181
	1г	нет	плотный песч.	?	есть	+	5,5	3,5	4: 30	Там же. Ил. 200
	2а	нет	лимонит, ж.	?	?	–	9,2	4,3	5: 5	Там же. Ил. 211
	2б	нет	лимонит, ж.	?	?	–	9	3,9	5: 12	
	2а	нет	лимонит, ж.	?	?	–	8,7	3,5	5: 6	
	2а	?	?	?	?	+	10	4	–	Ярковая, 1973. Нет рисунка (по А.Н. Гею)
	2б	нет	?	?	?	–	7,5	3,3	5: 13	Нехаев, 1979. Рис. 215
	2в	нет	?	?	?	–	5,5	3,5	5: 22	Там же. Рис. 250
	2в	нет	?	?	?	–	6,8	2,3	5: 20	
	1а	да	?	?	есть	–	7	3	4: 16	Марченко и др., 1979. Ч. II. Рис. 12: 9, 10
	1в	нет	?	?	есть	–	6,8	4,1	4: 25	
	2а	нет	песч., зел.	?	?	–	9,5	4	5: 4	Марченко и др., 1979. Ч. I. Рис. 68: 5 (есть рис. одного предмета)
	?	?	песч., сирен.	?	?	–	9,5	4,2	–	
	?	?	песч., сирен.	?	?	–	7	4,4	–	
	?	?	песч., серый	?	?	–	8,2	4,5	–	
	?	?	?	?	?	–	?	?	–	Сафронов, 1980. Нет рисунка
	?	?	?	?	?	–	?	?	–	
	?	?	?	?	?	–	?	?	–	
	1б	обе пов-ти	песч., серый	зашлиф.	есть	–	7,9	3,7	4: 23	Бочковой, 2002. Рис. 104: 3
	2а	обе пов-ти	песч., серый	заполир.	на грани	–	7,4	2,8	5: 8	Гей, 1988. Рис. 134; 135
	2г	нет	мягк. песч., белый	?	?	–	6,4	4,1	5: 28	
	1а	да	сери-синий	заполир.	?	–	9,2	4	4: 12; 17: 2	
	1а	нет	зерн., серый	зашлиф.	?	–	9	4,4	4: 11; 17: 3	Верещагина, 2015. Рис. 169; 170
	1а	да	зерн., кор.	зашлиф.	есть	–	9,4	4	4: 10; 17: 4	
	2а*	обе пов-ти	сери-синий	заполир.	?	–	8,9	4	5: 1; 17: 5	

№ п/п	Культура	Комплекс	Стратиграфическое положение	Обряд (кол-во погребенных)	Возраст, пол	Дополнительный инвентарь	Кол-во «курантов»	Положение «курантов»	
32	НТК	Пролетарский (1986) 2/9	впуск.	ск пб (1)	взр	нет	2	перед берцовыми	
33	НТК	Пролетарский (1986) 3/9	осн.	ск пб (1)	взр	нет	1	за спиной	
34	НТК	Раздольная 13/4	впуск.	ск пб (2)	реб	кер. сосуд	1	перед коленями	
35	НТК ?	Ильинский I 2/5	впуск.	ск сп ? (1)	взр	нет	1	справа от груди	
36	НТК	Расшеватский I 10/3	впуск. с досыпкой	ск пб (1)	взр	бр. нож, галечный скол, КЖ	1	в ногах	
37	НТК	Расшеватский I 12/4	впуск. с досыпкой	ск пб (2)	взр	рог. булавка, кост. пронизи, кост. проколка, кам. предмет, КЖ	1	за спиной	
38	НТК	Темижбекская II 1/5	осн.	ск сп (1)	взр (молодой)	кер. жаровня, меловой конус	1	не ясно	
39	НТК	Спасское 2/6	осн.	ск пб (1)	взр (зрелый), М	нет	1	под тазом	
40	СКК	Кавказский II 9/8	впуск.	выт (1)	взр	КЖ	1	слева от таза	
41	СКК	Дальний 2/комплекс А	впуск.	–	–	нет	3	в насыпи	
42	СКК	Дукмасовский 2/3	впуск.	не ясно (1)	?	нет	1	не ясно	
43	СКК	Ильский XXVII 1/1	?	выт (1)	взр	кам. топор, сер. височное кольцо	1	у левого плеча	
44	СКК	Уляп 1/42	осн.	не ясно (1)	реб ?	бр. шило	3	не ясно	
<b>Вторая четверть III тыс. до н.э.</b>									
45	ЯК ?	Расшеватский V 2/6	осн.	ск сп (1)	реб	кер. сосуд	1	справа от черепа	
46	РКК	Бейсужек XXXV 2/2	впуск.	ск пб (2)	подр (12–15)	сферосидериты, КЖ	1	перед грудью	
47	РКК	Бейсужек XXXV 2/7	впуск.	ск сп (1)	взр (18–20), М ?	КЖ	1	перед тазом	
48	РКК	Бузиновская 3/2	впуск.	выт (1)	взр	кер. жаровня, зубы рыбы, роспись охрой	1	слева от груди	
49	РКК	Верхний 1/2	впуск.	не ясно (1)	?	кер. сосуд, кер. жаровня	2	не ясно	
50	РКК	Греки I 3/6	осн.	ск пб (1)	реб (<7)	бр. подвеска, КЖ	2	перед грудью	
51	РКК	Динской I 3/13	осн.	ск пб (2)	взр, М	нет	2	перед плечом	
52	РКК	Динской VI 1/6	впуск.	ск пб (1)	реб	кер. жаровня, бр. бисер, астрагалы	1	на плече	
53	РКК	Кавказский (1991) 7/1	впуск.	ск пб (1)	взр	нет	3	перед тазом	
54	РКК	Крупский 6/2	впуск.	ск пб (2)	подр ?	нет	2	перед грудью	

	Тип	Вогнутость	Камень, цвет	Отделка	Сработанность	Окраска охрой	Диаметр, см	Высота, см	№ рисунка	Ссылка на рисунок
	2в	нет	?	?	выщерблины	–	5	2,3	5: 21	Шевченко, 1986. Рис. 99
	2в	нет	?	?	крупные сколы	–	6,4	3	5: 23	
	1в	нет	кварцит	«необработанный»	?	–	4	1,6	4: 27	Там же. Рис. 149
	2в	нет	?	?	?	–	8	1,8	5: 25	Нехаев, 1979. Рис. 102
	1а	обе пов-ти	плотный камень, серый	?	?	–	8,8	4,6	4: 9	Березин Я., 1998а. Рис. 110
	2а	нет	плотный крупнозерн., серый	?	?	+	7	3,5	5: 10	Березин Я., 1999. Рис. 776
	?	нет	крупнозерн., серо-синий	нешлиф.	есть	–	7,5	3,5	–	Березин Я., 1998а. Рис. 273 (только фотография)
	26*	нет	галька	грубая	?	–	9	2,3	5: 15	Лукьяшко, 2000. Рис. 31
	1б	нет	диорит, черный	?	?	–	8,5	3,6	4: 22	Андреева, Новикова, 2001. Рис. 28: 2
	1а	нет	мелкозерн., зел.	?	?	–	8,5	4,3	4: 13	Козюменко и др., 2001. Табл. 38: 4
	2в	нет	кварцит, желтый	?	?	–	8	4,6	5: 19	Лимберис, Марченко, 1984. Рис. 162
	26*	нет	песч., серо-ж.	?	?	–	7,9	3,9	5: 14	
	2а	нет	песч., серо-ж.	?	?	–	9,5	4,5	5: 2	
	1а	нет	?	зашлиф.	?	–	6,9	3	4: 15	Беглова и др., 1986. Рис. 81: 6
	1б	обе пов-ти	гранит, бордовый	зашлиф.	нет	–	9	3,2	4: 24	Яцюк, 2011. Рис. 21: 4
	1а	нет	галька, желтый	зашлиф.	?	–	7,5	3,8	–	Лесков, 1981. Нет изображений. Проверено в фондах Гос. музея Востока
	2а	нет	галька, серый	зашлиф.	?	–	7,5	3,8	–	
	1а	нет	галька, зеленый	зашлиф.	?	–	7	3	–	
	1г	нет	гранит, серо-зел.	?	сколы	–	7	3,6	8: 23	Березин Я., 1999. Рис. 1005
	1а	нет	гранит, серый	зашлиф.	нет	+	9,2	4,5	7: 4; 17: 16	Клещенко, 2017а. Ил. 88
	1а*	нет	галька, серый	зашлиф.	нет	–	10	5	7: 31; 17: 15	Там же. Ил. 154
	2а	нет	галька, кор.	зашлиф.	?	–	10,8	4,8	9: 1	Цокур, 1999. Рис. 215
	2а	нет	песчаник	?	?	–	7,6	3	9: 10	Нехаев, 1978. Рис. 6
	1а*	нет	песчаник	?	?	–	8,3	3,5	7: 36	
	2г	нет	желтый	заполир.	?	+	6,9	3	9: 28	Гей и др., 1981. Рис. 188; 189 (рис. только одного предмета)
	2г ?	нет	голубой	заполир.	?	+	6,5	2,8	–	
	2а	нет	зерн., серый	?	?	+	9,7	3,5	9: 3	Ступак, 2000а. Ил. 150
	2в	нет	зерн., серый	?	?	+	6,6	2,3	9: 20	
	1а*	нет	кристал. порода, ж.	?	пов-ти сточены	–	6,5	4,1	7: 40	Ступак, 2000б. Ил. 161
	2в	нет	галька	?	?	+	7,3	2,4	9: 19	Шевченко, 1991. Рис. 150
	2в	нет	галька	?	?	+	6,5	2,3	9: 25	
	2в	нет	галька	?	?	+	5,4	2	9: 26	
	2а	нет	?	?	?	–	9	4,1	9: 5	Марченко и др., 1978. Рис. 68
	2а	нет	?	?	?	+	9	4,5	9: 6	

№ п/п	Культура	Комплекс	Стратиграфическое положение	Обряд (кол-во погребенных)	Возраст, пол	Дополнительный инвентарь	Кол-во «курантов»	Положение «курантов»	
55	РКК	Магистральный 1/27	впуск.	ск пб (1)	реб (2–6)	бр. височное кольцо, бр. медальон, бр. подвески, бр. бусы, кам. терочник прямоугольный	1	перед берцовыми	
56	РКК	Малаи I 9/17	впуск.	ск пб (1)	реб (8–12)	сер. височные кольца, бр. подвески, астрагалы, КЖ	3	перед грудью	
57	РКК	Малаи I 15/13	осн.	ск пб (2)	реб (8–10)	астрагалы, КЖ	1	за спиной	
58	РКК	Новотитаровская (1980) 8/8	впуск.	ск пб (1)	реб	кер. сосуд, бр. подвеска, бр. бусы, КЖ	1	перед черепом	
59	РКК	Новотитаровская XIV 13/8	впуск.	ск пб (1)	реб (7–9)	кост. бусы	1	перед тазом	
60	РКК	Пашковская (1981) 2/10	впуск.	ск пб (1)	реб ?	кер. жаровня	2	перед животом	
61	РКК	Пластуновская LIV 4/18	впуск.	ск пб (1)	подр (13–15)	кост. «сопло», сферосидериты, КЖ	1	перед грудью	
62	РКК	Пластуновский I 1/15	впуск.	ск пб (2)	реб (6–8 или 10–14)	кер. жаровня, бр. пронизи, фаянсовая бусина, кам. подвеска, астрагалы, КЖ	4	перед тазом и бедром	
63	РКК	Прикубанский (Екатериновский I) 2/2	осн.	не ясно	?	кам. топор, астрагалы	4	не ясно	
64	РКК	Примаки III 3/5	осн. ?	ск пб (1)	реб (7–9)	нет	1	перед тазом	
65	РКК	Пролетарский (1984) 2/ находка в насыпи	впуск.	–	–	нет	4	в насыпи	
66	РКК	Украинский I 7/10	впуск.	ск пб (1)	подр	астрагал	1	перед коленями	
67	РКК	Барханчак II 7/5	впуск.	кенотаф	–	2 кер. сосуда, кер. курильница	1	не ясно	
68	РКК	Дмитриевское VII 2/2	?	расчл (имитация выт пб) (1)	реб (5–7)	кер. жаровня, астрагалы	1	справа от черепа	
69	РКК	Золотаревка I 26/14	впуск.	ск сп (1)	реб (4–5)	кост. кольца	1	под правым коленом	
70	РКК	Золотаревка I 26/15	впуск.	ск сп (1)	реб (ок. 1)	кост. кольцо, астрагал	1	в районе прав. стопы	
71	РКК	Ильинский I 4/4	впуск.	выт (1)	реб	кер. жаровня, кост. пронизи, астрагалы, КЖ	2	в шахте	
72	РКК	Ильинский I 6/7	впуск.	выт (1)	подр	кост. кольца, кост. пронизь	1	слева от берцовых	

Тип	Вогнутость	Камень, цвет	Отделка	Сработанность	Окраска охрой	Диаметр, см	Высота, см	№ рисунка	Ссылка на рисунок
1б	да	песчаник, красно-коричневый	?	?	+	6	3,3	8: 14	Дроздова, 1986. Рис. 53
1а	нет	изв., серый	?	?	+	4,5	2,6	7: 26	Гей, 2000. Рис. 20: 5–7
2в	нет	серый	?	сколы	+	6	2,9	9: 24	
2в	нет	серый	?	сколы	+	6,5	2,5	9: 23	
1б	обе пов-ти	?	?	?	–	8	4,1	8: 6	Мельник и др., 1982. Рис. 539
?	?	?	?	?	–	?	?	–	Нехаев, 1980. Нет изображений
1а	да	коричневый	?	есть	–	6,2	2,3	7: 25; 17: 24	Шевченко, 2020. Рис. 369
2а	?	?	?	?	–	8,5	3,5	–	Лесков, 1981. Нет изображений
2а	?	?	?	?	–	7,5	3,5	–	
1а	нет	зернистый, серый	зашлиф.	?	+	9,3	4,8	7: 5	Раев, 2003. Рис. 274
1а	нет	мелко-зерн. сып-лющийся песч., серо-зел.	?	?	–	9,1	5,2	7: 3	Гей, 1988. Рис. 170
1а	нет	песч., серый	заполир.	сколы	+	7,1	3,2	7: 19	
1а	нет	песч., серый	?	сколы	–	6,9	3,2	7: 20	
2а	нет	песч., серый	?	сколы	–	7,8	3,4	9: 11	
1в*	нет	песч., серый	?	?	–	7,7	5,8	8: 17	Бочковой, 1999. Рис. 27
2а	нет	песч., серый	?	?	–	10,6	6,9	9: 2	
1а*	нет	песч., серый	?	?	–	10,4	5,1	7: 27	
2б*	нет	песч., серый	?	?	–	7,1	4,2	9: 15	
1б	да	песчаник, коричневый	нешлиф.	круглая вмятина на верх. площадке	–	5,8	3,1	8: 15; 17: 25	Карпов, 2020. Рис. 177
1а	нет	кварцит	?	?	–	9,2	4,7	7: 2	Шевченко, 1984. Рис. 67
2а	нет	кварцит	?	?	–	9,4	4,7	9: 4	
1а	нет	кварцит	?	?	–	8,1	4,2	7: 14	
1а*	нет	кварцит	?	?	–	8,3	4,3	7: 32	
1в	нет	песч., кор.	зашлиф.	?	–	8,6	4,7	8: 16; 17: 19	Цокур, 2003. Рис. 292
1а	да	диабаз, серый	заполир.	?	–	6,2	3,1	7: 23; 17: 26	Бабенко, 2001. Рис. 433; 435
1а*	нет	красно-бордовый	плохо зашлифован	потертый	–	5,8	4,4	7: 41	Нидзельницкая, 2017. Рис. 102
1а	нет	вулк. порода, серо-зел.	зашлиф.	нет	–	8,4	4,6	7: 9; 17: 17	Калмыков, 2000. Рис. 1679
2а	да	вулк. порода, серо-зел.	зашлиф.	много-числ. сколы	+	7,5	4,2	9: 12; 17: 21	Там же. Рис. 1686
1б	нет	плотный, серый	?	верхняя площадка сколота	–	7,4	3,2	8: 9	Березин Я., 1998а. Рис. 160; 161
1а*	нет	?	грубый	?	–	8	3,1	7: 35	
1а	нет	крупнозерн., серый	заполир.	сколы	–	6,2	3	7: 24	Там же. Рис. 280

№ п/п	Культура	Комплекс	Стратиграфическое положение	Обряд (кол-во погребенных)	Возраст, пол	Дополнительный инвентарь	Кол-во «курантов»	Положение «курантов»
73	РКК	Кавказский II 6/2	впуск.	выт (1)	реб (10–15)	нет	1	в углу, справа от головы
74	РКК	Лосево 2/11	впуск.	выт (1)	взр	кер. жаровня, КЖ	1	слева от берцовых
75	РКК	Расшеватский V 5/3	осн. ?	ск сп (1)	реб ?	кер. жаровня, бр. бусина, КЖ	2	перед грудью
76	РКК	Расшеватский VI 4/7	впуск.	кенотаф ?	?	кер. жаровня	1	не ясно
77	РКК ?	Веселая Роща I 10/6	впуск.	выт ? (1)	подр	ком охры или сферосидерит	1	слева от стоп
78	РКК	Веселая роща II 13/7	осн.	не ясно (2)	взр реб	КЖ	2	справа от ног в ногах
79	РКК	Жуковская II 4/1	впуск.	не ясно (1)	?	нет	2	перед берцовыми
80	РКК ?	Сенгилеевский VII 6/3	впуск.	не ясно (1)	?	кер. жаровня	1	не ясно
81	РКК	Большетегинский 2/ находка в насыпи	впуск.	–	–	нет	1	в насыпи
82	СКК	Золотаревка III 1/3	впуск.	ск пб (1)	реб	кост. кольцо	1	перед тазом
83	СКК	Золотаревка III 1/5	впуск.	ск пб (1)	реб	нет	1	за черепом
84	СКК ?	Ильинский I 1/5	осн.	выт (2)	реб (9–10)	бр. топор, бр. стержень, 10 кремн. наконечников стрел, охровая «лепешка»	2	слева от черепа
85	СКК	Ильинский I 1/9	впуск.	выт (1)	взр	нет	1	у левого локтя
86	СКК ?	Расшеватский V 4/1	впуск.	выт (1)	реб	кер. жаровня, бр. булавы, бр. шило, бр. височное кольцо, бр. подвеска	3	у черепа
87	СКК	Веселая Роща I 26/2	впуск.	выт (3)	подр взр	сер. височное кольцо, бр. подвески, бр. медальоны, бр. бусы, фаянсовые бусы	2	справа от черепа справа от черепа
88	СКК	Сенгилеевский III 3/3	осн.	выт (1)	взр	кер. жаровня, бр. бусы, формованный кусок охры	1	справа от запястья
89	СКК	Бесленей (1981) 7/12	?	не ясно (1)	?	кер. сосуд, бр. височные кольца, бр. медальоны, бр. булава	1	не ясно
90	СКК	Большетегинский 1/ находка в насыпи	впуск.	–	–	нет	1	в насыпи
91	СКК	Большетегинский 1/9	впуск.	выт (1)	взр	кер. сосуд, бр. бляшка, кост. бусина, подвески из клыков хищника, кремн. пластина, астрагалы	2	справа от черепа напротив левого колена
92	СКК	Большетегинский 4/3	впуск.	выт (2)	реб	бр. височное кольцо	1	в ногах
93	СКК	Михайловская 11/1	впуск.	выт (1)	?	нет	2	на правом крыле таза
94	СКК	Свободный Мир II 39/6	осн.	?	?	кремн. скребки	1	не ясно



Тип	Вогнутость	Камень, цвет	Отделка	Сработанность	Окраска охрой	Диаметр, см	Высота, см	№ рисунка	Ссылка на рисунок
1б	нет	мелкозерн. кварц, светло-сирен.	?	?	+	9,3	4,6	8: 1	Козюменко и др., 2001. Табл. 19: 1
2б	да	?	?	?	–	15,3	9	9: 17	Скрипкин, 1983. Рис. 170
?	нет	гранит, серый	заполир.	есть	–	7,5	4	17: 18	Березин Я., 1998а. Рис. 424; 425 (только фотографии)
?	нет	серо-синий	заполир.	есть	–	8,8	4,5	17: 22	
1г	нет	серый	?	?	–	7,4	3,8	8: 22; 17: 23	Лычагин, 2001. Рис. 39; 40
?	?	темный	?	сколы	–	?	?	–	Тихонов, 1976. Рис. 151 (только фотография)
1г	нет	?	?	?	–	8,8	4,8	8: 21	Шаровская, 1985. Рис. 1: 7, 8
1а*	нет	?	?	?	–	6,5	4,4	7: 39	
?	нет	зернистый	зашлиф.	?	–	7	4,3	–	Тихонов и др., 1977. Рис. 141 (только фотография)
?	нет	?	зашлиф.	?	–	7,5	5	–	
1в*	нет	песчаник, желтый	зашлиф.	?	–	7,8	3,7	8: 18; 17: 20	Лычагин, 2006. Рис. 361; 362
1б	нет	серпентинит, зеленый	?	?	–	7,8	3,7	8: 7	Каминская, 1983. Рис. 97: 6; 99
1а	нет	магматич. порода, серо-зеленый	?	нет	+	9	4,5	7: 7; 17: 29	Бабенко, 2003. Рис. 26; 28
1а	нет	магматич. порода, серо-зеленый	?	нет	–	7,4	4,8	7: 17; 17: 38	Там же. Рис. 40; 41
1а	обе пов-ти	плотный, фиолетовый	зашлиф.	сколы	–	8,3	4	7: 12	Калмыков, Корневский, 2001. Рис. 2: 5, 6
1а	обе пов-ти	гранодиорит, серо-зеленый	зашлиф.	сколы	–	8,7	4,1	7: 11	
1а	да	гранит, серый	зашлиф.	есть	–	9,3	4,9	7: 6	Березин Я., 1998а. Рис. 60
2а	нет	пл., серо-кор.	зашлиф.	нет	–	8,7	4,8	9: 7	Березин Я., 1999. Рис. 1028; 1030
2б*	нет	пл., серо-кор.	зашлиф.	есть	–	7,1	4,2	9: 14	
2г	нет	пл., серо-кор.	зашлиф.	есть	–	6,7	3,3	9: 29	
?	?	?	?	?	–	7,5	4	–	Тихонов и др., 1977. Рис. 172; 173 (только фотографии)
?	?	серпентинит, темно-зеленый	заполир.	?	–	7	4	–	
1а	да	галька	заполир.	нет	–	10	4,2	7: 1	Лычагин, 2007. Рис. 477: 2
2б	нет	?	?	?	–	6	3	9: 16	Биджиев, 1981. Рис. 50: 15
1а*	нет	серый	зашлиф.	нет	–	7,8	3,5	7: 37	Каминская, 1983. Рис. 30: 7, 8
2а	нет	красно-коричневый	зашлиф.	нет	–	8,6	4,2	9: 9	Там же. Рис. 73: 1, 13; 75; 76
2а	нет	зернистый, серо-зеленый	зашлиф.	нет	–	9	4,2	9: 8	
2г*	да	песчаник, серый	?	?	–	9,5	5,5	9: 27	Там же. Рис. 296; 298
2в	нет	?	зашлиф.	?	–	6	1,6	9: 21	Каминский, 1985. Рис. 429; 430
2в	нет	?	зашлиф.	?	–	5,8	2,2	9: 22	
1в*	нет	зерн., зел.	нешлиф.	?	–	6,8	3,6	8: 19	Каминский, 1987. Рис. 279: 3

№ п/п	Культура	Комплекс	Стратиграфическое положение	Обряд (кол-во погребенных)	Возраст, пол	Дополнительный инвентарь	Кол-во «курантов»	Положение «курантов»	
95	СКК	Чернышевский I 1/23	впуск.	выт (1)	взр	бр. нож, бр. шило	1	справа от бедра	
96	СКК	Шумный 1/6	впуск.	выт (1)	взр (19–20), Ж ?	бр. подвески, кам. предмет	1	у левой кисти	
97	СКК	Балка Зверина I 1/4	впуск.	не ясно (1)	реб	кер. сосуд, бр. медальон	1	слева от груди	
98	СКК	Георгиевский III 1/2	впуск.	выт (1)	реб	бр. медальоны, бр. подвеска, бр. бусина, КЖ	1	справа от плеча	
99	СКК	Горячеводский I 14/3	впуск.	выт (1)	реб	нет	1	справа от черепа	
100	СКК	Ессентукский IV 1/2	впуск.	ск лб (1)	взр	кер. сосуд, бр. височное кольцо, бр. бляшки, кост. пуговица	1	перед плечом	
101	СКК	Иноземцево I 1/ ритуальный комплекс 1	впуск.	–	–	нет	3	в насыпи	
102	СКК	Иноземцево I 3/4	впуск.	выт (1)	реб	кер. сосуд	1	у правого локтя	
103	СКК	Кабардинка 1/9	впуск.	выт (1)	взр	фр-ты кер. сосуда, кремн. отщеп, КЖ	1	среди плит перекрытия	
104	СКК	Каменноостские 1-е 1/1	осн.	не ясно (1)	?	кам. топор, кремн. отщепы	1	не ясно	
105	СКК	Кисловодск (1975) разруш. курган погр. 1	?	не ясно	?	нет	1	не ясно	
106	СКК	Константиновская X 1/8	впуск.	выт (1)	взр	кер. сосуд	1	у левого бедра	
107	СКК	Константиновская XII 1/12	впуск.	не ясно (1)	реб	нет	1	не ясно	
108	СКК	Константиновская XII 1/15	впуск.	выт (1)	реб	кер. сосуд, бр. подвески	1	у правого бедра	
109	СКК	Константиновский VI 1/17	впуск.	выт (1)	реб	кер. сосуд, бр. бусы, астрагал	2	справа от колен у стенки	
								у правого локтя	
110	СКК	Константиновское плато 2(4)/5(8)	впуск.	выт (2)	подр	кер. сосуд, бр. подвески, астрагалы	2	слева от колен у стенки	
								слева от черепа у стенки	
111	СКК	Константиновское плато 2(4)/8(14)	впуск.	выт (1)	взр (40–50), М ?	кам. топор, кер. сосуд, бр. подвески	1	у левого предплечья	
112	СКК	Константиновское плато 2(4)/15(12)	впуск.	выт (1)	реб ?	кер. сосуд, бр. подвески, бр. медальоны	2	у левой руки	
113	СКК	Константиновское плато 3(7)/4	осн.	выт (1)	взр	кер. сосуд, бр. подвески, кам. плитки, фаянсовая бусина	1	у левого локтя	
114	СКК	Марьинская V 1/19	впуск.	выт (1)	взр	кер. сосуд, бр. подвески, бр. бусы, кам. предметы, фаянсовые бусы, бусы из раковины, кремн. отщеп, КЖ	1	на левом запястье	
115	СКК	Машук 1/5	осн.	выт (1)	взр	кам. топор, кер. сосуд, бр. нож, золотое и сер. височные кольца, бр. подвески	1	в ногах	
116	СКК	Нежинская I 1/19	впуск.	выт (1)	реб (4–8)	астрагалы	1	у левой стопы	

	Тип	Вогнутость	Камень, цвет	Отделка	Сработанность	Окраска охрой	Диаметр, см	Высота, см	№ рисунка	Ссылка на рисунок
	1г	нет	?	?	границы сбиты	+	8,5	3,4	8: 20	Днепроvский, Лопатин, 2010. Рис. 26: 2
	2б	нет	зернистый, белый	зашлиф.	?	–	11	5,5	17: 27	Красильникова, 2020. Рис. 230: 15
	1а	да	кристал. порода, серый	заполир.	нет	–	7	3,5	7: 22; 17: 39	Березин Я., 2014. Рис. 1817: 2
	1а	нет	гранит, серый	зашлиф.	?	–	7,3	3,7	7: 18	Лычагин, 2004. Рис. 25
	?	нет	серый	?	?	–	8,6	1,5	–	Батчаев, 2002. Рис. 301 (только фотография)
	2в	нет	коричневый	?	потертый	–	9,3	4,6	9: 18; 17: 31	Лычагин, 2007. Рис. 138: 5
	1а*	обе пов-ти	тв., кр.-кор.	заполир.	выбоины	–	9	4,3	7: 28	Березин Я., 2000. Рис. 48
	1а*	обе пов-ти	серпент., зел.	заполир.	выбоины	–	9	4,3	7: 29	
	1а*	нет	серпент., зел.	заполир.	нет	–	8,8	4	7: 30	
	1б	да	мягк. порода	?	?	–	7	3,8	8: 13	Там же. Рис. 494
	1а	обе пов-ти	зеленый	нешлиф.	?	–	8,3	4	7: 10; 17: 37	Белинский, 2011. Рис. 92: 1
	1а	?	?	?	?	+	?	?	–	Гринеvич, 1951. Рис. 2: 3 (только фотография)
	1а	?	твердый, серо-желтый	?	?	–	7,5	4,1	–	Кореньяко, 1975. Табл. XV: 2 (только фотография)
	1а*	да	серый	заполир.	нет	–	7,7	3,7	7: 34; 17: 34	Березин Я., 2014. Рис. 1672
	1а*	нет	песчаник, красный	нешлиф.	нет	–	7,5	3,8	7: 38; 17: 35	Голубев, 2020. Рис. 190
	1б	нет	галька, серо-зеленый	зашлиф.	нет	–	8,4	4,2	8: 4; 17: 30	Там же. Рис. 228
	1а	нет	пористый, серо-коричневый	зашлиф.	нет	–	8,5	4,1	7: 8; 17: 32	Березин Я., 2014. Рис. 1142; 1143: 1
	1а*	нет	плотный, серо-зеленый	зашлиф.	нет	–	7,4	4	7: 33; 17: 36	
	1б	нет	гранит	?	?	–	7,6	3,6	8: 10	Марковин, 1999. Рис. 12: 11 (рисунок только одного предмета)
	1б	нет	гранит	?	?	–	7,6	3,5	–	
	1б	нет	гранит, серый	?	?	–	7,8	3,8	8: 11	Там же. Рис. 13: 4
	1а	нет	гранит, серый	?	?	+	7,2	3,6	7: 21	Там же. Рис. 15: 10, 12
	2а	нет	гранит, серый	?	?	+	6,2	3	9: 13	
	1б	нет	серпентинит, зеленый	?	?	–	8,4	4,3	8: 2	Там же. Рис. 17: 28
	1а	да	зернистый, серо-зеленый	?	?	–	8,8	4,4	17: 28	Канторович, Маслов, 2009. Рис. 203: 2
	1б	да	серпентинит, серо-зеленый	?	?	–	8,4	4,3	8: 3	Афанасьев, 1975. Рис. 12: 2
	1б	нет	диорит	заполир.	выбоины	–	7,5	3,5	8: 12	Кореньевский, 1990. Рис. 44: 11

№ п/п	Культура	Комплекс	Стратиграфическое положение	Обряд (кол-во погребенных)	Возраст, пол	Дополнительный инвентарь	Кол-во «курантов»	Положение «курантов»	
117	СКК	Нежинская I 2/17	впуск.	не ясно (1)	реб	нет	1	не ясно	
118	СКК	Нежинская II 5/1	впуск.	выт (1)	?	бр. стрекало, бр. подвески, бр. медальоны, бр. бусы	1	слева от ног	
119	СКК	Прогресс II 1/31	впуск.	выт (1)	реб	бр. подвески, бр. медальоны, бр. височное кольцо	1	у правой стопы	
120	СКК	Ракитная гора 2/9	осн.	выт (1)	взр	кам. топор, бр. нож, кремн. пластина, КЖ	1	напротив правого бедра у стены	
121	СКК	Суворовская 1/6	впуск.	не ясно (1)	?	нет	1	у левого плеча	
122	СКК	Суворовский I 1/9	впуск.	выт (1)	реб (7–8)	астрагалы	1	у левой кисти	
123	СКК	Суворовский I 1/20	впуск.	выт (1)	реб (8–9)	астрагалы	2	справа от таза	
124	СКК	Усть-Джегутинский 3/3	впуск.	выт (1)	реб	нет	1	у правой кисти	
125	СКК	Усть-Джегутинский 11/3	впуск.	выт (1)	реб (11–12)	бр. подвески, бр. медальоны, астрагалы	1	у правого локтя	
126	СКК	Усть-Джегутинский 37/1	осн.	выт (1)	реб	бр. подвески, бр. медальон, бр. бусы, фр-ты кер. сосуда, КЖ	1	у левой бедренной	
127	СКК	Заюково 2/2	осн.	выт (1)	взр, М	кам. топор, 2 кер. сосуда	2	у левого локтя у левой кисти	
<b>Первая половина III тыс. до н.э.</b>									
128	НТК/РКК	Динская VIII 2/находка в насыпи	впуск.	–	–	нет	1	в насыпи	
129	СКК	Красногвардейский 1/1	впуск.	выт (2)	подр	кусок охры, астрагалы, КЖ	1	слева от берцовых	
130	СКК	Челбас I (1977) 5/2	?	выт (1)	реб	нет	1	напротив груди у стенки	
131	СКК ?	Жуковская II 6/1	осн.	ск пб (1)	взр	нет	1	за тазом	
132	СКК	Тугулук III 4/1	впуск.	выт ? (1)	реб ?	фр-т кер. сосуда, КЖ	1	справа от ног	
133	СКК	Владимирская (2017) 2/3	впуск.	не ясно (1)	реб	нет	1	слева от груди	
134	СКК	Владимирская (2017) 7/1	впуск. с досыпкой	ск пб (1)	взр	фр-ты кер. сосуда, кремн. отщепы	1	среди камней забутовки	
135	СКК	Владимирская (2018) 8/находки в насыпи	впуск.	–	–	нет	3	в насыпи	
136	СКК	Еленовское 1/2	впуск.	выт (1)	реб	нет	2	слева от колен	
137	СКК	Ильский XVII 1/находка в насыпи	впуск.	–	–	нет	2	в насыпи	
138	СКК	Келермесская 3/6	впуск.	выт (3)	?	нет	1	не ясно	
139	СКК	Красная Улька 1/4	осн.	выт (1)	взр	кам. тесло, бр. тесло, бр. шило, кремн. отщеп	1	у левой стопы	

	Тип	Вогнутость	Камень, цвет	Отделка	Сработанность	Окраска охрой	Диаметр, см	Высота, см	№ рисунка	Ссылка на рисунок
	16*	нет	?	зашлиф.	есть	–	7,5	3,5	8: 8	Кореневский, 1982. Рис. 279
	16	обе пов-ти	серпентинит, зеленый	?	?	–	8	4,2	8: 5	Кореневский, 1986а. Рис. 127
	2а*	нет	коричневый	грубый	?	–	5,5	2,2	17: 40	Березин С., 2010. Рис. 185: 4
	1а*	нет	аплит	зашлиф.	?	+	8,5	3,3	–	Симакин, 1967. Рис. 9 (только фотография)
	1а*	нет	диорит	зашлиф.	?	–	8	4,5	–	Нечитайло, 1979. Рис. 5: 3 (только фотография)
	1а	нет	коричневый	нешлиф.	?	–	8,2	3,5	7: 13; 17: 33	Верещагин, 2013. Рис. 127
	1а	нет	коричневый	зашлиф.	есть	–	7,4	3,9	7: 16	Там же. Рис. 215
	1а	нет	коричневый	заполир.	есть	–	7,8	4	7: 15	
	2а	нет	?	зашлиф.	?	–	4,5	2,5	–	Нечитайло, 1963. Рис. 17: 3 (только фотография)
	1а*	нет	песчаник, серый	зашлиф.	?	–	?	?	–	Там же. Рис. 45: 7 (только фотография)
	2а	да	зернистый	зашлиф.	сколы	–	7,5	3,5	–	Нечитайло, 1964. Рис. 66: 4 (только фотография)
	?	нет	базальт	заполир.	?	–	?	?	–	Иессен, 1941. Табл. XXXVIII: 4, 5 (только фотографии)
	?	нет	вулк. порода	заполир.	?	–	?	?	–	
	1г	нет	песчаник, коричневый	нешлиф.	?	–	9,5	4,5	11: 12	Лунев, 2000. Рис. 57
	16	нет	базальт, серый	зашлиф.	на грани	–	9,2	4,8	11: 7	Березин, Калмыков, 1998. Рис. 5: 2
	2а	нет	плотный, серый	?	?	+	6	4	11: 18	Гиджрати и др., 1977. Рис. 86
	?	?	?	?	?	–	8	2,5	–	Тихонов и др., 1977 (только фотография)
	2г	нет	серый	?	есть	+	7,7	4,7	11: 27; 18: 5	Мячин, 2008. Рис. 46
	1а	нет	песчаник, серо-желтый	?	?	–	7,7	3,6	11: 3; 18: 8	Левин, 2017. Рис. 57
	1в	нет	песчаник, серо-желтый	грубая	?	–	7,8	4	11: 11; 18: 7	Там же. Рис. 275: 1
	2в	нет	песчаник, серо-желтый	нешлиф.	?	–	6,7	3,8	11: 25; 18: 9	Левин, 2018. Рис. 44
	2в*	нет	галька, серый	нешлиф.	сколы	–	8	2,2	11: 23	
	2в	нет	песчаник, серо-желтый	нешлиф.	сколы	–	6,6	3,2	11: 24; 18: 10	
	26	нет	?	?	?	+	8,5	3,6	11: 22	Нехаев, 1987. Рис. 26
	2а	нет	?	?	?	–	7,6	4,1	11: 15	
	2а	нет	красный	нешлиф.	?	–	6,5	2	11: 17	Тищенко, Нарожный, 2006. Рис. 44; 45
	16	обе пов-ти	зерн., серо-зел.	зашлиф.	нет	+	8,1	3,7	11: 8	
	1а	нет	?	?	?	–	8,9	4	11: 1	Галанина, 1982. Рис. 55
	16	нет	?	грубая	?	–	6	2,6	11: 10	Черных, 1991. Рис. 41; 42

№ п/п	Культура	Комплекс	Стратиграфическое положение	Обряд (кол-во погребенных)	Возраст, пол	Дополнительный инвентарь	Кол-во «курантов»	Положение «курантов»	
140	СКК	Мостовской (2006) 3/3	осн. ?	не ясно (1)	?	предположительно: 2 кер. сосуда, бр. нож, рог	3	не ясно	
141	СКК	Тенгинская I 1/находки в насыпи	впуск.	–	–	нет	2	в насыпи	
142	СКК	Тенгинская I 1/11	впуск.	выт (1)	реб	бр. височное кольцо	1	справа от стоп	
143	СКК	Константиновская X 1/13	впуск.	выт (1)	реб	нет	1	у левого бедра	
144	СКК	Константиновская XI 1/13	осн.	выт (1)	взр	кер. сосуд	3	слева от бедра и таза у стенки	
145	СКК	Константиновский VI 6/6	впуск.	выт (1)	взр	2 кер. сосуда, бусы из раковин	1	у правого локтя	
146	СКК	Кенделенская I 422/3	впуск.	выт (1)	взр (18–25)	нет	1	справа от колен	
<b>Третья четверть III тыс. до н.э.</b>									
147	БатКК	Батурицкий I 1/10	впуск.	ск пб (1)	взр, М ?	кер. сосуд, кер. жаровня, фаянсовый бисер, бр. кольцо, подвеска из раковины	1	за спиной	
148	ВМКК или ЗМКК	Золотаревка I 5/4	впуск.	не ясно (1)	реб (1–7)	кер. жаровня	1	в ногах	
149	ЗМКК	Золотаревка I 25/2	впуск. с досыпкой	ск пб (2)	взр (25–35), Ж	2 кер. сосуда, кер. курильница, кер. воронка, бр. шило, гагатые бусы, фаянсовая бусина, астрагалы	1	за головой	
150	ВМКК или ЗМКК	Золотаревка V 2/4	впуск.	расчл (имитация выт) (1)	взр	кер. сосуд, кам. подвеска	1	поверх таза	
151	ВМКК	Золотаревка VI 2/3	пуск.	ск лб (1)	реб (3–4)	кост. кольца, кост. пронизь, кост. проколка, астрагалы	1	в ногах	
152	ЗМКК	Золотаревка VI 3/3	впуск.	ск пб (1)	реб (4–5)	4 кер. сосуда, кер. курильница, кам. терочник прямоугольный, кост. кольцо, кост. накладки, астрагалы	1	в ногах	
153	ЗМКК	Расшеватский V 10/3	впуск.	ск пб ? (1)	реб	кер. сосуд, кер. курильница, бр. бусы, астрагалы	1	за спиной	
154	ВМКК	Типки VI 1/4	впуск.	ск лб ? (1)	реб	кер. сосуд, кер. курильница, кост. кольца, кост. орудие, астрагалы, КЖ	1	за тазом	

	Тип	Вогнутость	Камень, цвет	Отделка	Сработанность	Окраска охрой	Диаметр, см	Высота, см	№ рисунка	Ссылка на рисунок
	2б	нет	зерн., серо-зел	зашлиф.	нет	–	9,3	4,4	11: 19; 18: 1	<i>Нарожный</i> , 2006. Рис. 111–113
	2б	нет	зерн., серо-зел	зашлиф.	нет	–	8	3,6	11: 20; 18: 2	
	2б	нет	зерн., серо-зел	зашлиф.	сколы	–	7	2,4	11: 21; 18: 3	
	1а	нет	твердая горная порода	?	выкрошенные поверхности	–	8,9	3,7	11: 2	<i>Чернопицкий</i> , 1988. Рис. 56; 59
	2а	нет	твердая горная порода	?	то же	–	8,3	4,1	11: 14	
	2а	нет	?	нешлиф.	?	–	6,6	3,3	11: 16	Там же. Рис. 48
	2в	нет	галька, серый	?	?	–	6,9	1,6	11: 26; 18: 6	<i>Березин Я.</i> , 2014. Рис. 1710
	1а	нет	кварцит, серый	заполир.	есть	–	7,8	4,2	11: 6; 18: 13	Там же. Рис. 2095–2099
	1а	нет	гранит, серый	заполир.	выбоины, прокал	–	8,7	4	11: 5; 18: 12	
	1а	нет	серый	?	выбоины, прокал	–	9	4,8	11: 4; 18: 11	
	1б	обе пов-ти	плотный, серо-зеленый	зашлиф.	нет	–	8	3,9	11: 9; 18: 14	Там же. Рис. 1321: 1
	2а	нет	пористый, бордовый	зашлиф.	нет	–	8,5	4	11: 13; 18: 4	<i>Клещенко</i> , 2014а. Рис. 202
	3а	да	?	?	?	–	8	4	13: 14	<i>Бочкарев</i> , 1979. Рис. 29
	2г*	нет	гранит, серо-зеленый	крошится, трещиноватый	?	–	5,5	3,7	13: 13; 18: 18	<i>Калмыков</i> , 2000. Рис. 235; 236
	3а*	да	вулканическая порода, зеленый	заполир.	царапины	–	10,1	5,7	13: 16; 18: 19	Там же. Рис. 1304; 1305
	1а	нет	пл. осадочная порода, серый	зашлиф.	потертый	–	7,5	3,8	13: 4	<i>Березин Я.</i> , 1998б. Рис. 64
	1а*	нет	?	?	?	+	7,2	3,2	13: 6	<i>Бабенко</i> , 1999. Рис. 111
	1а*	нет	коричневый	зашлиф.	на грани	–	8,8	5	18: 15	Там же. Рис. 159
	1а	нет	?	?	?	–	8,2	4,4	13: 3	<i>Ростунов</i> , 2000. Рис. 446: 3
	1а	нет	серо-зеленый	заполир.	?	–	8,2	3,4	13: 2	<i>Яковлев</i> , 1999. Рис. 330



№ п/п	Культура	Комплекс	Стратиграфическое положение	Обряд (кол-во погребенных)	Возраст, пол	Дополнительный инвентарь	Кол-во «курантов»	Положение «курантов»
155	СувКК	Новокубанск (1985) 1/15	впуск.	выт (1)	реб	бр. бусина, «мешок» астрагалов (150)	1	у правого колена
156	СувКК	Новокубанск (1985) 4/8	впуск.	выт (1)	реб (6–8)	«мешок» астрагалов (160)	1	напротив левого колена
157	СувКК	Новокубанск (1985) 5/3	осн.	ск лб (2)	реб	2 кер. сосуда, кер. жаровня	2	за спиной
158	СувКК	Винсады V 1/4	впуск.	не ясно (1)	?	кер. курильница, бр. нож, бр. шило, фаянсовые украшения, глин. подвески, сферосидерит	2	не ясно
159	СувКК	Кунаковский II 1/8	впуск. с досыпкой	выт (2)	реб	кер. курильница, бр. бусы, астрагалы, КЖ	1	в ногах
160	СувКК	Кунаковский III 6/3	впуск.	выт (1)	реб	кер. курильница, бр. бусы, КЖ	1	слева от колен
161	СувКК	Ульяновский I 1/15	впуск.	не ясно (1)	?	кер. курильница, кремн. отщепы, 4 кремн. наконечников стрел, кост. пуговицы, 7 кам. выпрямителей, кам. плитка, бр. нож, сердоликовые бусы, кост. предмет	1	не ясно

*Сокращения:* ЯК — ямная культура, НТК — новотиторовская культура, СКК — северокавказская культура, РКК — раннекатакомбные культуры, БатКК — батуриная катакомбная культура, ВМКК — восточноманычская катакомбная культура, ЗМКК — западноманычская катакомбная культура, СувКК — суворовская катакомбная культура; осн. — основное, впуск. — впускное, ? — стратиграфическое положение не ясно; ск сп — скорчено на спине, выт — вытянуто на спине, ск лб — скорчено на правом боку, ск лб — скорчено на левом боку, расчл — расчленено, выт лб — вытянуто на правом боку, в скобках — указано количество погребенных в захоронении; реб — ребенок, взр — взрослый, подросток — подросток, в скобках — указаны имеющиеся определения возраста, М — мужчина,

	Тип	Вогнутость	Камень, цвет	Отделка	Сработанность	Окраска охрой	Диаметр, см	Высота, см	№ рисунка	Ссылка на рисунок
	1б	нет	?	?	?	–	7,4	2,9	13: 8	Шевченко, 1985. Рис. 99
	2г	нет	кварцит	зашлиф.	?	–	6,5	3,6	13: 12	Там же. Рис. 253; 256
	1б	нет	?	?	?	–	5,8	2,8	13: 9	Там же. Рис. 279; 280
	2а	нет	?	?	?	–	4,2	2	13: 11	
	1а	нет	галька, серый	зашлиф.	сколы	+	8,4	4,5	13: 1; 18: 17	Колесниченко, 2015. Рис. 49
	3в	да	галька, серо-зеленый	крошется	?	–	9,2	6,8	13: 15; 18: 20	
	1а*	нет	серый	зашлиф.	нет	–	7,5	4,1	13: 5	Матюхин, 2005. Рис. 164: 1
	1б	нет	серый	заполир.	сколы	+	8,8	4,4	13: 7; 18: 16	Колесниченко, 2007. Рис. 331: 1
	1г*	нет	галька, черный	зашлиф.	?	–	13,2 x 9,3	5,6	13: 10	Лычагин, 2004. Рис. 415: 1

Ж — женщина; *кам.* — каменный, *кост.* — костяной, *рог.* — роговой, *бр.* — бронзовый, *кер.* — керамический, *КЖ* — кости животных, *дер.* — деревянный, *кремн.* — кремневый, *фр-т* — фрагмент, *сер.* — серебряный, *глин.* — глиняный; *мягк.* — мягкий, *песч.* — песчаник, *зерн.* — зернистый, *изв.* — известняк, *кристал.* — кристаллический, *вулк.* — вулканический, *магматич.* — магматический, *пл.* — плотный, *тв.* — твердый, *серпент.* — серпентинит, *ж.* — желтый, *зел.* — зеленый, *кор.* — коричневый, *кр.* — красный, *сирен.* — сиреневый; *зашлиф.* — зашлифованный, *заполир.* — заполированный.

## Литература и архивные материалы

### Архивные материалы

- Анфимов И.Н.*, 1986. Отчет о раскопках курганов на землях колхоза им. Калинина Красноармейского района Краснодарского края в 1986 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 6123.
- Афанасьев Г.Е.*, 1975. Отчет о работе объединенной археологической экспедиции Пятигорского музея краеведения на Кавказских Минеральных Водах и Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории, языка и экономики в 1975 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5443.
- Бабенко В.А.*, 1999. Отчет о раскопках курганного могильника «Золотаревка-6» в Ипатовском районе Ставропольского края в 1999 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 22348, 22349.
- Бабенко В.А.*, 2001. Отчет о раскопках курганного могильника «Барханчак-2» в окрестностях г. Ипатово Ипатовского района Ставропольского края в 2001 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 26055, 26056.
- Бабенко В.А.*, 2003. Отчет об охранных раскопках курганного могильника «Белый уголь 2» на юго-западной окраине г. Ессентуки Ставропольского края в 2003 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 28304, 28305.
- Батчаев В.М.*, 2002. Отчет об археологических экспедициях 2002 года (Железноводск, Прогресс, Горячеводск) // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 27311, 27312.
- Беглова Е.А., Днепровский К.А., Носкова Л.М., Эрлих В.Р.*, 1989. Отчет о работах Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1989 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 14085, 14086.
- Белинский А.Б.*, 2011. Отчет о раскопках могильника «Кабардинка» на территории Пригородного района Ставропольского края в 2011 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 29289, 29290.
- Березин С.Я.*, 2010. Отчет об археологических раскопках курганного могильника «Прогресс-2» на территории Кировского района Ставропольского края в 2010 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 40419, 40420.
- Березин Я.Б.*, 1998а. Отчет о раскопках курганных могильников «Ильинский-1» Труновского района, «Птичье-3» Изобильненского района, «Расшеватский-1», «Расшеватский-2», «Расшеватский-5» Новоалександровского района Ставропольского края в 1998 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 21030–21032.
- Березин Я.Б.*, 1998б. Отчет о раскопках курганного могильника «Золотаревка-5» Ипатовского района Ставропольского края в 1998 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 22352, 22353.
- Березин Я.Б.*, 1999. Отчет о раскопках курганных могильников «Птичье-3» Изобильненского района, «Успенский-2», «Расшеватский-1», «Расшеватский-4», «Расшеватский-5» Новоалександровского района Ставропольского края в 1999 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 22359–22363.
- Березин Я.Б.*, 2000. Отчет о раскопках курганного могильника «Иноземцево-1» на территории г. Железноводска Ставропольского края в 2000 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 24526–24528.
- Березин Я.Б.*, 2014. Отчет о раскопках курганных могильников Константиновский-3 курган 1, Константиновский-4 курганы 1–6, Константиновский-5 курганы 3, 4, Константиновский-6 курганы 1, 6, Константиновская-10 курган 1, Константиновская-11 курганы 1–3, Балка Звериная курган 1, поселения Константиновская-1 на территории города Пятигорская и Предгорного района Ставропольского края в 2012–2014 годах // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 64522–64540.
- Беспалый Е.И., Парусимов И.Н.*, 1986. Отчет о работах Приморского отряда Азовского краеведческого музея в 1986 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11387, 11388.
- Биджиев Х.Х.*, 1981. Отчет о раскопках курганов у аула Бесленей в 1981 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 8451.
- Бочкарев В.С.*, 1979. Отчет о работе Батуринского отряда Кубанской экспедиции за 1979 г. в Брюховецком районе Краснодарского края // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7581.
- Бочкарев В.С.*, 1980. Отчет о работе Новокурсунского и II-го Батуринского отрядов Кубанской экспедиции за 1980 г. в Тимашевском и Брюховецком районах Краснодарского края // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 8243.

- Бочкарев В.С.*, 1982. Отчет Кубанской экспедиции 1982 года о раскопках курганов в Тимашевском и Кореновском районах Краснодарского края // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9605.
- Бочковой В.В.*, 1999. Отчет Краснодарской археологической экспедиции о раскопках курганов на трассе строительства нефтепровода КТК у хутора Прикубанский в 1999 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 26098.
- Бочковой В.В.*, 2002. Отчет Краснодарской археологической экспедиции о раскопках курганной группы «Пластуновская 52» в 2002 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 26559, 26560.
- Верецагин В.В.*, 2013. Отчет об археологическом исследовании Суворовского курганного могильника в Предгорном районе Ставропольского края в 2013 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 55409–55412.
- Верецагина Е.Л.*, 2015. Отчет об археологических работах на кургане № 5 курганного могильника «Полтавская 3» в Брюховецком районе и на кургане № 6 курганного могильника «Шумрика 4» в МО г.-к. Анапа Краснодарского края в 2015 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 49137.
- Галанина Л.К.*, 1981. Отчет о раскопках курганов близ станицы Келермесской Гиагинского района Краснодарского края летом 1981 года // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 8758.
- Гей А.Н., Сорокина И.А., Мельник В.И.*, 1981. Отчет о работе Понурского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1981 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9722.
- Гей А.Н.*, 1988. Отчет о работе Пластуновского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1988 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 14977–14982.
- Гиджрати Н.И., Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А.*, 1977. Отчет о раскопках курганов у ст. Темижбекской и у с. Найденовка Кавказского района Краснодарского края, проведенных археолого-реставрационной экспедицией ВЦНИЛКР в 1977 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 6534.
- Головкова Н.Н.*, 1980. Отчет об исследованиях курганов в Мартыновском районе Ростовской области в 1980 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9888.
- Голубев Л.Э.*, 2020. Отчет об археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Курганный могильник «Константиновская-12» в Предгорном районе Ставропольского края в 2020 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 68225, 68226.
- Гугуев Ю.К.*, 2016. Отчет о проведении спасательных археологических полевых работ (раскопок) объектов археологического наследия — курганный могильник «Залесный-1», курганный могильник «Подлесное-2» в Труновском и Ипатовском районах Ставропольского края в 2016 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 54923–54925.
- Дроздова А.В.*, 1986. Отчет о раскопках кургана «Магистральный» в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы II-й очереди (Калининский район Краснодарского края) за 1986 год // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 12883, 12884.
- Зельдина В.Я.*, 1978. Отчет о работах (Донской археологической экспедиции) в 1978 году. Т. II // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 8102.
- Ильюков Л.С.*, 1983. Отчет об исследовании курганного могильника у хут. Нового Мартыновского района Ростовской области в 1983 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10710.
- Калмыков А.А.*, 1999. Отчет о раскопках курганных могильников Золотаревка 4 и Золотаревка 7 в Ипатовском районе Ставропольского края в 1999 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 23298, 23299.
- Калмыков А.А.*, 2000. Отчет о раскопках курганного могильника «Золотаревка-1» в Ипатовском районе Ставропольского края в 2000 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 43015–43021.
- Каминская И.В.*, 1983. Отчет о раскопках курганов в ст. Отрадной Отрадненского района Краснодарского края в 1983 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9245.
- Каминский В.Н.*, 1985. Отчет о раскопках в ст. Михайловской Курганинского района Краснодарского края в 1985 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10116.
- Каминский В.Н.*, 1987. Отчет об исследовании археологических памятников в хоне строительства Краснодарской АЭС в 1987 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 12013.
- Канторович А.Р., Маслов В.Е.*, 2012. Отчет о раскопках кургана № 1 курганного могильника «Марьинская-5» в 2009 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 30306, 30307.

- Карпов Д.А.*, 2020. Отчет об охранных раскопках курганов №№ 5 и 7 «Курганной группы (4 насыпи)», кургана № 3 курганной группы Примаки-3 и курганов №№ 1 и 7 курганной группы Новотитаровская-14 в Динском районе Краснодарского края в 2020 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 68087–68090.
- Кияшко В.Я.*, 1980. Отчет об археологических работах в Мартыновском районе Ростовской области в 1980 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 8091.
- Клещенко А.А.*, 2011а. Северокавказская культура Закубанья: Дис. ... канд. ист. наук. М. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-2. № 2801.
- Клещенко А.А.*, 2014а. Отчет о раскопках курганов №№ 422, 423, 424, 425 и 426 Курганной группы «Кёндененская Первая», расположенной на территории Баксанского и Эльбрусского районов Кабардино-Балкарской Республики в 2014 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 51131–50136.
- Клещенко А.А.*, 2017а. Отчет о раскопках курганов №№ 2, 3, 4, 5 и 6 курганной группы «Бейсужек 35» в Кореновском районе Краснодарского края в 2017 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 56843–56845.
- Колесниченко К.Б.*, 2007. Отчет о раскопках курганных могильников в Кочубеевском (Ивановский-5, Тоннельный-8) и Андроповском (Курсавский-3, Кунаковский-3, Кунаковский-4, Николаевский-3) районах Ставропольского края в 2007 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 45528–45530.
- Колесниченко К.Б.*, 2015. Отчет об археологических раскопках на территории Предгорного района Ставропольского края в 2015 году. Курганный могильник «Винсады-5» // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 52048.
- Кореневский С.Н.*, 1982. Отчет о раскопках на Кавминводах в 1982 г. курганной группы урочища Клинь-Яр у г. Кисловодска // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9059.
- Кореневский С.Н.*, 1986а. Отчет о работе Предгорного отряда Ставропольской экспедиции в 1986 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10926.
- Кореняко В.А.*, 1975. Отчет о работах на территории Ставропольского края в 1975 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 6892.
- Кореняко В.А.*, 1977. Отчет о работе Арзгирского отряда Ставропольской экспедиции ИА АН СССР в 1977 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7223.
- Красильникова Л.И.*, 2020. Отчет об охранно-спасательных археологических раскопках на территории ОАН курган «Шумный» в Усть-Лабинском районе Краснодарского края в 2020 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 70302–70304.
- Ларенок В.А., Ларенок П.А.*, 1990. Отчет о работе отдела полевых археологических исследований ТЛИАМЗ в Волгодонском районе Ростовской области в 1990 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 15112.
- Ларенок П.А.*, 1992. Отчет об исследованиях Таганрогской археологической экспедиции в 1992 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 20235–20237.
- Левин Е.С.*, 2012. Отчет о выполнении охранно-спасательных археологических работ (раскопок) на объектах археологического наследия курганов «Малеванный 7» и «Журавка 7», расположенных в Кореновском районе Краснодарского края в 2012 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 34883–34885.
- Левин Е.С.*, 2017. Отчет о выполнении охранно-спасательных раскопок курганов у станции Владимирская Лабинского района Краснодарского края в 2016 и 2017 гг. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 56013–56015.
- Левин Е.С.*, 2018. Отчет о выполнении охранно-спасательных раскопок кургана № 8 из состава объекта культурного наследия «Курганная группа» у станции Владимирская Лабинского района Краснодарского края в 2018 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 63021–63024.
- Лесков А.М.*, 1981. Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в Краснодарском крае в 1981 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 8848.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.*, 1984. Отчет о работе Краснодарской археологической экспедиции за 1984 год // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10316.

- Лукьяшко С.И., 2000. Отчет о работе Темижбекской археологической экспедиции в 2000 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 25117.
- Луцев М.Ю., 2000. Отчет Краснодарской археологической экспедиции о раскопках трех курганов в Динском районе Краснодарского края в 2000 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 25065.
- Лычагин А.В., 2001. Отчет о раскопках кургана № 4 курганного могильника «Расшеватский 6» в Новоалександровском районе Ставропольского края в 2001 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 25735, 25736.
- Лычагин А.В., 2004. Отчет об охранных раскопках в Андроповском, Георгиевском и Минераловодском районах Ставропольского края в 2004 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 31967–31969.
- Лычагин А.В., 2007. Отчет об охранных раскопках на территории Ставропольского края в 2007 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 29279, 29280.
- Лычагин А.В., 2014. Отчет о раскопках курганных могильников в Буденовском и Левонкумском районах Ставропольского края, проведенных в 2014 году ГУП «Наследие» // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 50151–50157.
- Ляхов С.В., 1997. Отчет об охранных раскопках курганов в Апанасенковском и Туркменском районах Ставропольского края в 1997 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 25677, 25678.
- Ляхов С.В., 2002. Отчет об охранных раскопках курганных могильников «Дамба-Калаус 1 и 2» в Туркменском районе Ставропольского края в 2002 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 25973, 25974.
- Ляхов С.В., 2006. Отчет об охранных раскопках курганов в Шпаковском и Кочубеевском районах Ставропольского края в 2006 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 29226, 29227.
- Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1978. Исследование курганов в Красноармейском районе Краснодарского края в 1978 году (раскопки СКАЭЭ СОГУ) // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7501.
- Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1979. Отчет о работе Северо-Кавказской археологической экспедиции Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (СОГУ) в Краснодарском крае в 1979 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7863–7866.
- Матюхин А.Д., 2005. Отчет об археологических исследованиях курганных могильников «Кунаковский-1», «Кунаковский-2», «Тоннельный-6», «Невинномысский-1» на территории Андроповского и Кочубеевского районов Ставропольского края в 2005 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 29029–29031.
- Мельник В.И., Орловская Л.Б., Сорокина И.А., Ульянова О.А., 1982. Отчет о работах в 1982 году (Понурский отряд) // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9788.
- Мячин С.В., 2008. Отчет об охранных раскопках могильников «Тугулук 1–3» и «Бударка-3» в Грачевском и Кочубеевском районах Ставропольского края в 2008 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 36673, 36074.
- Нарожный Е.И., 2006. Отчет об итогах охранно-спасательных археологических исследований в Мостовском районе Краснодарского края, проводившихся в 2006 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 54335, 54336.
- Науменко С.А., 2013. Отчет о проведении раскопок памятников археологии «Курган «Малеванный-1», «Курганный могильник Бейсужек 36» (курганы №№ 1, 2), «Могильник Кореновский 5» (курганы №№ 3, 4) в Кореновском районе Краснодарского края в 2012 и 2013 годах // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 41241–41245.
- Нехаев А.А., 1978. Отчет о раскопках курганов в Кореновском районе Краснодарского края в 1978 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7329.
- Нехаев А.А., 1979. Отчет о раскопках в Кореновском и Выселковском районах Краснодарского края в 1979 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7551.
- Нехаев А.А., 1980. Раскопки курганов в Кореновском и Динском районах Краснодарского края в 1980 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9708.
- Нехаев А.А., 1987. Отчет о раскопках Адыгейской археологической экспедиции на территории Красногвардейского района Адыгейской АО и Лабинского района Краснодарского края в 1987 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 12380.

- Нечитайло А.Л.*, 1963. Отчет о раскопках курганов в Прикубанском районе Ставропольского края (1963 г.) // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2792.
- Нечитайло А.Л.*, 1964. Отчет о раскопках у станции Усть-Джегутинской Ставропольского края в 1964 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2872.
- Нидзельницкая Л.Ю.*, 2017. Отчет о проведении раскопок на территории выявленных объектов археологического наследия — курганных могильников «Дмитриевское-7» в Красногвардейском районе, «Красная Поляна-1» и «Тахта-1» в Ипатовском районе Ставропольского края в 2017 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 57515.
- Панасюк Н.В.*, 2015. Курильницы катакомбных культур Предкавказья: Дис. ... канд. ист. наук. М. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-2. № 2842, 2843.
- Раев Б.А.*, 2003. Отчет об исследованиях курганного могильника «Пластуновский 54» в Динском районе Краснодарского края в 2003 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 32271, 32272.
- Ростунов В.Л.*, 2000. Отчет о раскопках курганных могильников «Расшеватский-1» и «Расшеватский-5» на территории Новоалександровского района Ставропольского края в 2000 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 26769, 26770.
- Ростунов В.Л.*, 2006. Отчет об археологических раскопках курганного могильника «Кабакинский-2» на территории Левокумского района Ставропольского края в 2006 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 29125, 29126.
- Рябова В.Я.*, 1980. Отчет о раскопках могильника Лебеди II в 1979–1980 гг. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 23103.
- Сафронов В.А.*, 1979. Отчет о работе разведочного отряда Северо-Кавказской археологической экспедиции Северо-Осетинского Госуниверситета в зоне проектируемого строительства Даховского водохранилища в 1979 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7566.
- Сафронов В.А.*, 1980. Отчет о раскопках курганов, проведенных Северо-Кавказской археологической экспедицией в Краснодарском крае и в Северо-Осетинской АССР в 1980 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 8050.
- Селивантьев О.А.*, 2013. Отчет о выполнении охранно-спасательных археологических работ (раскопок) объекта археологического наследия курганная группа «Кореновский 11» в Кореновском районе Краснодарского края в 2013 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 35928.
- Симакин Г.Я.*, 1967. Археологические работы на Ставрополье (раскопки курганов на горе Ракитной в г. Кисловодске в 1967 году по открытому листу № 228) // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3460.
- Синицын И.В.*, 1964. Отчет об археологических работах, произведенных на территории Калмыцкой АССР в 1964 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3020.
- Синицын И.В.*, 1966. Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР, произведенных в 1966 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4223.
- Скрипкин А.С.*, 1983. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства Краснодарской оросительной системы в Краснодарском крае в 1983 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9246.
- Ступак С.Г.*, 1999. Отчет о раскопках четырех курганов в могильниках Динской-1, 3, 4, попадающих в зону прокладки газопровода «Россия–Турция» (Динский район Краснодарского края) в 1999 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 23618, 23619.
- Ступак С.Г.*, 2000а. Отчет о раскопках четырех курганов в могильниках Динской-1 и Динской-6, попадающих в зону прокладки газопровода «Россия–Турция» (Динский район Краснодарского края) в 2000 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 24720, 24721.
- Ступак С.Г.*, 2000б. Отчет о раскопках восьми курганов в могильниках Динской-4 и Динской-6, попадающих в зону прокладки газопровода «Россия–Турция» (Динский район Краснодарского края) в 2000 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 24723, 24724.
- Тарабанов В.А., Кондрашев А.В.*, 1985. Отчет о раскопках 2-х курганов в ст. Новокорсунской Тимашевского р-на Краснодарского края в 1985 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10891.



- Тихонов Б.Г., 1976. Отчет о работах Александровского отряда Ставропольской экспедиции в 1976 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 7512.
- Тихонов Б.Г., Агаев Г.Г., Амирханов Х.А., Державин В.Л., Потапов М.М., Старков В.Ф., Самоторкин Н.Н., Чернецов А.В., 1977. Отчет о работе Александровского отряда Ставропольской экспедиции в 1977 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 8398.
- Тищенко И.Б., Нарожный Е.И., 2006. Отчет о проведении охранно-спасательных археологических исследований кургана «Ильский XVII» в Северском районе Краснодарского края (лето 2006 г.) // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 53646.
- Трифонов В.А., 2005. Отчет о раскопках дольменной группы Жанэ 2 и дольмена «Девичий» в Геленджикском районе Краснодарского края в 2005 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 26360.
- Цокур И.В., 1999. Отчет о раскопках курганов в охранной зоне ОАО «Черномортранс-нефть» у х. Бузиновского Выселковского районе Краснодарского края в 1999 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 24119–24121.
- Цокур И.В., 2003. Отчет о раскопках курганной группы «Украинский-1» в Динском районе Краснодарского края в 2003 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 32343, 32344.
- Цуцкин Е.В., 1982. Отчет о раскопках группы Эвдык-I в Приозерном районе Калмыцкой АССР в 1982 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9378.
- Чернопицкий М.П., 1987. Отчет об археологических исследованиях в станице Динская Краснодарского края в 1987 г. (курган в переулке Ставского) // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 12354.
- Чернопицкий М.П., 1988. Отчет об археологических исследованиях в станице Тенгинская Краснодарского края в 1988 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13107, 13108.
- Черных Е.Н., 1991. Отчет о работах отряда Адыгейской археологической экспедиции в Майкопском районе республики Адыгея в 1991 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 16790, 16791.
- Шевченко Н.Ф., 1984. Отчет о раскопках курганов у хутора Пролетарского Кореновского района Краснодарского края в 1984 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 10541.
- Шевченко Н.Ф., 1985. Отчет о раскопках курганов у г. Новокубанска Краснодарского края в 1985 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9860.
- Шевченко Н.Ф., 1986. Отчет о раскопках курганов у х. Пролетарского Краснодарского края в 1986 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11359.
- Шевченко Н.Ф., 1991. Отчет о раскопках курганов у х. Кавказский Брюховецкого района Краснодарского края в 1991 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 16493, 16497, 19498.
- Шевченко Н.Ф., 2020. Отчет по результатам исследований (раскопки) на территории курганов №№ 12, 13, 16 в составе ОКН федерального значения «Курганная группа «Новотитаровская 14» (6 насыпей)», курганов №№ 1, 2 в составе выявленного ОАН «Курганная группа «Осечки 5»» в зоне строительства с последующей эксплуатацией на платной основе автомобильной дороги М-4 «Дон» от Москвы через Воронеж, Ростов-на-Дону, Краснодар до Новороссийска на участке дальнего западного обхода г. Краснодара в Динском районе Краснодарского края в 2020 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 80675, 80676.
- Шилов В.П., 1983. Отчет о раскопках Волго-Донской экспедиции в 1983 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 9589.
- Шилов В.П., 1986. Отчет о раскопках Волго-Донской экспедиции в 1985–1986 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 11793.
- Шишлина Н.И., 1988. Отчет об исследовании курганов по трассе канала Волга-Чограй в Яшкульском районе Калмыцкой АССР в 1988 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 12669–12671.
- Шишлина Н.И., 2001. Археологические исследования в Ики-Бурульском районе Республики Калмыкия в 2001 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 25279–25282.
- Шишлина Н.И., 2003. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2003 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 31852, 31853.
- Шишлина Н.И., 2008. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2008 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 44201, 44202.

- Шишлина Н.И., 2011. Отчет о проведении археологических раскопок в Ремонтненском районе Ростовской области в 2011 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 30855.
- Яковлев А.В., 1999. Отчет об охранных археологических раскопках курганных могильников «Типки-4», «Типки-5», «Типки-6», «Шарахалсун-3», «Шарахалсун-5», попадающих в зону строительства нефтепровода НПС «Комсомольское–Черное море» в Апанасенковском районе Ставропольского края в сентябре–ноябре 1999 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 22492, 22493.
- Ярковая Е.А., 1973. Дневники и чертежи // Отдел фондов Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицина (по данным А.Н. Гея).
- Яцук Д.А., 2011. Отчет об итогах проведения археологических полевых работ на участке строительства объектов ООО «Ильский НПЗ» в границах территории выявленного объекта археологического наследия «Курганный могильник Ильский 27», расположенного у п. Ильский Северского района Краснодарского края (2011 г.) // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 36441.

### Литература

- Андреева М.В., 2014. Восточноманычская культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус. 272 с.
- Андреева М.В., Новикова Л.А., 2001. Курганы у села Спасского Ставропольского края // МИИХНСК. Вып. 2. С. 5–51.
- Археологический альманах. № 1. Донецк: Донецкий обл. арх. музей, 1993. 236 с.
- Белькевич Е.В., Гак Е.И., Клеценко А.А., 2018. Метод научной реставрации в изучении технологий древнего литья (на материалах курганный группы «Кёнденская I», эпоха средней бронзы) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Материалы междунар. науч. конф. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкесск. гос. ун-та им. У.Д. Алиева. С. 44–45.
- Березин Я.Б., Калмыков А.А., 1998. Курганы у села Красногвардейское Ставропольского края // МИИХНСК. Вып. 1. С. 55–95.
- Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (периодизация и хронология памятников). Киев: Наукова думка. 250 с.
- Власкин М.В., Илюков Л.С., 1992. Каменные песты и ступы катакомбной культуры Нижнего Дона // РА. № 3. С. 178–194.
- Гак Е.И., 2016. Этапы трансформаций в металлопроизводстве среднего бронзового века на территории степного Предкавказья и юго-востока Русской равнины // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н.э.). Круглый стол, посвящ. 80-летию со дня рожд. С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.): Материалы / Отв. ред. В.А. Алехин. СПб.: ИИМК РАН. С. 74–79.
- Гак Е.И., Калмыков А.А., 2009. Ямно-новотиторовское наследие в металлопроизводстве катакомбных культур центральной и восточной части степного Предкавказья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургск. гос. пед. ун-т. С. 104–119.
- Гак Е.И., Калмыков А.А., 2013. Металлический инвентарь курганных погребений позднеямно-катакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья // МИИХНСК. Вып. XI. С. 117–158.
- Гак Е.И., Калмыков А.А., 2014. Металл изделий позднеямно-раннекатакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья // Древние культуры юго-восточной Европы и западной Азии. Сборник к 90-летию со дня рожд. и памяти Н.Я. Мерперта / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН. С. 45–57.
- Гак Е.И., Клеценко А.А., 2016. Металл северокавказской культуры Закубанья (химико-технологическая оценка) // КСИА. Вып. 243. С. 173–193.
- Геворкова Д.А., 2024. Бронзовые кованые полусферические бляхи северокавказской культуры: анализ орнаментальных мотивов // Достижения и перспективы изучения

- археологии Северного Кавказа в XX — первой четверти XXI века: Материалы Международ. науч. конф. по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвящ. 120-летию со дня рожд. Евгения Игнатьевича Крупнова / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН. С. 45–48.
- Гей А.Н., 1993. Проблема социальной дифференциации и эволюции общества степных скотоводов эпохи бронзы (на примере новотиторовской и катакомбной культур Степного Прикубанья) // Социальная дифференциация общества (Поиски археологических критериев) / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М.: Наука. С. 42–77.
- Гей А.Н., 1995. Батуринская катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в степном Прикубанье // ИАА. Вып. 1. С. 4–14.
- Гей А.Н., 2000. Новотиторовская культура. М.: Старый сад. 220 с.
- Гей А.Н., Корневский С.Н., 1989. Два погребения с трапезиевидными бронзовыми бляхами из Ставрополя и Прикубанья // Древности Ставрополя / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: Наука. С. 270–278.
- Гей А.Н., Клещенко А.А., 2018. Большой Петропавловский могильник: публикация и интерпретация материалов раскопок. М.: ИА РАН. 220 с. (Труды Северо-Кавказской (Донской) археологической экспедиции; Т. 1).
- Гриневич К.Э., 1951. Новые данные по археологии Кабарды // МИА. № 23. С. 125–139.
- Даль В.И., 1905. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / 3-е изд., испр. и знач. доп., изд. под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М.: т-во М.О. Вольф. Т. 2: И–О. [2], 2030 стб.
- Дергачев В.А., 2023. Ямная культура Карпато-Подунавья. Т. 1: Каталог памятников. Кишинэу: CEP USM. 773 с.
- Державин В.Л., 1991. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.: ИА АН СССР. 184 с.
- Днепровский К.А., Лопатин Н.В., 2010. Курган 1 Чернышевского I курганного могильника в Адыгее // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы / Сост. А.И. Василенко. Луганск: Глобус. С. 92–136.
- Иессен А.А., 1941. Река Баксан, 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.: краткие отчеты и сведения. М. Л.: Изд-во АН СССР. С. 226–236. Рис. 60–63. Табл. XXXVIII.
- Калмыков А.А., 2010. Археологические исследования В.Г. Самойленко на Ставрополье в 1989 г. // Проблемы охраны и изучения памятников археологии степной зоны Восточной Европы / Сост. А.И. Василенко. Луганск: Глобус. С. 201–228.
- Калмыков А.А., Корневский С.Н., 2001. Новое погребение с бронзовым топором эпохи средней бронзы из степного Предкавказья // МИИХНСК. Вып. 2. С. 53–63.
- Клещенко А.А., 2011б. Бронзовые ножи и шилья раннего этапа эпохи средней бронзы Закубанья // КСИА. Вып. 225. С. 88–99.
- Клещенко А.А., 2012. Булавки эпохи средней бронзы Предкавказья как культурно-хронологические маркеры // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. В 2 кн. / Редкол.: В.А. Алексин и др. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН. Кн. 2. С. 132–137.
- Клещенко А.А., 2013а. Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика // КСИА. Вып. 228. С. 171–190.
- Клещенко А.А., 2013б. Керамический комплекс закубанского варианта северокавказской культуры // РА. № 2. С. 37–43.
- Клещенко А.А., 2014б. Синтезирующие признаки памятников суворовской катакомбной культуры // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения»: Материалы междунар. науч. конф. Москва, 21–25 апреля 2014 г. / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН. С. 63–66.
- Клещенко А.А., 2017б. Большие булавочные наборы из погребений курганной группы «Кёндеденская I» и «поясные наборы» эпохи средней бронзы Центрального Предкавказья // КСИА. Вып. 249-I. С. 85–101.

- Клещенко А.А., 2018а. Каменные втульчатые топоры эпохи средней бронзы Предкавказья: классификация и хронология // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века / Отв. ред. А.Н. Гей. М.: ИА РАН. С. 154–252.
- Клещенко А.А., 2018б. Кремневые выемчатые наконечники стрел эпохи средней бронзы Предкавказья // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Материалы междунар. науч. конф. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкесск. гос. ун-та им. У.Д. Алиева. С. 89–92.
- Клещенко А.А., 2020. Миграционная гипотеза происхождения северокавказской культуры // *Stratum plus*. № 2. С. 227–242.
- Клещенко А.А., 2022. Памятники ямной культуры Предкавказья: общая характеристика и проблемы изучения // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия (к 100-летию со дня рождения Н.Я. Мерперта): Тез. докл. конф. М.: ИА РАН. С. 56–58.
- Клещенко А.А., 2024а. Северокавказская культура: современные источники, результаты и перспективы исследования // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX — первой четверти XXI века: Материалы Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвящ. 120-летию со дня рожд. Евгения Игнатьевича Крупнова / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН. С. 69–72.
- Клещенко А.А., 2024б. Кочетовский вариант новотиторовской культуры: новые источники и их интерпретация // КСИА. Вып. 275. С. 62–78.
- Клещенко А.А., Березин Я.Б., Бабенко В.А., Канторович А.Р., Маслов В.Е., 2021. Новые находки антропоморфных статуэток северокавказской культуры в Центральном Предкавказье // КСИА. Вып. 262. С. 30–49.
- Ковалева И.Ф., 1984. Север Степного Поднепровья в энеолите — бронзовом веке. Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т. 116 с.
- Ковалева И.Ф., 2012. Катакомбные погребения Северостепного Поднепровья с алтарями // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. С. 43–50.
- Козюменко Е.В., Беспалый Е.И., Беспалый Г.Е., Раев Б.А., 2001. Раскопки курганного могильника «Кавказский 2» // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. Краснодар. С. 155–156.
- Копьева Т.А., 2021. Катакомбная культура на территории Крымского полуострова: по материалам погребальных памятников. СПб.: Нестор-История. 424 с.
- Кореневский С.Н., 1976. О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы // СА. № 4. С. 16–31.
- Кореневский С.Н., 1981. Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) / Под ред. Б.А. Литвинского. М.: Наука. С. 20–41.
- Кореневский С.Н., 1984. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. / Под ред. В.И. Марковина. Нальчик: Эльбрус. Т. 1. С. 254–285.
- Кореневский С.Н., 1986б. О поясных наборах периода средней бронзы из Центрального Предкавказья // КСИА. Вып. 185. С. 35–42.
- Кореневский С.Н., 1986в. Т- и У-образные булавки эпохи средней бронзы Большого Кавказа и Предкавказья // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа / Отв. ред. Т.Б. Тургиев. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т. С. 12–24.
- Кореневский С.Н., 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.: ИА АН СССР. 174 с.
- Кореневский С.Н., 2018. О символике погребений с оружием ударного действия у племен Кавминводской группы и погребения с каменным топором у ст. Галюгаевской (эпоха средней и начала поздней бронзы) // КСИА. Вып. 251. С. 67–86.
- Кореневский С.Н., 2019. Погребение с каменным топором из кургана у винсовхоза Машук: к вопросу о символике находок // *Stratum plus*. № 2. С. 283–294.

- Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г., 2005. Поселение Михайловка — эталонный памятник древнейшей культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб.: Европейский дом. 316 с.
- Коробкова Г.Ф., Шаровская Т.А., 1983. Функциональный анализ каменных и костяных изделий из курганов эпохи ранней бронзы у станиц Новосвободной и Батуринской // Древние культуры Евразийских степей: по материалам археологических работ на новостройках / Отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука. С. 88–94.
- Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В., Марченко И.И., 2001. Раскопки курганов у ст. Нововеличковская в 1999 году // Археологические исследования на новостройках Краснодарского края. Вып. 1. С. 80–137.
- Марковин В.И., 1999. Константиновская группа курганов эпохи бронзы у г. Пятигорска // Древности Северного Кавказа / Отв. ред. В.И. Марковин. М.: ИА РАН. С. 24–60.
- Нечитайло А.Л., 1978. Антропоморфные алебастровые статуэтки в ранних памятниках северокавказской культуры // СА. № 2. С. 178–186.
- Нечитайло А.Л., 1979. Суворовский курганный могильник. Киев: Наукова думка. 84 с.
- Николаева Н.А., 2011. Этно-культурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Москов. гос. обл. ун-т. 536 с.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1975. Происхождение костяных молоточковидных булавок // КСИА. Вып. 142. С. 11–17.
- Парусимов И.Н., 1997. Археологические раскопки в Ремонтненском районе. Могильник Лысянский I // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Новочеркасск: Музей истории донского казачества. Вып. 1. С. 10–18.
- Резепкин А.Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История. 344 с. (Труды ИИМК РАН; Т. XXXVII).
- Ростунов В.Л., Хашегульнов Б.М., 1985. К хронологии височных подвесок в 1,5–2,5 оборота эпохи ранней бронзы Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа / Отв. ред. Т.Б. Тургиев. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. ун-т. С. 41–55.
- Самоковасов Д.Я., 1908. Могилы Русской земли. М.: Синодальная тип. 271 с.
- Сафронов В.А., 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников: Сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. М. Вып. VII. С. 23–83.
- Трифонов В.А., 1991а. Степное Прикубанье в эпоху энеолита — средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья: по материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края / Отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука. С. 92–163.
- Трифонов В.А., 1991б. Батуринский вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья: источники, проблемы исследования / Отв. ред. С.Н. Братченко. Киев: Респ. ассоц. молодых ученых и специалистов АН Украины. С. 101–116.
- Файферт А.В., 2014. Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников). Ростов-на-Дону. 499 с.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д., 1986. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). Киев: Наукова думка. 158 с.
- Шаровская Т.А., 1985. О функциональном назначении каменных орудий из могильника Веселая Роща // СА. № 2. С. 224–227.
- Шишлина Н.И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.). М.: ГИМ. 398 с. (Труды ГИМ; Вып. 165).
- Шишлина Н.И., ван дер Плихт Й., Зазовская Э.П., 2013. Костяные булавки бронзового века: результаты радиоуглеродного датирования // РА. № 4. С. 35–44.
- Эрлих В.Р., Гак Е.И., Клещенко А.А., 2020. Погребения среднего бронзового века археологического комплекса Шушук // АВ. Вып. 27. С. 253–278.
- Rassamakin Ju.Ja., 2004. Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. Tl. 1 und 2. 233 und 553 S.

## Stone “courants” of the Middle Bronze Age in Ciscaucasia: classification and chronology

Aleksandr A. Kleshchenko<sup>16</sup>

The paper presents the results of an analysis of stone “courants” from burial sites of the Middle Bronze Age in Ciscaucasia. The research source base consists of 241 items from 161 burials and ritual complexes belonging to the Yamnaya, Novotitorovskaya, North Caucasian (Severokavkazskaya), and Early and Late Catacomb cultures. All items were examined within the framework of three main chronological stages of the Middle Bronze Age (the 1<sup>st</sup>, 2<sup>nd</sup>, and 3<sup>rd</sup> quarters of the 3<sup>rd</sup> millennium BC), taking into account morphological (shape, size, other features), technological (material, color, quality of processing, traces of use), and ceremonial characteristics (stratigraphy, gender and age definitions, position in burial, traces of ochre, and accompanying goods). It is concluded that the custom of using stone “courants” in the funeral rite among the Middle Bronze Age population of Ciscaucasia represented a supra-cultural phenomenon, whose specific features were determined by chronological, cultural, geographical, and other factors. However, the particular ceremonial and possibly everyday functions of “courants” remain unclear. There are reasons to believe that the tradition of manufacturing “courants” in Ciscaucasia originated from the clay-ochre products of the Kvityanskaya (Post-Mariupol) culture and may be associated with the migration of populations from the Northern Black Sea region to Ciscaucasia at the turn of the 4<sup>th</sup> to the 3<sup>rd</sup> millennium BC. This event led to a radical transformation of the religious and material life of the population in Ciscaucasia during the 1<sup>st</sup> quarter of the 3<sup>rd</sup> millennium BC, with these innovations persisting until the end of the Middle Bronze Age.

**Keywords:** *stone “courants”, Middle Bronze Age, Ciscaucasia, Yamnaya culture, Novotitorovskaya culture, Severokavkazskaya (North Caucasian) culture, Early Catacomb cultures, Late Catacomb cultures, origin, classification, characteristics, evolution*

---

16 Aleksandr A. Kleshchenko — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: sansanych@bk.ru; ORCID: 0000-0001-7577-8835.

## Датировка барельефных изображений на дольмене группы Капибге-1 в окрестностях Большого Сочи<sup>1</sup>

А.С. Кизилов<sup>2</sup>, К.А. Глазов<sup>3</sup>

*В статье вводятся в научный оборот детализировка композиции и аргументы к датировке антропоморфных барельефных изображений, обнаруженных на фасаде дольмена группы Капибге-1, расположенной в окрестностях хребта Мизегух (город-курорт Сочи). До недавнего времени на дольменах Западного Кавказа исследователи не отмечали наличие антропоморфных и зооморфных барельефных изображений. В 2023 г. при мониторинге состояния мегалитических памятников на территории Большого Сочи на фасадной плите ложнопортального корытообразного дольмена при косом освещении были замечены хорошо сохранившиеся барельефные изображения людей и животных. Для определения датировки композиции проведен анализ представленных на ней изображений двух лучников. Полученные в результате метода фотограмметрии качественные изображения луков позволили их сопоставить с типами вооружения разных эпох на Северном Кавказе и других территориях. Проведенные исследования показали, что барельефы на фасаде дольмена были выполнены, если и не одновременно со строительством самого дольмена, то, по крайней мере, в период бытования традиции строительства самих мегалитических сооружений.*

**Ключевые слова:** Черноморское побережье Кавказа, дольмен, барельеф, антропоморфные изображения, вооружение, фотограмметрия, каталогизация памятников археологического историко-культурного наследия

<http://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-478-4.87-93>

В июле 2023 г. при мониторинге дольменных групп на территории Большого Сочи, целью которого являлась каталогизация памятников археологического историко-культурного наследия, на фасаде ложнопортального корытообразного дольмена группы Капибге-1 при косом освещении (**рис. 1**) была зафиксирована ранее неизвестная барельефная композиция, включающая фигуры оленихи с олененком, преследуемых собакой, двух охотников с луками, три пары человеческих фигур и пять птицеобразных изображений (**рис. 2**) (Глазов и др., 2025). Одним из первых вопросов, возникших после

1 Исследование подготовлено в рамках реализации государственного задания ФИЦ СЦ РАН FGRW-2024-0002, № госрегистрации 124022000096-2.

2 Андрей Сергеевич Кизилов — Субтропический научный центр РАН, ул. Яна Фабрициуса, д. 2/28, Сочи, 354002, Россия; e-mail: kiziloff2014@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7489-8832.

3 Константин Анатольевич Глазов — Субтропический научный центр РАН, ул. Яна Фабрициуса, д. 2/28, Сочи, 354002, Россия; e-mail: paradoxsochi@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8376-7861.



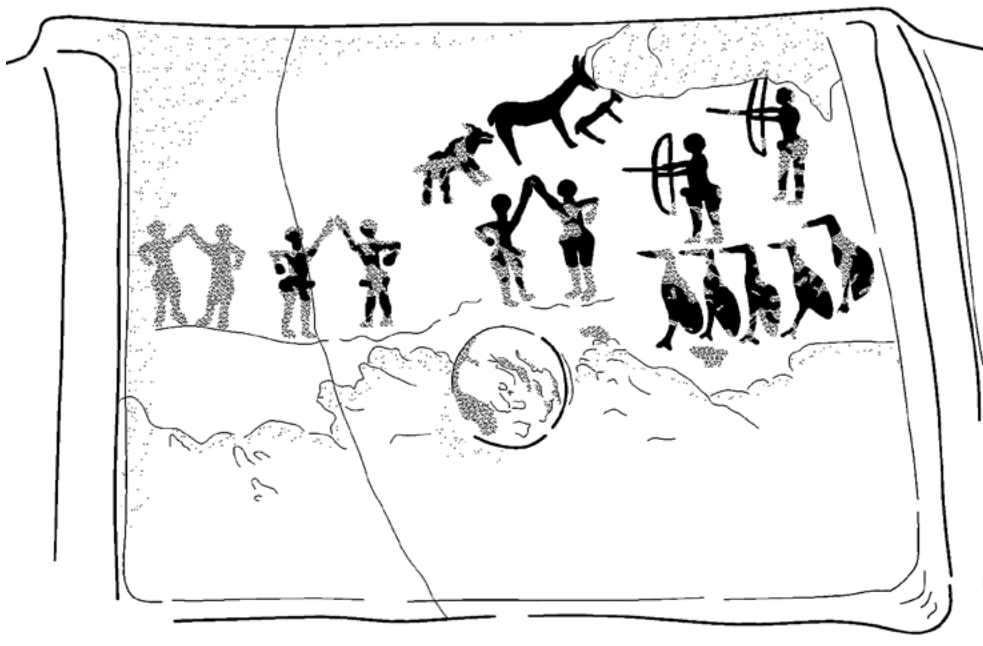
**Рис. 1.** Фасадная сторона ложнопортального корытообразного дольмена группы Капибге-1 (фотография авторов)

**Fig. 1.** The front side of the false portal trough-shaped dolmen of the Kapibge-1 group (photo by the authors)



**Рис. 2.** Композиция на фасадной стороне ложнопортального корытообразного дольмена группы Капибге-1 (прорисовка авторов статьи)

**Fig. 2.** Composition on the front side of the false portal trough-shaped dolmen of the Kapibge-1 group (drawing by the authors)



проведения 3-D фотограмметрии изображения, стала их хронологическая атрибуция.

Проблематика интерпретации и датировки нанесенных на дольменах Западного Кавказа символов неоднократно затрагивалась в работах авторов настоящей статьи (Кизилов, 2023; 2024; Глазов и др., 2025). При этом в процессе исследований неоднократно были зафиксированы факты разновременности памятников и нанесенных на них барельефов (Кизилов, Тверитинов, 2023). С подобными вопросами сталкивались и другие исследователи дольменных сооружений. Так, при исследовании средневекового городища Кяфар (Аржанцева, 2004) помимо материалов IX–XII вв. обнаружены предметы меотской археологической культуры, датируемые первыми веками н.э. (Аржанцева, Албегова, 1999. С. 183). Тем не менее, постройки дольменообразных склепов относят к эпохе Средневековья, поскольку

в декоре элементов архитектурных деталей, найденных в развалинах и их окрестностях, обнаружены элементы христианской символики.

Интересен в данном контексте демонстрируемый в экспозиции Ставропольского государственного музея-заповедника и происходящий с того же Кяфарского городища уникальный дольменообразный склеп, вся поверхность которого покрыта художественными барельефами (Ставропольский...). Важно отметить, что изображенные на поверхностях склепа воины держат в руках характерное для своей эпохи оружие, что является еще одним подтверждением единовременности постройки самого сооружения и создания его декора.

Возвращаясь к барельефу на дольмене группы Капибге-1, подчеркнем, что изображенные на них луки показаны с надетой, но не натянутой в момент выстрела тетивой (**рис. 3**). Именно это обстоятельство позволяет сделать определенные выводы о типологии самих луков.

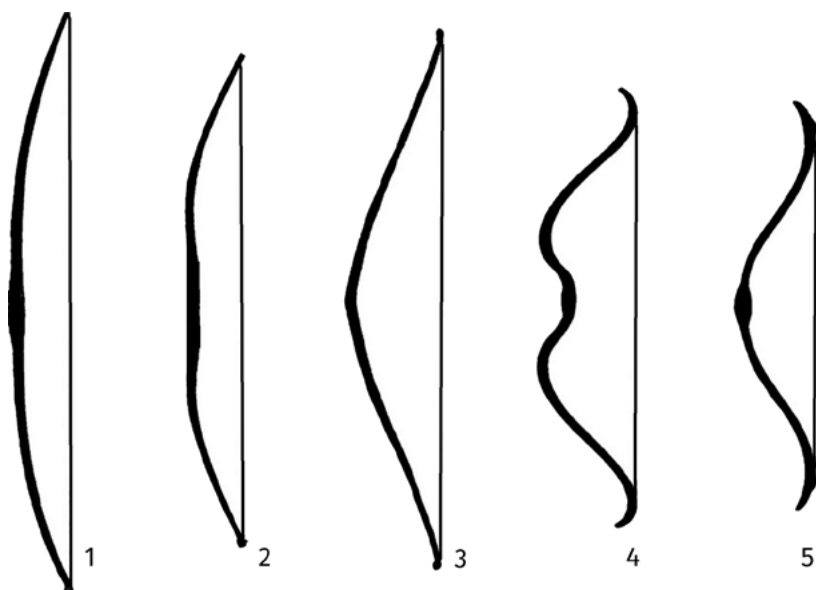


**Рис. 3.** Охотники с луками на дольмене группы Капибге-1 (прорисовка авторов статьи)

**Fig. 3.** Hunters with bows on the dolmen of the Kapibge-1 group (drawing by the authors)

Говоря о разнообразии луков, необходимо отметить, что типологически различают простые луки (с цельным корпусом), сложные усиленные, сложные «угловые» и сложносоставные (Борисов, Леонова, 2017). Несмотря на то, что внутри каждого типологического ряда существуют определенные вариации и особенности, в упрощенной систематизации можно определить пять основных типов (**рис. 4**). Простой лук с не усиленной кибитью (**рис. 4: 1**) и сложный усиленный лук (**рис. 4: 2**) с наклеенными на кибить сухожилиями — оба после надевания на них тетивы имеют характерный профиль сегмента окружности. У сложных составных луков, сделанных из нескольких слоев разной древесины — западно-азиатский «угловой» лук (**рис. 4: 3**),





**Рис. 4.** Типы древних луков: 1 — простой; 2 — сложный усиленный; 3 — сложный западно-азиатский «угловой»; 4 — сложносоставной «скифский»; 5 — сложносоставной «турецкий» (по: McEwen et al., 1991)

**Fig. 4.** Types of ancient bows: 1 — simple; 2 — complex reinforced; 3 — complex West Asian «angular»; 4 — compound «Scythian»; 5 — compound «Turkish» (after McEwen et al., 1991)

«скифский» (рис. 4: 4) и «турецкий» (рис. 4: 5) — профиль радикально отличался от простого и усиленного луков.

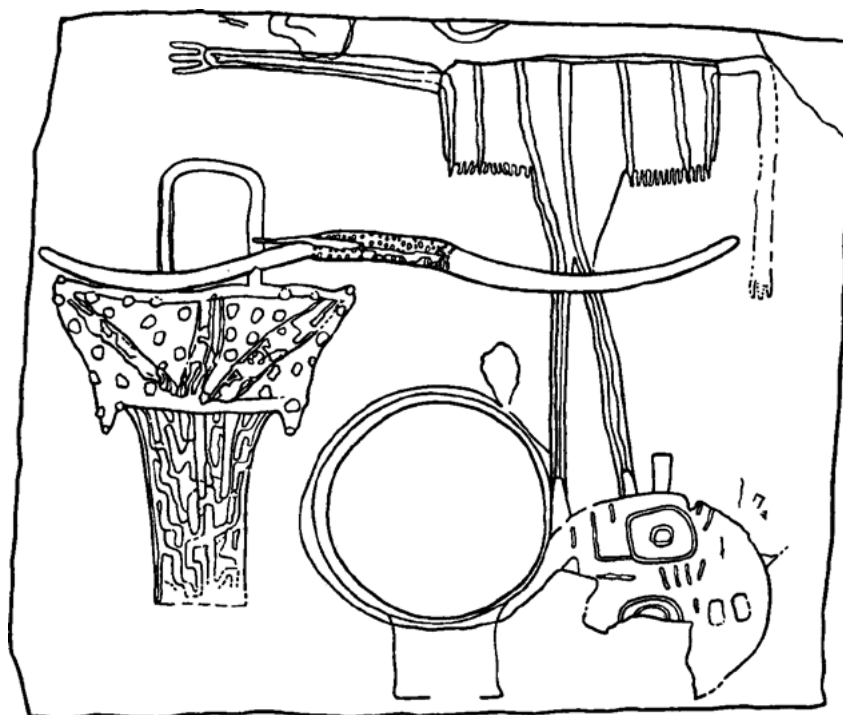
Как отмечал Ю.С. Худяков, изображения «охотничьих сцен, с присутствием в их составе нескольких антропоморфных персонажей с луками и стрелами в руках, могут быть важным информативным изобразительным источником по истории этносов» (Худяков, Табалдиев, 2019. С. 146). На обнаруженных сюжетах петроглифов в горах Кара-Тоо четко просматривается «сложносоставной лук с вогнутой серединой, выгнутыми плечами и загнутыми по направлению стрельбы концами» (Там же. С. 144).

Изображенные на дольмене группы Капибге-1 луки следует отнести к типу сложных усиленных. Наиболее ранние аналогии им можно найти на рисунках, сделанных на стенах двухкамерной подкурганной мегалитической гробницы (погребение № 1) из кургана № 28 могильника Клады (Резепкин, 2012. С. 182–183. Рис. 53; 54) (рис. 5). На обоих изображениях в гробнице мы видим сложный усиленный лук с ненатянутой тетивой. А.Д. Резепкин относит этот комплекс к третьему стратиграфическому горизонту новосвободненской культуры (Там же. С. 74. Рис. 262), т.е. к третьей четверти IV тыс. до н.э. (Там же. С. 93. Табл. 7).

Форма луков на дольмене группы Капибге-1 сопоставима также с луками на древних изображениях Телль-Эль-Амарнских рельефов, где изображена пляска стрелков (Бороздина, 1919. С. 35. Рис. 13) (рис. 6). В руках воинов изображены сложные усиленные луки, поскольку центральная

**Рис. 5.** Изображение на второй (центральной) поперечной плите с лазом (входным отверстием) (по: Резепкин, 2012. Рис. 53)

**Fig. 5.** The image on the second (central) transverse stove with a hole (inlet) (after Резепкин, 2012. Рис. 53)





**Рис. 6.** Военная пляска стрелков (по: *Бороздина*, 1919. Рис. 13)

**Fig. 6.** Military dance of the shooters (after *Бороздина*, 1919. Рис. 13)

часть корпуса гораздо жестче, чем плечи, и практически не прогибается. Данные рельефы имеют точные датировки, поскольку после смерти Эхнатона в 1349 г. до н.э. (*Ладынин*, БРЭ. 2004–2017) город был покинут (Географическая энциклопедия), что совпадает с периодом заката строительства дольменов на Западном Кавказе — 1400–1300 гг. до н.э. (*Марковин*, 1978. С. 282).

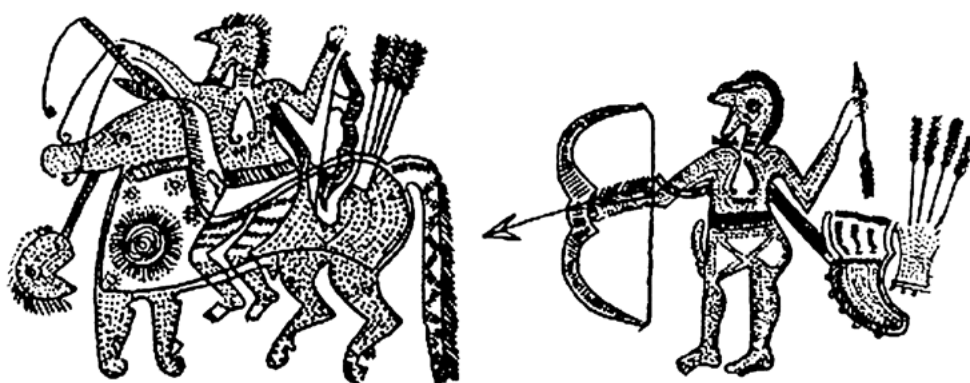
Со второй половины II тыс. до н.э. в Египте появляются и сложносоставные луки — т.н. западно-азиатские «угловые» луки (*McEwen et al.*, 1991). Профиль «углового» лука хорошо изображен на рельефе из Ниневии (*Соловьёва, Фраёнова*, БРЭ, 2004–2017) (**рис. 7**). Появление же на Кавказе сложносоставного  $\Sigma$ -образного «скифского» лука характерно для более позднего периода появления кочевников. Этот факт отражен в сюжете кобанского бронзового пояса (*Блиев, Бзаров*, 2013. С. 39) (**рис. 8**).



**Рис. 7.** «Ассирийские лучники». Рельеф из Ниневии. Около 690 г. до н.э. Государственные музеи Берлина (по: *Соловьёва, Фраёнова*)

**Fig. 7.** «Assyrian archers». Relief from Nineveh. Around 690 BC, Berlin State Museums (after *Соловьёва, Фраёнова*)

Таким образом, в результате сопоставления типов боевых и охотничьих луков и датировок их бытования на Кавказе и в других регионах можно сделать вывод о том, что на фасаде дольмена группы Капибге-1, расположенной в окрестностях хребта Мизегух, изображены охотники, вооруженные сложным усиленным типом лука. Поскольку сложносоставные луки, к которым относятся западно-азиатские «угловые» луки, а тем более сложносоставные  $\Sigma$ -образные двояковыгнутые



**Рис. 8.** Изображение скифских воинов на кобанском бронзовом поясе (по: *Блиев, Бзаров*, 2013. С. 39)

**Fig. 8.** The image of Scythian warriors on the Koban bronze belt (after *Блиев, Бзаров*, 2013. С. 39)

луки «скифского» типа появляются на Кавказе значительно позже, то можно с уверенностью полагать, что рельефные изображения на дольмене группы Капибге-1 выполнены не позднее первой половины II тыс. до н.э., т.е. в период строительства сакральных мегалитических гробниц эпохи бронзы — дольменов.

Аржанцева И.А. Кяфар // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/archeology/text/2127444> (дата обращения: 29.04.2023).

Аржанцева И.А., Албегова З.Х., 1999. Культовые камни Кяфарского городища (еще раз о религиозном дуализме алан) // Древности Северного Кавказа / Отв. ред. В.И. Марковин. Пятигорск; М.: ИА РАН. С. 183–200.

Блиев М.М., Бзаров Р.С., 2013. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. 3-е изд. М.: СЕМ. 351 с.

Борисов Г.Б., Леонова Е.В. ЛУК // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/2150086> (дата обращения: 29.12.2023).

Бороздина Т.Н., 1919. Древнеегипетский танец. М.: Изд-во Д.Я. Маковский и Сын. 36 с. Географическая энциклопедия. Амарна. URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc\\_geo/7602/%D0%90%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B0](https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geo/7602/%D0%90%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B0) (дата обращения: 14.05.2025).

Глазов К.А., Кудин М.И., Кизилев А.С., 2025. Зооморфные и антропоморфные барельефы на дольменах Большого Сочи // Проблемы сохранения объектов культурного наследия и новейшие цифровые технологии: Сб. материалов круглого стола / Ред.: Е.Ю. Ендольцева и др. М.: ИВ РАН. С. 64–74.

Кизилев А.С., 2023. Культурные скрепы славяно-адыгских средневековых связей Черноморского побережья — Туапсе-Лазаревское. Факты археологии и этнографии // Сборник статей XVI Междунар. науч. чтений, посвящ. Дню славянской письменности и культуры. Майкоп. С. 120–127.

Кизилев А.С., 2024. Крест и языческое древо жизни на археологических памятниках Западного Кавказа — история и современность. К вопросу об использовании электронных баз данных по объектам историко-культурного наследия // Сборник статей XVII Международных научных чтений, посвящ. Дню славянской письменности и культуры (Майкоп, 24 мая 2024 г.). Майкоп: Изд-во Магарин О.Г. С. 130–139.

Кизилев А.С., Тверитинов И.А., 2023. Византийское наследие Лазаревского района Большого Сочи в аспектах выявления, сохранения и внедрения // Известия Субтропического научного центра РАН. № 3-2. С. 70–81.

Ладынин И.А. Эхнатон // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: [https://old.bigenc.ru/world\\_history/text/4918107](https://old.bigenc.ru/world_history/text/4918107) (дата обращения: 14.05.2025).

Марковин В.И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука. 328 с.

Резепкин А.Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История. 344 с. (Труды ИИМК РАН; Т. XXXVII).

Соловьёва С.С., Фраёнова Е.М. Ассирия // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: [https://old.bigenc.ru/world\\_history/text/1835115](https://old.bigenc.ru/world_history/text/1835115) (дата обращения: 14.04.2025).

Ставропольский государственный музей-заповедник. Официальная страница Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве // URL: [https://vk.com/wall-13771138\\_10036](https://vk.com/wall-13771138_10036) (дата обращения: 14.05.2025).

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 2019. Изображения лучников на петроглифах Кара-Тоо в Кыргызстане // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 18. № 7: Археология и этнография. С. 142–147.

McEwen E., Miller R.L., Bergman C.A., 1991. Early Bow Design and Construction // Scientific American. Vol. 264. P. 76–82.

## Dating of the bas-relief images on the dolmen of the Kapibge-1 group in the vicinity of Greater Sochi<sup>4</sup>

Andrey S. Kizilov<sup>5</sup>, Konstantin A. Glazov<sup>6</sup>

The article introduces into scholarly circulation details of the composition and arguments for dating the anthropomorphic bas-relief images on the façade of the Kapibge-1 group dolmen, located near the Mizeguh Ridge in the resort city of Sochi. Until recently, researchers had not noted the presence of anthropomorphic and zoomorphic bas-relief images on the dolmens of the Western Caucasus. In 2023, during monitoring of the condition of megalithic sites in the Greater Sochi region, well-preserved bas-relief depictions of humans and animals were identified on the façade slab of a false-portal, trough-shaped dolmen under oblique lighting. To establish the date of the composition, an analysis was conducted of the images of two archers on the slab. High-quality images of bows obtained through photogrammetry allowed for comparison with various types of weapons from different periods in the North Caucasus and other regions. The research demonstrated that the bas-reliefs on the dolmen's façade were created, if not simultaneously with the construction of the dolmen itself, then at least during the period when the tradition of building megalithic structures was still prevalent.

**Keywords:** *the Black Sea coast of the Caucasus, dolmen, bas-relief, anthropomorphic images, weapons, photogrammetry, cataloguing of archaeological historical and cultural heritage sites*

---

4 The study was funded by the state assignment research of FRC SSC RAS FGRW-2024-0002, project No. 124022000096-2.

5 Andrey S. Kizilov — Subtropical Scientific Center of the RAS, 2/28 Yana Fabritsiusa St., Sochi, 354002, Russian Federation; e-mail: kiziloff2014@mail.ru; ORCID 0000-0002-7489-8832.

6 Konstantin A. Glazov — Subtropical Scientific Center of the RAS, 2/28 Yana Fabritsiusa St., Sochi, 354002, Russian Federation; e-mail: paradoxsochi@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8376-7861.

## Комплекс вещевых находок поселения позднего бронзового века Багай 1 в Северо-Западном Крыму

А.А. Горошников<sup>1</sup>, З.В. Горошникова<sup>2</sup>, Р.А. Мимоход<sup>3</sup>, А.Н. Усачук<sup>4</sup>

*В работе рассматривается комплекс вещевых находок, полученных в 2021–2022 гг. в процессе охранно-спасательных раскопок участка поселения позднего бронзового века Багай 1 на территории Сакского р-на Республики Крым. Находки (более 1200 единиц) — это орудия труда, выполненные из камня, кости и металла, а также предметы обихода и украшения из этих материалов и раковин моллюсков. Помимо этого в коллекции представлено значительное количество лепной керамики кухонно-бытового и технического назначения. Проанализированные изделия позволяют определить период бытования поселения в пределах XV — начала X в. до н.э., что подтверждается и радиоуглеродными датами.*

**Ключевые слова:** Северо-Западный Крым, поздний бронзовый век, поселение, находки, камень, кость, кремнь, бронза, раковина, керамика

<http://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-478-4.94-110>

В полевом сезоне 2021–2022 гг. в Сакском р-не Республики Крым экспедицией ИА РАН были проведены охранно-спасательные раскопки участка поселения позднего бронзового века Багай 1 (рис. 1).

Памятник расположен у с. Суворовское, на низком левом берегу Багайской балки и занимает пологий мыс, образованный главным течением балки и восточными боковыми притоками. На местности он отмечен по невысокому, но обширному поднятию с золистым слоем, насыщенным лепной керамикой позднего бронзового века. Поселение является одним из крупнейших в Северо-Западном Крыму, а также на настоящий момент — наиболее исследованным (общая площадь раскопок составила более 1,4 га).

- 
- 1 Андрей Алексеевич Горошников — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: goroshnikov89@bk.ru; ORCID: 0000-0002-5148-1559.
  - 2 Зоя Викторовна Горошникова — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: leben7@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4084-6951.
  - 3 Роман Алексеевич Мимоход — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: mimokhod@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4584-4747.
  - 4 Анатолий Николаевич Усачук — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: doold@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1028-1884.



Результаты междисциплинарных исследований позволяют утверждать, что памятник является долговременным стационарным поселком скотоводов или поселением, предназначенным для проживания в зимний период (*Борисов и др.*, 2023). На поселении выделяется жилая зона (в южной части раскопа), вокруг которой — обширная хозяйственная периферия с явно выраженными следами скотоводства: каменными загонами, имеющими различные форму и размеры, использовавшимися для кормления и содержания скота (длительного или кратковременного) или для дойки и последующей переработки молочной продукции (**рис. 1: 4, 5**). Также нельзя исключать совместное пребывание в помещениях животных и человека, особенно в холодное время года, когда скот использовался как источник тепла.

Проведенное радиоуглеродное датирование материалов поселения позволяет отметить непрерывное заселение памятника в позднем бронзовом веке: от позднего этапа Ноуа-Сабатиновки до белозерской культуры. Если использовать медиану, рассчитанную для каждой радиоуглеродной даты, то можно составить непрерывную хронологию развития поселения в позднем бронзовом веке — с XV в. по начало X в. до н.э. (*Кулькова и др.*, 2024).

Стоит отметить, что багайские материалы имеют значительное сходство с находками на памятниках позднего бронзового века сопредельного Таманского полуострова: в частности, на поселении Панагия 1 на юго-западе Тамани и группе памятников на участке между балками Лисовицкого и Хреева.

Переходя к характеристике вещественного комплекса, укажем, что в процессе работ было обнаружено около 1200 предметов, отобранных в коллекцию (из которых большая часть представлена лепными сосудами и их фрагментами), относящихся к позднему бронзовому веку, раннему железному веку, Средневековью и Новому времени. В данной работе мы рассмотрим находки, относящиеся к позднему бронзовому веку<sup>5</sup>.

### Керамика

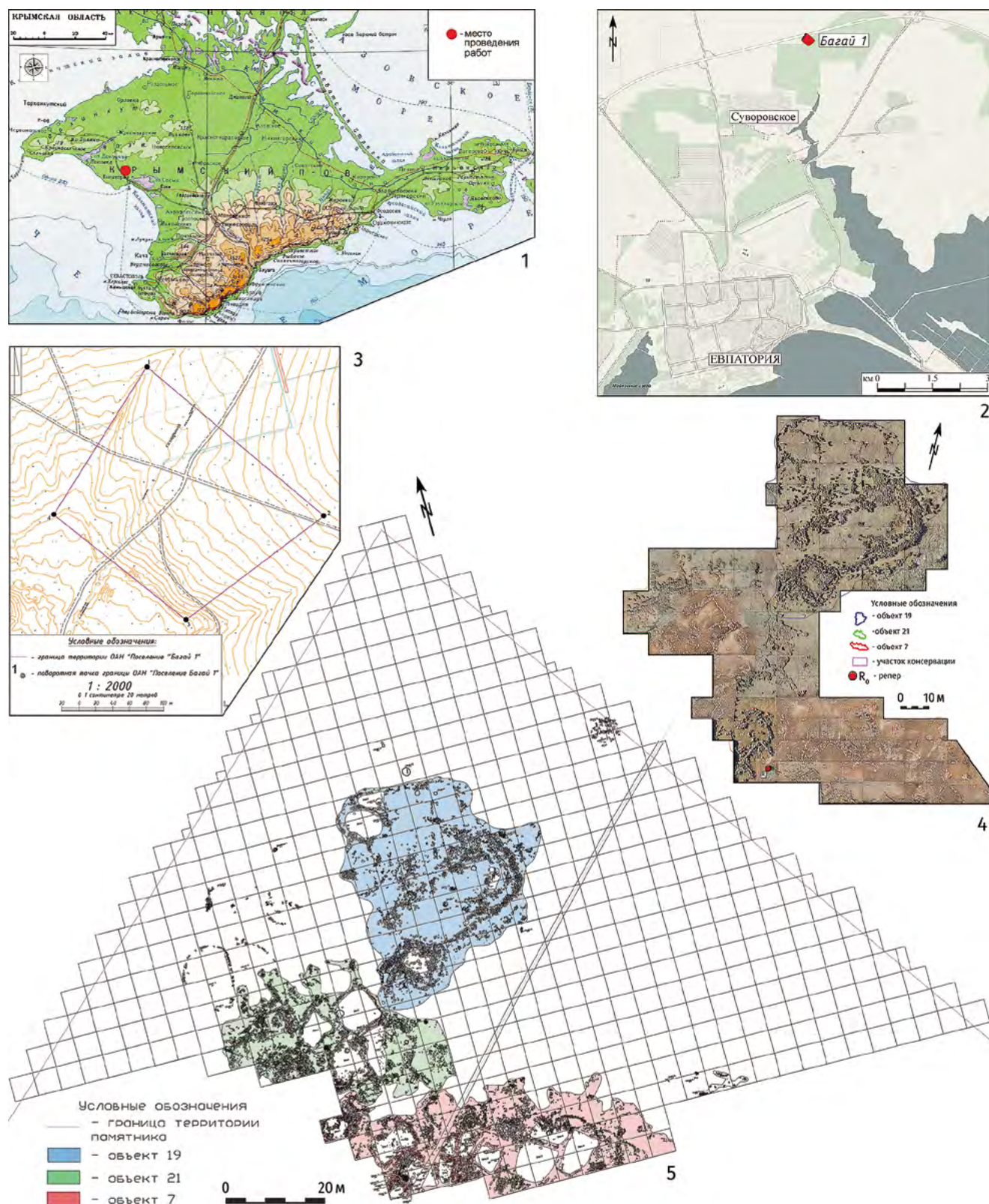
Посуда является преобладающей категорией находок (более 850 ед.). Необходимо отметить, что в настоящее время нет единой типологии или общепризнанной обобщающей классификационной схемы керамических комплексов позднесабатиновского-раннебелозерского времени на территории Северо-Западного Причерноморья.

Керамический комплекс поселения Багай 1 представлен горшками и горшковидными сосудами, мисками, кубками, черпаками, крупными и миниатюрными лепными сосудами, сосудами-цедилками, «мисками-сковородами», крышками. Отметим, что встречаются сосуды и изделия технического (специального) назначения.

Горшки и горшковидные сосуды — наиболее массовая категория находок, они составляют 75% от общего количества сосудов (**рис. 2: 2, 3, 6, 7, 8**). Преобладают сосуды средних размеров с диаметром венчика 11–20 см, плавных очертаний с шаровидным или овалоидным туловом, с дуговидными в профиле шейками и отогнутыми или оттянутыми наружу венчиками, край которых скруглен, реже — горизонтально или косо срезан наружу.

---

5 Необходимо сказать, что некоторые категории находок уже были предварительно опубликованы, поэтому при их характеристике ограничимся описанием общих результатов.



**Рис. 1.** Поселение Багай 1: 1 — расположение места проведения работ на географической карте Крымского полуострова; 2 — местонахождение памятника на карте сервиса OSM; 3 — топографический план поселения; 4 — фрагмент сводного ортофотоплана центральной части памятника

**Fig. 1.** Bagai 1 settlement: 1 — location of the work site on the geographical map of the Crimean Peninsula; 2 — location of the monument on the OSM service map; 3 — topographic plan of the settlement; 4 — fragment of the combined orthophotoplane of the central part of the monument

Донца сосудов вогнутые к центру или уплощенные, довольно часто с закраиной, выделенной пальцами мастера.

Треть сосудов декорирована, орнамент чаще всего расположен в основании шейки или в верхней части плеча, преобладают рельефные орнаменты. Характерна следующая орнаментация (**рис. 2: 2, 6, 8; 3: 1–16**).

**1. Рельефные орнаменты (рис. 2: 8; 3: 1–7):**

- замкнутый в окружности гладкий (сегментовидный, треугольный в сечении) валик;
- замкнутый в окружности валик с дополнительным декором: пальце-ногтевыми вдавлениями; защипами; косыми или овальными/округлыми вдавлениями; косой насечкой; вертикальной прокаткой зубчатого штампа; зигзагообразной линией, прокатанной штампом; кружочками, сделанными поллой палочкой;
- замкнутый в окружности валик с опущенными вниз вертикальными отростками;
- разомкнутый гладкий валик с опущенными вниз одним или двумя окончаниями. Возможны вариации расположения окончаний валика: под углами, прямые, выложены дугами, один конец заходит под другой;

• валиковые композиции в виде ов, полуколец;

• налепы: продолговатые, шишковидные, удвоенные шишковидные.

**2. Углубленные орнаменты (рис. 2: 2, 6, 7; 3: 9–16):**

- пальце-ногтевые вдавления, насечки по краю венчика;
- ряд насечек, вдавлений (в том числе ногтевых), кружочков, нанесенных поллой палочкой в основании шейки;
- горизонтальный елочный орнамент и его вариации с дополнительными элементами;
- простые линейные орнаменты: ряд/ряды прочерченных линий (горизонтальных, наклонных, пересекающихся, зигзагообразных);
- композиции из горизонтальных линий, образующие пояса, заполненные косой насечкой;
- геометрические орнаменты из треугольников (вписанных треугольников, с основаниями и без);
- композиции, нанесенные веревочными штампами;
- композиции, нанесенные зубчатым штампом.

**3. Комбинированные орнаменты, сочетающие элементы рельефного и углубленного орнаментов (рис. 3: 8):**

- комбинации из прочерченных лучей и шишковидных налепов;
- комбинация налепного валика в основании шейки в сочетании с наклонными прочерченными линиями и/или расчесами по тулову.

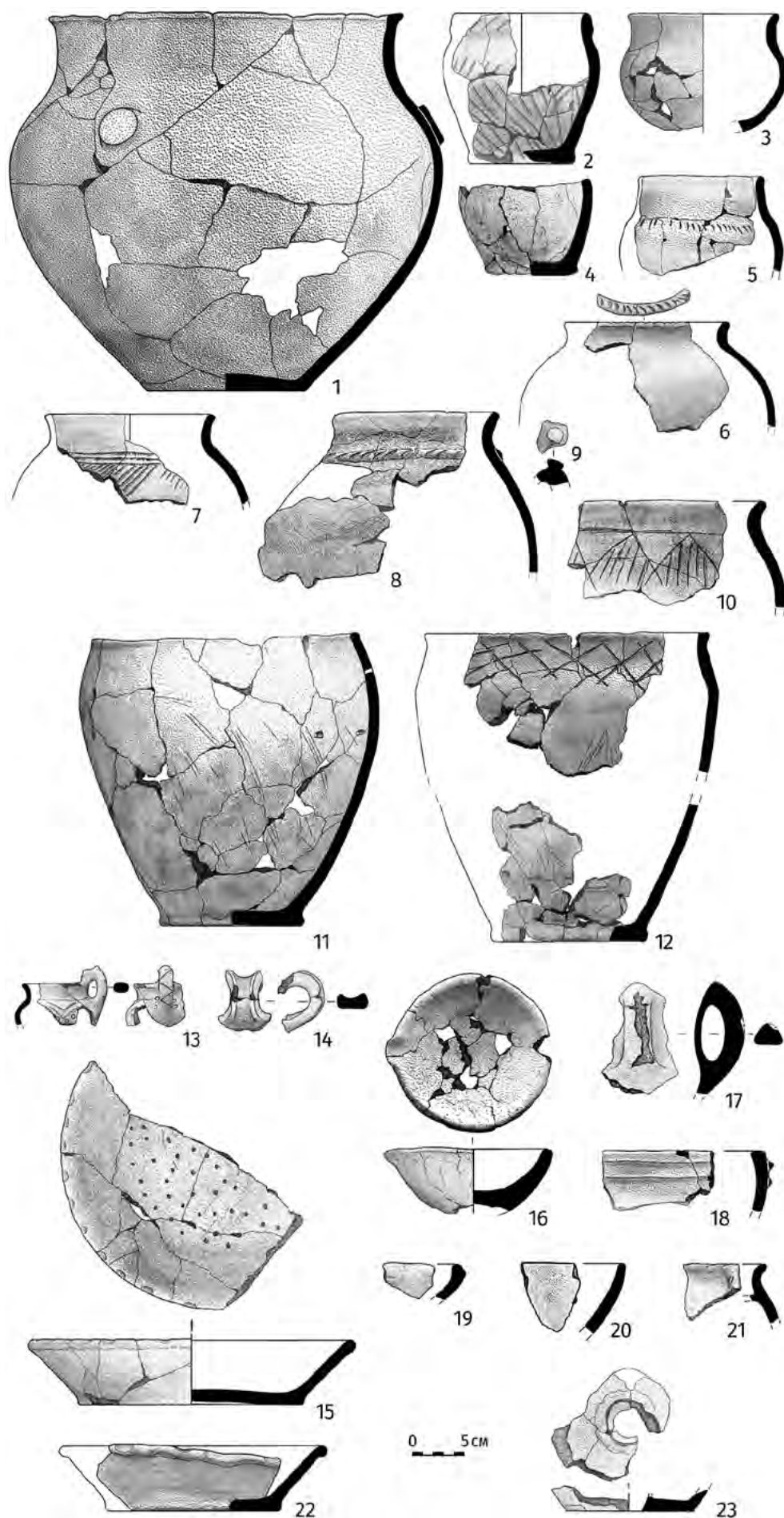
**Крупные лепные сосуды** по форме тулова и отгибу шейки схожи с горшковидными сосудами (**рис. 4: 1, 10, 11, 12**). Усредненный облик багайского крупного сосуда представляется следующим: плавные очертания, отогнутый наружу венчик со скругленным краем, дуговидной или расширяющейся к плечу шейкой, переходящей в шаровидный/овалоидный корпус, необходимо также отметить наличие достаточно крупных бесшейных сосудов с овалоидным корпусом (**рис. 2: 11**). В обработке поверхности используются заглаживание, расчесы, лощение, в декорировании соседствуют геометрические и линейные прочерченные композиции с рельефными орнаментами в виде валиков, налепов в соотношении 50/50. Высота сосудов варьирует от 24 до 38 см, диаметр венчиков от 21 до 35 см (превалирует 26–30 см).

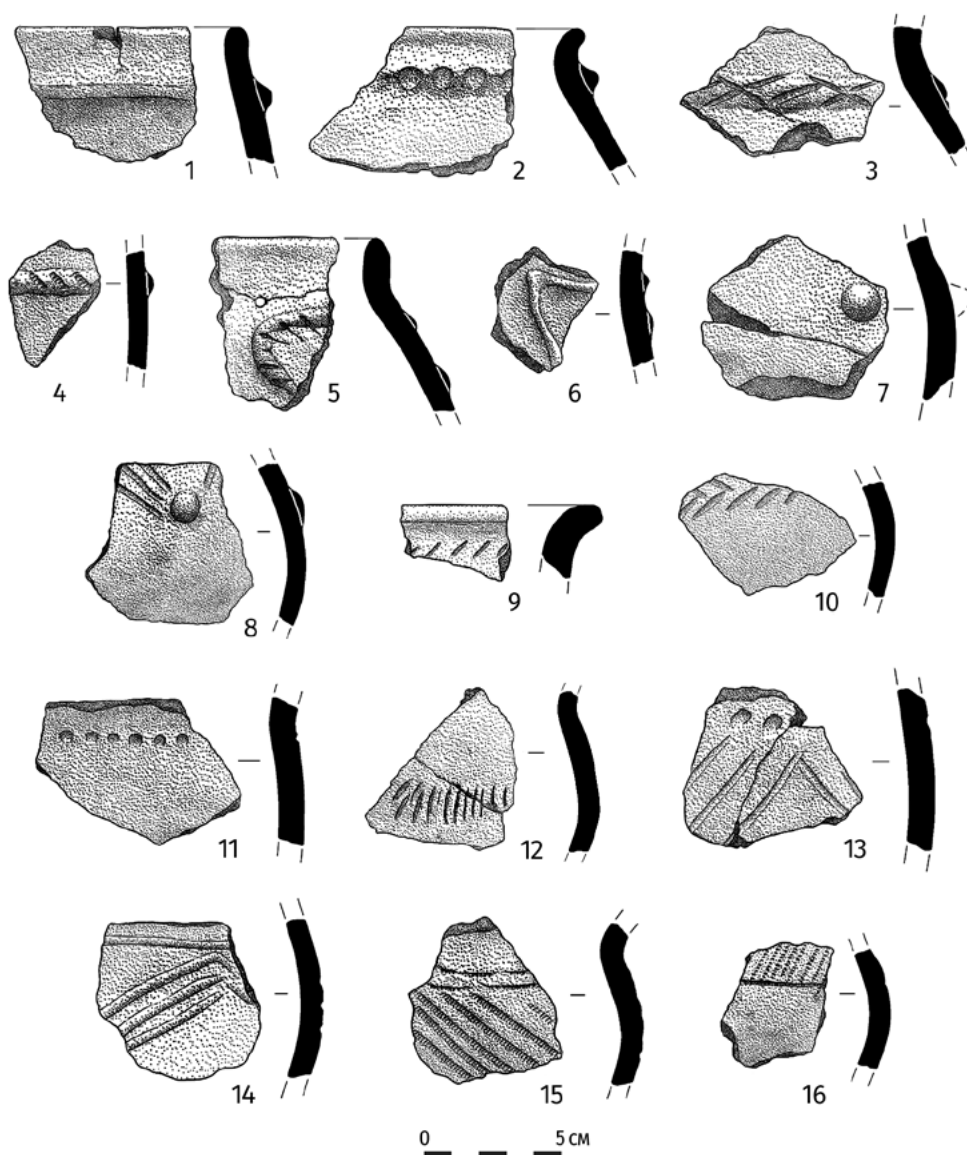


**Рис. 2.** Поселение Багай 1.

Керамика. Формы сосудов: 1, 10, 11, 12 — крупные лепные сосуды и их фрагменты; 2, 3, 6, 7, 8 — горшки и горшковидные сосуды и их фрагменты; 5 — фрагмент кубка; 9, 13, 14, 17 — фрагменты сосудов с ручкой (черпаки); 15 — фрагмент сосуда-цебилки; 16 — льячка; 18 — фрагмент крупной миски с валиковой орнаментацией; 19, 20 — фрагменты мисок; 21 — фрагмент венчика кастрюли с внутренним упором; 22 — фрагмент миски-сковороды; 23 — фрагмент дна сосуда с крупным отверстием (сосуда для переливания (?))

**Fig. 2.** Bagai 1 settlement. Ceramics. Vessel shapes: 1, 10, 11, 12 — large molded vessels and their fragments; 2, 3, 6, 7, 8 — pots and pot-shaped vessels and their fragments; 5 — fragment of a cup; 9, 13, 14, 17 — fragments of vessels with a handle (ladles); 15 — fragment a strainer vessel; 16 — jug; 18 — fragment of a large bowl with roller ornaments; 19, 20 — fragments of bowls; 21 — fragment of the whisk of a pan with an internal stop; 22 — fragment of a frying pan bowl; 23 — fragment of the bottom of a vessel with a large hole (a vessel for transfusion (?))





**Рис. 3.** Поселение Багай 1. Керамика. Орнаменты: 1–7 — позитивные (рельефные); 9–16 — негативные (углубленные); 8 — комбинированные  
**Figure 3.** Bagai 1 settlement. Ceramics. Decorations: 1–7 — raised (relief); 9–16 — sunken (deepened); 8 — a combination of both

**Миски**, как посуда индивидуального пользования, достаточно редко встречаются на поселении — не более 6% (**рис. 2: 19, 20**). В коллекции присутствуют фрагменты мисок полусферической и усеченно-конической формы. Размер мисок варьирует от 10 до 26 см по диаметру венчика, количество реконструируемых форм мало, поэтому говорить о преобладающем размере сложно. Внешняя и внутренняя поверхности мисок заглажены или со следами расчесов. Как правило, миски либо вообще не декорировались, либо декорировались по краю венчика косой насечкой, вдавлениями, в том числе пальце-ногтевыми, насечкой из чередующихся левосторонних и правосторонних наклонных штрихов. Соотношение орнаментированных и неорнаментированных сосудов равное.

Помимо мисок небольших и средних размеров на поселении присутствуют крупные сосуды аналогичной формы (**рис. 2: 18**). Их диаметр от 27 до 35 см. Венчик этих сосудов прямой, уплощенной или Г-видной формы, тулово полусферическое. Ниже венчика тулово опоясано двумя параллельными гладкими сегментовидными/треугольными в сечении валиками. Поверхность сосудов хорошо заглажена и/или подложена.

**Кубки** являются сосудами индивидуального пользования, чем обусловлены их сравнительно небольшие размеры — диаметр венчиков от 10 до 13 см

(рис. 2: 5). Шейка хорошо выделенная, дуговидная или цилиндрическая в профиле, тулово — шаровидное или овоидное, дно уплощенное. Внешняя поверхность хорошо обработана, часто со следами лощения или тщательного заглаживания. На представленных экземплярах отмечаются орнаменты: ряд косых насечек, нанесенных на ребро сосуда; прочерченный геометрический узор.

**Сосуды с ручками (черпаки)** — малочисленны, их количество составляет не более 3% от общего (рис. 2: 9, 13, 14, 17). Они небольших размеров, с высокоприподнятой ручкой, отогнутым наружу венчиком, дуговидной или цилиндрической шейкой, переходящей в уплощенно-шаровидное тулово. Внешняя поверхность сосудов отличается хорошей заглаженностью или подлощенностью. Один небольшой черпак (рис. 2: 13) украшен прочерченным орнаментом: основание шейки выделено прочерченной горизонтальной линией, ниже которой прочерчены удвоенные вписанные треугольники без оснований вершинами вниз, дополнительно подчеркнутые кружочками, сделанными полой палочкой. Нижний прилеп ручки с двух сторон обозначен также кружочками: с одной стороны — двумя, с другой — тремя.

Абсолютное большинство ручек представлены фрагментами, тем не менее, имеются экземпляры, украшенные в верхней части цилиндрическим («пуговичным») налепом (ср.: Гершкович и др., 1987. С. 154) или бугорком/выступом, удвоенным шишковидным налепом.

**Крышки** обнаружены в сравнительно небольшом количестве, среди них можно выделить уплощено-конические и плоские. Край изделия либо сглажен, либо горизонтально срезан. Диаметр крышек соответствует венчикам сосудов среднего размера (от 15 до 25 см), толщина от 1,0 до 1,2 см. Плоские в виде дисков крышки могли также использоваться для выпекания лепешек (см.: Шарафутдинова, 1982. С. 97).

**Миски-сковороды** — низкие сосуды открытого типа, морфологически напоминающие миски с коническим туловом (рис. 2: 22), но отличаются более толстыми стенками, грубостью обработки поверхности, а также функциональным назначением. Относятся к кухонной посуде, предназначены для приготовления пищи, а не ее употребления. Данная категория посуды достаточно распространена на поселениях позднего бронзового века (Ванчугов, 1990. С. 61, 66). В плане они могут быть круглые и слегка сплюснутые (овальные), размеры по венчику варьируют от 17 до 38 см (превалируют в диапазоне 22–26 см), по дну — 14–22 см, высота сосудов от 4,5 до 8 см. Тулово сосудов коническое, дно уплощенное, может быть выделено закраиной. Венчик прямой или скругленный, валикообразный, горизонтально срезанный, уплощенный, его край часто (62%) украшен косой насечкой, зигзагообразной линией, насечкой из чередующихся левосторонних и правосторонних наклонных штрихов, вдавлениями различной формы, в том числе и пальце-ногтевыми.

К редким формам можно отнести **лепные кастрюли** с горизонтальным упором под крышку (рис. 2: 21) и **сосуды-цедилки** (рис. 2: 15). По форме и размеру цедилки напоминают миски-сковороды с конически сужающимися стенками ко дну с многочисленными проколами, край венчика украшен пальцевыми вдавлениями.

Среди сосудов **технического (специального) назначения** можно выделить единичные находки льячек и тиглей. **Льячка** (рис. 2: 16) — чашевидной

формы с выделенным носиком-сливом. Внутренняя поверхность ее с многочисленными трещинами из-за взаимодействия с раскаленным металлом, на поверхности визуальнo фиксируются шлакообразные комочки и застывшие капли металла. Диаметр по венчику около 15 см. Помимо достаточно больших льячек встречены три миниатюрных **тигля**, диаметром 6,0–6,5 см, венчик прямой со скругленным краем, тулово вытянутое, близко по форму к цилиндру. Все тигли происходят из жилой постройки, уверенно датируемой временем бытования белозерской культуры (Кулькова и др., 2024. С. 344).

Также к сосудам технического назначения отнесен фрагмент слабогнутого дна с частью стенок тулова лепного сосуда (**рис. 2: 23**). В центре дна находится большое округлое отверстие конической формы, сделанное по «сырой глине» (с внутренней стороны диаметр отверстия 4,4 см, а с внешней — 2,7 см). С внутренней стороны над отверстием возвышается бортик, вероятно, отверстие обрамлял валик (от него сохранился след на поверхности). Этот сосуд, скорее всего, использовался для переливания и процеживания жидкостей (аналог лейки или воронки (?)).

Отметим некоторые особенности технологии изготовления лепных сосудов.

**1.** Цвет внешней и внутренней поверхностей сосудов неравномерный, иногда пятнистый, варьирует от оттенков серого, бежевого, коричневого до кирпичного. На изломе преобладает темно-серый цвет, двухслойный (кирпичный, темно-серый) или трехслойный (темно-серый между двумя кирпичными), что говорит о низкотемпературном, очажном обжиге в первом случае, и о краткосрочном обжиге при более высоких температурах — во втором и третьем случаях.

**2.** Формовочной массой для изготовления сосудов выступают местные глины с искусственными и естественными примесями, такими как: шамот, дробленые минералы (дресва), органические примеси и др. Поверхность лепных сосудов могла дополнительно обрабатываться путем заглаживания, лощения (сплошного или зонального), нанесения расчесов различной степени интенсивности.

**3.** Около 38% лепных сосудов декорированы рельефным или врезным орнаментом. Распространены позитивные и негативные орнаменты с незначительным преобладанием первых (53%).

**4.** Около 5% сосудов имеют следы ремонта, которые чаще всего прослеживаются в придонной части и/или на шейке сосуда.

Вопрос о посуде, характеризующей погребальную традицию, остается открытым, т.к. обнаружен лишь один экземпляр, происходящий из погребения: сосуд баночного типа, с конически сужающимся туловом, переходящим в уплощенное дно с небольшой закраиной (**рис. 1: 4**). Венчик сосуда прямой, с неровным уплощенным краем. Цвет внешней поверхности от бежевого до кирпичного, внутренней — бежевый, на изломе — темно-серый. Обжиг кратковременный, низкотемпературный. Размеры: диаметр венчика — 12,6 см; диаметр дна — 8,8 см; высота — 8,3–9,1 см; толщина стенок и дна — 1,1 см.

Таким образом, керамический комплекс памятника весьма представлен и находит аналогии среди изделий, относящихся к материальной культуре племен позднего этапа блока культур Ноуа-Сабатиновки и белозерской культуры.



### Изделия из камня и кремня

**Изделия из камня** составляют вторую по численности категорию находок (151 экз.) и использовались во всех сферах деятельности на поселении (рис. 4: 1–13).

**Зернотерки и терочники** (верхние и нижние части) и их обломки представлены овальными, округлыми, подквадратными в плане формами (рис. 4: 1, 3). Рабочая поверхность изделий сработана, часто вогнута к центру («ладьевидные терочники») или, напротив, уплощена. Терочники изготовлены из песчаника, гнейса и других горных пород.

Назначение их остается дискуссионным. Очевидно, терочники использовались для измельчения растительных материалов, однако характер этих материалов до сих пор не установлен. Для решения этого вопроса в ФИЦ Пущинский научный центр биологических исследований РАН под руководством А.В. Борисова был проведен анализ зерен крахмала (Борисов и др., 2025. С. 64–66). По его результатам возможность использования терочников для измельчения злаковых, лилейных и бобовых исключается. В то же время выявленные зерна крахмала на одном изделии имеют признаки, совпадающие с признаками крахмальных зерен дикого вида тростника *Phragmites* sp. семейства злаковых, широко произрастающего на исследуемой территории. Это позволяет предположить, что терочники могли использоваться для измельчения молодых побегов и корневищ этого растения.

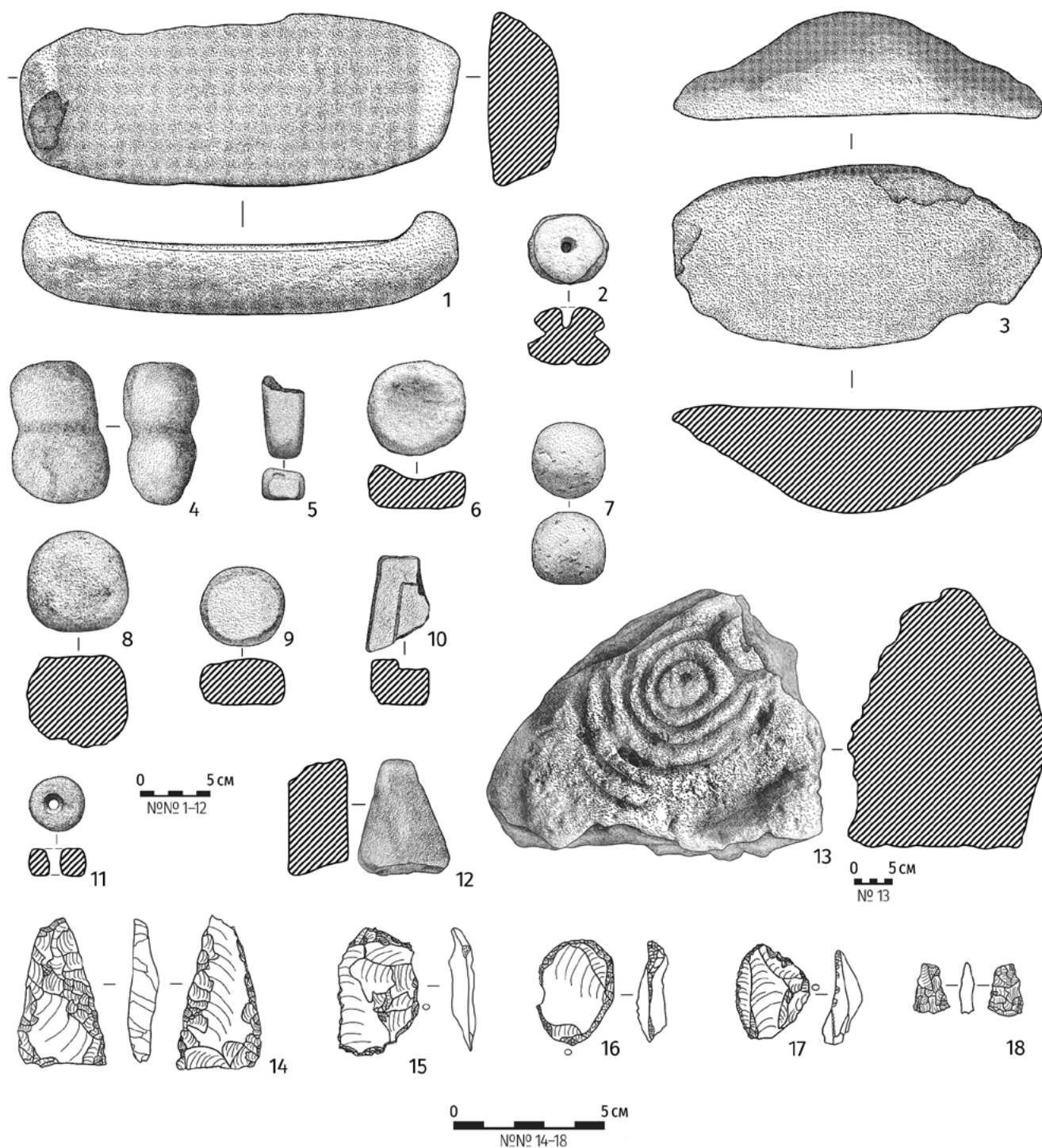
**Растиральники** и их обломки — собирательное название для каменных орудий небольших размеров округлой, подпрямоугольной и иных форм со сработанными одной-тремя поверхностями (рис. 4: 8). На ряде растиральников противоположная уплощенной поверхности сторона могла выступать в качестве ударной, т.е. эти изделия можно рассматривать как полифункциональные. Часть изделий имеют форму уплощенного цилиндра со сработанными основаниями, поэтому к ним применено название «курант» (рис. 4: 9). Размер варьирует от 5,5 до 8,0 см в диаметре. Изготовлены из разных по плотности материалов: от песчаника до диорита. Примечательно, что на поверхностях фиксируются следы красной краски (охры?).

**Песты** (рис. 4: 5, 12) по функциональному назначению близки к курантам, но морфологически отличаются от них удлиненной формой и наличием четко выраженных (преимущественно округлых и выпуклых) одного или обоих оснований. На поселении встречены четыре подтрапециевидных песта, на основаниях двух из них сохранились следы красной краски.

Обнаружен целый **пест-молот** (рис. 4: 4), а также небольшой фрагмент подобного орудия. Эти предметы являются кузнечными орудиями и рудодробилками, в основном для мелких кусков руды (Шарафутдинова, 1980. С. 56. Табл. 32: 29, 30).

**Ступки** представлены как миниатюрными изделиями с выбранным пояском и тщательно обработанной поверхностью, так и массивными грубыми формами. Всех их объединяет наличие чашевидного углубления в рабочей зоне и функциональное назначение — изменение субстанции путем дробления, толчения, разминания. По форме выделяются округлые, подовальные, многоугольные в плане ступки. Размер их варьирует от 4 до 24 см.

**Наковаленки** представлены небольшими плитами и брусками с углублениями, возникшими в ходе сработанности (рис. 4: 6). На серии небольших орудий округлой и подтреугольной формы фиксируются следы



**Рис. 4.** Поселение Багай 1. Изделия из камня и кремня: 1, 3 — зернотерки и терочки; 2, 11 — грузила и пряслица и их заготовки; 4 — пест-молот; 5, 12 — песты; 6 — наковаленка; 7 — боласы (?); 8 — растиральник; 9 — курант; 10 — фрагмент литейной формы; 13 — стела; 14–18 — изделия из кремня

**Fig. 4.** Bagai 1 settlement. Stone and flint artifacts: 1, 3 — grinding stones and millstones; 2, 11 — sinkers and spinning wheels and their blanks; 4 — pestle hammer; 5, 12 — pestles; 6 — anvil; 7 — bolas (?); 8 — grinder; 9 — chime; 10 — fragment foundry molds; 13 — stele; 14–18 — flint artifacts

воздействия высокой температуры, что может свидетельствовать об их использовании в металлургии.

Для **лощил** (четыре экз.) использовалась обычная галька, одна из сторон которой, являясь рабочей поверхностью, уплощалась и заполировывалась от работы. Лощила служили для выглаживания швов на шкурах и кожах, небольшие экземпляры могли использоваться для лощения столовой посуды (*Шарафутдинова*, 1980. С. 57).

**Грузики и пряслица** представлены невысокими цилиндрическими и плоскими округлой, подквадратной формы изделиями со сквозным отверстием в центре (**рис. 4: 2, 11**). Размер варьирует от 3,3 до 7,3 см в диаметре, высота — от 1,4 до 3,5 см. Найдено «катушковидное» грузило с перехватом и намеченными двусторонними углублениями (**рис. 4, 2**). Грузила отличаются большими размерами и грубостью обработки поверхностей. Встреченные на памятнике экземпляры изготовлены из осадочных горных пород и ракушечника.

**Оселки** — такие орудия не требуют особой обработки, но являются неотъемлемой частью хозяйствования. Обнаруженные экземпляры — бруски вытянутой формы или пластины с абразивной поверхностью. Оселки применялись для заточки и направки металлических орудий, поэтому для их рабочей поверхности характерны линейные следы от эксплуатации.

Отдельно стоит выделить **каменные изделия сферической формы** неясного назначения (**рис. 4: 7**). На некоторых из них фиксируются незначительные выщерблины и сколы. Эти предметы могут представлять собой *боласы* или *болы* (*Шарафутдинова*, 1980. С. 57). Однако данные остеологии рассматриваемого поселения свидетельствуют о крайне низкой роли охоты (*Борисов и др.*, 2025. С. 64), что позволяет поставить такую версию под сомнение.

Особо следует обратить внимание на обломок части двусоставной **литейной формы** для отливки металлического изделия подтрапециевидной формы (возможно, долота?) (**рис. 4: 10**). Сохранился фрагмент бруска пирамидальной со скошенным краем в плане формы. Негатив вырезан на широкой плоскости бруска. Предмет изготовлен из песчаника с карбонатным цементом светло-серого цвета. Размеры: сохранившаяся длина — 7 см; сохранившаяся ширина — 4,2 см; толщина — 3,3 см; глубина негатива — от 0,5 до 0,8 см.

Рассматривая духовную культуру жителей поселения, стоит упомянуть культовый предмет — фрагмент **каменной стелы** из светло-серого известняка с высеченным рельефным изображением в виде удвоенных вписанных окружностей (**рис. 4: 13**). Ниже изображения высечен уступчик-«полочка». Размеры: 35×44×19–28 см.

**Изделия из кремня** немногочисленны и были ранее рассмотрены (*Савельев и др.*, 2023а). В коллекцию отобраны 17 артефактов со следами искусственного воздействия (скалывания, ретушь и др.), обработка производилась на небольших по размеру отщепах (**рис. 4, 14–18**). Доминирующим типом орудий являются скребки. Интерес представляет обломок концевого вкладыша серпа линзовидного в сечении (**рис. 4: 18**). Аналогичный обломок концевого вкладыша серпа был найден при разведках в 2022 г. на поселении позднего бронзового века Тюмень-7 (*Савельев и др.*, 2023б. С. 7). Схожесть наблюдается в обработке изделия: плоская и пологая крупнофасеточная ретушь в центре дорсальной и вентральной поверхностей, и простирающая краевая. Также близка и подтреугольная форма

изделия, линзовидная в сечении. Подобные серпы имеют аналогии в кремневом кладе Кировского поселения (Лесков, 1970. С. 33–34).

### Украшения из раковин

Раковины с просверленным/вырезанным одним или двумя отверстиями достаточно часто присутствуют среди материалов поселений позднего бронзового века. С.С. Лысенко интерпретирует подобные изделия как подвески-амулеты (Лысенко, 2021. С. 102). На поселение Багай 1 обнаружены шесть подобных амулетов (рис. 5: 6, 7). Сырьем для изготовления выступали створки раковин устриц, морского гребешка, двухстворчатого моллюска *Unio*.

### Изделия из кости

Коллекция костяных изделий достаточно представительная — 86 экз., предварительно они уже были рассмотрены (Горошников и др., 2024)<sup>6</sup> (рис. 5: 1–12). Естественное состояние большинства находок из кости и рога можно оценить в пределах 3–4 баллов по пятибалльной шкале (ср.: Антипина, 2003. С. 13), т.е. фрагменты орудий и изделий сохранились относительно неплохо, особенно заполированные участки. Тем не менее, поверхность многих артефактов в разной степени разрушена микроорганизмами и/или корнями растений и тогда их сохранность падает до 2 баллов. Кроме того, отметим, что многие орудия фрагментированы, иногда значительно.

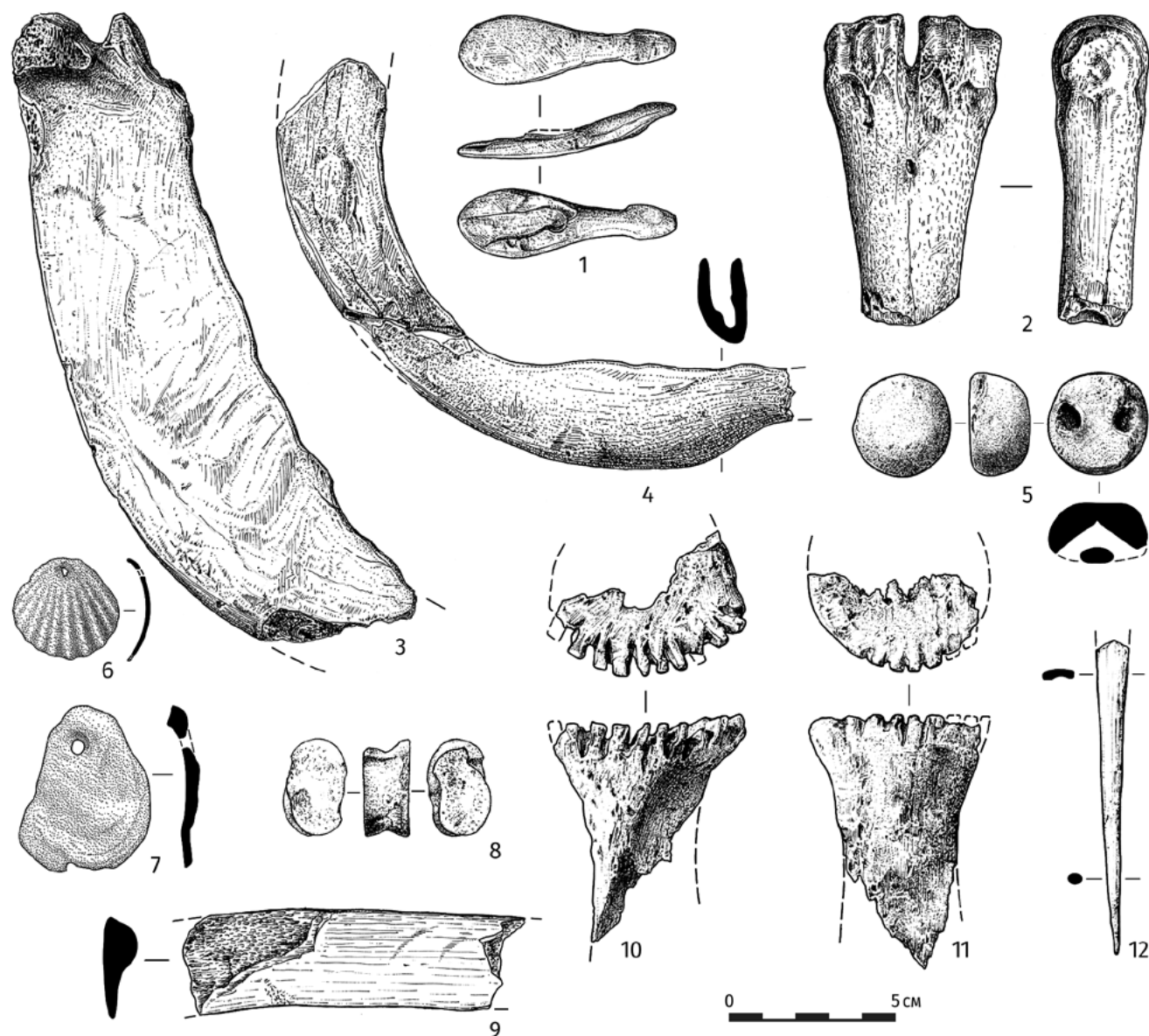
Оказалось, что коллекция не слишком разнообразная: нет классических для поселений позднего бронзового века тупиков, очень мало зубчатых разбивников и стругов, нет ламелей, не найдены остатки гребней-кард (орудий для первичной обработки шерсти), различных орудий из лопаток крупных копытных, в отличие от близких по хронологии памятников Тамани (Усачук и др., 2023). Очень мало каких-либо изделий из кости, например, отсутствуют костяные или роговые наконечники стрел. Заготовки и отходы косторезного производства представлены единичными находками. На этом невыразительном «костяном» фоне выделяются только группы тупиков-мялок и проколов, но малое количество остальных категорий костяных орудий привело нас к выводу, что обработка шкур копытных и работа с кожей на поселении проводилась в ограниченном количестве.

Специализация поселения, исходя из анализа коллекции костяных орудий и изделий, видится иной. Как показывают последние исследования, на памятнике все было подчинено содержанию разнообразного скота и переработке молочной продукции (Борисов и др., 2023. С. 19–21), при этом остальные производства (обработка шкур, шерсти, кожи, изготовление фурнитуры из кости и пр.) не велись совсем или были явно второстепенными (Горошников и др., 2024. С. 94).

### Металлические (бронзовые) изделия

Хотя сама коллекция немногочисленная — 19 экз. (Горошников и др., 2023), но составляющие ее предметы достаточно разнообразные. Среди них выделяются как орудия труда, так и предметы бытового назначения, украшения и отходы производства (рис. 6: 1–14).

6 В рамках данной статьи мы подробно не останавливаемся на этой категории находок, т.к. к печати готовится обширная работа, посвященная их трасологическому анализу.

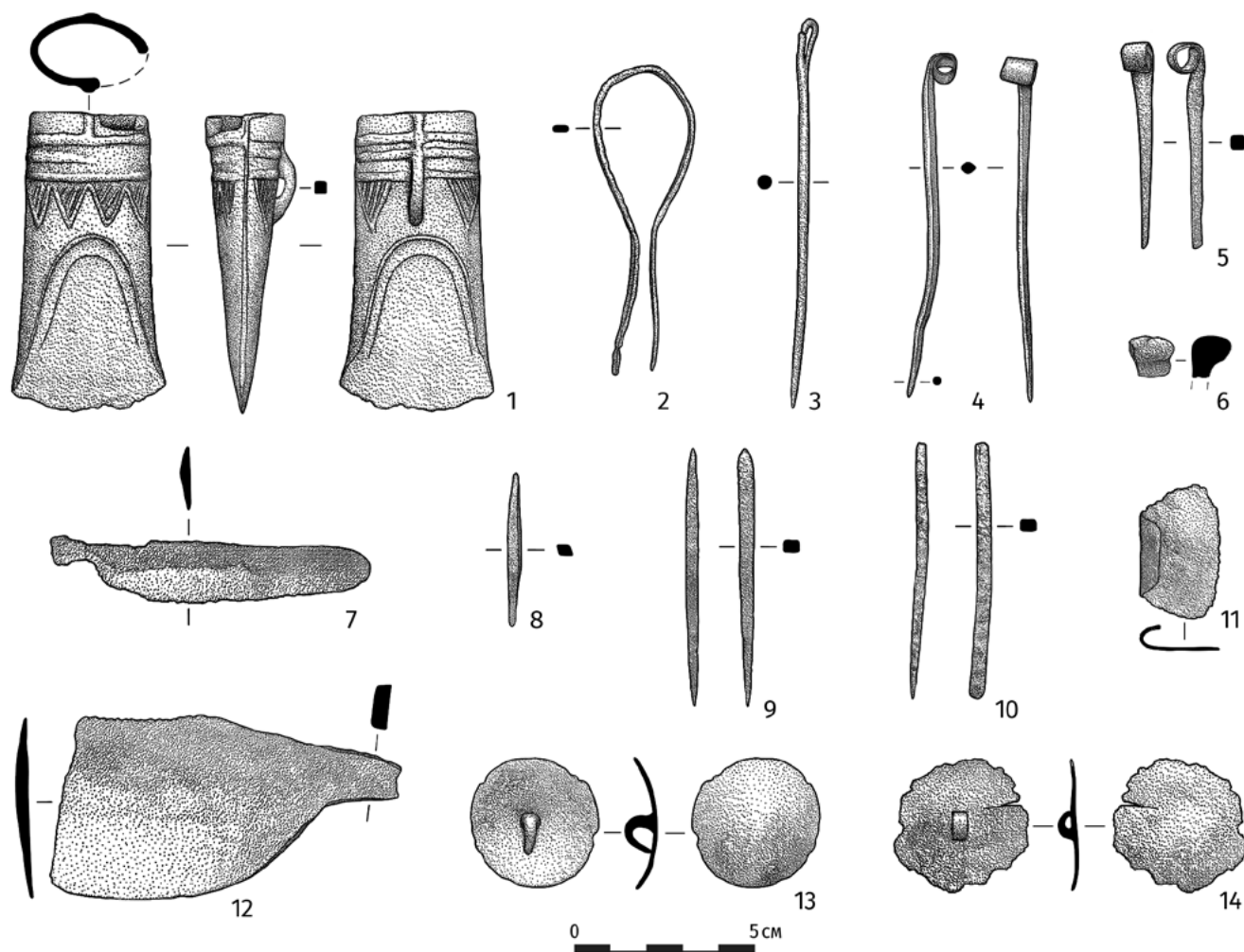


**Рис. 5.** Поселение Багай 1. Изделия из кости и раковины: 1 — ложечковидное изделие; 2 — рукоять; 3, 4 — тупики-мялки; 5 — пуговица; 6, 7 — украшения из раковин; 8 — астрагал; 9 — струга; 10, 11 — зубчатые разбивальники; 12 — проколка

**Fig. 5.** Bagai 1 settlement. Bone and shell artifacts: 1 — spoon-shaped object; 2 — handle; 3, 4 — dead ends; 5 — button; 6, 7 — shell ornaments; 8 — astragalus; 9 — plough; 10, 11 — toothed pickers; 12 — piercing

**1. Топор-кельт** с «лобным» ушком, овальной в сечении втулкой, двумя арковидными фасками на лезвии и орнаментом по втулке в виде заштрихованных треугольников вершинами вниз (**рис. 6: 1**). Кельт происходит из объекта 7, и, вероятно, является строительным жертвоприношением. По классификации Е.Н. Черных, подобные топоры-кельты могут относиться к группе К-22 с центром ареала в Северных Карпатах и Трансильвании (Черных, 1976. С. 76. Табл. V: 4–8), а по типологии топоров-кельтов на Кавказе и Восточной Европе в целом, предложенную В.С. Бочкаревым и А.Л. Пелихом, багайский топор-кельт может относиться к группе G-3 (Бочкарев, Пелих, 2021. С. 141. Рис. 1).

**2. Рукоятчатая часть серпа** с плавным переходом в откованный стержень прямоугольного сечения. На участке, прилегающем к черенку рукояти, лезвие слегка расширено. Черенок прямоугольный в сечении, уплощенный,



**Рис. 6.** Поселение Багай 1. Изделия из бронзы: 1 — топор-кельт; 2 — пинцет; 3 — игла; 4, 5 — булавки с односпиральным навершием; 6 — фрагмент бронзового шлака; 7 — нож; 8, 9 — проколки; 10 — долотце (?); 11 — фрагмент бронзовой пластины; 12 — рукоятчная часть серпа; 13, 14 — полусферические бляшки

**Fig. 6.** Bagai 1 settlement. Bronze artifacts: 1 — socketed axe; 2 — tweezers; 3 — needle; 4, 5 — pins with a single-spiral tip; 6 — fragment of bronze slag; 7 — knife; 8, 9 — punctures; 10 — chisel (?); 11 — fragment of a bronze plate; 12 — handle part of a sickle; 13, 14 — hemispherical plaques

не загнут. Лезвие серпа проковано, режущая кромка заточена (**рис. 6: 12**). Она находит аналогии среди серпов кавказского типа, тип Кобелево 1, вариант Батарейка 1 (*Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 129. Табл. 42: № 555, 556*).

**3. Нож** прямой, однолезвийный. Лезвие резко двумя ступенями сужается к черенку (**рис. 6: 7**). Аналогичный нож, относящийся к сабатиновской культуре, был найден в нижнем слое городища Тудорово позднего бронзового века в Молдавии (*Мелюкова, 1961. С. 120. Рис. 44: 7*). Ножи данного типа отнесены Е.Н. Черных к типу Н-18 (*Черных, 1976. С. 113*).

**4. Проколки** четырехгранные в сечении (**рис. 6: 7**). Эти изделия часто встречаются на поселениях позднего бронзового века.

**5. Продолговатый стержень** прямоугольный в сечении с уплощенными окончаниями (**рис. 6: 10**). Возможно, является заготовкой для **проколки** или миниатюрного **долотца**.

**6. Игла** с вытянутым ушком (**рис. 6: 3**). Стержень округлого сечения, длина — 10,8 см.

**7. Пинцет** петлевидно-изогнутый с уплощенным кончиками (**рис. 6: 2**).

**8. Булавки с односпиральным навершием** (три экз.) (**рис. 6: 4, 5**). Они изготовлены из круглой в сечении проволоки, заточенной с одной стороны и расплющенной у навершия, свернутого в спираль. Длина варьирует от 5,65 до 9,6 см.

Булавки такой формы (тип *Rollenadel*) в Средней Европе появились еще в среднем бронзовом веке и были широко распространены в лужицкой культуре позднего бронзового века (*Мелюкова*, 1961. С. 29). Е.Н. Черных относит их к типу У-6/8 (с посоховидной головкой и спирально закрученным или крючковидным концом) (*Черных*, 1976. С. 126). Подобная булавка найдена при раскопках поселения Бай-Кият I позднего бронзового века на Тарханкуте в Северо-Западном Крыму (*Колотухин*, 2003. С. 130. Рис. 63: 31).

**9. Круглые полусферические бляшки** с петлей на оборотной стороне (**рис. 6: 13, 14**) являются распространенным видом украшений позднего бронзового века и относятся к типу У-24 по Е.Н. Черных (*Черных*, 1976. С. 126). Похожие бляшки были найдены, к примеру, на поселениях Гиндешть, Кобыльня и Одая-Мичурин культуры Ноуа (*Sîrbu et al.*, 2021. Fig. 5: 15–17).

**10. Фрагмент пластины** (накладки?) подтрапецевидной формы с загнутым краем (**рис. 6: 11**).

**11. К отходам бронзолитейного производства можно отнести фрагмент шлака** аморфной формы (**рис. 6: 6**).

Все исследуемые изделия позднего бронзового века сделаны из оловянной бронзы, в которой содержание олова — от 2 до 20%. Исключение составляет только проколка (**рис. 6: 8**), в составе сплава которой нет олова, и помимо меди обнаружено более 8% железа. Применение оловянной бронзы в изделиях позднего бронзового века является отличительным признаком центрально-европейской традиции и позволяет отнести сплавы исследованных изделий к карпато-трансильванскому металлургическому очагу.

### Заключение

Проанализированные изделия, найденные при раскопках поселения Багай 1, позволяют определить период его бытования в пределах XV — начала X в. до н.э., или времени существования племен позднего этапа блока культур Ноуа-Сабатиновка и белозерской культуры, что подтверждается и радиоуглеродными датами.

Полученный материал весьма разнообразен и отражает все стороны жизнедеятельности населения — как бытовой и производственной, так и духовной.

Немногочисленность кремневых изделий может быть объяснена угасанием кремневой индустрии и замещением ее бронзовыми предметами, поступавшими в виде готовых изделий из Карпатского региона или в виде сырья для последующего производства на поселении.

По результатам естественно-научных исследований получены новые данные, которые позволяют пролить свет на рацион питания и выделить ведущую роль скотоводства при практически полном отсутствии земледелия и охоты.

Отдельным вопросом остается разработка типологии и классификации керамического комплекса, поскольку поселение в настоящее время является наиболее масштабно исследованным и выступает в качестве опорного памятника для Северо-Западного Крыма. Однако этот вопрос выходит за рамки данной работы и будет рассмотрен впоследствии отдельно.



### Литература

- Антипина Е.Е., 2003. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: к столетию со дня рождения В.И. Цалкина / Ред.: Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 7–33.
- Борисов А.В., Горошников А.А., Каширская Н.Н., Мимоход Р.А., Пинской В.Н., Потапова А.В., Смекалова Т.Н., 2023. Почвенно-микробиологические подходы к реконструкции назначения построек на древних поселениях // НАВ. Т. 22. № 1. С. 10–35.
- Борисов А.В., Смекалова Т.Н., Занина О.Г., Леонов Л.Л., Афонин А.С., Горошников А.А., Савельев Д.В., 2025. Системы жизнеобеспечения населения позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму // ВБАЭ. № 2 (69). С. 58–70.
- Бочкарев В.С., Пелих А.Л., 2021. Металлические топоры-кельты и кельты-тесла эпохи поздней бронзы Кавказа: каталог, география и хронология // АВЕС. Вып. 17. С. 114–152.
- Ванчугов В.П., 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье: Проблемы формирования белозерской культуры. К.: Наукова думка. 162 с.
- Гершкович Я.П., Клочко В.И., Евдокимов Г.Л., 1987. Новокиевская литейная мастерская и проблемы хронологии сабастиновских памятников Нижнего Поднепровья // СА. № 2. С. 142–158.
- Горошников А.А., Горошникова З.В., Смекалова Т.Н., Антипенко А.В., 2023. Состав сплава металлических предметов из раскопок поселения позднего бронзового века Багай 1 в Северо-Западном Крыму // Stratum plus. № 2. С. 319–336.
- Горошников А.А., Горошникова З.В., Мимоход Р.А., Усачук А.Н., 2024. Анализ коллекции изделий из кости и рога поселения позднего бронзового века Багай 1 // Тарханкутские историко-археологические чтения–2024: Материалы V Междунар. науч.-практ. конф., п. Черноморское, 23–25 сентября 2024 года / Отв. ред.: С.Б. Ланцов, Н.В. Куклева. Симферополь: АРИАЛ, 2024. С. 92–97.
- Колотухин В.А., 2003. Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стило. 139 с.
- Кулькова М.А., Горошников А.А., Горошникова З.В., Стрельцов М.А., Маркова М.А., 2024. Первые радиоуглеродные даты памятника позднего бронзового века Багай 1 в Северо-Западном Крыму // АВ. Вып. 43. С. 339–346.
- Лесков А.М., 1970. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы) / Отв. ред. А.М. Лесков. Киев: Наукова думка. С. 7–59.
- Лысенко С.С., 2021. Украшения населения Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы. Киев; Кишинёв: Stratum plus. 668 с.
- Савельев Д.О., Горошников А.А., Горошникова З.В., Смекалова Т.Н., 2023а. Кремневый материал с поселения позднего бронзового века Багай-1 в Северо-Западном Крыму // XXIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях: Материалы междунар. науч. конф. Керчь. С. 326–331.
- Савельев Д.О., Смекалова Т.Н., Борисов А.В., 2023б. Кремневые изделия с поселений эпохи поздней бронзы Тюмень-3 и Тюмень-7 // ПИФК. № 1. С. 5–18.
- Усачук А.Н., Горошников А.А., Мимоход Р.А., 2023. Костяные орудия первичного цикла работы с шерстью в комплексах позднего бронзового века // Археология Евразийских степей. № 2. С. 36–63.
- Черных Е.Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука. 301 с.
- Шарафутдинова И.Н., 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. К.: Наукова думка. 160 с.
- Шарафутдинова Э.С., 1980. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобьяковская культура). Л.: Наука. 128 с.
- Sîrbu M., Topal D., Sava E., Dermenji L., 2021. Bronze objects discovered in the settlements of the Noua-Sabatinovka cultures from the collection of the National Museum of History of Moldova // Revista Arheologică, seria nouă. Nr. 2 (18). P. 37–61.

## The complex of material finds of the Late Bronze Age settlement Bagai 1 in the North-Western Crimea

Andrey A. Goroshnikov<sup>7</sup>, Zoya V. Goroshnikova<sup>8</sup>,  
Roman A. Mimokhod<sup>9</sup>, Anatoliy N. Usachuk<sup>10</sup>

The paper examines a set of material finds obtained in 2021–2022 during security and rescue excavations at the site of the Late Bronze Age settlement of Bagai 1, located in the Saki District of the Republic of Crimea. The total number of finds exceeds 1.200 items, including tools made of stone, bone, and metal, as well as household objects and jewelry fashioned from these materials and from mollusk shells. In addition, the collection features a substantial number of handmade ceramic vessels, designed for both domestic and technical use. The analyzed items enable the determination of the settlement's existence period, spanning from the 15<sup>th</sup> to the early 10<sup>th</sup> centuries BC, a chronology further confirmed by radiocarbon dating.

**Keywords:** *North-Western Crimea, Late Bronze Age, settlement, finds, stone, bone, flint, bronze, shell, ceramics*

- 
- 7 Andrey A. Goroshnikov — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: goroshnikov89@bk.ru; ORCID: 0000-0002-5148-1559.
- 8 Zoya V. Goroshnikova — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: leben7@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4084-6951.
- 9 Roman A. Mimokhod — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: mimokhod@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4584-4747.
- 10 Anatoliy N. Usachuk — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: doold@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1028-1884.

## Клад бронзовых изделий из станицы Боргустанской: история открытия, морфология и особенности культурно- хронологической интерпретации

А.Л. Пелих<sup>1</sup>, С.Н. Савенко<sup>2</sup>

*В статье рассматривается клад бронзовых орудий, найденный в ст. Боргустанской Ставропольского края. Комплекс является одним из базовых для изучения позднего бронзового века Северного Кавказа в целом и прикубанского очага металлопроизводства в частности. Уточнена история его обнаружения и доставки в музей, даны качественные изображения предметов клада и их детальное описание. Предметы клада на современном научном уровне культурно и хронологически атрибутированы. Боргустанский клад является одним из самых массивных комплексов с изделиями прикубанского очага металлопроизводства. Согласно датировкам, предметы клада делятся на две группы. Первая группа — проушные топоры, серп и трапецевидное тесло, определяющиеся в пределах бекешевской группы прикубанского очага, около XII–X вв. до н.э. Вторая группа (тесло с цапфами и наконечник копья) находит аналогии в комплексах как финала эпохи бронзы, так и позднейшего предскифского времени. Однако взаимное сочетание всех перечисленных категорий предметов возможно только в XII–X вв. до н.э.*

**Ключевые слова:** клад бронзовых изделий, поздний бронзовый век, бекешевский этап, прикубанский очаг металлопроизводства

<http://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-478-4.111-128>

Клад бронзовых предметов, найденный в ст. Боргустанской Ставропольского края в первый месяц Великой Отечественной войны (Егоров, 1951), давно и по праву привлекает внимание специалистов. Комплекс является одним из определяющих собраний для позднего бронзового века Северного Кавказа. Отсюда имеется необходимость уточнить вопросы истории его обнаружения, представить качественные изображения предметов клада и вновь обратиться к вопросам его атрибуции.

### Обстоятельства обнаружения клада и ввода его в научный оборот

Н.М. Егоров в первой публикации комплекса достаточно подробно описал обстоятельства его находки (Там же. С. 292–293). Однако в фондах

- 
- 1 Алексей Леонидович Пелих — Армавирский государственный педагогический университет, ул. Розы Люксембург, д. 159, Армавир, 352901, Российская Федерация; e-mail: pelich1976@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0474-7235.
  - 2 Сергей Николаевич Савенко — Пятигорский краеведческий музей; ул. Братьев Бернардацци, д. 2, Пятигорск, 357501, Российская Федерация; e-mail: sovos57@mail.ru; ORCID: 0009-0008-8403-5708.

Пятигорского краеведческого музея сохранилась рукопись этой статьи (Пятигорский... П. 19. С. 123–126), в которой обозначены некоторые обстоятельства поступления клада в музей, которые не вошли в его публикацию.

В своей рукописи Н.М. Егоров следующим образом описал обстоятельства поступления предметов клада в музей:

«19 июля 1941 г. в Пятигорский музей краеведения пришел зонный диспетчер по дорожным работам А.П. Тесленко и передал следующее сообщение<sup>3</sup>: "Гор. Пятигорск, Краеведческий музей. В 1941 г., 9 июля, в станице Боргустанской на реке Дарья на дороге Бекешевская — Боргустан, ниво<sup>4</sup> строящейся дороги, во время производства выемки дороги, 200 м по правую сторону р. Дарья найдены старинные красной меди вещи: топоров 30 шт., копий 3 шт., подобий серпов 10 шт., долот 8 шт. — в двух местах, в 8 метрах место от места, в глиняных горшках. Подпись: Ступак Федор — уполномоченный Боргустанского стансовета по дорожным работам".

20 июля А.П. Тесленко принес и передал в музей тот комплект, который достался ему при дележе клада. А именно: 1) крупный, без орнамента, несомненно, рабочий топор чисто кобанского типа, длина 21 см, вес 1350 г<sup>5</sup>; 2) серп — типа серпов из-под Бык-Горы и серпов Гос. Исторического музея из станицы Бекешевской от Г.Д. Филимонова, но несколько меньшей величины, длина 18 см, вес 170 г; 3) наконечник копья листовидной формы со втулкой, имеющей продолжение и в листе, длина 16 см, вес 130 г; 4) долото или ручной топор, короткий, длина 14,5 см, вес 200 г; 5) ручной топор длинный, с острием для насадки ручки и с выступами по бокам, чтобы она не шла ниже, длина 18,5 см, вес 280 г. Последние два предмета значатся в записке Ф. Ступака как "долотья".

Отсутствие средств у музея не дало ему возможности командировать меня немедленно в Боргустанскую станицу для сбора остальных вещей, часть которых, как предполагал А.П. Тесленко, могла попасть уже в пункт приема утиля. Музей ограничился тем, что послал Боргустанскому стансовету официальное предложение собрать все вещи из этого клада и передать их в музей. 20 августа музей вовсе перестал функционировать — был эвакуирован в связи с начавшейся войной.

Так как письменное обращение музея к властям ст. Боргустанской осталось без ответа и без последствий, то я 15 сентября предпринял путешествие в ст. Боргустанскую. Там выяснилось, что все предметы из этого клада уже сданы в утиль и отоварены, а из станичного склада утиля отправлены на склад в г. Ессентуки. Однако при помощи учителя станичной школы В.Ф. Забары удалось выяснить, что один топор остался в ст. Боргустанской у казака Г.П. Зинченко. Этот топор удалось получить. Его вес 1350 г, длина 23,5 см, отверстие 32×45 мм.

Благодаря содействию П.С. Бондарева, работавшего техником при постройке грейдера<sup>6</sup> и бывшего на месте при находке клада, мне удалось по-

3 Курсивом выделены части текста, которые отличаются от публикации Н.М. Егорова или отсутствуют в ней. В предыдущей нашей публикации курсив не был отражен (Пелих, Савенко, 2024), поэтому в настоящей работе приводим выделяемые курсивом эти части. Текст дается с небольшими правками.

4 Ниво, видимо, «уровень, на уровне».

5 Вероятно, вес напечатан в рукописи и затем статье Н.М. Егорова неверно — 1350 г вместо 930 г (см. ниже).

6 Здесь, очевидно, «грейдер» — разг. грейдерная дорога.

*бывать на месте находки и выяснить, что некогда там было поселение. Оно расположено приблизительно в 0,5 км к северу от "Круглого бугра" возле ручья Гнилушки, притока р. Дарьи. Н.М. Егоров собрал здесь черепки (36 фр.) от глиняной посуды, несколько костей животных и кусков обожженной глины. А.П. Тесленко сообщил, что обнаруженные два горшка с вещами находились ближе друг к другу, не в 8 м, как писал Ф. Ступак, а в 0,5–2,0 м, и что топоров было не 30, а больше — до 50. Да и наличие топоров, попавших в музей, плюс топоры, отправленные в Ростов-на-Дону, дает сумму в 35–40 топоров.*

17 сентября в Ессентуках выяснилось, что 15–20 больших топоров, несколько мелких плоских и один наконечник копья уже отправлены в г. Ростов, что серпов не было; но нашлось еще 17 неотправленных больших топоров. *Благодаря просвещенному содействию зав. Пятигорским ГорОНО Д.П. Найкову эти топоры удалось выкупить, и 29 сентября они были сданы в Пятигорский музей» (Там же).*

Как видим, окончательный вариант статьи Н.М. Егорова пошел в печать с рядом правок, часть из которых, что видно по пометкам на рукописи, сделана А.А. Иессеном. Правки не касаются тех обстоятельств обнаружения и сбораклада, которые в первую очередь необходимы специалистам, работающим с материалами. Однако первоначальный текст дает некоторое представление об отношении к древностям, существовавшим в советской провинции в предвоенное время, и этим может быть отдельно интересен для историков науки.

Предметы изклада поступили в Пятигорский музей от трех лиц:

А.П. Тесленко — 1 проушной топор, 1 серп, 1 наконечник копья, 1 плоское тесло, 1 тесло с цапфами;

Г.П. Зинченко — 1 проушной топор;

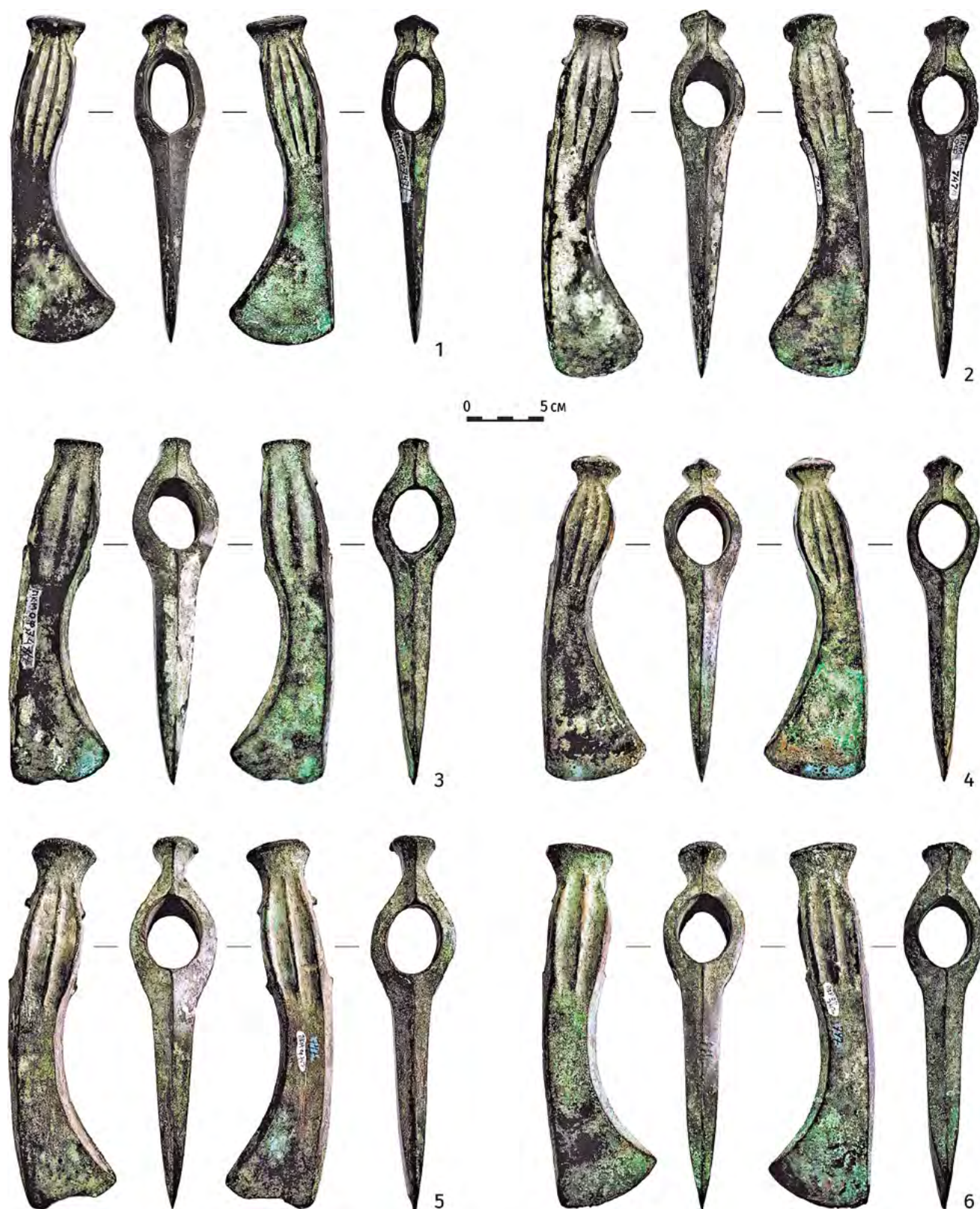
Н.М. Егоров — 17 проушных топоров. В целом — 23 предмета (Там же. С. 292–295).

В один год с публикацией Боргустанскогоклада Н.М. Егоровым этот комплекс был представлен в фундаментальной статье А.А. Иессена, в которой был охарактеризован прикубанский очаг металлургии и металлообработки позднего бронзового века (далее — ПОММ ПБВ) (Иессен, 1951. С. 91–92. Рис. 20; 37). Материалыклада широко использовались в обобщающем труде Е.И. Крупнова по кобанской культуре (Крупнов, 1960. С. 95, 119–120, 123). Далее — в ряде сводов по западному варианту кобанской культуры В.И. Козенковой (Козенкова, 1989. С. 47; 1995. С. 37, 68–69; 1998. С. 13, 19). Клад также присутствует в культурно-хронологических схемах А.М. Лескова (Лесков, 1967. С. 172) и В.А. Сафронова (Сафронов, 1974. С. 170). В.С. Бочкарёв включил Боргустанскийклад в выделенную им бекешевскую хронологическую группу ПОММ ПБВ, датированную им XII–X вв. до н.э. (Бочкарев, 1996. С. 96–97. Ил.), что в целом подтверждается последующими работами (см.: Пелих, 2003. С. 16–17; Бочкарев, Пелих, 2019. С. 180–181).

### Описание предметовклада

В настоящее время в Пятигорском краеведческом музее удалось идентифицировать 14 предметовклада: 12 топоров, тесло и серп (инвентарный № ПКМ ОФ 747).

**Топор-1 (рис. 1: 1; 2: 1).** Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом, обух с выделенной пяткой, лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости, проушина овальная, расположена почти у края



**Рис. 1.** Боргустанский клад.  
Топоры 1–6.

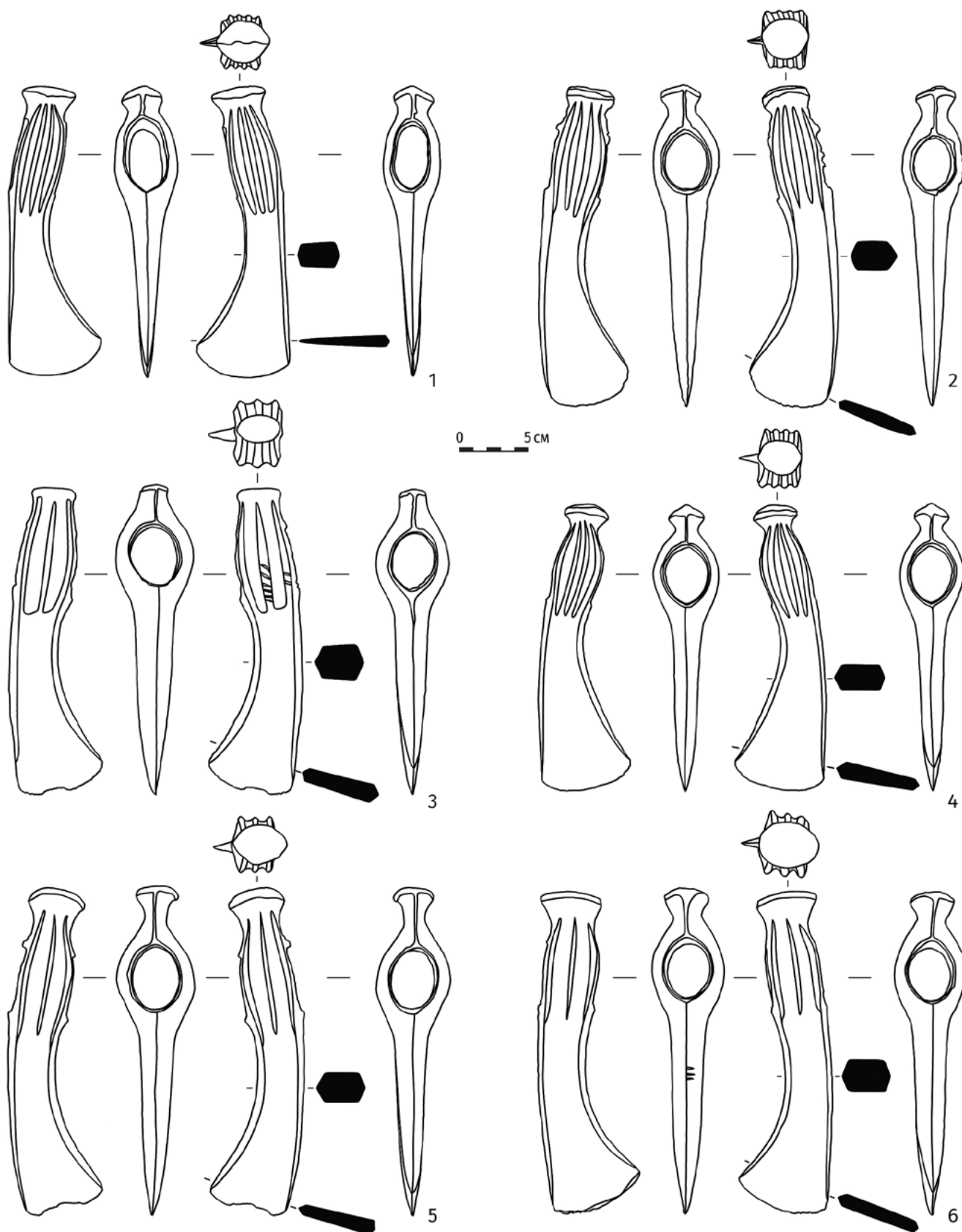
Фотографии авторов

**Fig. 1.** The Borgustanskaya  
hoard. Axes 1–6.

Photos by the authors

обуха. Тело топора имеет огранку — в поперечном сечении оно шестигранное. На боковых гранях втулки — четыре продольных ребра. На краю лезвия — мелкие выщерблины; проух смят ударами с двух боковых сторон: следы ударов четко видны на ребрах. На поверхности имеются следы небольших воздушных раковин. Размеры: длина — 21,6 см; ширина лезвия — 7,2 см; ширина полотна топора в средней части тела — 2,9 см; соотношение





длины топора к ширине полотна в средней части тела — 7,45; размеры проуха — верх 5,2×2,9 см, низ 5,0×2,5 см. Вес 910,8 г. Описанный топор визуально похож на изображенный в своде А.А. Иессена (Иессен, 1951. С. 91. Рис. 20: 4), однако последний изображен как трехреберный.

**Рис. 2.** Боргустанский клад. Топоры 1–6.  
Рисунки авторов  
**Fig. 2.** The Borgustanskaya hoard. Axes 1–6.  
Drawings by the authors



**Топор-2 (рис. 1: 2; 2: 2).** Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом, обух с выделенной пяткой, лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости, проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора имеет огранку — в поперечном сечении оно шестигранное. На боковых гранях втулки — четыре продольных ребра. На краю лезвия — вмятины и выщерблины; на ребрах обуха — многочисленные вмятины; на ребрах лезвийной части — немногочисленные вмятины. Размеры: длина — 23,8 см; ширина лезвия — 6,3 см; ширина полотна топора в средней части тела — 3,4 см; соотношение длины топора к ширине полотна в средней части тела — 7; размеры проуха — верх 4,2×3,2 см, низ 3,8×3,0 см. Вес 1118 г.

**Топор-3 (рис. 1: 3; 2: 3).** Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом, обух с выделенной пяткой, лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости, проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора имеет огранку — в поперечном сечении оно шестигранное. На боковых гранях втулки — три продольных ребра. На краю лезвия — скол и выщерблины; на ребрах обуха — вмятины, следы ударов. Размеры: длина — 22,7 см; ширина лезвия — 6,6 см; ширина полотна топора в средней части тела — 3,6 см; соотношение длины топора к ширине полотна в средней части тела — 6,3; размеры проуха — верх 4,4×3,4 см, низ 4,2×3,2 см. Вес 1279,9 г. Рисунок топора опубликован В.И. Козенковой (*Козенкова*, 1995. Табл. XVIII: 1).

**Топор-4 (рис. 1: 4; 2: 4).** Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом, обух с выделенной пяткой, лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости, проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора имеет огранку — в поперечном сечении оно шестигранное. На боковых гранях втулки — четыре продольных ребра. На краю лезвия — вмятины и выщерблины; на гранях — несколько вмятин. Размеры: длина — 21,3 см; ширина лезвия — 6,9 см; ширина полотна топора в средней части тела — 3,3 см; соотношение длины топора к ширине полотна в средней части тела — 6,5; размеры проуха — верх 4,4×3,4 см, низ 4,3×3,2 см. Вес 1027 г.

**Топор-5 (рис. 1: 5; 2: 5).** Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом, обух с выделенной пяткой, лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости, проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора имеет огранку — в поперечном сечении оно шестигранное. На боковых гранях втулки — три продольных ребра. На краю лезвия — большой скол, делающий топор непригодным к использованию; на проухе, с верхней стороны — вмятины, следы ударов. Размеры: длина — 24,4 см; ширина лезвия — 6,3 см; ширина полотна топора в средней части тела — 3,6 см; соотношение длины топора к ширине полотна в средней части тела — 6,8; размеры проуха — верх 4,8×3,5 см, низ 4,4×3,5 см. Вес 1342,2 г.

**Топор-6 (рис. 1: 6; 2: 6).** Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом, обух с выделенной пяткой, лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости, проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора имеет огранку — в поперечном сечении оно шестигранное. На боковых гранях втулки — три продольных ребра. На краю лезвия — вмятины, выщерблины; на верхней грани — мелкие вмятины, следы ударов. Размеры: длина — 24 см; ширина лезвия — 7,1 см; ширина полотна топора в средней части тела — 3,55 см; соотношение длины топора к ширине полотна в средней части тела — 6,8; размеры проуха — верх 4,5×3,4 см, низ 4,4×3,4 см. Вес 1422 г. Возможно, этот топор изображен в своде А.А. Иессена (*Иессен*, 1951. С. 104. Рис. 37).

**Топор-7 (рис. 3: 1; 4: 1).** Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом, обух с выделенной пяткой, лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости, проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора имеет огранку — в поперечном сечении оно шестигранное. На боковых гранях втулки — три продольных ребра. На краю лезвия — большой скол, делающий топор практически непригодным в использовании; на проухе, с нижней стороны — вмятины, следы ударов. Размеры: длина — 25,1 см; ширина лезвия — 6,3 см; ширина полотна топора в средней части тела — 3,65 см; соотношение длины топора к ширине полотна в средней части тела — 6,9; размеры проуха — верх 4,7×3,4 см, низ 4,5×3,2 см. Вес 1382,1 г.

**Топор-8 (рис. 3: 2; 4: 2).** Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом, обух с выделенной пяткой, лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости, проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора имеет огранку — в поперечном сечении оно шестигранное. На боковых гранях втулки — три продольных ребра. На краю лезвия — большой скол, делающий топор непригодным к использованию; на поверхности есть следы небольших воздушных раковин. Размеры: моделируемая длина — ~24 см; ширина лезвия — 6,6 см, ширина полотна топора в средней части тела — 3,6 см; соотношение длины топора к ширине полотна в средней части тела — 6,7; размеры проуха — верх 4,3×2,9 см, низ 4,0×3,1 см. Вес 1364,7 г. Рисунок топора опубликован В.И. Козенковой (Козенкова, 1995. Табл. XVIII: 2).

**Топор-9 (рис. 3: 3; 4: 3).** Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом, обух с выделенной пяткой, лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости, проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора имеет огранку — в поперечном сечении оно шестигранное. На боковых гранях втулки — три продольных ребра. На краю лезвия — большой скол; на ребрах обуха, на верхней грани, на плоскостях лезвийной части — многочисленные вмятины, следы ударов. Размеры: длина — 23,5 см; ширина лезвия — 6,7 см; ширина полотна топора в средней части тела — 3,6 см; соотношение длины топора к ширине полотна в средней части тела — 6,5; размеры проуха — верх 4,5×3,2 см, низ 4×3 см. Вес 1328,3 г.

**Топор-10 (рис. 3: 4; 4: 4).** Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом, обух с выделенной пяткой, лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости, проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора имеет огранку — в поперечном сечении оно шестигранное. На боковых гранях втулки — три продольных ребра. На краю лезвия — большой скол и вмятины, делающие топор непригодным к использованию; на ребрах обуха, на гранях с верхней стороны — мелкие вмятины, следы ударов. Размеры: длина — 24,6 см; ширина лезвия — 6 см; ширина полотна топора в средней части тела — 3,6 см; соотношение длины топора к ширине полотна в средней части тела — 6,8; размеры проуха — верх 4,6×3,6 см, низ 4,7×3,4 см. Вес 1334,3 г.

**Топор-11 (рис. 3: 5; 4: 5).** Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом, обух с выделенной пяткой, лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости, проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора имеет огранку — в поперечном сечении оно шестигранное. На боковых гранях втулки — четыре продольных ребра. На краю лезвия — мелкие вмятины; на ребрах обуха — мелкие вмятины от ударов. Размеры: длина — 22 см; ширина лезвия — 6,5 см; ширина полотна топора в средней части тела — 3,5 см; соотношение длины топора к ширине



полотна в средней части тела — 6,3; размеры проуха — верх 4,2×3,2 см, низ 4,0×3,2 см. Вес 1097,3 г.

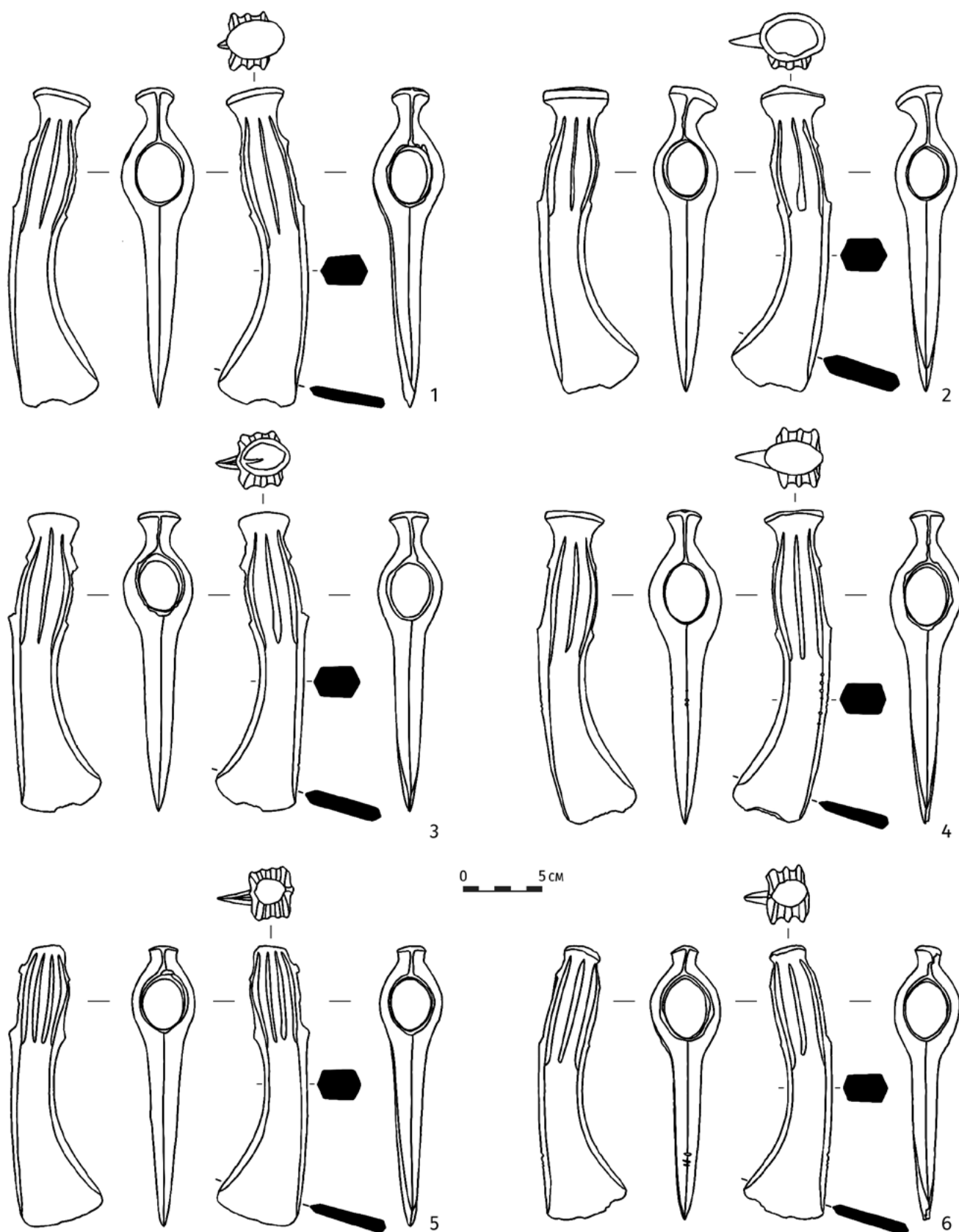
**Топор-12 (рис. 3: 6; 4: 6).** Прямообушной, с почти прямым со стороны спинки корпусом, обух с выделенной пяткой, лезвие слегка расширено вниз, слабой округлости, проушина овальная, расположена почти у края обуха. Тело топора имеет огранку — в поперечном сечении оно шестигранное. На боковых гранях втулки — три продольных ребра. На краю лезвия — сколы и вмятины, делающие топор практически непригодным в использовании; на гранях и на плоскостях — вмятины, следы ударов. Размеры:

**Рис. 3.** Боргустанский клад. Топоры 7–12.

Фотографии авторов

**Fig. 3.** The Borgustanskaya hoard. Axes 7–12.

Photos by the authors



длина — 21,5 см; ширина лезвия — 6,7 см; ширина полотна топора в средней части тела — 3,45 см; соотношение длины топора к ширине полотна в средней части тела — 6,2; размеры проуха — верх 5,0×3,5 см, низ 4,4×3,3 см. Вес 926,2 г. Вполне возможно, что именно этот топор запечатлен на фото из архива Н.М. Егорова (Пятигорский... П. 21. Фото Боргустанского клада),

**Рис. 4.** Боргустанский клад. Топоры 7–12.

Рисунки авторов

**Fig. 4.** The Borgustanskaya hoard. Axes 7–12.

Drawings by the authors



которое было отретушировано и вошло в первую публикацию клада (Егоров, 1951. С. 293). Он же, видимо, изображен на рисунке из архива Н.М. Егорова, как топор № 1 от А.П. Тесленко (Пятигорский... П. 2. С. 104). Совпадают все параметры и подписи, кроме веса топора в описании предметов, полученных от А.П. Тесленко, не исключено, что в текст рукописи и далее в статью вкралась техническая ошибка.

Можно работать с визуальными данными еще двух топоров.

**Топор-13 (рис. 5)** изображен в своде А.А. Иессена (Иессен, 1951. Рис. 20: 4). Прямообушной, с почти прямым корпусом, обух с выделенной пяткой, лезвие слегка расширено, слабой округлости, проушина овальная, с небольшим скосом от брюшка к спинке, расположена почти у края обуха. Тело топора имеет огранку — в поперечном сечении оно шестигранное. На боковых гранях втулки — три продольных ребра-валика. Размеры: длина — ~21,2 см; ширина лезвия — ~7 см; ширина полотна топора в средней части тела — ~2,7 см, соотношение длины топора к ширине полотна в средней части тела — ~7,9; примерные размеры проуха — верх 5,1×2,6 см, низ 4,8×2,5 см.

**Топор-14 (рис. 6)** изображен на рисунке из архива Н.М. Егорова, как

топор № 2 от Г.П. Зинченко (Пятигорский... П. 2. С. 103). Прямообушной, с почти прямым корпусом, обух с выделенной пяткой, лезвие слегка расширено, слабой округлости, проушина овальная, с небольшим скосом от брюшка к спинке, расположена почти у края обуха. Тело топора имеет огранку — в поперечном сечении оно шестигранное. На рисунке Н.М. Егорова топор изображен с плоскими гранями, однако, судя по тексту рукописи и статьи (Егоров, 1951. С. 293–294), на боковых гранях втулки топора должны быть три продольных ребра-валика. Размеры: длина — 23,5 см; ширина лезвия — ~7,4 см; ширина полотна топора в средней части тела — ~3,4 см; соотношение длины топора к ширине полотна в средней части тела ~6,9; размеры проуха — 4,5×3,2 см. Вес 1350 г.

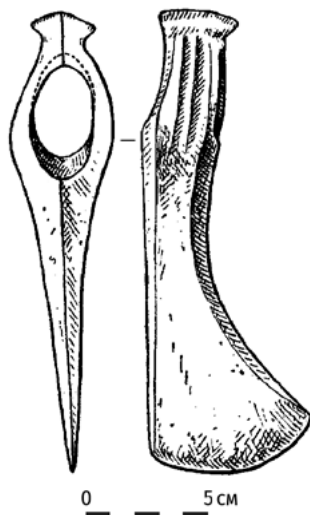
Все проушные топоры Боргустанского клада отливались в двустворчатых литейных формах, металл в которые заливался со стороны обуха. Они покрыты зеленой патиной, частично потертой.

Попытаемся соотнести топоры со списком Н.М. Егорова, в первую очередь ориентируясь на обозначенный в его статье вес топоров и учитывая их размеры.

**Рис. 5.** Боргустанский клад. Топор 13.

Рисунок А.А. Иессена

**Fig. 5.** The Borgustanskaya hoard. Axe 13. Drawing by Aleksandr A. Jessen



**Рис. 6.** Боргустанский клад. Топор 14.

Рисунок Н.М. Егорова

**Fig. 6.** The Borgustanskaya hoard. Axe 14. Drawing by Nikolay M. Egorov



По Н.М. Егорову, в Пятигорский музей поступило четыре четырехреберных топора (*Егоров*, 1951. С. 293–294). Все они сохранились. Из 15 трехреберных топоров в музее сохранились восемь экз. (**табл. 1**).

**Табл. 1.** Боргустанский клад, данные по всем известным топорам

**Tab. 1.** The Borgustanskaya hoard, data on all known axes

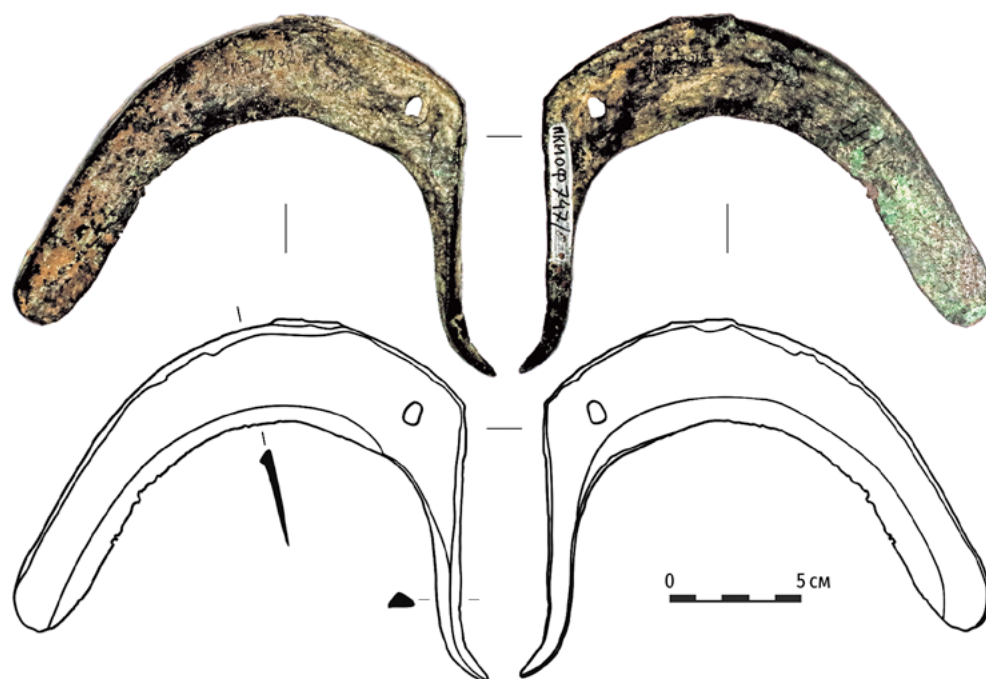
№ по Н.М. Егорову	№ и вес по А.Л. Пелиху, С.Н. Савенко, в граммах	Вес по Н.М. Егорову, в граммах	Дополнительные признаки по Н.М. Егорову
1	12; 926,2	930	Трехреберный, длина 21(21,3) см, размеры проуха — 4,9×3,6 см, рис. на с. 104 из архива Егорова
2	14	1350	Трехреберный, длина 23,5 см, размеры проуха — 4,5×3,2 см, рис. на с. 103 из архива Егорова
3	7; 1382,1	1380	Трехреберный
4		1290	Трехреберный
5	3; 1279,9	1278	Трехреберный
6		1434	Трехреберный, впадина на обухе
7		1121	Трехреберный, впадина на обухе
8	6; 1422	1420	Трехреберный
9		1392	Трехреберный, не обработан, после отливки сохранились выступы металла на месте стыка половинок литейной формы
10		1352	Трехреберный
11	5; 1342,2	1340	Трехреберный, впадина на обухе
12	8; 1364,7	1363	Трехреберный, впадина на обухе
13	9; 1328,3	1325	Трехреберный
14		998	Трехреберный
15	10; 1334,3	1332	Трехреберный
16	1; 910,8	909	Четырехреберный, длина 21,3 см, размеры проуха — 5,3×3,0 см
17	4; 1027	1025	Четырехреберный, длина 21,1 см, размеры проуха — 4,4×3,4 см
18	2; 1118	1116	Четырехреберный, длина 23 см, размеры проуха — 4,2×3,2 см
19	11; 1097,3	1094	Четырехреберный, длина 22,3 см, размеры проуха — 4,3×3,2 см

Таким образом, со списком Н.М. Егорова с высокой долей вероятности нам удалось идентифицировать изображения 13 из 14 топоров: из них зафиксированы в Пятигорском музее — 12 экз., один топор дается по рисунку Н.М. Егорова. Топор-13, рассматриваемый нами по публикации А.А. Иессена (*Иессен*, 1951. Рис. 20: 4), из-за отсутствия в публикации данных о его весе, сличить не удалось.

Помимо топоров в Пятигорский музей в 1941 г. поступили еще несколько предметов.

**Серп (рис. 7).** Опубликован Н.М. Егоровым и А.А. Иессеном (*Егоров*, 1951. С. 292–294; *Иессен*, 1951. Рис. 20: 1). Коленчатый. Отлит в односторонней форме. Литье режущей кромки — под правую руку. Литник обрублен. Сечение лезвия клиновидное, спинка лезвия укреплена односторонним валиком. Серп откован, заточен, заметно сработан, с выщерблинами по режущему краю. На лезвийной части перед переходом ее в рукоять есть образованное при литье сквозное отверстие размерами 7,0×5,5 мм. Стержень рукояти треугольный в сечении, образован путем сильной сковки полотна, с немного загнутым назад и приостренным концом. Немного загнутый

**Рис. 7.** Боргустанский клад. Серп. Фотография и рисунок авторов  
**Fig. 7.** The Borgustanskaya hoard. Sickle. Photo and drawing by the authors



назад конец стержня мог служить для дополнительной фиксации деревянной рукояти серпа. Поверхность покрыта частично стертой зеленой патиной. Размеры: максимальная длина лезвийной части — 17,9 см; хорда лезвия — 13,6 см; ширина лезвия — до 3,9 см; толщина лезвия — до 0,5 см; высота дуги изгиба спинки — 9,8 см; соотношение длины лезвийной части к высоте дуги — 1,83. Вес — 166,5 г.

**Тесло (рис. 8)**, трапецевидное. Опубликовано Н.М. Егоровым<sup>7</sup> и А.А. Иессеном (Егоров, 1951. С. 292–294; Иессен, 1951. Рис. 20: 2). Лезвие отковано, заточено, с вмятинами. На плоских сторонах видны затертые воздушные раковины. Предмет очищен от патины. Изделие, видимо, было отлито в двустворчатой форме, с заливкой металла сверху (в пятку). Размеры: длина — 11,8 см; ширина лезвия — 5,3 см; ширина пятки — 2,4 см; толщина — до 0,6 см. Вес — 195,2 г.

**Рис. 8.** Боргустанский клад. Трапецевидное тесло. Фотография и рисунок авторов  
**Fig. 8.** The Borgustanskaya hoard. Trapezoidal adze. Photo and drawing by the authors

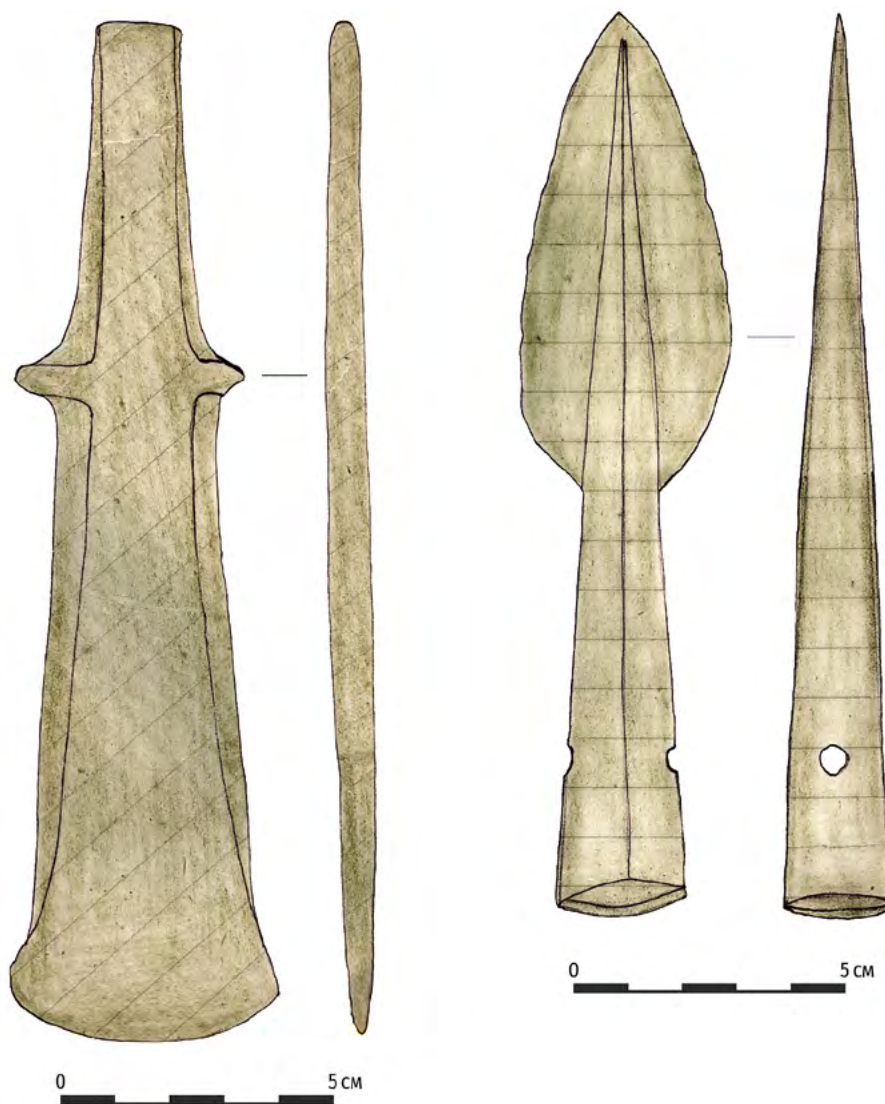


<sup>7</sup> Длина этого тесла в описаниях на с. 292 и 294 не совпадает. Очевидно (при сравнении с обмерами предмета в фондах музея) на с. 292, как и в рукописи статьи, была допущена техническая ошибка.



**Тесло (рис. 9),** с цапфами. Опубликовано Н.М. Егоровым и А.А. Иессеном, описание дано по информации в публикациях и архивному рисунку (Егоров, 1951. С. 292–294; Иессен, 1951. Рис. 20: 3; Пятигорский... П. 2. С. 102). Размеры: длина — 18,8 см; ширина лезвия — 4,9 см; ширина пятки — 1,5 см; ширина цапф — 4,2 см; толщина предмета — до 0,8 см. Вес — 280 г.

**Наконечник копья (рис. 10).** Опубликовано Н.М. Егоровым и А.А. Иессеном, описание дано по информации в публикациях и архивному рисунку (Егоров, 1951. С. 292–293, 295; Иессен, 1951. Рис. 20: 5; Пятигорский... П. 2. С. 101). Имеет перо остролистной формы, хорошо выраженное центральное ребро пера, переходящее в расширяющуюся книзу цельнолитую втулку, стержень которой имеет подромбическое сечение. Перо составляет половину общей длины наконечника, наибольшее расширение пера — на рубеже первой и второй третей его длины. В нижней части втулки имеются два круглых отверстия для крепления древка, расположенных диаметрально противоположно, в одной плоскости с пером. Размеры: длина общая — 16 см; длина пера — 8,7 см; ширина пера — 4 см; размеры втулки — 2,4×2,0 см. Вес — 130 г.



**Рис. 9.** (слева) Боргустанский клад. Тесло с цапфами.

Рисунок Н.М. Егорова

**Fig. 9.** (left)

The Borgustanskaya hoard.  
Adze with lateral projections.  
Drawing by Nikolay M. Egorov

**Рис. 10.** Боргустанский клад. Наконечник копья.

Рисунок Н.М. Егорова

**Fig. 10.** The Borgustanskaya hoard. Spearhead. Drawing by Nikolay M. Egorov

### Особенности морфологии и классификации предметов клада

Проушные топоры Боргустанского клада относятся к верхнекубанскому типу данной категории изделий, характеризующему ПОММ ПБВ, выделенному А.А. Иессеном (Иессен, 1951. С. 102–105; Пелих, 2021. С. 46). Проведенные измерения *de visu* позволили уточнить принадлежность боргустанских топоров к варианту этого типа: они относятся к условному варианту А — топоры с «легким» телом: соотношение длины топора к ширине полотна топора в средней части тела у них составляет от 7,9 до 6,2.

В связи с уточнением размеров боргустанских топоров некоторой корректировке подвергаются в целом диапазоны индексов соотношения длины топора к ширине полотна топора в средней части тела, по которым определяется принадлежность верхнекубанских топоров к вариантам А и Б. Для топоров варианта А эти индексы теперь определяются в диапазоне от 8,4 до 6,2, а для топоров варианта Б — от 5,5 до 4,3.

Все описанные топоры Боргустанского клада имеют относительно позднее сочетание признаков — овальную форму проушины с шестигранным сечением тулова. Как уже ранее отмечалось (Бочкарев, Пелих, 2019. С. 179. Рис. 1; Пелих, 2021. С. 47–49), все комплексы с подобными топорами относятся к бекешевской (включая ее поздний, ольгенфельдский, этап) хронологической группе. Эта группа в целом синхронизируется со временем бытования белозерской культуры по степной восточноевропейской шкале, а также с VI и VII группами металлопроизводства позднего бронзового века юга Восточной Европы (Бочкарев, 2017. С. 174–177). В абсолютных датах это соответствует XII–X вв. до н.э. Наиболее близки боргустанские проушные топоры предметам из Агурского клада, покупки из Карт-Джурта, из Учкулана (Иессен, 1951. Рис. 15; 17; 18: 1).

Серп из Боргустанского клада, по новой классификации В.С. Бочкарёва и А.Л. Пелиха (Бочкарев, Пелих, 2025), относится к варианту 2 типа Б-Пб, известному на поздних, бекешевском и ольгенфельдском, этапах ПОММ ПБВ. В целом, коленчатые серпы типа Б-Пб — одна из самых распространенных для прикубанского очага металлопроизводства групп предметов. Наибольшее сходство боргустанский серп имеет с одним из серпов из погребения под горой Бык (Иессен, 1951. Рис. 47: 4), а также со случайными находками из района Пятигорска, Нижнего Архыза, Ростовской области, с. Рене (Грузия). Кроме прочего, с одним из серпов с Бык-горы серп из Боргустанской схож наличием отверстия на лезвийной части перед переходом ее в рукоять.

Боргустанское тесло трапецевидной формы было отнесено В.И. Козенковой к I типу топоров-тесел по ее классификации (Козенкова, 1998. С. 12–13). По своему внешнему виду оно похоже на тесла из Кнышевки (Федоровский, 1927. С. 32. Рис. 30: 4), Бекешевской (Дергачев, Бочкарев, 2002. Табл. 113: 7), Змейской (Козенкова, 1996. С. 35–39. Рис. 15: 16), Мындрешть (архив В.С. Бочкарёва), Отрадненского музея (Пелих, Ложкин, 1999. С. 47, 49. Рис. 1: 8), Майртупа (Дударев, 1991. С. 20. Табл. 4: 2), Светловодского (Козенкова, 1989. С. 28–29. Табл. V: 13), Упорной (Аптекарев, Козенкова, 1986. С. 122–123. Рис. 1: 4). Все комплексы, из которых происходят упомянутые тесла, относятся к бекешевской хронологической группе ПОММ ПБВ (Бочкарев, Пелих, 2019. С. 179–181).

Надежным средством классификации восточноевропейских тесел эпохи бронзы является корреляция их по двум индексам: индекс А учитывает пропорциональное соотношение длины орудия к ширине его лезвия ( $A = L/S_1$ ); индекс В — соотношение ширины лезвия к ширине обушка ( $B = S_1/S_2$ )

(Братченко, 1996. С. 48. Рис. 9; Бочкарев, 2010. С. 197. Рис. 7; и др.). Исходя из корреляции индексов А и В, тесло из Боргустанского клада наиболее близко теслам из Кнышевки, Светловодского, Майтупа, несколько отстают от боргустанского тесла из Упорной и Отрадненского музея и далее — тесло из Змейской. Тесла, близкие с боргустанским по индексам размеров, схожи с ним и визуально. При этом некоторое отличие порядка расположения тесел в двух этих списках (визуально и по индексам) объясняется тем, что у нескольких экземпляров тесел лезвия внизу довольно сильно расширяются (Майртуп, Упорная, Светловодское), что влияет на их индексы. Исходя из обозначенной корреляции боргустанское трапециевидное тесло относится к т.н. бекешевскому типу тесел (Пелих, 2024. С. 207).

Тесло с цапфами из Боргустанского клада отнесено В.И. Козенковой к II типу топоров-тесел (Козенкова, 1998. С. 13). По схеме Т.Н. Нераденко, этот предмет относится к I, 1 подтипу, который был характерен для горной Колхиды в XI–VIII вв. до н.э. (Нераденко, 1988. С. 11).

При этом ближайшие северокавказские аналогии боргустанскому теслу с цапфами: предметы из каменного ящика № 3 Березовского 1 (Крупнов, 1960. С. 190–192. Табл. XII: 3; Козенкова, 1989. С. 31; 1998. С. 13. Табл. II: 5) и из Сержень-Юртовского (Козенкова, 1982. С. 7. Табл. I: 22, 23) могильников, — относятся к позднему предскифскому времени, соответственно к первой половине VII в. до н.э. и к VIII в. до н.э. (Козенкова, 1998. С. 13; 1996. С. 96. Табл. 3).

Цельнолитые, относительно короткие наконечники копий, подобные боргустанским, А.А. Иессен отнес к широко распространенному типу, существовавшему позднее наконечников с открытой кованой втулкой и доживавшему до раннескифского времени (Иессен, 1951. С. 13–114). В.И. Козенковой наконечник копья из Боргустанского клада был отнесен к 1 варианту I типа II отдела наконечников по ее классификации (Козенкова, 1995. С. 37. Табл. 12). Если использовать классификацию, разработанную В.Р. Эрлихом, то анализируемый предмет относится к малым наконечникам копий, типу II (Эрлих, 2007. С. 94–95).

Из комплексов финала эпохи бронзы с территории прикубанского очага металлопроизводства цельнолитой наконечник копья схожих параметров, но отличающийся расширением пера в середине листа, имеется в кладе из ст. Упорной (Аптекарев, Козенкова, 1986. С. 121. Рис. 1: 2; 3: 1). Некоторое сходство с боргустанским также можно отметить у наконечника копья из могильника Эшакон, где он имеет остролистное перо (Козенкова, 1995. С. 37. Табл. VI: 6).

### Вопросы культурной и хронологической интерпретации

Общий вес части клада, поступившей в Пятигорский музей, исходя из данных Н.М. Егорова, составляет 24,2 кг. При этом, как было сказано выше, общее количество предметов в кладе было примерно в два раза больше — утрачены, как минимум, 15 (вероятно, даже больше) проушных топоров, несколько тесел и наконечник копья. То есть общий первоначальный вес Боргустанского клада может реконструироваться приблизительно в пределах 40–50 кг. Это делает его одним из наиболее массивных комплексов с изделиями прикубанского очага металлопроизводства или даже самым массивным.

Особо обратим внимание на вес топоров Боргустанского клада, который находится в диапазоне от 909 г до 1434 г, в среднем — 1234,2 г. Близкие

по форме топоры верхнекубанского типа из Лыхненского клада имели вес от 681 г до 780 г, в среднем — 729,5 г. (*Пелих и др.*, 2024. С. 262–263, 272). То есть боргустанские топоры массивнее однотипных им лыхненских в среднем в 1,69 раза. Средняя длина известных боргустанских топоров составляет 23,1 см, а топоров верхнекубанского типа из Лыхны — 20,6 см, т.е. всего в 1,12 раза меньше. Получается, что лыхненские топоры — более легких пропорций, чем боргустанские.

В целом, предметы Боргустанского клада, исходя из их датировки, можно условно разделить на две группы. Первая группа — это проушные топоры, серп и трапецевидное тесло, которые определяются в пределах бекешевской группы ПОММ ПБВ, что приходится на XII–X вв. до н.э. Вторая группа предметов: тесло с цапфами и наконечник копья, — находит аналогии как в материалах финала эпохи бронзы, так и в комплексах позднейшего предскифского времени. Однако взаимное сочетание всех перечисленных категорий предметов возможно только в пределах бекешевского хронологического горизонта, т.е. в XII–X вв. до н.э.

Боргустанский клад был найден на месте древнего поселения (*Егоров*, 1951. С. 292). Важно отметить, что из 19 известных Н.М. Егорову и А.А. Иессену топоров клада 18 экз. носят следы употребления, у некоторых из них имеются повреждения, из-за которых практически было невозможно использование предметов по прямому назначению, один топор не очищен по отливке, т.е. не использовался (см.: *Егоров*, 1951. С. 294; *Иессен*, 1951. С. 92). Следы интенсивного употребления также присутствуют на сохранившихся в музее тесле и серпе. В связи с этим можно полагать, что Боргустанский клад является кладом человека, который занимался сбытом новых топоров и сбором брака (*Егоров*, 1951. С. 294). По А.А. Иессену этот комплекс относится к категории кладов-сокровищ, и составлявшие клад предметы сохранялись обитателями поселения, как запас изделий, требующих исправления или как запас металла (*Иессен*, 1951. С. 92).

Отметим, что Боргустанское поселение, в пределах которого найден клад и известное по сборам Н.М. Егорова 1941 г., датировано В.И. Козенковой концом II тыс. до н.э. При этом такая датировка дана именно на основании обнаруженного в слое поселения клада (*Козенкова*, 1989. С. 47), что представляется мало обоснованным. Однако это не умаляет значение Боргустанского клада бронзовых орудий как одного из базовых комплексов для изучения позднего бронзового века Северного Кавказа, в том числе и прикубанского очага металлопроизводства.

### Литература и архивные материалы

#### Архивные материалы

Пятигорский краеведческий музей, научная библиотека. Архив Н.М. Егорова.

#### Литература

- Аптекарев А.З., Козенкова В.И.*, 1986. Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной // СА. № 3. С. 121–135.
- Бочкарев В.С.*, 1996. Новые данные о Прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.А. Иессена / Науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 96–97.
- Бочкарев В.С.*, 2010. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб.: Инфо Ол. 231 с.
- Бочкарев В.С.*, 2017. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum plus*. № 2. С. 159–204.

- Бочкарев В.С., Пелих А.Л., 2019. Клады с изделиями прикубанского очага металлургии и металлообработки позднего бронзового века // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международ. науч. конф. Санкт-Петербург. 18–22 ноября 2019 г. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рожд. выдающ. археолога В.С. Бочкарева / Отв. ред.: А.В. Поляков, Е.С. Ткач. СПб: ИИМК РАН, Невская Типография. С. 179–183.
- Бочкарев В.С., Пелих А.Л., 2025. Металлические серпы позднего бронзового века Северного Кавказа // АВ. Вып. 46. С. 35–52.
- Братченко С.Н., 1996. До проблеми ранньобронзової індустрії Східної Європи // Древние культуры Восточной Украины (проблемы изучения и правовой охраны археологического наследия) / Под ред. С.Н. Санжарова. Луганск: Изд-во Восточнукр. гос. ун-та. С. 32–57.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С., 2002. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа. 348 с.
- Дударев С.Л., 1991. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный: Чечено-Ингушский гос. ун-т им. Л.Н. Толстого. 124 с.
- Егоров Н.М., 1951. Боргустанский клад 1941 г. // СА. Вып. XV. С. 292–295.
- Иессен А.А., 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 75–124 (МИА; № 23).
- Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука. 177 с. (САИ; Вып. В2-5).
- Козенкова В.И., 1989. Кобанская культура: западный вариант. М.: Наука. 196 с. (САИ; Вып. В2-5).
- Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М.: ТИМР. 166 с. (САИ; Вып. В2-5).
- Козенкова В.И., 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: Пущинский науч. центр РАН. 163 с.
- Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: ИА РАН. 200 с. (САИ; Вып. В2-5, Т. 5).
- Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР. 520 с.
- Лесков А.М., 1967. О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР / Отв. ред.: А.М. Лесков, Н.Я. Мерперт. Киев: Наукова думка. С. 143–178.
- Нераденко Т.Н., 1989. Связи племен Северного Кавказа с населением Центрального Закавказья и цивилизаций Древнего Востока в конце II — начале I тысячелетия до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев. 17 с.
- Пелих А.Л., 2003. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки и его место в системе межкультурных связей эпохи поздней бронзы Кавказа и Юго-Восточной Европы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 26 с.
- Пелих А.Л., 2024. Металлические топоры-тесла поздней бронзы — начала раннего железа с территории Северного Кавказа // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX — первой четверти XXI века: Материалы Международ. науч. конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвящ. 120-летию со дня рожд. Евгения Игнатьевича Крупнова / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН. С. 207–208.
- Пелих А.Л., Джопуа А.И., Скаков А.Ю., 2024. Клад бронзовых топоров из с. Лыхны: современный взгляд // АВ. Вып. 44. С. 261–276.
- Пелих А.Л., Ложкин М.Н., 1999. Материалы позднебронзового времени из Отрадненского музея // III Минаевские чтения: Материалы науч. конф. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та. С. 46–50.
- Пелих А.Л., Савенко С.Н., 2024. Боргустанский клад бронзовых изделий из фондов Пятигорского краеведческого музея // 120 лет Пятигорскому краеведческому музею:

- Материалы юбилейных музейно-научных семинаров 5–6 июня и 10–11 ноября 2023 г. / Под ред. С.Н. Савенко. Пятигорск: Рекламно-информац. а-во на Кавминводах. С. 55–83.
- Сафронов В.А., 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры. Вып. VII. Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М.: Знание. С. 23–173.
- Федоровський О., 1927. Інструкції та програми для розвідок і реєстрації пам'яток археологічних. Харків: Харків-Друк: 1-ша державна літо-друкарня. 136 с.
- Эрлих В.Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука. 430 с.

## The bronze products hoard from the village of Borgustanskaya: the history of discovery, morphology and features of cultural and chronological interpretation

Aleksey L. Pelikh<sup>8</sup>, Sergey N. Savenko<sup>9</sup>

The article examines a hoard of bronze objects discovered in the village of Borgustanskaya, Stavropol Territory. This complex is one of the key assemblages for studying the Late Bronze Age of the North Caucasus in general and the Kuban center of metal production in particular. The history of its discovery and transfer to the museum is clarified, and high-quality images of the items, along with their detailed descriptions, are provided. The objects in the hoard are given a cultural and chronological interpretation in line with current scholarship. It is noted that the Borgustan hoard is among the largest complexes containing products of the Kuban metal production center. In general, the hoard's objects are divided into two chronological groups. The first includes socketed axes, a sickle, and a trapezoidal adze, which belong to the Bekeshevskaya group of the Kuban center and date to approximately the 12<sup>th</sup>–10<sup>th</sup> centuries BC. The second group, comprising an adze with lateral projections and a spearhead, bears parallels in the final Bronze Age and early pre-Scythian period. However, the combined presence of all these object types is possible only in the 12<sup>th</sup>–10<sup>th</sup> centuries BC.

**Keywords:** *bronze products hoard, Late Bronze Age, Bekeshevskaya stage, Kuban center of metal production*

- 
- 8 Aleksey L. Pelikh — Armavir State Pedagogical University, 159 Roza Luxemburg St., Armavir, 352901, Russian Federation, e-mail: pelich1976@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0474-7235.
- 9 Sergey N. Savenko — Pyatigorsk Museum of Local Lore, 2 Brothers Bernardazzi St., Pyatigorsk, 357501, Russian Federation; e-mail: sovos57@mail.ru; ORCID: 0009-0008-8403-5708.

## Группа зооморфных предметов из кавказской коллекции А.В. Живаго в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина

О.А. Брилева<sup>1</sup>, Г.Ю. Колганова<sup>2</sup>, Ю.М. Свойский<sup>3</sup>,  
Е.В. Романенко<sup>4</sup>, Ю.А. Миронова<sup>5</sup>

*В статье впервые вводится в научный оборот и комплексно анализируется группа зооморфных предметов (булавка с навершием в виде пантеры, подвеска в виде овцы, подвеска в виде птицы) из кавказской коллекции А.В. Живаго (ГМИИ им. А.С. Пушкина), происходящая, согласно записям Александра Васильевича, из окрестностей селения Они (Рача, Грузия). Применение методов 3D-моделирования позволило провести детальное исследование морфологии и технологии изготовления предметов. Стилистический и иконографический анализы выявили тесные параллели с материалами из Луристана и лчашено-цителгорийского горизонта. Публикуемые артефакты рассматриваются как важное свидетельство культурных связей между регионами Кавказа и Ближнего Востока в предскифское время.*  
**Ключевые слова:** Кавказ, Луристан, поздний бронзовый век — ранний железный век, зооморфные изображения, А.В. Живаго, ГМИИ им. А.С. Пушкина, культурные связи, 3D-моделирование

<http://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-478-4.129-146>

В ГМИИ им. А.С. Пушкина хранится коллекция А.В. Живаго. В 2022 г., работая над проектом выставки, посвященной кобанским бронзам, Г.Ю. Колганова обратила внимание на две группы вещей, приобретенных Александром Васильевичем во время его путешествия на Кавказ. Данная работа посвящена зооморфным предметам одной из них.

История обнаружения вещей довольно запутанная. В 1910 г. имеретинец Григорий Лобжанидзе возделывал поле у местечка Они, близ селения

- 
- 1 Ольга Александровна Брилева — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: Helga\_brileva@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9669-6297.
  - 2 Галина Юрьевна Колганова — Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, ул. Волхонка, д. 12, Москва, 119019, Российская Федерация; e-mail: kolganova\_gy@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6886-728X.
  - 3 Юрий Михайлович Свойский — Лаборатория RSSDA, ул. Снежная, д. 17, к. 2, Москва, 129323, Российская Федерация; Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; e-mail: rutil28@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6256-4299.
  - 4 Екатерина Васильевна Романенко — Лаборатория RSSDA, ул. Снежная, д. 17, к. 2, Москва, 129323, Российская Федерация; e-mail: ekaterina.romanenko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5138-9202.
  - 5 Юлия Андреевна Миронова — Лаборатория RSSDA, ул. Снежная, д. 17, к. 2, Москва, 129323, Российская Федерация; Институт языкознания РАН; Государственный академический университет гуманитарных наук; e-mail: yulyamironovatf@gmail.com; ORCID: 0009-0000-3628-4250.



Геби Рачинского уезда Кутаисской губернии. При пахоте с места была сдвинута каменная плита, под которой оказалось погребение. По словам находчика, все вещи обнаружены непосредственно у скелета. А.В. Живаго приобрел их у Г. Лобжанидзе 28 июня 1913 г. на вершине Чермамета в окрестностях Кисловодска.

История эта, на первый взгляд, представляется недостоверной. Обнаружив вещи с южной стороны Главного хребта Большого Кавказа, находчик отправился через один из перевалов на север для их продажи, преодолел 630 км, взобрался на гору в окрестностях Кисловодска, где все удачно продал коллекционеру. Однако археолог-кавказовед С.Н. Савенко считает такую историю возможной, так как Кисловодск и его окрестности были центром притяжения респектабельной публики, которой можно было выгодно продать найденные вещи. Есть и логика в действиях находчика. Из селения Они до Кисловодска можно было добраться Военно-Осетинской дорогой через Мамисонский перевал или Военно-Сухумской дорогой через Клухорский перевал. Отсутствие в современной топографии Кавминвод вершины с названием Чермамет не кажется подозрительным. Скорее всего, речь шла о похожем по звучанию плато Бермамыт<sup>6</sup>, которое и в наши дни пользуется популярностью у туристов.

Коллекция из сел. Они состоит из 31 предмета: бронзовое навершие булавы, украшенное зооморфной фигурой; бронзовая зооморфная подвеска в виде фигуры овцы; бронзовая подвеска с фигуркой птицы «удода»; фибула; 23 бусины (в основном стеклянные); два бронзовых наконечника стрелы; колечко с орнаментом; свернутый в кольцо стержень, обломанный с одного края.

Для предметов с зооморфными фигурами из рассматриваемой коллекции Ю.М. Свойский, Ю.А. Миронова и Е.В. Романенко (Лаборатория RSSDA) выполнили документирование и моделирование. Каждая из фигурок была сфотографирована со всех ракурсов с расстояния ~20 см (350–400 снимков на предмет). На основе макrofотоснимков фотограмметрическим способом были построены размерные текстурированные трехмерные полигональные модели с дискретностью (средним размером единичного полигона модели) 0,022–0,026 мм. Эти модели послужили основой для автоматизированного создания иллюстраций и выполнения измерений. Фотосъемка выполнена беззеркальной камерой Sony α7R IVA с полнокадровой 35-миллиметровой матрицей и разрешением 61,0 Мп, оснащенной макрообъективом Sony SEL-90M28G с фокусным расстоянием 90 мм. Фотосъемка выполнялась в сыром формате камеры, цветокоррекция — по калибровочной мишени Datacolor SpyderCube SC200, размеры заданы по масштабному базису RSSDA. Способ съемки ротационный, схема расположения камер замкнутая. На основе полученных моделей созданы иллюстрации. С 3D-моделями можно ознакомиться по адресу: <https://rssda.su/projects/kolkhbronze/>.

Созданные 3D-модели делают доступнее для анализа и исследования музейные предметы, хранящиеся в разных городах и странах. Анализ материалов выходит на принципиально новый уровень благодаря переходу от черно-белых иллюстраций в одной проекции к полностью доступным 3D-моделям. Трудно переоценить значение такой работы с матери-

6 Благодарим Я.Б. Березина, хорошо знающего окрестности Кисловодска, за подсказку созвучного названия.

алами. Ярким примером являются кавказские бронзы. Первые их коллекции оказались во Франции и Великобритании, позже единые комплексы делили между Санкт-Петербургом и Тифлисом, в советское время существовала практика разделения одного комплекса между Москвой и Ленинградом. В итоге, анализ единого комплекса может занимать годы, а благодаря 3D-моделям исключается «зависимость» от коммуникативных, финансовых и художественных способностей исследователей.

### Проанализированные зооморфные предметы

**Булавка с зооморфным навершием в виде пантеры (рис. 1: 1; 2)** (ГМИИ, инв. № I.3.а.108). Предмет предварительно опубликован без иллюстрации в 3D-формате (Брилева, Колганова, 2023. Рис. 1). Размеры: общая высота предмета составляет 2,9 см; длина — 2,5 см; ширина — 0,8 см; высота зооморфной статуэтки — 1,7 см; диаметр стержня в районе слома — 0,7 см.

Обломанный стержень булавки переходит в три выступающих параллельных горизонтальных валика. Схожее оформление встречается на булавке

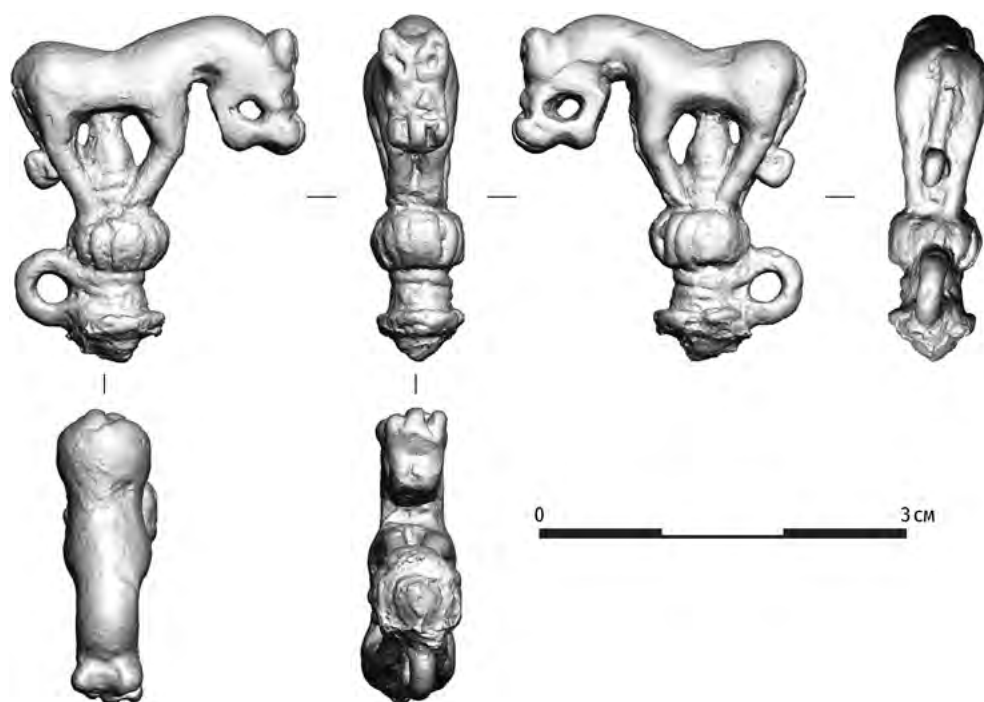


**Рис. 1.** Фотограмметрические проекции 3D-моделей зооморфных предметов из селения Они

**Fig. 1.** Photogrammetric projections of 3D models of the zoomorphic artefacts from the village of Oni

**Рис. 2.** Проекция 3D-модели булавки с зооморфным навершием из селения Они

**Fig. 2.** Orthographic projections of the 3D model of a pin with a zoomorphic finial from the village of Oni

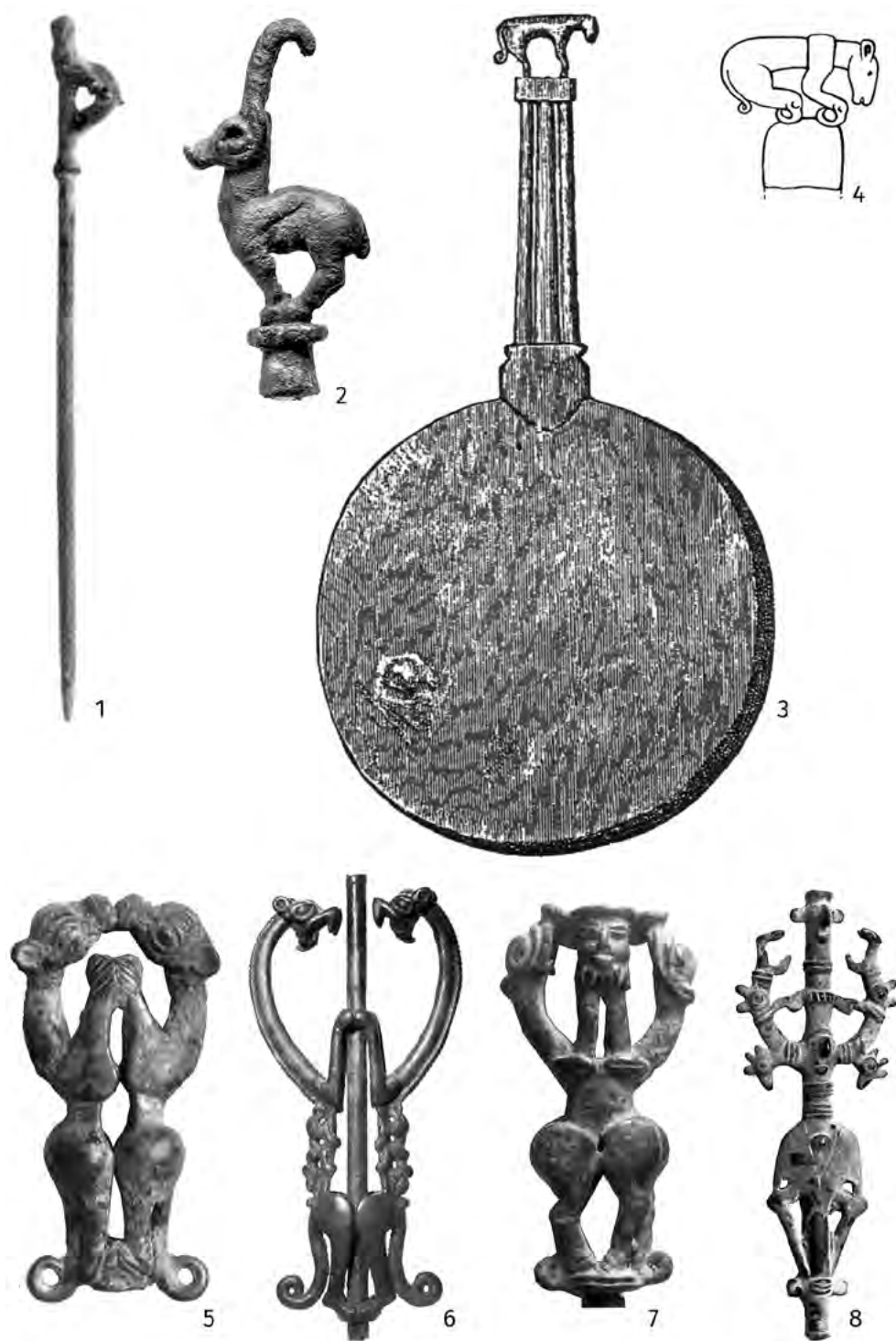


из Банис-хеви, обнаруженной близ г. Боржоми (раскопки В.А. Городцова, 1911 г.), которое обозначено как «винтовая нарезка» (Козенкова, 1972. С. 13). В Стырфазских кромлехах Южной Осетии в погребении 1 кромлеха 5 встречено 11 булавок с пятишишечными головками (тип III, по Б.В. Техову). На них между головкой и утолщенной частью стержня встречается от одной до трех «кольцеобразных линий» (Техов, 2000. С. 76. Рис. 24: 1–3, 11; 25: 2, 3, 7, 9–11). Стырфазский кромлех 5 Б.В. Техов датирует концом XIV — первой половиной XII в. до н.э. (Там же. С. 113).

Сбоку к этой части стержня присоединяется вертикальная округлая петелька. Диаметр ее ушка — 0,4 см. Такая форма петли на булавках — редкость. Среди аналогий можно назвать лишь серию булавок из Былымского клада (Батчаев, 1980), отнесенных В.И. Козенковой к началу I тыс. до н.э. (Козенкова, 1998. С. 68). Схожая петелька встречена на луристанской булавке из святилища Сурх Дум-и-Лури (Surkh Dum-i-Luri) в Луристане, Иран (рис. 3: 1). Эта булавка украшена головой рогатого животного (антилопы?), между рогов которой расположена петля для подвешивания схожей формы. О.У. Мускарелла относит ее к концу VIII — VII в. до н.э. (Muscarella, 1988. P. 131. Fig. 205).

Выше трех горизонтальных линий расположено основание зооморфной фигуры, имеющее вид уплощенного шара с продольным рифлением. Общая форма его напоминает прорезные бубенцы, бытовавшие от эпохи бронзы до раннего железного века. Самый ранний пример использования бубенцов в навершиях — это изделия из Лори-Берда и Лчашена (Армения). Изделия были трехсоставными и крутились вокруг своей оси за счет втулки, соединяющей своеобразную ручку и платформу с сюжетной композицией. Платформа, как правило, была прямоугольной формы с прорезами, внутри нее находились бубенцы. Они не были видны, но издавали звон во время использования предмета. Самые ранние примеры таких наверший относятся к XV–XIV вв. до н.э. (Брилева, 2012. Кат. 322–326).

Продолжением этой традиции в рамках одной культуры считается жезл с шаровидным шарниром, внутри которого находятся бубенцы. Сам шар-



**Рис. 3.** Аналогии булавке с зооморфным навершием из селения Они. 1, 2 — святилище Сурх Дум-и-Лури; 3 — Каррасский I могильник, гробница III; 4 — курган 2 урочища Скоробор; 5–8 — навершия из Луристана (1, 2 — по: *Muscarella*, 1988. Fig. 205; Fig. 200; 3 — по: *Козенкова*, 2013. Рис. 39: 3; 4 — по: *Шрамко*, 1976. Рис. 3: 14; 5–8 — по: *Muscarella*, 1988. Fig. 220; 223; 226; 231)

**Fig. 3.** Analogies to a pin with a zoomorphic finial from the village of Oni. 1, 2 — Surkh Dum-i-Luri sanctuary; 3 — Karras I cemetery, tomb III; 4 — Skorobor site, kurgan 2; 5–8 — finials from Luristan (1, 2 — after *Muscarella*, 1988. Fig. 205; 200; 3 — after *Козенкова*, 2013. Рис. 39: 3; 4 — after *Шрамко*, 1976. Рис. 3: 14; 5–8 — after *Muscarella*, 1988. Fig. 220; 223; 226; 231)

нир украшен выпуклыми продольными линиями. Единственный экземпляр навершия с такой структурой относится к VIII–VII вв. до н.э. и связан с погребальной залой 1 Трельского могильника (Грузия) (Там же. Кат. 368).

Описанные навершия являются маркером лчашено-цителгорийского горизонта (*Sagona*, 2018. Р. 380–416). Вероятно, отголоском или развитием идеи таких наверший можно считать и шаровидное оформление рассматриваемой булавки, а также умбоновидные бляхи с прорезными бубенцами на некоторых предметах из Казбекского клада (VI–V вв. до н.э.).

Таким образом, уплощенный шар с продольным рифлением имитирует одновременно и крутящийся шарнир, и прорезной бубенец.

Рассматривая Циркумпонтийскую металлургическую провинцию, Л.И. Авилова и Е.Н. Черных создали конечные типологические ряды булавок, распределенных в зависимости от формы навершия головки. Форму Б-56 отличает наличие горизонтальных линий на стержне и округлое утолщение с продольными линиями (Авилова, Черных, 1989. Рис. 10.56). Такая форма появляется в среднем периоде эпохи бронзы и получает свое развитие в позднем бронзовом веке. Авторы подчеркивали, что «немалое число конечных типологических рядов имеет параллели среди украшений кавказских» (Там же, 1989. С. 65). Общая среда одной провинции нашла продолжение этой формы булавок в раннем железном веке.

Сочетание «винтовой нарезки» или «кольцеобразных линий» с шаром с продольным рифлением встречается на булавке из святилища Сурх Дум-и-Лури (Луристан) (*Schmidt et al.*, 1989a. Sor 724; 1989b. Pl. 170: j). Сочетание уплощенного шара с продольным рифлением и маленькой петелькой под ним в нескольких вариациях представлено в материалах из того же памятника (*Schmidt et al.*, 1989a. Sor 396, 1629; 1989b. Pl. 171: a, b). Интересно, что уплощенный шар с продольными линиями продолжает свое развитие, превращаясь в морду косули или другого зверя с большими ушами и рогами, где рога и уши на одной половине уплощенного шара трансформированы из круга и являются развитием его идеи. На некоторых из них ниже рогов сохраняется петля (*Ibid.* Sor 10, 54. Pl. 171: d, e). Приведенные в качестве аналогий булавки связаны со слоем 3, 2А-3А этого святилища (*Ibid.* P. 49–50), который соотносится исследователями с периодом Iron Age II (1000–750 BC) (*Ibid.* P. 69–70). Уточняя и анализируя массив археологических находок, исследователи пришли к выводу о сужении даты до периода не ранее 800 г. до н.э. и не позднее 750 г. до н.э. (*Ibid.* P. 487–488).

Верхняя часть стержня (над уплощенно-шаровидным основанием) рассматриваемой булавки заканчивается коническим выступом, соединенным своей вершиной с брюхом зооморфной фигуры, завершающим композицию навершия. К ее возможной трактовке мы вернемся ниже.

Как было отмечено, высота зооморфной фигуры кошачьего хищника из сел. Они составляет 1,7 см. Длинные ноги животного чуть согнуты и сведены к стержню, что придает позе динамичность и напряженность, создавая ощущение готовности к прыжку. Любопытно, что именно такая поза встречается на булавках из Луристана. Так, козел на навершии булавки из Сурх Дум-и-Лури высотой 5,7 см изображен со сведенными вместе ногами. При ее описании О.У. Мускарелла подчеркивает, что характерной чертой большинства экземпляров является положение ног, которые сведены вместе, как будто балансируя на острие, как на горной вершине (рис. 3: 2) (*Muscarella*, 1988. P. 128–129. Fig. 200). Он приходит к выводу, что булавки подобного типа с зооморфными навершиями могли использоваться для подношения или поклонения, а не как предмет одежды или украшения (*Ibid.* P. 129).

Сурх Дум-и-Лури находится в горах Загроса на западе Ирана. Большинство находок из Луристана беспаспортные, но рассматриваемое зооморфное навершие найдено при раскопках Эрика Шмидта в 1938 г. в одной из комнат помещения, интерпретируемого как святилище (*Ibid.* P. 339–340). Булавка с навершием в виде козла из Сурх Дум-и-Лури обнаружена при просеивании земли из слоя 3, 2А-3А и относится к концу VIII — VII в. до н.э. (*Schmidt et al.*, 1989a. P. 309. Sor 1078; 1989b. Pl. 180: e).

Вернемся к скульптуре из сел. Они. У животного длинный хвост с загнутым в кольцо кончиком. Морда короткая, ноздри переданы двумя па-

параллельными вдавлениями на округлом окончании, создающем ощущение вздернутого или курносого носа. Голова животного наклонена вниз. Глаза показаны загнутыми валиками, пасть приоткрыта. В ней есть небольшое сквозное отверстие. Уши подняты вверх.

При анализе редких мотивов кобано-колхидского графического искусства А.Ю. Скаков обозначал подобные изображения как «с утрированными и загнутыми вверх носами» (Скаков, 2001. С. 101). Он трактовал их как головы собак или волков (Там же. С. 103). При этом изображенные на топорах звериные головы с открытой пастью А.Ю. Скаков условно атрибутировал как «собачьи», а головы с закрытой пастью и вытянутой мордой с расширением на конце как «лошадиные», однако подчеркивая условность такого деления (Скаков, 1998).

Утрированный и загнутый вверх нос изображен на мордах зверей, украшающих уздечный комплекс из гробницы 37 Адайдонского могильника (Чшиев, 2011. С. 170. Рис. 3). Бронзовые двухчастные удила с надетыми на стержни рельефными зооморфными псалиями схожи с луристанскими бронзовыми удилами IX–VIII вв. до н.э. (Древности страны луров, 1992. С. 84. Рис. 222). Х.Т. Чшиев относит айдадонский уздечный комплекс к концу IX — первой половине VIII в. до н.э. (Чшиев, 2011. С. 171). В.И. Козенкова датирует эту «весьма показательную для Луристана и чуждую Кобани конструкцию изделия» не позднее начала VIII в. до н.э. Она учитывает переднеазиатские инфильтрации в период активизации отношений населения Северного Кавказа с Луристаном, Ассирией и Урарту, датируемых в пределах X–IX вв. до н.э. Для удил из Адайдона она не исключает датировку концом IX в. до н.э. (Козенкова, 2013. С. 121).

Образ свернувшегося кошачьего хищника в скифском искусстве и его генезис интересовали многих специалистов. В качестве примера приведем яркий раннескифский образ келермесской пантеры второй половины VII в. до н.э. (Галанина, 2006. С. 35). Публикуя материалы из Келермесских курганов, Л.К. Галанина указала на существование мастерских у оз. Урмия на землях маннеев, имея в виду клад из селения Зивие близ г. Сыккыз (Саккез), как важный фактор, повлиявший на сложение скифского звериного стиля (Там же. С. 10). В качестве отдаленной аналогии и развития идеи стоящей пантеры можно привести подобное изображение на ручке зеркала из кургана 2 урочища Скоробор в женском погребении VI в. до н.э. (рис. 3: 4) (Погребова, Раевский, 1992. Рис. 5к; Шрамко, 1976. Рис. 3: 14). Пантера на ручке ольвийского зеркала изображена привставшей на полусогнутых ногах. М.Н. Погребова и Д.С. Раевский трактовали ее как гибридную форму, сочетающую специфические скифские черты, в том числе связанные с традицией Зивие, с манерой, обычной для изображений на ольвийских зеркалах (Погребова, Раевский, 1992. С. 103). Стоящий кошачий хищник украшает ручку зеркала из комплекса кобанской культуры гробницы III Каррасского I могильника (рис. 3: 3) (Козенкова, 2013. С. 82. Рис. 38: 8; 39: 3, 5). Зеркала, ручки которых украшены лежащей пантерой, были найдены в подкурганном каменном склепе близ сел. Хабаз (1919 г.) и в окрестностях г. Нальчика (Там же. С. 82. Рис. 38: 5; 39: 2). В.Г. Луконин подчеркивал, что в искусстве Зивие прослеживается ряд последовательных стадий становления известного в скифском искусстве канона, тогда как в скифских памятниках он не прослежен. В свою очередь искусство Зивие или «скифского Зивие» (Погребова, Раевский, 1992. С. 91) находит прототипы в луристанских бронзах (Луконин, 1977. С. 25; Погребова, Раевский, 1992. С. 92). Вероятно,

на процесс становления самобытного стиля кобано-колхидских бронз луристанские бронзы повлияли не меньше, чем на скифский звериный стиль.

Если обратиться к опыту А.Р. Канторовича по классификации зооморфных образов в скифском зверином стиле, то рассматриваемого зверя можно обозначить, как «хищник, относительно короткоголовый и тупомордый (т.е. кошачий)» (Канторович, 2014. С. 69). Изображения кошачьих хищников на навершиях булавок нам неизвестны. Однако в VII–V вв. до н.э. в Центральном Предкавказье и Прикубанье формируется особый образ скифского звериного стиля — «келермесская пантера». Вероятно, пантера на булавке из сел. Они является переходным образом от луристанских бронз к «келермесской пантере», находя аналогии на ручках зеркал из кобанских и скифских комплексов.

При рассмотрении образа кошачьего хищника в луристанских бронзах наиболее близкие образы обнаруживаются среди геральдических наверший в виде животных (*Muscarella*, 1988. Р. 144–146. Fig. 219–224). Эту группу, как пантеры, идентифицировал Потратц, его поддержал Нагель, а Муррей признал сложность идентификации и обозначил их как кошачьих (*Ibid.* Р. 144). Навершия происходят из грабительских раскопок и были приобретены Метрополитен-музеем из частных коллекций в 1930–1940-е гг. Любопытно, что у рассматриваемой пантеры поза ног находит аналогии лишь со сведенными ногами изображений козлов — так же, как и у приведенных кошачьих хищников на навершии геральдическая поза схожа с навершиями в виде козерогов. О.У. Мускарелла предполагает, что навершия с пантерами имели функцию, схожую с навершиями с козерогами, хотя могли быть символически связаны и с другим божеством. Изобразительный ряд сближает пантеру из сел. Они с навершиями № 219 и 220 по каталогу О.У. Мускареллы (**рис. 3: 5**) своим натуралистично изображенным телом и близостью к круглой скульптуре (*Ibid.* Fig. 219; 220), другие же более стилизованы. Причем у одного из парных изображений пантер появляется стержень, который они держат лапами с двух сторон (**рис. 3: 6**) (*Ibid.* Fig. 223), на других же изображениях центральный стержень приобретает черты антропоморфного божества со сложенными на груди руками, которого пантеры на некоторых изображениях «терзают, или лижут, или шепчут ему на ухо» (**рис. 3: 7**) (*Ibid.* Fig. 225–228). Такие предметы обозначены как штандарты с идолом. О.У. Мускарелла считает, что здесь изображена отрубленная человеческая голова, которая удерживается лапами двух геральдических кошачьих (*Ibid.* Р. 146).

Кроме того, существует серия штандартов, где руки антропоморфного божества лежат на шее пантер (**рис. 3: 8**) (*Ibid.* Fig. 229–237), которая обозначена как штандарт с образом повелителя животных (*Ibid.* Р. 147). О.У. Мускарелла относит их к VIII–VII вв. до н.э. (*Ibid.* Р. 146, 150). Учитывая приведенный контекст, центральный стержень, к которому прижаты ноги пантеры, может нести какую-то дополнительную символическую нагрузку. Сам стержень покрыт «винтовой нарезкой» в три ряда, а затем сужается. Если внимательно посмотреть на оформление шеи «повелителя животных», мы увидим украшения в виде гривен в два-три ряда, выглядящих как «винтовая нарезка». Тогда, возможно, перед нами образ пантеры, символически попирающей голову антропоморфного существа. В таком случае эта фигура перекликается с образами «штандарта с идолом» (*Ibid.* Fig. 225–228). Причем если представленная форма булавки украшала прическу, это усиливало символизм образа пантеры, попирающей человеческую голову.



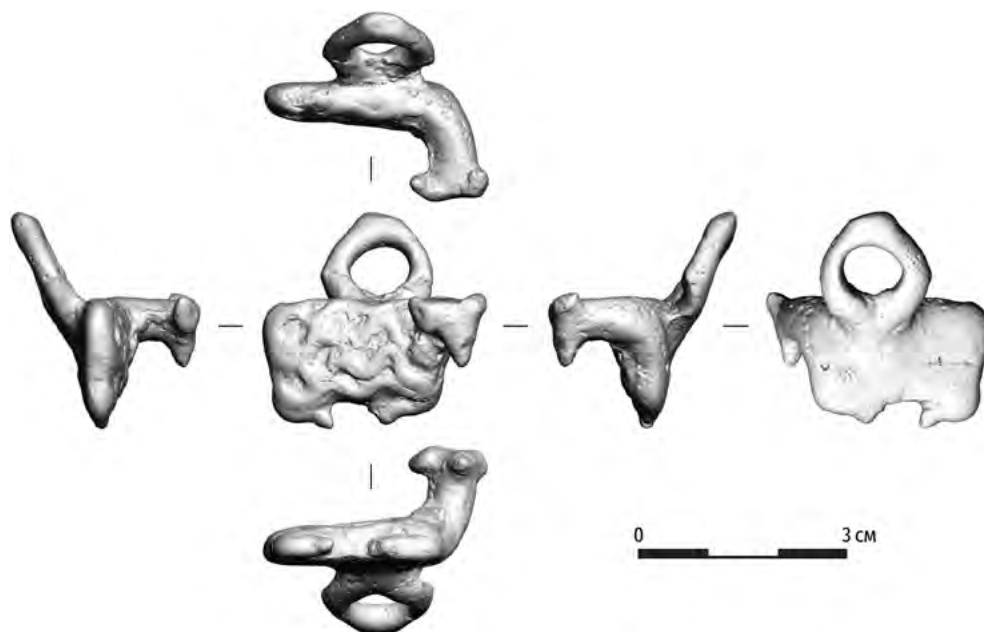
Наиболее возможной датировкой булавки с навершием в виде пантеры из сел. Они является конец VIII — VII в. до н.э. Луристанские и адайдонские удила и навершие булавки с кошачьим хищником из коллекции А.В. Живаго можно считать своеобразной предтечей формирования образа «келермесской пантеры» в Центральном Предкавказье и Прикубанье. Таким образом, булавка с пантерой из сел. Они является важным звеном в понимании формирования специфического набора кобано-колхидских образов в бронзовой пластике региона и показывает пути формирования скифских образов.

Особое внимание стоит обратить на символическую роль булавки в древних сообществах. Анализируя находки из слоя 3 святилища Сурх Дум-и-Лури и пытаясь объяснить этнографическими данными обилие найденных нескольких сотен булавок, которые были пучками воткнуты между камнями, исследователи выдвинули гипотезу, что это святилище выполняло экономическую, административную и религиозную функции одновременно. Оно активно функционировало в период межсезонья, между летними и зимними пастбищами. В это время могли совершаться сделки юридически обязывающего характера. Во многих культурах гвозди, булавки и иглы использовались как вещественное доказательство таких договоров. Например, у племени Бахарванд в горах Загроса. Традиционные брачные контракты среди этих племен до сих пор подтверждаются символическим дарением иглы от родителей невесты родителям жениха. Часть булавок в святилище Сурх Дум-и-Лури может быть результатом фиксации брачных соглашений пастухов-кочевников, посещавших его на своем миграционном пути. Таким образом, можно рассматривать Сурх Дум-и-Лури как один из немногих, если не единственный, административный центр железного века в Луристане. Частично раскрытые руины стен, прилегающие к святилищу, можно считать свидетельством того, что Сурх Дум-и-Лури был чем-то большим, чем просто религиозным центром (*Schmidt et al.*, 1989a. Р. 489). В этом контексте булавка с навершием в виде пантеры могла быть свидетелем брачного союза.

**Подвеска в виде овцы (рис. 1: 2; 4)** (ГМИИ, инв. № I.3.а.106). Размеры: общая длина предмета составляет 3,3 см; высота — 3,3 см; ширина — 2,2 см; толщина туловища — 1,2 см. В верхней части расположена петля высотой 1,6 см, ширина петли — 1,6 см, диаметр стержня — 0,4 см. Внутренний контур петли округлый, а внешний контур ближе к ромбовидной форме. Петля примыкает с внутренней стороны подвески к туловищу животного. Ее верхний край смыкается с верхней границей торса посередине, нижний край петли доходит до середины туловища с внутренней стороны. Правая и левая стороны уравновешены с учетом головы, повернутой под прямым углом к туловищу с помощью плавного изгиба шеи. В нижней части туловища изображены подогнутые ноги, заканчивающиеся копытами. По уплощенному туловищу с лицевой стороны объемной волной выступают четыре полосы. Композиция состоит из двух волнистых линий, которые, изгибаясь в противоположных направлениях, образуют два миндалевидных углубления. В центре каждого углубления прочерчен круг. Этот рисунок вызывает ассоциацию с двумя парами глаз, смотрящими из шерсти животного. Вторая, третья и четвертая волна повторяют контур друг друга и образуют волну или контур гор. Голова треугольной формы имеет размеры 1,2×1,2 см, глаза и рот не выделены. Верхняя часть головы оформлена в виде двух небольших выступов, края которых заве-

**Рис. 4.** Проекция  
3D-модели подвески овцы  
из селения Они

**Fig. 4.** Orthographic  
projections of the 3D model  
of a sheep-shaped pendant  
from the village of Oni



дены назад. Вероятно, так мастер хотел показать уши животного. Причем правый выступ немного больше левого, рога отсутствуют. Возможно, под патиной скрыт слом, и когда-то эта фигурка имела рога. Можно отметить, что образ овцы напрямую отсылает к мифу о золотом руне, поскольку шкуры овец применялись для сбора золотого песка в реках региона.

При взгляде на подвеску в анфас видно, что шея и голова образуют петлю, которая могла служить как утилитарным крюком для подвешивания, так и нести символическую функцию. В профиль же эта деталь превращается в стилизованное изображение птичьей головы, добавляя амулету новый смысловой образ. Кроме того, нехарактерная для колхидских и кобанских бронз поза овцы с разворотом головы (обычно животные изображались устремленными вперед) находит прямые параллели в искусстве Луристана. Именно там встречаются круглые или уплощенные зооморфные скульптурные изображения, головы которых развернуты в другой плоскости относительно тела. Их обозначили как лежащих рогатых животных на навершии булавок (**рис. 5: 1**) (*Schmidt et al.*, 1989a. P. 270. Sor 982, 1129) и, исходя из их находок в святилище Сурх Дум-и-Лури, отнесли к периоду Iron Age II.

Другая категория инвентаря в луристанских бронзах отсылает к псалям с фигурами животных, головы которых развернуты в иной плоскости. Они представлены стоящими фигурами муфлона (**рис. 5: 2**) и крылатого сфинкса (*Muscarella*, 1989. P. 163–164. Fig. 255–256). Их относят к концу VIII — началу VII в. до н.э. (*Schmidt et al.*, 1989. P. 488).

Третий вид изделий — деталь конской сбруи в виде кольца, на котором сверху изображен сидящий муфлон с развернутой в другой плоскости головой (**рис. 5: 3**) (*Muscarella*, 1989. P. 165. Fig. 258). На кольцах есть выступы. Вероятно, их использовали как кольца сбруи, размещавшиеся на плечах колесничных лошадей, однако такие кольца не находили в археологическом контексте, они куплены у частных лиц. Любопытно, что на таких кольцах также изображают пантер и птиц: пантеры терзают муфлона (**рис. 5: 4**) (*Ibid.* Fig. 259–263), а парные птицы представляют отдельную композицию на кольцах (*Ibid.* Fig. 257).

Таким образом, иконографический образ сидящего копытного с развернутой в другой плоскости головой находит аналогии в целой серии



**Рис. 5.** Аналогии подвеске в виде овцы из селения Они. 1–4 — предметы из святилища Сурх Дум-и-Лури (1 — булавка; 2 — псалии; 3 — деталь упряжного снаряжения; 4 — деталь упряжного снаряжения со сценой терзания); 5 — подвеска в виде фигуры собаки, могильник у сел. Кобань, сборы А.С. Уварова (1 — по: Schmidt et al., 1989b. Pl. 180: c; 2–4 — по: Muscarella, 1988. Fig. 255a; 258; 259; 5 — по: Уварова, 1900. Табл. XXXV: 16)

**Fig. 5.** Analogies to a sheep-shaped pendant from the village of Oni. 1–4 — artefacts from Surkh Dum-i-Luri sanctuary (1 — pin; 2 — bridle cheekpiece; 3 — harness fitting; 4 — harness fitting with a scene of animal combat); 5 — pendant in the shape of a dog, burial Koban, A.S. Uvarov Collection (1 — after Schmidt et al., 1989b. Pl. 180: c; 2–4 — after Muscarella, 1988. Fig. 255a; 258; 259; 5 — after Уварова, 1900. Табл. XXXV: 16)

луристанских бронз: наверший булавок, псалиев и колец из упряжи. Рассматриваемая подвеска с внешней стороны боковых линий кольца также заметно ромбической формы и может быть связана с деталями сбруи или другого крепления. Во всяком случае, она не выглядит деталью нашейинского украшения.

Из памятников кобанской культуры в качестве аналогии можно привести фигуру собаки из собраний А.С. Уварова у сел. Кобань (рис. 5: 5) (Уварова, 1900. Табл. XXXV: 16; Козенкова, 2017. Табл. 8: 3). У нее хвост образует петлю такой же формы с круглым внутренним контуром и с внешними

уплощенными краями. Задние лапы расположены с двух сторон от туловища, левая передняя лапа поджата под туловище, голова развернута направо, в иной плоскости. Композиционно она напоминает фигуру овцы из сел. Они. В целом же такое взаиморасположение головы относительно туловища не характерно для изображений в колхидском и кобанском искусстве, находя гораздо большие параллели в находках из Луристана, которые исследователи относят к VIII–VII вв. до н.э.

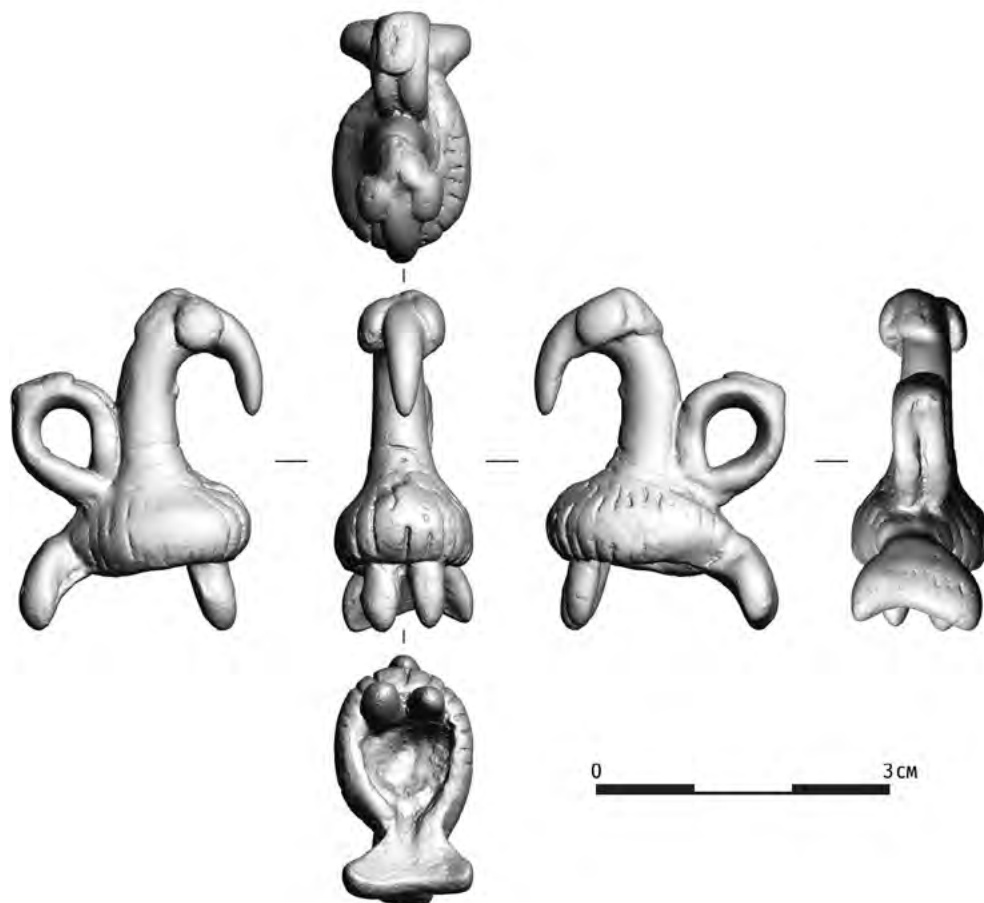
**Подвеска в виде птицы (рис. 1: 3; 6)** (ГМИИ, инв. № I.3.а.109). Размеры: общая высота предмета — 3,5 см; длина — 2,6 см; ширина — 1,4 см; внешний размер петли — 1,5 см; внутренний размер петли — 0,7 см. Петля каплевидной формы, как у большинства нагрудных подвесок в кобанской и колхидской культурах. Она состоит из двух параллельных валиков, объединенных в верхней части небольшим общим налепом. Трактовка двойного валика как стилизованных крыльев косвенно подтверждается наличием косых линий на валиках (четыре на левом и два на правом), которые, возможно, передают оперение. Данная деталь доступна для наблюдения ниже налеса только на 3D-модели.

Боковые профили налеса позволяют увидеть в нем стилизованную птичью голову. Его левый профиль характеризуется глазом в виде углубления и клювом, тогда как правый — глазом в виде округлого выступа и клюва. Дополнительное изображение головы птицы отсылает нас к редуцированным изображениям голов животных в скифском зверином стиле (Канторович, 2022. С. 248–278) и может являться его предтечей.

Шея птицы изгибается и переходит в загнутый клюв, отсылающий нас к хищным птицам. Глаза показаны двумя округлыми налепами. На затылке есть небольшой выделяющийся заглаженный налест, разделяющийся

**Рис. 6.** Проекция 3D-модели подвески птицы из селения Они

**Fig. 6.** Orthographic projections of the 3D model of a bird-shaped pendant from the village of Oni



на три параллельных пряди, средняя из которых выше, а боковые — ниже. В нижней части шеи прочерчены три линии, под которыми колоколовидно расширяется туловище с прочерченными по нему 22 параллельными вертикальными линиями. Хвост показан треугольником, концы которого загнуты немного внутрь, средняя часть хвоста приподнята. На нем прочерчено 10 продольных параллельных линий. Полосы на туловище и хвосте, вероятно, передают оперение. Туловище полое внутри, с передней стороны изнутри на стадии восковой модели к нему приставлены два выступающих стержня, обозначающих лапы. Уплощенные кончики хвоста и лапы создают хорошую опору. Подвеска могла подвешиваться на петле, стоять самостоятельно или надеваться на основу и выступать в виде навершия.

Наиболее популярные подвески в виде птиц в кобанской и колхидской культурах имеют сквозное отверстие в теле и выступают как бусины в наборе, их обозначают как «птицевидные подвески» (Козенкова, 2017. Табл. 2). У таких птиц нет лап, тело округлое, глаза не выделены, иногда обозначены большие уши и не обозначены крылья. Иногда петля все же встречается, например, как на туловище птицы в гробнице 1 могильника Терезе (Козенкова, 1998. Табл. XII: 20, 21). Однако цельнолитое округлое туловище и отсутствие лап уводят от прямых аналогий.

Источники такого образа мы находим в окрестностях оз. Севан, в материалах памятника «Редкин лагерь» — некрополя в 6 км от г. Дилижан, у западной оконечности озера. Здесь в каменных ящиках, сложенных из огромных глыб, находились одиночные захоронения, в инвентаре которых встречены характерные «птички» с треугольными прорезями по туловищу и по низу, как в бубенчиках (**рис. 7: 1**) (Мартиросян, 1964. С. 196–199. Рис. 77: 14). Комплекс предметов относят к периоду IX–VIII вв. до н.э.

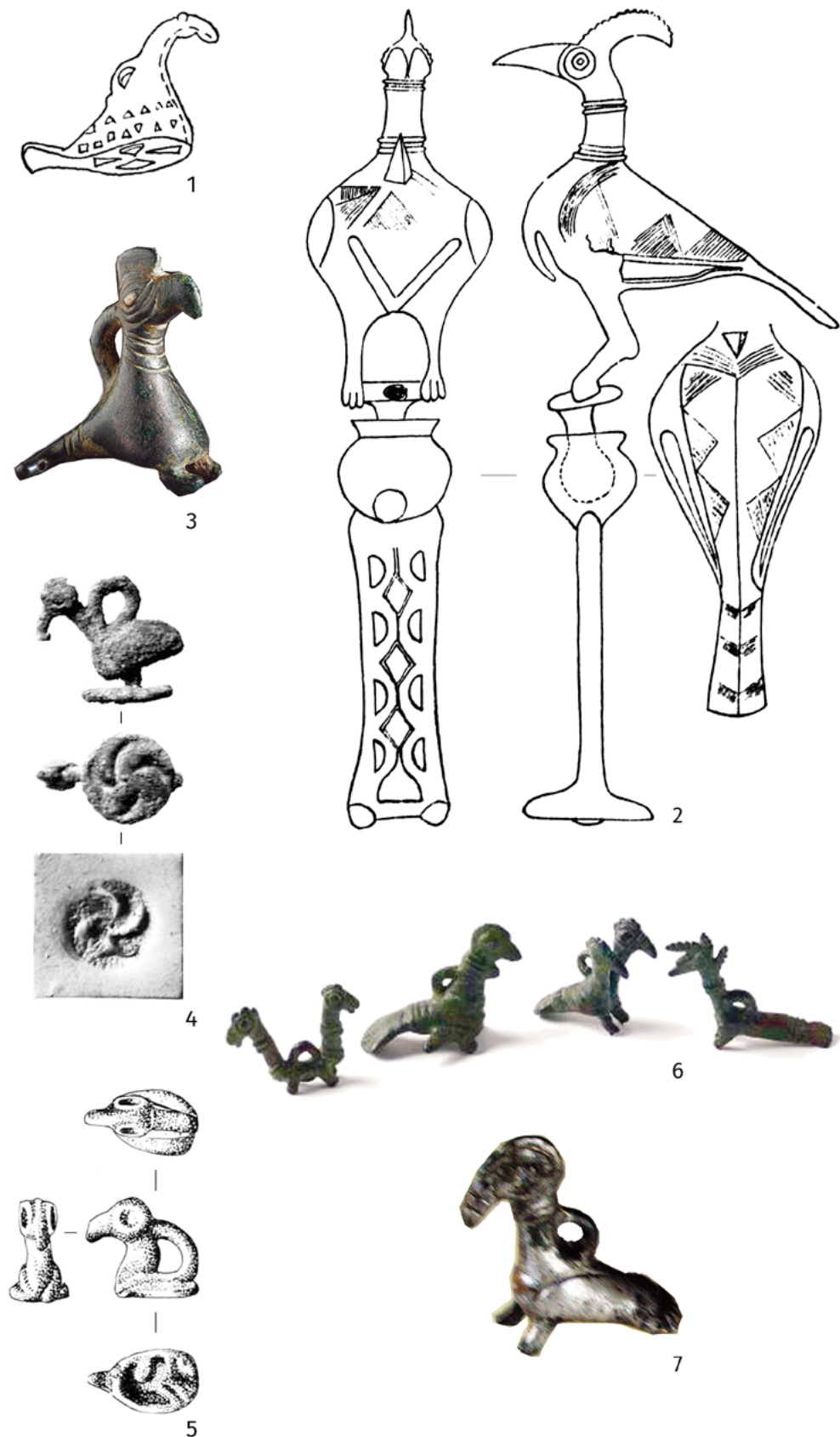
Ярким прообразом «птичек» являются предметы из сел. Ацарат, Нор-Баязетского р-на Армении. Здесь обнаружен комплекс лчашен-цителгорийского горизонта с замечательными образцами птичьих фигур. Он состоял из полой фигурки утки с петелькой для подвешивания, пары колец на длинных стержнях и двух птичьих фигур на своеобразных подставках (штандартах) (Там же. С. 110. Табл. X: 1, 4). По мнению А.А. Мартиросяна, фигура из Ацарта изображает удода с длинным клювом и хохолком на голове. Штандарт с птицей-бубенцом относят к XIII–XII вв. до н.э., обозначив как лчашенскую группу памятников. Именно здесь зарождается столь специфический образ птицы, отличительными особенностями которого являются выделенный хохолок и отдельно обозначенные лапы (**рис. 7: 2**). Удоды на штандартах встречены еще дважды: в кургане № 2 Лчашена (XV–XIV вв. до н.э.) (Grigoryan, 2010. P. 75. Fig. 63) и в Толорсе (XII–XI вв. до н.э.) (Ibid. P. 72. Fig. 60). У всех перечисленных экземпляров на шее прочерчены две двойные линии.

Дальнейшую эволюцию образа птицы удода демонстрируют луристанские бронзы. Одну из подвесок в форме птицы из коллекции Насли М. Херманека отличает высокий гребень и немного вытянутые вперед две лапы. Высота фигуры — 5 см, длина — 5,4 см. Ее относят к периоду Iron Age II–III, обозначив как петуха или дикую птицу (**рис. 7: 3**) (Moorey, 1981. P. 97. Fig. 518)<sup>7</sup>. П.Р.С. Мурей подчеркивает, что на севере Ирана зооморфные

7 В печатной версии каталога изображение отсутствует, однако оно представлено на сайте музея со ссылкой на электронный каталог: <https://collections.lacma.org/node/226533#download>.

**Рис. 7.** Аналогии подвеске в виде птицы из селения Они. 1 — «Редкин лагерь»; 2 — штандарт с птицей удоуд, окрестности сел. Ацарат, Нор-Баязетский район Армении; 3 — подвеска с птицей с гребнем и двумя лапами; 4, 5 — подвеска-печать в образе птицы и печать в виде птицы со штампом в виде крылатого четвероного из святилища Сурх Дум-и-Лури; 6, 7 — подвески из частных коллекций, Луристан (1, 2 — по: Мартыросян, 1964. Рис. 77: 14; Табл. X: 4; 3 — по: Moorey, 1981. Fig. 518; 4, 5 — по: Schmidt et al., 1989b. Pl. 251: XXVIII; Pl. 252: XXXII; 6, 7 — по: Bronzes du Luristan, 2008. P. 128. Fig. 98–102)

**Fig. 7.** Analogies to a bird-shaped pendant from the village of Oni. 1 — “Redkin Camp” site; 2 — standard with a bird hoopoe motif, near the village of Atsarat, Nor-Bayazet District, Armenia; 3 — pendant with a bird with a crest and two legs; 4, 5 — bird-shaped pendant seal and bird-shaped seal with an impression depicting a winged quadruped from Surkh Dum-i-Luri sanctuary; 6, 7 — pendants from private collections, Luristan (1, 2 — after Мартыросян, 1964. Рис. 77: 14; Табл. X: 4; 3 — after Moorey, 1981. Fig. 518; 4, 5 — after Schmidt et al., 1989b. Pl. 251: XXVIII; Pl. 252: XXXII; 6, 7 — after Bronzes du Luristan, 2008. P. 128. Fig. 98–102)



подвески этого периода обычно представлены сквозными отверстиями, в то время как в Луристине такие подвески имели петлю для подвешивания на спине. При раскопках на севере Ирана подвески находили на поясе людей или как украшения конской сбруи.

Еще пара экземпляров стилистически близких птиц происходит из святилища Сурх Дум-и-Лури с широкой датой в пределах раннего железного века. Они являются подвесками с печатями. Одна из них похожа размещением петли для подвешивания, гребнем на затылке и двумя ногами, на окончании которых приделана печать с круглой свастикой (точка и отходящие от нее четыре линии с изгибом). Ее отличает отсутствие хвоста треугольной формы. Подвеска происходит из заполнения слоя 3, имеет размеры 2,6×1,6×2,4 см и описана как «птица с петлей на спине и круглым основанием» (**рис. 7: 4**) (*Schmidt et al.*, 1989a. P. 450, 473. Sor 804; 1989b. Pl. 251: XXVIII). Вторая подвеска с печатью интерпретирована как спящая утка. Она не имеет выраженного гребня и хвоста, отсутствуют ноги. Полая часть тела образует штамп овальной формы. Вещь происходит из слоя 3,2В. Ее размер – 2,1×1,2×1,8 см. В каталоге описана как птица с петлей на спине. На штампе изображено крылатое четвероногое (**рис. 7: 5**) (*Schmidt et al.*, 1989a. P. 451, 473. Sor 1042; 1989b. Pl. 252: XXXII).

Другая группа луристанских подвесок в виде птиц отличается одинаково маленькой круглой петелькой на переходе шеи к туловищу (**рис. 7: 6**) (*Bronzes du Luristan*, 2008. P. 128. Fig. 99–102). У одной из них есть две пары лап, уплощенный округлой формы хвост, гребень на затылке, крючковатый нос и три линии на шее. Размеры подвески — 4,3×4,4×1,9 см. Происходит из частной коллекции. Публикаторы относят ее к периоду 1150–700 гг. до н.э. (**рис. 7: 7**) (*Ibid.* P. 128. Fig. 98).

Продолжает линию аналогий еще одна подвеска, которая отличается наличием четырех лап и длинного округленного хвоста, что позволяет относить изображение к категории фантастических существ. Размеры: высота — 3,9 см; длина — 5,5 см; ширина — 3,1 см. Происходит из частной коллекции (*Ibid.* P. 128. Fig. 99).

Следующие две фигуры — двухголовые. У одной — головы смотрят в разные стороны, как у тьяни-толкая. У нее также есть четыре ноги, петля посередине, а длинные шеи украшены двумя парами гривен. Размеры: высота — 4 см; длина — 4,9 см; ширина — 1,8 см (*Ibid.* P. 128. Fig. 100). Другая птица имеет две ноги и две головы, которые смотрят в одну сторону. Размеры: высота — 4 см; длина — 4,9 см; ширина — 1,2 см (*Ibid.* P. 128. Fig. 101). У последнего экземпляра гребень на голове состоит из четырех детально проработанных перьев, на шее — гривна, две лапы и вместо хвоста — полая трубка. Таким образом, она могла использоваться и как подвеска, и как штандарт (*Ibid.* P. 128. Fig. 101). Все эти подвески отнесены к периоду 1150–700 гг. до н.э.

Таким образом, можно проследить, как образ птицы-удода появляется в начале позднего бронзового века в лчашен-цителгорийском горизонте, затем претерпевает трансформации в рамках луристанской традиции и возвращается на Кавказ. Экземпляр из сел. Они всего лишь подвеска, но несет на себе следы форм штампа и колокольчика. Самое раннее появление изображения удода на штандарте не случайно. Н. Шаншашвили и Г. Нариманишвили связали появление такого типа штандартов с концом XVI в. до н.э., то есть с расцветом Митанни (XVI–XIII вв. до н.э.) на Ближнем Востоке. Они дали семантическое объяснение появления удода на штандарте на хурритской мифологии, где удода, голубь, горный баран и лев являются олицетворением Иштар-Шавушки, главной богини хурритов (*Шаншашвили, Нариманишвили*, 2014. С. 81). Вероятно, эти яркие образы закрепились и трансформировались на обширной территории вплоть до VII в. до н.э.



### Замечания к хронологии комплекса предметов из сел. Они

Среди всего горизонта рассмотренного круга аналогий отсутствуют комплексы, в которые бы входили стеклянные бусы. Описанные как часть комплекса из Они 23 бусины, в основном стеклянные, не могут быть связаны с комплексом зооморфных предметов. Мы приходим к выводу, что комплекс из сел. Они состоит из предметов разных эпох одного региона и требует тщательного анализа. Не исключено, что собираясь в дальний путь через три года после сделанной находки, имеретинец Григорий Лобжанидзе мог захватить с собой вещи, найденные в других местах в разное время, чтобы коллекция выглядела внушительнее.

### Выводы

Три рассмотренных зооморфных предмета, относящиеся к VIII–VII вв. до н.э., обладают разной функциональной нагрузкой, но, вероятно, происходят из одного комплекса. Образы птицы, хищника (пантеры) и копытного (овцы) часто встречаются вместе в рамках единого семантического комплекса, где птица символизирует верхний мир, пантера — хищное начало, а овца — жертву. Эта триада характерна не только для доскифского периода Южного Кавказа, но и для более южных территорий.

В.И. Козенкова, анализируя духовный мир кобанской культуры, отмечала взаимовлияние Кобани и Луристана. Р. Гиршман и Ф. Гончар связывали активное распространение носителей кобанской культуры с периодом ее расцвета на рубеже бронзового и железного веков (VIII–VII вв. до н.э.). Сама же В.И. Козенкова относит начало этого влияния к более раннему периоду — XI–X вв. до н.э. (Козенкова, 2013. С. 77–78). Однако анализ конкретных образов отсылает нас к истокам — лчашено-цителгорийскому горизонту, который оказал значительное воздействие на формирование колхидской, кобанской и луристанской стилистики. При этом данный горизонт генетически связан с предшествующей триалетской культурой, входящей во вторую фазу развития Циркумпонтийской металлургической провинции.

Как отмечал К.Н. Пицхелаури, Южный Кавказ смог противостоять мощному урартскому распространению на север в первой половине I тыс. до н.э. благодаря существованию сильного политического объединения с развитой системой укрепленных поселений (Пицхелаури, 2010. С. 121). Эта прочная культурно-политическая основа впоследствии распалась на ряд самостоятельных, но взаимосвязанных археологических культур, которые сохранили общий мир образов и смыслов, нашедший яркое воплощение в зооморфной и антропоморфной металлопластике Кавказа.

### Литература

- Авилова Л.И., Черных Е.Н., 1989. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественные научные методы в археологии / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: Наука. С. 31–83.
- Батчаев В.М., 1980. Клад из селения Былым // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкар. ин-т истории, филологии и экономики. Вып. I. С. 26–51.
- Брилева О.А., 2012. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. — X в. н.э.). М.: Таус. 424 с.
- Брилева О.А., Колганова Г.Ю., 2023. Булавка с зооморфным навершием из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина (коллекция А.В. Живаго) // Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона: Материалы конф., посвящ. памяти А.Ю. Скакова / Отв. ред. А.Н. Гей. М.: ИА РАН. С. 53–57.

- Галанина Л.К., 2006. Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа. Келермесские курганы. СПб.: ГЭ. 80 с.
- Древности страны лугов / Отв. ред. Е.В. Зеймаль. СПб.: ГЭ; Брюссель: Королевский музей искусства и истории, 1992. 128 с.
- Канторович А.Р., 2014. Эволюция и хронология сюжета свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле // ПИФК. № 4. С. 66–99.
- Канторович А.Р., 2022. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция): в двух томах. М.: Изд-во МГУ, 2022. 431+359 с. (Труды исторического факультета МГУ, Вып. 215. Серия II: Исторические исследования, Т. 146).
- Козенкова В.И., 1972. Об одном типе кобанских булавок // КСИА. Вып. 132. С. 12–15.
- Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: ИА РАН. 200 с. (САИ; Вып. В2-5).
- Козенкова В.И., 2013. Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнотипных инфильтраций в местной среде). М.: Таус. 252 с.
- Козенкова В.И., 2017. Специфика духовного мира кобанских племен. М.: ИА РАН. 114 с.
- Луконин В.Г., 1977. Искусство древнего Ирана. М.: Искусство. 232 с.
- Мартirosян А.А., 1964. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: АН АССР. 305 с.
- Пиццелаури К.А., 2010. Древнегрузинский очаг цивилизации на Южном Кавказе // Археология Кавказа. Вып. 2-3. Тбилиси: Национальный музей Грузии. С. 117–135.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. М.: Наука. 264 с.
- Скаков А.Ю., 1998. Об одной из групп кобано-колхидских орнаментированных топоров // ИАА. Вып. 4. С. 12–23.
- Скаков А.Ю., 2001. Некоторые редкие мотивы кобано-колхидского графического искусства // Мировоззрение древнего населения Евразии: Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рожд. М.Ф. Косарева / Отв. ред. М.А. Дэвлет. М.; Старый сад. С. 97–122.
- Техов Б.В., 2000. Новый памятник эпохи поздней бронзы в Южной Осетии (Стырфазские кромлехи). Владикавказ; Цхинвал. 240 с.
- Уварова П.С., 1900. Могильники Северного Кавказа графини Уваровой. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°. XII; 381 с.; 135 л. ил. (МАК; Вып. VIII).
- Чшиев Х.Т., 2011. Новые уздечные комплексы из памятников кобанской культуры предскифского — раннескифского времени Центрального Предкавказья // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа: Сб. ст., посвящ. юбилею В.И. Козенковой / сост.: З.Х. Албегова (Царикаева), Х.М. Мамаев. Грозный: Ин-т гуманитарных исследований АН Чеченской Республики; М.: ИА РАН. С. 168–175.
- Шаншавили Н., Нариманишвили Г., 2014. К изучению бронзовых штандартов Южного Кавказа середины II тыс. до н.э. // Б.Б. Пиотровский и археология: сб. науч. ст., посвященный памяти выдающегося урартоведа, археолога и востоковеда Б.Б. Пиотровского. Ереван. С. 75–98.
- Шрамко Б.А., 1976. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования семантики образов звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред.: А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука. С. 194–209.
- Bronzes du Luristan: énigmes de l'Iran ancien (IIIe–Ier millénaire av. J.-C.) / Commissaire Gilles Béguin, sous la direction de Nicolas Engel, commissaire. Paris: Musée Cernuschi, 2008. 235 p.
- Grigoryan A., 2010. Findings from the Bronze Age: burial mounds in Armenia, IV–I millennia BC: from the collections of the History Museum of Armenia: Catalogue-album. Yerevan: History Museum of Armenia. 123 p.
- Moorey P.R.S., 1981. The Art of Ancient Iran // Ancient Bronzes, Ceramics, and Seals: The Nasli M. Heeramanek Collection of Ancient Near Eastern, Central Asiatic, and European Art. Los Angeles: Los Angeles County Museum of Art. P. 13–138.
- Muscarella O.W., 1988. Bronze and Iron: Ancient Near Eastern Artifacts in The Metropolitan Museum of Art. New York: Metropolitan Museum of Art. 504 p.

- Sagona A., 2018. *The Archaeology of the Caucasus: From the Earliest Settlements to the Iron Age*. Cambridge: Cambridge University Press. 541 p.
- Schmidt E.F., Van Loon M.N., Curvers H.H., 1989a. *The Holmes expedition to Luristan*. Text. Chicago: University of Chicago Oriental Institute. 594 p. (The University of Chicago Oriental Institute publication. Vol. 108).
- Schmidt E.F., Van Loon M.N., Curvers H.H., 1989b. *The Holmes expedition to Luristan*. Plates. Chicago: University of Chicago Oriental Institute. 279 p. (The University of Chicago Oriental Institute publication. Vol. 108).

### Group of zoomorphic artefacts from the Caucasian collection of A.V. Zhivago at the Pushkin State Museum of Fine Arts

Olga A. Brileva<sup>8</sup>, Galina Yu. Kolganova<sup>9</sup>, Yuriy M. Svoyskiy<sup>10</sup>,  
Ekaterina V. Romanenko<sup>11</sup>, Yulia A. Mironova<sup>12</sup>

This paper introduces a group of zoomorphic artefacts into scholarly circulation and provides a comprehensive analysis of them. These artefacts are a pin with a panther-shaped finial, a sheep-shaped pendant and a bird-shaped pendant from the Caucasian collection of A.V. Zhivago at The Pushkin State Museum of Fine Arts in Moscow. According to Zhivago's records, these artefacts originate from the vicinity of the village of Oni in Racha, Georgia. The application of 3D modelling methods has enabled a detailed examination of the artefacts' morphology and manufacturing technology. Stylistic and iconographic analysis reveals close parallels with materials from Luristan, as well as sites belonging to the Lchashen-Tsiteli Gora cultural horizon. The published artifacts are interpreted as important evidence of cultural connections between the regions of the Caucasus and the Near East during the pre-Scythian period.

**Keywords:** *Caucasus, Luristan, Late Bronze Age — Early Iron Age, zoomorphic images, A.V. Zhivago, The Pushkin State Museum of Fine Arts, cultural connection, 3D modeling*

- 
- 8 Olga A. Brileva — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: Helga\_brileva@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9669-6297.
- 9 Galina Yu. Kolganova — The Pushkin State Museum of Fine Arts, 12 Volkhonka St., Moscow, 119019, Russian Federation; e-mail: kolganova\_gy@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6886-728X.
- 10 Yuriy M. Svoyskiy — Laboratory RSSDA, 17/2 Snezhnaya St., Moscow, 129323, Russian Federation; National Research University 'Higher School of Economics'; e-mail: rutil28@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6256-4299.
- 11 Ekaterina V. Romanenko — Laboratory RSSDA, 17/2 Snezhnaya St., Moscow, 129323, Russian Federation; e-mail: ekaterina.romanenko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5138-9202.
- 12 Yulia A. Mironova — Laboratory RSSDA, 17/2 Snezhnaya St., Moscow, 129323, Russian Federation; Institute of Linguistics of the RAS; State Academic University for Humanities; e-mail: yulyamironovaf@gmail.com; ORCID: 0009-0000-3628-4250.

## О клинках и ножнах парадных мечей и кинжалов предскифско-раннескифского времени (VIII–VII вв. до н.э.)

И.В. Бруяко<sup>1</sup>

*В статье рассматривается опубликованный ранее парадный кинжал из раннесакского комплекса в Восточном Казахстане (Самашев, 2018). Этот экземпляр дополняет небольшую серию парадных кинжалов и мечей предскифского и раннескифского времени, изготовленных в златокузнечной технике. Предполагается, что кинжал и ножны изначально принадлежали разным комплектам. Абрис на перекрестии ножен не соответствует перекрестию самого кинжала. Не совпадают и их линейные параметры. Кинжал принадлежит клинкам карасукского типа. Ножны, вероятно, были заказаны для кинжала кабардино-пятигорского типа и, впоследствии, сменили хозяина. Все эти захватывающие, динамичные события (изготовление ножен на заказ, смена их владельца) скорее всего, происходили в Передней Азии во время пребывания там кочевников евразийских степей, среди которых могли быть и представители сакских племен Средней Азии. По прошествии времени хозяин клинкового набора вернулся вместе с ним в Восточный Туркестан, где и был похоронен во второй половине VII в. до н.э.*

**Ключевые слова:** мечи, кинжалы, киммерийцы, саки, скифы

<http://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-478-4.147-155>

В VIII–VII вв. до н.э. в мире кочевников Евразии впервые появляется парадное клинковое оружие. Это были кинжалы и мечи, ножны которых выполнены в златокузнечной технике (**рис. 1–3**).

Наиболее ранними образцами в этом ряду являются комплекты из Белоградца и, возможно, из Высокой Могилы<sup>2</sup>. Клинки их — типичные представители серии кинжалов кабардино-пятигорского типа, которые, очевидно изготавливались где-то на юге Восточной Европы, возможно, на Северном Кавказе. Ножны для кинжала из Белоградца, как это давно установлено, являются продукцией переднеазиатских мастерских — так же как и бляхи из Высокой Могилы (**рис. 1: 3**), которые могли служить в качестве украшения подобных ножен из органического сырья.

Имеется еще один комплекс предскифского времени, где могло быть подобное сочетание. Это погребение близ с. Квитки, где найдены обломки

<sup>1</sup> Игорь Викторович Бруяко — независимый исследователь; e-mail: [ibruyako@yandex.ru](mailto:ibruyako@yandex.ru); ORCID: 0000-0001-6359-2806.

<sup>2</sup> Наличие ножен предполагается, исходя из наличия полихромной бляхи и золотой обоймы. Причем бляха находилась непосредственно на перекрестии кинжала из погр. 2 (*Бидзиля, Яковенко, 1974. С. 148*).



**Рис. 1.** Парадные кинжалы и мечи, ножны и их детали VIII–VII вв. до н.э.: 1–1а-в — Елеке сазы; 2 — Белоградец; 3 — Высокая Могила; 4–4а — Квитки; А — Карс, музей (1–3 — по: *Topal*, 2024; *Ковпаненко*, *Гупало*, 1984; А — не опубликован, фото автора)

**Fig. 1.** Ceremonial daggers and swords, scabbard and its details of the 8<sup>th</sup>–7<sup>th</sup> centuries BC: 1–1а-в — Eleke sazy; 2 — Belogradec; 3 — Vysokaya Mogila; 4–4а — Kvitki; А — Kars, museum (1–3 — after *Topal*, 2024; *Ковпаненко*, *Гупало*, 1984; А — not published, photo by the author)

железного клинка и полихромная бляха (**рис. 1: 4**), орнаментальные фризы которой оформлены в перегородчато-рубчатой технике (*Ковпаненко, Гупало, 1984*). Еще больше оснований для включения этого комплекса в одну группу с вышеназванными, дает золотая обойма, украшавшая устье ножен. Точнее, ее орнамент в виде напаянных полосок с густыми поперечными насечками (**рис. 1: 4a**). Этот же элемент с той же техникой декора использован в орнаментации ножен из Белоградца и золотой бляхи из Высокой Могилы (**рис. 1: 2, 3**). Очевидно также полное морфологическое сходство золотых обойм для ножен из Квитки и Высокой Могилы.

Наличие разных центров производства в историко-географических областях, достаточно удаленных одна от другой (Восточная Европа — Передняя Азия) позволяет предположить, что в предскифских комплексах клинков и ножны изготавливались отдельно друг от друга. Причем именно ножны делались под заказ для конкретного клинка кабардино-пятигорского типа, а не наоборот. Собственно, такое предположение напрашивалось давно. Изготовление парадных ножен в подобной технике где-нибудь к северу от Кавказского хребта — вещь невероятная. Что касается производства типично киммерийских клинков в районах к югу от Большого Кавказа, условно в тех же мастерских, где делали парадные ножны, то это фактически означало бы, что здесь было налажено производство киммерийского клинкового оружия в полной комплектации. В принципе, это возможно, но маловероятно, в том числе и потому, что кинжалы кабардино-пятигорского типа до сих пор на просторах Передней Азии неизвестны.

В то же время раннескифские клинки к югу от Большого Кавказа хотя и в небольшом количестве, но все же имеются (перечень см.: *Подобед, Дараган, 2021. С. 41 — рис. 3*). К хорошо известным экземплярам из Кармир Блура/Тейшебаини, Геховита, Имирлера недавно добавились еще два. Один из них найден при раскопках Айяниса (*Çilingiroğlu, 2011. Res. 2; 3*), второй — Каркемиша (новейшие исследования итало-турецкой экспедиции (*Marchetti, 2014. P. 247. Fig. 12*)). Мне известен еще один скифский кинжал, который хранится в музее г. Карс. Он имеет довольно необычный вид (**рис. 1: А**)<sup>3</sup>.

Предположение о раздельном производстве клинков и ножен обрело серьезную фактическую основу после публикации материалов сакского комплекса Елеке сазы в Восточном Казахстане, на границе с Синьцзяном. В подкурганном захоронении помимо прочего был обнаружен комплект клинкового оружия, состоявший из типично карасукского кинжала и ножен, выполненных в златокузнечной технике (*Самашев, 2018. С. 116. Рис. 4; 5*). Этот комплект интересен тем, что абрис перекрестия на ножнах не совпадает с формой перекрестия собственно самого кинжала (**рис. 2: 1**). Похоже, что изначально ножны делались под перекрестие кинжала типа Высокая Могила или Белоградец — с треугольным перекрестием, где один угол опущен вниз<sup>4</sup>. Видимо, хозяин карасукского клинка стал обладателем этих ножен позднее.

3 Возможно также, что железный предмет, найденный в одном из курганов Гордиона (Тум J30), который Э. Колер посчитала рукояткой ковша или черпака (*Kohler, 1995. P. 67*), на самом деле является рамочной рукояткой скифского меча (*Бессонова и др., 2018. С. 255, сн. 33*).

4 Практически идентичен кинжалу из Белоградца экземпляр из Разграда (*Радославова, 2006*). Перекрестие кинжала из Высокой Могилы аналогично мечу из Берёзки (*Лапушнян, 1977. С. 38*).





**Рис. 2.** Парадный кинжал с ножнами, мечи и кинжалы VIII–VII вв. до н.э.:

1 — Елеке сазы; 2 — Белоградц; 3 — Высокая Могила; 4 — Берёзки (по: *Topal*, 2024; *Лапушнян*, 1977)

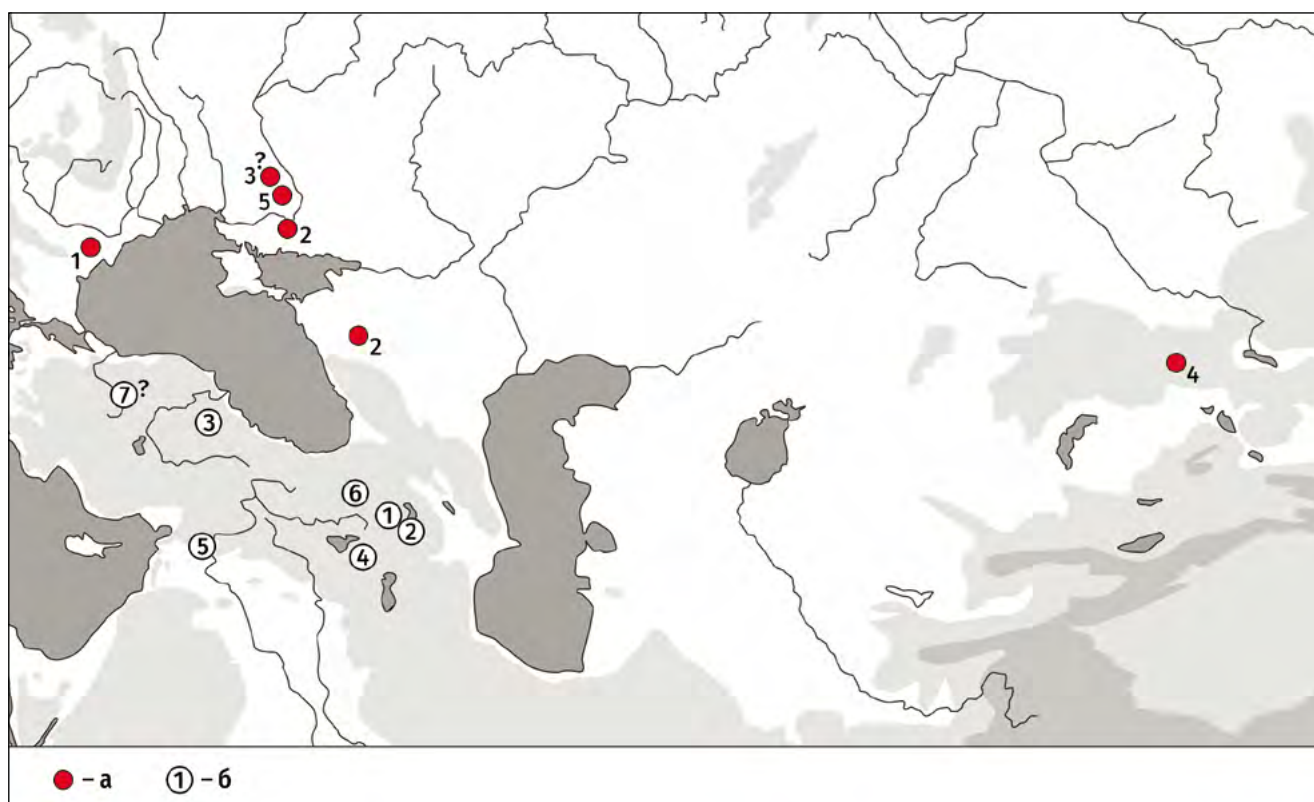
**Fig. 2.** Ceremonial dagger with the scabbard, swords and daggers of the 8th–7th centuries BC: 1 — Eleke sazy; 2 — Belogradec; 3 — Vysokaya Mogila; 4 — Beryozki (after *Topal*, 2024; *Лапушнян*, 1977)

Такое предположение станет еще более вероятным, если мы сравним линейные параметры кинжала и ножен<sup>5</sup>. Итак, ширина лезвия кинжала чуть ниже перекрестия — 1,4 см, ширина ножен в этом же месте — 2 см. Длина кинжала от верхней точки перекрестия до острия — ~10,7–10,8 см. Длина ножен от верхней точки до окончания (без учета проволочного раздвоения) — ~13,8 см. Таким образом, в том случае, когда кинжал был вложен в ножны, его острие не доходило до нижней точки ножен около 3 см, да и по ширине лезвие кинжала не примыкало вплотную к ножнам. По сути, кинжал находился в ножнах весьма свободно, опираясь только на перекрестие.

В настоящее время известна серия из трех (четырех (?)) комплектов, два или три из которых сосредоточены в одном культурно-хронологическом континууме — на юге Восточной Европы в погребениях предскиф-

5 Расчеты произведены по рисунку из публикации Д. Топала, где кинжал и ножны были приведены к одному масштабу (*Topal*, 2024. Р. 8. Fig. 3). Золотая обкладка ножен — односторонняя (*Самашев*, 2019. С. 49. Рис. 19).





**Рис. 3.** Памятники, упомянутые в статье: а — парадные кинжалы и мечи VIII–VII вв. до н.э. (1 — Белоградец; 2 — Высокая Могила; 3 — Квитки; 4 — Елеке сазы; 5 — Мельгуновский (Литой) курган; 6 — Келермес); б — находки ранних скифских мечей к югу от Кавказа и в Малой Азии (1 — Кармир Блур; 2 — Геховит; 3 — Имирлер; 4 — Айянис; 5 — Каркемиш; 6 — Карс; 7 — Гордион)

**Fig. 3.** Archaeological sites mentioned in the article: а — ceremonial daggers and swords of the 8<sup>th</sup>–7<sup>th</sup> centuries BC (1 — Belogradec; 2 — Vysokaya Mogila; 3 — Kvitki; 4 — Eleke sazy; 5 — Mel'gunovskiy (Litoy) kurgan; 6 — Kelermes); б — finds of early Scythian swords south of the Caucasus and in Asia Minor (1 — Karmir Blur; 2 — Gekhovit; 3 — Imirler; 4 — Ajyanis; 5 — Karkemish; 6 — Kars; 7 — Gordion)

ского периода, а один — в Восточном Туркестане, в ареале раннесакской культуры. Европейские комплексы несколько старше. Их датировки приходится на время около 700 г. до н.э. Азиатский комплекс моложе. Его синхронизируют с горизонтом Аржан-2, в котором собственно курган и его комплекс обозначают позднюю фазу этого горизонта — вторая половина VII в. до н.э. (Чугунов, 2020. С. 230; Toral, 2024. Р. 9).

Однако если ножны из Елеке сазы не имеют ресурса для удревнения, то сам кинжал вполне мог быть изготовлен и в первой половине VII в., да и в VIII в. до н.э. тоже. Ножны, судя по перекрестию и наличию петли для подвешивания, можно синхронизировать с ножнами парадных мечей из Келермеса и Литого (Мельгуновского) кургана. Вставки из бирюзы и лазурита (Самашев, 2019. С. 51) и техника зерни, возможно, указывают на иной, не переднеазиатский, центр производства — области Восточного Ирана, Афганистана.

Использование карасукских кинжалов в более поздних хронологических контекстах, как в данном случае, уже давно не удивляет: эффект запаздывания или более длительного бытования отдельных вещей всаднического репертуара в азиатском регионе — явление довольно распространенное.

Гораздо интереснее орнаментальная композиция на ножнах, которая имеет явный эклектичный вид. Здесь перед нами вполне реалистичные

изображения животных, которые пока не образуют самостоятельных сюжетов, наподобие тех, что появятся на соответствующих образцах древностей келермесского этапа в виде фризов с разнообразными шествиями. На перекрестии изображена пара лежащих копытных, головы которых повернуты в противоположные стороны (**рис. 1: 1б**). Ниже, на первом фризе ножен изображен кошачий хищник в довольно необычном виде. Его хвост закинут вперед, параллельно спине, а самый кончик, свернутый в кольцо, обращен в противоположную сторону (**рис. 1: 1в**)<sup>6</sup>. Все указанные зооморфные фигуры выполнены в технике зерни, как и композиция в целом. Кончики лап, глаза, нос, уши, а у кошачьего еще и язык (!) инкрустированы вставками. Основная часть ножен разделена на четыре симметричных сектора, в каждом из которых можно видеть схематичное изображение оленя с запрокинутой головой и многовитковыми рогами (**рис. 1: 1а**). В таком виде, это живо напоминает изображения этих же животных на оленных камнях I типа по Д.Г. Савинову (*Савинов*, 1994. С. 182, 200. Табл. II; XX). То есть, можно предположить, что перед нами евразийско-древневосточная изобразительная эклектика.

Таким образом, в системе европейских древностей, клинковый комплект из Елеке сазы имеет очевидный предскифско-раннескифский облик, что уже было отмечено и рассмотрено в деталях (*Topal*, 2024. Р. 7, 9). Вот почему, датировка комплекса, предложенная в первой публикации — VIII–VII вв. до н.э. (*Самашев*, 2018. С. 112), несмотря на кажущуюся широту диапазона, может оказаться на удивление точной. Нижний рубеж будет соответствовать датировке кинжала, верхний — ножнам и собственно погребальному комплексу.

Если учитывать парадные мечи раннескифского типа, то в нашем распоряжении имеются две небольшие серии парадного клинкового оружия ранних кочевников Евразии, которые отчетливо демонстрируют хронологическую последовательность: Белоградец, Высокая Могила, Квитки (?), Елеке сазы, с одной стороны, Келермесс и Литой (Мельгуновский) курган, с другой.

Ножны раннескифских мечей точно также изготавливались на заказ, под конкретные клинки. Только в отличие от киммерийских экземпляров, теперь уже и сами мечи, их рукоятки, перекрестия и навершия также украшались золотыми пластинами с фито-зооморфными мотивами и композициями. Исследователи почти единодушно в том, что мастерские по их производству должны были находиться в Передней Азии и непременно при «ставке» скифского (или даже скифских) правителей (*Черненко*, 1980. С. 26; *Галанина*, 1991. С. 23; *Кисель*, 2003. С. 30)<sup>7</sup>.

Нужно учитывать и то, что эти серии изготовлены с применением разных технологий, представляющих две разные школы: полихромно-перегородчатая, геометризованная и чеканная (выколотка, прессовка?),

6 Нечто подобное мы видим на келермесском зеркале — секторы 7 и 8 (*Кисель*, 2003. Рис. 83), на бронзовом ноже из Карса, фигура 6 (*Бессонова и др.*, 2018. С. 224, 226. Рис. 3; 6).

7 Е.В. Черненко высказался более осторожно, подчеркнув, что для решения данного вопроса необходимо провести металлографический анализ. Это было бы весьма желательно, учитывая сделанное здесь предположение о раздельном изготовлении железных клинков и золотых обкладок.

зооморфная. Возможно, здесь были воплощены еще и два разных «запроса», соответствовавших разным мировоззренческим установкам.

Скифская тема — «запросы» на оформление ножен в мастерских древневосточных государствах — не могла возникнуть ранее 70-х гг. VII в. до н.э. В этой связи я бы считал восточноказахстанские ножны связующим звеном между предскифскими (Белоградец, Высокая Могила) и раннескифскими (Литой (Мельгуновский) курган, Келермес) ножнами. Что касается карасукского клинка из Елеке сазы, то он датируется более ранним временем и со «своими» ножнами изначально не был связан.

Вопрос о том, когда, как и при каких обстоятельствах могло состояться объединение двух разных вещей в один комплект из Елеке сазы — возвращает нас к гипотезе об участии в бурных событиях VII в. до н.э. в Передней Азии помимо европейских скифов еще и их среднеазиатских сородичей — саков, которые проникли туда южным, закаспийским маршрутом. Хотя эта версия до сих пор считается достаточно спекулятивной, однако она постепенно прирастает фактическими аргументами, и, скорее всего, что в этой теме появился еще один.

Такие аргументы и в самом деле понемногу накапливаются. Недавно в качестве новых доказательств мы предложили рассматривать парные бронзовые ножи, а также двухлопастные наконечники стрел с листовидным пером и скрытой втулкой (*Бессонова и др.*, 2018. С. 256). Сейчас в эту же группу может быть добавлена и такая разновидность конской гарнитуры, как бронзовые колокольчики. Их появление, в частности, в Притяньшанье напрямую связано с традициями Урарту и Ассирии, откуда исходил данный культурный импульс, что, по мнению С.С. Иванова, произошло не ранее VII в. до н.э. (*Иванов*, 2025. С. 24).

Сюжет с колокольчиками вполне может стать темой самостоятельного исследования. Дело в том, что крупные колокольчики (группа 1 по С.С. Иванову) бывают гладкие, а бывают с прорезями, либо рифлением на боковых гранях или сторонах. Создается впечатление, что колокольчики с прорезями абсолютно преобладают к северу и к югу от Большого Кавказского хребта. Напротив, в Передней Азии и Анатолии в основном распространены гладкие колокольчики (Сиалк, Вар Кабуд, Имирлер (?))<sup>8</sup> — точно такие же, как и в ареале сакской культуры в Притяньшанье.

В середине 1960-х гг. С.С. Черников и поддержавший его М.К. Кадырбаев предположили, что какие-то группы кочевников из Средней Азии могли принять активное участие в знаменитых скифских и киммерийских походах на территории Передней Азии и Закавказья, проследовав туда южным маршрутом (*Черников*, 1965. С. 76–109; *Кадырбаев*, 1966. С. 80). Далее эта точка зрения периодически озвучивалась в литературе (*Куклина*, 1985. С. 113; *Боковенко*, 1989. С. 80; *Bokovenko*, 1996. Р. 122; *Курочкин*, 1993. С. 97–98; Ко-

8 Хотя есть и колокольчики с прорезями (Хасанлу). Относительно Имирлера необходимо сделать пояснение. В небольшой витрине музея г. Амасья, где экспонируется только этот комплекс, имеются еще два предмета, которые не упомянуты ни в одной из публикаций этого памятника. Это крупный бронзовый цилиндроконический колокольчик и бронзовая выпуклая бляха с розеткой в центре и крючком для подвешивания. Даже если колокольчик и не относится к данному комплексу, его принадлежность к конской упряжи VII в. до н.э. достаточно очевидна, и в этом случае он вполне мог принадлежать соответствующей гарнитуре из репертуара ранних кочевников. Учитывая провинциальный статус музея, вещь, скорее всего, была найдена где-нибудь в этой же области.

валев, 1996. С. 126–127; Бруяко, 2005. С. 135 сл.). В настоящее время за ней, вероятно, следует закрепить статус полноправной научной гипотезы. Во всяком случае, для этого имеется достаточное количество археологических аргументов, а кое-какие данные можно привлечь даже из письменных источников (например, Diod. II, 34; Strabo. XI. VIII, 4). Не будут лишними также и исторические параллели в виде подобных и абсолютно достоверных миграций средневековых кочевников (сельджуки, туркмены, монголы).

### Литература

- Бессонова С.С., Бруяко И.В., Алп Н., 2018. Пара бронзовых ножей из музея г. Карс // *Stratum plus*. № 3. С. 221–264.
- Бидзиля В.И., Яковенко Э.В., 1974. Киммерийские погребения Высокой Могилы // *СА*. №1. С. 148–159.
- Боковенко Н.А., 1989. К вопросу о восточных импульсах в раннескифской культуре Северного Причерноморья // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева (Ленинград, 14–17 марта 1989 года) / Отв. ред. М.Ю. Вахтина. Новочеркасск: Б. и. С. 79–80.
- Бруяко И.В. 2005. Ранние кочевники в Европе: X–V вв. до Р.Х. Кишинев: Высшая антропологическая школа. 358 с.
- Галанина Л.К. 1991. Контакты скифов с ближневосточным миром (по материалам Келермесских курганов) // *АСГЭ*. № 31. С. 15–29.
- Иванов С.С. 2025. «Звени, колокольчик, звени»: парадные колокольчики в конском снаряжении с территории сакской культуры Притяньшанья // *Stratum plus*. № 3. С. 15–26.
- Кадырбаев М.К. 1966. [Рец.] С.С. Черников. Загадка Золотого кургана. М., изд-во «Наука», 1965 // *Известия АН Казахской ССР. Серия Общ.* № 3. С. 79–82.
- Кисель В.А. 2003. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб.: Петербургское востоковедение. 192 с.
- Ковалев А.А. 1996. Происхождение скифов согласно данным археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А.А. Иессена / Науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 121–127
- Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д., 1984. Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов / Отв. ред. Е.В. Черненко. Киев: Наукова думка. С. 39–58.
- Кукулина И.В. 1985. Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: Наука. 205 с.
- Курочкин Г.Н. 1993. Свернувшийся в кольцо хищник и «летающий» олень (генезис и развитие ведущих образов скифо-евразийского звериного стиля) // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы III-го археологического семинара / Отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск: Новочеркас. музей истории донского казачества. С. 92–104.
- Лапушнян В.Л. 1977. Киммерийский кинжал из с. Березки в Молдавии // Скифы и сарматы / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 37–39.
- Подобед В.А., Дараган М.Н. 2021. О «скифском» акинаке из Русахилии перед горой Эйдуру // *Восток (Oriens)*. № 6. С. 38–53.
- Радославова Г., 2006. Киммерийски находки от територията на късноантичната крепост Абритус // *Хелис*. № 5. С. 313–323.
- Савинов Д.Г. 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ. 208 с.
- Самашев З. 2018. К изучению культуры ранних саков Восточного Казахстана // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Междунар. науч. симпозиум, посвящ. памяти видного ученого-археолога, проф., ак. АН Республики Башкортостан, д-ра ист. наук Н.А. Мажитова (г. Уфа, 6–7 декабря 2018 года) / Ред. А.И. Уразова. Уфа: Мир печати. С. 109–117.
- Самашев З. 2019. К вопросу о формировании раннесакского культурного комплекса в Восточном Казахстане // *Turkis Studies Journal*. No.1 (1). С. 37–60.
- Черненко Е.В. 1980. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 7–30.

- Черников С.С. 1965. Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М.: Наука. 190 с. (Из истории мировой культуры).
- Чугунов К.В. 2020. Маркеры культурно-хронологических горизонтов раннескифского времени в азиатской зоне степей Евразии — опыт выделения // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. д.и.н. А.М. Мандельштама и 90-летию со дня рожд. д.и.н. И.Н. Хлопина, 10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург / Отв. ред.: В.П. Никоноров и др. СПб.: ИИМК РАН. С. 229–231.
- Bokovenko N.A. 1996. Asian influence on European Scythia // *Ancient civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 3 (1). P. 97–122.
- Çilingiroğlu A. 2011. Ayanis Kalesi'nde Bulunan Demir Bir Kılıç // *Karadeniz'den Fırat'a bilgi üretimleri: Önder Bilgi'ye armağan yazılar* / Eds. A. Öztan, D. Şevket. Ankara. P. 87–99.
- Kohler E.L. 1995. The Lesser Phrygian Tumuli. Part 1. The Inhumations. The Gordion Excavations (1950–1973). Final Reports. Vol. II. Philadelphia: The University Museum. 262 p. + ill. (University Museum Monograph; Vol. 88).
- Marchetti N. 2014. The 2012 joint Turco-Italian excavations of Karkemish // *Kazı Sonuçları Toplantısı*. Vol. 35 (3). P. 233–248.
- Topal D. 2024. Golden Swords of the Early Nomads of Eurasia: A New Classification and Chronology // *Arts*. Vol. 13 (2), 48. <https://doi.org/10.3390/arts13020048>

## About blades and scabbards of ceremonial swords and daggers of the pre-Scythian–Early Scythian periods (8<sup>th</sup>–7<sup>th</sup> centuries BC)

Igor V. Bruyako<sup>9</sup>

The article discusses a previously published ceremonial dagger from the Early Saka complex in Eastern Kazakhstan (Самашев, 2018). This specimen complements a small series of ceremonial daggers and swords from the pre-Scythian and Early Scythian periods, produced using goldsmithing techniques. It is assumed that the dagger and scabbard originally belonged to different sets: the outline of the scabbard's crossguard does not correspond to that of the dagger itself, and their linear dimensions also do not match. The dagger belongs to the Karasuk type of blades, while the scabbard was probably commissioned for a Kabardino-Pyatigorsk type dagger and later changed hands. All of these undoubtedly dynamic events — such as the commissioning of custom-made scabbards and their subsequent transfer between owners — most likely took place in the Near East, during the presence of nomads from the Eurasian steppes, among whom there were evidently representatives of the Saka tribes of Central Asia. In time, the owner of the blade set returned with it to East Turkestan, where he was buried in the second half of the 7<sup>th</sup> century BC.

**Keywords:** *swords, daggers, Cimmerians, Scythians, Saks*

<sup>9</sup> Igor V. Bruyako — independent researcher; e-mail: [ibruyako@yandex.ru](mailto:ibruyako@yandex.ru); ORCID: 0000-0001-6359-2806.

## Погребения с предметами вооружения некрополя Грушевского городища

С.Б. Вальчак<sup>1</sup>, К.А. Крутоголовенко<sup>2</sup>, Е.А. Кудрявцев<sup>3</sup>

*В статье публикуются три новых погребения кобанской культурно-исторической области могильника Грушевского городища в г. Ставрополе, в состав погребального инвентаря которых входили предметы различных категорий вооружения и их отдельные детали. На фоне широких аналогий устанавливается безусловная принадлежность погребений к памятникам западной кобанской культуры и хронологическая позиция.*

**Ключевые слова:** Северный Кавказ, кобанская культура, предскифский период, погребальный обряд, вооружение

<http://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-478-4.156-182>

Могильник кобанской культурно-исторической области в окрестностях Грушевского городища в г. Ставрополе, содержащий как грунтовые погребения, так и захоронения под насыпями, в течение нескольких десятилетий неоднократно исследовался различными исследователями. В результате раскопок 2018 г. были изучены 429 археологических комплексов (381 погребение и 38 объектов), среди которых в небольшом количестве были представлены погребения с предметами вооружения в составе инвентаря (Кудрявцев, 2018. С. 7–16). Публикации и анализу трех таких погребений посвящена предлагаемая статья<sup>4</sup>.

**Погребение 193 (рис. 1–4).** Нерегулярная выкладка в виде небольшого скопления камней, лежащих плотно друг к другу, обнаружена на уровне -120 см от R и была вытянута по линии ЮЗ–СВ. Она имела размеры 168×116 см; максимальный размер камней — 41×35×20 см (**рис. 1: 1**).

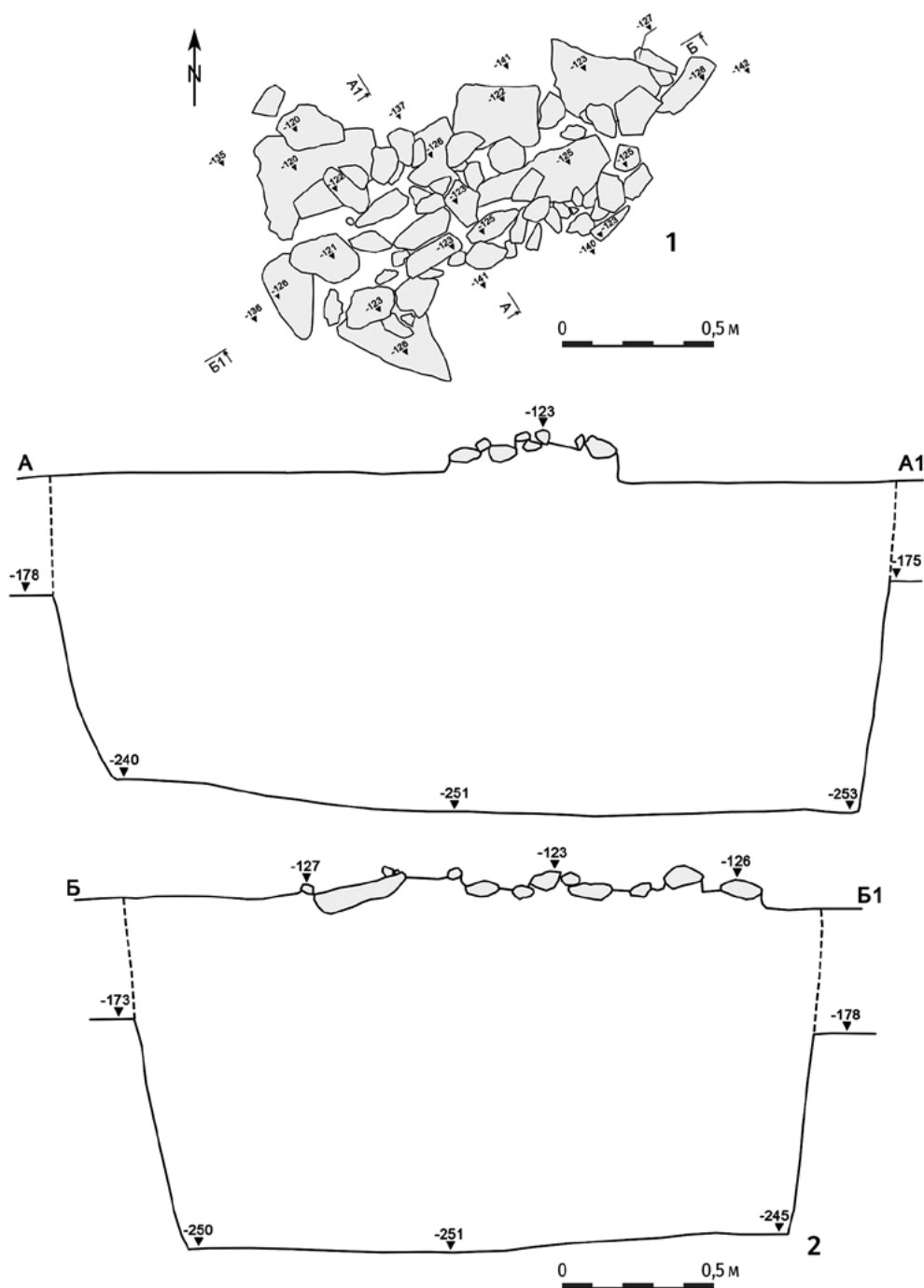
Под скоплением камней в скальном материке выявлено пятно могильной ямы подпрямоугольной формы с закругленными углами. Яма была вытянута по линии СЗ–ЮВ. Размеры ямы: по верхнему краю — 300×230 см; по дну — 246×201 см; глубина — 116–119 см от нижнего уровня камней

1 Вальчак Сергей Борисович — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: valchaks@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9573-5928.

2 Крутоголовенко Константин Александрович — Краснодарское краевое отделение ВООПИиК, ул. Красноармейская, д. 6, Краснодар, 350063, Российская Федерация; e-mail: cost-85@mail.ru.

3 Кудрявцев Евгений Александрович — Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, д. 1, Ставрополь, 355017, Российская Федерация; ООО «Археолог», ул. Ипатова, д. 49, Ставрополь, 355008, Российская Федерация; e-mail: stavr-68@mail.ru.

4 Выражаем благодарность М.В. Иванову (г. Краснодар) за помощь в подготовке иллюстраций.



**Рис. 1.** Могильник Грушевского городища. Погребение 193: 1 — план выкладки; 2 — разрезы погребального сооружения

**Fig. 1.** Burial ground of the Grushevsky settlement. Burial 193: 1 — stonework plan; 2 — sections of the burial structure

(-251 см от R). Стенки ямы имели уклон ко дну. Дно ямы скальное, бугристое (рис. 1: 2).

Скелет человека находился в центральной части ямы (череп — в 36 см от ЮВ борта ямы) и сохранился почти полностью, за исключением костей стоп. Погребенный был уложен среднескорченно на левом боку с завалом на грудь, головой ориентирован на ЮЮВ, лицом к ЮЗ. Руки были согнуты в локтях под углом  $\sim 45^\circ$ , кисти находились у лицевой части черепа. Средняя часть правой плечевой кости находилась над локтевым суставом левой руки. Бедренные кости образовывали с позвоночником угол  $\sim 120^\circ$ . Берцовые кости по отношению к ним располагались почти под прямым углом. Часть костей кистей и фрагмент лучевой кости были расположены рядом, в 16 см к ЮЗ от черепа.



На расстоянии около 20 см к ЮЗ от лицевой части черепа были компактно размещены кости животного. Остальной инвентарь находился в ЮВ части ямы, за спиной и головой погребенного (**рис. 2**).

1. Кинжал биметаллический (**рис. 2: 2; 3: 1**). Находился на расстоянии около 40 см к ЮВ от скелета. Железный клинок был сильно разрушен коррозией, сечение ромбическое со слегка вогнутыми сторонами. Не исключено, что в древности по центру клинка с каждой из сторон проходило рельефное ребро жесткости. Бронзовая рукоять с грибовидным навершием, округлая в поперечном сечении, была налита по утрачиваемой модели вместе с гардой-перекрестьем на железный черенок клинка. Перекрестье короткое, верхняя и нижняя грани изогнуты к клинку, лопасти несколько расширяются к краям, приобретая трапецевидную форму. Ствол рукояти имеет рельефную орнаментацию в виде обвивающей железную основу по спирали налитой бронзовой ленты. Размеры: общая длина — 22,6 см; длина рукояти — 11,4 см; расстояние между перекрестьем и навершием — 8,9 см; высота навершия — 1,1 см; диаметр навершия — 2,3 см; диаметр рукояти — от 1,2 до 1,5 см; ширина перекрестья — 3,6 см; высота по краям — 1,4 см; толщина в средней части — 1,2 см; толщина по краям — 0,45 см; ширина клинка у перекрестья — 2,3 см; толщина клинка — менее 0,7 см.

**Рис. 2.** Могильник

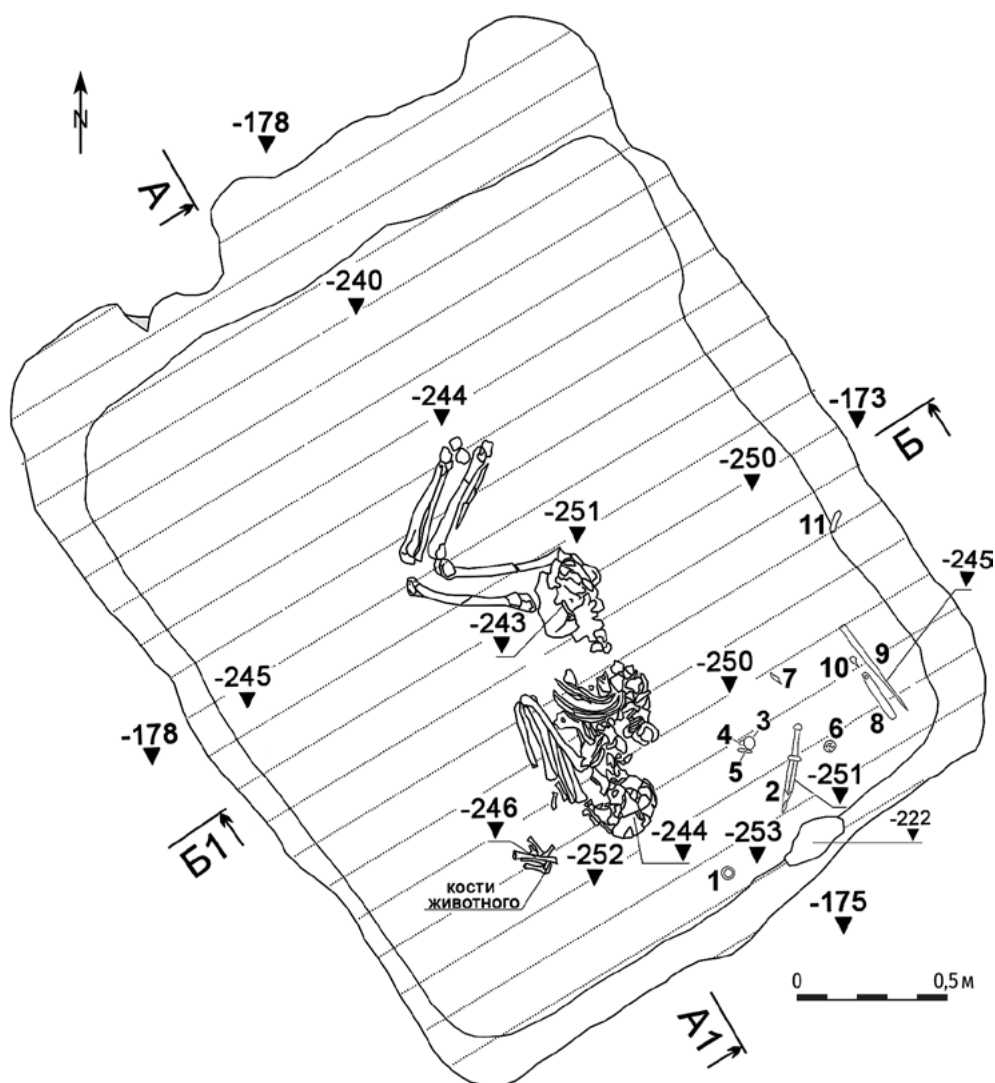
Грушевского городища.

Погребение 193, план:

1 — кольцо; 2 — кинжал;  
3, 7 — бляхи; 4 — ворворка;  
6 — бляха ажурная;  
5, 10 — фрагменты ножа;  
8 — оселок;  
9 — наконечник копья;  
11 — наконечник ножен

**Fig. 2.** Burial ground of the Grushevsky settlement.

Burial 193, plan: 1 — ring;  
2 — dagger; 3, 7 — plaques;  
4 — tip of a strap;  
6 — openwork plaque;  
5, 10 — fragments of a knife;  
8 — grindstone;  
9 — spearhead;  
11 — tip of a scabbard



2. Наконечник ножен кинжала литой бронзовый (**рис. 2: 11; 3: 3**). Найден у восточной стенки ямы, за спиной погребенного на расстоянии ~80 см и ~60 см — от ЮВ угла. Полое тулово наконечника ножен имеет уплощенно-конусовидную форму, поперечное сечение линзовидное. Перпендикулярно широкой плоскости тулова на одной оси расположены два круглых отверстия. В нижней части расположен рельефный выступ-окантовка, расположенный перпендикулярно плоскости тулова. Форма выступа вытянуто-овальная, «весловидная», с расширением к нижнему краю. Нижняя часть выступа имеет сегментовидное поперечное сечение. От края к тулову поверхность выступа наклонена вовнутрь. В нижней расширенной части, у острия тулова наконечника, хорошо различимы два долива металла, возможно, заполняющие дефект литья — каверну. Предмет отлит по утрачиваемой модели. На одной из сторон есть три небольшие каверны. Размеры: длина — 8,6 см; ширина возле устья тулова — 2,2 см; толщина возле устья — 1,2 см; высота окантовки весловидного расширения — 5,6 см; ширина окантовки — 2 см; толщина окантовки — 0,8 см; диаметр отверстий в тулове — 0,5 см.

3. Обломок острия клинка железного кинжала (**рис. 3: 2**). Найден внутри наконечника ножен. Сечение уплощенно-ромбовидное. Размеры: длина — 1,4 см; ширина — 1 см; толщина — 0,5 см.

4. Наконечник копья железный с длинной втулкой (**рис. 2: 9; 3: 5**). Лежал параллельно оселку, в 5 см от него, ближе к восточной стенке ямы. Острие было направлено в сторону южной стенки ямы. Втулка коническая, свернута из раскованного листа металла, шов не сомкнут. Перо остролистной формы, с лопастями плавных очертаний и продолжающейся от втулки нервюрой. Размеры: длина общая — 36 см; длина пера — 16 см; максимальная ширина пера (посередине) — 2,9 см; толщина пера — от 0,5 (2 см от острия) до 1,4 см (у втулки); внутренний диаметр втулки — 2,2 см; внешний диаметр втулки — от 1,7 до 3 см.

5. Оселок из серого камня (**рис. 2: 8; 3: 4**). Обнаружен возле восточной стенки ямы на расстоянии около 20 см от нее, лежал практически параллельно ей и вплотную к наконечнику копья. Подпрямоугольной формы, с выпуклыми длинными сторонами, поперечное сечение подпрямоугольное. В верхней части с двух сторон просверлено круглое отверстие для подвешивания. Размеры: длина — 17 см; ширина — 2,7 см; толщина — 1,7 см; диаметр отверстия — 0,7 см.

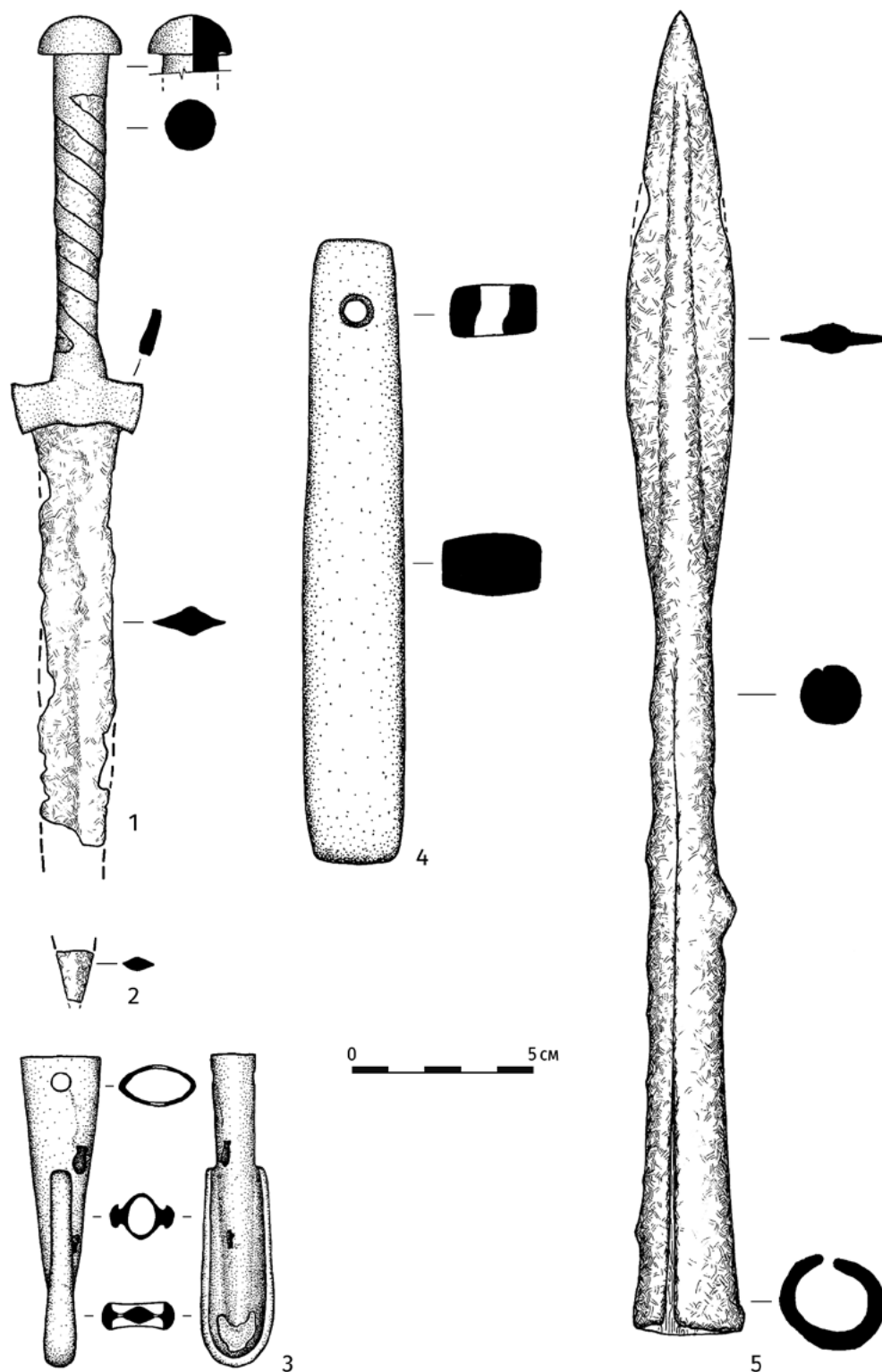
6. Нож железный, с выпуклой спинкой и слегка вогнутым лезвием был найден во фрагментах (**рис. 2: 5, 10; 4: 6**). Один из фрагментов находился рядом с бляхой и ворворкой, другой — у наконечника копья и оселка. Клинок треугольного сечения, узкий черенок трапецевидной формы. Распался на три фрагмента. Размеры: длина — <8,3 см; ширина клинка — ~1,6 см; толщина — 0,3 см.

7. Кольцо бронзовое литое (**рис. 2: 1; 4: 5**). Находилось на расстоянии ~25 см к ЮЮВ от черепа, близ условно южной стенки ямы. Поперечное сечение подпрямоугольное с округлыми гранями и краями. Отлито по утрачиваемой модели. Размеры: диаметр — 3,9 см; ширина — 1,3 см; толщина — до 0,4 см.

8. Бляха бронзовая круглая литая с выпуклым щитком (**рис. 2: 3; 4: 2**). Находилась в 30 см к ЮВ от скелета, между погребенным и кинжалом. Отлита вместе с полукруглой петлей эллипсовидного сечения с внутренней стороны щитка по утрачиваемой модели. Размеры: диаметр — 4,8 см;

**Рис. 3.** Могильник Грушевского городища. Погребение 193. Инвентарь: 1 — кинжал; 2 — острие клинка; 3 — наконечник ножен; 4 — оселок; 5 — наконечник копья. 1 — железо, бронза; 2, 5 — железо; 3 — бронза; 4 — камень

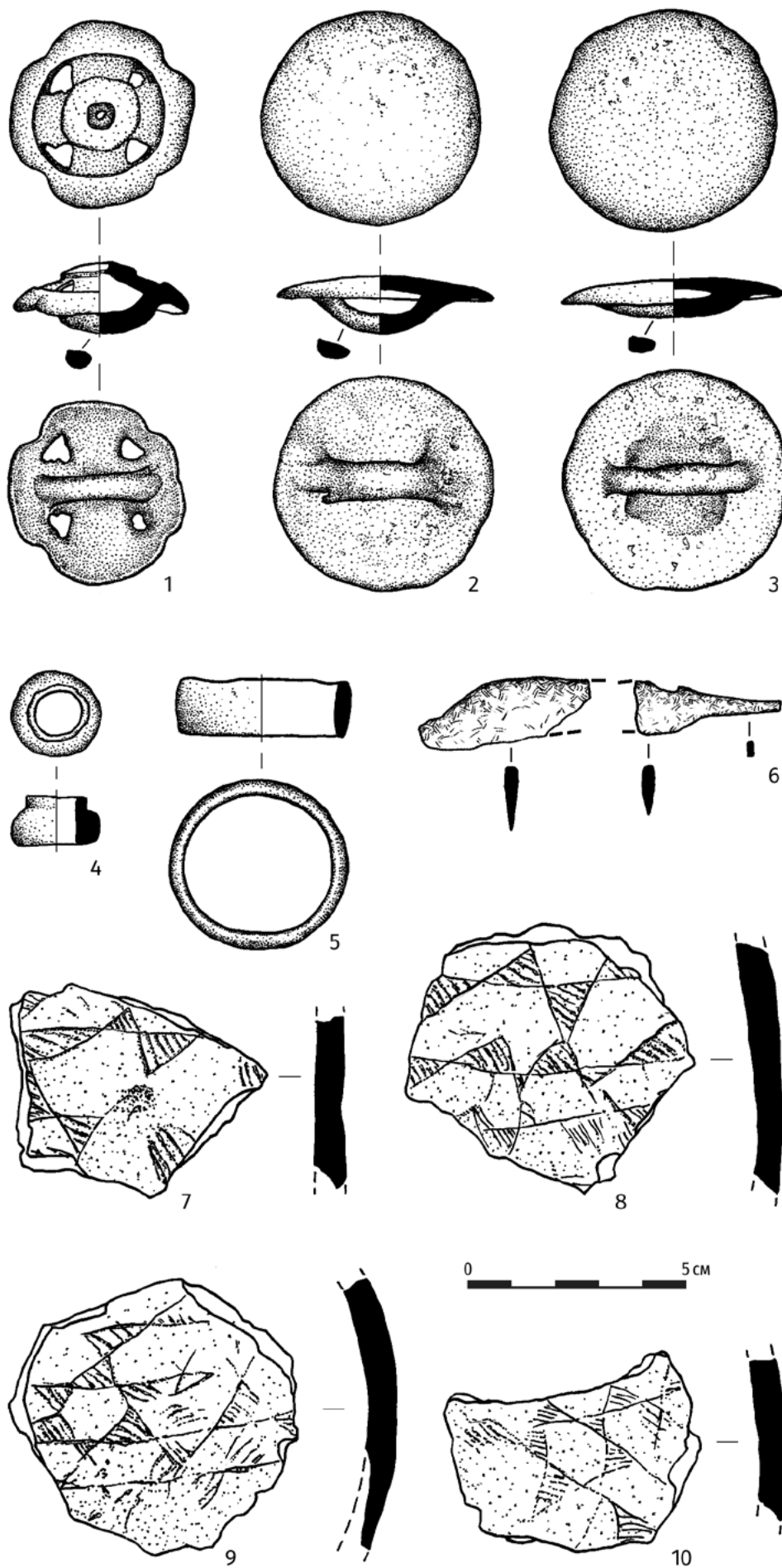
**Fig. 3.** Burial ground of the Grushevsky settlement. Burial 193. Inventory: 1 — dagger; 2 — blade tip; 3 — scabbard tip; 4 — grindstone; 5 — spear-head. 1 — iron, bronze; 2, 5 — iron; 3 — bronze; 4 — stone



высота — 1,3 см; ширина просвета в петле — 1,7 см. Вплотную к ней располагались ворворка (№ 11) и фрагмент ножа (№ 6).

9. Бляха бронзовая круглая литая с выпуклым щитком (рис. 2: 7; 4: 3). Была найдена на расстоянии около 40 см к ЮВ от скелета, в 20 см к ССВ от аналогичной бляхи (№ 8). Отлитая вместе с полукруглой петлей эллипсовидного сечения с внутренней стороны щитка по утрачиваемой модели. Размеры: диаметр — 5 см; высота — 0,85 см; ширина просвета в петле — 1,9 см.

10. Бронзовая литая ажурная четырехлепестковая бляха (рис. 2: 6; 4: 1). Находилась за кинжалом, ближе к ЮВ углу ямы, на расстоянии около 50 см



**Рис. 4.** Могильник Грушевского городища. Погребение 193. Инвентарь: 1 — бляха ажурная; 2, 3 — бляхи усечено-сферические; 4 — ворворка; 5 — кольцо; 6 — нож; 7–10 — фрагменты сосуда. 1–5 — бронза; 6 — железо; 7–10 — керамика

**Fig. 4.** Burial ground of the Grushevsky settlement. Burial 193. Inventory: 1 — openwork plaque; 2, 3 — truncated spherical plaques; 4 — tip of a strap; 5 — ring; 6 — knife; 7–10 — fragments of the vessel. 1–5 — bronze; 6 — iron; 7–10 — ceramics

от скелета. Бляха украшена на лицевой стороне слабовыпуклого щитка солярным знаком – рельефной окружностью с отверстием в центре, от которой расходятся четыре трапеции, образуя фигуру в виде «мальтийского креста». На внешнем контуре окружности окантовки есть четыре небольших выемки, что придает бляхе четырехлепестковый силуэт. Полу-круглая петелька с внутренней стороны щитка была отлита вместе с ним по восковой модели. Размеры: диаметр — 4,1 см; высота — 1,6 см; ширина просвета в петельке — 1,6 см.

11. Ворворка литая бронзовая (**рис. 2: 4; 4: 4**), состоящая из двух частей, со сквозным каналом. Находилась рядом с бляхой (№ 8) и фрагментом ножа (№ 6). Верхняя часть цилиндрическая (диаметром 1,2 см), нижняя часть (диаметром 2 см) имеет криволинейно-округлые очертания поверхности. Размеры: высота 1,2 см; диаметр канала — 1 см.

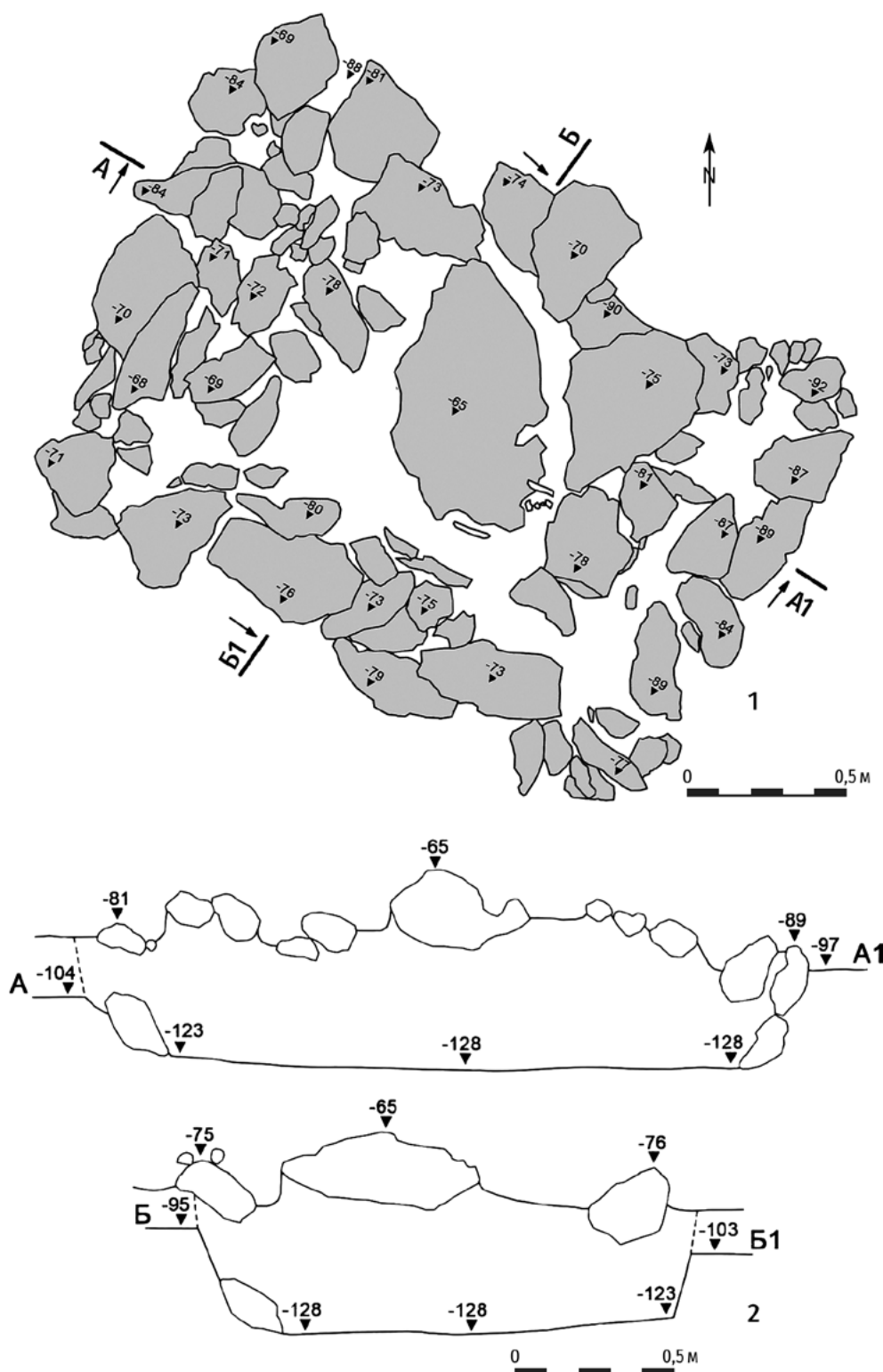
12. В заполнении ямы были найдены семь орнаментированных и 11 неорнаментированных фрагментов стенок тулова лепного сосуда (**рис. 4: 7–10**). Резной геометрический орнамент на стенках представлен мелкими заштрихованными треугольниками, соприкасающимися вершинами и вписанными в горизонтальные полосы. Цвет внешней поверхности фрагментов — серо-коричневый, внутренней поверхности и в изломе — темно-серый. Тесто плотное пористое с включениями шамота, золы, песка и лакунами (пустотами) от выгоревшей органической примеси. Средняя толщина стенок тулова — 0,5–0,6 см.

**Погребение 194 (рис. 5–7).** Частично разрушенная каменная выкладка подпрямоугольной формы обнаружена на уровне -65 см от R. Она имела размеры 235×165 см и была ориентирована продольной осью по линии СЗ–ЮВ. Выкладка сложена из рваных камней неправильной формы и разных размеров (средний размер — 25×20×15 см, максимальный — 88×50×30 см), лежащих плотно в один-два слоя. В центральной ее части имелись значительные пустоты между камнями (грабительская яма). Также в центральной части на уровне зачистки камней было зафиксировано несколько костей (**рис. 5: 1**).

После расчистки выкладки выявлено пятно могильной ямы подпрямоугольной формы с закругленными углами, чуть вытянутой по линии СЗ–ЮВ, размерами — 210×152 см. Часть камней была обнаружена стоящими на торцевых сторонах на дне по периметру ямы, образуя нерегулярную обкладку стенок погребения. Стенки ямы имели уклон внутрь. Дно ровное, зафиксировано на глубине -128 см (**рис. 5: 2**).

Скелет человека находился в центре ямы и сохранился не полностью. В анатомическом порядке лежали только кости таза и ног. Фрагменты черепа, кости рук, позвонки и другие кости скелета были перемешаны и лежали хаотично рядом, ближе к ЮВ части ямы. Судя по сохранившимся костям таза и ног, погребенный был положен среднескорченно (бедренные кости под прямым или тупым углом к позвоночнику) на левом боку, головой ориентирован на ЮВ, лицом, видимо, к ЮЗ. Ноги были согнуты в коленях, бедренные и берцовые кости образовывали острый угол, находясь почти параллельно друг другу, кости стоп были поджаты к тазу (**рис. 6**).

1. Железный наконечник копья (**рис. 6: 3; 7: 1**) лежал у ЮВ борта ямы рядом с отщепами, на камне обкладки ЮВ стенки ямы, острием к ней. Перо подтреугольной формы, острие отделено от расходящихся к основанию пера лезвий едва заметным изгибом, находящимся от него на 2/3 высоты. Максимальная ширина находится в 1,0–1,2 см от основания пера, где



**Рис. 5.** Могильник Грушевского городища. Погребение 194: 1 — план выкладки; 2 — разрезы погребального сооружения

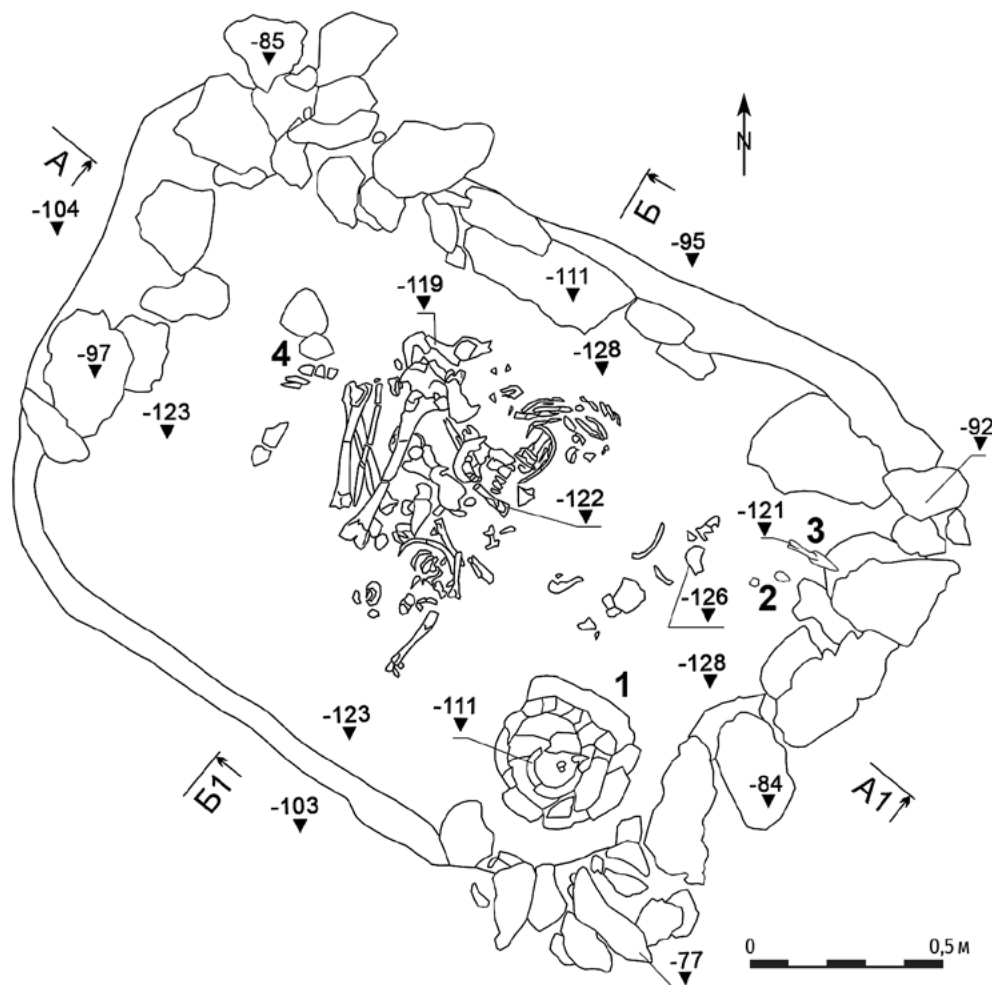
**Fig. 5.** Burial ground of the Grushevsky settlement. Burial 194: 1 — stonework plan; 2 — sections of the burial structure

лопасти изгибаются под тупым углом и сходятся к втулке. Сечение пера ромбовидное, посередине проходит уплощенная нервюра, которая является продолжением втулки. Втулка свернута из раскованной пластины, в нижней части ее края не сомкнуты. По бокам втулки расположены круглые отверстия для крепления к древку. Размеры: длина общая — 17,5 см; длина пера — 9 см; максимальная ширина пера — 2,9 см; толщина пера у основания — 1,1 см; диаметр втулки — 2,2 см; диаметр отверстий на втулке — 0,3 см.

2. Корчагообразный сосуд (**рис. 6: 1; 7: 5**) стоял на донце в южном углу ямы. Представляет собой крупный закрытый лепной сосуд вытянутых

**Рис. 6.** Могильник Грушевского городища. Погребение 194, план: 1 — сосуд; 2 — кремневые отщепы; 3 — наконечник копья; 4 — фрагменты сосуда

**Fig. 6.** Burial ground of the Grushevsky settlement. Burial 194, plan: 1 — vessel; 2 — flints; 3 — spearhead; 4 — fragments of a vessel

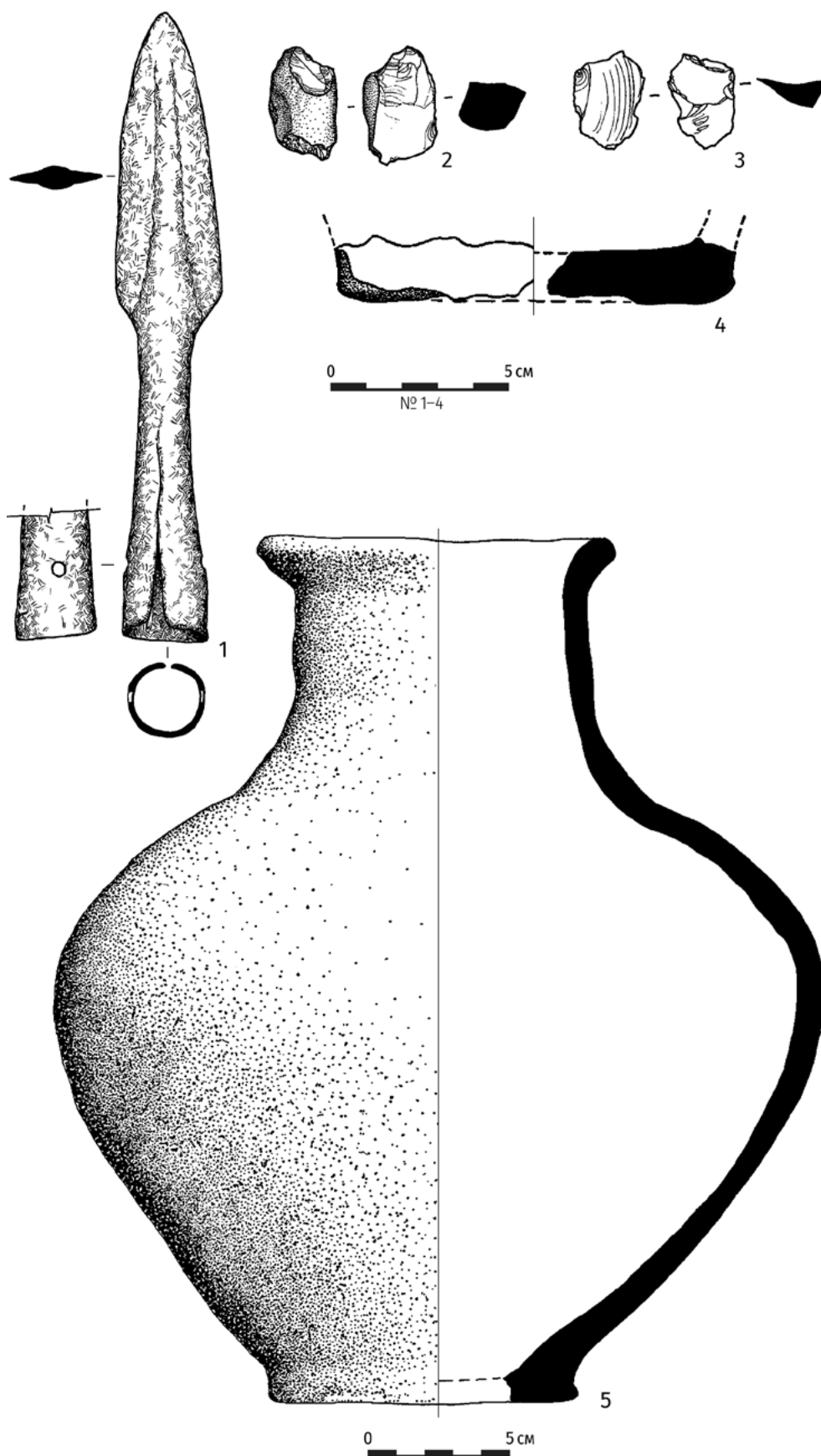


пропорций с реповидным туловом. Венчик прямой, край отогнут наружу под прямым углом и слегка закруглен. Горло цилиндрическое, в нижней части усеченно-конусовидное и плавно переходит в плечико. Плечико выделено плавным изгибом. Орнамент отсутствует. Сохранилась половина тулова и дна в вертикальном срезе. Тулово приземистое, резко сужается к низу. Наибольший диаметр приходится на верхнюю треть тулова. Дно ровное плоское. При переходе ко дну стенки имеют заметный изгиб, выделяющий донце с закраиной. Внешняя поверхность сосуда сильно замыта, патинизирована. Сосуд имеет следы лощения внешней поверхности. Цвет внешней и внутренней поверхностей — серо-коричневый, а в изломе — темно-серый. Тесто рыхлое слоистое с включениями дресвы, песка и множественными лакунами (пустотами) от выгоревшей органической примеси. Размеры: высота — 30,5 см; диаметр венчика — 12,5 см; реконструируемый диаметр тулова — 27 см; диаметр дна — 12,2 см. Сосуд имел тарно-хозяйственное назначение.

3. Фрагмент дна лепного сосуда (рис. 6: 4; 7: 4). Находился на расстоянии около 10 см к СЗ от костей стоп скелета. Цвет внешней и внутренней поверхностей — темно-серый с серо-коричневыми пятнами, в изломе — темно-серый. Тесто рыхлое с включениями дресвы, песка и пустотами от выгоревшей органической примеси. Размеры: длина — 7,2 см; ширина — 6,2 см.

4. Два кремневых отщепа (рис. 6: 2; 7: 2, 3) лежали на дне у ЮВ борта ямы на расстоянии около 45 см к СВВ от сосуда. Кремневый отщеп серого цвета с темно-серой прожилкой имел форму неправильного шестиугольника, поперечное сечение подтреугольное. Размеры: длина — 2,6 см;





**Рис. 7.** Могильник Грушевского городища. Погребение 194. Инвентарь:

1 — наконечник копья;  
2, 3 — отщепы; 4 — фрагмент сосуда; 5 — сосуд.  
1 — железо; 2, 3 — кремнь; 4, 5 — керамика

**Fig. 7.** Burial ground of the Grushevsky settlement.

Burial 194. Inventory:  
1 — spearhead; 2, 3 — flints;  
4 — fragment of a vessel;  
5 — vessel. 1 — iron;  
2, 3 — flint; 4, 5 — ceramics

ширина — 1,9 см; толщина — 0,7 см (**рис. 7: 3**). Кремневый отщеп желтоватого цвета, трапецевидной формы, поперечное сечение ромбообразное. Размеры: длина — 3,1 см; ширина — 1,6 см; толщина — 1,3 см (**рис. 7: 2**).

5. Бараний астрагал (альчик) найден при разборе костей скелета. Размеры: 3,6×2,2×1,8 см.

**Погребение 12 (рис. 8–11).** Каменная выкладка подпрямоугольной формы имела размеры 210×135 см и была ориентирована продольной осью по линии З–В. Она была зафиксирована на уровне -32 см от R и состояла из рваных камней неправильной формы и разных размеров (средний размер — 25×25×20 см, максимальный — 35×50×25 см), лежащих очень плотно в один-два слоя. Контуры могильной ямы прослеживались только в ее верхней части (**рис. 8**).

Погребенный лежал скорченно на правом боку, головой ориентирован на ВВЮ, лицом к С–СЗ. Скелет сохранился почти полностью. Руки были согнуты в локтях и положены кистями перед черепом, левая кисть частично находилась под черепом. Правая бедренная кость находилась почти под прямым углом к позвоночнику, берцовая была плотно прижата к ней. Левая бедренная кость лежала под острым углом к позвоночнику, а стопа левой ноги находилась поверх стопы правой. Такое положение скелета может считаться промежуточным между позициями сильной и средней скорченности, но по формальным признакам ближе к сильной (**рис. 9**).

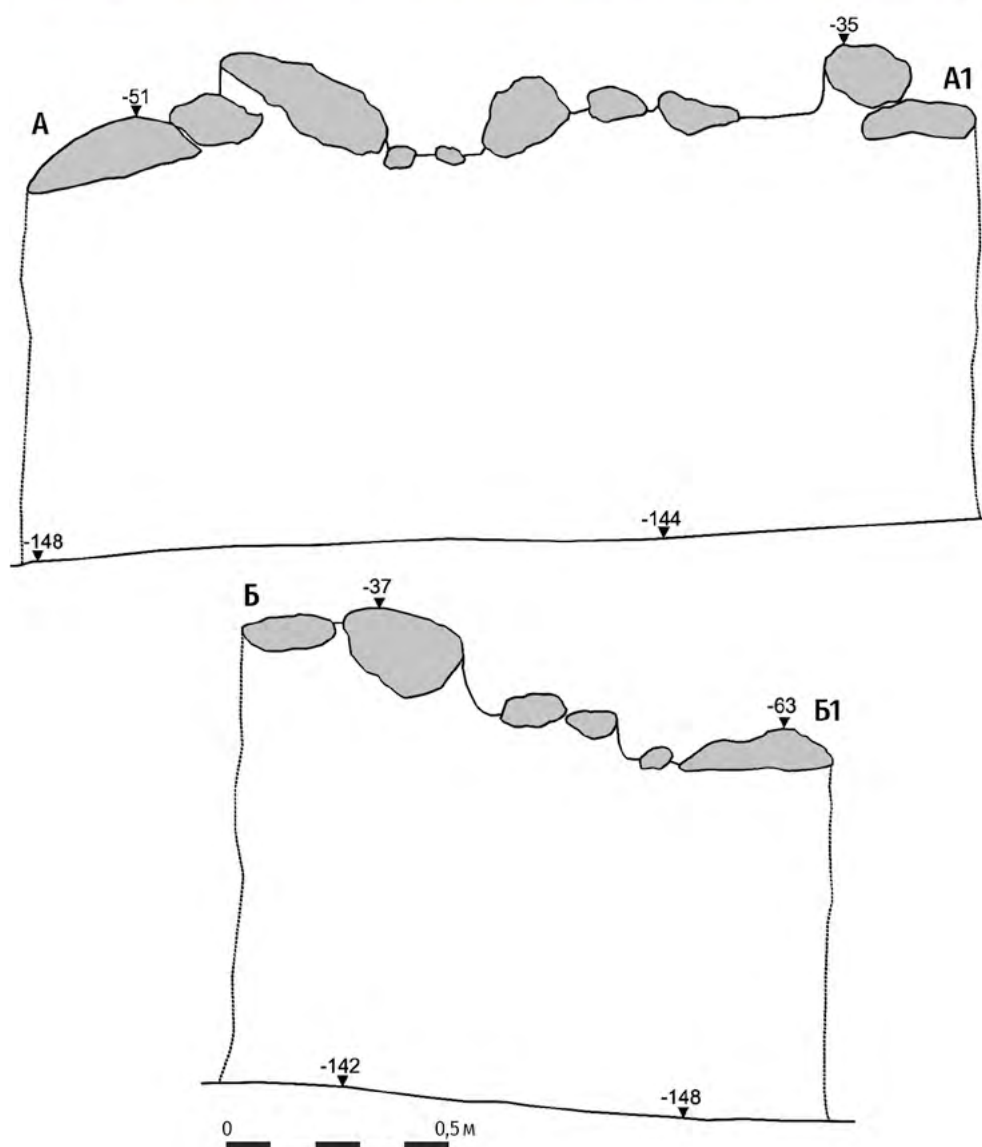
1. Лепной сосуд вытянутых пропорций с округло-биконическим туловом (кувшин) (**рис. 9: 1; 11: 1**) находился в 22 см к ССВ от костей правого предплечья погребенного. Венчик был полностью сколот в древности. Горло усечено-конусовидное, отделено от тулова нечетко выраженным уступом. Тулово с максимальным диаметром в верхней трети высоты было декорировано орнаментом в виде небрежно прочерченных треугольных фигур без оснований, обращенных вершинами вверх и заполненных косой штриховкой от левой стороны вниз и вправо. Сохранились верхняя и нижняя части ручки. Ручка вертикальная, округлая в сечении с продольным желобком. Верхним концом она крепилась к устью сосуда, слегка выступая над ним, нижним — к верхней части тулова. Дно ровное, плоское, сохранилось частично. Переход от тулова к дну несколько отличается на противоположных концах дна (**рис. 11: 1**). Наибольший диаметр приходится на верхнюю треть тулова. Внешняя поверхность сосуда замыта и патинизирована, имеет следы лощения. Цвет внешней и внутренней поверхностей — темно-серый с красно-коричневыми пятнами по венчику, в изломе — с темно-серой прослойкой. Тесто плотное с включениями дресвы, песка и лакунами (пустотами) от выгоревшей органической примеси. Размеры сохранившейся части: высота — 24,5 см; максимальный диаметр тулова — 21,5 см; диаметр дна — 9,4 см; сечение ручки — 2,4×2,2 см. Сосуд относится к столовой посуде.

2. Непосредственно на развале кувшина были обнаружены два орнаментированных фрагмента стенок тулова и один крупный орнаментированный фрагмент тулова с горлом другого лепного сосуда (**рис. 9: 2; 11: 3**). Плечико выделено выразительным изгибом и нарезным орнаментом в виде горизонтальной линии и примыкающих к ней прочерченных вершинами вверх треугольных фигур. Тулово орнаментировано параллельными вертикальными каннелюрами. Цвет внешней и внутренней поверхностей — темно-серый со светло-коричневыми пятнами, в изломе — с темно-серой прослойкой. Тесто плотное с включениями дресвы и песка. Размеры



**Рис. 8.** Могильник Грушевского городища. Погребение 12: 1 — фотография выкладки; 2 — разрезы погребального сооружения

**Fig. 8.** Burial ground of the Grushevsky settlement. Burial 12: 1 — photo of the stonework; 2 — sections of the burial structure



**Рис. 9.** Могильник

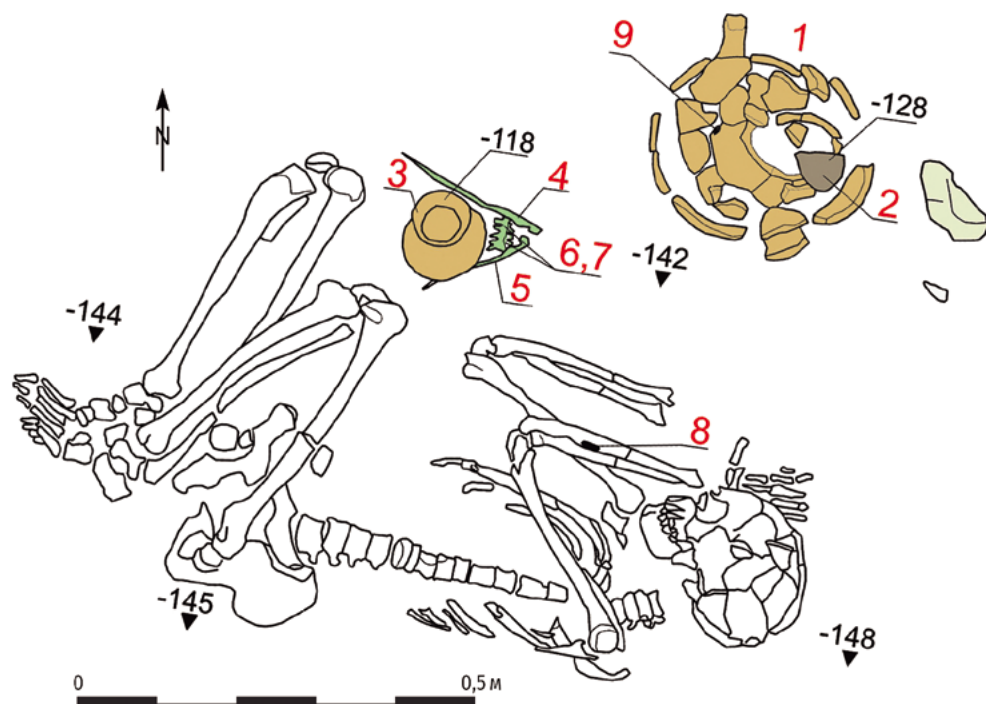
Грушевского городища.

Погребение 12, план:

1 — кувшин; 2 — фрагмент сосуда; 3 — кружка; 4, 5 — булавки; 6, 7 — пронизы биконические; 8 — бляшка; 9 — бусина

**Fig. 9.** Burial ground of the Grushevsky settlement.

Burial 12, plan: 1 — jug; 2 — fragment of a vessel; 3 — cup; 4, 5 — pins; 6, 7 — biconical beads; 8 — plaque; 9 — bead



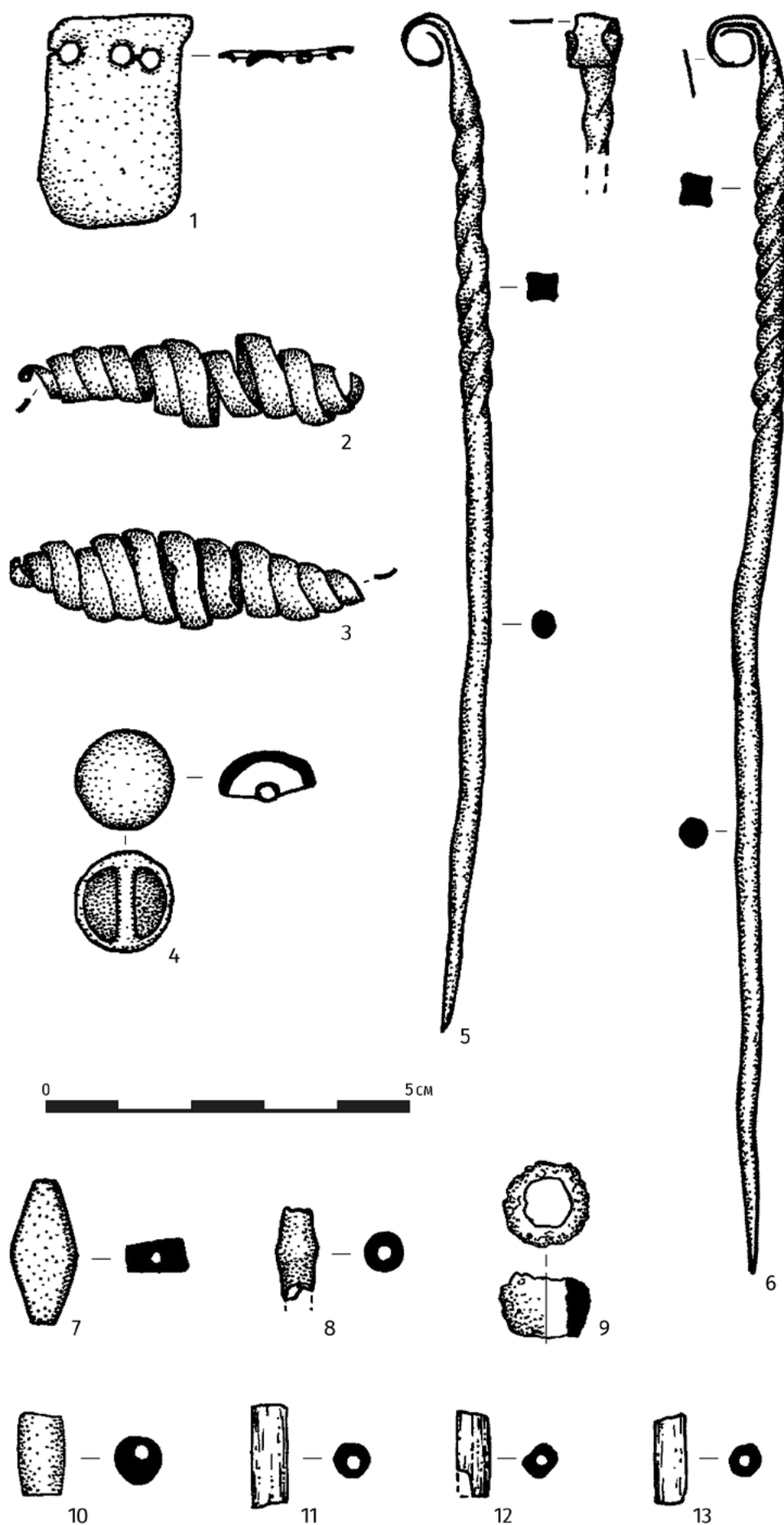
крупного фрагмента тулова с горлом: высота — 7 см; максимальный диаметр тулова — 9,7 см; средняя толщина стенок — 0,4–0,6 см.

3. Кружка (черпак с петлевидной ручкой) (**рис. 9: 3; 11: 2**) была поставлена в 5 см к СВ от коленной чашечки левой ноги. Сосуд лепной, асимметричный. Венчик отогнут наружу и закруглен. Горло выделено слабо. Плечико имеет плавный изгиб к тулову. Тулово усеченно-шаровидное. Дно уплощенное. Наибольший диаметр приходится на центральную часть тулова. Сохранились нижний и верхний прилепы от ручки. Ручка вертикальная, круглая в сечении, верхним концом она крепилась к горлу сосуда, нижним — к верхней части тулова. Цвет внешней и внутренней поверхностей, как и в изломе — темно-серый. Тесто плотное пористое с включениями дресвы, песка и лакунами (пустотами) от выгоревшей органической примеси. Размеры: высота — 10,9 см; диаметр венчика — 7,4 см; максимальный диаметр тулова — 10,2 см; диаметр дна — 5,6 см; диаметр сечения ручки — 1,4 см. Сосуд относится к столовой посуде.

4. Булавка бронзовая с круглым в сечении стержнем и квадратным — витым вокруг своей оси в своей верхней части (**рис. 9: 5; 10: 5**). Верхний конец раскован в прямоугольную пластину, закрученную в трубочку-спираль. Булавка лежала к СВ от кружки, вплотную к ней. Размеры: длина — 13,7 см; толщина — 0,3 см; диаметр спирали — 0,7 см.

5. Булавка бронзовая с круглым в сечении стержнем и квадратным — витым вокруг своей оси в верхней части (**рис. 9: 4; 10: 6**). Верхний конец раскован в прямоугольную пластину, закрученную в трубочку-спираль. Лежала к ЮВ от кружки, вплотную к ней, головкой касаясь головки описанной выше булавки (№ 4). Размеры: длина — 17,2 см; толщина — 0,4 см; диаметр спирали — 0,7 см.

6. Пронизь бронзовая биконическая (**рис. 9: 6; 10: 2**) была найдена между булавками к востоку от кружки. Изготовлена из узкой полосы бронзы, закрученной в 10-витковую спираль, сужается к концам. Размеры: длина — 4,3 см; диаметр — 1,1 см.



**Рис. 10.** Могильник Грушевского городища. Погребение 12. Инвентарь: 1 — чешуйка панцирная; 2, 3 — пронизи биконические; 4 — бляшка; 5, 6 — булавки; 7–13 — бусы. 1–6 — бронза; 7, 8 — гешир; 9 — стекло; 10 — сердолик; 11–13 — кость

**Fig. 10.** Burial ground of the Grushevsky settlement.

Burial 12. Inventory: 1 — shell scale; 2, 3 — biconical beads; 4 — plaque; 5, 6 — pins; 7–13 — beads. 1–6 — bronze; 7, 8 — geshir; 9 — glass; 10 — cornelian; 11–13 — bone

7. Пронизь бронзовая биконическая (**рис. 9: 7; 10: 3**) была найдена рядом с описанной выше. Изготовлена из узкой полосы бронзы, закрученной в 11-витковую спираль, сужается к концам. Размеры: длина — 4,7 см; диаметр — 1,1 см.

8. Бронзовая бляшка (**рис. 10: 4**) полусферической формы, со скрытой петелькой-перемычкой была выявлена под левой кистью. Размеры: диаметр — 1,3 см; толщина — 0,6 см.

9. Гешировая бусина ромбовидной формы (**рис. 9: 8; 10: 7**) найдена между костями предплечья левой руки. Продольное и поперечное сечения подпрямоугольные, ребра между гранями сглажены, закруглены. Размеры: длина — 1,9 см; ширина — 0,8 см; толщина — 0,45 см.

10. Гешировая бусина биконической формы (**рис. 9: 9; 10: 8**) располагалась на развале кувшина. Центральное ребро сглажено, закруглено. Размеры: длина — 1,2 см; диаметр — 0,5 см.

11. Бронзовая пластина подпрямоугольной формы от чешуйчатого панциря (**рис. 10: 1**) выявлена при разборке скелета под правым предплечьем. Углы нижнего края скруглены. Вдоль верхнего края пластины с внешней стороны были неравномерно пробиты три круглых отверстия для крепления к основе, рваные края которых изнутри сплющены. Левый и нижний края пластинки слегка загнуты внутрь. На правом краю осталась необработанной грубая кромка, которую должна была перекрывать с внешней стороны соседняя пластина. Размеры: длина — 2,8 см; ширина — 1,8 см; толщина — 0,05 см.

Набор бус был выявлен под черепом скелета, между ним и левой кистью:

12. Стекланная бусина бочонковидной формы (**рис. 10: 9**). Цвет предположительно желтый, его сложно определить из-за сильного повреждения и иридизации поверхности. Размеры: диаметр — 1,1 см; высота — 0,7 см; диаметр канала — 0,6 см.

13. Сердоликовая бусина цилиндрической формы (**рис. 10: 10**). Размеры: длина — 1,05 см; диаметр — 0,6 см.

14. Костяные цилиндрические бусы, три экз. (**рис. 10: 11–13**). Размеры: длина — 1,0, 1,15 и 1,3 см; диаметр — 0,4 и 0,5 см.

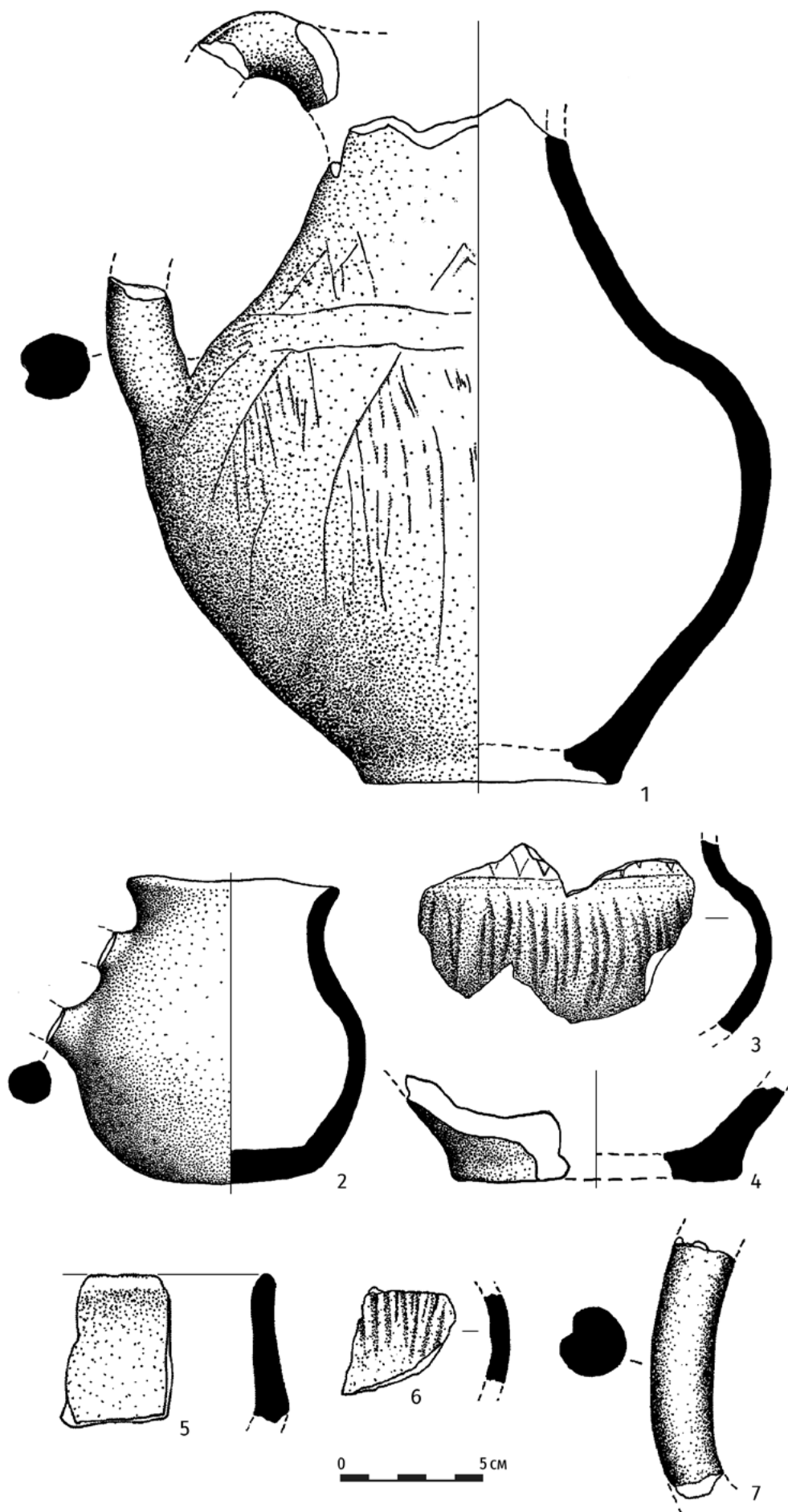
15. При зачистке каменной выкладки над погребением были выявлены фрагменты одного или нескольких лепных сосудов. Сохранились: венчик с горлом, фрагмент профилированной ручки и три мелких фрагмента стенок тулова (**рис. 11: 5–7**). Венчик прямой, край устья слабо отогнут наружу и закруглен (**рис. 11: 5**). Ручка вертикальная, округлая в сечении с глубоким продольным желобком. Внешняя поверхность фрагментов сосуда замыта и патинизирована. Цвет ее — красно-коричневый, цвет внутренней поверхности и в изломе — темно-серый. Тесто плотное с включениями мелкодробленой дресвы, золы, песка и лакунами (пустотами) от выгоревшей органической примеси. Размеры венчика с горлом: высота сохранившаяся — 5,2 см; диаметр венчика — 6,7 см; диаметр сечения ручки — 2,3 см; средняя толщина стенок — 0,5–0,6 см. Сосуд относится к столовой посуде.

Возможно, это следы ритуальных действий, совершенных во время погребения или впоследствии.

### Погребальные сооружения и положение погребенных

Публикуемые погребения были совершены в ямах подпрямоугольной формы (погр. 193 и 194), контуры могильной ямы в погр. 12 удалось проследить только в верхней части, непосредственно под каменной выкладкой.





**Рис. 11.** Могильник Грушевского городища. Погребение 12. Инвентарь, керамика: 1, 2 — сосуды; 3–7 — фрагменты сосудов  
**Fig. 11.** Burial ground of the Grushevsky settlement. Burial 12. Inventory, ceramics: 1, 2 — vessels; 3–7 — fragments of vessels



Над всеми рассматриваемыми погребениями зафиксированы каменные выкладки подпрямоугольной формы (**рис. 1; 5; 8**).

Каменные выкладки, которые «лежат непосредственно поверх перекрытия могил», уложенные обычно в один-два, реже в три-четыре слоя, являются характерной чертой погребального обряда западной кобанской культуры всего периода ее существования (*Козенкова*, 1989. С. 71–74. Табл. XXIV: 2–5; XXV: 7–9)<sup>5</sup>. Практически все выкладки над рассматриваемыми погребениями оказались в той или иной степени разрушены, но зачастую сохранили изначальный прямоугольный контур. Следует отметить частое, но не регулярное расположение наиболее крупных камней по краям выкладок, хотя встречаются такие камни и внутри самой конструкции. Камни меньших размеров, составляющие основной строительный материал, судя по всему, были уложены плотно, но без какой-либо системы, образуя неупорядоченную выкладку. Выкладки из рваного камня лежали на деревянных перекрытиях могильных ям, конструкция которых не сохранилась. Таким образом, внутри могилы некоторое время существовало замкнутое пустое пространство (**рис. 5: 1; 8: 1**).

Грунтовые ямы, условно прямоугольной формы и разных размеров, как в описываемых нами случаях, повсеместно характерны для грунтовых могильников всех хронологических этапов западной кобанской культуры (тип II — *Козенкова*, 1989. С. 74–75). Обычно они имели несколько наклонные ко дну стенки, углы ям закруглены и не выражены четко, дно чаще всего ровное, иногда с некоторым понижением к центру.

Вдоль стенок могильной ямы погр. 194 были зафиксированы нерегулярно стоящие на торцах камни, не образующие какую-либо упорядоченную обкладку. Являлись ли эти камни изначальным элементом конструкции, например, предназначенным для опоры деревянных частей перекрытия, или оказались частями выкладок над погребением, смещенными вниз под воздействием времени или в процессе ограбления, определенно утверждать сложно. В данном случае можно осторожно предположить, что покатость к уступу верхней части стенок (изначально почти вертикальных) была вызвана их разрушением в результате ограбления и давления лежащих выше камней выкладки, которые и сползли вниз (**рис. 5: 2**).

Все погребения были совершены по обряду ингумации. Во всех случаях сохранность скелетов позволяет судить о положении погребенных и их ориентировке. В погр. 193 и 194 погребенные были уложены среднескорченно на левом боку и ориентированы головой на ЮЮВ и ЮВ, лицом к ЮЗ. В погр. 193 руки были сильно согнуты в локтях, кисти были расположены у лицевой части черепа (**рис. 2**). В погр. 194 кости рук и верхняя часть скелета были разрушены (**рис. 6**). В погр. 12 погребенный был уложен сильно скорченно на правом боку, головой ориентирован к ВЮВ, лицом к ССЗ. Руки были сильно согнуты в локтях, кисти находились у лицевой части черепа (**рис. 9**). Все имеющиеся варианты положения погребенных вполне

5 В.И. Козенкова не делает различия между терминами «закладка» и «выкладка», употребляя их попеременно. Представляется, что для описываемых объектов более корректен термин «выкладка», отражающий некий конструктивный элемент, находящийся «поверх перекрытия». Термины «закладка» или «заклад», являются производными от глагола «закладывать» что-то и куда-то, помещать в некое пространство или емкость, что в описываемых случаях не наблюдалось.

соответствуют основным признакам погребального обряда западной кобанской культуры (Козенкова, 1989. С. 79).

Разрозненные фрагменты керамики в заполнении ямы погр. 193 и среди камней выкладки над погр. 12, возможно, являются следами тризны или других ритуальных действий, что также было зафиксировано на могильнике Белореченский 2 и других памятниках кобанской культурно-исторической области (Дударев, 2004. С. 36).

### Предметы вооружения

**1. Кинжал биметаллический**, имеющий рукоять с рельефной «винтовой» орнаментацией и грибовидное (полусферическое) навершие и короткую «крестовидную» гарду, происходит из погр. 193 (рис. 3: 1). Подобные кинжалы и мечи являются характерной формой клинкового колюще-режущего оружия в предскифских памятниках юга Восточной Европы и особенно Северного Кавказа (1, 2, и 4-й варианты — Тереножкин, 1976. С. 112–114). Такие формы по различным признакам и принципам впоследствии были объединены изучавшими их исследователями в отдел 1 (Козенкова, 1995. С. 52–56. Табл. X; Эрлих, 2007. С. 85–89. Рис. 149; Вальчак, 2008. С. 8–19. Рис. 1–5) или группу 1 (Дударев, 1999. С. 95–100. Рис. 22–24; 27; 28). По классификации С.Б. Вальчака кинжал относится ко 2-й группе 1-го отдела, подтипу 2, куда входят мечи и кинжалы с рукоятью округлого сечения с винтовым рельефом и короткой гардой (Вальчак, 2008. С. 8–9).

Экземпляры с подобным декором рукояти в виде «обмотки», «винтового» или «ложновитого орнамента» встречаются не часто. Подобные находки происходят из клада 1971 г. на Суботовском городище, погр. 4 могильника Эчкиваши, случайных находок у х. Чернышев, еще две — из бассейна Кубани и Центрального Предкавказья (Тереножкин, 1976. С. 82–83. Рис. 49: 1; 50; Козенкова, 1995. С. 55. Табл. X: 10; Эрлих, 2007. С. 85–86. Рис. 149: 4, 5; Прокопенко, Кравцова, 2020. С. 30. Рис. 2: 1). В каждом из случаев сформированная на черенке (хвостовике) утрачиваемая модель для отливки эфеса (рукояти, навершия и гарды) имела индивидуальные особенности, которые позволили разделить такие рукояти на два типа (Вальчак, 2008. С. 9).

Публикуемая находка из погр. 193 также своеобразна и может быть выделена в отдельный тип 3. На откованном округлом железном черенке была сформирована восковая модель с навершием, гардой и соединяющей их, спирально обвивающей черенок лентой в четыре-пять витков. Между витками этой спирали были оставлены промежутки, в которых оставалась видна железная основа рукояти. После чего была произведена отливка по выплавляемой модели. Двухцветная гамма железа и бронзы на рукояти служила дополнительным украшением. Кроме того, рельеф на рукояти способствовал более прочному удержанию кинжала в руке воина (Дударев, 1991. С. 44; Вальчак, 2008. С. 12).

Время бытования кинжалов с рукоятями округлого сечения определяется концом IX — VIII в. до н.э. (Козенкова, 1995. С. 52, 55), в основном в пределах VIII в. до н.э. (Дударев, 1999. С. 145–169; Эрлих, 2007. С. 93) или VIII — первой четвертью VII в. до н.э. (Вальчак, 2008. С. 14–19).

**2. «Весловидный» наконечник ножен бронзовый.** Подобные найденному в погр. 193 (рис. 3: 3) наконечники-бутероли являются хотя и нечасто встречающейся, но характерной деталью ножен мечей и кинжалов предскифского периода (Тереножкин, 1976. С. 123–125; Дударев, 1999. С. 148–149; Вальчак, 2005. С. 150; 2008. С. 14). Достаточно долго они рассматривались

как аргумент для датировки подобного клинкового оружия IX — началом VIII в. до н.э. (Козенкова, 1975. С. 92–101; 1995. С. 52, 55). Позднее С.Л. Дударев предложил продлить их датировку «до раннего VII в. до н.э.» (Дударев, 1999. С. 148–149; Белинский, Дударев, 2001. С. 39), что отчасти было поддержано и другими исследователями (Вальчак, 2005. С. 156, 157). Дополнительным аргументом для повышения датировки таких изделий является, на наш взгляд, погр. 1 могильника Нарзанный-2, в котором был найден, как аналогичный бронзовый наконечник ножен, так и бронзовый кованый шлем ассирийского типа, вместе с «пекторалью» (Белинский, Дударев, 2013. С. 196–204), что не позволяет датировать это погребение ранее последней четверти — конца VIII, возможно, включая первую четверть VII в. до н.э. (Вальчак, Скаков, 2003. С. 115–120; Скаков, Эрлих, 2005. С. 215–217, 221; Вальчак, 2016а. С. 38–39; 2016б. С. 139–141; Скаков, Журавлев, 2018. С. 279. Рис. 1).

Интересным фактом является расположение в погр. 193 кинжала и наконечника ножен на значительном расстоянии друг от друга (рис. 2: 2, 11). Вероятно, что кинжал в процессе захоронения был вынут из ножен, что можно рассматривать как элемент погребального обряда<sup>6</sup>. Подобные случаи были отмечены в других предскифских погребениях. Например, золотая обоймица устья ножен в погр. 2 Высокой Могины в Поднепровье находилась «рядом с рукоятью» (Бидзиля, Яковенко, 1974. С. 148. Рис. 1: 1, 3) или «под перекрестием кинжала» (Тереножкин, 1976. С. 30–31. Рис. 4). В кург. 4 у с. Белоградец в Болгарии золотая инкрустированная обкладка ножен находилась на правом крыле таза, в то время как сам кинжал располагался отдельно от нее, рукоятью на левом крыле таза (Tončeva, 1980. Р. 15–16. Pl. VII: 3). То есть, в этих случаях кинжалы и их ножны были преднамеренно положены отдельно, хотя и неподалеку друг от друга.

**3. Наконечники копий железные.** Наконечник из погр. 193 имеет узкое лавролистное перо и длинную разомкнутую по всей длине коническую втулку, вдоль пера проходит продолжающая втулку нервюра дуговидного сечения (рис. 3: 5). По форме пера наконечник может быть отнесен к предметам I отдела I типа 1-го варианта (Козенкова, 1995. С. 35–36).

Подобные длинновтульчатые железные наконечники копий известны и в других могильниках предскифского периода, но могут отличаться формой и длиной пера, а также наличием или отсутствием нервюры. Они известны на территории Кавминвод в погр. 15 могильника Березовский 1, в погр. 4 могильника Эчкиваши (Виноградов и др., 1980. С. 193–194. Рис. 6: 8; 7: 20), погр. 87 (Флеров, Дубовская, 1993. С. 269, 275. Рис. 7: 5) и 222, 300, 302 могильника Клинь-Яр III (Белинский, Дударев, 2015. С. 326, 330. Рис. 243: 1, 5, 6; 247), погр. 12 и 32 могильника Белореченский 2 (Дударев, 2004. С. 20, 29. Рис. 7: 5; 27: 6). Известны железные длинновтульчатые наконечники копий в погр. 26 могильника Сержень-Юрт и в погр. 51 могильника Зандак на Северо-Восточном Кавказе (Козенкова, 2002. С. 23. Табл. 17: 8; Марковин, 2002. С. 91. Рис. 65: 1). В разрушенном погр. 1987 г. могильника Клинь-Яр III и в погр. 1 могильника Нарзанный-2 практически аналогичные наконечники копий встречены вместе с бронзовыми шлемами и «пекторальями», датируемыми около последней четверти VIII — первой четверти VII в. до н.э. (Дударев, 1991. С. 51–54. Табл. 8; 15; 17; 1999. С. 162–166. Рис. 122–126; Белинский, Дударев, 2013. С. 196, 211–212. Рис. 13; 18; 20). Встреченные в этих

6 Такое предположение вполне вероятно, если, конечно, ситуация не является результатом последующей деятельности землеройных животных.

комплексах, а также в погр. 4 могильника Эчкиваши и погр. 15 могильника Березовский 1 различные типы конского снаряжения (*Виноградов и др.*, 1980. Рис. 6: 3; 7: 15, 16), как и другие составляющие упомянутых погребальных комплексов, позволяют предполагать появление железных длинновтульчатых копий уже на первом этапе предскифского периода, с конца IX — начала VIII в. до н.э., но преимущественное их распространение пришлось на финальный, классический новочеркасский этап, не позднее конца VIII в. до н.э. (*Вальчак*, 2009. С. 83–94; *Белинский, Дударев*, 2015. С. 326, 330). С железным боевым топором раннескифского времени (VII–VI вв. до н.э.) подобный же наконечник копья был найден в гробнице у санатория «Таджикистан» в Кисловодске (*Козенкова*, 1995. С. 35, 72. Табл. V: 3; XIX: 6).

Наконечник из погр. 194 имеет перо с выделенным острием и максимальным расширением у основания, коническую втулку среднего размера, немного превышающую длину пера и разомкнутую на большей части своей длины (**рис. 7: 1**). По форме пера этот наконечник можно отнести к изделиям II отдела I типа (*Козенкова*, 1995. С. 37, 39).

Подобные железные наконечники известны в погр. 27 (*Рунич*, 1971. С. 5. Рис. 6: 12) и погр. 49 (*Рунич*, 1974. С. 15–16. Рис. 26: 4) могильника КМФ 1, погр. 4 могильника Индустрия 1 (*Виноградов и др.*, 1980. С. 193–194. Рис. 7: 26), погр. 1 могильника Эшкаконский (*Козенкова*, 1995. С. 37. Табл. VI: 6, 8), относящихся к предскифским комплексам. Различные по деталям формы пера типы и варианты наконечников копий, близким по длине с размером втулки, имеют широкий диапазон бытования в пределах VIII — первой половины VII в. до н.э. (*Козенкова*, 1995. С. 39–42; *Белинский, Дударев*, 2015. С. 327–329).

Следует отметить, что в погр. 193 и 194 наконечники копий были расположены вблизи длинной северо-восточной стенки ямы, остриями к ЮВ, находясь «за затылком» погребенного (**рис. 2: 9; 6: 3**). Подобное расположение рассматриваемой категории находок встречалось неоднократно в погребениях западной кобанской культуры, например, в погр. 19 и 27 могильника Белореченский 2 (*Дударев*, 2004. Рис. 15А: 1; 23А: 1).

**4. Пластина-чешуйка от панциря бронзовая.** Найдена в погр. 12 в единственном экземпляре (**рис. 10: 1**). Интерпретация подобных пластин как частей набора чешуйчатых панцирей предскифского и раннескифского времени наиболее распространена среди исследователей, изучающих ранний железный век. Практически все панцири предскифского времени до момента раскопок были полностью разрушены и фрагментированы до нескольких сохранившихся пластин (*Рябкова*, 2010). Вероятно, целым изделием была находка компактно расположенных 515 чешуек и пластин трех типов в погр. 4 могильника Индустрия 1. Контур скопления этих пластин имел овальную форму, под ним были «обнаружены следы кожи, а под кожей была очень тонкая прослойка дерева», но и она была разрушена случайными находчиками. Доследовавший погребение А.П. Рунич, предполагал здесь наличие наборного нагрудника или щита (*Рунич*, 1969. С. 12. Рис. 23: 13–16), но аргументы в пользу панциря представляются нам более весомыми (см.: *Рябкова*, 2010. С. 90).

Погр. 12 могильника Грушевского городища, судя по сопутствующим категориям инвентаря, можно считать женским (**рис. 10**). Находки панцирных чешуек вне контекста предметов вооружения и конского снаряжения были суммированы Т.В. Рябковой, присоединившейся к мнению В.И. Козенковой об использовании их в качестве украшений (*Козенкова*, 1995. С. 95; *Рябкова*, 2010. С. 89–90). Количество чешуек в разрушенном

погребении (1987 г.) на могильные Клин-Яр III неизвестно (Дударев, 1999. С. 162; Белинский, Дударев, 2007. С. 126). В погр. 16 этого же могильника найдены 11 разрозненных панцирных чешуек и железный наконечник копья (Березин, 1987. С. 13. Рис. 70), что позволяет относить его к воинским комплексам, а бронзовые чешуйки — к остаткам панциря.

Достоверно считать украшениями панцирные чешуйки в памятниках кобанской культурно-исторической области предскифского времени (обычно один или два экз.) можем находки: на черепе женского скелета в погр. 1 могильника Пседахе (Козенкова, 1986. С. 135, 152–154); у головы и шеи женского погр. 8 могильника Каменноостский, вместе с бусами и бронзовыми украшениями — типичными составляющими ожерелий западной кобанской культуры (Гриневиц, 1951. С. 131–134); в мужском погр. 7 могильника Кичмалка (Рябкова, 2010. С. 90). В погр. 16 могильника Барановской горки такая же ситуация наблюдается и для раннескифского времени (Козенкова, 1995. С. 95). Видимо, найденная в погр. 3 кургана 1 в Заюково, «тонкая бронзовая пластинка с дырочкой, очевидно, обивка какого-то предмета, до нас не дошедшего» (Гриневиц, 1951. С. 138), не являлась панцирной чешуйкой, вопреки предположению других исследователей (Козенкова, 1995. С. 95–96; Рябкова, 2010. С. 90).

Недавно был исследован и опубликован комплекс погр. 79 могильника Заюково-3, содержащий четыре бронзовые пластины доспеха, необычной для предскифского периода формы. Характер вторичного использования этих пластин и датировка комплекса пока остаются дискуссионными (Кадиева и др., 2024. С. 132–142. Рис. 1: VIII–X; 2: 1).

В связи с вышеизложенным, следует остановиться на мнении Т.В. Рябковой (со ссылкой на работу В.И. Козенковой 1989 г.), что «на Северном Кавказе все памятники с остатками чешуйчатых панцирей зафиксированы вне ареала кобанской культуры» (Рябкова, 2010. С. 90–91. Рис. 2). Во-первых, далеко не все находки остатков чешуйчатых панцирей на Северном Кавказе могут являться «панцирями скифского типа», по определению Т.В. Рябковой. Фрагментарность многих находок не позволяет делать подобные заключения. Во-вторых, именно в упомянутой работе В.И. Козенковой был поставлен и успешно решен вопрос о расширении ареала западнокобанской культуры в северном направлении, включая и Ставропольскую возвышенность (Козенкова, 1989. С. 12–19. Рис. 3; 4). Упомянутые Т.В. Рябковой могильники региона Кавминвод, в урочищах Индустрия, Кобан-гора, Клин-Яр, как и многие другие, имеющие в некоторых комплексах компоненты предскифской и раннескифской кочевнических культур, никогда не рассматривались вне контекста западнокобанского субстрата (Козенкова, 1989. С. 5–12. Рис. 1). На сегодняшний день это понимание памятников Предкавказского региона является наиболее распространенной точкой зрения среди специалистов (Белинский, Дударев, 2015. С. 398–405; Березин, 2023). Таким образом, женское погр. 12 могильника Грушевского городища, пополняет список памятников кобанской культурно-исторической области, где панцирные пластины были употреблены в качестве украшений.

## Орудия труда

**1. Оселок каменный** с отверстием для подвешивания (рис. 3: 4). Прямоугольная форма оселка из погр. 193 является наиболее часто встречающейся в ареале кобанской культурно-исторической области, как и в других синхронных культурах предскифского времени. Подобные оселки

отнесены к типу II (Козенкова, 1998. С. 24–25. Табл. VII: 2–17) или I типу 1-му варианту (Белинский, Дударев, 2015. С. 309. Рис. 239).

Фактически являясь орудиями труда, каменные оселки имели не только утилитарное назначение, но были и культовыми предметами. Исследователи неоднократно отмечали частое присутствие оселков в мужских погребениях, особенно в захоронениях воинов и воинов-всадников, совместно с предметами вооружения и конского снаряжения, как и период их бытования в течение всего предскифского периода (Козенкова, 1998. С. 25–26; Белинский, Дударев, 2015. С. 312–313).

**2. Нож железный**, с дуговидной спинкой, переходящей в черенок без заметного уступа, с трапециевидным черешком, отделенным от лезвия плавным уступом (рис. 4: 6). Нож из погр. 193 имеет аналогии, как среди бронзовых, так и железных изделий кобанской культурно-исторической области и синхронных культур. Наиболее близки ему находки III типа западной кобанской культуры (Козенкова, 1998. С. 9. Табл. I: 17–19), отличающиеся большей шириной черенка. Кроме того, близкие по форме изделия (тип 4) встречаются в памятниках протомеотской и восточной кобанской культуры (Махортых, 1997. С. 9–10. Рис. 1: 21, 22, 25). Подобные ножи являются характерной находкой в течение всего предскифского периода.

### Украшения и другие находки

**1. Бляшка бронзовая**, с полусферическим неорнаментированным щитком и скрытой петлей на обороте из погр. 12 (рис. 10: 4). Подобные изделия зачастую и ошибочно именуются «пуговицами», что уже было отмечено исследователями (Кадиева и др., 2020. С. 171–172). Она относится к варианту 1 типа II и является одним из самых распространенных нашивных украшений одежды кобанской культурно-исторической области в течение VIII–VII вв. до н.э. (Козенкова, 1998. С. 36–37. Табл. X: 3).

**2. Бляшка бронзовая**, четырехлепестковая, прорезная, с вписанным в окружность рельефным крестообразным (солярным) орнаментом и выступающей дуговидной петлей на обороте (рис. 4: 1). Происходит из погр. 193 и представляет собой одно из характерных украшений костюма, деталей воинской и конской амуниции предскифского периода в памятниках Северного Кавказа и Восточной Европы (Эрлих, 1994. С. 79–82; 2007. С. 133–134. Рис. 198). Подобные четырехлепестковые бляхи из кости и бронзы разных размеров бытуют преимущественно в VIII — первой половине VII в. до н.э., а их реплики в раннескифских памятниках встречаются вплоть до VI в. до н.э. (Вальчак, Тарасова, 2005).

**3. Бляхи бронзовые** (два экз.), с неорнаментированным усеченно-сферическим щитком и выступающей дуговидной петлей на обороте из погр. 193 (рис. 4: 2, 3). Эти бляхи могут быть соотнесены с вариантом 1 типа VI (Козенкова, 1998. С. 62. Табл. XX: 8, 9). В предскифских памятниках Северного Кавказа и Восточной Европы подобные бляхи различного диаметра встречаются преимущественно в комплексах VIII–VII вв. до н.э. (Эрлих, 2007. С. 131. Рис. 195: 1–11; Белинский, Дударев, 2015. С. 363).

**4. Ворворка бронзовая**, состоящая из вертикальных двух цельнолитых цилиндрических частей (рис. 4: 4). Найденная в погр. 193 ворворка является характерной деталью амуниции воина и конского снаряжения, относится к типу III, который датируется в пределах VIII–VII вв. до н.э. (Козенкова, 1995. С. 115. Табл. IV: 25, 26).

**5. Кольцо бронзовое** из погр. 193 (**рис. 4: 5**) предположительно является деталью амуниции. Точные аналогии не найдены.

Судя по расположению в погр. 193 описанных выше трех бронзовых блях с выпуклой петлей на обороте, ворворки, и, возможно, бронзового кольца, они могли быть металлическими деталями какой-то конструкции из органического материала. Концентрация этих предметов вокруг биметаллического кинжала (**рис. 2: 1–3, 5–7**) позволяет предположить, что такой конструкцией могла быть лежавшая отдельно от погребенного портупея, предназначенная для его ношения, подобно прослеженным в погребениях могильника Сержень-Юрт восточной кобанской культуры (Козенкова, 2002. С. 51).

**6. Булавки бронзовые** (два экз.), со свернутой в трубочку пластинчатой головкой пластинки и витым стержнем квадратного сечения в верхней части и круглого сечения в нижней (**рис. 10: 5, 6**). Булавки из погр. 12 соответствуют типу VI варианту 2 или типу I варианту 2 и являются наиболее характерной функциональной и декоративной деталью костюма, преимущественно женского, кобанской культурно-исторической области (Козенкова, 1998. С. 65–66. Табл. XXI: 18, 19; Белинский, Дударев, 2015. С. 367. Рис. 261: 3, 6). Время их бытования в предскифский период определяется не ранее конца IX, в пределах VIII–VII вв. до н.э., но продолжают они бытовать и в скифское время, вплоть до V в. до н.э. (Белинский, Дударев, 2015. С. 367; Кадиева и др., 2020а. С. 173–174; 2024. С. 137–142).

**7. Пронижи бронзовые** (два экз.), биконические, пластинчатые, плотно скрученные в спираль из погр. 12 (**рис. 10: 2, 3**). Они являются характерным элементом ожерелий и украшений костюма кобанской культурно-исторической области, соответствуют типу XXXVIII и датируются в пределах X–VII вв. до н.э. (Козенкова, 1998. С. 49. Табл. XIII: 26). В рассматриваемом нами случае, бронзовые булавки и биконические пронижи были найдены компактно возле сосуда, вне скелета погребенного, вероятно, выполняя иную функцию в захоронении.

**8. Бусы** из камня, кости и стекла были найдены в погр. 12 под черепом, за исключением одной гешировой (**рис. 10: 8**), найденной у развала кувшина. Аналогии этой бусине найти не удалось. Расположение остальных позволяет считать их нашивными украшениями головного убора.

Бусы западной кобанской культуры не систематизированы, их описания рассеяны по различным публикациям (см.: Афанасьев, Козенкова, 1981. С. 166–167. Рис. 5: 2–6; 6: 2–4; Козенкова, 2004. С. 128–131. Табл. 45; 46; Кадиева и др., 2020б. С. 175–176. Рис. 4: 1, 2; 2024. С. 140–141. Рис. 3: 1). Типология бус из различного материала была разработана для восточной кобанской культуры (Козенкова, 1982), что позволяет провести сравнительный анализ с находками из других регионов Кавказа.

Гешировая бусина ромбической формы (**рис. 10: 7**) соответствует типу II изделий из смолистых веществ (Там же. С. 61. Табл. XXXVIII: 23). Цилиндрическая бусина из сердолика (**рис. 10: 10**) полностью соответствует типу III изделий из камня (Там же. С. 61. Табл. XXXVIII: 15). Цилиндрические бусины из кости (**рис. 10: 11–13**) могут быть соотнесены с украшениями типа II из соответствующего материала (Там же. С. 60. Табл. XXXVIII: 7). Стекланная бочонковидная бусина (**рис. 10: 9**) находит аналогии среди предметов варианта 2 типа IV (Там же. С. 63. Табл. XXXIX: 26–28).

**9. Кремневые отщепы** (два экз.) были найдены в погр. 194 (**рис. 7: 2, 3**). В погребениях всех трех археологических культур кобанской культурно-исторической области обломки кремня, изделия из него и отщепы редко



встречаются. Некоторые из этих находок являлись орудиями и имели утилитарные функции, другие представляют собой необработанные минералы или отходы производства. Семантика и роль кремневых предметов в погребальном обряде остаются дискуссионными (Козенкова, 1982. С. 9; 1995. С. 19–20; Козенкова и др., 1997. С. 16–17; Марковин, 2002. С. 124–125; Белинский, Дударев, 2015. С. 308).

**10. Астргал** из погр. 194 также не частая находка в погребениях кобанской культурно-исторической области, но, как и кремни, они были учтены и систематизированы в погребальных памятниках Северо-Восточного Кавказа (Козенкова, 1982. С. 66; Марковин, 2002. С. 124).

### Керамика

Сохранившиеся и реставрированные глиняные сосуды из погр. 12 и 194 были расположены перед фронтальной частью скорченных скелетов погребенных, а наиболее крупные из них — перед лицевым отделом черепа, в углах могильной ямы (рис. 6: 1; 9: 1).

**1. Корчагообразный сосуд** из погр. 194 (рис. 7: 5) может быть отнесен ко второй разновидности отдела I (посуда тарно-хозяйственного назначения) 2-й группы, так как на его поверхности сохранились следы лощения (Козенкова, 1998. С. 93–94). Сосуд может быть датирован VIII–VII вв. до н.э.

**2. Кувшин** из погр. 12 (рис. 11: 1) также по морфологическим признакам может быть отнесен к отделу I (Там же. С. 96). Скорее всего, сосуд может быть датирован в пределах VII–VI вв. до н.э.

**3. Кружка** из погр. 12 (рис. 11: 2) относится к отделу II (столовая посуда) и по форме тулова может быть отнесена к разновидности «б», но от большинства известных форм отличается креплением верхнего конца ручки не у венчика, а в верхней части тулова, непосредственно под горлом сосуда (Там же. С. 100–102. Табл. XXXVII: 22, 25, 26). Скорее всего, данный сосуд может быть датирован не ранее VII–VI вв. до н.э.

### Выводы

На основании предложенного анализа можно заключить, что конструкции погребальных сооружений, положение погребенных и погребальный инвентарь погр. 12, 193 и 194, несомненно, позволяет их отнести к памятникам западной кобанской культуры.

Погр. 193 по совокупности всех признаков погребального обряда может быть датировано в пределах VIII — первой четверти VII в. до н.э., но, скорее всего, исключая первую половину VIII в. до н.э. Погр. 194 по тем же признакам, вероятнее всего, занимает аналогичную хронологическую позицию. Дату погр. 12, в первую очередь, по характеру керамического комплекса можно определить не ранее VII–VI вв. до н.э.

### Литература и архивные материалы

#### Архивные материалы

- Березин Я.Б., 1987. Отчет о спасательных археологических работах в урочище Клинь-Яр под г. Кисловодском в 1987 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 12539, 12539а.
- Козенкова В.И., 1976. Отчет о работе Кавминводского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1976 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 6157.
- Кудрявцев Е.А., 2018. Раскопки на объекте археологического наследия «Грушевское городище», VII–III вв. до н.э. в городе Ставрополе в 2018 году // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 61821, 61824, 61826.

- Рунич А.П., 1969. Отчет о полевых исследованиях в районе Кисловодска за 1969 год // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5244.
- Рунич А.П., 1971. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1971 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4633.
- Рунич А.П., 1974. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1974 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5249.

### Литература

- Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И., 1981. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска // СА. № 2. С. 161–177.
- Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2001. О некоторых редких предметах вооружения «предскифского» времени из могильника Клин-Яр III (г. Кисловодск) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / Отв. ред.: М.П. Абрамова, В.И. Марковин. М.: ИА РАН. С. 36–44 (МИАР; № 3).
- Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2007. К датировке комплексов позднейшего предскифского времени Северного Кавказа и Восточной Европы // МИИKNCK. Вып VII. С. 122–135.
- Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2013. Богатое погребение со шлемом ассирийского типа из могильника Нарзанный-2 // МИИKNCK. Вып. XI. С. 181–216.
- Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2015. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа. Ставрополь: Дизайн студия Б. 446 с.; ил.
- Березин Я.Б., 2023. О кобанских подкурганых погребениях Северного Ставрополя // Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона: Материалы конф., посвящ. памяти А.Ю. Скакова / Отв. ред. А.Н. Гей. М.: ИА РАН. С. 48–52.
- Бидзия В.И., Яковенко Э.В., 1974. Киммерийские погребения Высокой Могилы // СА. № 1. С. 148–159.
- Вальчак С.Б., 2005. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронология некоторых кинжалов и мечей предскифского периода // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского / Гл. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 138–160.
- Вальчак С.Б., 2008. Хронология и генезис мечей и кинжалов с рукоятями округлого сечения в предскифский период (VIII–VII вв. до н.э.) // Военная археология: Сб. материалов семинара при ГИМ / Отв. ред. О.В. Двуреченский. М.: ГИМ. Вып. 1. С. 6–25.
- Вальчак С.Б., 2009. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. М.: Таус. 292 с.
- Вальчак С.Б., 2016а. Предскифская археология Восточной Европы и некоторые памятники Закавказья // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти М.Н. Погребовой / Отв. ред.: А.С. Балахванцев, С.В. Куланда. М.: ИВ РАН. С. 28–41.
- Вальчак С., 2016б. Бронзовые кованые шлемы предскифского периода на Кавказе // Revista Arheologica, serie noua. Vol. XII. Nr. 1–2. С. 128–144.
- Вальчак С.Б., Скаков А.Ю., 2003. Дигорские «пекторали» предскифского периода // РА. № 3. С. 114–22.
- Вальчак С.Б., Тарасова Н.В., 2005. Четырехлепестковые бляшки-розетки в предскифских памятниках Восточной Европы // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тез. и докл. / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ. С. 29–31.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П., 1980. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 184–199.
- Гриневич К.Э., 1951. Новые данные по археологии Кабарды // МИА. № 23. С. 128–139.
- Дударев С.Л., 1991. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный: Чечено-Ингушск. гос. ун-т им. Л.Н. Толстого. 120 с.; ил.
- Дударев С.Л., 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX — первая половина VII в. до н.э.). Армавир: Армавир. гос. пед. ун-т. 406 с.
- Дударев С.Л., 2004. Белореченский 2-й могильник — памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных вод // МИАСК. Вып. 3. С. 15–100.

- Кадиева А.А., Вальчак С.Б., Демиденко С.В., 2020а. Мужские погребения предскифского времени в вытянутом положении на могильнике Зауково-3 (по материалам раскопок объединенной Северокавказской археологической экспедиции ГИМ, КБГУ и ИА РАН в 2015 г.) // КСИА. Вып. 258. С. 165–180.
- Кадиева А.А., Вальчак С.Б., Демиденко С.В., 2020б. Мужские погребения предскифского времени с керамическими наборами на могильнике Зауково-3 // КСИА. Вып. 261. С. 166–181.
- Кадиева А.А., Вальчак С.Б., Демиденко С.В., 2024. Погребение с бронзовыми пластинами финала предскифской эпохи из могильника Зауково-3 // КСИА. Вып. 274. С. 132–146.
- Козенкова В.И., 1975. К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа // *Studia Thracica*. 1. Фрако-скифские культурные связи. София. С. 91–102.
- Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука. 176 с. (САИ; Вып. В2-5).
- Козенкова В.И., 1986. Пседахский могильник кобанской культуры (по раскопкам 1976–1977 гг.) // Новое в археологии Северного Кавказа / Отв. ред. В.И. Марковин. М.: Наука. С. 134–158.
- Козенкова В.И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант. М.: Наука. 196 с. (САИ; Вып. В2-5, т. 3).
- Козенкова В.И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М.: ИА РАН. 166 с. (САИ; Вып. В2-5, т. 4).
- Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: ИА РАН. 200 с. (САИ; Вып. В2-5, т. 5).
- Козенкова В.И., 2002. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы — раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. М.: Памятники исторической мысли. 232 с. (МИИKNCK; Вып. III).
- Козенкова В.И., 2004. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII — VIII в. до н.э. М.: Памятники исторической мысли. 220 с. (МИИKNCK; Вып. V).
- Козенкова В.И., Сосранов Р.С., Черджиуев Э.Л., 1997. К вопросу о междокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии) // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / Отв. ред.: Р.М. Мунчаев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН. С. 14–18 (МИАР; № 1).
- Марковин В.И., 2002. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-су (Северо-Восточный Кавказ) М.: Наука. 154 с.
- Махортых С.В., 1997. Происхождение и хронология бронзовых ножей Северного Кавказа X–VIII вв. до н.э. // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / Отв. ред.: Р.М. Мунчаев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН. С. 4–13 (МИАР; № 1).
- Прокопенко Ю.А., Кравцова С.Л., 2020. Коллекция предметов эпохи бронзы и раннего железного века из Ставропольского государственного музея-заповедника (собрание Г.Н. Прозрителева) // ИИKNCK. Вып. 12–13. С. 21–39.
- Рябкова Т.В., 2010. Чешуйчатые панцири раннескифского времени // АСГЭ. № 38. С. 87–106.
- Скаков А.Ю., Эрлих В.Р., 2005. О хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского / Гл. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 201–227.
- Скаков А.Ю., Журавлев Д.В., 2018. Новая находка шлема и пекторали предскифского времени на Кавказе (предварительное сообщение) // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье / Отв. ред.: Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: ИП Шлепнев М.В. С. 279–281.
- Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев: Наукова думка. 224 с.
- Флеров В.С., Дубовская О.Р., 1993. Мужские погребения кобанского могильника Клиньяр III в г. Кисловодске // Вестник Шелкового пути. Археологические источники.

Вып. 1 / Отв. ред.: И.С. Каменецкий, С.А. Узянов. М.: Российский фонд культуры. С. 262–303.

Эрлих В.Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.: Гос. музей Востока. 180 с.

Эрлих В.Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука. 430 с.

Тончева Г., 1980. Nécropole tumulaire près du village Belogradec du VII-e s. av. n.èrè // Thracia. Vol. V. P. 5–52.

## Burials with weapons necropolis of the Grushevsky settlement

Sergey B. Valchak<sup>7</sup>, Konstantin A. Krutogolovenko<sup>8</sup>,  
Evgeny A. Kudryavtsev<sup>9</sup>

The article presents three newly discovered burials of the Koban cultural and historical region, located at the Grushevsky settlement burial ground in Stavropol. The burial inventories included items representing various categories of weapons and their individual components. Based on extensive analogies, the unequivocal attribution of the burials to the monuments of the Western Koban culture, as well as their chronological position, has been established.

**Keywords:** *North Caucasus, Koban culture, pre-Scythian period, funeral rite, armament*

7 Sergey B. Valchak — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: valchaks@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9573-5928.

8 Konstantin A. Krutogolovenko — Krasnodar Regional Branch of All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, 6 Krasnoarmeyskaya St., Krasnodar, 350063, Russian Federation; e-mail: cost-85@mail.ru.

9 Evgeny A. Kudryavtsev — North Caucasus Federal University, 1 Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation; Archaeologist LLC, 49 Ipatova St., Stavropol, 355008, Russian Federation; e-mail: stavr-68@mail.ru.

## О кобанских подкурганных погребениях северного Ставрополя<sup>1</sup>

Я.Б. Березин<sup>2</sup>

*В статье вводится в научный оборот небольшая серия вновь раскопанных погребений из курганного могильника «Солнечнодольск-4» на северном Ставрополе. Захоронения совершены по обряду западной кобанской археологической культуры, но впущены в степные курганы эпохи бронзы. В инвентаре присутствуют керамические сосуды, бронзовые украшения, каменный молоток. Погребения датируются VIII–V вв. до н.э. Вероятно, появление таких комплексов можно интерпретировать как захоронения групп населения позднекобанской культуры, продвинувшихся глубоко в степь и перешедших полностью или частично на мобильный образ жизни в виде кочевого или полукочевого скотоводства.*

**Ключевые слова:** северное Ставрополье, ранний железный век, курганы, погребения, западнокобанская культура

<http://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-478-4.183-193>

Погребальные памятники кобанской культуры Северного Кавказа на всех этапах ее существования преимущественно представлены грунтовыми могильниками с различными типами погребальных сооружений: каменные ящики, грунтовые могилы, многочисленные варианты ям с самого разного рода каменным оформлением. Вместе с тем, параллельно с грунтовыми погребениями иногда на одном и том же могильнике присутствовали и более редкие подкурганные погребения. Это было отмечено Е.И. Крупновым в его монографии о кобанской культуре Северного Кавказа (Крупнов, 1960. С. 176) и более подробно рассмотрено В.И. Козенковой. В западной кобанской культуре она насчитывает около 10% подкурганных погребений от общего количества учтенных для периода XII — начала VII в. до н.э. и несколько меньшую долю — для периода середины VII — IV в. до н.э. (Козенкова, 1989. С. 71–72. Табл. 1; 2). Характерно, что во всех случаях, когда имеется достоверная информация, речь идет об основных, чаще всего единственных погребениях под небольшой (редко более 10–12 м диаметром) насыпью. Нормой является наличие в насыпи каменных конструкций.

В области дискуссий какое-то время был вопрос о культурной принадлежности памятников типа Нартановского могильника (Батчаев, 1985.

1 Статья представляет собой дополненный, переработанный и иллюстрированный текст доклада, прочитанного на конференции «Связи и взаимодействия культур Циркумпонтийского региона», ИА РАН, 2023 г. (Березин, 2023).

2 Яков Борисович Березин — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, Москва, 125009, Российская Федерация; e-mail: yakov\_berezin@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0417-4668.

С. 53–54). Однако сейчас представляется более вероятным связь их со скифской культурой, хотя и испытавшей мощнейшее кобанское влияние, особенно в составе вещевого комплекса. В настоящее время связь могильников этого типа со скифами убедительно доказана блестящими раскопками могильника Новозаведенное III в Георгиевском р-не Ставропольского края (Канторович, Маслов, 2017. С. 132–133).

Вместе с тем, известны немногочисленные впускные захоронения предскифского и раннего скифского времени, впущенные в курганы эпохи бронзы: Садовый 1/6<sup>3</sup> Моздокского р-на Северной Осетии (Козенкова и др., 1997), Веселая Роща 14/1 (Дударев, 1999. С. 42–44), Курсавский 3 1/8 (Маслов, 2015), Бородыновка III 3/15 (Березин С., Маслов, 2017), Прогресс 2 1/1 (Березин С., Маслов, 2016). Погребальный обряд и инвентарь этих захоронений имеют синкретичные черты, что позволяет исследователям относить их как к кругу собственно кобанских памятников (Козенкова и др., 1997. С. 17), так и считать захоронениями «подвижных групп пришлых скотоводов» (Березин С., Маслов, 2017. С. 180). Степных подкурганых захоронений предскифского времени в Предкавказье немного, и хотя их число постоянно пополняется (см.: Березин Я., 2025), интересен каждый новый комплекс.

В 2020 г. экспедицией ООО «Археос» (г. Ставрополь) было исследовано пять курганов могильника Солнечнодольск-4, расположенного на северо-западном склоне Ставропольской возвышенности, в месте перехода последней в предкавказские степи (рис. 1). Могильник был основан в среднем бронзовом веке и функционировал вплоть до раннего Средневековья. В ходе раскопок были обнаружены четыре погребения, относящиеся к интересующей нас группе (рис. 2–8). Один комплекс Солнечнодольск-4 3/5 был опубликован: он датирован второй половиной — последней третью VIII в. до н.э. и отнесен к западной кобанской культуре (Березин Я., Маслов, 2022). Многочисленные аналогии в инвентаре указывают на возможное исходное место миграции — южная часть района Кавминвод, Кисловодская котловина.

Остальные три исследованных погребения (Солнечнодольск-4, 1/2, 4/3 и 4/11) имеют несколько общих черт в погребальном обряде, все они скорченные на боку, хотя ориентировка различная.

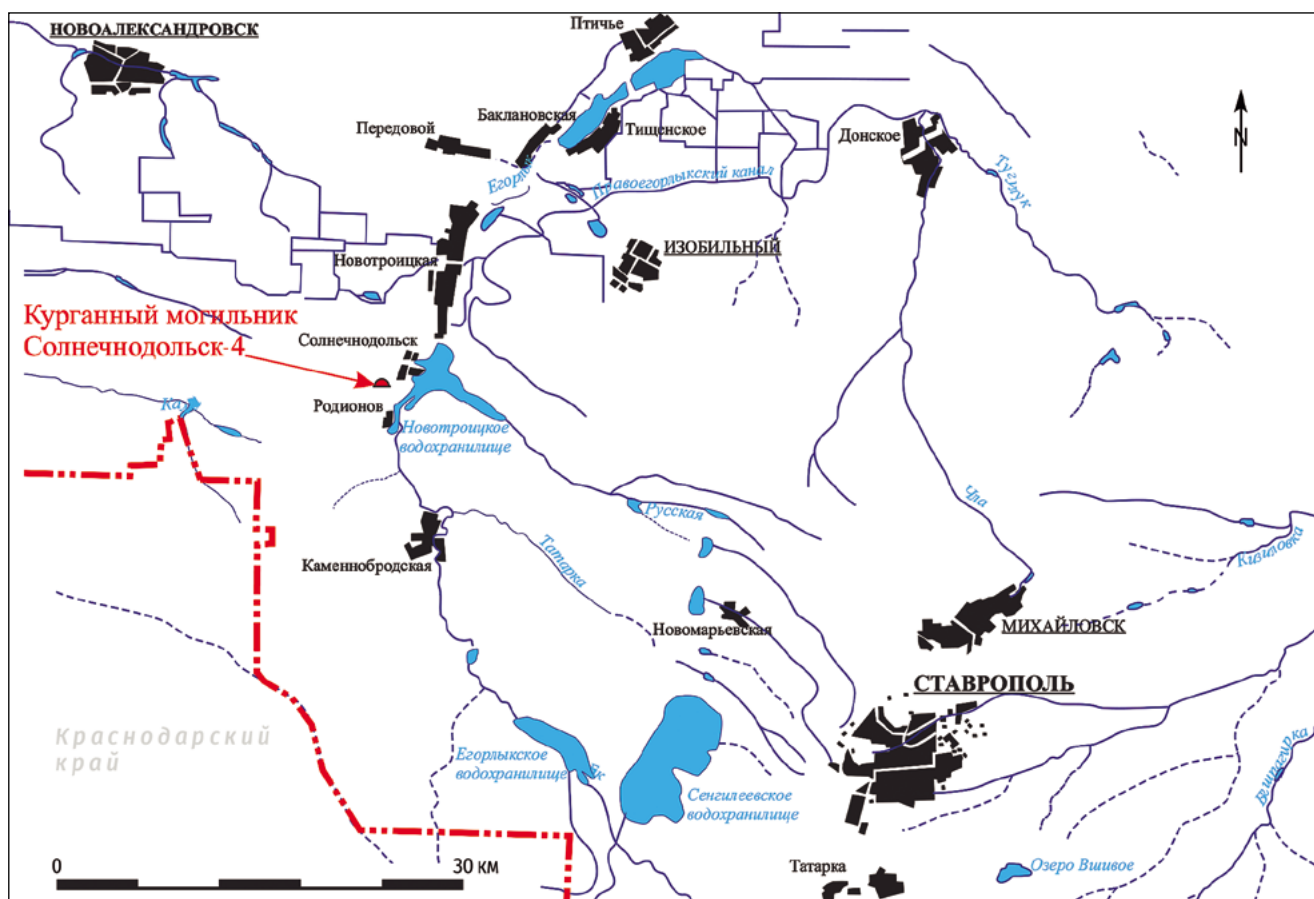
### Солнечнодольск-4 1/2

Погребение впускное. Форма погребального сооружения не определена. Находилось в центральной части кургана, уровень фиксации — 0,81–0,89 м. Обнаружено во время работы техники по камням выкладки и костям погребенного. Из-за расположения захоронения в предматериковом слое (очень плотном сером гумусированном грунте) контуры могильной ямы выявить не удалось.

Каменная выкладка находилась вплотную (выше) с запада к погребению, на глубине 0,45–0,68 м. Она состояла из пяти небольших плиток местного камня — ракушечника. Три из них образовывали кладку в три ряда и еще две плитки находились с ЮЗ и СВ. Размеры: общая длина конструкции — 0,65 м; максимальные размеры плитки — 0,20×0,35 м; минимальные —

---

3 Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем — номер погребения: Садовый 1/6 соответствует Садовый курган 1, погребение 6.



0,11×0,16 м; толщина — 0,05–0,08 см. Возможно, они первоначально составляли надмогильный знак, установленный в головах погребенного (рис. 2).

Погребение одиночное. Принадлежало, скорее всего, женщине 20–25 лет<sup>4</sup>. Сохранность костей удовлетворительная. Погребенная была уложена слабоскорченно, на правом боку, головой на запад, с небольшим отклонением к югу. Череп — на правой височной части, лицом на юг (рис. 2). Кости позвоночника, грудной клетки и таза уверенно фиксировались в положении «на правом боку», позвоночник вытянут в линию. Правая рука вытянута перед корпусом по направлению к коленным суставам, кисть отсутствовала. Левая рука: предплечье лежало на костях грудной клетки, рука согнута в локте под тупым углом, кисть протянута к коленным сгибам. Ноги согнуты. Бедренная кость правой образовывала прямой угол с линией позвоночника, нога согнута в колене под углом чуть меньшим прямого, стопа в положении «на боку». Бедренная кость левой ноги образовывала тупой угол с линией позвоночника, нога согнута в колене под углом чуть большим прямого, часть стопы утрачена. Скорее всего, она также была в положении «на боку». Бедренная кость левой ноги лежала на бедренной и берцовых костях правой. Тленов, пигментов в погребении не зафиксировано.

**Инвентарь.** Сосуд керамический, кружка (рис. 3). Находилась внутри угла, образованного правой ногой погребенного. Лежала на боку, дном на север. Сосуд лепной плоскодонный, одноручный. Дно узкое, тулово выраженной биконической формы, горловина высокая, суживающаяся в центральной

**Рис. 1.** Местоположение могильника Солнечнодольск-4

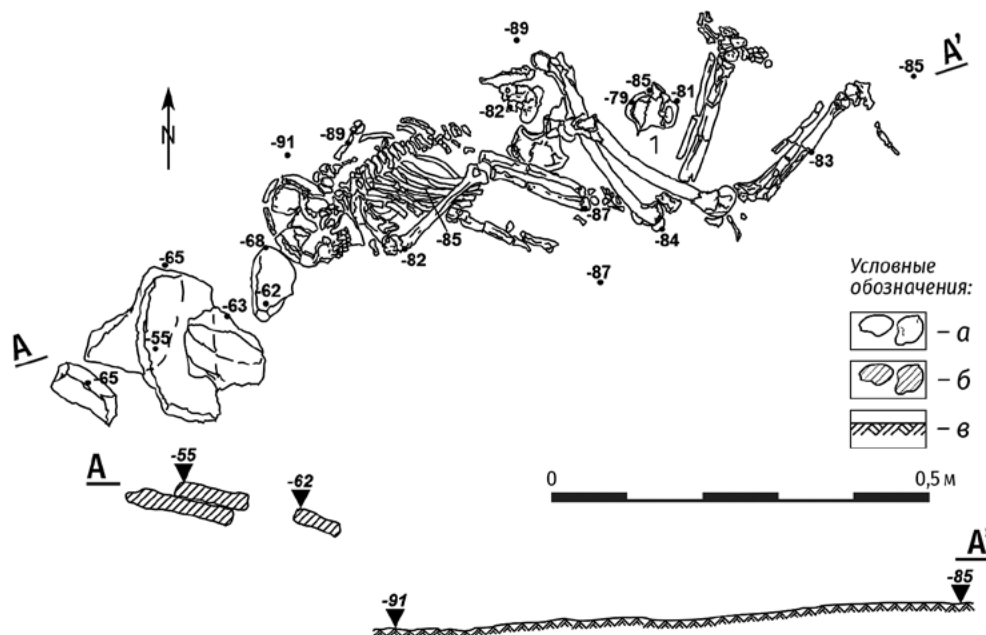
**Fig. 1.** Location of Solnechnodolsk-4 burial ground

4 Половозрастные определения выполнены к.б.н, ст. науч. сотрудником НИИ и Музея антропологии МГУ Н.Я. Березиной.



**Рис. 2.** Могильник Солнечнодольск-4. Курган 1, погребение 2. План, разрез: 1 — керамический сосуд. Условные обозначения: а — камень; б — камень в разрезе; в — материк

**Fig. 2.** Solnechnodolsk-4 burial ground. Mound 1, burial 2. Plan, section: 1 — ceramic vessel. Legend: a — stone; б — stone in section; в — natural ground



части. Венчик слабо отогнут наружу, верх округлен. Ручка овальная в сечении, крепится к верху венчика и чуть выше наиболее широкой части тулова. Поверхность серо-черная, тщательно заглажена. Размеры: высота — 10,8 см; диаметр дна — 3,6 см; диаметр венчика — 7,5 см.

Серолощенная биконическая кружка имеет многочисленные аналогии в западнокобанских памятниках скифского времени: Этокский, Минераловодский и другие могильники Пятигорья (Виноградов, 1972. Рис. 15; 23; 24). Целый ряд подобных сосудов обнаружен при раскопках Нартанских курганов № 5, 7, 11, 20 и др. в Кабардино-Балкарии в 1978–1979 гг. (Батчаев, 1985. Табл. 19: 4; 23: 5; 31: 6; 48: 48). Очень близкие по форме сосуды с характерной «коленчатой» ручкой найдены также в погребениях Минераловодского могильника (Березин Я., Прокопенко, 2024. С. 63, 96. Рис. 15; 66: А, 1). В целом, датировка подобных кружек, как и погребения в целом, находится в пределах VI–V вв. до н.э. и особых сомнений не вызывает.

Из сохранившихся элементов погребального обряда отметим два: каменное оформление могилы и нестандартные детали положения скелета. Выкладки в один-три слоя из тонких плиток над погребениями в грунтовых ямах совершенно обычны для погребений кобанской культуры всего периода ее существования (Козенкова, 1989. С. 72–73). К сожалению, в нашем случае не удалось точно установить, находились ли плитки над всем по-

**Рис. 3.** Могильник Солнечнодольск-4. Курган 1, погребение 2. Керамический сосуд

**Fig. 3.** Solnechnodolsk-4 burial ground. Mound 1, burial 2. Ceramic vessel



гребением или только у головы. В последнем случае они могли выполнять роль маркера могилы или своего рода алтарика — места совершения поминальных действий. Это тем более вероятно, что верхняя часть выкладки находилась более чем в 0,30 м выше дна погребения. Учитывая, что ее верх явно был снесен вспашкой, эта разница в уровнях первоначально была больше.

Скелет располагался в стандартной для «кобанцев» скорченной позе. В то же время обращают на себя внимание слабая степень скорченности и положение рук кистями к коленным сгибам. Такая поза в целом является малохарактерной в ареале кобанской культуры, тем не менее, регулярно (хотя редко) встречается в могильниках Пятигорья (Белореченский 2, Березовский 1, Индустрия 1) (Козенкова, 1989. С. 79; Дударев, 2004. С. 34. Рис. 3/В: 1–5). Отметим, что такая же поза покойного зафиксирована и в опубликованном нами более раннем комплексе Солнечнодольск-4 5/3 (Березин Я., Маслов, 2022. С. 96).

### Солнечнодольск-4 4/3

Погребение впускное. Находилось в центральной части кургана. Форма могильной ямы не определена. Уровень фиксации — 0,70 м. Обнаружено по костям погребенного во время работы техники. Контуры могильной ямы в очень плотном сером грунте насыпи выявить не удалось. Дно погребения было определено по нижнему уровню залегания костей, на уровне 0,80–0,83 м.

Погребение одиночное. Захоронен взрослый, возрастом 40–59 лет. Скелет лежал скорченно, на правом боку, головой на север (рис. 5). Степень скорченности очень сильная, скелет буквально согнут в кольцо. Череп располагался на правом виске, лицевой частью на запад. Кости грудной клетки позвоночника и таза располагались в положении «на правом боку». Руки согнуты в локтевых сгибах так, что кисти совмещены и находятся перед лицевой частью черепа. Ноги подтянуты к тазовым костям, бедренные кости и кости голеней лежали параллельно друг другу. Кости стоп сильно повреждены, скорее всего, они также находились в положении «на боку». Сохранность костей плохая. В заполнении погребения обнаружены отдельные фрагменты древесного тлена, однако характер перекрытия не восстанавливается.

**Инвентарь.** Два фрагмента керамики найдены в районе поясницы погребенного (рис. 5: 1, 2).

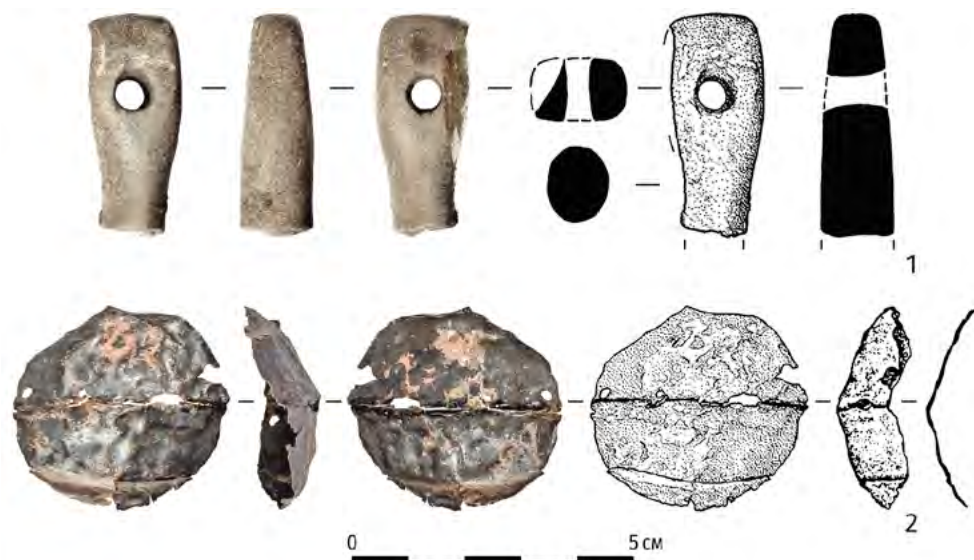
1. Фрагмент стенки керамического сосуда (находка 1), темно-серого цвета, поверхность шероховатая (рис. 6: 1). На внешней поверхности имеются ряды крупных округлых вдавлений. В тесте — песок. Размеры — 4,0×3,4 см; толщина стенок — 0,6–0,7 см.

2. Фрагмент венчика с частью стенки керамического сосуда (находка 2), темно-серого цвета, поверхность шероховатая (рис. 6: 2). Горловина практически вертикальная, венчик выделен небольшим валиком. В тесте — песок. Размеры — 4,0×2,9 см; толщина стенок — 0,5–0,8 см.

Это погребение условно отнесено к рассматриваемой группе. Скорченная поза погребенного с руками, сложенными перед лицом, является основной для западной части ареала кобанской культуры, а сильная скорченность характерна для ее ранних этапов (Козенкова, 1989. С. 79, 113. Табл. 14). Фрагмент керамики с глубокими насечками по технологии изготовления, скорее всего, относится к раннему железному веку, а глубокие насечки

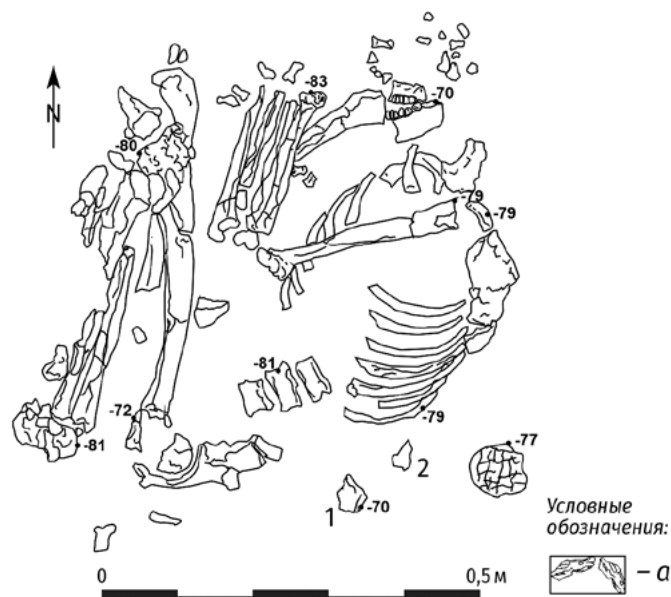
**Рис. 4.** Могильник Солнечнодольск-4. Курган 4. Отдельные находки:  
1 — молоток; 2 — нашивка.  
1 — камень; 2 — бронза

**Fig. 4.** Solnechnodolsk-4 burial ground. Mound 4. Individual finds:  
1 — hammer; 2 — plaque.  
1 — stone; 2 — bronze



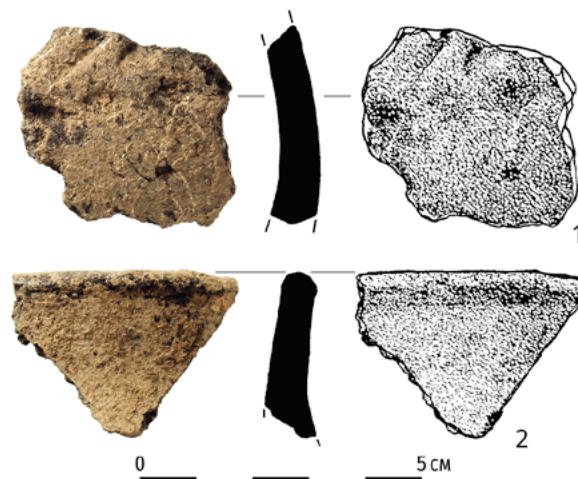
**Рис. 5.** Могильник Солнечнодольск-4. Курган 4, погребение 3. План:  
1, 2 — фрагменты керамики.  
Условные обозначения:

**Fig. 5.** Solnechnodolsk-4 burial ground. Mound 4, burial 3. Plan:  
1, 2 — ceramic fragments.  
Legend: a — remains of wood decay



**Рис. 6.** Могильник Солнечнодольск-4. Курган 4, погребение 3. Инвентарь:  
1, 2 — фрагменты керамики

**Fig. 6.** Solnechnodolsk-4 burial ground. Mound 4, burial 3. Inventory:  
1, 2 — ceramic fragments



и вдавления были одним из ведущих типов орнамента на западной кобанской керамике (Там же. Табл. X–XIV). Вместе с тем, есть вероятность отнесения данного захоронения к позднему бронзовому веку.

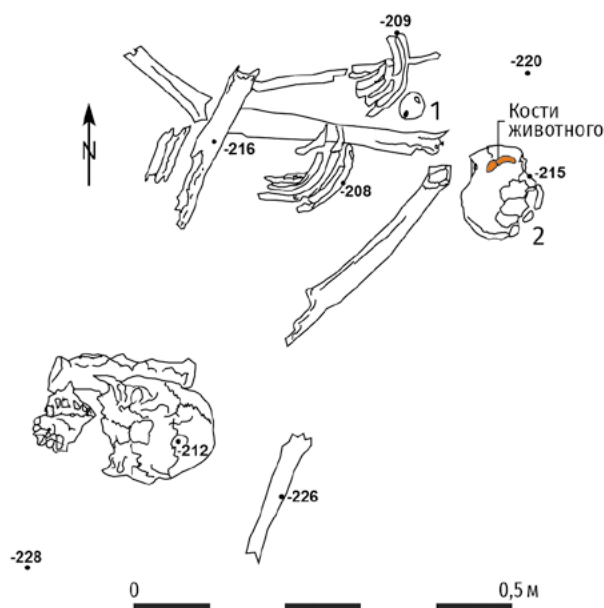
Обряд рассматриваемого солнечнодольского погребения полностью повторяет обряд захоронения 15 Эльхотовского могильника в Северной Осетии. Разница лишь в том, что эльхотовский погребенный был уложен на левый бок (Чишев, 2022. Прил. 2. С. 226. Рис. 1). Автор раскопок считает его самым древним погребением могильника и датирует началом — серединой IX в. до н.э. (Там же. С. 85–86).

#### Солнечнодольск-4, 4/11

Погребение впускное. Форма могильной конструкции не определена. Находилось в западной поле кургана. Уровень фиксации — 2,08 м. Обнаружено во время работы техники по костям. Пятно заполнения могильной ямы не читалось в сером, плотном однородном гумусированном грунте.

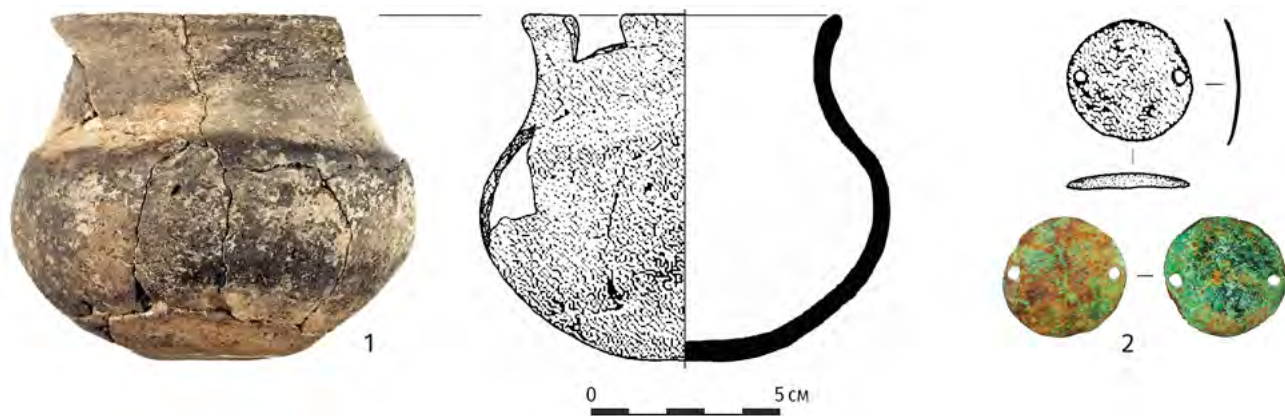
Кости располагались двумя группами (рис. 7). Северную группу, занимавшую площадь ~0,40×0,60 м, составляли крупные кости конечностей с обломанными эпифизами, ребра. Любопытно, что ребра залегали двумя группами, каждая из которых находилась в анатомическом порядке. Собранные кости принадлежали «зрелому-пожилому» взрослому. В 0,10–0,15 м южнее описанной группы костей лежал череп без нижней челюсти. Он располагался на теменной части верхней челюстью вверх, лицевой частью на запад. В 0,10 м на восток от черепа находилась еще одна кость конечности. Верхний уровень залегания костей составлял 2,08–2,12 м, нижний — 2,20–2,28 м. Позвонков, ключиц, костей грудины, тазовых костей, мелких костей стоп и кистей, нижней челюсти не найдено. Характер захоронения не ясен. Отсутствие ряда мелких костей позволяет предположить перезахоронение, однако весомых доказательств этого нет.

**Инвентарь.** 1. Сосуд керамический, кубок (?). Найден у восточного края северного скопления костей, стоял вертикально, на дне. Раздавлен грунтом. Сосуд лепной, плоскодонный, вероятно, без ручки (рис. 8: 1). Дно узкое, плоское. Тулово уплощенно-шаровидное, горловина высокая. Венчик слабо отогнут наружу, верх округлен. Поверхность сосуда коричневого цвета,



**Рис. 7.** Могильник Солнечнодольск-4. Курган 4, погребение 11. План: 1 — сосуд; 2 — нашивка  
**Fig. 7.** Solnechnodolsk-4 burial ground. Mound 4, burial 11. Plan: 1 — vessel; 2 — plaque





**Рис. 8.** Могильник Солнечнодольск-4. Курган 4, погребение 11. Инвентарь: 1 — сосуд; 2 — нашивка. 1 — керамика; 2 — бронза

**Fig. 8.** Solnechnodolsk-4 burial ground. Mound 4, burial 11. Inventory: 1 — vessel; 2 — plaque. 1 — ceramics; 2 — bronze

покрыта пятнами копоти и вторичного прокала, заглажена. Тесто с примесью кварцевого песка и дресвы. До 1/3 фрагментов сосуда утрачено. Размеры: высота — 9,1 см; диаметр венчика — 8,5 см; диаметр дна — 3 см.

2. Бляшка-нашивка бронзовая (**рис. 8: 2**). Обнаружена в 0,10 м на СЗ от сосуда, среди костей. Вырезана из тонкого бронзового листа; имеет округлую, не совсем правильную форму, слабо вогнута. По краям — два симметрично расположенных сквозных отверстия. Диаметр нашивки — 3,1–3,3 см.

Это погребение потревожено, ясно лишь, что изначально скелет лежал в скорченном положении. Круглодонный кубок из этого погребения имеет прекрасные аналогии с кубками первой группы, вариант «б» (по С.Л. Дудареву) керамического комплекса могильника Клинь-Яр III (*Белинский, Дударев, 2015. С. 292–294. Рис. 231*). Подавляющее большинство погребений с подобными кубками датируются позднейшим предскифским — раннескифским временем, не позже середины VII в. до н.э. (Там же. С. 296). Круглые пластинки с отверстиями, выполненные из тонкого бронзового листа, являются одним из наиболее характерных атрибутов западного кобанского женского костюма, использовались в течение достаточно длительного времени (*Козенкова, 1998. С. 61; Дударев, 2004. С. 46–47*). Следует отметить, что найденная в ходе раскопок в насыпи этого же кургана еще одна такая же пластинка вполне может происходить из данного погребения (**рис. 4: 2**). Чаще всего в наборах — они парные.

Необходимо отметить находку в насыпи этого кургана фрагмента каменного молотка (**рис. 4: 1**). Его можно отнести к типу II, варианту 3, по классификации С.Л. Дударева (*Дударев, 1999. С. 113*). Они отнесены С.Л. Дударевым к наиболее позднему отрезку предскифского периода, отмечается прочная связь находок топоров-молотков и молотков с Центральным и Северо-Западным Предкавказьем, откуда и происходит подавляющее большинство находок (Там же. С. 115). Несколько позже, при рассмотрении материалов могильника Клинь-Яр III (каменный молоток из погр. 19) С.Л. Дударев и А.Б. Белинский удрешили датировку подобных молотков до IX — первой половины VIII в. до н.э. (*Белинский, Дударев, 2004. С. 339–340. Рис. 251: 1*). Отметим, что рассматриваемый молоток имеет большое сходство с клинь-ярским в форме цилиндрического обушка, заметного расширения на уровне сверлины и сходящим на клин острием. К сожалению, эта часть солнечнодольского молотка обломана, но тенденция к сужению прослеживается четко.

На сегодняшний день боевые молотки уже не могут рассматриваться как этнокультурный признак, связанный с определенной археологической культурой (*Березин С., Маслов, 2017. С. 177–178*). Можно присоединиться

к мнению В.Р. Эрлиха, считавшего подобные предметы знаком статуса и принадлежности к воинской субкультуре (Эрлих, 2007. С. 107). В то же время нельзя отрицать широкую распространенность каменных цилиндрических молотков во всем ареале кобанской культуры (Белинский, Дударев, 2015. С. 337).

### Результаты и обсуждение

Можно констатировать, что погребения в солнечнодольских курганах совершались в течение довольно длительного времени: от VIII до V в. до н.э., будучи в то же время весьма малочисленными. Два погребения Солнечнодольск-4 3/5 и 4/11, а также отдельная находка (каменный молоток) связаны с предскифским временем в пределах VIII — начала VII в. до н.э., погребение Солнечнодольск-4 2/1 является более поздним и относится к VI–V вв. до н.э.

В связи с этим вернемся к местоположению могильника. Он находится на склоне Ставропольской возвышенности, которая, начиная с предскифского времени, была занята наиболее северной филиацией западной кобанской культуры. В начале 1980-х гг. масштабные разведки на Ставропольской возвышенности проводил Н.А. Охонько, выявивший ряд кобанских поселений, до сих пор практически не подвергавшихся раскопкам (Охонько, 1988. С. 249–251). Тем не менее, мы можем уверенно констатировать наличие на Ставропольской возвышенности значительного западнокобанского населения как для предскифского, так и скифского времени. По мнению Н.А. Охонько, самые ранние кобанские поселения Ставропольской возвышенности по керамическому облику близки к одновременным памятникам Кавминвод (Там же. С. 250). Раскопками 2007 г. и 2018–2022 гг. Грушевского поселения и могильника на юго-западной окраине Ставрополя исследованы десятки тысяч квадратных метров культурного слоя и свыше 500 погребений (В.Н. Галаева, Е.А. Кудрявцев, С.В. Мячин, В.А. Бабенко, С.Н. Савенко, Т.А. Габуев и др.). К сожалению, выявленные материалы пока далеки от публикации, и отчеты сделаны далеко не по всем завершенным работам (Савенко, 2022. С. 24–30). Тем не менее, на основании работ как последней четверти XX в., так и современных, можно считать установленным, что центральная часть Ставропольской возвышенности была прочно освоена «кобанцами», по крайней мере с VIII в. до н.э. (Охонько, 1988. С. 249–250; Дударев, Савенко, 2024а. С. 132; 2024б). Есть также веские основания предполагать, что это произошло на век–полтора раньше (Дударев, Захаров, 2022. С. 26).

Расстояние от Солнечнодольска до Грушевского поселения по прямой составляет всего ~45 км. То есть западнокобанское население жило в условиях постоянных и плотных контактов (нужно думать, самого разного рода) с кочевавшими в Предкавказье степняками, кем бы они не были. Одним из последствий таких контактов могло быть образование, по мнению В.И. Козенковой, «особых военизированных групп горского населения» (Козенкова и др., 1997. С. 17). Подобные группы должны были защищать интересы горского населения при использовании степных пастбищ. Подобные мысли, хотя и не столь концентрировано выраженные, высказывались ранее и В.Б. Виноградовым (Виноградов, 1972. С. 84–85). Об этом же, хотя и с другого ракурса, писал С.Л. Дударев, допускающий «распространение некоторых [кочевнических. — Я.Б.] черт погребальной обрядности в местной среде» (Дударев, 1999. С. 178).

Материальным отражением существования групп «кобанцев», интегрировавшихся в кочевую среду, но не потерявших плотных связей со своими оседлыми сородичами, могут быть рассмотренные выше захоронения, а также ранее опубликованный комплекс (Березин Я., Маслов, 2022). Большинство деталей традиционного погребального обряда и инвентаря сохраняется, но сами захоронения уже впускаются в степные курганы, возможно, как знак перехода умерших к несколько иному образу жизни. Симптоматично, что большинство этих захоронений датируется предскифским временем, когда подошедшим к степи «кобанцам» еще не противостояла организованная военно-политическая сила. С появлением здесь во второй половине VII в. до н.э. скифов ситуация изменилась.

### Литература и архивные материалы

#### Архивные материалы

Савенко С.Н., 2022. Отчет о раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Грушевское городище» в городе Ставрополе в 2021 году // НОА. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1.

#### Литература

- Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2: Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н.э. — II в. н.э.). Нальчик: Эльбрус. С. 7–115.
- Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2015. Могильник Клинь-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа. Ставрополь: Дизайн-студия Б. 446 с.; ил.
- Березин С.Я. Маслов В.Е., 2016. «Раннескифское» погребение в могильнике Прогресс-2 // КСИА. Вып. 245, ч. I. С. 191–203.
- Березин С.Я. Маслов В.Е., 2017. Воинское предскифское погребение близ г. Железноводск // КСИА. Вып. 249, ч. I. С. 174–187.
- Березин Я.Б., 2023. О кобанских подкурганых погребениях Северного Ставрополя // Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона: Материалы конф., посвящ. памяти А.Ю. Скакова / Отв. ред. А.Н. Гей. М.: ИА РАН. С. 48–52.
- Березин Я.Б., 2025. Курганный могильник Прудовый 1 в северо-восточном Ставрополье // Вестник КБИГИ. № 1 (64), Нальчик. В печати.
- Березин Я.Б. Маслов В.Е., 2022. Кобанское погребение близ Солнечнодольска // КСИА. Вып. 267. С. 85–101.
- Березин Я.Б. Прокопенко Ю.А., 2024. Минераловодский могильник VI–IV вв. до н.э. Ставрополь: Изд-во Северо-кавказск. фед. ун-та. 136 с.
- Виноградов В.Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чечено-Ингушск. кн. изд-во. 389 с.
- Дударев С.Л., 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX — первая половина VII в. до н.э.). Армавир: Армавир. гос. пед. ун-т. 406 с.
- Дударев С.Л., 2004. Белореченский 2-й могильник — памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных Вод // МИАСК. Вып. 3. С. 15–100.
- Дударев С.Л. Захаров В.А., 2022. Новые находки кобанской культурно-исторической общности с территории Ставрополя // Восемнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (тез. и докл.) / Отв. ред. С.Л. Дударев. Армавир: Дизайн-Студия Б. С. 23–28.
- Дударев С.Л. Савенко С.Н., 2023. О новых находках предскифского времени с территории Ставропольского края // Девятнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (ст. и тез. докл.) / Отв. ред. С.Л. Дударев. Армавир: Дизайн-студия Б. С. 19–24.
- Дударев С.Л. Савенко С.Н., 2024а. Драматическое свидетельство киммерийско-кавказского взаимодействия: о погребении № 1 могильника на Грушевском городище (раскопки 2021 г.) // 120 лет Пятигорскому краеведческому музею: Материалы му-



- зейно-науч. семинаров, 5–6 июня и 10–11 ноября 2023 г. / Ред. С.Н. Савенко. Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах. С. 123–135.
- Дударев С.Л., Савенко С.Н., 2024б. Находка железного наконечника копья с двумя отверстиями в лопасть в могильнике Грушевского городища // Двадцатые чтения по археологии средней Кубани (ст. и тез. докл.) / Ред. С.Л. Дударев. Армавир: Дизайн-студия Б, С. 27–35.
- Канторович А.Р., Маслов В.Е., 2017. Могильник Новозаведенное-III как свидетельство пребывания скифов в Центральном Предкавказье в конце V — IV в. до н.э. // Исторические исследования. № 8 (2017). С. 107–139.
- Козенкова В.И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант. М.: Наука. 196 с. (САИ; Вып. В2-5, т. 3).
- Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: ИА РАН. 200 с. (САИ; Вып. В2-5, т. 5).
- Козенкова В.И., Сосранов Р.С., Черджиев Э.Л., 1997. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии) // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / Отв. ред.: Р.М. Мунчаев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН. С. 14–18 (МИАР; № 1).
- Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР. 519 с.
- Маслов В.Е., 2015. Черногоровское погребение в Центральном Предкавказье // КСИА. Вып. 241. С. 95–103.
- Охонько Н.А., 1988. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь: Ставропольск. кн. изд-во. Вып. 15–16. С. 243–294.
- Чииев В.Г., 2022. Эльхотовский некрополь — эталонный памятник кобанской культуры предгорной зоны Республики Северная Осетия-Алания. Владикавказ: Владикавказск. Науч. центр РАН. 314 с.
- Эрлих В.Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука. 430 с.

## About Koban burial mounds in northern Stavropol region

Yakov B. Berezin<sup>5</sup>

The article introduces a small series of newly excavated burials from the Solnechnodolsk-4 burial ground in the northern Stavropol region into scholarly circulation. The burials were carried out according to the rite of the Western Kuban archaeological culture, but were placed within Bronze Age steppe mounds. The grave inventories include ceramic vessels, bronze jewelry, and a stone hammer. Dated to the 8<sup>th</sup>–5<sup>th</sup> centuries BC, these objects can probably be interpreted as the burials of groups belonging to the Late Koban culture, who moved deep into the steppe and adopted, either fully or partially, a mobile lifestyle in the form of nomadic or semi-nomadic cattle breeding.

**Keywords:** *Northern Stavropol, Early Iron Age, burial mounds, burials, the Western Koban culture*

---

5 Yakov B. Berezin — Lomonosov Moscow State University, 11 Mokhovaya St., Moscow, 125009, Russian Federation; e-mail: yakov\_berezin@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-0417-4668.

## Браслеты доскифского и скифского периодов могильника Заюково-3 (западная кобанская культура)

А.А. Кадиева<sup>1</sup>, С.В. Демиденко<sup>2</sup>

*В статье представлена классификация и типология браслетов доскифского и скифского периодов (X–V вв. до н.э.) могильника Заюково-3 (Северный Кавказ). 52 украшения данной категории разделены на 10 типов. Погребальный инвентарь позволяет проследить сменяемость типов во времени, выявить три этапа функционирования некрополя, а также рассматривать браслеты в качестве хроноиндикаторов выделенных этапов. Сочетания типов украшений запястий в уборе погребенных на могильнике Заюково-3 и сопоставление их с синхронными памятниками региона дает возможность отнести браслет к важному элементу убора: женского — в доскифский период, мужского и женского — в скифский период. Этот элемент можно использовать в качестве одного из признаков для выделения локальных вариантов западной кобанской археологической культуры.*

**Ключевые слова:** Северный Кавказ, Баксанское ущелье, западная кобанская археологическая культура, могильник Заюково-3, доскифский период, скифский период, браслеты, типология, хронология

<http://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-478-4.194-218>

Одним из многочисленных направлений научных интересов А.Ю. Скакова были теоретические разработки в области этнокультурной ситуации на территории Центрального Кавказа и Западного Закавказья в раннем железном веке. В соавторстве с А.П. Мошинским исследователем была предложена схема разделения кобанской археологической культуры на самостоятельные культуры в рамках кобанской культурно-исторической области (Мошинский, Скаков, 2023). Изменение терминологической системы позволяет начать работу над выявлением локальных вариантов в кобанских культурах.

Прежде всего, для этого необходимы классификация и картографирование отдельных категорий погребального инвентаря, а также выявление их взаимовстречаемости в границах отдельных микрорегионов. Однако

1 Анна Анатольевна Кадиева — Государственный исторический музей, Красная пл., д. 1, Москва, 109012, Российская Федерация; e-mail: adelgeida85@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9759-077X.

2 Сергей Викторович Демиденко — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: sergey.demidenko2015@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6462-0132.

работе в этом направлении на Северном Кавказе препятствует малое число некрополей, раскопанных широкими площадями со статистически значимым количеством закрытых комплексов.

На сегодняшний день одним из таких памятников является могильник Заюково-3, расположенный в предгорной зоне на левом берегу р. Баксан (Баксанский р-н, Кабардино-Балкарская Республика).

### Типология

Предлагаемая вниманию читателя работа посвящена систематизации браслетов позднего бронзового — раннего железного века (X–V вв. до н.э.) могильника Заюково-3. На данном некрополе браслеты являются одной из наиболее массовых категорий украшений: всего насчитывается 52 экземпляра. Все браслеты изготовлены из бронзы. Тип браслета определяется сочетанием признаков «форма основы» и «оформление концов».

**Тип I** характеризуется «манжетовидной» плоской основой с выступающими ребрами на внешней стороне пластины, концы которой в виде ромбической в сечении проволоки закручены в спираль. Данный тип соответствует типу V по В.И. Козенковой (Козенкова, 1998. С. 52–53. Табл. XVI: 7–9). Всего на могильнике Заюково-3 обнаружено 18 таких браслетов, которые по пропорциям и высоте ребер делятся на три варианта.

**Вариант 1 (рис. 1: 1–6; 2: 1–6; 3: 1–3)** представлен 15 экземплярами. Определяющими признаками варианта являются примерно равная высота ребер браслета или незначительное доминирование центрального ребра. Также для этого варианта характерно соотношение диаметра браслета и максимальной ширины его пластины, стремящееся к пропорции 2:1. Ширина браслетов составляет 5,6–6,2 см, максимальная ширина пластины — 2,7–3,4 см. По размерам отличаются браслеты из погребений 147 (ширина браслета — 4 см, ширина пластины — 2 см) (рис. 1: 5) и 184 (ширина браслета — 4,5 см, ширина пластины — 2,5 см) (рис. 2: 1). Оба эти браслета найдены в погребениях девочек и сделаны под детскую руку. Концы браслетов закручены в два или три витка. У пяти экземпляров ребра были покрыты косыми насечками (рис. 1: 6; 2: 1, 4; 3: 1, 3).

**Вариант 2 (рис. 3: 4; 4: 1)** представлен двумя экземплярами. Браслеты этого варианта характеризуются крупными размерами. В то же время для них характерна более узкая пластина с резко выступающим центральным ребром. Завитки на концах также более крупные и плотные, прут свернут в пять оборотов. Ребра одного браслета покрыты косыми насечками (рис. 3: 4). Ширина браслетов составляет 7,5 и 6,6 см, ширина пластин — 2,1 и 2,2 см.

**Вариант 3 (рис. 4: 2)** представлен одним экземпляром. Его ширина составляет 6,05 см, ширина пластины — 2,02 см. На пластине браслета присутствует только одно ребро. Концы скручены в три завитка.

Браслеты всех вариантов происходят исключительно из женских погребений. Для первого варианта в двух случаях на левой руке погребенной было одно украшение, в трех было надето по браслету на каждой руке. В погребении 286 на каждую руку погребенной было надето по два браслета и еще два сцепленных были уложены у края каменного ящика с внешней стороны. Количество браслетов не коррелируется с богатством убора. Так, в погребении 87 два браслета были единственным украшением погребенной, а в погребении 148 с одним браслетом погребенная была облачена в расшитый пронизьями и бусами головной убор и множество нагрудных украшений (Кадиева и др., 2020). Браслеты второго и третьего

**Рис. 1.** Могильник  
Заюково-3. Браслеты.  
Тип I вариант 1:

1, 2 — погребение 53;  
3, 4 — погребение 87;  
5 — погребение 147;  
6 — погребение 148

**Fig. 1.** Zayukovo-3 cemetery.  
Bracelets. Type I variant 1:  
1, 2 — grave 53;  
3, 4 — grave 87;  
5 — grave 147;  
6 — grave 148



варианта носились по одному (в погребении 36 — на левой руке, в погребении 24 браслет смещен), однако браслет третьего варианта из погребения 166, надетый на правую руку погребенной, сочетался с двумя браслетами второго типа (см. ниже).

В.И. Козенкова в целом отнесла V тип браслетов (своей классификации) к XI–VIII вв. до н.э., отмечая, что в видоизмененной форме он доживает до начала VII в. до н.э. (Козенкова, 2004. С. 118). Эти изделия широко распространены во всем ареале кобанской культурно-исторической области. Кроме того, отдельные находки встречены на территории Западного Кавказа и Закавказья. В.И. Козенкова рассматривала этот тип в целом, не разделяя изделия на варианты. Однако исследовательница отметила



**Рис. 2.** Могильник Заюково-3. Браслеты.  
Тип I вариант 1:  
1 — погребение 184;  
2, 3 — погребение 223;  
4–6 — погребение 286

**Fig. 2.** Zayukovo-3 cemetery.  
Bracelets. Type I variant 1:  
1 — grave 184;  
2, 3 — grave 223;  
4–6 — grave 286

изменение формы этого типа и упомянула, что в гробницах могильника Терезе прослеживается «весь эволюционный ряд пластинчатых браслетов со спиральными завитками на концах» (Там же). Исследовательница обратила внимание на то, что ранние браслеты из гробницы 2 могильника Терезе отличаются от более поздних украшений гробницы 1 более узкой пластиной и более узкими, либо наоборот, сильно увеличенными, волунами. При этом В.И. Козенкова указывала на родство ранних браслетов из Терезе с находками из погребения 11 кромлеха 10 могильника Стырфаз (Техов, 2000. С. 90–91. Рис. 66: 6, 7). Автор раскопок датирует этот комплекс XII в. до н.э. (Там же. С. 114).

**Тип II** характеризуется многовитковой «пружинной» дотовой основой треугольной в сечении со слегка закругленными концами (рис. 5; 6). Представлен шестью экземплярами, которые по форме многовитковой «пружины» можно разделить на два варианта.



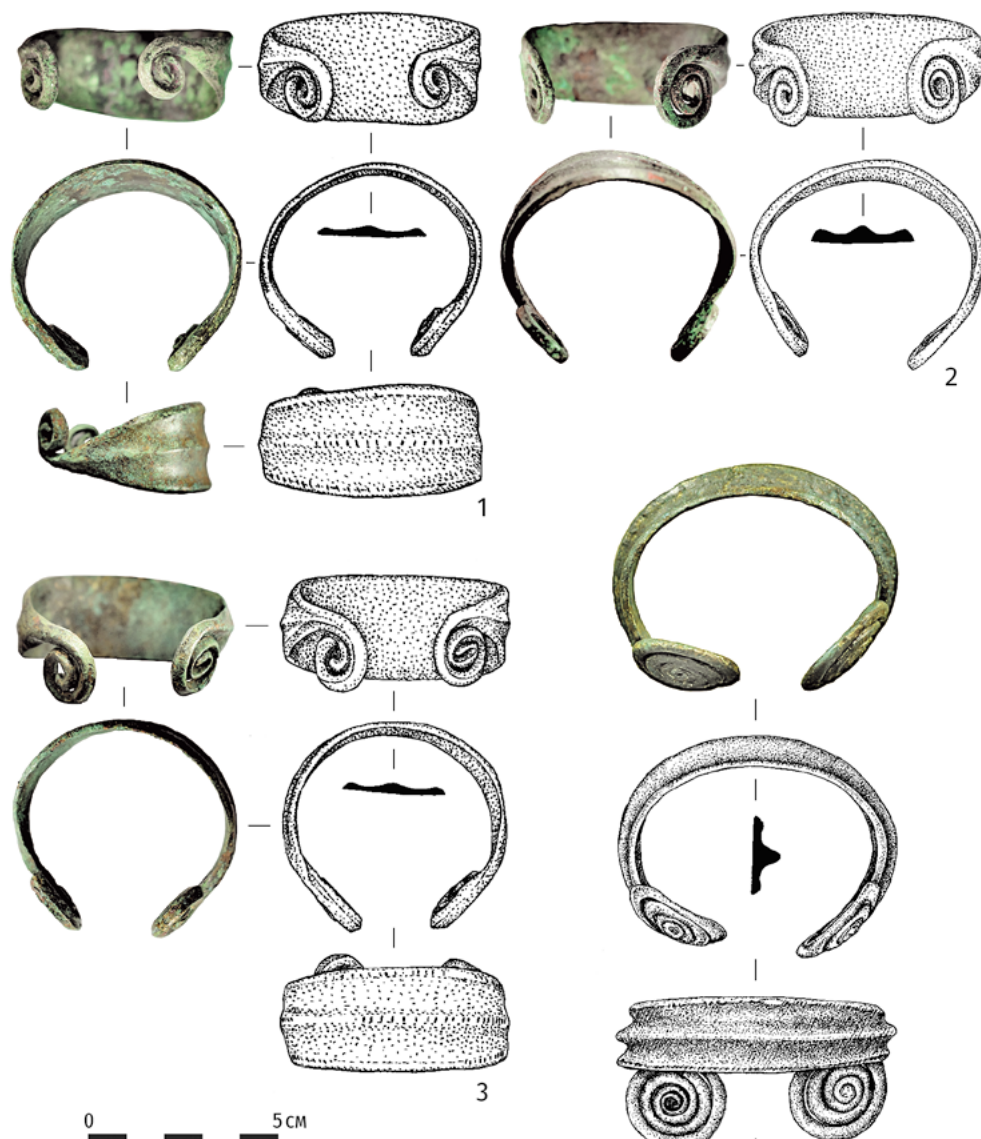
**Рис. 3.** Могильник  
Заюково-3. Браслеты.  
Тип I вариант 1:  
1–3 — погребение 286.

Тип I вариант 2:  
4 — погребение 24

**Fig. 3.** Zayukovo-3  
cemetery. Bracelets.

Type I variant 1:  
1–3 — grave 286.

Type I variant 2:  
4 — grave 24



**Рис. 4.** Могильник  
Заюково-3. Браслеты.  
Тип I вариант 2:  
1 — погребение 36.

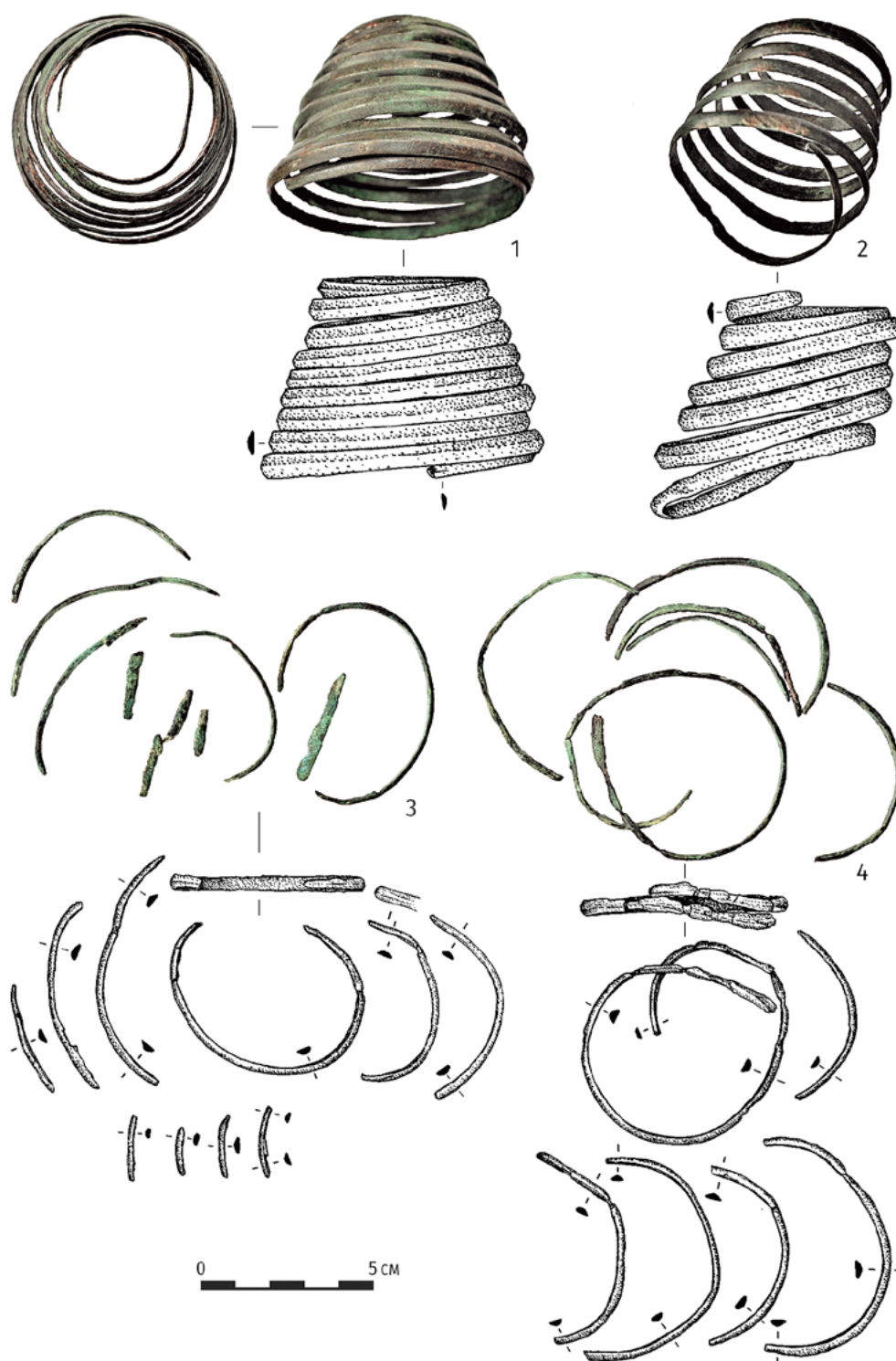
Тип I вариант 3:  
2 — погребение 166

**Fig. 4.** Zayukovo-3  
cemetery. Bracelets.

Type I variant 2:  
1 — grave 36.

Type I variant 3:  
2 — grave 166



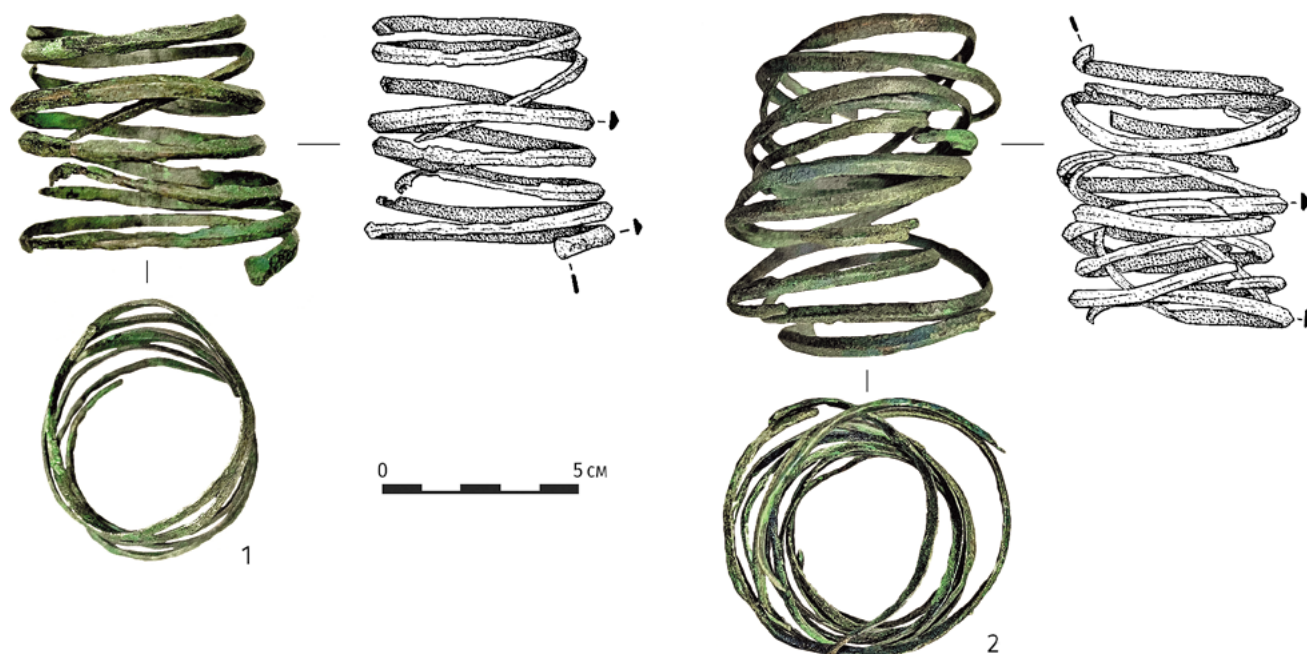


**Рис. 5.** Могильник Заюково-3. Браслеты. Тип II: 1, 2 — погребение 166; 3, 4 — погребение 208  
**Fig. 5.** Zayukovo-3 cemetery. Bracelets. Type II: 1, 2 — grave 166; 3, 4 — grave 208

**Вариант 1 (рис. 5: 1).** Представлен одним экземпляром, форма пружины которого — это усеченный конус. Обнаружен в погребении 166. Его нижний диаметр составлял 8,5 см, верхний — 4,7 см, высота — 6 см, размеры сечения — 0,7×0,2 см.

**Вариант 2 (рис. 5: 2; 6: 1, 2).** Представлен тремя экземплярами с цилиндрической формой пружины. Один браслет был обнаружен в погребении 166 вместе с браслетом варианта 1. Его диаметр — 7,2 см, высота — 6,1 см, размеры сечения — 0,6×0,2 см. Сильно деформированные браслеты цилиндрической формы были обнаружены в погребениях 293 и 296 (рис. 6).





**Рис. 6.** Могильник Заюково-3. Браслеты. Тип II: 1 — погребение 293; 2 — погребение 296  
**Fig. 6.** Zayukovo-3 cemetery. Bracelets. Type II: 1 — grave 293; 2 — grave 296

В погребении 293 высота браслета составляет 7,5 см, диаметр — 6 см; в погребении 296 высота браслета — 10,1 см, диаметр — 6 см.

В погребении 208 форму браслетов установить не удалось, поскольку изъеденные коррозией фрагменты невозможно было собрать в единое целое. Их диаметр составлял 5,6–5,7 см, высота (судя по распространению фрагментов браслетов *in situ*) — 4–6 см, размеры сечения — 0,5×0,2 см.

Браслеты обнаружены в четырех погребениях, в двух случаях они были надеты на обе руки погребенной, в погребении 296 браслет был надет на правую руку погребенной, в погребении 293 лежал между ног захороненной женщины. В погребении 166 конический браслет типа II был надет на запястье погребенной выше «манжетовидного» браслета типа I варианта 3.

Многовитковые проволоочные браслеты включены В.И. Козенковой в два разных типа. Тип I — цилиндрические, распространенные во всех вариантах кобанской культуры и бытующие с позднего бронзового века до V–IV вв. до н.э. (Козенкова, 1998. С. 52. Табл. XVI: 1, 2). Тип XXII — конические браслеты, являющиеся специфическим элементом западной кобанской культуры, наиболее часто встречающимся в Кисловодской котловине. Время их бытования автор типологии ограничивает X–VIII вв. до н.э.

Браслеты данного типа присутствуют среди инвентаря захоронений предскифского времени могильника Белореченский-2 (Дударев, 2004. С. 47). Однако от браслетов из могильника Заюково-3 их отличает прямоугольное сечение прута, очевидно являющееся хронологическим признаком.

По типологии А.Б. Белинского и С.Л. Дударева, конические многовитковые браслеты входят во вторую разновидность браслетов из могильника Клин-Яр III (Белинский, Дударев, 2015. С. 366–367). Исследователи описывают тип конических браслетов, как наиболее присущий именно Кисловодской котловине. Примечательно, что и в клин-ярских захоронениях женские руки украшались пружинными браслетами в сочетании с браслетами иных типов, например, тип III по предлагаемой авторами раскопок классификации (Там же. С. 104, 367).

Все известные на сегодняшний день пружинные браслеты могильника Заюково-3 рассматриваются в рамках одного типа. Это связано с тем, что

конический браслет от цилиндрического отличается только формой, и эта форма, судя по принадлежности и конического, и цилиндрического браслетов одной погребенной, не имеет хронологического значения. Кроме того, важно отметить, что пружинные браслеты из Заюково-3 от таких же браслетов из Клин-Яра III отличает форма сечения проволоки. В предгорной части бассейна р. Баксан она треугольная, в то время как в Кисловодской котловине браслеты были изготовлены преимущественно из прямоугольной проволоки.

**Тип III** характеризуется дротовой основой с круглым, иногда немного подгнанным сечением прута и с зауженными обрубленными концами (**рис. 7: 1–3**). Представлен тремя экземплярами — в погребении 79: размеры — 7,6×6,6 см, сечение дрота — 1,3×1,0 см, сечение концов — 1,0×0,8 см; в погребении 277: размеры — 7,8×7,2 см, сечение — 0,8×0,5 см; в погребении 304: размеры — 7,4×6,3 см, диаметр сечения — 1 см.

Массивные браслеты с обрубленными концами входят в типы IX и X по В.И. Козенковой (*Козенкова*, 1998. С. 53. Табл. XVI: 10–15). В качестве типобразующего признака исследовательница определила сужение концов изделий. Тип IX В.И. Козенкова датировала от позднего бронзового века до VIII–VII вв. до н.э. При датировке типа X она указала на присутствие этих украшений в комплексах VIII–VII вв. до н.э., однако в качестве основного периода бытования назвала VII–VI вв. до н.э. (Там же).

Аналогичные изделия обнаружены и на могильнике Белореченский 2 (*Дударев*, 2004. С. 48), где были «замыкающими» по отношению к располагавшимся выше по руке проволочным многовитковым браслетам.

А.Б. Белинский и С.В. Дударев также разделяют массивные браслеты из толстого овального в сечении прута на два типа (I и II). Оба типа исследователи датируют первой половиной — серединой VII в. до н.э. (*Белинский, Дударев*, 2015. С. 364. Рис. 259: 1–9).

В Западном и Центральном Закавказье дротовые браслеты с зауженными концами обнаружены в разрушенных погребениях в местечке Борнистави рядом с сел. Ничбисисхеви близ Мцхеты (*Апакидзе и др.*, 1987. С. 49. Т. LXXXII: 1). Кроме этого, подпрямоугольные в сечении браслеты входят в составклада из Мехчис-Цихе у сел. Мерс на территории современной Турции в Юго-Западном Закавказье (*Вальчак, Скаков*, 2002. С. 137. Рис. 5; 6). С.Б. Вальчак и А.Ю. Скаков датируют этот клад второй половиной VIII — первой половиной VII в. до н.э. (Там же).

Браслеты данного варианта обнаружены и среди материалов кремационного могильника Ларилари (*Tortaladze, Gvelesiani*, 2019. Р. 52).

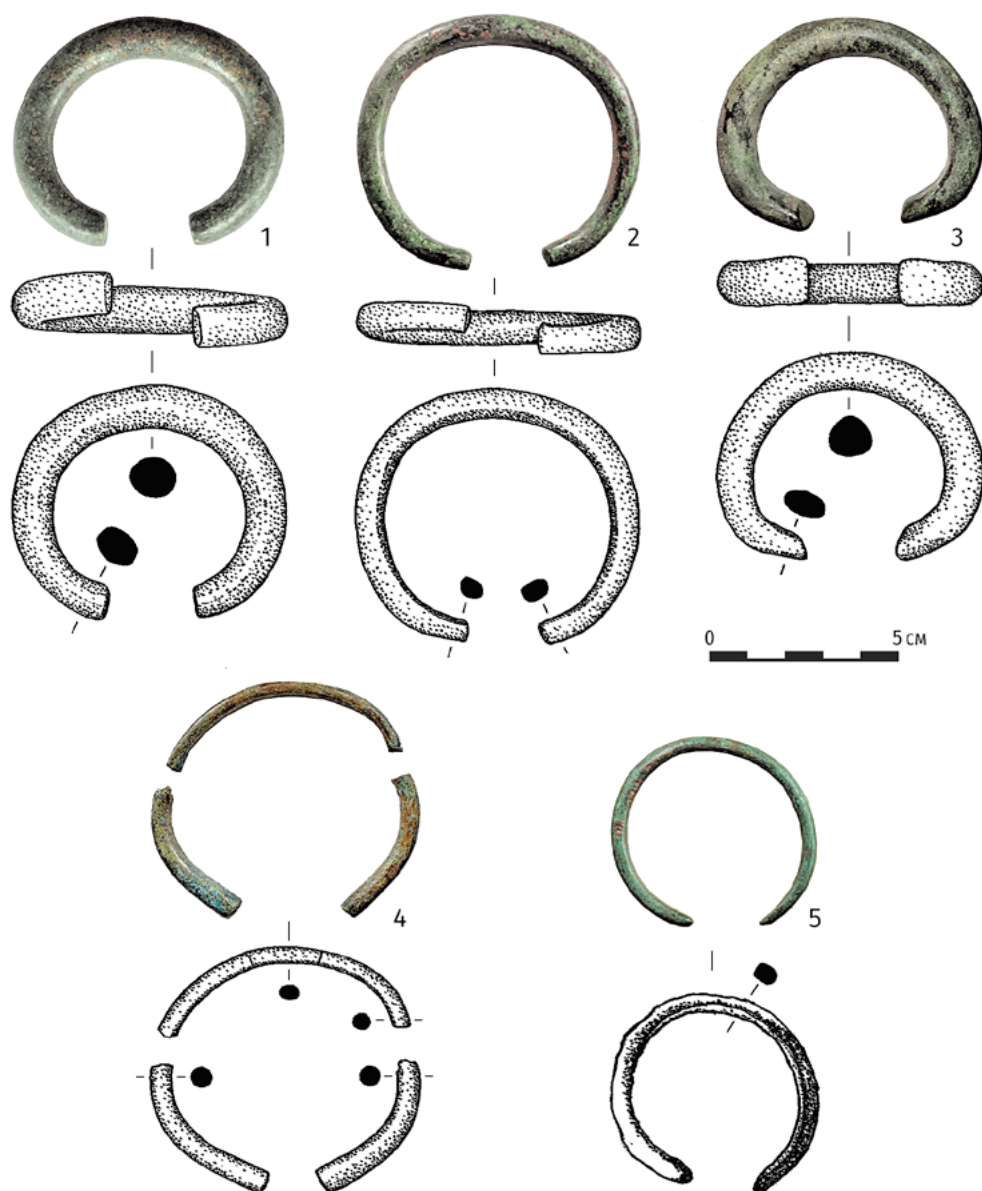
**Тип IV** характеризуется дротовой основой с круглым в сечении прутком с расширенными концами (**рис. 7: 4**). Представлен одним экземпляром из погребения 270. Размеры браслета: 7,0×6,6 см, диаметр сечения — 0,4–0,6 см.

Браслеты с расширениями на концах включены В.И. Козенковой в тип XV (*Козенкова*, 1998. С. 54. Табл. XVII: 10). Исследовательница отметила редкость данного типа, которые представлены в Баксанском ущелье, а также в районе Ставрополя. Она датировала эти браслеты концом VII — первой половиной VI в. до н.э. (Там же).

**Тип V** характеризуется гладкой дротовой основой прямоугольной в сечении с заостренными концами (**рис. 7: 5**). Представлен одним экземпляром из погребения 28. Внешний диаметр браслета — 5,9 см, размеры сечения — 0,6×0,7 см.

**Рис. 7.** Моги́льник  
Заюково-3. Браслеты.  
Тип III: 1 — погребение 79;  
2 — погребение 277;  
3 — погребение 304.  
Тип IV: 4 — погребение 270.  
Тип V: 5 — погребение 28

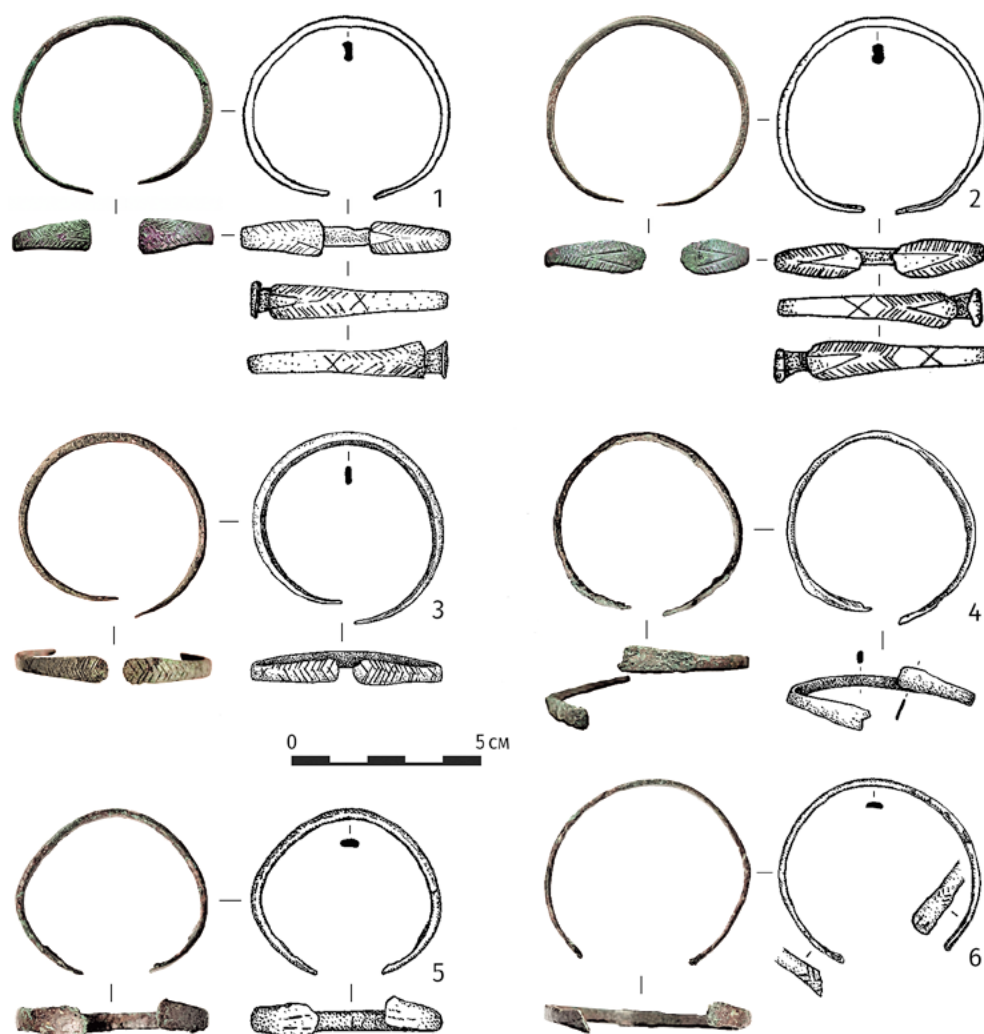
**Fig. 7.** Zayukovo-3  
cemetery. Bracelets.  
Type III: 1 — grave 79;  
2 — grave 277 ;  
3 — grave 304.  
Type IV: 4 — grave 270.  
Type V: 5 — grave 28



Браслет можно отнести к категории ножных украшений, выделенных В.И. Козенковой (Козенкова, 1998. С. 58. Табл. XVIII: 13–15). В данной категории исследовательница датировала только браслеты из могильника Уллу-Баганлы в пределах третьей четверти VII в. до н. э. Браслет из погребения 28 обнаружен среди костей ног погребенной, чей скелет подвергся, вероятно, непреднамеренному постпогребальному разрушению (Кадиева и др., 2020. С. 166). Учитывая условия обнаружения, точное определение назначения браслета установить затруднительно. Он вполне может быть отнесен и к ручным браслетам типа X, которые, по В.И. Козенковой, встречаются в памятниках VIII–VII вв. до н.э., но преимущественно характерны для VII–VI вв. до н.э. (Там же. С. 53. Табл. XVI: 13).

Все браслеты типов III–V встречались в погребениях по одному экземпляру. Из установленных определений пола все погребения женские. Из-за плохой сохранности костей или смещения браслета установить точное место этих украшений на теле погребенных не удалось.

**Тип VI** характеризуется подпрямоугольной в сечении основой с раскованными концами (рис. 8: 1–6). Представлен шестью экземплярами. Концы могут быть оформлены в виде подпрямоугольных (рис. 8: 1, 4),



**Рис. 8.** Могильник Заюково-3. Браслеты. Тип VI: 1, 2 — погребение 43; 3 — погребение 49; 4 — погребение 66; 5, 6 — погребение 105

**Fig. 8.** Zayukovo-3 cemetery. Bracelets. Type VI: 1, 2 — grave 43; 3 — grave 49; 4 — grave 66; 5, 6 — grave 105

овальных (рис. 8: 2, 3, 5) или восьмерковидных (рис. 8: 6) лопастей, на которые нанесен орнамент. Однако, на наш взгляд, из-за хрупкости браслетов установить истинную форму лопастей достаточно затруднительно. Поэтому данный признак не используется в классификации. Орнамент также часто не просматривается, но по сохранившимся участкам, их фрагментам и аналогиям, удастся восстановить композицию. Лопасты браслетов покрыты елочным орнаментом, расположенным по краям. Иногда поле елочного орнамента рассечено незаштрихованным треугольником. Позади орнаментальной группы на дроте браслета расположен крест.

Два браслета происходят из погребения 43 (Кадиева и др., 2019. С. 81–82), оба украшения были надеты на левую руку погребенной женщины. Диаметр их составляет 5,7 и 5,5 см, ширина лопастей — 0,9 см. Один браслет обнаружен в погребении 49 на правой руке погребенного воина (Кадиева, Демиденко, 2022. С. 436). Диаметр украшения — 5,1 см, ширина лопастей — 0,8 см. В воинском погребении 66 браслет также был надет на правую руку погребного. Диаметр украшения — 5,1 см, ширина лопастей — 0,7 см (Там же). Еще два браслета происходят из погребения 105. Погребение воинское, однако генетический анализ определил женский пол погребенной. Один из браслетов был надет на ее левое предплечье, второй лежал рядом (Кадиева, Демиденко, 2025. С. 162). Диаметр браслетов — 5,2 и 5,8 см, ширина лопастей — 1,0 и 0,6 см.

Таким образом, браслеты VI типа происходят как из мужских, так и из женских погребений. В женских они надевались по одному или два на левую руку, в мужских — по одному на правую руку.

В двух работах, посвященных публикации комплексов с браслетами из могильника Заюково-3 (*Кадиева и др.*, 2019. С. 82; *Кадиева, Демиденко*, 2022. С. 436), браслеты VI и VII типов рассматривались как единый тип, в результате чего браслеты VI типа были ошибочно сопоставлены с типом XVIII по В.И. Козенковой. Однако исследовательница в качестве определяющего признака указывала пластинчатую основу браслета (*Козенкова*, 1998. С. 55. Табл. XVII: 14). С этим типом браслеты типа VI могильника Заюково-3 объединяет только орнамент. Дротовые же браслеты с раскованными лопастями в типологию В.И. Козенковой не входят.

По типологии украшений степных регионов, разработанной В.Г. Петренко, подобные браслеты относятся к отделу I типу 3 (*Петренко*, 1978. С. 53). Появление наиболее ранних экземпляров этого типа исследовательница отнесла к VI в. до н.э. и отметила, что они бытуют до IV–III вв. до н.э. При этом В.Г. Петренко видела в данном типе украшений трансформацию браслетов со змеиными головками на окончаниях. Также подобный браслет был обнаружен в погребении 119а могильника Старокорсунского городища № 2, которое Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко датируют первой половиной V в. до н.э. (*Лимберис, Марченко*, 2012. С. 68. Рис. 35: 13).

В Закавказье такие браслеты присутствуют в кремациях Лариларского некрополя (*Tortaladze, Gvelesian*, 2019. P. 54).

**Тип VII** характеризуется основой из тонкой плоской бронзовой пластины с обрубленными или приостренными концами (**рис. 9: 1–7; 10: 1–5**). Представлен 12 экземплярами. Так же, как и в случае с браслетами типа VI, об изначальной форме концов говорить можно только предположительно, поэтому данный признак не используется в классификации.

Два браслета этого типа обнаружены в погребении 82. Диаметр их составляет 5,6 и 6,6 см, ширина — 1,2 и 1,0 см (*Кадиева, Демиденко*, 2025. С. 161) (**рис. 9: 1, 2**). Фрагменты еще одного браслета происходят из заполнения погребения 105. Диаметр браслета — 6 см, ширина — 0,8 см (**рис. 9: 3**). Диаметр браслета из погребения 116 — 5 см, ширина — 1 см (**рис. 9: 4**). В погребении 119 обнаружены два браслета диаметром 5,6 и 5,2 см, шириной 1,2 см (**рис. 9: 5, 6**). Также два украшения происходят из погребения 142, их диаметр — 6,2 см, ширина — 1,0 и 1,2 см (**рис. 9: 7; 10: 1**). В погребениях 150, 157 и 175 браслеты обнаружены в обломках, из-за чего определяется только их ширина: 1,0–1,2 см.

Орнамент повторяет орнаментальную группу типа VI (**рис. 9: 2, 3, 7; 10: 1, 3**), так же встречаются отдельные косые штрихи (**рис. 9: 1**), елочный орнамент (**рис. 9: 5**), направленные друг к другу вершинами заштрихованные треугольники (**рис. 9: 6**) и чеканный зигзагообразный орнамент (**рис. 10: 2**). На остальных орнамент отсутствовал или был уничтожен коррозией.

Пластинчатые браслеты с прямоугольными концами В.И. Козенкова отнесла к типу XVIII (*Козенкова*, 1998. С. 55. Табл. XVII: 14), который датировала не ранее середины VII и не позднее начала VI в. до н.э.

Браслеты данного типа обнаружены в могильнике Уллу в Зольском р-не Кабардино-Балкарской Республики (*Белинский и др.*, 2021. Рис. 3: 23; 4: 18). Эти браслеты авторы раскопок датируют второй половиной VI в. до н.э. (Там же. С. 111) на основании аналогии из гробницы I могильника Каррас.





**Рис. 9.** Могильник Заюково-3. Браслеты. Тип VII: 1, 2 — погребение 82; 3 — погребение 105; 4 — погребение 116; 5, 6 — погребение 119; 7 — погребение 142

**Fig. 9.** Zayukovo-3 cemetery. Bracelets. Type VII: 1, 2 — grave 82; 3 — grave 105; 4 — grave 116; 5, 6 — grave 119; 7 — grave 142

Однако нижней датой периода функционирования могильника Уллу исследователи называют конец VI в. до н.э. (Там же. С. 113).

Аналогичные экземпляры с сочетанием елочного орнамента и треугольников обнаружены в могильнике Ларилари (*Tortaladze, Gvelesiani, 2019. P. 55*).

Как правило, такие браслеты в могильнике Заюково-3 найдены в мужских захоронениях. В погребении 142 браслеты располагались на обеих



**Рис. 10.** Могильник Заюково-3. Браслеты. Тип VII: 1 — погребение 142; 2, 3 — погребение 150; 4 — погребение 157; 5 — погребение 175  
**Fig. 10.** Zayukovo-3 cemetery. Bracelets. Type VII: 1 — grave 142; 2, 3 — grave 150; 4 — grave 157; 5 — grave 175

руках погребенного. В погребении 82 два браслета располагались на правой руке. В погребении 119 браслеты типа VII находились на обеих руках, а на правой руке, кроме того, был надет браслет типа VIII. В погребении 116 пол погребенного и расположение браслета установить не удалось. В единственном женском погребении с браслетом типа VI (погребение 157) он был надет на левую руку.

**Тип VIII** характеризуется дротовой основой, округлой или слегка подграненной в сечении и раскованными лопастями с различным орнаментом (рис. 11: 1–3). Представлен тремя экземплярами. Орнаментированы они по-разному: рядом косых крестов (рис. 11: 1), косым крестом со штриховкой за ним (рис. 11: 2), геометрическим изображением змеиных головок (рис. 11: 3). Диаметр браслета из погребения 72 составляет 5,3 см, ширина сечения — 0,5 см (рис. 11: 1). Диаметр браслета из погребения 73 — 6 см, ширина сечения — 0,35 см (рис. 11: 2) (Кадиева, Демиденко, 2022. С. 436). Диаметр браслета из погребения 119 — 5,6 см, ширина сечения — 0,4 см (рис. 11: 3).

По типологии В.И. Козенковой данные браслеты соответствуют типу XIII ручных браслетов и датируются VII–VI вв. до н.э. (Козенкова, 1998. С. 54. Табл. XVII: 4–8).

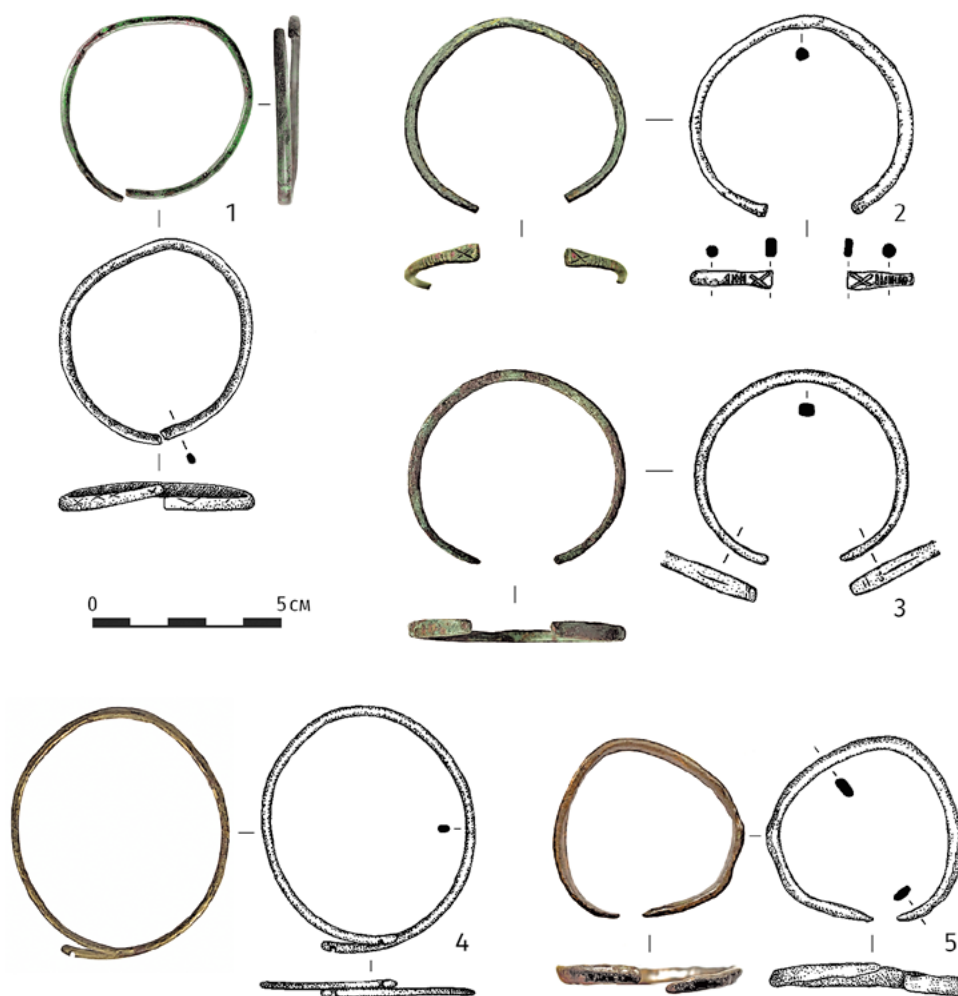
По типологии В.Г. Петренко браслеты типа VIII из могильника Заюково-3 относятся к двум разным типам отдела I: браслеты из погребения 73 и 119 (рис. 11: 2, 3) — к типу 2, в который исследовательница включила браслеты с концами в виде змеиных головок, часто сильно геометризированных, и датировала от VI до IV/III вв. до н.э. (Петренко, 1978. С. 52, 53. Табл. 39: 13, 14, 17). Браслет, аналогичный браслету из погребения 72 могильника Заюково-3 (рис. 11: 1), включен В.Г. Петренко в тип 5 вариант 2, в который входят дротовые браслеты с обрубленными концами (утонченным и обрезанным) (Там же. С. 54. Табл. 41: 7). Датировка их укладывается в пределы VI–III вв. до н.э.

Дротовые браслеты с крестовидным орнаментом на расширении и насечками за ним происходят из кургана 6 могильника Нартан (Батчаев, 1985. С. 24. Табл. 21: 6–11). Этот комплекс датирован автором раскопок VI в. до н.э.

Браслеты типа VIII происходят как из мужских, так и из женских погребений. Погребение 72 было ограблено в древности, и останки погребенных разрушены. В мужском погребении 73 браслет был надет на левую руку погребенного, в женском погребении 132 — на правую. Браслет из мужского погребения 119 был надет на правую руку погребенного в сочетании с браслетом V типа.

**Тип IX** характеризуется уплощенной дротовой основой с вырезами на концах (рис. 11: 4). Представлен одним экземпляром из погребения 121. Размеры браслета — 7×6 см, сечение — 0,4×0,2 см. Аналогичные изделия найдены в разрушенном грунтовом могильнике на северо-восточной окраине с. Ново-Ивановское (Майский р-н Кабардино-Балкарской Республики) (Батчаев, 1985. С. 15, 16. Табл. 7: 11). В.М. Батчаев датировал эти предметы VI–V вв. до н.э. и отнес к височным кольцам. Однако в погребении 121 могильника Заюково-3 аналогичный предмет был обнаружен рядом с перстнем (погребение разрушено в древности, кости погребенного не сохранились), в связи с чем он интерпретирован как браслет.





**Рис. 11.** Могильник Заюково-3. Браслеты.  
 Тип VIII: 1 — погребение 72;  
 2 — погребение 73;  
 3 — погребение 119.  
 Тип IX: 4 — погребение 121.  
 Тип X: 5 — погребение 132

**Fig. 11.** Zayukovo-3 cemetery. Bracelets.  
 Type VIII: 1 — grave 72;  
 2 — grave 73; 3 — grave 119.  
 Type IX: 4 — grave 121.  
 Type X: 5 — grave 132

**Тип X** характеризуется подпрямоугольным в сечении дротом с заостренными концами (**рис. 11: 5**). Представлен одним экземпляром из погребения 132, где находился на левой руке погребенного (пол не определен). Диаметр браслета — 5,1 см, сечение — 0,6×0,2 см.

### Хронология

Хронология типов браслетов выстраивалась на основе взаимовстречаемости с хроноиндикаторами определенного периода.

Наиболее раннюю группу (**этап I**) составляют браслеты типа II, а также типа I варианта 2. Браслеты типа II обнаружены в погребениях 166 и 208. При этом в погребении 208 они сочетались с бронзовыми подвесками сложной формы с дважды изогнутыми заходящими друг за друга лопастями, отходящими от узкой перемычки (**рис. 12: 3**). Подвески относятся к типу VI по В.И. Козенковой, который исследовательница отнесла к концу II — началу I тыс. до н.э. (Козенкова, 1998. С. 35–36. Табл. IX: 17, 18). Следует отметить, что подобная подвеска встречена и в погребении 72 могильника Заюково-3, датированном V в. до н.э. (Кадиева, Демиденко, 2022. С. 435. Рис. 4: 3). Подвески различаются размерами: более поздняя почти в два раза меньше. В этом же погребении обнаружена булавовидная подвеска (**рис. 12: 4**). Аналогичное украшение происходит из кромлеха 7 могильника Стырфаз (Техов, 2000. С. 12. Рис. 39: 15, 16), которое автор раскопок датирует XI в. до н.э. (Там же. С. 114).

К хроноиндикаторам из погребения 208 относятся две булавки с большим пластинчатым навершием. Их стержни имеют ромбическое сечение у вершины и округлое на конце (**рис. 12: 5**). Такие булавки В.И. Козенкова объединила в тип Х вариант 4 (Козенкова, 1998. С. 67. Табл. XXII: 6, 7), отметив, что все они происходят их памятников первого (XII–XI вв. до н.э.) или самого начала второго (X — середина VII в. до н.э.) этапа развития западного варианта кобанской культуры.

Кроме вышеперечисленных украшений, из погребения 208 происходит бронзовая пряжка-крючок со щитком в виде двух спиралей (**рис. 12: 6**). Пряжка скручена из круглой в сечении проволоки. Пряжки этого типа, но из граненого прута, включены В.И. Козенковой в тип XI (Там же. С. 60. Табл. XIX: 12, 13) и датированы последними двумя веками II — самым началом I тыс. до н.э. В своей датировке исследовательница опиралась на периодизацию древностей территории современной Кабардино-Балкарской Республики А.А. Иессена (Иессен, 1941. С. 19–20. Табл. II: 8, 9), который отнес спиральные пряжки к третьей стадии северокавказского бронзового века. Судя по тому, что четвертая стадия начинается в VII в. до н.э., третья стадия включает в себя VIII в. до н.э.

Пряжки, описанные А.А. Иессеном и В.И. Козенковой, весьма массивные и изготовлены из прута ромбовидного сечения, в то время как пряжка из погребения 208 Заюково-3 имеет размеры 6,4×4,5 см и скручена из круглой в сечении проволоки. Такие экземпляры отмечены Б.В. Теховым среди материалов раннего этапа функционирования Тлийского могильника (Техов, 1977. С. 60. Рис. 55: 3, 11). Подобную пряжку из коллекции А. Коссиерской В.И. Козенкова отнесла к середине XII — началу X в. до н.э. (Козенкова, 2008. Рис. 2: 6).

В погребении 166 витые пружинные браслеты сочетаются с браслетом со спиральными окончаниями типа I варианта 2, который также является ранним (см. выше).

Таким образом, браслеты типа II, а также браслет типа I варианта 3 относятся к наиболее раннему этапу I функционирования могильника Заюково-3.

К **этапу II** относятся браслеты типа I вариантов 1 и 2, а также типов III–V. Прекращение бытования браслетов типа I варианта 1 связано с завершением фазы IIa и началом фазы IIб Заюково-3.

Наиболее ранним погребением могильника с браслетами типа I варианта 1 является погребение 223. В погребении обнаружены две стержневидные булавки с завернутыми в трубочку головками (**рис. 12: 8**). Эти булавки относятся к типу VI варианту 2 по В.И. Козенковой (Козенкова, 1998. С. 65–66. Табл. XXI: 18, 19). Автор типологии отметила их бытование с конца II тыс. до н.э. до скифского времени (Козенкова, 2004. с. 121, 139. Табл. 39: 2–7; 40: 1–10).

Здесь же обнаружен массивный конический бубенчик с тремя треугольными прорезями на верхней и на нижней стороне (**рис. 12: 9**). В.И. Козенкова отнесла подобные предметы к типу XIII варианту 8 (Козенкова, 1998. С. 42. Табл. XII: 1), датированному рубежом II–I тыс. до н.э. Закрытые комплексы с подобными предметами на сегодняшний день известны в западной и центральной кобанских культурах. На западе они представлены погребением 7 могильника Индустрия-1 (Афанасьев, Козенкова, 1981. С. 173. Рис. 5: 11) и погребением 148 могильника Заюково-3 (Кадиева и др., 2020. С. 61. Рис. 6: 6, 7).

Кроме этих двух захоронений и погребения 223 могильника Заюково-3, о котором речь пойдет ниже, в западной кобанской культуре известны лишь случайные находки из Баксанского ущелья.

В центральной кобанской культуре ряд предметов происходит из Кобанского могильника, где они обнаружены как случайные находки и в составе комплексов. Весь корпус известных на сегодняшний день ажурных бубенчиков собрали С.В. Махортых и соавторы (*Makhortykh et al.*, 2024. Fig. 2–4). Коллектив исследователей определил датировку данной категории украшений в пределах второй половины — конца VIII в. до н.э. (*Ibid.* P. 76). К такому выводу исследователи пришли, опираясь на погребение 34 Кобанского могильника, материалы которого хранятся в Музее естественной истории в Вене и опубликованы в вышеупомянутой работе (*Ibid.* Fig. 9). В качестве основного аргумента в пользу поздней датировки погребения С.В. Махортых и соавторы приводят наличие в составе погребального инвентаря захоронения 34 Кобанского могильника перстня со спиральными окончаниями (*Ibid.* Fig. 9: 10), справедливо указывая, что такие украшения ранее второй половины VIII в. до н.э. не известны. Однако распространение столь узкой и поздней датировки на все находки ажурных бубенчиков представляется преждевременным.

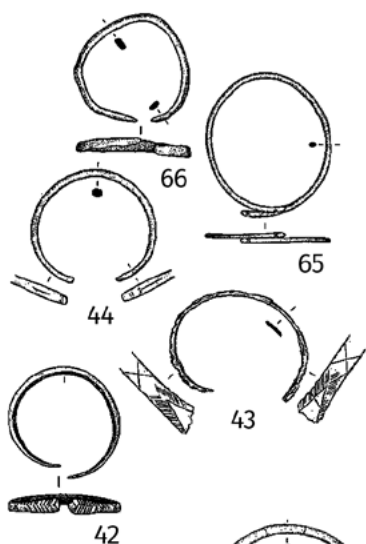
Аргументом в пользу более раннего бытования звенящих украшений этого типа является погребение 223 могильника Заюково-3, полная публикация которого будет осуществлена в отдельной работе. Помимо бубенчика в захоронении обнаружены элементы наконечника украшения, состоящего из четырех длинных массивных спиральных пронизей (**рис. 12: 10**). Спиральные пронизи меньшего диаметра использовались в кобанской культурно-исторической области на протяжении столетий без заметных изменений. Однако пронизи с диаметром 0,8–1,0 см отсутствуют в погребениях могильника Заюково-3 VIII–VII вв. до н.э. В целом они в большей степени типичны для классического этапа кобанской хронологии по В.И. Козенковой (*Козенкова*, 2004. С. 124. Табл. 37: 1–4).

Также среди инвентаря погребения 223 присутствует подвеска, изображающая рогатую птицу с хвостом в виде трех гладких окружностей (**рис. 12: 11**). Подобные украшения происходят из коллекции Науруза Урусбиева, собранной в окрестностях с. Урусбиево (ныне — Верхний Баксан) (*Curtis, Kruszynski*, 2002. P. 35. Fig. 18: 106). Эту хранящуюся в Британском музее подвеску от подвески из Заюково-3 отличает изображения спиралей на окончаниях хвоста птицы.

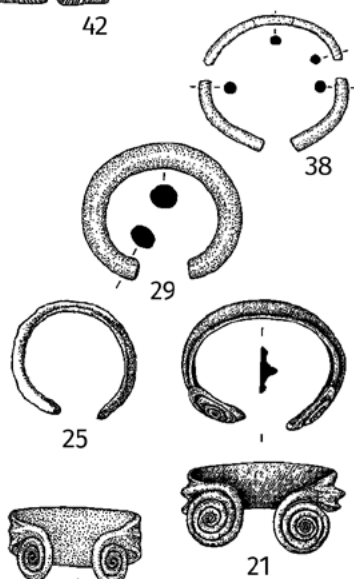
Группа аналогичных подвесок происходит из могильников в окрестностях сел. Кумбулта в Дигорском ущелье (Северная Осетия). Две подвески из могильника Верхняя Рутха и одна из Кумбулты или Фаскау в составе коллекции А. Коссниерской хранятся в Музее доисторического периода и ранней истории (Берлин). Эти подвески И. Мотценбекер включил в группу С вариант 2 зооморфных подвесок по своей классификации (*Motzenbäcker*, 1996. S. 118. Taf. 67: 1, 2; 94: 1). Еще одна такая же подвеска из Кумбулты опубликована П.С. Уваровой (*Уварова*, 1900. С. 221. Табл. ХСIII: 10).

Из коллективного кремационного захоронения могильника Верхняя Рутха (раскопки Л.Г. Нечаевой) происходит подвеска в виде птицы с головой барана и хвостом в виде трех бараньих головок (*Кривицкий*, 1986. С. 30–31). Данная подвеска, вероятно, являлась более ранним художественным прототипом подвески из Заюково и ей подобных изделий. В.В. Кривицкий упомянул об изображении змеи, подползающей к средней головке

Этап III



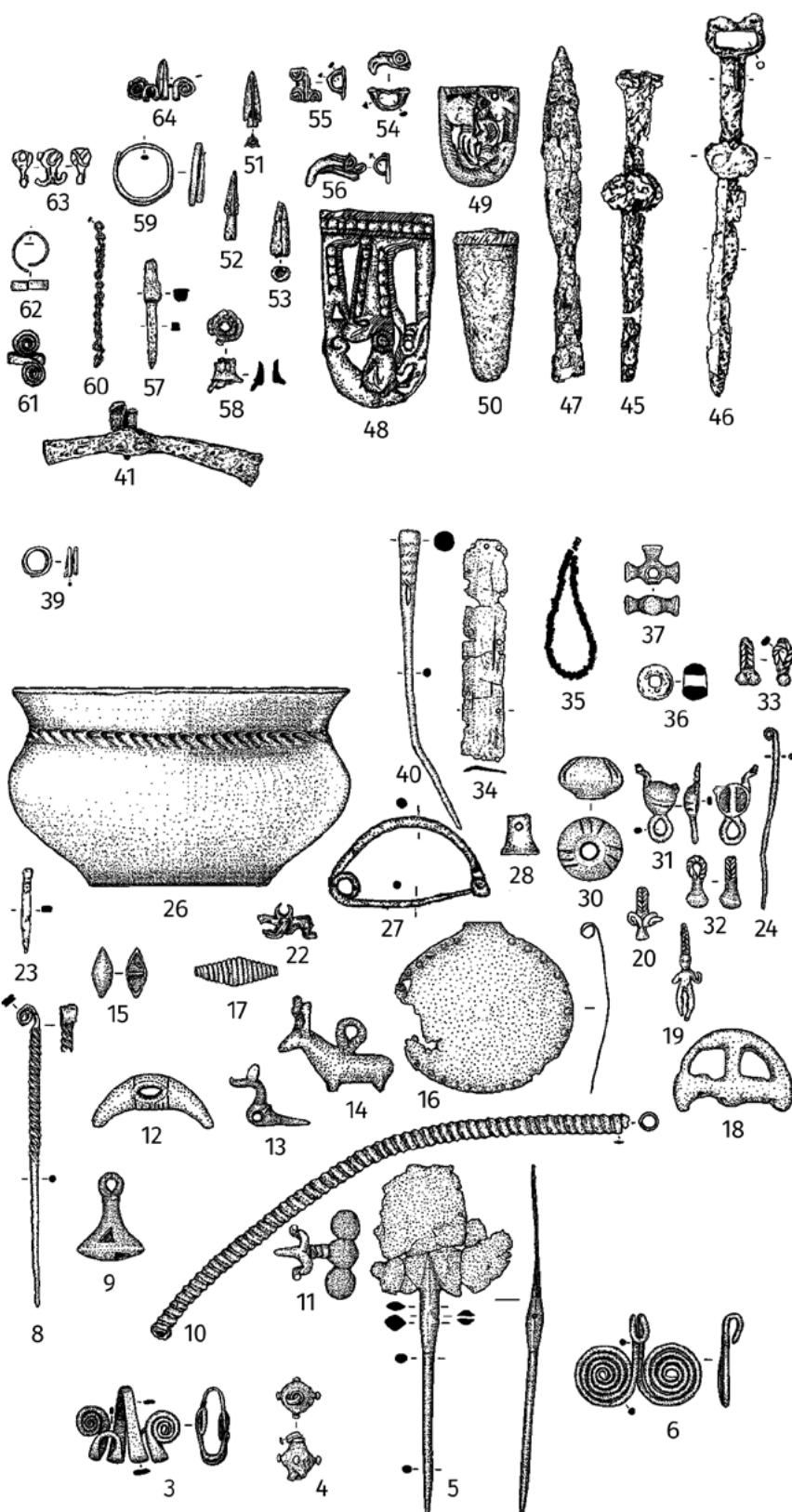
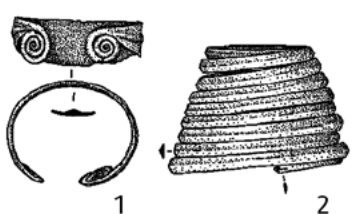
Этап IIб



Этап IIа



Этап I



**Рис. 12.** Относительная хронология браслетов могильника Заяуково-3 и сопровождающих их предметов погребального инвентаря: 1 — браслет, тип I вариант 3; 2 — браслет, тип II; 3, 64 — двоякоизогнутая подвеска; 4 — булавовидная подвеска; 5 — булавка с пластинчатым навершием; 6 — пряжка-крючок; 7 — браслет, тип I вариант 1; 8 — булавка с витым стержнем и свернутым в трубочку навершием; 9 — бубенчик; 10 — наконечное украшение; 11, 13 — подвеска в виде рогатой птицы; 12 — клыковидная подвеска; 14 — подвеска в виде фигурки оленя; 15 — ромбовидная бляшка; 16 — округлая пластинчатая подвеска; 17 — биконическая пронизь; 18 — колесовидная подвеска; 19 — подвеска в виде женской фигуры; 20 — подвеска в виде головы барана; 21 — браслет, тип I вариант 2; 22 — подвеска в виде беременной женщины; 23 — булавка; 24 — булавка с гладким стержнем и свернутым в трубочку навершием; 25 — браслет, тип V; 26 — миска; 27 — фибула; 28, 58 — ворворки; 29 — браслет, тип III; 30 — пряслице; 31 — бляшка с петлей; 32 — каплевидная подвеска; 33 — подвеска со сферическими завершениями; 34 — панцирная пластина; 35, 36 — бусы; 37 — крестовидная подвеска; 38 — браслет, тип IV; 39, 59 — височные подвески; 40 — булавка с коническим навершием; 41 — топор; 42 — браслет, тип VI; 43 — браслет, тип VII; 44 — браслет, тип VIII; 45, 46 — кинжалы-акинаки; 47 — наконечник копья; 48–50 — бутероли; 51–53 — наконечники стрел; 54–56 — уздечные накладки; 57 — шило; 60 — цепочка; 61, 62 — перстни; 63 — зооморфная подвеска; 65 — браслет, тип IX; 66 — браслет, тип X (1, 2 — погребение 166; 3–6 — погребение 208; 8–11 — погребение 223; 7, 12–17 — погребение 148; 18 — погребение 184; 19, 20 — погребение 286; 21–24 — погребение 24; 25–28 — погребение 28; 30–33 — погребение 277; 29, 34–37 — погребение 79; 38–40 — погребение 270; 41 — погребение 73; 42, 46 — погребение 49; 43, 49, 51–56 — погребение 142; 44 — погребение 121; 45, 59 — погребение 66; 47 — погребение 119; 48, 64 — погребение 72; 50, 60, 61 — погребение 105; 57, 62 — погребение 43; 58 — погребение 82; 63, 65 — погребение 121; 66 — погребение 132). Без масштаба. 1–22, 24, 25, 27–29, 31–34, 37–40, 42–44, 48, 49, 51, 54–56, 59–66 — бронза; 23, 41, 45–47, 50, 52, 53, 57, 58 — железо; 26, 30 — керамика; 35, 36 — стекло

**Fig. 12.** Relative chronology of bracelets from the Zayukovo-3 cemetery and accompanying inventory: 1 — bracelet, Type I variant 3; 2 — bracelet, Type II; 3, 64 — double-curved pendant; 4 — mace pendant; 5 — pin with lamellar pommel; 6 — hook buckle; 7 — bracelet, Type I variant 1; 8 — pin with a twisted stem, the upper part of which is rolled into a tube; 9 — pellet bell; 10 — hair decoration; 11, 13 — fantastic birds with eared heads and triangular tails; 12 — fang pendant; 14 — deer pendant; 15 — rhomboid plaque; 16 — round plate pendant; 17 — spiral and biconical pendants; 18 — wheel pendant; 19 — pendant in the form of a female figure; 20 — ram head pendant; 21 — bracelet, Type I variant 2; 22 — pendant in the form of a pregnant woman; 23 — pin; 24 — pin with a smooth shaft, the upper part of which is rolled into a tube; 25 — bracelet, Type V; 26 — bowl; 27 — fibula; 28, 58 — vorvorkas; 29 — bracelet, Type III; 30 — spindle whorl; 31 — plaque with a loop; 32 — drop pendant; 33 — pendant with spherical ends; 34 — shell plate; 35, 36 — beads; 37 — cross pendant; 38 — bracelet, Type IV; 39, 59 — temple pendants; 40 — conical head pin; 41 — axe; 42 — bracelet, Type VI; 43 — bracelet, Type VII; 44 — bracelet, Type VIII; 45, 46 — acinacs; 47 — spearhead; 48–50 — buterol; 51–53 — arrowheads; 54–56 — bridle plates; 57 — awl; 60 — chain; 61, 62 — rings; 63 — zoomorphic pendant; 65 — bracelet, Type IX; 66 — bracelet, Type X (1, 2 — grave 166; 3–6 — grave 208; 8–11 — grave 223; 7, 12–17 — grave 148; 18 — grave 184; 19, 20 — grave 286; 21–24 — grave 24; 25–28 — grave 28; 29, 34–37 — grave 79; 30–33 — grave 277; 38–40 — grave 270; 41 — grave 73; 42, 46 — grave 49; 43, 49, 51–56 — grave 142; 44 — grave 121; 45, 59 — grave 66; 47 — grave 119; 48, 64 — grave 72; 50, 60, 61 — grave 105; 57, 62 — grave 43; 58 — grave 82; 63, 65 — grave 121; 66 — grave 132). Not to scale. 1–22, 24, 25, 27–29, 31–34, 37–40, 42–44, 48, 49, 51, 54–56, 59–66 — bronze; 23, 41, 45–47, 50, 52, 53, 57, 58 — iron; 26, 30 — ceramics; 35, 36 — glass

хвоста бараноптицы. В этом контексте спираль, нанесенную на часть округлых элементов хвоста фигурок бараноптиц, подобных заюковской, можно интерпретировать как свернувшуюся змею.

Очень близкая подвеска происходит из могильника Ларилари (*Tortaladze, Gvelesiani*, 2019. Р. 81). В целом на этом памятнике присутствуют материалы VI–IV вв. до н.э. Возможно, украшение использовано вторично. В.И. Козенкова отнесла подвески из коллекции А. Косниерской к периоду Кобан II по своей хронологии (середина XII — рубеж XI–X, возможно — начало Хв. до н.э.) (*Козенкова*, 2008. С. 166. Рис. 2: 10).

Таким образом, погребение 223 относится к началу этапа II. Именно ко второму этапу функционирования могильника комплекс позволяют отнести два браслета типа I варианта 1, которые не характерны для более раннего периода.

Более поздними комплексами являются погребения 148 и 184. В первом из них обнаружены две булавки с витым стержнем и скрученной в трубочку головкой (**рис. 12: 8**) (*Кадиева и др.*, 2020. С. 56. Рис. 6: 1, 2), а также два бубенчика, аналогичных упомянутому выше (**рис. 12: 10**) (Там же. 2020. С. 61. Рис. 6: 6, 7). Помимо бубенчиков, в состав женского нагрудного убора погребения 148 входили клыковидная подвеска (**рис. 12: 12**), подвески в виде рогатых птиц (**рис. 12: 13**), подвеска в виде фигурки оленя (**рис. 12: 14**), ромбовидная бляшка (**рис. 12: 15**), округлая пластинчатая подвеска (**рис. 12: 16**). Среди украшений головного убора погребенной присутствовали спиральные биконические пронизи (**рис. 12: 17**). Анализ инвентаря погребения 148 посвящена отдельная публикация. В целом, близость состава женского убора из этого захоронения с уборами из погребения 8 могильника Индустрия-1 и материалами гробницы 1 могильника Терезе предполагают хронологическую близость всех этих комплексов (*Кадиева и др.*, 2020. С. 63).

К этому же периоду относится и детское погребение 184, в котором помимо браслета были обнаружены клыковидная (**рис. 12: 12**) и колесовидная (**рис. 12: 18**) подвески. Колесовидная подвеска из погребения 184 отлита некачественно — таким образом, что фактически получилась только половина предмета. Однако многочисленные аналогии позволяют восстановить образ, к созданию которого стремился древний мастер. Колесовидные подвески входят в тип VII по В.И. Козенковой (*Козенкова*, 1998. С. 4. Табл. XI: 9, 10), который исследовательница датирует X–VIII вв. до н.э. А.Б. Белинский и С.Л. Дударев продлили время бытования таких привесок до середины VII в. до н.э. (*Белинский, Дударев*, 2015. С. 357. Рис. 257: 8, 9). Ученые на материалах могильника Клинь-Яр III интерпретировали эти украшения как атрибуты жриц солярного культа. Однако погребение 184 могильника Заюково-3 принадлежало девочке, которая в силу возраста не могла достичь такого статуса.

Самое позднее погребение этапа IIa — захоронение 286 Заюково-3. Помимо шести браслетов типа I варианта 1 в погребении обнаружено ожерелье, состоящее из хорошо отшлифованных сферических сердоликовых бус, спиральных биконических пронизей (**рис. 12: 17**), а также подвесок в виде человеческой фигуры с поднятыми руками (**рис. 12: 19**) и головы барана (**рис. 12: 20**).

Роль подвесок в виде бараньих головок в структуре женских нагрудных уборов могильника Заюково-3 освещена в отдельной работе, там же

обосновывается их датировка в пределах второй половины VIII — первой половины VII в. до н.э. (Кадиева, Демиденко, 2020. С. 240).

Близка по стилистике этим подвескам и антропоморфная фигурка из погребения 286. С изображениями бараньих голов ее роднит овальная петля для подвешивания в виде шнура. Скульптурное изображение не имеет выраженных признаков пола, однако, судя по аналогиям, это женщина.

Женская фигурка этого типа обнаружена в могильнике Тли. Автор раскопок датировал ее XII–X вв. до н.э. (Техов, 1977. С. 176. Рис. 116: 5). Крупная женская фигурка входит в состав ожерелья из Лашкуты, которое В.М. Батчаев отнес к концу II — началу I тыс. до н.э. (Батчаев, 1985. С. 12. Рис. 4: 2). Обе эти подвески существенно крупнее и массивнее подвески из Заюково-3.

Подвески в виде женщин с поднятыми руками с овальными петлями за спиной происходят из окрестностей современного с. Верхний Баксан и хранятся в Британском музее в составе коллекции Науруза Урусбиева (Curtis, Kruszyński, 2002. Р. 12, 14. Fig. 8: 9, 10). Д. Куртис и М. Кручинский датировали эти подвески XII–X вв. до н.э. и указывали на их родство с женскими изображениями Северо-Западного Ирана и Луристана (Ibid. Р. 14). Три подобные фигурки являются частью составной подвески из Кобанского могильника, которую Я.В. Доманский датировал первой половиной I тыс. до н.э. (Доманский, 1984. С. 79, 81). О.А. Брилева отнесла три вышеупомянутые фигурки к IV–III вв. до н.э. (Брилева, 2012. С. 343: 442–444). Однако такая датировка явно завышена: вышеупомянутые стилистические особенности роднят антропоморфную подвеску из Заюково-3 с зооморфными и каплевидными подвесками второй половины VIII — первой половины VII в. до н.э.

С этапом IIб Заюково-3 связаны браслеты типа I варианта 2. В погребении 24 такой браслет сочетается с подвеской в виде беременной женщины (рис. 12: 22), с подвеской в виде головки барана (рис. 12: 20), с короткими железными булавками (рис. 12: 23), а также с булавкой, у которой головка скручена в трубочку, а стержень гладкий (рис. 12: 24). Подробный анализ погребального инвентаря этого захоронения осуществлен в отдельной публикации, где обосновывается датировка погребения в пределах первой половины VII в. до н.э. (Брилева и др., 2023. С. 129). В погребении 36 вместе с браслетом данного типа выразительного материала не обнаружено. Однако оно находилось в непосредственной близости от погребения 24 и могло быть совершено в близкое ему время.

Рядом с погребением 24 находилось и погребение 28, в котором обнаружен единственный на могильнике ножной браслет типа III варианта 3. Датировка этого комплекса укладывается в пределы первой половины VII в. до н.э. (Кадиева и др., 2020. С. 175). Погребение представляет собой захоронение мужчины с миской (рис. 12: 26), фибулой (рис. 12: 27), ворворкой (рис. 12: 28) и булавкой с гладким стержнем (рис. 12: 24). Однако браслет был обнаружен среди костей погребенной, смещенных основным захоронением. Среди инвентаря этого погребения находилась биконическая пронизь (рис. 12: 17), в связи с чем датировка именно браслета несколько более ранняя.

К этому же периоду относятся браслеты типа III. В погребении 304 с таким браслетом обнаружена гладкая булавка со свернутой в трубочку головкой (рис. 12: 24). Погребение 277 является самым богатым захоронением могильника доскифского времени. Однако в уборе погребенной довольно много архаичных элементов и датирующее значение имеют лишь некоторые из них: керамическое пряслице (рис. 12: 30), биконические пронизи



(рис. 12: 17), подвески в виде бараньих головок (рис. 12: 20), бляшка с перемычкой и дополнительной петлей (рис. 12: 31), подвески в виде капель (рис. 12: 32), подвески со сферическими завершениями (рис. 12: 33). Также на шею погребенной была надета железная гривна. Все эти предметы в совокупности указывают на датировку в пределах второй половины VIII — первой половины VII в. до н.э. (Кадиева, Демиденко, 2024а. С. 50).

В погребении 79 также были обнаружены каплевидная подвеска (рис. 12: 32), подвеска со сферическими завершениями (рис. 12: 33) и подвеска в виде головы барана (рис. 12: 20). Здесь же найдены железные стержни (рис. 12: 23) и биконическая пронизь (рис. 12: 17). Кроме этого, в составе погребального инвентаря присутствовали скопление бронзовых панцирных пластин (рис. 12: 34), низка белых стеклянных шайбовидных бус (рис. 12: 35), прозрачных бус зеленого стекла (рис. 12: 36) и крестовидная подвеска (рис. 12: 37). Датировка погребения — середина VII в. до н.э. (Кадиева и др., 2024. С. 142).

Погребение 270 является самым поздним захоронением этапа IIб Заюково-3. В инвентаре комплекса отсутствуют четкие хроноиндикаторы, помимо самого браслета, который по В.И. Козенковой относится к концу VII — первой половине VI в. до н.э. (Козенкова, 1998. С. 54. Табл. XVII: 10). Кроме данного украшения в захоронении присутствуют биконические спиральные пронизи (рис. 12: 17), проволочные спиральные височные подвески (рис. 12: 39) и булава с конической наконечником, покрытым елочным орнаментом (рис. 12: 40). Аналогий этим предметам в более ранних комплексах могильника Заюково-3 не обнаружено.

Проволочное височное колечко обнаружено в кургане 5 могильника Нартан (Батчаев, 1985. С. 24. Табл. 19: 9), который относится к поздней группе погребений могильника, датированной автором раскопок V в. до н.э. (Там же. С. 52).

Булавы с коническим наконечником, покрытым елочным орнаментом, обнаружены на могильнике Заюково-3 дважды: в погребении 33 (Кадиева, Демиденко, 2020. С. 237. Рис. 3: 12) и погребении 277 (Кадиева, Демиденко, 2024а. С. 49. Рис. 9: 4). В.И. Козенкова отнесла такие булавы к типу XXI (Козенкова, 1998. С. 69) и датировала их в пределах X–VIII вв. до н.э. Однако для могильника Заюково-3 все известные на сегодняшний день изделия данного типа происходят из погребений, которые были сооружены не ранее середины VIII в. до н.э. Эту дату подтверждает и исследование технологии изготовления булавок из Терезе, произведенное В.Р. Эрлихом, Н.В. Ениосовой и И.В. Рассохиной (Эрлих и др., 2023. С. 260–263). Коллектив исследователей на основе сопоставления с закавказскими аналогиями пришел к выводу о бытовании данного типа застежек в доскифское время (Там же).

На протяжении **этапа III** на могильнике Заюково-3 бытуют браслеты VI–X типов. Их датировка определяется наличием проверенных и общепризнанных в научном сообществе хроноиндикаторов — оружия и украшений в скифском зверином стиле.

Комплекс вооружения, обнаруженный в погребениях носителей браслетов, в этот период состоял из мечей или кинжалов-акинаков с почковидным перекрестием и брусковидным (рис. 12: 45) или антенным (рис. 12: 46) наконечником, копий с листовидными наконечниками (рис. 12: 47) и стрел с бронзовыми (рис. 12: 51) и железными (рис. 12: 52) трехлопастными, а также железными пулевидными (рис. 12: 53) наконечниками. В погребении 73 был обнаружен топор (рис. 12: 41). Ножны клинкового

оружия в двух случаях были снабжены бутеролями из железа (**рис. 12: 50**) и в двух — из бронзы (**рис. 12: 48, 49**). В последнем случае оковки ножен были украшены в кобанском варианте скифского звериного стиля.

В собственно скифском зверином стиле были выполнены уздечные накладки из погребения 142 (**рис. 12: 54–56**).

Характерным инструментом в погребальном инвентаре были четырехгранные шилья (**рис. 12: 57**), в мужских погребениях встречались конические ворворки (**рис. 12: 58**).

Украшения, свойственные как мужчинам, так и женщинам, представлены височными кольцами в 1,5 оборота (**рис. 12: 59**) и двоякоизогнутыми подвесками (**рис. 12: 64**). Часто использовались бронзовые цепочки в качестве нагрудного украшения, портупеи или элемента узды (**рис. 12: 60**). На руки погребенных надевали пластинчатые перстни (**рис. 12: 62**) или перстни с парой или двумя парами спиралей (**рис. 12: 61**).

Единственным предметом кавказской зооморфной пластики является сильно схематизированная баранья головка с двумя ответвлениями из погребения 121 (**рис. 12: 63**). Аналогия этому изделию обнаружена А.Ю. Скаковым и А.И. Джопуа в погребальной яме 5 могильника Джантух (*Скаков, Джопуа, 2018. Рис. 5: 19*), которую авторы раскопок датируют второй половиной IV — III в. до н.э. (Там же. С. 123). Однако в коллективное кремационное погребение могли попасть и более древние предметы.

Все предметы этапа III Заюково-3 укладываются в пределы второй половины VI — первой половины V в. до н.э., обоснованию чего посвящен ряд работ (*Кадиева и др., 2019; Кадиева, Демиденко, 2022; 2024б*).

### Заключение

Проанализировав относительную хронологию комплексов с браслетами, можно наметить абсолютную датировку трех первых этапов функционирования могильника Заюково-3.

**Этап I** укладывается в пределы X, возможно, начала IX в. до н.э. **Этап II** охватывает период с IX до середины VII в. до н.э. или, возможно, до второй половины VII в. до н.э. **Этап II** делится на две стадии: **стадия IIa** — IX — середина / вторая половина VIII в. до н.э., **стадия IIб** — конец VIII — середина / вторая половина VII в. до н.э. Между выделенными этапами и стадиями отсутствовали четкие границы, переход происходил постепенно, при этом сохранялся ряд признаков предшествующего периода.

Погребения, которые можно было бы уверенно датировать второй половиной VII — первой половиной VI в. до н.э., на могильнике Заюково-3 не обнаружены. Выявление их является делом времени или в функционировании некрополя имел место перерыв.

**Этап III** начинается не ранее второй половины VI в. и завершается не позднее середины V в. до н.э. В более позднее время из погребального инвентаря могильника Заюково-3 браслеты исчезают до начала сарматского периода.

Материалы могильника Заюково-3 показывают, что браслеты могут быть не только хроноиндикатором. Данные украшения демонстрируют внешние связи племенной группы, а также подчеркивают специфику ее костюма.

Так, браслеты типа I, традиционно считающиеся характерными для всего ареала кобанской культурно-исторической области, отсутствуют в погребениях могильников Клинь-Яр III и Белореченский-2, но доминиру-

ют среди материалов могильника Терезе (Козенкова, 2004. С. 118. Табл. 31: 6, 7). В могильнике Верхний Куркужин встречаются только браслеты VI и X типов<sup>3</sup>, в могильнике Уллу — только браслеты VII типа. Остальные типы браслетов из обоих могильников не совпадают с типами браслетов из Заюково-3.

Аналогии браслетам типов III и V происходят в основном с территории Западного Закавказья, что указывает на регион формирования облика этих предметов. Однако происхождение украшения совершенно необязательно должно соответствовать происхождению его носительницы. Если в погребении 277 действительно значительная часть элементов нагрудного убора могла быть создана колхидскими мастерами (Кадиева, Демиденко, 2024а. С. 52), то в остальных погребениях с этими браслетами, за исключением стеклянных бус в захоронении 79, нет никаких явных закавказских предметов. Кроме того, наличие массивных дротовых браслетов в погребениях Заюково-3 финала доскифского периода может указывать на связи не с Закавказьем, а с территорией Кисловодской котловины, где такие браслеты были весьма распространены.

Анализ браслетов могильника Заюково-3 и сопоставление их набора с синхронными памятниками сопредельных регионов продемонстрировали, что данная категория украшений весьма показательна и наравне с погребальным обрядом и керамикой является достаточно перспективной для выделения локальных вариантов западной кобанской археологической культуры. В перспективе необходимо выявлять не только типы браслетов, но также их сочетания в погребальном инвентаре могильников с большим количеством изученных захоронений.

### Литература

- Апакидзе А.М., Николайшвили В.В., Сихарулидзе А.Н., Мелитаури К.Н., Гагошидзе Ю.Г., Хецурианани П.Г., Гиунашвили П.Г., Манджгаладзе Г.Н., Нариманашвили Г.К., 1987. Археологические работы в Мцхета и ее округе // ПАИ в 1984–1985 гг. С. 47–50.
- Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И., 1981. О неизвестных погребальных комплексах предскифского времени из окрестностей Кисловодска // СА. № 2. С. 161–177.
- Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2: Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н.э. — II в. н.э.). Нальчик: Эльбрус. С. 7–115.
- Белинский А.Б., Дударев С.Л., 2015. Могильник Клинь-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала эпохи раннего железа. Ставрополь: Дизайн-студия Б. 446 с.
- Белинский А.Б., Канторович А.Р., Маслов В.Е., Райнхольд С., 2021. Раскопки горного могильника Уллу // Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа. Памяти доктора исторических наук В.И. Козенковой / Отв. ред.: А.А. Малышев, А.Ю. Скаков. М.: МАКС Пресс. С. 97–116.
- Брилева О.А., 2012. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. — X в. н.э.). М.: Таус. 424 с.
- Брилева О.А., Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2023. Эволюция образа сидящего божества в бронзовой антропоморфной пластике Кавказа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь: Печатный двор. Вып. 16. С. 126–137.
- Вальчак С.Б., Скаков А.Ю., 2002. Клад из Мехчис-Цихе в контексте хронологии памятников Юго-Западного Закавказья // РА. № 2. С. 132–141.

3 Благодарим авторов раскопок могильника Верхний Куркужин Ю.В. Марченко и М.А. Котина за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

- Доманский Я.В., 1984. Древняя художественная бронза Кавказа. М.: Искусство. 240 с.
- Дударев С.Л., 2004. Белореченский 2-ой могильник — памятник эпохи раннего железа Кавказских Минеральных вод // МИАСК. Вып. 3. С. 15–100.
- Иессен А.А., 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. № 3. С. 7–50.
- Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2020. Небесное стадо: ожерелья предскифского времени с подвесками в виде голов баранов из могильника Заюково-3 (по материалам раскопок 2015 г.) // ДИАЛОГ 2017–2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: Материалы объединенного семинара Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2017 г.; Москва, 6–7 декабря 2018 г.) / Отв. ред.: Е.С. Ливанова, А.Ю. Смирнов. М.: ИА РАН. С. 232–244.
- Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2022. Воинские погребения скифской эпохи могильника Заюково-3 // Stratum plus. № 3. С. 423–440.
- Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2024а. К вопросу о связях населения Баксанского ущелья финала предскифской эпохи // Открытия и успехи кавказской археологии / Отв. ред. В.Ю. Малашев. М.; Нальчик: ИА РАН. С. 42–64.
- Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2024б. Всаднические погребения скифского времени на могильнике Заюково-3 // Stratum plus. № 3. С. 145–164.
- Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2025. Два неординарных воинских погребения скифской эпохи на могильнике Заюково-3 // КСИА. Вып. 278. С. 157–175.
- Кадиева А.А., Вальчак С.Б., Демиденко С.В., 2020. Мужские погребения предскифского времени в вытянутом положении на могильнике Заюково-3 (по материалам раскопок Объединенной Северокавказской археологической экспедиции ГИМ, КБГУ и ИА РАН в 2015 г.) // КСИА. Вып. 258. С. 165–180.
- Кадиева А.А., Вальчак С.Б., Демиденко С.В., 2024. Погребение с бронзовыми пластинами финала предскифской эпохи из могильника Заюково-3 // КСИА. Вып. 275. С. 132–146.
- Кадиева А.А., Демиденко С.В., Емкужев А.А., 2020. Погребение предскифского времени с бронзовым нагрудным убором из могильника Заюково-3 (предварительная публикация) // Кавказология. № 2. С. 50–67.
- Кадиева А.А., Маслов В.Е., Биркина Н.А., Демиденко С.В., 2019. Погребение конца VII – V вв. до н.э. из могильника Заюково-3 // SCYTHIA ET SARMATIA. Сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: МАКС-Пресс. С. 79–88.
- Козенкова В.И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М.: ИА РАН. 200 с. (САИ. Вып. В2-5.)
- Козенкова В.И., 2004. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII вв. до н.э. М.: Памятники исторической мысли. 220 с. (МИИХНСК. Вып. V.)
- Козенкова В.И., 2008. О потенциале «забытых» коллекций: древности кобанской культуры в Собрании Коссниерской // ПИФК. Вып. XXI. С. 159–181.
- Кривицкий В.В., 1986. Бронзовый предмет из крематория эпохи поздней бронзы Верхней Рутхи // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Орджоникидзе: Сев.-Осет. науч.-исслед. ин-т истории, филологии и экономики. С. 30–32.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2012. Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников Правобережья Кубани). Краснодар: Традиция. 312 с.
- Мошинский А.П., Скаков А.Ю., 2023. Кобано-колхидская культурно-историческая общность: внутренняя структура и отражающие ее понятия // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь: Печатный двор. Вып. 16. С. 126–137.
- Петренко В.Г., 1978. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. М.: Наука. 144 с. (САИ. Вып. Д4-5.)
- Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2018. Бронзовая зооморфная пластика Северо-Западной Колхиды (могильник Джантух) // КСИА. Вып. 253. С. 120–139.
- Техов Б.В., 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.: Наука. 240 с.
- Техов Б.В., 2000. Новый памятник эпохи бронзы в Южной Осетии (Стыфаз. кромлехи). Владикавказ: Сев.-Осет. науч. центр; Цхинвал. 240 с.
- Уварова П.С., 1900. Могильники Северного Кавказа. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова. XII, 381 с. (МАК. Вып. VIII.)

- Эрлих В.Р., Ениосова Н.В., Рассохина И.В., 2023. Металл «киммерийской элиты» Северного Кавказа (по материалам гробницы 3 могильника Терезе) // Восток (Oriens). № 2. С. 253–278.
- Curtis J., Kruszyński M., 2002. Ancient Caucasian and Related Material in the British Museum. London: The British Museum. 128 p. (The British Museum Occasional Paper. No. 121.)
- Makhortykh S., Pomberger B.-M., Wegner W., Winkler V., Grömer K., 2024. About one group of metal magical objects in the Koban culture // Revista Archeologică. Serie nouă. Vol. XX, nr. 2. P. 64–82.
- Motzenbäcker I., 1996. Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte. 294 S. (Bestandskataloge. Bd. 3.)
- Tortaladze Z., Gvelesiani M., 2019. Larilari burial. Tbilisi: Georgian National Museum. 100 p.

## Bracelets of the pre-Scythian and Scythian periods of the Zayukovo-3 cemetery (Western Koban culture)

Anna A. Kadieva<sup>4</sup>, Sergey V. Demidenko<sup>5</sup>

The article is devoted to the systematization of bracelets from the Zayukovo-3 cemetery and their comparison with synchronous necropoleis in the region, allowing for an examination of the pre-Scythian and Scythian periods (10<sup>th</sup>–5<sup>th</sup> centuries BC). A total of 52 ornaments of this category are divided into 10 types. The burial inventories enable us to trace the chronological development of these types, identify three stages in the necropolis's functioning, and consider the bracelets as chrono-indicators of these stages. The combinations of bracelet types in the attire of those buried at the Zayukovo-3 cemetery, and their comparison with synchronous necropoleis of the region, make it possible to view the bracelet as an important element of women's attire in the pre-Scythian period, and of both men's and women's attire in the Scythian period. This feature may in the future serve as one of the criteria for identifying local variants of the Western Koban archaeological culture.

**Keywords:** North Caucasus, Baksan Gorge, Zayukovo-3 cemetery, Western Koban archaeological culture, pre-Scythian period, Scythian period, bronze bracelets, typology, chronology

- 
- 4 Anna A. Kadieva — The State History Museum, 1 Krasnaya Pl., Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: adelgeida85@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9759-077X.
- 5 Sergey V. Demidenko — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: svdemidenko@hotmail.com; ORCID: 0000-0002-6462-0132.

## Состав сплава и функциональность железных топоров из могильника Джантух (Северо-Западное Закавказье) по данным минералого-геохимических исследований<sup>1</sup>

М.А. Кулькова<sup>2</sup>, М.Т. Кашуба<sup>3</sup>, А.И. Джопуа<sup>4</sup>, А.М. Кульков<sup>5</sup>

*В настоящей статье авторы вернулись к обсуждению проблемы функциональности проанализированных топоров из памятника раннего железного века Джантух (Северо-Западное Закавказье), ранее кратко затронутой в совместной статье с А.Ю. Скаковым. Проведенные минералого-геохимические исследования шести железных топоров из «тайника» погребальной ямы № 7 могильника и пяти шлаков из металлургической зоны поселения показали, что шлаки железодельного производства не связаны с этими топорами. Топоры были произведены из шлаков бронзолитейного производства, содержащих большое количество железа. В «тайнике» обнаружены материалы, основной комплекс которых типологически относится ко второй половине V — первой половине IV в. до н.э., включающий также находки VI в. до н.э. Таким образом, на памятнике Джантух в условиях определенной изоляции проживания в горной местности использовалось безотходное металлургическое производство, сохранялись традиции предшествующего времени, о чем свидетельствует и общая архаизация материальной культуры обитателей Джантуха. Судя по составу железа, помещенные в «тайник» железные топоры не могли использоваться в качестве орудий или*

- 1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФ (проект № 22-18-00065-Продление, <https://rscf.ru/project/22-18-00065/> «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход») в РГПУ им. А.И. Герцена.
- 2 Марианна Алексеевна Кулькова — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. Мойки, д. 48/12, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; e-mail: kulkova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9946-8751.
- 3 Майя Тарасовна Кашуба — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. Мойки, д. 48/12, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., д. 18А, Санкт-Петербург, 191181, Российская Федерация; e-mail: mirra-k@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8901-8116.
- 4 Аркадий Иванович Джопуа — Абхазский государственный музей, ул. Леона, д. 22, Сухум, 384900, Республика Абхазия; e-mail: arkadi100@rambler.ru; ORCID: 0000-0001-5236-6555.
- 5 Александр Михайлович Кульков — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. Мойки, д. 48/12, Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация; Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация; e-mail: aguacrystals@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2001-2231.

оружия и несли, скорее, функцию дарения. Затронута фундаментальная проблема касательно технологических принципов перехода от производства бронзы к производству железа, когда изготавливать железо могли одни и те же мастера, имея в арсенале шихты (с железом) от использования сульфидных и полиметаллических руд.

**Ключевые слова:** Кавказ, Джантух, ранний железный век, колхидские культурные традиции, железные топоры, минералого-геохимические исследования, использование бронзолитейных шлаков, ритуальные изделия

<http://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-478-4.219-233>

## Введение

Во II–I тыс. до н.э. в Кавказском регионе отмечен расцвет металлургического производства, о чем свидетельствуют не только изделия из меди, бронзы и железа, но также остатки шлаков, конструкции печей (Эрлих, 2007, со ссылками на предыдущую литературу; и др.). Выплавка меди и производство бронзы в древней Колхиде развивались в переходный период от бронзового к железному веку, а также в раннем железном веке (Erb-Satullo *et al.*, 2014; 2018).

В отличие от районов Ближнего Востока, развитие металлопроизводства на Южном Кавказе проходило в кардинально иных социально-экономических условиях, несмотря на тесные контакты населения этих регионов (Ibid.). Это связано, в первую очередь, с географическими условиями расположения металлургических центров. В горных условиях Кавказа источники руды, как правило, расположены вблизи поселений и доступны для металлургов, которые могли рядом с поселениями и в непосредственной близости от выхода источников рудного сырья организовывать металлургические центры. На характер производства металла и торговлю в горной местности повлияло широкое пространственное распределение поселений и городищ. Каждый отдельный металлургический центр имел возможность развиваться независимо от других центров.

Вероятно, такие пространственно-географические особенности способствовали тому, что развитие центров черной металлургии в раннем железном веке происходило в местах предшествующих металлургических центров позднего бронзового века (см.: Badalyan *et al.*, 2009; Erb-Satullo, 2018; Гзелишвили, 1964), которые, как правило, находились вблизи поселений и крепостей на вершинах холмов. Связь металлургических технологий эпохи бронзы и раннего железного века прослеживается и по многочисленным коллективным захоронениям VIII–VI вв. до н.э., в которых совместно находились изделия из медных сплавов и железные артефакты (Микеладзе, Барамидзе, 1977; Микеладзе, 1985; 1990; Папуашвили, 2011; Скаков, 2011; и др.). Этот факт является доказательством длительного периода сосуществования двух направлений металлопроизводства на Кавказе. Географические условия горной местности способствовали локальному развитию технологий и передаче навыков и знаний от поколения к поколению. Близкие параллели определенных типов артефактов, выполненных как из медного сплава, так и из железа, предполагают тесную связь между традициями обработки этих металлов (см.: Erb-Satullo *et al.*, 2018; 2020). Большое количество относительно небольших металлургических центров было распространено в предгорных районах, образуя рассеянный, но крупномасштабный региональный «металлургический» ландшафт.



Относительно времени появления и характера принятия железа в регионе Южного Кавказа остается неопределенность, однако по данным большинства исследователей (*Пануашвили*, 2011; *Erb-Satullo et al.*, 2018; и др.), развитие черной металлургии относится здесь к VIII–VI вв. до н.э. Одним из наиболее ранних памятников, на котором обнаружены свидетельства локального производства железа, является Самегрело. На городище Мецамор открыт крупнейший металлургический комплекс (*Erb-Satullo et al.*, 2018). К другим памятникам региона с комплексами железных артефактов VIII–VI вв. до н.э. относятся Эргета, Дгхваба и Цаиши (*Apakidze*, 2009. S. 412 f.; *Papuaashvili*, 2012; и др.).

Согласно проведенным Г.А. Вознесенской исследованиям (*Вознесенская*, 1975), железные изделия из Тлийского могильника (X–IX вв. до н.э.) изготовлены из различных сортов стали. Древним металлургам Южного Кавказа были известны такие сложные технологии, как сквозная цементация готового изделия, а также поверхностная и локальная цементация, что характеризует изделия из такого металла, как очень высокого качества. Сталь соответствует по уровню рецептуре дамасской стали. Кавказские кузнецы владели таким специфическим приемом, как термическая обработка, которая придавала прочность стали, а также приемами мягкой термической обработки. Эти и другие техники закалки были установлены для изделий из памятников Колхиды VII–II вв. до н.э. (*Бгажба и др.*, 1989. С. 137).

На памятниках кобанской культурно-исторической области Центрального и Северного Кавказа, которая сформировалась в позднем бронзовом веке (XIII в. до н.э.) и дожила до скифского периода (IV в. до н.э.), наиболее распространены изделия из железа, изготовленные с применением отмеченных инновационных металлургических технологий. У ее носителей отдельные железные орудия, часто копирующие формы предшествующих бронзовых изделий (копья, кинжалы, ножи), появляются уже в X–VIII вв. до н.э. (см.: *Завьялов, Терехова*, 2024).

### Краткая характеристика памятника Джантух

Железные изделия в значительном количестве найдены и на памятнике Джантух, расположенном в Абхазии (**рис. 1**). Он находится на двух отрогах горы Джантух (ущелье р. Галидзга (Аалдзга)) на высоте ~700 м над уровнем моря. Археологические раскопки проводились на поселении с производственным участком и на могильнике с погребальными и погребально-поминальными сооружениями.

Участок с многочисленными находками металла найден на северо-восточном склоне горы Джантух и был отнесен к крупному металлургическому центру (*Шамба, Шамба*, 1990; *Скаков, Джоуа*, 2021). На северо-западном склоне, на расстоянии 500 м от центра обнаружен могильник с кремированными останками (*Скаков, Джоуа*, 2012; *Скаков и др.*, 2013; и др). Все открытые объекты датируются широким временным интервалом от XIII–XI до III/II–I вв. до н.э. По данным авторов раскопок, погребальные ямы с кремациями и многочисленным инвентарем могли использоваться многократно в разные периоды.

В 500 м от грунтового могильника расположено поселение, синхронное могильнику и датирующееся от IX–VIII до II–I вв. до н.э., на нем выделены два культурных слоя, верхний из которых содержал античный импорт (*Скаков и др.*, 2019). Раскопана металлургическая зона (84 кв.м) — комплекс с каменными стенами с севера и востока, который составляли до восьми



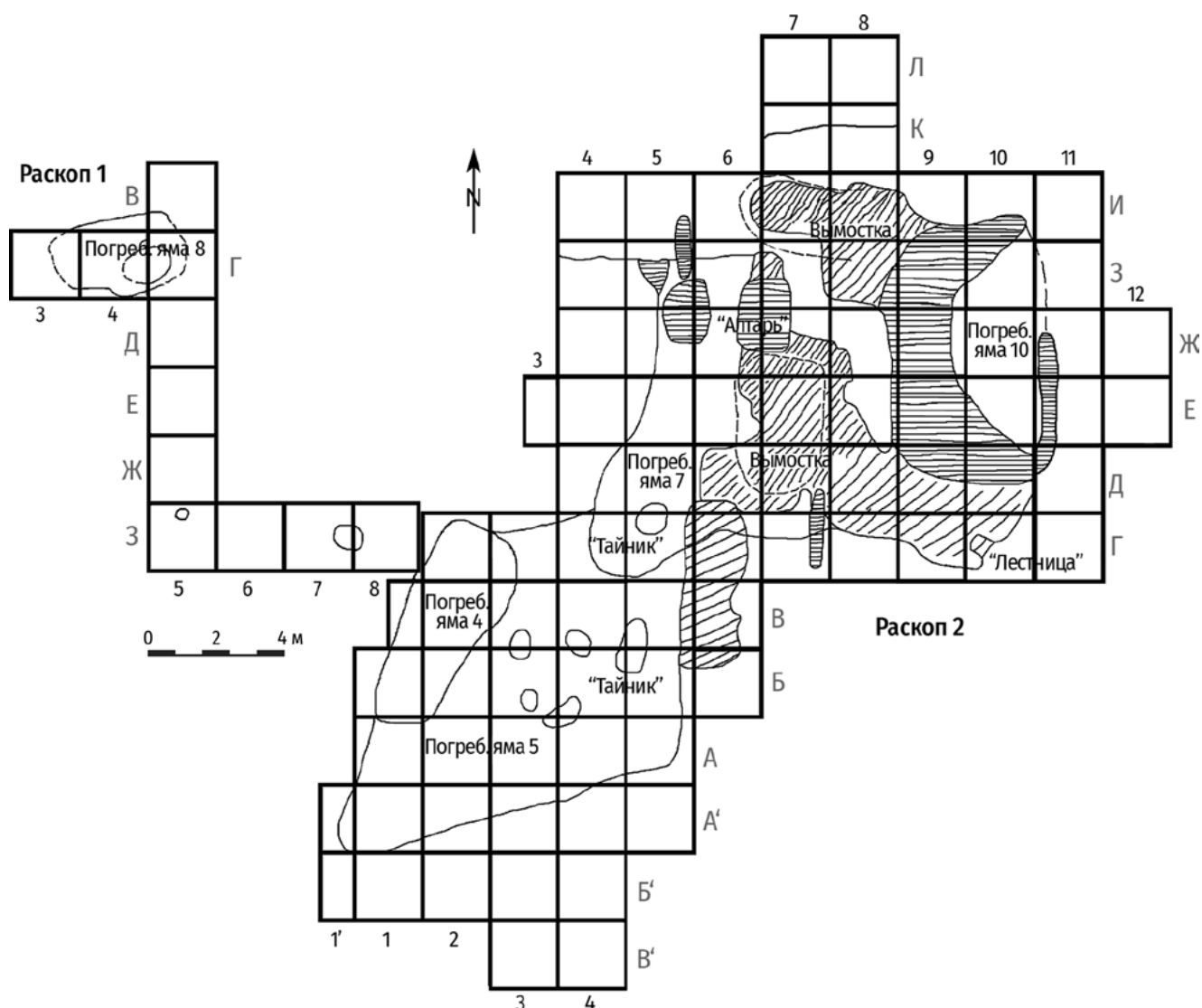
**Рис. 1.** Вершина горы Джантукх (Восточная Абхазия). Фотография А.Ю. Скакова

**Fig. 1.** The top of Mount Dzhantukh (Eastern Abkhazia). Photo by Aleksandr Yu. Skakov

металлургических горнов различной степени сохранности. Горны наземного и заглубленного типов, размеры их разные: от  $0,47 \times 0,57$  м при глубине  $0,24\text{--}0,26$  м до  $1,0 \times 1,4$  м при глубине  $0,05\text{--}0,07$  м и  $0,70\text{--}0,75 \times 1,15$  м при глубине  $0,25\text{--}0,28$  м. В средней части комплекса со стенами после снятия камней выявлена прямоугольная каменная конструкция. На всей площади помещения и примыкающем пространстве обнаружено большое количество шлака. Встречены также керамический брак (?) и ошлакованная керамика, но, возможно, это остатки внутригорновых конструкций. Многочисленны и находки фрагментов глиняной обмазки. Авторы раскопок отметили высокий уровень каменной архитектуры (Там же).

На могильнике раскопаны три участка с погребальными и погребально-поминальными сооружениями (Скаков, Джоуа, 2012; 2018; и др.). Погребальные ямы имели сравнительно большие размеры ( $7,7 \times 2,9$ ,  $5,2 \times 2,7$ ,  $10 \times 6$  и  $11 \times 12$  м), в ранних комплексах зафиксированы коллективные захоронения по обряду кремации на стороне, в более поздних — по обряду кремации на месте. Хотя большинство погребальных ям Джантуха (за исключением древнейших) ограблено, в них обнаружены разнообразные и представительные материалы (Там же). В раскопе 2 был исследован погребально-поминальный комплекс (~160 кв.м) конца VIII/VII — второй половины IV/III(II) в. до н.э., к ЮЗ от которого раскрыты две погребальные ямы (№ 5 и 7) с «тайниками» — обустроенными в материке ямами (овальной и круглой формы), устье которых было запечатано глиняной крышкой (рис. 2).

Ямы-«тайники» были заполнены многочисленными и разнообразными бронзовыми (колокольчики, фибулы, браслеты, шейные кольца, цепи, бляшки, подвески нескольких видов, «футляры», накладные пластины с гравированными зооморфными изображениями, единичные зооморфные украшения) и железными (копья, ножи, кинжалы, топоры) изделиями, при



этом полностью отсутствовали керамика, бусы, некоторые украшения, орудия труда, а также кости. По мнению авторов раскопок, эти «тайники» с преимущественно предметами мужской (воинской) субкультуры, представляли собой поминальные комплексы, сохраняющие «сокровища мертвых», и могли заменять сами могилы (Скаков, Джоуа, 2018. С. 158–160) или их символизировать, т.е. являться кенотафами.

Процесс кремации на месте в погребальной яме № 7 не производился, кремированные кости были захоронены внутри ямы позднее, при этом помещенные в «тайник» предметы были сильно обожжены. В «тайнике» (диаметром 2,3 м и глубиной 0,5 м) находились изделия, большая часть которых относится к первой половине V — первой половине IV в. до н.э. (Скаков, Джоуа, 2020а; 2020б), хотя авторы раскопок отмечали присутствие среди находок и бронзового сегментовидного орудия (бытовавшего не позднее конца VI в. до н.э.), а также заметного числа железных топоров архаичного типа (см.: Скаков, Джоуа, 2018. С. 160).

Относительно железных топоров отмечено, что в Джантухском могильнике преобладают достаточно массивные их формы с укороченной обушной частью. Отдельные образцы изделий находят аналогии на памятниках Бзыбской (Западной) Абхазии. В «тайник» погребальной ямы № 7 были помещены топоры со слегка расширенным лезвием (тип 2) и топоры-секиры (тип 3). Анализ всего массива железных топоров рас-

**Рис. 2.** Могильник Джантух (Восточная Абхазия). План-схема основных объектов на раскопах 1 и 2, включая «тайники» погребальных ям № 5 и 7 (по: Скаков, Джоуа, 2018. Рис. 1)

**Fig. 2.** Burial ground Dzhantukh (Eastern Abkhazia). Plan-scheme of the main objects in trenches 1 and 2, including the «caches» of burial pits No. 5 and No. 7 (after Скаков, Джоуа, 2018. Рис. 1)

смаатриваемого региона показал наличие здесь линии их самостоятельного типологического развития с VII–VI до IV–III вв. до н.э. Находки локальных типов предметов вооружения на памятниках других территорий могут быть свидетельством межкультурных связей древнего населения Кавказского региона (Скаков, Джоуа, 2019; Козубова, 2010).

На поселении Джантух впервые на территории Абхазии был обнаружен столь масштабный металлургический производственный центр раннего железного века, в котором выплавляли изделия из бронзы и железа, а также выявлена особенность колхидского погребального обряда («тайники» в погребальных ямах), неизвестная в раннем железном веке других регионов Кавказа. Памятники горы Джантух относятся к выделенному А.Ю. Скаковым джантухско-лариларскому локальному варианту ингуро-рионской колхидской культуры, входившей в кобано-колхидскую культурно-историческую область (см.: Мошинский, Скаков, 2023).

### Методы исследования

Исследования погребального и металлургического комплексов включали изучение шести железных топоров из «тайника» погребальной ямы № 7 могильника (рис. 3) и пяти фрагментов металлургических шлаков из металлургической зоны поселения Джантух.

Образцы металла от топоров и металлургических шлаков проанализированы методами микронзондового анализа (SEM–EDX), рентгено-спектрального флуоресцентного анализа (pXRF). Минеральный состав шлаков также был исследован с помощью рентгено-фазового дифракционного анализа. Подробные описания методики проведения анализов и полученных результатов представлены в отдельной работе (Kulkova et al., 2023).

### Результаты минералого-геохимических анализов топоров и шлаков

Минералого-геохимический анализ **железных топоров** из могильника Джантух показал, что основу сплава для всех топоров составляют окислы железа — магнетит ( $\text{Fe}^{2+}\text{Fe}_2^{3+}\text{O}_4$ ) с включениями оксидов железа и меди в форме  $\text{Fe}(\text{Cu})\text{O}$ . Чистое железо или карбиды железа не выявлены. В качестве примесей присутствуют включения зерен пирита ( $\text{FeS}_2$ ), акантита ( $\text{Ag}_2(\text{Sb}, \text{Hg})\text{S}$ ), касситерита ( $\text{Sn}(\text{Fe})\text{O}_2$ ). Для четырех образцов (№ 2, 3, 4, 5) отмечаются также включения халькопирита ( $\text{CuFeS}_2$ ), гранулы сплава бронзы ( $\text{Cu-Sn-Ni-Fe}$ ). По трещинам структуры железного сплава можно отметить включения зерен апатита ( $\text{Ca}_5[\text{PO}_4]_3(\text{OH}, \text{F})$ ) и вивианита ( $\text{Fe}_3(\text{PO}_4)_2 \cdot 8\text{H}_2\text{O}$ ).

Присутствие в составе железных сплавов сульфидов, таких как пирит и халькопирит, позволяет сделать вывод об использовании сульфидных руд для выплавки. Железо в топорах представлено в основном в виде магнетита ( $\text{Fe}^{2+}\text{Fe}_2^{3+}\text{O}_4$ ), что свидетельствует о нестабильной атмосфере внутри печи, присутствии кислорода и недостаточном восстановлении до образования чистого железа (Di Bella et al., 2018), т.е. это индикатор того, что процесс выплавки железа и получения крицы не соответствовал комплексу условий, которые требуются для выплавки качественного кричного железа. Присутствие серы при выплавке железа из руды, с одной стороны, снижает температуру плавления железа до  $880^\circ\text{C}$  и обеспечивает переход железа в расплавленную форму, с другой, присутствие серы в железных сплавах ухудшает их качество.

В структуре образца № 2 (рис. 3) наблюдаются оболочки сульфида железа (пирита) вокруг зерен магнетита. Формирование таких структур



**Рис. 3.** Могильник Джантух (Восточная Абхазия). 1–6 — железные топоры из «тайника» погребальной ямы № 7, подвергавшиеся лабораторному изучению. Рисунки А.Ю. Скакова

**Fig. 3.** Burial ground Dzhantukh (Eastern Abkhazia). 1–6 — iron axes from the “cache” of burial pit No. 7, undergoing laboratory study. Drawings by Aleksandr Yu. Skakov

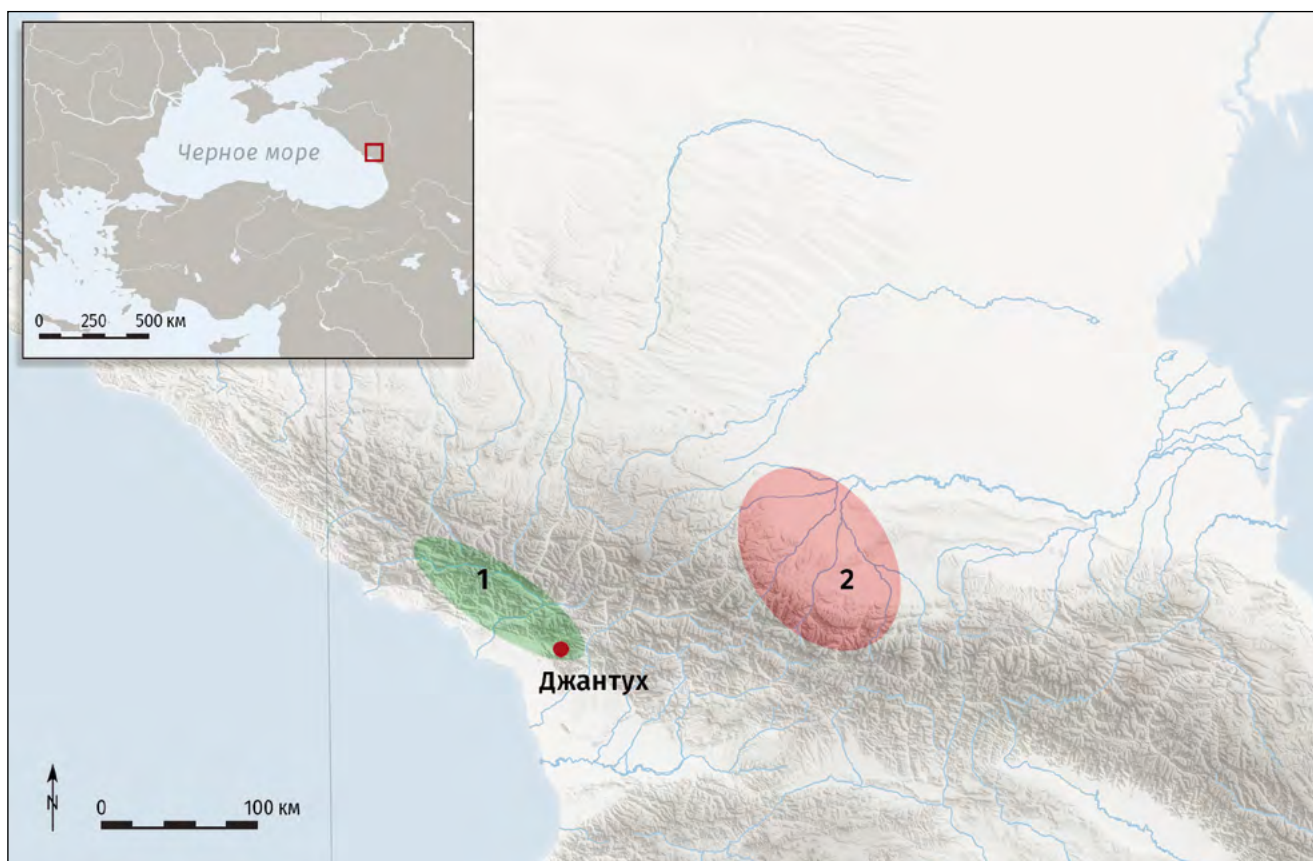
приводит к развитию микротрещин внутри сплава. Этот дефект известен в металлургии, как «красноломкость», т.е. хрупкость в нагретом состоянии (Nagumo, Hida, 1983; Rao, 1985). Комплекс таких минеральных включений (шлаков) внутри магнетитовой матрицы в пяти образцах (№ 1–5), как акантит, пирит и халькопирит, может свидетельствовать об использовании сульфидных руд. В образцах железного сплава наблюдаются отдельные капли бронзового сплава (Cu–Sn–Ni–Fe), а также включения железомедных оксидов (Fe(Cu)O). Формирование такого состава может свидетельствовать не просто об использовании сульфидных руд, а, более вероятно, использовании шлаков, образовавшихся после выплавки бронзы из медно-колчеданных руд. Образец № 6 содержит включения англезита (Pb(Fe)SO<sub>4</sub>) и включения гранул Ni–Cr–Fe. Обогащение железного сплава такими микроэлементами, как Pb, Sb, Ni, Ag, Hg, указывает на использование полиметаллических руд. Выходы полиметаллических руд известны недалеко от Джантуха — в Абхазии, в районе Кавказского хребта (рис. 4).

Согласно анализу минералого-геохимического состава **металлургических шлаков** из металлургической зоны поселения Джантух имеются различные типы шлаков, которые относятся как бронзолитейному, так и к железоделательному производству. Сравнение химического состава проанализированных железных топоров из «тайника» погребальной ямы № 7 с составом железного шлака из металлургической зоны поселения Джантух показывает видимые различия (Kulkova et al., 2023). Практически все образцы железных шлаков характеризуются минеральным составом, отвечающим высоким температурам выплавки. Анализ технологических характеристик шлаков позволяет сделать вывод, что практически все шлаки относятся к шлакам кричной плавки. Железо производилось из магнетит-ильменитовых или магнетитовых руд при высоких температурах и восстановительных условиях в печах. Такие характеристики шлаков противостоят минеральному и химическому составам и структуре железных сплавов, из которых изготовлены топоры. Состав сплавов топоров больше соответствует химическому составу шлаков, оставшихся от бронзолитейного производства. В составе топоров, как и в бронзолитейных шлаках, отмечается присутствие повышенного содержания таких микроэлементов, как Cu–Sn–Pb–Ni–As–Sb (см.: Кузьминых и др., 2021). Наряду с таким комплексом микроэлементов в шлаках отмечено и высокое содержание железа — до 4,75–6,35%.

### Обсуждение полученных результатов

Анализ железных топоров дал возможность оценить использование сульфидных руд, которые применялись не только для выплавки бронзы, но также являлись производными для выплавки железа. Эксплуатация первичных сульфидных руд, из которых выплавлялись медные и бронзовые изделия в эпоху бронзы, отмечается во многих регионах, например, в Карпато-Дунайском бассейне, Альпийском регионе, на Урале (Mehofer et al., 2021; Artioli et al., 2015; Анкушев и др., 2023). Индикатором использования этих руд являются включения халькопирита и пирита в значительных количествах в структуре металлургических шлаков, также как и включения агрегатов железа в медных шлаках (Григорьев, 2013. С. 292, 410, 471, 550; Ермолаева, Русанов, 2022. С. 157–160). По данным М.Н. Анкушева и соавторов (Анкушев и др., 2023), на памятниках бронзового века Южного Урала (Левобережное) встречаются остатки сплава с включениями Ni–Co–As–Sb–S–Cr,





что свидетельствует об использовании обогащенной железом сульфидной шихты с добавками As- и Sb-содержащих минералов. Изучение химического состава бронзовых серпов из Сосново-Мазинского клада (*Shishlina et al.*, 2022) позволило установить значительное содержание в них железа (до 7,85 мас.%), что объясняется использованием халькопиритовых руд для выплавки меди.

При раскопках поселения Кент позднего бронзового века (XIII в. до н.э.) (Карагандинская обл., Центральный Казахстан) обнаружена производственная площадка Алат, на которой были открыты бронзолитейные и одни из самых ранних железovarочных печей с остатками железной руды и железистого шлака (*Бейсенов и др.*, 2023). Для выплавки использовалась руда из расположенного в 25 км железорудного месторождения Кентобе (*Анкушев и др.*, 2023).

В отличие от высококачественных кованых железных топоров, которые производились в VIII–VI вв. до н.э. на Кавказе с использованием развитых технологических процессов черной металлургии, а также обнаруженного недавно железного топора в Казахстане (могильник Кызылжартас, раннесакский период — см.: *Бейсенов и др.*, 2023), все исследованные топоры из Джантуха отличаются низким качеством и не могли быть использованы для утилитарных целей. Они хрупкие и раскалываются на пластины из-за некачественного железного сплава, состоящего из окислов железа с включениями шихты (пирита, халькопирита) и включениями бронзовых сплавов. Тот факт, что они изготавливались с использованием технологии неполного восстановления железа в присутствии кислорода, свидетельствует о применении более простых технологий, которые могли использоваться ранее для выплавки меди. Это выглядит необычным в свете развитого технологического процесса изготовления изделий из железа

**Рис. 4.** Карта-схема расположения памятника Джантукх и территорий распространения сульфидных и полиметаллических руд (1), магнетитовых руд Малкинского массива (2)

**Fig. 4.** Schematic map of the Dzhan-tukh site location and areas of sulfide and polymetallic ores (1), magnetite ores of the Malkinsky massif (2)



с применением усовершенствованных технологических операций. Химический состав топоров и его соответствие бронзолитейным шлакам позволяют предположить использование этих шлаков с высоким содержанием железа для дальнейшей утилизации и изготовления рассматриваемых топоров.

Одним из механизмов получения железной крицы такого же состава, как у топоров, является выплавка из бронзолитейных шлаков, обогащенных железом. Данная технология не требует высоких температур и может проводиться в печах, используемых для выплавки меди. Технология использования вторичной переработки полиметаллических руд описана в работе А.А. Франгуляна и соавторов (*Франгулян и др.*, 2019). Добываемые в Армении медные, молибденовые, цинковые, полиметаллические и сульфидные руды, кроме основных металлов (Cu, Mo, Zn, Pb, Au, Ag и др.), содержат значительное количество сульфидного железа в виде пирита ( $\text{FeS}_2$ ), халькопирита ( $\text{CuFeS}_2$ ) и борнита ( $\text{Cu}_5\text{FeS}_4$ ). Например, в рудах медно-молибденовых месторождений региона содержание железа в среднем на порядок больше (8–9%), чем меди (всего 0,6–1,3%). В данном рудном материале — высокое содержание минералов железа (43,12%  $\text{FeS}_2$  и 34,04%  $\text{CuFeS}_2$ ), поэтому он является наилучшим сульфидным сырьем для извлечения железа и производства железных изделий. Содержание пирита составляет 22,92%, а халькопирита почти в два раза больше — 42,64%. Очевидно, что пирит и халькопирит являются основными железосодержащими минералами фактически добываемого, но до настоящего времени не извлекаемого в местных условиях сульфидного железа, которое, как правило (особенно в пирометаллургии меди) игнорируют и вместе со шлаками отправляют в отвалы. Пирит (46,55% Fe), халькопирит (30,43% Fe) и борнит (11,13% Fe) в сульфидных рудах содержатся как в виде отдельных кристаллических блоков, так и в сочетаниях с другими сульфидно-металлическими породами. Сульфидное железо находится в тонких сростках с другими минералами и неотделимо в операциях дробления и измельчения. Таким образом, процесс первоначальной выплавки меди из сульфидных и полиметаллических руд приводит к образованию шлаков, обогащенных железом.

Можно отметить в составе сплава исследованных топоров из Джантуха включения касситерита, что свидетельствует о первоначальной выплавке бронзы с использованием легирующих добавок. Последующая обработка бронзолитейных шлаков и выплавка с использованием частичного науглероживания обеспечивает выплавку железной крицы, которая обладает худшими качествами, чем при использовании традиционной технологии выплавки железа. Это свидетельствует о том, что топоры были предназначены только для каких-то специальных целей, например, для обрядов и церемоний. Присутствие в составе топоров таких минералов группы фосфатов, как апатит и вивианит, а также высокие содержания в них кальция и фосфора, как и высокая корреляция между этими элементами, позволяют предположить, что эти минералы образовались в микротрещинах топоров в процессе кремации, которая проводилась вместе с сопутствующим инвентарем («дарами»). Костный пепел попадает в пористую матрицу топора и при высокой температуре образует такие химические соединения, как вивианит. Для проведения таких обрядов не было необходимости изготавливать высокопрочные качественные изделия.

Исследование железного топора раннесакского периода из могильника Кызылжартас (Центральный Казахстан) показало, что технология его

изготовления включала несколько этапов: на первом этапе получали восстановленное железо в виде порошка и гранул (частично спеченных кусочков), далее проводили спекание железа, на третьем этапе выполняли пластическую деформацию спеченной заготовки. Спекание могли проводить в глиняных формах, имеющих внутреннюю полость, близкую к изделии (*Бейсенов и др.*, 2023). Вероятно, такая технология могла применяться и для изготовления джантухских топоров, исходя из их структуры кричного железа.

### Заключение

Анализ микроструктур, минералогического и геохимического составов проанализированных железных топоров из «тайника» погребальной ямы № 7 могильника Джантух, а также сравнительный анализ с минералогическим составом проанализированных бронзолитейных и железоделательных шлаков позволяют считать, что топоры выплавлялись в печах при низких температурах (850–900°C) из бронзолитейных шлаков, обогащенных железом и полученных при плавке медно-сульфидных и полиметаллических руд. Это демонстрирует вторичное использование отходов от производства бронзы. Топоры изготавливались специально для проведения обряда кремации (об этом свидетельствует их низкое качество) и не предназначались для утилитарных целей. Как было отмечено авторами раскопок, кремация проходила на стороне, за пределами погребальной ямы № 7 и включала сожжение индивидов вместе со специальными предметами («дарами»), в данном случае топорами. Впоследствии топоры были отдельно депонированы в «тайнике» погребальной ямы № 7.

Могильник Джантух и расположенное рядом поселение с развитой металлургической зоной — обособленный локальный объект, что обусловлено его географическим местоположением в горной местности на вершине горы, вдали от других поселений. А.Ю. Скаков и А.И. Джопуа неоднократно отмечали, что для этого памятника отмечается архаичность как материальной культуры, так и погребального обряда, сохраняющего многие черты и элементы культуры, давно исчезнувшие в памятниках низменностей и предгорий. Устойчивость культуры горцев, находившихся в контактах со многими соседями и знакомых с инновациями, отражается в сохранении традиций предков. В данном случае, это проявляется во многих деталях материальной культуры на памятнике Джантух. Например, орнаментированные костяные бусы, зооморфная пластика, представленная фигурками лежащих стилизованных животных с повернутой вбок головой, фрагменты булавок, которые являются местным подражанием ажурным булавам с головкой, характерным для бзыбской колхидской культуры и др., демонстрируют местную локальную специфику. Большое влияние на формирование Джантухского комплекса оказали западная кобанская культура, а также бзыбская и ингуро-рионская культуры кобанско-колхидской культурно-исторической области (*Скаков, Джопуа*, 2018; *Скаков и др.*, 2019; и др.). Несмотря на заимствование инноваций, сохраняется и развивается местная культурная специфика, что проявляется и в технологиях металлургического процесса. Это, в первую очередь, бронзолитейные технологии с выплавкой бронзы из сульфидных и полиметаллических руд, месторождения которых развиты вблизи памятника. Изделия из бронзы имитируют изделия западной кобанской культуры. Экспериментальные технологии включают изготовление «муляжей»

железных топоров из обогащенных железом бронзолитейных шлаков, напоминающих высококачественные боевые топоры бзыбской культуры, но используемые только в погребальном обряде из-за их плохого качества. Дальнейшее развитие металлургии на памятнике связано со сложными высокотемпературными технологиями выплавки железа из магнетитовых руд, но, вероятно, этот процесс относится к более позднему этапу, связанному с античным влиянием. Все это позволяет предположить широкий спектр навыков древних металлургов Джантуха, использующих инновации соседних культур, а также получающих опыт в результате собственных экспериментов с рудой, металлургическими технологиями, имитируя импортные изделия и разрабатывая собственный дизайн.

Проведенные минералого-геохимические исследования железных топоров, бронзолитейных и железоделательных шлаков Джантуха позволяют затронуть фундаментальную проблему касательно технологических принципов перехода от производства бронзы к производству железа. Согласно увеличивающимся естественнонаучным данным по технологии бронзолитейного производства и железovarочных процессов в разных регионах Северной Евразии, производить железо и изделия из него могли одни и те же мастера, имея в арсенале шихты (с железом) от использования первичных сульфидных руд.

### Литература

- Анкушев М.Н., Алаева И.П., Анкушева П.С., Артемьев Д.А., Блинов И.А., Варфоломеев В.В., Пантелеева С.Е., Петров Ф.Н., 2023. Природа некоторых железосодержащих артефактов Урало-Казахстанского региона в позднем бронзовом веке // ВИАЭ. № 3. С. 72–87.
- Бгажба О.Х., Розанова Л.С., Терехова Н.Н., 1989. Обработка железа в древней Колхиде // Естественнонаучные методы в археологии / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: Наука. С. 117–139.
- Бейсенов А.З., Паничкин А.В., Шашенов Д.Т., 2023. Железный топор из тасмолинского кургана могильника Кызылжартас: результаты металлографического и химического анализов // МАИАСП. Вып. 15. С. 102–120. <https://doi.org/10.53737/5002.2023.86.90.003>
- Вознесенская Г.А., 1975. Технология производства железных предметов Тлийского могильника // Очерки технологии древнейших производств / Под общ. ред. Б.А. Колчина. М.: Наука. С. 93–104.
- Гзелишвили И.А., 1964. Железоплавильное производство в древней Грузии. Тбилиси: Мецниереба. 123 с.
- Григорьев С.А., 2013. Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. Челябинск: Цицеро. 660 с.
- Ермолаева А.С., Русанов И.А., 2022. Экспериментальное моделирование металлургических печей поселения Талдысай. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана. 192 с. (Труды ИА им. А.Х. Маргулана. Т. 4.)
- Козубова А., 2010. О некоторых типах железных боевых топоров из могильников раннего железного века Карпато-Дунайского региона и их кавказских параллелях // МИАСК. Вып. 11. С. 74–109.
- Кузьминых С.В., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., 2021. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа: серия 2017–2019 гг. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: ИА РАН. Т. 5. С. 104–128.
- Микеладзе Т.К., 1985. Колхидские могильники эпохи раннего железа: (Урекский и Нигвианский могильники). Тбилиси: Мецниереба. 133 с. (на груз. яз., рез. на рус. яз.)
- Микеладзе Т.К., 1990. К археологии Колхиды (эпоха средней и поздней бронзы — раннего железа). Тбилиси: Мецниереба. 106, XXXVI[2] с.
- Микеладзе Т.К., Барамидзе М.В., 1977. Колхский могильник VII–VI вв. до н.э. в с. Нигвиани // КСИА. № 151. С. 33–39.

- Мошинский А.П., Скаков А.Ю., 2023. Кобано-колхидская культурно-историческая общность: внутренняя структура и отражающие ее понятия // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь: Печатный двор. Вып. 16. С. 126–137.
- Папуашвили Р., 2011. К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М. Мамаев. Грозный; М.: ИА РАН; Институт гуманитарных исследований АН ЧР. С. 82–94.
- Скаков А.Ю., 2011. Погребальные ямы Колхиды // Там же. С. 95–113.
- Скаков А.Ю., Джоуа А.И., 2012. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной / Отв. ред.: Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов. М.: ГИМ. С. 217–238. (Труды ГИМ. Т. 191.)
- Скаков А.Ю., Джоуа А.И., 2018. Исследования последних лет на Джантухском могильнике в Абхазии // Вестник РФФИ (Гуманитарные и общественные науки). № 1. С. 152–161.
- Скаков А.Ю., Джоуа А.И., 2019. Исследование могильника на горе Джантух (некоторые итоги) // Археология евразийских степей. № 6. С. 53–60. <https://doi.org/10.244.11/2587-6112-2019-00079>
- Скаков А.Ю., Джоуа А.И., 2020а. Железные топоры Северо-Западного Закавказья эпохи раннего железа (обзорное сообщение) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь: Печатный двор. Вып. 12–13. С. 40–62.
- Скаков А.Ю., Джоуа А.И., 2020б. Железные топоры раннего железного века из могильника и поселения Джантух (Абхазия) // АВ. Вып. 27. С. 72–89.
- Скаков А.Ю., Джоуа А.И., 2021. Поселение эпохи раннего железа на горе Джантух в Абхазии (предварительные результаты работ 2016–2018 гг.) // Проблемы изучения памятников материальной культуры Кавказа (I тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э.): Сб. материалов междунар. археолог. конф., посвящ. 85-летию со дня рожд. видного археолога-кавказоведа Г.К. Шамба (21–22 ноября 2019 г., г. Сухум) / Гл. ред. А.И. Джоуа. Акуа-Сухум: АБИГИ. С. 54–69.
- Скаков А.Ю., Джоуа А.И., Козубова А., 2013. Открытия Г.К. и С.М. Шамба на могильнике Джантух: новый взгляд на старые находки // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Материалы Третьей Абхазской междунар. археолог. конф., посвящ. памяти Г.К. Шамба (28 ноября — 1 декабря 2011 года, г. Сухум) / Отв. ред.: А.Ю. Скаков, М.Т. Кашуба. Сухум: ИИМК РАН; АБИГИ им. Д.И. Гулиа АНА; РУП «Дом печати». С. 22–45.
- Скаков А.Ю., Джоуа А.И., Щеглов Е.В., 2019. Поселение на горе Джантух — производственный центр раннего железа в Абхазии (предварительное сообщение) // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы исследования древних и средневековых поселений и могильников Западного Кавказа. К 100-летию со дня рожд. Н.В. Анфимова: Материалы Междунар. археолог. конф. (г. Анапа, 29–31 мая 2019 г.) / Отв. ред. З.Б. Схатум. Краснодар: Краснодарский ГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына. С. 281–284.
- Франгулян А.А., Сасунцян М.Э., Мартиросян В.А. 2019. О характере распределения минералов железа в сульфидных медных и полиметаллических рудах // Черные металлы. № 4 (1048). С. 6–10.
- Шамба Г.К., Шамба С.М., 1990. Археологические памятники верховья реки Галидзга (Джантух). Тбилиси: Мецниереба. 88 с.
- Эрлих В.Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.: Наука. 429 с.
- Apakidze J., 2009. Die Spätbronze- und Früheisenzeit in West- und Zentralkaukasien: Chronologische Studien zur Kolchis-Kultur, 1600–700 v.Chr. Rahden/Westf.: Marie Leidorf. 2 Bd. (PAS. Bd. 30.)
- Artioli G., Angelini I., Tecchiati U., Pedrotti A., 2015. Eneolithic copper smelting slags in the Eastern Alps: Local patterns of metallurgical exploitation in the Copper Age // Journal of Archaeological Science. Vol. 63. P. 78–83. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2015.08.013>
- Erb-Satullo N.L., 2018. Patterns of settlement and metallurgy in Late Bronze-Early Iron Age KvemoKartli, southern Georgia // Finding Common ground in diverse environments: landscape archaeology in the south Caucasus / Eds. W. Anderson, K. Hopper, A. Robinson. Vienna: OREA, Austrian Academy of Sciences. P. 37–52.

- Erb-Satullo N.L., Gilmour B.J.J., Khakhutaishvili N.*, 2014. Late Bronze Age and Early Iron Age copper smelting technologies in the South Caucasus: the view from ancient Colchis c. 1500–600 BC // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 49. P. 147–159.
- Erb-Satullo N.L., Gilmour B.J.J., Khakhutaishvili N.*, 2018. The ebb and flow of copper and iron smelting in the South Caucasus // *Radiocarbon*. No. 60. P. 159–180.
- Erb-Satullo N.L., Jachvliani D., Kakhiani K., Newman R.*, 2020. Direct evidence for the co-manufacturing of early iron and copper-alloy artifacts in the Caucasus // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 123. P. 1–15.
- Di Bella M., Nero C. Aleo, Chiovaro M., Italiano F., Quartieri S., Romano D., Leonetti F., Marcianò G., Sabatino G.*, 2018. Archaeometric study of Hellenistic metallurgy in Sicily: Mineralogical and chemical characterization of iron slags from Punic Panormos (Palermo, Italy) // *Mediterranean Archaeology Archaeometry*. Vol. 18 (2). P. 127–139.
- Kulkova M.A., Skakov A.Y., Kashuba M.T., Kulkov A.M., Vetrova M.N.*, 2023. Iron Metallurgy of Ancient Colchis: The Mineralogical and Geochemical Composition of Slags and Artifacts from the Dzhantukh Site // *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy–2021* / Eds. N.N. Ankusheva et al. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham. P. 237–253. [https://doi.org/10.1007/978-3-031-16544-3\\_23](https://doi.org/10.1007/978-3-031-16544-3_23)
- Mehofer M., Gavranovic M., Kapuran A., Mitrović J., Putica A.*, 2021. Copper production and supra-regional exchange networks — Cu-matte smelting in the Balkans between 2000 and 1500 BC // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 129. P. 237–253. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2021.105378>
- Nagumo M., Hida Y.*, 1983. Hot shortness of copper-containing steel in the controlled rolling process // *ATB Metallurgie*. Vol. 23 (3). P. 10.1–10.19.
- Papushvili R.*, 2012. The Late Bronze / Early Iron Age burial grounds from Tsaishi // *Austausch und Kulturkontakt im Südkaukasus und seinen Angrenzenden Regionen in der Spätbronze — Früheisenzeit* / Hrsg. A. Mehnert, G. Mehnert, S. Reinhold. Langenweissbach: Beier & Beran. P. 65–78.
- Rao Y.K.*, 1985. Stoichiometry and thermodynamics of metallurgical processes. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 140 p.
- Shishlina N.I., Loboda A.Yu., Bogdanov S.V., Vaschenkova E.S., Tereschenko E.Yu.*, 2022. Sickles from the Sosnovaya Maza hoard of the Late Bronze Age from the Lower Volga region: Technological analyses, experiments and chronology // *Journal of Archaeological Science: Reports*. No. 44. 103539. <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2022.103539>

## Alloy composition and functionality of iron axes from the Dzhantukh burial ground (North-Western Caucasus) based on mineral and geochemical investigations

Marianna A. Kulkova<sup>6</sup>, Maya T. Kashuba<sup>7</sup>, Arkady I. Dzhopua<sup>8</sup>,  
Aleksandr M. Kulikov<sup>9</sup>

In this article, the authors revisit the problem of the functionality of previously analyzed axes from the Early Iron Age site of Dzhantukh (Northwestern Caucasus), which were first discussed in a collaborative article with Aleksandr Yu. Skakov. Mineralogical and geochemical analyses of six axes from a “cache” within burial pit No. 7, along with five slag samples from the settlement’s metallurgical zone, revealed that the iron metallurgical slags are not related to these axes. Instead, the axes were likely smelted from bronze-production slags enriched with ferrous. The “cache” contained materials whose main complex dates to the second half of the 5<sup>th</sup> century to the first half of the 4<sup>th</sup> century BC, although some artifacts date back to the 6<sup>th</sup> century BC. Thus, the Dzhantukh site — characterized by a degree of isolation due to its mountainous location — appears to have practiced waste-free production and preserved traditions from earlier periods. The overall archaization of material culture at the site supports this interpretation. The poor quality of the iron-alloy axes preserved in the “cache” suggests a non-utilitarian function: they could not have been used as tools or weapons, and their primary role was most likely as grave goods or ritual offerings. This conclusion highlights a fundamental problem in understanding the technological processes involved in the transition from bronze to iron metallurgy: the same artisans produced both bronze and iron, applying technological methods developed for the processing of sulfide and polymetallic ores.

**Keywords:** *Caucasus, Dzhantukh site, Early Iron Age, Colchis cultural traditions, iron axes, mineralogical and geochemical investigations, utilization of bronze slags, ritual items*

6 Marianna A. Kulkova — Herzen State Pedagogical University, 48/12 Moyka Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: kulkova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9946-8751.

7 Maya T. Kashuba — Herzen State Pedagogical University, 48/12 Moyka Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18A Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: mirra-k@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8901-8116.

8 Arkady I. Dzhopua — Abkhazian State Museum, 22 Leona st., Sukhum, 384900, Republic of Abkhazia; e-mail: arkadi100@rambler.ru; ORCID: 0000-0001-5236-6555.

9 Aleksandr M. Kulikov — Herzen State Pedagogical University, 48/12 Moyka Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation; Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: aguacrystals@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2001-2231.

## Коллективная кремация колхидской культуры на могильнике Джантух: биоархеологический подход в исследовании останков

Е.А. Клещенко<sup>1</sup>, Н.Г. Свиркина<sup>2</sup>, Т.Ю. Шведчикова<sup>3</sup>

*В статье представлены результаты комплексного исследования кремированных останков из погребения 7 могильника Джантух — коллективного захоронения с тайником, датируемого VI–V вв. до н.э. Приведена подробная характеристика материалов, определены особенности сложной и многоэтапной погребальной практики: отложенная кремация на стороне, депонирование останков разных индивидов в едином пространстве, отделение праха и инвентаря. Отдельной частью работы является применение методов рентгено-флуоресцентного анализа при определении химического состава припеканий и пигментов на поверхности кости. Установлено, что припекания возникли в результате соприкосновения костей и изделий из металла (железо, медь) в процессе сожжения. Определены зоны скелета наибольшего соприкосновения с металлом: кости осевого скелета, черепа, кистей и стоп.*

**Ключевые слова:** Кавказ, могильник Джантух, ранний железный век, колхидская культура, погребальный обряд, коллективные погребения, кремации, рентгено-флуоресцентный анализ

<http://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-478-4.234-248>

### Введение

Могильник Джантух является уникальным погребальным памятником раннего железного века Восточной Абхазии, функционировавшим в течение многих столетий (XIII–II вв. до н.э.) и объединившим в себе разные варианты обращения с останками умерших, а также депонирования праха и погребального инвентаря. По мнению исследователей, могильник представляет собой особый вариант ингуро-рионской колхидской культуры, самобытность которого проявляется в погребальном обряде и в материальной культуре (Скаков, Джопуа, 2019. С. 53). Могильник Джантух в целом является одним из ключевых в понимании происхождения и развития обряда кремации территорий Западного Закавказья, Центрального и Северного Кавказа (Скаков, 2018. С. 353).

1 Екатерина Андреевна Клещенко — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: malzeva-ekaterina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8399-974X.

2 Наталия Геннадиевна Свиркина — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: svirkina.natalia@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5712-5953.

3 Татьяна Юрьевна Шведчикова — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: tashved@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0882-654X.



В литературе представлены противоречивые суждения о происхождении обряда кремации в Кавказском регионе в рассматриваемый период. Интригующей является информация из письменных источников античных авторов III в. до н.э., писавших о погребальном обряде колхов, где погребению предшествовал обряд выставления тел умерших («воздушного погребения») (Скаков, Джоуа, 2019. С. 53–54; Хотко, 2011. С. 200). Так, Аполлоний Родосский (III в. до н.э.) в «Аргонавтах» сообщает об обычае колхов заворачивать трупы умерших мужчин в необработанные бычьи шкуры, подвешивать при помощи веревок на деревьях, женщин — предавать земле, а также о святотатстве предавать умерших огню (Аполлоний Родосский, 2021. С. 102). Клавдий Элиан (III в. н.э.) в «Пестрых рассказах» говорит о традиции колхов хоронить умерших «зашив в шкуры и подвесив на деревьях» (Элиан, 1993. С. 43), а Николай Дамасский (64 г. до н.э. — I в. н.э.) в «Собрании замечательных обычаев» сообщает, что колхи покойников не погребают, а вешают на деревьях (цит. по: Латышев, 1993. С. 235). О сохранении традиции в регионе свидетельствуют и средневековые источники: Э. Челеби в XVII в. писал о воздушном погребении у абхазов и черкесов (Челеби, 1979. С. 75–76), а его пережитки зафиксированы вплоть до XX в. (Сизов, 1889).

Однако нигде достоверно не сказано о ритуальных кострах и сожжении тел, как и нельзя подтвердить, что население, оставившее могильник Джантух, могло относиться к тем самым колхам, описанным в источниках. Тем ценнее детальное исследование погребальных комплексов могильника Джантух и синхронных памятников, включая биоархеологический подход к исследованию останков, что позволит понимать особенности и детали погребальной обрядности.

В могильнике Джантух все захоронения совершены по обряду кремации. При этом на протяжении тысячелетия форма депонирования праха видоизменялась: от «кремации на стороне» с XIII–XI вв. до н.э. до «кремации на месте» — с конца VIII до начала VII в. до н.э. Некоторые комплексы, датированные V–III вв. до н.э., имеют «тайники» с сожженным инвентарем из железа и бронзы, а также погребально-поминальные площадки с каменными вымостками (Скаков, 2018. С. 353).

Погребение 7, об исследовании останков из которого пойдет речь, является коллективным захоронением в большой грунтовой могильной яме. Кремация погребенных совершена на стороне, а останки преданы земле над замурованном материковой глиной тайником с многочисленными изделиями из металла (Скаков и др., 2015. С. 813–814). По инвентарю погребение датируется VI–V вв. до н.э. (Там же).

### Материалы и методы исследования

Основным предметом исследования стали кремированные останки из погребения 7 могильника Джантух, исследованного в 2011–2012 гг. российско-абхазской Джантухской археологической экспедицией (Скаков, 2012; 2013). Останки из погребения 7 располагались на широкой площади размерами ~6×3 м (основные кв. Г-4, Г-5, Д-5–7, Е-4–6). Останки были обнаружены под дерновым слоем мощностью ~3–5 см, заполнение (особенно в верхней части) было сильно перемешанным, четкие границы грунтовой ямы не читались, в связи с чем авторы раскопок посчитали нецелесообразным фиксировать разрез (Скаков, 2013). Археологические материалы были собраны по квадратам 2×2 м. Исследование останков

проводилось с учетом их планиграфического расположения. Фрагменты костей лежали плотным слоем и были перемешаны с суглинком коричневого цвета. Перед разбором в камеральных и лабораторных условиях материалы были очищены от внешних загрязнений и промыты.

При исследовании кремированных останков был применен комплексный биоархеологический подход, включающий проведение видового, анатомического и половозрастного определений костей, оценку массы останков, размерности, цветности фрагментов, наличия характерных деформационных трещин на их поверхности вследствие высокотемпературного воздействия (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Добровольская, 2010. С. 85–87; Клещенко, Решетова, 2019; Методика..., 2020; Ortner, 2003; Schaefer et al., 2009).

Для определения элементного состава припеканий и пигмента на поверхности костей был выбран неинвазивный метод рентгено-флуоресцентного анализа. Проведена подготовка четырех проб из трех фрагментов костей, для измерения были выбраны точки поверхности с наибольшей концентрацией припеканий и пигмента. Поверхности проб были предварительно очищены от внешних загрязнений. Фазовый состав образцов измерялся с применением портативного рентгенофлуоресцентного анализатора металлов X-MET 8000 в режиме MiningLE-FP4. Исследования проводились с коллиматором 8 мм, энергией 40 KeV, на выдержке 2–5 сек. В отношении применения РФА к образцам костной ткани с припеканиями имеются дискуссионные вопросы, связанные с возможностью определения точного химического состава припеканий, а также отделения степени загрязненности и фона, влияющих на результат. Тем не менее, на наш взгляд, подобные результаты можно использовать для выявления высоких концентраций отдельных элементов.

### Характеристика кремированных останков

Все останки имеют равномерный светло-серый или белый цвет, что свидетельствует о длительном воздействии на них высоких температур в процессе горения (от 650°C и выше) (Клещенко, Решетова, 2019. С. 25). Параболических деформационных трещин, указывающих на резкую потерю влаги свежей костной тканью, практически нет. Фрагменты костей преимущественно крупные, многие превышают размеры в 5 см.

Зафиксирована значительная масса останков — ~16 кг (табл. 1)<sup>5</sup>. Наибольшая концентрация останков (более 10 кг) зафиксирована в кв. Д-5, вблизи тайника. Также значительные массы (от 1,5 кг и более) обнаружены в кв. Д-6 и Е-5.

Важный этап — определение половозрастной характеристики погребенных. При работе с коллективными кремациями данная задача усложняется, поскольку достоверно отнести фрагменты костей к останкам того или иного индивида не представляется возможным. Учитывая специфику массового захоронения, всегда можно описать анатомически идентифицируемые части скелета и определить возрастной диапазон для каждого из них, но нельзя понять, какие именно части скелета принадлежат одно-

4 Исследование выполнено на приборной базе ЦКП ИА РАН м.н.с. В.И. Данилевской.

5 Здесь уточнены представленные ранее данные по весу останков и количеству погребенных индивидов из захоронения 7 Джантухского могильника (см.: Клещенко, 2023).

му индивиду. Идентификация половой принадлежности в данном случае является сложной задачей, поскольку для этого необходимо исследование разных отделов одного скелета в комплексе.

**Табл. 1.** Общая характеристика кремированных останков из погребения 7 могильника Джантух: вес, видовой состав и наличие костей с припекающими и пигментом на поверхности

**Table 1.** General characteristics of cremated remains from burial 7 at the Dzhanukh cemetery: weight, species composition, and presence of bones with adhered residues and surface pigment

Квадрат	Принадлежность			Вес (г)	Части скелета со следами припеканий (%)										
	Неопр.	Человек	Животное			Верхние конечности	Ключица	Кости кисти	Кости стопы	Лопатка	Нижние конечности	Позвонки	Ребра	Таз	Череп
Г4	4%	96%	0%	340		0	–	0	0	0	0	0	0	0	24
Г5	13%	87%	0%	91		0	–	100	0	0	0	0	35	0	0
Д5	79%	21%	0,10%	10245		21	0	52	38	77	16	37	100	8	40
Д6	75%	25%	0%	2154		0	–	0	0	0	0	0	0	0	22
Д7	29%	71%	0%	658		0	0	100	61	0	10	0	0	67	18
Е4	100%	0%	0%	33		0	–	0	0	0	68	0	100	0	37
Е5	48%	51%	0,40%	1797		28	–	44	0	0	4	56	0	24	40
Е6	33%	67%	0%	709		2	–	6	0	0	14	0	100	0	45
<b>Всего (г): 16027</b>					<b>Ср. %:</b>	<b>6</b>	<b>0</b>	<b>60</b>	<b>24</b>	<b>77</b>	<b>14</b>	<b>31</b>	<b>67</b>	<b>24</b>	<b>28</b>

В погребальных объектах Джантухского могильника были зафиксированы останки не менее 15 индивидов всех половозрастных групп (**табл. 2**). Предполагаемое количество индивидов удалось установить в результате подсчета наиболее часто повторяющихся и хорошо определимых частей скелета (**рис. 1; табл. 3**) (Клещенко, 2023). В погребении 7 таковым оказался подбородочный выступ нижней челюсти: 14 фрагментов, принадлежащих индивидам в возрасте не моложе 6–7 лет (*infantilis II*), а подавляющее большинство — взрослым индивидам. Среди парных лучше всего сохранились каменистые части (пирамиды) височных костей: 13 правых и 11 левых (**рис. 1: 1а, 1б; табл. 3**). Среди них — фрагмент правой височной кости ребенка младшей возрастной категории (предположительно, до 1 года). Подтверждает наличие останков ребенка до 1 года и другие части скелета, характеризующиеся этим возрастом по размерным параметрам: дистальная фаланга кисти, фрагменты костей предплечья.

Исходя из численности остальных частей скелетов, можно предположить, что комплектность останков полная, т.е. в яму был перемещен основной объем праха от каждого скелета. Это подтверждает и общая масса кремированных фрагментов из погребения.

Диапазон возраста погребенных погребения 7 могильника Джантух довольно широк: от маленьких детей (0–1 года) до людей старшей возрастной группы (*maturus*). Детские останки (*infantilis II* и старше) довольно

**Табл. 2.** Анатомически определимые фрагменты костей человека из погребения 7 могильника Джантух и их половозрастные определения

**Table 2.** Anatomically identifiable human bone fragments from burial 7 at the Dzhantukh cemetery and their sex and age estimations

Определимые фрагменты костей	Количество	Возраст / пол	Квадрат
Верхняя часть диафиза левой бедренной кости (не прирос эпифиз)	1	реб. / подросток?	Д-5
Верхняя часть диафиза правой бедренной кости	1	реб. / подросток	Д-5
Диафиз бедренной кости	8	взр.	Д-5
	1	взр.	Д-6
	4	взр.	Е-5
	1	взр.	Е-6
Нижний эпифиз бедренной кости	4	взр.	Д-5
	2	взр.	Д-6
Нижний эпифиз правой бедренной кости	1	взр.	Д-5
Диафиз большой берцовой кости	3	взр.	Д-5
Фрагмент нижнего эпифиза большой берцовой кости	1	взр.	Д-5
Фрагмент верхней челюсти	2	взр.	Д-6
Фрагмент левой части верхней челюсти	1	взр.	Д-5
Фрагмент правой части верхней челюсти	2	взр.	Д-5
Тело II шейного позвонка	7	взр.	Д-5
	1	взр.	Е-5
Фрагмент левой глазницы	3	взр.	Д-5
	1	ж. или реб.	Д-6
	1	взр. / м.?	Е-5
	1	взр.	Е-6
Фрагмент правой глазницы	1	ж. или реб.	Д-5
	5	взр.	Д-5
	2	взр.	Е-5
	1	взр.	Е-6
Тело грудного позвонка	4	взр.	Д-5
	1	взр.	Е-6
Дистальная фаланга I луча левой стопы	1	взр. жен.?	Д-5
Фрагмент затылочной кости	8	взр.	Д-5
	3	взр.	Д-6
	6	взр.	Е-5
	3	взр.	Е-6
Каменистая часть левой височной кости	7	взр.	Д-5
	1	взр.	Д-6
	2	взр.	Е-5
	1	взр.	Е-6
Каменистая часть правой височной кости	1	реб. (?)	Д-5
	1	реб., до 1 года	Д-5
	8	взр.	Д-5
	2	взр.	Д-6
	1	взр.	Е-5
Фрагмент ключицы	8	взр.	Д-5
	2	взр.	Е-5
	2	реб.	Е-5
Лобная кость (носовая часть)	1	взр. / м.?	Д-5
	2	взр.	Д-5
	1	взр. / м.	Е-5
Фрагмент лобной кости	3	взр.	Д-5
	2	взр.	Д-6
	1	взр.	Е-5
Блоковидная вырезка левой локтевой кости	4	взр.	Д-5
Блоковидная вырезка правой локтевой кости	3	взр.	Д-5
Верхняя часть диафиза левой локтевой кости	1	взр.	Д-6

Определимые фрагменты костей	Количество	Возраст / пол	Квадрат
Диафиз локтевой кости	2	взр.	Д-5
	1	взр.	Е-5
Нижний эпифиз локтевой кости	1	взр.	Д-5
Фрагмент верхнего эпифиза локтевой кости	5	взр.	Д-5
Верхний эпифиз лучевой кости	2	взр. / ж.	Д-5
	1	взр.	Е-6
Нижний эпифиз лучевой кости	5	взр.	Д-5
Диафиз малоберцовой кости	1	взр.	Д-5
Мышелковая ямка височной кости	2	взр.	Д-6
Мышелковая ямка височной кости	1	взр.	Е-5
Мышелковый отросток	1	реб., inf. I (?)	Д-5
Мышелковый отросток нижней челюсти	3	взр.	Д-5
Левый надколенник	4	взр.	Д-5
Правый надколенник	4	взр.	Д-5
Правый надколенник	1	взр.	Д-6
Фрагмент надколенника	1	взр. / м.?	Д-5
Фрагмент надколенника	3	взр.	Д-5
Фрагмент надколенника	2	взр.	Д-6
Фрагмент надколенника с краевыми разрастаниями	1	взр., 40+	Е-6
Фрагмент нижней челюсти	10	взр.	Д-5
Фрагмент нижней челюсти	4	взр.	Д-6
Фрагмент нижней челюсти	1	взр.	Е-6
Диафиз плечевой кости	2	взр.	Д-6
Диафиз плечевой кости	5	взр.	Е-5
Диафиз плечевой кости	1	взр.	Е-6
Нижний эпифиз плечевой кости	6	взр.	Д-5
Нижний эпифиз плечевой кости	2	взр.	Д-6
Фрагмент диафиза плечевой кости	12	взр.	Д-5
Фрагмент плюсневой кости 1-го луча стопы	1	взр.	Д-5
Подбородочный выступ нижней челюсти	7	взр.	Д-5
Подбородочный выступ нижней челюсти	3	взр.	Д-6
Подбородочный выступ нижней челюсти	1	реб.	Е-5
Подбородочный выступ нижней челюсти	3	взр.	Е-6
Фрагмент тела поясничного позвонка	1	взр.	Е-5
Проксимальная фаланга I луча кисти	1	взр.	Д-5
Проксимальная фаланга I луча кисти	1	взр.	Е-6
Проксимальная фаланга I луча левой стопы	2	взр.	Д-5
Проксимальная фаланга I луча левой стопы	1	взр.	Д-6
Проксимальная фаланга I луча правой стопы	2	взр.	Д-5
Пястная кость 1-го луча	2	взр.	Д-5
Пястная кость 1-го луча	1	взр. / ж.	Е-5
Пяточная кость	2	взр.	Д-5
Пяточная кость	2	реб.	Д-5
Фрагмент пяточной кости	1	взр.	Д-6
Фрагмент пяточной кости	1	взр.	Е-6
Левая скуловая кость	4	взр.	Д-5
Левая скуловая кость	1	взр.	Е-6
Правая скуловая кость	1	взр.	Д-5
Правая скуловая кость	1	взр.	Д-6
Сосцевидный отросток височной кости	1	взр.	Д-5
Сосцевидный отросток височной кости	1	взр.	Е-5
Сосцевидный отросток правой височной кости	1	взр.	Д-5
Левая таранная кость	1	взр. / ж.	Д-5
Дистальная фаланга кисти	1	реб., до 1 года	Д-5
Средняя фаланга стопы 2-5-го луча	1	взр.	Д-5
Фрагмент шейного позвонка	4	взр.	Д-5
Фрагмент диафиза длинной трубчатой кости	1	реб., до 1 года	Д-5

**Рис. 1.** Примеры дублирующих фрагментов частей скелета человека из погребения 7 могильника Джантух: 1 — фрагменты каменистой части (пирамиды) височной кости (а — правой, б — левой); 2 — фрагменты носовой части лобной кости; 3 — II шейные (осевые) позвонки; 4 — проксимальные фаланги I луча (большого пальца) стопы (а — правой, б — левой); 5 — фрагменты левой скуловой кости

**Fig. 1.** Examples of duplicate skeletal fragments from burial 7 at the Dzhan tukh cemetery: 1 — fragments of the petrous part (pyramid) of the temporal bone (a — right, б — left); 2 — fragments of the nasal part of the frontal bone; 3 — II cervical (axis) vertebrae; 4 — proximal phalanges of the first ray (hallux) of the foot (a — right, б — left); 5 — fragments of the left zygomatic bone



**Табл. 3.** Дублирующие фрагменты частей скелета человека для подсчета минимального количества погребенных индивидов в погребении 7 могильника Джантух

**Table 3.** Duplicate skeletal fragments used to calculate the minimum number of individuals buried in burial 7 at the Dzhantukh cemetery

Часть скелета	Количество
Подбородочный выступ нижней челюсти	14
Каменистая часть правой височной кости	13
Каменистая часть левой височной кости	11
Фрагмент правой глазницы	8
Второй шейный позвонок	8
Правая скуловая кость	5
Правый надколенник	5
Левая скуловая кость	5
Фрагмент левой глазницы	5
Лобная кость (носовая часть)	4
Левый надколенник	4
Блоковидная вырезка левой локтевой кости	4
Блоковидная вырезка правой локтевой кости	3
Проксимальная фаланга I луча левой стопы	3
Проксимальная фаланга I луча правой стопы	2

хорошо идентифицируются благодаря сохранившимся участкам костей без признаков синостозирования, по степени сформированности костной ткани и размерным характеристикам. Определение возраста взрослых индивидов в узком диапазоне при исследовании коллективной кремации крайне затруднительно. Тем не менее, фиксируются фрагменты костной ткани как со следами патологических изменений, наиболее характерных для старших возрастных групп (артроз, остехондроз), так и не имеющих подобных изменений и характерных для более молодых возрастных групп.

По имеющимся определениям, мы можем достоверно утверждать, что в погребении 7 присутствуют останки минимум 15 индивидов. Учитывая опыт работы с кремациями и сведения о среднем весе останков одного индивида (в древних захоронениях, так и на основании современных наблюдений о весе останков после кремации), вероятнее всего, что полученные данные о количестве погребенных близки к реальным. При общей массе около 16 кг, средний вес на одного индивида — чуть более 1 кг. Возможность определения точного количества индивидов, чьи останки были депонированы на месте погребения 7, выходит за рамки осуществимого, но вполне вероятно, что их было больше. Вне поля зрения остается множество факторов, влияющих на сохранность останков: тщательность сбора на месте сожжения в древности и на месте захоронения при раскопках, воздействие почвы и др.



Основная масса определимых костей из кремаций могильника Джантух является человеческими останками, и лишь менее 1% из них принадлежит животным (**табл. 1**). В погребении 7 к последним относятся фрагменты костей конечностей и ребер, предположительно, мелкого рогатого скота. Останки животных также не имеют параболических трещин, на поверхности некоторых из них обнаружены следы пигмента малиново-бурого цвета, как и на человеческих костях из захоронения. Останки животных имеют следы высокотемпературного воздействия, поэтому цветовые и структурные характеристики костной ткани изделий близки с основной массой останков из захоронения.

### Результаты исследования припеканий на костях

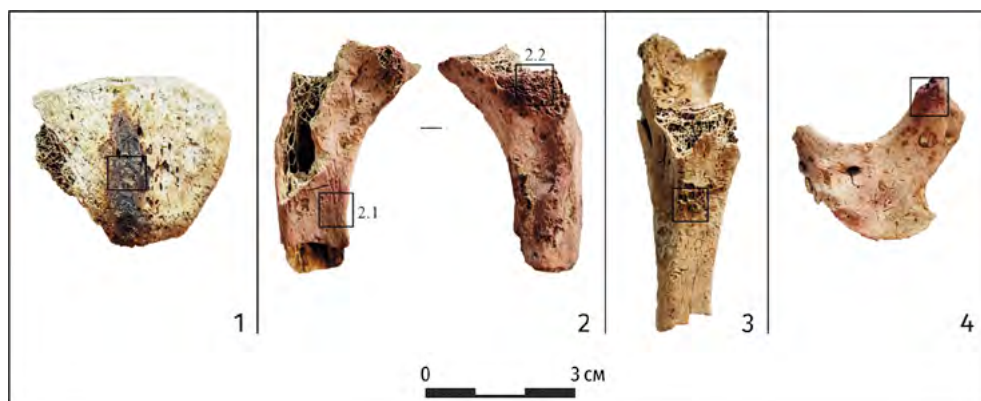
Особенностью кремированных останков из погребения 7 могильника Джантух является наличие на их поверхности припеканий, изменение цвета (от малинового до бурого) и деформаций, полученных от соприкосновения с погребальным инвентарем в процессе кремации либо в результате иных пиролизных процессов (образовании шлаков, влияние почвы и горючего материала).

Были выявлены зоны скелета, где припеканий и изменений цвета на поверхности кости зафиксировано больше всего. Расчет проведен путем учета процентного соотношения веса костей с припеканиями и без припеканий. Этот подход к учету не может рассматриваться как наиболее объективный в связи с известными различиями массы разных типов костей (например, плоских и трубчатых) и их сохранностью. Тем не менее, он позволяет выявить некоторые тенденции. Представлены как данные по квадратам, так и среднее значение для погребения (**табл. 1**). Так, больше всего пигмента зафиксировано на костях зоны осевого скелета, в первую очередь, грудной клетки (67–77%) и костей кисти (60%). Средние значения для костей черепа, позвоночного столба, таза и костей стопы — от 24 до 31%. Наименьшие значения зафиксированы для длинных трубчатых костей верхних и нижних конечностей<sup>6</sup>.

Интерпретировать полученную статистику по припеканиям довольно сложно, поскольку речь идет об обобщенных данных коллективного захоронения. При этом можно предположить, что существовали единые традиции размещения деталей погребального убора на теле умерших. В этом случае подсчет таких данных не лишен смысла. К тому же в процессе сжигания тел мелкие фрагменты убора могли быть безвозвратно утрачены и не представлены в захоронении как часть инвентаря, и припекания на костях могут быть единственными свидетельствами их наличия в погребальном костре рядом с телом. Наибольшая концентрация изделий из металла захоронения 7 должна была находиться в районе туловища, грудной клетки погребенных. Обильные следы пигмента на костях кисти могут быть связаны так же с этой зоной тела, если, к примеру, кисти размещались на грудной клетке. Выделяются зоны головного убора и обуви (следы пигмента и припеканий на черепе и костях стопы). Примечательно, что в другом захоронении могильника Джантух (погребение 9) зоны наи-

---

6 Уточнены данные по припеканиям, представленные ранее (Клещенко, 2023). В работе 2023 г. расчет дан, исходя из общей массы останков с припеканиями. В данной публикации расчет произведен отдельно для каждой части скелета, что представляется нам наиболее объективным.



**Рис. 2.** Фрагменты кремированных костей с припеканиями и пигментом на поверхности. Квадратом обозначена зона взятия пробы для РФА: 1 — левый надколенник; 2, 3 — верхний эпифиз левой локтевой кости; 4 — фрагмент левой скуловой кости

**Fig. 2.** Fragments of cremated bones with adhered residues and surface pigment. The square indicates the sampling area for XRF analysis: 1 — left patella; 2, 3 — superior epiphysis of the left ulna; 4 — fragment of the left zygomatic bone

большей концентрации припеканий на скелете иные — это кости таза и нижние конечности (Клещенко, 2023. С. 34).

С целью определения происхождения образования цвета и припеканий было отобрано четыре образца для рентгено-флюоресцентного анализа (РФА) (рис. 2; табл. 3). Для всех образцов отмечено высокое содержание фосфора (P) (табл. 3) и кальция (Ca), являющимися основными составляющими элементами костной ткани (Голованова и др., 2011. С. 157–160). Другие встреченные элементы: магний, железо, кремний, алюминий, титан, марганец (Mg, Fe, Si, Al, Ti, Mn) также могут являться частью костной ткани, но только в небольших пропорциях (до 0,6% и ниже) (Там же). Поэтому железо (Fe), кремний (Si), алюминий (Al) из проанализированных образцов, представленные в большей концентрации, происходят из припеканий и пигмента на останках (табл. 3). Составляющей частью всех образцов в разных пропорциях является медь (Cu), также имеющая внешнее происхождение.

Наибольшая концентрация железа (52,9%) содержалась в пробе 1 из припекания бурого цвета на надколеннике взрослого индивида (рис. 2: 1; табл. 4). Вероятнее всего, это прилипание могло возникнуть от соприкосновения ноги с изделием с высоким содержанием железа в момент сожжения тела. Показатели проб 2.1, 2.2 и 3 на блоковидных вырезках локтевых костей двух разных взрослых индивидов имеют схожее процентное соотношение (рис. 2: 2, 3; табл. 4). Здесь доля железа значительно ниже (от 1,5 до 3,5%), а значения меди — выше (от 1,84 до 2,53%). Особый яркий малиновый цвет на поверхности костей, вероятно, дает медный сплав изделий, располагавшихся рядом с локтями погребенных в момент сожжения. Показатели пробы 4 на левой скуловой кости взрослого индивида имеет наибольшее из всех проб значение меди (8,58%) и включения палладия (Pd) (1,12%) (рис. 2: 4; табл. 4).

Температура плавления и деформации металла, как известно, имеет высокие значения — гораздо более высокие, чем средние температуры кремации тела (Клещенко, Решетова, 2019. С. 25). Для кремации плавление железосодержащих металлических не является типичным: при низких температурах (до 900–1000°C) изделия из металла не меняют структуры, а при высоких (свыше 1200°C) структура кости меняет свойство, не сохраняясь в том виде, в котором представлены останки могильника Джантух. Результаты минералого-геохимического исследования топоров из тайника погребения 7 показали, что эти изделия были плохого качества и изготавливались при температуре 850–900°C, вероятнее всего, специально

**Табл. 4.** Результаты РФА проб припеканий и пигмента с поверхности фрагментов кремированных костей из погребения 7 могильника Джантух

**Table 4.** XRF analysis results of adhered residues and pigment samples from the surface of cremated bone fragments from burial 7 at the Dzhantukh cemetery

Кость	Про-ба	Диа-па-зон	P%	Fe%	Si%	Al%	Cu%	S%	Ti%	Mn%	Zn%	Pb%	Sn%	As%	Zn%	Pd%
Левый надколенник	1	+	29,95	52,9	7,56	7,12	1,18	0,94	0,19	0,07	0,04	0,03	–	–	–	–
		-	0,048	0,16	0,04	0,089	0,026	0,007	0,049	0,016	0,006	0,005	–	–	–	–
Верхний эпифиз левой локтевой кости	2.1	+	75,85	3,49	9,94	7,22	1,84	–	0,95	0,28	0,08	0,09	0,25	–	–	–
		-	0,108	0,074	0,059	0,113	0,033	–	0,201	0,041	0,006	0,005	0,011	–	–	–
	2.2	+	83,98	1,43	6,01	4,93	2,53	0,71	–	0,11	–	0,08	0,12	0,06	0,03	–
		-	0,099	0,042	0,042	0,091	0,032	0,014	–	0,03	–	0,004	0,008	0,003	0,004	–
Верхний эпифиз левой локтевой кости	3	+	79,46	3,31	5,84	6,5	1,93	1,88	–	0,25	0,47	0,28	0,08	–	–	–
		-	0,111	0,073	0,049	0,118	0,034	0,02	–	0,043	0,014	0,008	0,011	–	–	–
Фрагмент левой скуловой кости	4	+	68,19	7,1	6,94	6,38	8,58	–	–	0,8	0,23	0,15	0,48	0,01	–	1,12
		-	0,214	0,219	0,116	0,284	0,164	–	–	0,118	0,023	0,015	0,04	0,004	–	0,03

для использования в обряде (Кулькова и др., 2025). При относительно низких температурах в процессе кремирования тел топоры частично деформировались, что отразилось на поверхности костей в виде припеканий и пигмента. Нахождение металлических предметов (в частности, топоров из тайника) в погребальном костре вблизи тел усопших в процессе кремации подтверждено наличием микроостатков костной ткани в структуре изделий (Там же). Таким образом, полученные данные по железным топорам и представленные в настоящей статье результаты по кремациям хорошо согласуются между собой.

### Заключение

Результаты комплексного исследования кремированных останков из коллективного захоронения 7 Джантухского могильника позволяют поднять целый ряд проблемных вопросов, связанных с возможностью реконструкции погребальной обрядности, практикуемой населением этих территорий в древности, ассоциируемым с ингуро-рионской колхидской культурой. По материалам погребения 7 достоверно можно утверждать, что кремация как способ обращения с останками умерших, практиковался для людей всех половозрастных групп. Сожжение останков происходило на стороне, а депонирование (т.е. последующее предание праха земле) — в коллективных грунтовых захоронениях. В частности, в погребении 7 содержались останки не менее 15 индивидов. Сжигание происходило при высоких температурах (от 650°C и выше), и, вероятно, продолжительное время, на что указывает цвет и равномерность прокала костей. Следы припеканий и пигмента на поверхности костей — это, в первую очередь,

следы реакции, возникшей в результате высокотемпературного воздействия на изделия из металла при соприкосновении с останками. При тех же условиях, что и человеческие останки, сжигались и останки животных. Немногочисленные (менее 1% от общей массы), они представлены остатками ребер и конечностей (предположительно, мелкого рогатого скота) и могли быть частью туш или заупокойной пищи.

Открытым остается вопрос об обстоятельствах совершения кремации. При сильном высокотемпературном прокале кости практически не имеют параболических деформационных трещин, которые могли бы свидетельствовать о быстрой потере костной тканью влаги в момент прямого воздействия огня. Это можно было бы объяснить применением практики отложенной кремации, принимая во внимание свидетельства письменных источников об обряде выставления тела. Насколько продолжительным мог быть период от момента смерти до момента предания останков огню, и готовился ли погребальный костер индивидуально для каждого тела или же это была коллективная кремация (именно массовое, единовременное сожжение тел разной степени разложения) — на данном этапе исследования пока невозможно определить.

В работе обозначены и сложные методические вопросы, связанные с идентификацией останков индивидов в коллективных кремациях. Самым действенным на современном этапе исследований является подсчет дублирующих фрагментов разных анатомически определимых фрагментов костей и сопоставление полученных данных с данными возрастных определений. Пирамида височной кости (из парных костей) и подбородочный выступ нижней челюсти (из непарных) в погребении 7 оказались наиболее устойчивыми к разрушению в процессе кремации и способными сохранить свою неповторимую морфологическую структуру при идентификации останков. Значительная часть определимых костей отнесена к категории «взрослый». При исследовании коллективной кремации это определение довольно условно, поскольку можно оценить только один фрагмент кости. Точное определение пола в коллективных кремациях пока остается крайне проблематичным с методической точки зрения.

Использование методов определения химического состава пигмента и припеканий на костях все еще остается недостаточно разработанной темой, а работы, где подобные исследования упомянуты, только начинают входить в научный оборот (см.: *Свиркина, Володин, 2020; Добровольская и др., 2022; Клещенко и др., 2025*). Имеются спорные моменты, связанные с учетом загрязненности образца, влиянием химического состава костной ткани, грунта и пр. Тем не менее, при исследовании образцов из Джантуха удалось зафиксировать высокие содержания железа и меди и связать их со следами металлических изделий, образовавшихся в результате пирологических процессов в момент сожжения. Фиксация припеканий и пигмента на разных отделах скелета для костей из погребения 7 позволила выделить зоны их наибольшей концентрации: туловище, голова, кисти и стопы. Даже с поправкой на то, что данные о припеканиях фиксируются на костях из коллективного захоронения без разделения на разных индивидов, это показывает общую тенденцию к размещению элементов погребального убора и сопровождающего инвентаря из металла вблизи указанных зон тела. Важным является и тот факт, что в погребении 7 на детских костях нет следов припеканий и пигмента, а, значит, погребальный инвентарь и элементы убора для детей могли быть гораздо скуднее.

Дальнейший комплексный биоархеологический подход в исследовании останков коллективных захоронений могильника Джантух позволит уточнить выявленные особенности погребальных практик обращения с прахом населения, оставившего могильник, а также усовершенствовать методические подходы к исследованию кремаций. Остается много вопросов по особенностям обряда кремации на Кавказе в древности, требующих уточнения. Но одно совершенно точно: погребальный обряд, практикуемый на могильнике Джантух, был сложен и многоэтапен в исполнении. Он включал отложенную кремацию на стороне, депонирование останков разных индивидов в едином пространстве, отделение от праха и депонирование инвентаря, прошедшего погребальный костер. Сохранившиеся вплоть до начала XX в. пережитки обряда воздушного погребения для погибших в результате удара молнией может свидетельствовать о самобытной эволюции погребальной обрядности в регионе. Разобраться в том, локальная ли это особенность практики или общая тенденция развития обряда в регионе в раннем железном веке, помогут современные междисциплинарные исследования и накопление данных о кремациях.

### Литература и архивные материалы

#### Архивные материалы

Скаков А.Ю., 2012. Отчет об археологических работах 2011 г. совместной российско-абхазской Джантухской археологической экспедиции. М. // Личный архив А.Ю. Скакова.

Скаков А.Ю., 2013. Отчет об археологических работах 2012 г. совместной российско-абхазской Джантухской археологической экспедиции. М. // Личный архив А.Ю. Скакова.

#### Литература

Алексеев В.П., 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 251 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 128 с.

Аполлоний Родосский, 2021. Аргонавтика / Пер. с древнегреческого Н.А. Чистяковой. М.: АСТ. 352 с.

Голованова О.А., Струнина Н.Н., Лемешева С.А., Байсова Б.Т., 2011. Определение элементного состава костной ткани человека методом атомно-эмиссионного спектрального анализа // Журнал прикладной спектроскопии. Минск: Ин-т физики им. Б.И. Степанова НАН Беларуси. Т. 78. № 1. С. 157–160.

Добровольская М.В., 2010. К методике изучения материалов кремации // КСИА. Вып. 224. С. 85–97.

Добровольская М.В., Смирнов А.Л., Пророкова Е.Н., Челобаева Е.О., 2022. Кремация полной сохранности из урнового погребения раннесредневекового кургана могильника Бөрвенец // КСИА. Вып. 266. С. 321–333.

Клещенко Е.А., 2023. Основные методические проблемы исследования коллективных кремаций на примере материалов Джантухского могильника // Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций. Сборник материалов. М.: ИА РАН. С. 33–34.

Клещенко Е.А., Решетова И.К., 2019. Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы. М.: ИА РАН. 224 с.

Клещенко Е.А., Алексеенко М.В., Купцова Л.В., Данилевская В.И., 2025. Кремации срубной культуры Оренбургского Предуралья по результатам междисциплинарного исследования // КСИА. Вып. 280. (в печати).

- Кулькова М.А., Кашуба М.Т., Джопуа А.И., Кульков А.М., 2025. Состав сплава и функциональность железных топоров из могильника Джантух (Северо-Западное Закавказье) по данным минералого-геохимических исследований // Кавказ и Циркумпонтийский регион в древности: материалы, исследования, гипотезы / Отв. ред.: А.А. Клещенко, М.Т. Кашуба. М.: ИА РАН. С. 219–233.
- Латышев В.В., 1993. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вып. 3 (XXI) и 4 (XXII). СПб: Фарн. 208 с.
- Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2020. 112 с. (Методика полевых археологических исследований; Вып. 11).
- Свиркина Н.Г., Володин С.А., 2020. Результаты комплексного исследования кремаций I в. до н.э. — II в. н.э. из склепов Восточного некрополя Фанагории // КСИА. Вып. 260. С. 482–495.
- Сизов В., 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К<sup>о</sup>, 1889. 182 с. (МАК; Вып II).
- Скаков А.Ю., 2018. Могильники эпохи раннего железа на территории Абхазии: погребальные памятники и погребальный обряд // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века / Отв. ред. М.В. Андреева. М.: ИА РАН. С. 328–365.
- Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2019. Исследование могильника Джантух (некоторые итоги) // АЕС. № 6. С. 53–60.
- Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Козубова А., Кадиева А.А., 2015. Раскопки Джантухского могильника // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН. С. 812–815.
- Хотко Б.С., 2011. Обряд «воздушного» погребения в пространстве языческой культуры абхазов и адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Вып. 1 (74). С. 179–184.
- Челеби Э., 1979. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука. 287 с.
- Элиан К., 1963. Пестрые рассказы / Пер. с древнегреческого, статья, примечания и указатели С.В. Поляковой; отв. ред. В.В. Струве. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 186 с. (Литературные памятники).
- Ortner D.J., 2003. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. San Diego: Academic Press. 645 p.
- Schaefer M., Black S., Scheuer L., 2009. Juvenile Osteology: a laboratory and field manual. Amsterdam: Elsevier Inc. 369 p.

## Collective cremation of the Dzhantukh cemetery (Colchian culture): a bioarchaeological approach to the study of remains

Ekaterina A. Kleshchenko<sup>7</sup>, Natalia G. Svirkina<sup>8</sup>,  
Tatyana Yu. Shvedchikova<sup>9</sup>

The results of a comprehensive study of cremated remains from Dzhantukh cemetery (burial 7) is presented in the article. Burial 7 is a collective burial with a stash dating by the 6<sup>th</sup>–5<sup>th</sup> centuries BC. A detailed characterization of the material is provided. Features of a complex and multi-stage burial practice is determined, such as postponed cremation at a remote site, deposition of remains from different individuals in a single space, separation of remains and grave goods. A special section of the study is dedicated to the X-ray fluorescence analysis for determination the chemical composition of deposits and pigments on the bone surface. It was understood that the deposits are the result of contact between bones and metal objects (iron, copper) during cremation process. The anatomical zones mostly contacted with metal were identified. They are parts of axial skeleton, skull, hands, and feet.

**Keywords:** *Caucasus, Dzhantukh cemetery, Early Iron Age, Colchian culture, burial rite, collective burials, cremation, X-ray fluorescence analysis*

---

7 Ekaterina A. Kleshchenko — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: malzeva-ekaterina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8399-974X.

8 Natalia G. Svirkina — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: svirkina.natalia@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5712-5953.

9 Tatyana Yu. Shvedchikova — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: tashved@gmail.com; ORCID: 0000-0002-0882-654X.



## Элитный колхидский комплекс из села Ачандара (Бзыбская Абхазия)<sup>1</sup>

В.Р. Эрлих<sup>2</sup>, А.И. Джопуа<sup>3</sup>, А.Ю. Скаков (†)

*В статье вводятся в научный оборот материалы богатого колхидского комплекса, случайно обнаруженного в 2018 г. на холме Цохуа в селе Ачандара (Бзыбская Абхазия). В 2019 г. погребение было доследовано совместной российско-абхазской экспедицией. Мужской, воинский характер погребения характеризуют найденные здесь элементы воинской паноплии: халкидский шлем, два кинжала, наконечники копий и наконечники стрел. Рассматриваемый комплекс представителя местной элиты датирован авторами IV в. до н.э. Он интересен тем, что содержит драгоценные изделия, выполненные в «царских» мастерских Колхиды, и культовые предметы, характерные исключительно для бзыбского варианта позднеколхидской культуры.*

**Ключевые слова:** Бзыбская Абхазия, колхидская культура, воинское погребение, элитный комплекс, «эгретка», халкидский шлем, золотые украшения, серебряный сосуд, IV в. до н.э.

<http://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-478-4.249-270>

Находки колхидских древностей в пос. Цохуа села Ачандара Гудаутского р-на Абхазии известны по ряду публикаций Ю.Н. Воронова, М.М. Гунба и Г.К. Шамба (Воронов, Гунба, 1978. С. 260–262; Шамба, 1996). В 2002 г. в самом начале работы в Абхазии совместной экспедиции ИА РАН и АБИГИ им. Д.И. Гулиа под руководством А.Ю. Скакова и А.И. Джопуа велись поиски колхидского могильника Цохуа на участке усадьбы Чхабелия (рис. 1: 1). Тогда были заложены четыре шурфа, исследованы 15 погребений и уточнена датировка средневекового могильника Цохуа, открытого А.Н. Габелы на этом участке (Скаков, Джопуа, 2006). Экспедиции в те годы также была передана часть комплекса 1990 г., обнаруженного на участке семьи Абгаджаа, другую часть удалось зарисовать (см.: Скаков, Джопуа, 2004).

Однако материалы колхидского могильника в пос. Цохуа были выявлены лишь спустя 16 лет. В конце января 2018 г. житель с. Ачандара Гудаутского р-на Абхазии Рустам Чхабелия при посадке деревьев наткнулся на богатое мужское захоронение и сразу передал в Абхазский государственный

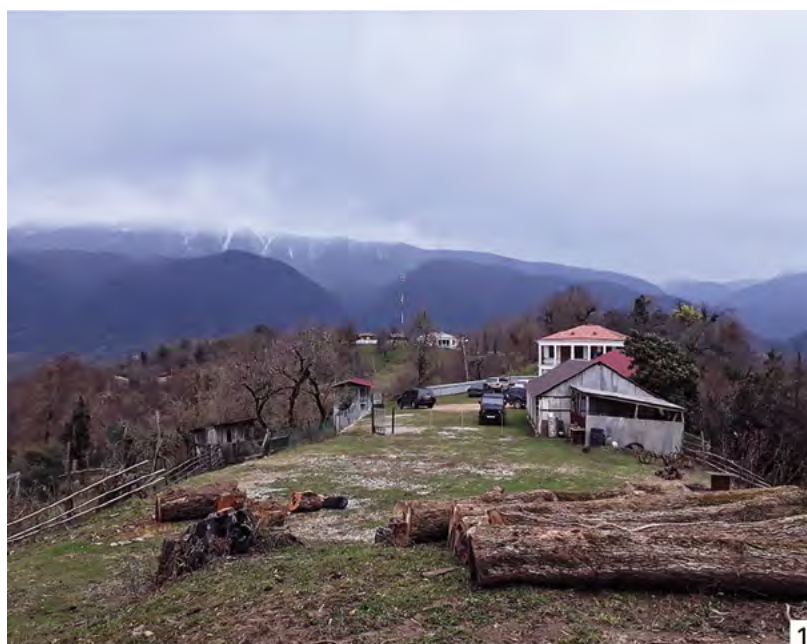
1 Работа выполнена при поддержке РФФ, грант № 22-18-00108-Продление.

2 Владимир Роальдович Эрлих — Государственный музей Востока, Никитский бульвар, д. 12а, Москва, 119019, Российская Федерация; e-mail: verlikh@bk.ru; ORCID: 0000-0002-4060-5819.

3 Аркадий Иванович Джопуа — Абхазский государственный музей, ул. Леона, д. 22, Сухум, 384900, Республика Абхазия; e-mail: arkadi100@rambler.ru; ORCID: 0000-0001-5236-6555.

**Рис. 1.** Погребение Ачандара (Бзыбская Абхазия): 1 — участок холма Цохуа с усадьбой Р. Чхабелия; 2 — исследование погребения на холме Цохуа; 3 — фрагмент расчищенного погребения на холме Цохуа (1 — фотография А.И. Джопуа; 2, 3 — фотографии А.Ю. Скакова)

**Fig. 1.** Achandara burial (Bzyb Abkhazia): 1 — the Tsohua hill with Rustam Chkhabelia's estate; 2 — additional investigation of burial on Tsohua hill; 3 — fragment of cleared burial on Tsohua hill (1 — photo by Arkady I. Dzhopua; 2, 3 — photos by Aleksandr Yu. Skakov)



музей его директору А.И. Джопуа следующие предметы: бронзовую эгретку, девять золотых украшений (гривну, серьгу и подвеску, четыре перстня, две пронизи от ожерелья в виде львов, рифленую бусину), фрагменты бронзового шлема, фрагменты двух железных кинжалов, фрагменты серебряного кубка, бронзовые обоймы, пять железных наконечников копий, 50 бронзовых обойм, четыре железные шпильки, колокольчики.

Летом 2019 г. место находки было доследовано экспедицией под руководством А.Ю. Скакова и А.И. Джопуа (**рис. 1: 2**). Во время этих работ была обнаружена часть скелета (ноги) погребенного, ориентированного головой на восток и захороненного вытянуто на спине. У ног найдены раздавленные глиняный сосуд и бронзовая «ваза» (**рис. 1: 3**), железные втульчатые наконечники стрел, набор втулок, два ножа, камень со следами обработки<sup>4</sup>.

В настоящей статье мы рассмотрим основные находки этого комплекса, ныне хранящегося в фондах Абхазского государственного музея (далее при упоминании ссылок на место хранения — АГМ).

### Предметы вооружения

**Железные кинжалы.** «Акинак» с сохранившимся навершием в виде железного вытянутого прута, чуть загнутого книзу, скорее всего являющимся вариантом «сегментовидной» формы и «бабочковидным» перекрестием (АГМ 4596/12-1). Длина кинжала — 24,7 см (**рис. 2: 1**). Мечи с сегментовидными навершиями в Абхазии встречаются в памятниках античного времени: Сухум, Сухумская гора, Бомбора, Тамыш (Воронов, 1975. С. 223. Рис. 8: 5, 8, 9, 11; Шамба, 2000. С. 253. Табл. 65: 4). По мнению В.Р. Эрлиха, подобные рукояти восходят к бронзовым кинжалам с изогнутыми «якоревидными» навершиями из Абгархука, Анухвы, Эшерского городища и других памятников (см.: Эрлих, 2006. С. 366).

**Кинжал с утраченным навершием** — верхняя часть клинка раскованна и имеет выступы в виде треугольников, переход от рукояти к клинку под тупым углом (АГМ 4596/12-2). Длина без навершия составляет ~24 см (**рис. 2: 2**). Близкий по форме клинок имел кинжал из комплекса погребального инвентаря № 2 могильника на Сухумской горе (Каландадзе, 1953. Табл. VIII: 2).

**Наконечники копий** (АГМ 4596/13-1-5). Четыре одинаковых наконечника копий и один фрагмент такого наконечника имеют длинные вытянутые пропорции, они представляют собой четырехгранные пики, переход к втулке практически не заметен. Длина сохранившихся полностью трех наконечников — 32–33 см. Ю.Н. Воронов подобные наконечники назвал дротиками со штыковидным четырехгранным острием (Воронов, 1975. С. 220–221. Рис. 3: 15, 16). Такие пики происходят из могильника на Сухумской горе — из комплексов 4 и 10 (Каландадзе, 1953. С. 32. Рис. 10. Табл. IX: 19).

**Фрагменты шлема** (АГМ 4596/2). Фрагменты бронзового халкидского шлема с хорошо сохранившимся длинным наносником в виде вытянутого овала, по краю которого проходит бороздка, берущая начало от надглазий (**рис. 3**). По типологии Германа Пфлюга, шлемы с подобными наносниками могут относиться к типам I–III халкидских шлемов (Pflug, 1988. S. 138. Abb. 2). Наиболее близок по своей форме наносник ачандарского шлема к наноснику из погребения воина 1979 г. на поселении Ахул-Абаа, который был найден вместе с бронзовой кнемидой (Воронов, 1991. С. 228. Рис. 3: 1).

4 К сожалению, наконечники стрел, втулки, ножи и камень в коллекцию музея не поступили.





**Рис. 2.** Погребение Ачандара (Бзыбская Абхазия): 1 — кинжал (АГМ 4596/12-1); 2 — кинжал (АГМ 4596/12-2); 3–7 — наконечники копий (АГМ 4596/13-1-5); 8–11 — гвозди от «саркофага» (АГМ 4596/14-1-4). Все железо (фотографии В.Р. Эрлиха)

**Fig. 2.** Achandara burial (Bzyb Abkhazia): 1 — dagger (ASM 4596/12-1); 2 — dagger (ASM 4596/12-2); 3–7 — spearheads (ASM 4596/13-1-5); 8–11 — nails from “sarcophagus” (ASM 4596/14-1-4). All iron (photos by Vladimir R. Erlikh)



**Рис. 3.** Погребение Ачандара (Бзыбская Абхазия). Фрагменты халкидского шлема (АГМ 4596/2). Бронза (фотография В.Р. Эрлиха)

**Fig. 3.** Fragments of Chalcidian helmet (ASM 4596/2). Bronze (photo by Vladimir R. Erlikh)

Этот шлем, халкидский шлем 1985 г. из Ахул-Абаа (Там же. С. 227. Рис. 2: 1), шлем из Эшерского городища с таким же наносником и гравированными завитками, имитирующими пряди волос (Воронов, 1975. С. 225. Рис. 6: 1–3) и имеющий аналогии с халкидскими северо-греческими шлемами из Британского музея и Олимпии (ср.: *Pflug*, 1988. S. 140, 431. Abb. 5; 6; Cat. 44), отнесены одним из авторов данной статьи ко второй волне поступления греческих шлемов на территорию Абхазии, относящуюся к IV в. до н.э. (Эрлих, 2006. С. 369).

### Украшения

**Золотая гривна** (АГМ 4596/10). Гривна из перевитого золотого прута с ромбическими расширениями на концах (рис. 4: 1). Один ромб заканчивается крючком, второй крючок — обломан. Внешняя сторона ромбических окончаний имеет гравированный орнамент. По краю проходит насечка, имитирующая плетенку либо веревочку, также поясок насечек с двойной



**Рис. 4.** Погребение Ачандара (Бзыбская Абхазия): 1 — гривна (АГМ 4596/10); 2 — детали ожерелья (АГМ 4596/6); 3 — перстень (АГМ 4596/10); 4 — бусина (АГМ 4596/16); 5 — перстень (АГМ 4596/8); 6 — перстень (АГМ 4596/7); 7 — перстень (АГМ 4596/9); 8 — серьга (АГМ 4596/5); 9 — височная подвеска (АГМ 4596/6). Золото (фотографии В.Р. Эрлиха)

**Fig. 4.** Achandara burial (Bzyb Abkhazia): 1 — diadem (ASM 4596/10); 2 — necklace parts (ASM 4596/6); 3 — finger ring (ASM 4596/10); 4 — bead (ASM 4596/16); 5 — finger ring (ASM 4596/8); 6 — finger ring (ASM 4596/7); 7 — finger ring (ASM 4596/9); 8 — earring (ASM 4596/5); 9 — pendant (ASM 4596/6). Gold (photos by Vladimir R. Erlikh)



плетенкой проходит и по центру ромба. По сторонам от этого пояска имеются два гравированных овала с кругом в центре — «глазки». Размеры: 13,0×14,5 см. Подобные бронзовые, золотые и серебряные гривны характерны для позднекохридской культуры. Близкие бронзовые экземпляры с нанесенным на ромбические окончания геометрическим гравированным орнаментом встречены на территории Абхазии в могильниках Гуадику (погр. 23), Красный Маяк (погр. 21), на Эшерском городище, в Старой Гагре (вероятно, случайная находка) (Трапиш, 1969. С. 61, 188. Табл. III: 2, 3; XXIII: 2; Шамба, 1980. Табл. LXXII: 3; Воронов, 1969. Табл. XLII: 7).

Из элитных колхидских комплексов V–IV вв. до н.э. происходят золотые и серебряные гривны/диадемы<sup>5</sup> такой же формы. Из погр. 13 могильника Саирхе, надежно датированного по аттическим импортам в пределах первой половины V в. до н.э., происходят золотая и серебряная гривны, ромбические окончания которых украшены чеканным геометрическим узором (*Maxaradze, Tseretely*, 2007. Р. 115. Colorphoto 28; 29). Близкие наборы, включающие золотую и серебряную гривны (диадемы) этого же типа, имеются в погр. 6 и 11 Вани. Серебряные гривны из этих погребений также украшены геометрическим узором с розетками. На золотых же экземплярах ромбовидные щитки украшены чеканными изображениями сцен борьбы животных. О.Д. Лордкипанидзе датирует погр. 11 в пределах второй половины V в. до н.э., а погр. 6 — первой половиной IV в. до н.э. (Вани-I, 1972. С. 47–49. Рис. 37; 56; 187; 204).

За пределами собственно Колхиды известны гривны этого типа, происходящие из святилища V–IV вв. до н.э. на хребте Азиштау в Адыгее, а также из Нестеровского могильника на территории современной Ингушетии (*Эрлих, Леонтьева*, 2024. С. 133. Рис. 10: 2; *Крупнов*, 1960. С. 284. Рис. 48: 33; *Козенкова*, 1982. Табл. XXVI: 3). Очевидно, их следует считать импортами из Колхиды.

**Серьга с шариками-подвесками** (АГМ 4596/5). Золотая серьга сложной формы имеет дужку, снабженную замочком с отверстиями (**рис. 4: 8**). К дужке также крепятся на петельках три ребристые спаянные из двух половинок бусинки, в которые вставлены цилиндрики, оканчивающиеся пирамидками из четырех шариков зерни. К нижней части дужки крепится цилиндр, к которому припаян колпачок, украшенный тремя поясками орнамента, выполненного зернью и сканью. В верхнем ряду расположены треугольники из зерни, направленные углом вниз. В среднем поясе находятся два ряда противопоставленных треугольников из зерни. Нижний пояс украшен полусферами, к которым припаяны пирамидки из четырех шариков зерни. В колпачок в нижней части вставлена конструкция из полусферы и цилиндра, лишенная украшений. К полусфере в верхней части на петельках крепится шесть полых бусин с цилиндрами, оканчивающимися пирамидками из зерни, аналогичные тем, которые украшали дужку. Такие же бусины-привески на петельках крепятся на петельках к нижней части цилиндра. Общая длина серьги — 5,4 см.

Отметим, что, как и большинство колхидских ювелирных изделий, полных аналогий такая серьга не имеет, однако она полностью выполнена в стилистике колхидского «златокузнечества» V–IV вв. до н.э. Так, например дужки с аналогичными замочками, к которым припаяны цилиндры с полусферами и пирамидки из зерни, имеются на серьгах из погр. 22 Вани, датированного IV в. до н.э. Рифленные шарики подвесок этих серег с припаянными цилиндрами практически являются укрупненной копией бусин-подвесок серег из Ачандары (*Catalog Berlin*, 2007. S. 98). Пояски из рядов зерни украшают сфероконическую подвеску из этого же погребения (*Ibid.* S. 95).

**Височная подвеска** (АГМ 4596/6) представляет собой кольцо 1,5 оборота из уплощенного золотого прута, по цвету отличающегося от самой подвески (**рис. 4: 9**). К кольцу крепится плоская пластина прямоугольной формы, в верхней части она украшена сканной спиральной розеткой,

5 В погр. 11 Вани она находилась на черепе знатной колхидянки (Вани-I, 1972. Рис. 185).



из перевитой проволоочки. Ниже пластина украшена орнаментом зерни, состоящим двух рядов ромбов, каждый из которых состоит из пяти шариков зерни. По краям пластины также напаяны шарики зерни. Пластина в свою очередь припаяна к ажурной, украшенной зернью, подвеске биконической формы, из которой выступают два цилиндра. Ленты между прорезями ажурной подвески украшены двумя рядами зерни. Центральный пояс подвески имеет выступы, к которым припаяны розетки из пяти шариков зерни. Верхний цилиндр, выступающий из ажурной подвески, имеет по краям два горизонтальных пояса зерни. Нижний цилиндр имеет вверху пояс зерни, к нижней части цилиндра припаяна конструкция из трех шариков, имеющих с лицевой стороны розетки из пяти шариков зерни. К нижней части этой конструкции припаян цилиндр, оканчивающийся пирамидкой из четырех шариков зерни. Длина всего изделия — 6,5 см.

Височные подвески на ленте с розеткой сверху встречены в ряде погребений могильника Вани. Ажурные подвески биконической формы, заканчивающиеся пирамидкой, найдены в погр. 9 и 22, датирующихся IV в. до н.э. (Catalog Berlin, 2007. S. 81, 94). В последнем погребении обнаружена также сплошная (неажурная) подвеска, богато украшенная зернью, крепящаяся также к украшенной зернью ленте, имеющей сверху розетку (Ibid. S. 95). Имеются подобные подвески и в ряде погребений могильника Саирхе. В гробнице 1 встречены две пары ажурных подвесок биконической формы, заканчивающихся пирамидкой (Maxaradze, Tseretely, 2007. Colorphoto 4; 6), а в гробнице 8 — биконическая подвеска на «ленте» с розеткой без прорезей, богато украшенная зернью (Ibid. Colorphoto 14). Гробница 1 датирована авторами публикации началом III в. до н.э., а комплекс гробницы 8 — IV в. до н.э. (Ibid. P. 115).

Следует отметить, что у всех подвесок/серег, происходящих из Вани и Саирхе, «лента» с розеткой крепится к дужке с замочком. У ачандарской подвески эта дужка, очевидно, была утрачена, и пластина с розеткой крепилась к кольцу из отличающегося по цвету от основного изделия желтого металла. Это, скорее всего, говорит о том, что данное ювелирное изделие использовалось какое-то время как серьга, а после того, как дужка подвески сломалась, ее заменили на кольцо. Это лишний раз доказывает, что перед помещением в погребение она использовалась как височная подвеска, а не как серьга.

Интересно, что в погр. 1 на холме Цохуа, раскопанном в 1990 г. Г.К. Шамба на участке Абгаджаа, была обнаружена серьга с подвеской, сочетающая элементы серьги и подвески из публикуемого комплекса. Судя по рисунку Г.К. Шамба, она имела дополнительное колечко, крепящееся к замочку. К замочку была припаяна подвеска, состоящая из цилиндра, биконического объема, место стыковки конусов было украшено пирамидками из трех шариков зерни, а нижняя часть серьги была в виде цилиндра, заканчивающегося тремя шариками зерни (Шамба, 1996. Рис. 2: 10). Таким образом, можно предположить, что все три изделия были выполнены в одной мастерской, и, возможно, одним ювелиром.

**Перстни. Перстень с изображением скачущей лошади** (АГМ 4596/9). Диаметр — 2,5 см. Щиток овальной формы, по краю имеет насечку из округлых отверстий, в центре щитка — скачущая влево лошадь (рис. 4: 7). Перстни с овальными щитками были чрезвычайно популярны в Колхиде вплоть до эллинистического времени. По своей стилистике — окантовка края щитка, данный перстень близок перстню с изображением скачущего

влево козла из погр. 13 могильника Саирхе, датирующегося первой половиной V в. до н.э. (*Maxaradze, Tseretely*, 2007. P. 115. Colorphoto 38). В то же время изображение скачущей вправо лошади мы находим и на овальном щитке серебряного перстня из погр. 181 (2000 г.) могильника Пичнари, датированного III–II вв. до н.э. (*Pichnary-VI*, 2014. P. 371. Fig. 107: 8).

**Перстень с геральдическим изображением птицы** (АГМ 4596/8). Диаметр — 2,5 см. Овальный щиток этого перстня также имеет насечку по краю. На щитке имеется углубленное изображение хищной птицы (орла) в полете вправо со сложенной лапкой, треугольным хвостом и треугольными крыльями, на которые нанесен точечный орнамент, передающий оперение (**рис. 4: 5**). Клюв птицы загнут, глаз показан двумя концентрическими кружками.

Золотой перстень с изображением летящего вправо орла со сложенной лапой, выполненный в несколько другой манере (оперение хвоста и крыльев показаны углубленными линиями), происходит из погр. 24 могильника Вани IV в. до н.э. (*Catalog Berlin*, 2007. S. 73). О популярности изображения орла в полете со сложенной лапой в Колхиде говорят находки нашивных блях-аппликаций в погребениях V–IV вв. до н.э. В погр. 11 Вани V в. до н.э. обнаружены бляхи с зеркальным изображением летящих птиц вправо и влево с тщательно проработанным оперением и сложенной лапкой (*Ibid.* S. 127). Многочисленные мелкие бляхи с летящими орлами обнаружены в погр. 24 Вани IV в. до н.э. (*Ibid.* S. 76) и в гробнице 13 V в. до н.э. могильника Саирхе (*Maxaradze, Tseretely*, 2007. P. 115. Colorphoto 36).

В скифском искусстве звериного стиля А.Р. Канторович отнес подобные изображения летящего орла со сложенной лапкой из Золотого кургана, Журовки (курган Г и курган 401) к мельгуновско-солохскому типу, справедливо указав на колхидские аналогии из погр. 11 Вани и изображении на накладке щита из Красномаяцкого могильника (*Канторович*, 2022а. С. 239; 2022б. С. 87. Тип I-II-1. Рис. 2–4).

Очевидно, что изображение на греческом гоплитском щите из Красномаяцкого могильника лежит в основе всей серии колхидских изображений летящего орла со сложенной лапкой. Первоначально этот щит был отнесен Ю.Н. Вороновым к кругу скифских (*Воронов*, 1975. С. 229), однако в последствии он отнес его к произведениям восточно-греческих мастерских второй половины VI в. до н.э. (*Воронов*, 1981). Г.Р. Цецхладзе и Г.Т. Квирквелия аргументировали это предположение и привели ближайшие аналогии — щиты VI в. до н.э. на о. Самос и находку в Олимпии (*Цецхладзе*, 1997. С. 107–108; *Квирквелия*, 2002. С. 36). Следуют отметить, что подобные щиты с изображением летящего орла начинают встречаться с VII в. до н.э., например, на протокоринфской вазе с изображением трех конных воинов (*Greenhalg*, 1973. P. 101. Fig. 53b). Таким образом, именно греческие щиты с изображением летящего орла можно считать истоком этого мотива.

**Перстень с изображением птицы влево** (АГМ 4596/7). Диаметр — 2,1 см. Перстень с овальным щитком, имеющим насечку по краю с не вполне ясным изображением птицы, возможно, держащей что-то в клюве (**рис. 4: 6**). Птица имеет две лапки, согнутые под прямым углом и хвост, напоминающий петушиный, с показанными разделенными перьями. Полные аналогии данному изображению нам не известны.

**Перстень со щитком в виде четырех спиралей** (АГМ 4596/10). Диаметр — 2,2 см. Золотой перстень со щитком в виде четырех волют (спиралей), выполненных из перевитой проволоки в технике скани (**рис. 4: 3**).

В центре волют имеется по шарик зерни. Сложнопрофилированная шинка перстня по краям выполнена из перевитых стержней.

Перстни и бляхи с четырехспиральным оформлением щитка в целом характерны для колхидо-кобанской общности. В погр. 11 некрополя Вани, датированном V в. до н.э. встречено четыре золотых перстня со щитком в виде четырех спиралей, скрученных из проволоки, в центре спиралей — отверстия (Catalog Berlin, 2007. S. 126). Бронзовый перстень с четырехспиральным щитком происходит из погр. 30 Аллероевского I могильника (Козенкова, 1982. С. 160. Табл. XXIV: 15). Для восточного варианта кобанской культуры также характерны перстни с биспиральными щитками. Они встречены в могильниках Сержень-Юрт (погр. 53), Луговом (погр. 30), Пседах (погр. 3 и 11) и датируются VI–V вв. до н.э. (Козенкова, 1982. С. 160. Табл. XXIV: 13, 14; 1986. С. 140, 151. Рис. 7: 23, 24). Мотив четырех спиралей также характерен для бронзовых четырехспиральных блях колхидо-кобанской общности позднего периода, встреченных в разных регионах Кавказа (см.: Скаков и др., 2021. С. 118).

Возвращаясь к изделию из ачандарского погребения, следует отметить его высококлассное исполнение в сложной ювелирной технике в отличие даже от перстней из элитного погр. 11 в Вани. Очевидно, оно делалось опытным колхидским ювелиром — «златокузнецом» — по общим колхидо-кобанским мотивам.

**Подвески (детали ожерелья?) в виде фигурок львов** (АГМ 4596/6). Золотые полые фигурки лежащих львов, спаянные из двух половинок (рис. 4: 2). Хвосты из проволоки загнуты вверх, концы их свернуты в спираль. У одной фигурки — хвост из рубчатой проволоки, у другой — из гладкой. Шерсть показана тремя рядами зерни, глаза — шариками зерни в обрамлении колечек из напаянной проволоки, у одной фигурки она рубчатая. Уши показаны напаянным свернутым золотым листиком. В задней части животного имеется отверстие для нити ожерелья. Длина фигурок — 1,4 см.

Ближайшие аналогии: фигурки львов — детали ожерелья колхидской работы из погр. 44 кургана 4 могильника Уляп (Адыгея) (Лесков и др., 2005. С. 18. Рис. 34: 12, цв.вклейка; Каталог Москва, 1985. С. 22. Кат. 288; Каталог Москва, 1987. Кат. 42; Каталог Москва, 2024. С. 71. Кат. 42.). Следует отметить, что уляпские львы выполнены более тщательно, они крупнее (длина 2,6 см) и имеют три отверстия внизу, т.к. рассчитаны на ожерелье из трех нитей. В свою очередь по стилистике и технике выполнения они близки колхидским фигуркам львов, имеющихся на головном украшении либо амулете из погр. 24, обнаруженного в 2004 г. в Вани (Catalog Tbilisi, 2005. Ил. на с. 59; Catalog Berlin, 2007. S. 63).

**Бронзовые бусы или обоймы пояса** (АГМ 4596/16). Имеют биконическую форму. Обнаружено 50 целых экз., размерами 1,1×0,5 см (рис. 5: 1). Подобные обоймы были найдены Г.К. Шамба в погр. 1 1990 г. на участке Абгаджаа в пос. Цохуа. Однако среди последних были две бусины с петлями для подвески (Шамба, 1996. Рис. 2: 15). Г.К. Шамба также указал аналогии подобным бусам в могильнике Гуадику — погр. 11 и 26 (Трапиш, 1969. С. 30, 42. Рис. 11; 21). В наборе бус из погр. 26 также отсутствовали бусы с петлями. Можно полагать, что эти бусы являются продукцией мастерских Бзыбской Абхазии и происходят из комплексов VI — начала IV в. до н.э.

**Золотая рифленая бусина** (АГМ 4596/16). Спаяна из двух половинок. Диаметр — 0,5 см (рис. 4: 4). Возможно, относилась к подвеске (АГМ 4596/5). В то же время бусины на этих подвесках несколько отличаются от нее.



**Рис. 5.** Погребение Ачандара (Бзыбская Абхазия): 1 — бусы (обоймы) (АГМ 4596/16); 2 — колокольчик (АГМ 4596/18-2); 3 — колокольчик (АГМ 4596/18-1); 4 — фрагменты фибулы (АГМ 4596/19); 5 — фрагменты браслета (АГМ 4596/16).  
Бронза (фотографии В.Р. Эрлиха)

**Fig. 5.** Achandara burial (Bzyb Abkhazia): 1 — beads (clamps) (ASM 4596/16); 2 — bell (ASM 4596/18-2); 3 — bell (ASM 4596/18-1); 4 — fragments of fibula (ASM 4596/19); 5 — fragments of bracelet (ASM 4596/16).  
Bronze (photos by Vladimir R. Erlikh)

Бусина могла также входить и в состав ожерелья. Подобные рифленные бусины, например, входили в состав ожерелий в погр. 1 1990 г. на участке Абгаджаа в пос. Цохуа и погр. 12 Красномаяцкого могильника (*Шамба*, 1996. Рис. 2: 8б; *Трапиш*, 1969. С. 277. Табл. XXXIX: 18).

**Фрагменты бронзового браслета** (АГМ 4596/16). Браслет из бронзового дрота не сомкнут, один конец слегка расширяется и притуплен, другой закруглен (**рис. 5: 6**). Браслет не орнаментирован и, по типологии Н.В. Гогиберидзе, может быть отнесен к четвертой группе колхидских браслетов. По ее данным, к этой группе относятся браслеты, датирующиеся широко от начала IV до I в. до н.э. (*Гогиберидзе*, 2003. С. 12, 96–97). Данный браслет никак не влияет на датировку комплекса.

**Фрагмент бронзовой фибулы** (АГМ 4596/19). Сохранилась пружина с частью дужки и иглы, а также фрагмент приемника (**рис. 5: 5**). По данным фрагментам невозможно судить о типе изделия. Тем не менее, можно уверенно сказать, что это была дуговидная фибула, отличная от фибулы с ромбическим щитком, входившей в комплекс 1990 г. на участке Абгаджаа (ср.: *Шамба*, 1996. Рис. 2: 9).

### Культовые предметы

**Бронзовая «эгретка»** (АГМ 4596/1) представляет собой слегка изогнутую ажурную пластину в виде вытянутого треугольника, состоящую из трех бронзовых прутков, скрепленных в нижней части перекладинами. Изделие заканчивается с одной стороны крючком, с другой — площадкой. Верхняя часть прутков декорирована розетками в виде спиралей. На площадке размещена скульптурная композиция в виде лошади, на которой верхом сидит всадник-мужчина, сзади находится фигурка женщины, сидящей на лошади боком, свесив ноги влево. К площадке крепятся с боков по три бараньих головки, к шеям которых первоначально крепили подвески с колокольчиками на колечках, по три с каждой стороны. Кроме того, еще один колокольчик крепился к крючку на конце «эгретки» с помощью приспособления из ложновитого стержня с двумя петлями. Размеры «эгретки» 17,5×6,5 см (рис. 6).

Название «эгретка» этому виду предметов, встречающихся исключительно в Бзыбской Абхазии, дал А.Л. Лукин (1941. С. 70–72).

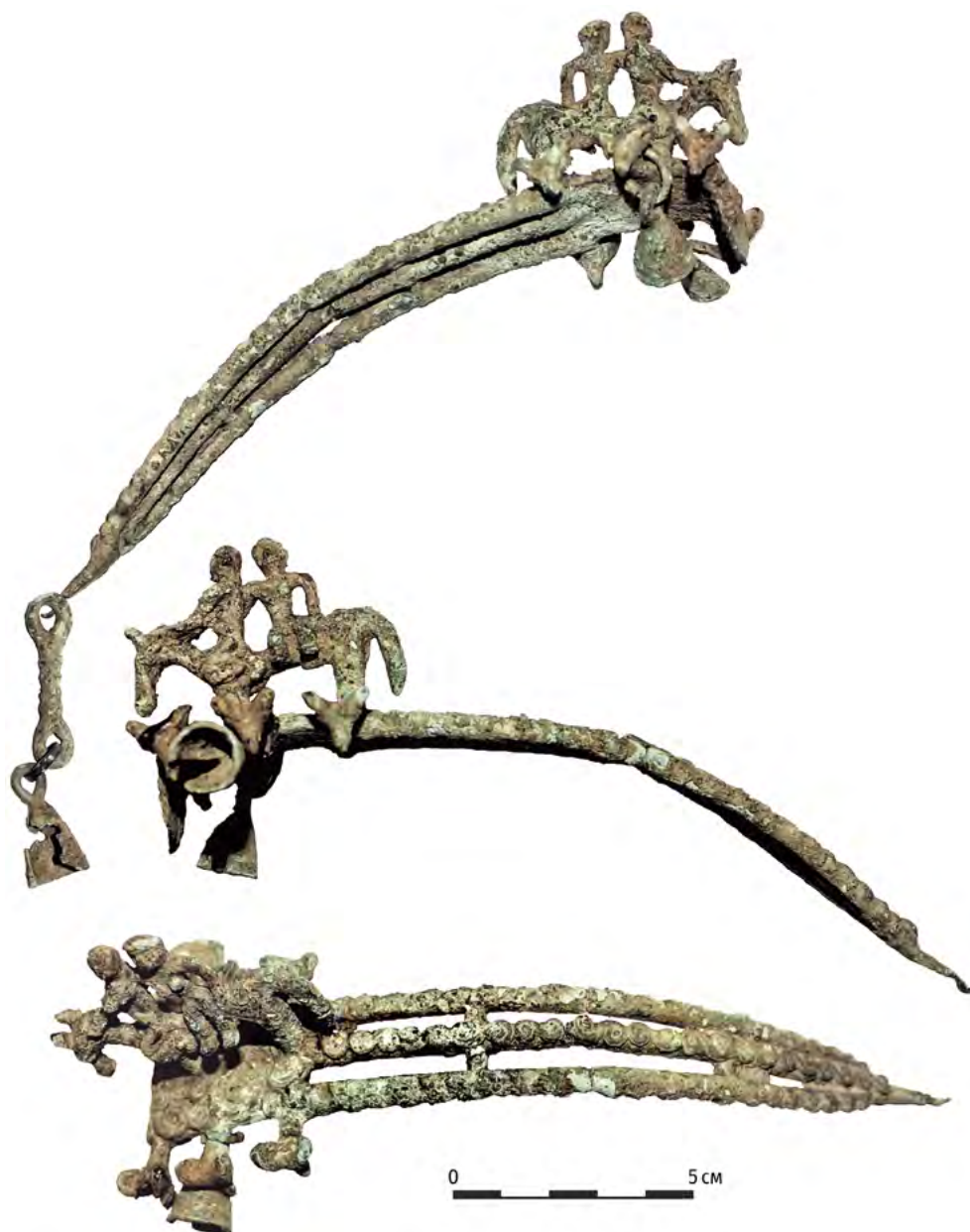
В археологической литературе можно встретить упоминание о 10 «эгретках». Из них три зафиксированы в археологическом контексте, четыре хранятся в музеях без описания условий нахождения, а о трех оставшихся сохранились лишь устные упоминания (Скаков, Джоуа, 2004). Все известные экземпляры «эгреток» делятся на две группы по наличию или отсутствию на них скульптурных композиций.

К группе со скульптурными композициями до ачандарской находки относилось шесть из 10 известных «эгреток», из которых пять экз. были с фигурками всадников (Там же).

Это найденная в 1911 г. на Бамборской поляне «эгретка» с фигурой всадника на лошади, хранящаяся в Государственном Эрмитаже. По донцу аттического скифоса типа А она датируется второй четвертью V в. до н.э. «Эгретка» состоит из трех продольных пластин, украшенных глубокими косыми насечками. Внешняя сторона площадки изогнута, боковые стороны украшены тремя бараньими головками, на каждой из которых висит по колокольчику (Лукин, 1941. Табл. XXII).

Вторая «эгретка» с парным изображением всадников, поступила в 1912 г. в Исторический музей Украины в Киеве. По мнению А.Л. Лукина, она так же происходит с Бамборской поляны и может быть датирована тем же временем — второй четвертью V в. до н.э. (Там же. С. 62, 70. Табл. XXIII). Эта «эгретка» также состоит из трех изогнутых перекладин, украшенных глубокими косыми насечками с поперечной полосой, соединяющей перекладки в центре «эгретки». Площадка имеет по три выступа-петли, завершающихся схематическими бараньими головками (одна утрачена), к петлям крепились колокольчики. На площадке находятся две практически идентичные фигурки всадников. Всадники переданы очень схематично, кони имеют вытянутые морды и подчеркнутые половые признаки (НМИУ № В2699; Scythian Gold, 2001. P. 107. Cat. 5).

Третья «эгретка» с фигуркой всадника была обнаружена в 1968 г. в «погребении воина-жреца», раскопанного в 100–120 м к СВ от Эшерского городища, датирующегося по многочисленным импортам около 330 г. до н.э. (Шамба, 1972. С. 98 сл.; 2000. С. 111–112). Возле черепа погребенного обнаружена «эгретка» со скульптурой всадника и собакой в ошейнике. В погребении также находились сосуды, сделанные из местной глины: двуруч-



**Рис. 6.** Погребение Ачандара (Бзыбская Абхазия). «Эгретка» (АГМ 4596/1).  
Бронза (фотография В.Р. Эрлиха)

**Fig. 6.** Achandara burial (Bzyb Abkhazia). "Egret" (ASM 4596/1).  
Bronze (photo by Vladimir R. Erlikh)

ный кувшин типа амфоры, остродонная амфора из местной красно-коричневой глины, трехчастный сосудик на трубчатой ножке, два сосуда баночной формы, две миски с загнутым внутрь бортиком, крышка с петлей, красноглиняный кувшинчик; а также три чернофигурных сосуда: килик, чаша и лекиф. В погребении также встречено железное наступательное вооружение: двулезвийный меч с брусковидным навершием, меч-махайра, топор-секира, два ножа со слегка изогнутыми спинками, пять листовидных наконечников копий с расщепленными трубчатыми втулками. На правой руке погребенного было найдено пять круглопроволочных браслетов: два бронзовых, один серебряный, два — железных. В районе правой руки было найдено 17 стеклянных бус небольшого размера двух типов: пять округлых, голубого цвета, и 12 бочонкообразных ярко-черных. В области живота была найдена умбоновидная бронзовая бляшка с дугообразной петлей у основания. На одной из фаланг был обнаружен бронзовый перстень-печать с щитком овальной формы, на котором была изображена женская фигура в развевающихся одеждах, несущая на руках три язычка пламени (*Шамба*,



1972. С. 98 сл.). Импортные предметы позволяют надежно датировать комплекс. Г.К. Шамба отнес погребение к 30 г. IV в. до н.э. (Там же. С. 111–112), А.Ю. Скаков и А.И. Джопуа датируют комплекс второй — третьей четвертью IV в. до н.э. (Скаков, Джопуа, 2004. С. 36). «Эгретка» состоит из трех изогнутых бронзовых прутков с глубокими косыми насечками, заканчивающимися крючком, на котором находилась подвеска с тремя колокольчиками. Как и бамборские «эгретки», площадка имела по выступу с бараньими головками, к шеям которых на колечках крепились колокольчики. На площадке располагалась лошадь со всадником, чуть позади (у хвоста лошади) на правом прутке находилась фигурка собаки. У всадника, лошади и собаки подчеркнуты мужские половые признаки.

О двух остальных эгретках с фигурами всадников сохранилась лишь отрывочная информация. Так, А.Л. Лукин указал на то, что в районе с. Абгархук в 1918 г., была найдена эгретка, «идентичная» бамборской находке, «но была уничтожена нашедшими ее детьми» (Лукин, 1941. С. 71). Ю.Н. Воронов в своей археологической карте также указал на еще одну находку «эгретки» с фигурой всадника и колокольчиком близ с. Джирхуа (Воронов, 1969. С. 44). С «эгреткой» были найдены фигурки птичек и другие предметы.

Кроме «эгреток» с всадниками известна «эгретка» с фигуркой козла — случайная находка из с. Хуап, поступившая 1989 г. в Гудаутский музей «Абазгия» (Скаков, Джопуа, 2004. С. 31).

Кроме того, известны четыре «эгретки», не имеющие скульптурные композиции. Они происходят из погр. 22 (69) могильника Гуадику (*Трапш*, 1969. С. 38, 73. Табл. III: 1; IV: 7) и из с. Хуап (случайная находка, поступившая в 1989 г. в музей «Абазгия» г. Гудауты; на холме Верещагина в 2005 г. найден фрагмент «эгретки», а также «эгретка» без скульптурной композиции в виде ажурной изогнутой пластины обнаружена в погр. 2 в 1990 г. на холме Цохуа. Последняя входила в комплекс вещей, оставшихся в семье Абгаджаа, который в 2002 г. удалось зарисовать (см.: Скаков, Джопуа, 2004. С. 29. Рис. 2: 1–4). В этот комплекс входили следующие изделия: золотая и серебряная фибулы, «эгретка», семь золотых подвесок в виде бараньих головок, золотой перстень с печатью, шесть золотых круглых бусин и шесть золотых ромбических бусин. Комплекс датируется второй четвертью — концом V в. до н.э. (Там же. С. 29). «Эгретка», происходящая из этого комплекса, была разломана на две части (общая длина — 16,8 см; ширина от 3 до 5,4 см). Она состоит из трех продольных пластин, соединенных поперечной перекладиной в центре. Она имела вдоль боковых сторон площадки по три бараньих головки, одна из которых обломана.

Таким образом, «эгретки» встречаются на достаточно небольшой территории в Абхазии от с. Джирхуа Гудаутского р-на на северо-западе до Сухума на юго-востоке (могильник Гуадику).

Ачандарская находка интересна тем, что здесь впервые на «эгретках» встречено изображение женщины с «женской» посадкой на лошади. Отметим, что в колхидской пластике VIII–VII вв. до н.э. встречаются изображения женщин, сидящих боком на лошади. Они найдены в могильниках Эгрета III (погребальная яма 4) (Брилева, 2012. С. 322. Кат. 348; *Papuaashvili et al.*, 2022. P. 79. Fig. 125) и Мухурча (нижняя площадка) (Брилева, 2012. С. 323. Кат. 350). Три фигурки женщин на лошади, сидящих боком (две из них с ребенком в руках), происходят из погребальной ямы 1 могильника Цаиши (Брилева, 2012. С. 325. Кат. 364–366; *Papuaashvili et al.*, 2015. P. 63, 113. Pl. 23: 2–4; 73: 1–3). Интересно, что на всех фигурках женщин-всадниц



из Восточной Колхиды посадка на правую сторону, тогда как ачандарская «всадница» сидит за мужчиной-всадником, свесив ноги слева.

**Колокольчики** (АГМ 4596/18-1,2). К культовым предметам, безусловно, следует отнести бронзовые колокольчики. Один из них цилиндрических очертаний с литым рифлением на поверхности может быть отнесен к небольшим колокольчикам казбекского типа (см.: Скаков, 2017). Его размеры — 3,6×1,6 см (**рис. 5: 3**). Ближайшая аналогия этому колокольчику — рифленый колокольчик таких же размеров из погр. 22 (69) могильника Гуадику, где он был обнаружен на конце бронзовой «эгретки» (Трапиш, 1969. С. 38, 70. Табл. IV: 7).

Второй колокольчик также цилиндрической формы и с рифленой поверхностью имеет в верхней части литые выступы, наиболее целые из них напоминают бараньи головки на бронзовых «эгретках», о которых мы писали выше. Размеры этого колокольчика — 3,8×2,2 см (**рис. 5: 4**). Близкие аналогии этому колокольчику нам не известны.

**«Детали саркофага»** (АГМ 4596/14-1-4). К ним можно отнести четыре железные шпильки (гвоздя), имеющие расширения в верхней части. Их размеры — 12,2, 12,4 и 14,1 см (**рис. 2: 8–11**). Подобные шпильки-гвозди от саркофагов встречаются в элитных погребениях классического и эллинистического периодов колхидских могильников Вани, Саирхе, Пичнари (Вани-I, 1972. С. 65; *Maxaradze, Tsereteli*, 2007. Р. 36, 44, 55, 64, 78, 112. Fig. 3: 4; 13; 31; 39; 63; 120; Pichnari-I, 2004. Р. 289. Fig. 20; Pichnari-II, 2007. Р. 321. Fig. 13: 10; Pichnari-III, 2010. Р. 406. Fig. 35: 4; Pichnari-VI, 2014. Р. 283, 312, 373. Fig. 19: 5; 48, 267; 109, 11). В среднем их количество в погребениях составляет от двух до пяти экз. Скорее всего, в этих погребениях отсутствовал полноценный деревянный саркофаг, однако эти гвозди крепили некую деревянную погребальную конструкцию, реконструировать которую не представляется возможным.

## Сосуды

**Фрагменты серебряного кубка** (АГМ 4596/23). Это круглодонный кубок, выполненный техникой выколотки (репуссе) по деревянной форме-основе. Судя по графической реконструкции, сделанной сотрудником ИА РАН К.С. Око-роковым, он имеет округлое тулово и цилиндрическое горло с отогнутым краем. Размеры: высота — ~13,5 см; диаметр тулова — 9,5 см (**рис. 7: 1–3**).

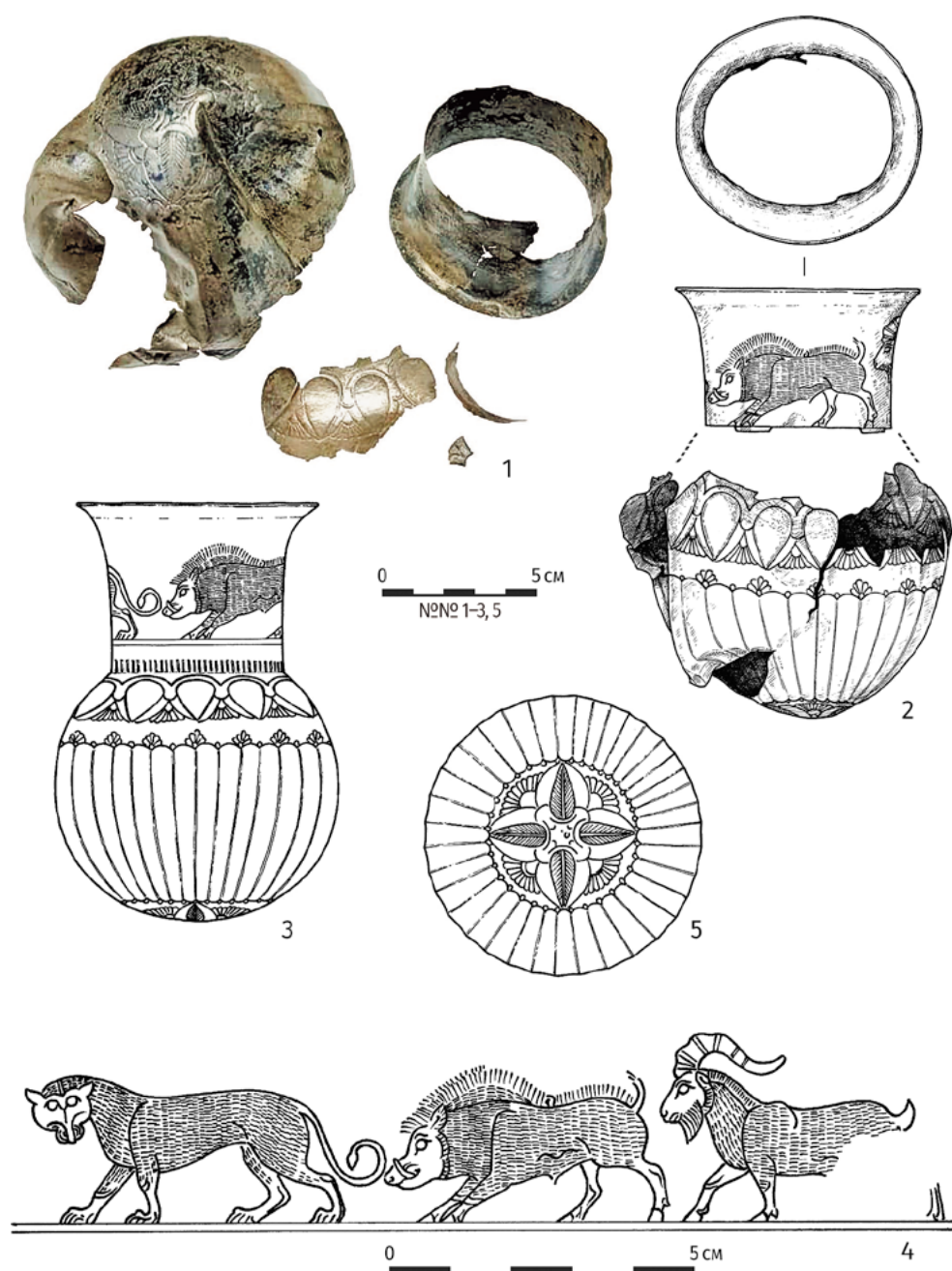
Сосуд богато украшен. На его дне располагается розетка, образованная крестообразно чередующимися бутонами и цветками лотоса (**рис. 7: 5**). Нижняя часть тулова представляет собой полураскрывшийся бутон, образованный каннелюрами в форме лепестков. Из пространства между лепестками в верхней части «произрастают» пятилепестковые розетки, которые чередуются с «полуовалами». В верхней части тулова, по его плечикам, проходит фриз в виде гирлянды, сочетающей цветы и бутоны лотоса, вершинами направленные вниз. Переход к горлу украшен пояском насечек. На горле расположен еще один фриз в виде шествия зверей — кошачьего хищника (львицы?), кабана и горного козла (**рис. 7: 4**). Все животные изображены в профиль, но морда хищника повернута en face. Туловища копытных, как и туловище хищника, покрыто густыми насечками, имитирующими шерсть.

Сосуд по ряду признаков можно соотнести с продукцией колхидской мастерской, работавшей в духе ахеменидско-лидийской традиции. К продукции этой же мастерской можно отнести также кубок из погр. 13 могильника

**Рис. 7.** Погребение Ачандара (Бзыбская Абхазия). Фрагменты серебряного кубка (АГМ 4596/23)

(1 — фотография А.Ю. Скакова; 2–4 — рисунок К.С. Окорокова)

**Fig. 7.** Achandara burial (Bzyb Abkhazia). Fragments of silver goblet (ASM 4596/23) (1 — photo by Aleksandr Yu. Skakov; 2–4 — drawing by Konstantin S. Okorokov)



Саирхе (ущелье р. Квирилы в Сачхерском р-не Грузии), арибалл из погр. 11 некрополя Вани, а также кубок из кургана-святилища 1 из Уляпа (*Maxaradze, Tsereteli*, 2007. Р. 91–92. No. 33. Fig. 85; Вани-I, 1972. Рис. 210; Каталог Москва, 2024. Кат. 36). Общим для всех упомянутых изделий является представление тулова сосуда в виде полураскрывшегося бутона цветка лотоса, наличие декоративных фризов с шествиями животных или фантастических существ на тулове и розетки на дне сосуда. Декоративные элементы этих предметов как бы «перекликаются» между собой. Так, например, по форме тулова, декору его нижней части и наличию элемента «гирлянда над бутоном» ачандарский кубок ближе всего изделию из Саирхе, а по форме крестовидной розетки на дне — к уляпскому кубку. Крестовидная схема, образованная бутоном и цветком лотоса, имеется и на дне арибалла из Вани, однако у последнего цветки лотоса образуют мощный крест с расширяющимися концами, а бутоны маленькие и узкие. Эта же крестовидная схема в более усложненном и модифицированном виде представлена на дне фиалы из

Ахалгорийского клада и на дне серебряных сосудов из Далбоки во Фракии, хранящихся в Ашмолианском музее в Оксфорде (*Treister*, 2007. Fig. 10: 3; 12: 5, 6). Возможно, истоки этой крестовидной схемы следует искать в лидийском орнаменте. На многочисленных небольших золотых бляшках из Топ-Тепе мы видим близкую крестовидную схему, когда миндалевидные бутоны лотоса чередуются с округлыми (правда, здесь отсутствуют лепестки) (*Özgen, Öztürk*, 1996. Cat. 117; 118). Отметим, что в розетке ачандарского сосуда на бутоны наложены изображения, напоминающие листики. Возможно, таким способом мастер хотел передать лопнувший, раскрывающийся бутон цветка.

Сплошной рубчик при переходе тулова к горлу у ачандарского сосуда ближе аналогичному приему на изделии из Саирхе, а отличительной чертой фриза с животными является то, что кошачий хищник не преследует копытное с открытой пастью, а спокойно шествует, повернув морду к зрителю. Следует отметить, что в графическом исполнении подобный прием нам не известен, но в качестве аналогии можно привести изображение на пластине, происходящей из того же погр. 13 некрополя Саирхе. На ней техникой выколотки нанесено изображение со сценой преследования хищником кабана, и из-под брюха последнего выглядывает копытное (теленоч?), чья морда также обращена к зрителю (*Maxaradze, Tsereteli*, 2007. P. 91. Fig. 83). У всех изображений животных на упомянутых сосудах имеется много общих черт в передаче шерсти, коротких хвостиков и ног копытных, лап хищников.

На фризе ачандарского кубка выделяется изображение кабана, у которого по верхнему контуру вертикальными и наклонными линиями показана густая шерсть на загривке и крупе. Таким же образом, но более схематично изображен кабан на крышке типично колхидской бронзовой ситулы из погр. 11 некрополя Вани, откуда происходит и серебряный арибалл (Вани-I, 1972. Рис. 225). В качестве аналогии можно привести и изображение кабана на уже упоминавшейся пластине из Саирхе, где шерсть показана вертикальным рубчиком.

Вне всякого сомнения, иконография животных на фризах из Саирхе, Уляпа и Ачандары имеет анатолийские корни. Традиция украшать серебряные сосуды гравированными фризами со сценами с участием животных характерна для торевтики Лидии VI в. до н.э. Именно торевтика Лидии оказала значительное воздействие на сложение колхидской школы торевтики. Одним из авторов этой статьи уже высказывалось предположение о существовании в Закавказье мастерской, работавшей в духе лидийской художественной традиции и, возможно, созданной лидийскими мастерами, переселенными ахеменидами на Южный Кавказ после падения Лидии в 546 г. до н.э. (*Эрлих*, 2011. С. 40–43). Очевидно, что эта мастерская выполняла и заказы и для меотской элиты, о чем свидетельствует ряд изделий, обнаруженных в Ульских курганах в Адыгее (*Эрлих*, 2013). Продукцией этой мастерской, скорее всего, являлся и недавно опубликованный Т.В. Рябковой культовый серебряный сосуд на подставке, купленный Н.И. Веселовским в Майкопе и хранящийся в фондах Государственного Эрмитажа (Каталог Москва, 2024. Кат. 52). Гравированные изображения на нем наиболее близки изображениям на арибалле из погр. 11 некрополя Вани (сфинксы) и Икиз-тепе (петухи) (*Рябкова*, 2021. С. 94–99. Рис. 4). Начало функционирования этой мастерской можно отнести, по-видимому, к концу VI — первой половине V в. до н.э., как это явствует из комплекса погр. 13 могильника

Саирхе, в котором найдены как вещи, произведенные безусловно лидийскими мастерами, так и типично колхидская ювелирная продукция, а также чернолаковый килик, датирующийся не позднее второй четверти V в. до н.э. (Эрлих, 2013. С. 228, прим. 6). Не исключено, что и кубок из ачандарского комплекса был изготовлен в это же время.

**Бронзовый сосуд** (АГМ 4596/21), обнаруженный при исследовании погребения летом 2019 г., имеет форму гигантского круглодонного кубка. У него округлое дно и округлое тулово, высокое горло, плечики и венчик, подчеркнуты рельефным валиком. Размеры: высота — ~40 см; диаметр 23 см (рис. 8).

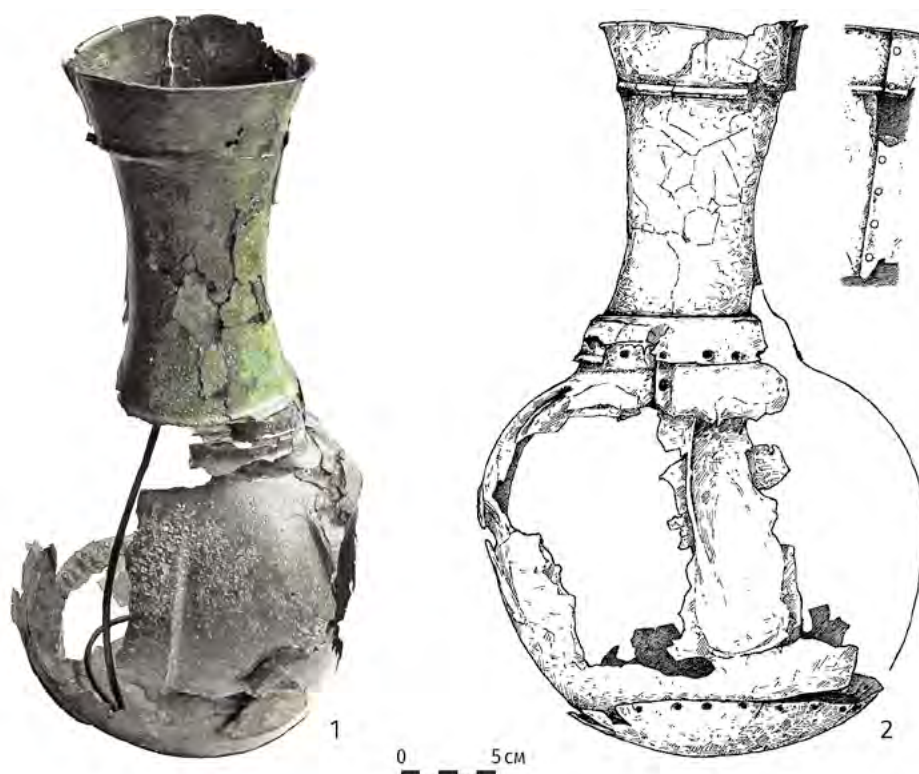
Сосуд, судя по реконструкции, выполненной К.С. Околоковым (рис. 8: 1), откован из нескольких кусков бронзового листа, подобно кавказским ситулам и кружкам. Отдельно были откованы круглое дно, тулово и горло сосуда, скрепленные маленькими клепками. Сосуд, вероятно, является по своей форме местным подражанием колхидским серебряным кубкам, подобно обнаруженным в могильнике Саирхе: в погр. 10 (круглодонный) и в погр. 13 (с яйцевидным туловом) (Maxaradze, Tsereteli, 2007. Р. 75, 95. Fig. 126; 159). Они также снабжены валиками на плечиках и под венчиком (сосуд из погр. 13 имел большие размеры, достигая в высоту 33 см). Эти сосуды, в свою очередь, в качестве прототипов имели лидийские серебряные кубки, также снабженные валиками на плечиках (Özgen, Öztürk, 1996. Р. 110–111. Cat. 65; 66). В то же время, техникаковки из бронзового листа, с последующей клепкой деталей сосуда, позволяет уверенно полагать, что ачандарский «кубок» выполнен кавказским мастером.

**Керамический кувшин** (АГМ 4596/22). Сероглиняный лепной кувшин имеет плоское дно, тулово близкое к биконическому, цилиндрическое горло и сильно отогнутый наружу венчик. Сосуд склеен из фрагментов. По перегибу профиля проходит орнамент из ногтевых вдавлений. Ручка сосуда крепится одним краем к плечикам, другим — под венчиком, ее внеш-

**Рис. 8.** Погребение Ачандара (Бзыбская Абхазия). Бронзовый сосуд (АГМ 4596/24)

(1 — фотография А.Ю. Скакова; 2 — рисунок К.С. Околокова)

**Fig. 8.** Achandara burial (Bzyb Abkhazia). Bronze vessel (ASM 4596/24) (1 — photo by Aleksandr Yu. Skakov; 2 — drawing by Konstantin S. Okorokov)







**Рис. 9.** Погребение Ачандара (Бзыбская Абхазия). Керамический кувшин (АГМ 4596/24).

Без масштаба (фотография Д. Ахба)

**Fig. 9.** Achandara burial (Bzyb Abkhazia). Ceramic jug (ASM 4596/24). Not to scale (photo by Diana Akhba)

няя сторона украшена елочным орнаментом. Размеры: высота — 39 см; максимальный диаметр тулова — 20 см (рис. 9).

Наиболее близкие аналогии форме и орнаментации ручек мы находим у трех кувшинов из погр. 13 могильника Саирхе (Махарадзе, Tsereteli, 2007. Р. 99, 100. Fig. 97–99) с той лишь разницей, что у последних орнамент имеется и на верхних частях сосудов.

### Некоторые выводы

Открытое и частично исследованное погребение 2018/2019 гг. на участке Чхабелия, как и синхронное погребение, найденное на участке Абгаджаа в 1990 г., принадлежит представителю местной элиты и, скорее всего, относится к некрополям «усадебного типа», характерным для Абхазии. Нельзя говорить об устойчивости погребального обряда, поскольку погребение 1990 г. было ориентировано на северо-запад, а погребение 2018/2019 гг. — на восток.

Мужской, воинский характер погребения характеризуют найденные здесь элементы воинской паноплии: халкидский шлем, два кинжала, наконечники копий, наконечники стрел. Это отличает его от погребения 1990 г., содержащего исключительно украшения и детали костюма (за исключением обломка втулки, предположительно, от копья). Последнее, по заключению антрополога П. Квициния, принадлежало молодой женщине (Шамба, 1996).

Публикуемый нами комплекс интересен тем, что он совмещает драгоценные предметы, безусловно выполненные в «царских» мастерских Колхиды (входившей в то время в состав Ахеменидской державы) искусными «златокузнецами» и культовые предметы, характерные исключительно для бзыбского варианта позднеколхидской культуры. Это обстоятельство свидетельствует о том, что погребение принадлежало воину — местному аристократу, который имел тесные связи с колхидскими городскими центрами, но, в то же время, придерживался местных традиций.

В погребении отсутствуют античные импорты, за исключением фрагментов халкидского шлема. Аналогии золотым ювелирным изделиям из публикуемого погребения в колхидских могильниках Вани и Саирхе, где присутствует греческий импорт, имеются как в комплексах V, так и IV в. до н.э. Кроме того, необходимо учитывать и тот факт, что такие ценные предметы

могли быть в употреблении долгое время. Самым ранним предметом из этого комплекса, безусловно, является серебряный кубок начала V в. до н.э., возможно, изготовленный лидийским мастером в одной из мастерских Колхиды. Не дают точной даты и культовые предметы местного производства. Бронзовые «эгретки» встречаются в Бзыбской Абхазии, как вместе с импортами V в. до н.э., так и первой половины IV в. до н.э. Очевидно, самой поздней вещью в данном комплексе является халкидский шлем. Поступление шлемов подобного типа на территорию Абхазии, как мы писали выше, датируется IV в. до н.э. Поэтому наиболее корректной датой это комплекса можно считать временной промежуток в пределах первой половины IV в. до н.э.

### Литература

- Брилева О.А., 2012. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. – X в. н.э.). М.: Таус. 424 с.
- Вани-И, 1972. Вани-И. Археологические раскопки 1947–1969 / Ред. О.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1972. 284 с.
- Воронов Ю. Н., 1969. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара. 146 с.
- Воронов Ю.Н., 1975. Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н.э. // Скифский мир / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 218–234.
- Воронов Ю.Н., 1981. Местное население Северо-Западной Колхиды в VIII–V вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации (VIII–V вв. до н.э.): Материалы II Всесоюз. симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо 1979 г.). Тбилиси: Мецниереба. С. 338–339.
- Воронов Ю.Н., 1991. Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады // СА. № 1. С. 225–234.
- Воронов Ю.Н., Гунба М.М., 1978. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии // СА. № 2. С. 257–264.
- Гогиберидзе Н.В., 2003. Браслеты и гривны Грузии V–I вв. до н.э. Тбилиси: Мецниереба. 174 с.
- Каландадзе А.Л., 1953. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми: АБГИЗ. 101 с.
- Канторович А.Р., 2022а. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы М.: Изд-во МГУ. Т. 1. 431 с.
- Канторович А.Р., 2022б. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы М.: Изд-во МГУ. Т. 2. 359 с.
- Каталог Москва, 1985. Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки. М.: Советский художник. 185 с.
- Каталог Москва, 1987. Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М.: Внешторгиздат. 188 с.
- Каталог Москва, 2024. Ахеменидский след в Северном Причерноморье. Каталог выставки. М.: Государственный музей Востока. 116 с.
- Квирквелия Г.Т., 2002. Обложка гоплитского щита с изображением орла из Колхиды // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Материалы X междунар. науч. конф. 29 мая – 3 июня 2001 г. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. пед. ун-та. С. 35–41.
- Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука. 175 с. (САИ. Вып. В2-5).
- Козенкова В.И., 1986. Пседахский могильник кобанской культуры (по раскопкам 1976–1977 гг. // Новое в археологии Северного Кавказа / Отв. ред. В.И. Марковин. М.: Наука. С. 134–158.
- Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р., 2005. Меоты Закубанья в середине VI – начале III века до н.э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М.: Наука. 192 с.
- Лукин А.Л., 1941. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии // Труды Отдела первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.: Изд-во ГЭ. С. 17–97.

- Рябкова Т.В., 2021. Малоазийские предметы в раннескифских памятниках Закубанья // Восток (Orientis). № 6. С. 90–101.
- Скаков А.Ю., 2017. Об одном из типов бронзовых колокольчиков Кавказа эпохи раннего железа // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь Вып. 9. С. 34–51.
- Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2004. Комплексы V–IV вв. до н.э. с бронзовыми «эгретками» из Абхазии // БИ. Вып. 7. С. 27–46.
- Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2006. Могильник абазгов в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 6. С. 235–260.
- Скаков А.Ю., Кудин М.И., Кизилов А.С., 2021. Новые находки кобано-колхидских металлических изделий на северо-восточном побережье Черного моря (Краснодарский край). Неизвестный ареал кобано-колхидской бронзы // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 105–126.
- Трапиш М.М., 1962. Труды в 4 т. Т. 2: Древний Сухуми / Сост. и отв. ред. А.Х. Халиков. Сухуми: Алашара. 373 с. (Труды. Т. 2).
- Цецхладзе Г.Р., 1997. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги изучения // ВДИ. № 2. С. 100–115.
- Шамба Г.К., 1972. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древне-абхазской знати из с. Эшера // Известия Абхазского института языка, литературы и истории. Тбилиси. Т. 1. С. 98–112.
- Шамба Г.К., 1980. Эшерское городище (Основные результаты археологических раскопок 1968, 1970–1977 гг.). Тбилиси: Мецниереба. 148 с.
- Шамба Г.К., 1996. Новые археологические материалы из Ачандара // Актуальные проблемы истории народов Кавказа: Материалы науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения З.В. Анчабадзе / Отв. ред. А.Э. Куправа. Сухум: Изд.-полиграф. объединение Республики Абхазия. С. 48–57.
- Шамба Г.К., 2000. Абхазия в I тысячелетии до нашей эры. Сухум: Алашара. 312 с.
- Эрлих В.Р., 2006. Местные и импортные традиции в воинской паноплии Абхазии в античное время // Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия: Первая Абхазская междунар. археолог. конф.: посвящ. памяти Ю.Н. Воронова: Материалы. Сухум: АБИГИ АНА. С. 364–370.
- Эрлих В.Р., 2011. Два серебряных сосуда из святилищ у аула Уляп // От палеолита до Средневековья / Отв. ред. В.Л. Егоров. М.: Истфак МГУ. С. 39–50.
- Эрлих В.Р., 2013. Продукция переднеазиатских и закавказских мастерских из Ульских курганов // МИИХНСК. Вып. XI. С. 217–236.
- Эрлих В.Р., Леонтьева А.С., 2024. Святилища хребта Азиштау // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. Л.Э. Голубев. Майкоп: Изд-во Магарин О.Г. С. 116–133.
- Catalog Berlin, 2007. Medeas Gold. Neue Funde aus Georgien. Katalog zur Ausstellung des Georgischen Nationalmuseums, Tiflis und Antikensammlung, Staatlichen Museen zu Berlin vom 15. März bis 3. Juni 2007 im Alten Museum. Tiflis. 143 S.
- Catalog Tbilisi, 2005. Colchis — Land of Golden Fleece. Tbilisi: Georgian National Museum. 96 p.
- Greenhalg P.A.L., 1973. Early Greek warfare horsemen and chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambridge. 212 p. 73 fig.
- Maxaradze G., Tseretely M., 2007. Saikhe. Tbilisi. 115 p. (На груз. яз. с англ. рез.)
- Özgen I., Öztürk J., 1996. Heritage Recovered. The Lydian Treasure. Istanbul: ANA BASIM AŞ. 247 p.
- Papuashvili R., Esebua T., Jikia L., Papuashvili I., 2015. The Tsaishi Cemetery. Tbilisi, Zugdidi, 2015. 92 p. (На груз. яз.)
- Papuashvili R., Jikia L., Kobalia N., Papuashvili I., 2022. Ergeta (Necropolis). Tbilisi, Zugdidi, 2022. 264 p. (На груз. яз.)
- Pflug H., 1988. Chalkidische Helme // Antike Helme. Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin / Ed. A. Bottini. Mainz: Römisch-German. Zentralmuseum. S. 137–150.



- Pichnary-I, 2004. *Vickers M., Kakhidze A.* Pichnary. Results of excavations conducted by the Joint British — Georgian Pichnary Expedition. Vol. I. Pichnary 1998–2002. Greeks and Colchians on the East coast of the Black Sea. Batumi & Oxford. 458 p.
- Pichnary-II, 2007. *Kakhidze A.* Pichnary. Vol. II. Pichnary 1967–1987. The Classical World in the Eastern Black Sea Area. The Fifth Century BC Greek Necropolis of Pichnary. Batumi & Oxford. 408 p.
- Pichnary-III, 2010. *Kakhidze A., Vashakidze N.* Pichnary. Results of excavations conducted by the N. Berdzenishvili Batumi Research Institute archaeological expeditions and Joint British — Georgian Pichnary Expedition. Pichnary 1965–2004. Partskhma 1968–1970. Vol. III. The Hellenistic World and Colchis types of burials and burial customs in South-Western Georgia in Hellenistic period. Batumi & Oxford. 480 p.
- Pichnary-VI, 2014. *Vickers M., Kakhidze A.* Pichnary. Results of excavations conducted by the Joint British — Georgian Pichnary Expedition. Pichnary 2003–2007. Vol. VI: Greeks and Colchians on the East coast of the Black Sea. Batumi & Oxford. 410 p.
- Scythian gold, 1999. Treasures from Ancient Ukraine. New York: Harry N. Abrams, Inc. 352 p.
- Treister M. Ju.*, 2007. The Toreutics of Colchis in the 5<sup>th</sup>–4<sup>th</sup> Centuries BC. Innovations, local-traditions, outside influences // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol. 13. P. 67–107.

### A rich Colchian burial complex in the village of Achandara (Bzyb Abkhazia)

Vladimir R. Erlikh<sup>6</sup>, Arkady I. Dzhopua<sup>7</sup>, Aleksandr Yu. Skakov(†)

The article presents the materials of a rich Colchian burial complex, discovered by chance in 2018 on Tsokhua Hill in the village of Achandara (Bzyb Abkhazia). In 2019, the burial was further investigated by a joint Russian-Abkhazian expedition. The grave contained elements of a military panoply — a Chalcidian helmet, two daggers, spearheads, and arrowheads — and can therefore be attributed to a male warrior. The complex belonged to a member of the local elite and is dated by the authors to the 4<sup>th</sup> century BC. Notably, it included precious objects produced in the “royal” workshops of Colchis, as well as cult objects distinctive of the Bzyb variant of the Late Colchian culture.

**Keywords:** *Bzyb Abkhazia, Colchian culture, warrior burial, elite complex, “egret”, Chalcidian helmet, gold jewelry, silver vessel, 4<sup>th</sup> century BC*

6 Vladimir R. Erlikh — The State Museum of Oriental Art, 12a Nikitsky Boul., Moscow, 119019, Russian Federation; e-mail: verlikh@bk.ru; ORCID: 0000-0002-4060-5819.

7 Arkady I. Dzhopua — Abkhazian State Museum, 22 Leona st., Sukhum, 384900, Republic of Abkhazia; e-mail: arkadi100@rambler.ru; ORCID: 0000-0001-5236-6555.

## Бронзовые принадлежности конской сбруи из меотских всаднических комплексов IV в. до н.э. на правобережье Кубани<sup>1</sup>

Н.Ю. Лимберис<sup>2</sup>, И.И. Марченко<sup>3</sup>

*Основные виды бронзовой конской сбруи в меотских погребениях IV в. до н.э. представлены двухдырчатыми Г-образными и S-видными псалиями, декоративными налобниками и наносниками, а также ременными бляшками, ворворками и редко встречающимися пряжками. В первой половине IV в. до н.э. у меотов возник и полностью оформился собственный стиль зооморфных изображений, характерными образцами которого являются плоские налобники в виде лежащего хищника или антитетических композиций из рогов оленя, и ажурные щитки Г-образных псалиев. Другие бронзовые детали узды не имели выраженного отличия от конского снаряжения, распространенного в скифскую эпоху. Бронзовые уздечные принадлежности (особенно в зооморфном стиле) широко использовались меотскими всадниками в первой половине — середине IV в. до н.э., что подтверждается узкими датировками сопровождавшей погребения амфорной тары.*

**Ключевые слова:** Прикубанье, меоты, погребения всадников, бронзовые псалии, налобники, наносники, зооморфный стиль, амфоры, хронология

<http://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-478-4.271-296>

Несколько лет назад мы обращались к теме бронзовой зооморфной конской узды из Прикубанского могильника, делая основной акцент на датировке погребений (Лимберис, Марченко, 2018). В последние годы коллективом авторов (включая авторов настоящей статьи) под руководством ведущего специалиста по амфорной таре С.Ю. Монахова было проведено детальное исследование амфорного материала из меотских памятников, хранящегося в фондах КГИАМЗ. В результате были уточнены центры производства амфор, их типология и хронология (Монахов и др., 2021; 2022), что отразилось на узких датировках изданных ранее погребальных комплексов. В настоящей работе нами дается подробная атрибуция не только зооморфных изделий, но и других бронзовых предметов, входящих в состав комплектов конской сбруи из могильников Прикубанский и Лебеди III.

1 Исследование выполнено в рамках гранта РНФ и Кубанского научного фонда «Меотские всадники Кубани VI в. до н.э. — III в. н.э.» (проект № 24-18-20014).

2 Наталья Юрьевна Лимберис — Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, д. 149, Краснодар, 350040, Российская Федерация; e-mail: meot@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0395-315X.

3 Иван Иванович Марченко — Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, д. 149, Краснодар, 350040, Российская Федерация; e-mail: meot@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7319-5214.

Среди сотен исследованных на разных памятниках правобережья Кубани раннемеотских комплексов VI–V вв. до н.э. мало известны захоронения, сопровождавшиеся лошадьми и предметами конской сбруи, хотя институт всадничества того времени у меотов в целом уже сформировался. Бронзовые детали узды представлены двухдырчатыми S-видными псалиями с раскованными «секировидными» окончаниями, ворворкой и несколькими бляшками разных типов (Лимберис, Марченко, 2012. С. 62–64. Рис. 32). Наиболее ранним примером использования меотами бронзовых зооморфных конских украшений скифского стиля является погр. 326 Старокорсунского могильника № 3, широкая датировка которого определяется в пределах середины V — рубежа V–IV вв. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2024. С. 48–50, 53. Рис. 2: 9–13). В IV в. до н.э. количество погребений с разными видами бронзовой упряжи (в том числе, в зооморфном стиле) в правобережных памятниках резко увеличивается, так как всадники превращаются в ведущую военную и социальную силу меотского общества.

### Всаднические комплексы Прикубанского могильника

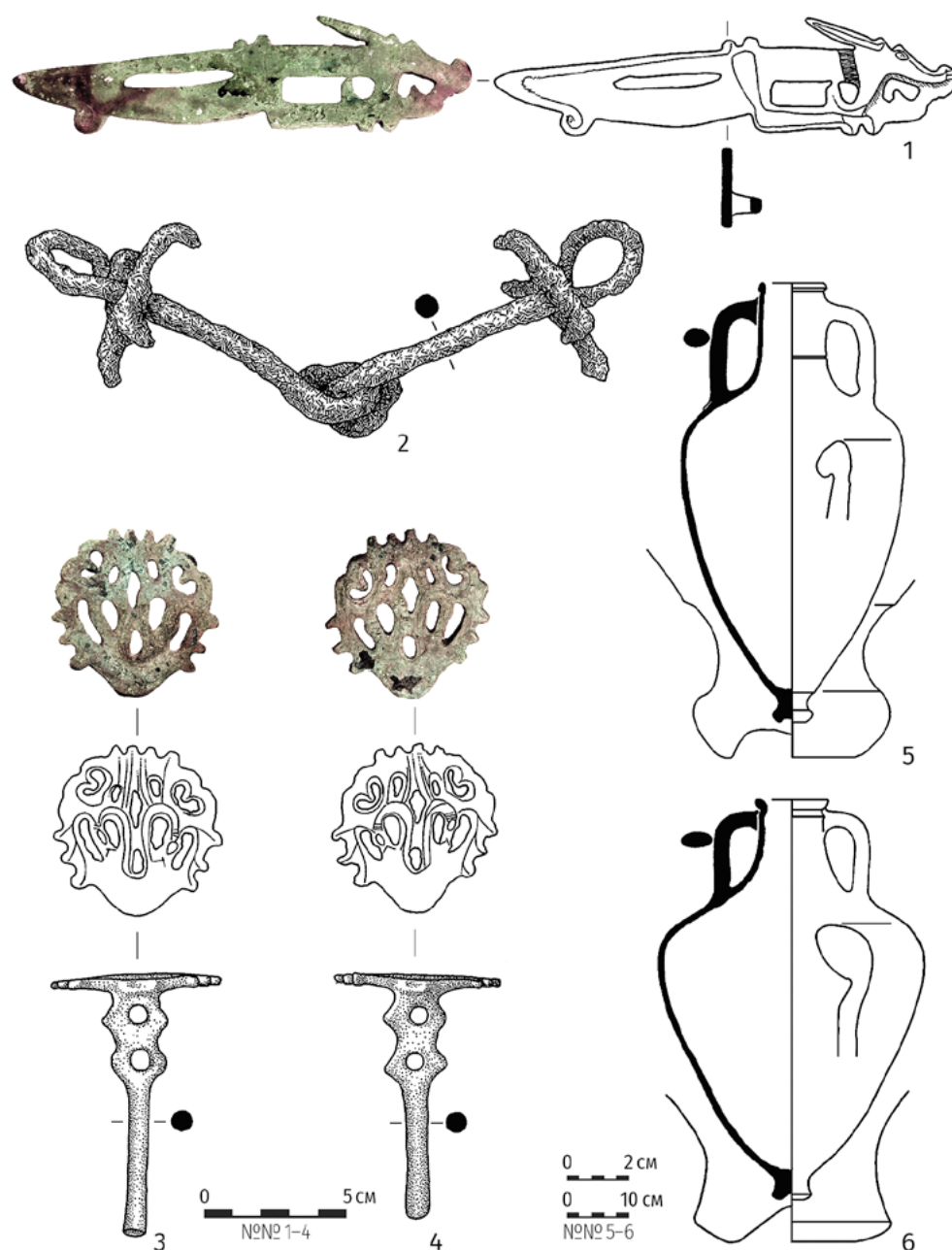
Большинство всаднических комплексов с бронзовыми деталями конской узды, известных в настоящее время на Правобережье Кубани, происходит из Прикубанского могильника. Во всех захоронениях были найдены однотипные железные двухчастные удила с загнутыми в несомкнутые петли окончаниями и, обычно, круглыми в сечении грызлами (хотя встречаются и квадратные). Практически все удила, начиная с первой половины V в. до н.э., снабжались строгими железными насадками, которые в комплексах с бронзовыми деталями узды представлены тремя основными вариантами: А — короткая крестовина с загнутыми острыми шипами; В — короткая крестовина, концы которой раскованы в плоские лопасти; С — квадратная пластина с загнутыми в виде шипов углами. Хронологию вариантов определяют узкие датировки амфорной тары (Лимберис, Марченко, 2019. С. 161 и сл.).

Основные виды бронзовой узды представлены литыми двухдырчатыми псалиями (Г-образными, S-видными и одним стержневидным), декоративными налобниками и наносниками, бляшками, ворворками и редко встречающимися пряжками.

Уздечный набор лошади из **погребения 33** включал удила со строгими крестовидными насадками варианта А (рис. 1: 2) и парой псалиев (рис. 1: 2, 3), а также налобник (рис. 1: 1).

Псалии Г-образные с ажурными щитками размером 6×6 см, изображающими сильно разветвленные асимметричные рога оленя, два фронтальных отростка которых оформлены в виде загнутых птичьих головок на длинных шеях (рис. 1: 2, 3). Эти и подобные им пластины по общей классификации зооморфных изображений скифского периода, разработанной В.Р. Канторовичем, относятся к типу 6 елизаветинско-тенгинскому (Канторович, 2022. Т. 1. С. 149; Т. 2. С. 51, № 26). В коллекции находок из «Последнего» Елизаветинского кургана № 7/1917 г., раскопанного Н.И. Веселовским, много похожих псалиев со щитками в виде разветвленных рогов оленя, но лишь один из них — с аналогичными птичьими головками (Галанина, 2010. С. 108. Табл. 5: 2).

Налобник (длина — 16,3 см, ширина — 3 см) в виде фигуры припавшего на лапы псового хищника с длинной мордой, раскрытой в виде «лотоса» пастью, и длинным узким («иволистным») ухом. Глаз овальный, с отходящим назад слезником. Поперечной горизонтально заштрихованной по-



**Рис. 1.** Прикубанский могильник.  
Погребение 33:  
1 — налобник; 2 — удила со строгими насадками;  
3, 4 — псалии;  
5, 6 — амфоры.  
1, 3, 4 — бронза;  
2 — железо; 5, 6 — глина  
**Fig. 1.** Prikubansky burial ground. Grave 33:  
1 — forehead; 2 — bits with rigid check-devices;  
3, 4 — check-pieces;  
5, 6 — amphorae.  
1, 3, 4 — bronze; 2 — iron;  
5, 6 — clay

лоской обозначен загривок (ошейник?). На наличие задней ноги указывает лишь небольшой завиток (рис. 1: 1). Этот налобник А.Р. Канторович включил в тип I-1-Б-I-1 уляпско-тенгинский (Канторович, 2022. Т. 1. С. 46–47; Т. 2. С. 13, 155–156, № 6), однако он сильно отличается как от уляпских и тенгинских, так и от налобника из Краснодарского музея, на которых задняя нога хищника закинута на спину (см. далее налобник этого типа из погр. 224).

Датировка погр. 33 по амфорам Икоса и Синопы (рис. 1: 5, 6) в настоящее время сужена до 360-х — 350-х гг. до н.э. (Монахов и др., 2021. С. 73. Рис. 107).

В погребении 39 при лошади найдена пара удил с насадками варианта А, псалии (рис. 2: 1, 2) и налобник (рис. 2: 3).

Псалии Г-образные (у одного стержень был обломан и утрачен в древности) с щитками размерами 8×7 см, представляющими собой зеркальное изображение головы оленя в профиль, с тремя асимметричными отростками

**Рис. 2.** Прикубанский могильник. Погребение 39:

1, 2 — псалии;  
3 — налобник;  
4, 5 — амфоры.

1–3 — бронза;

4, 5 — глина

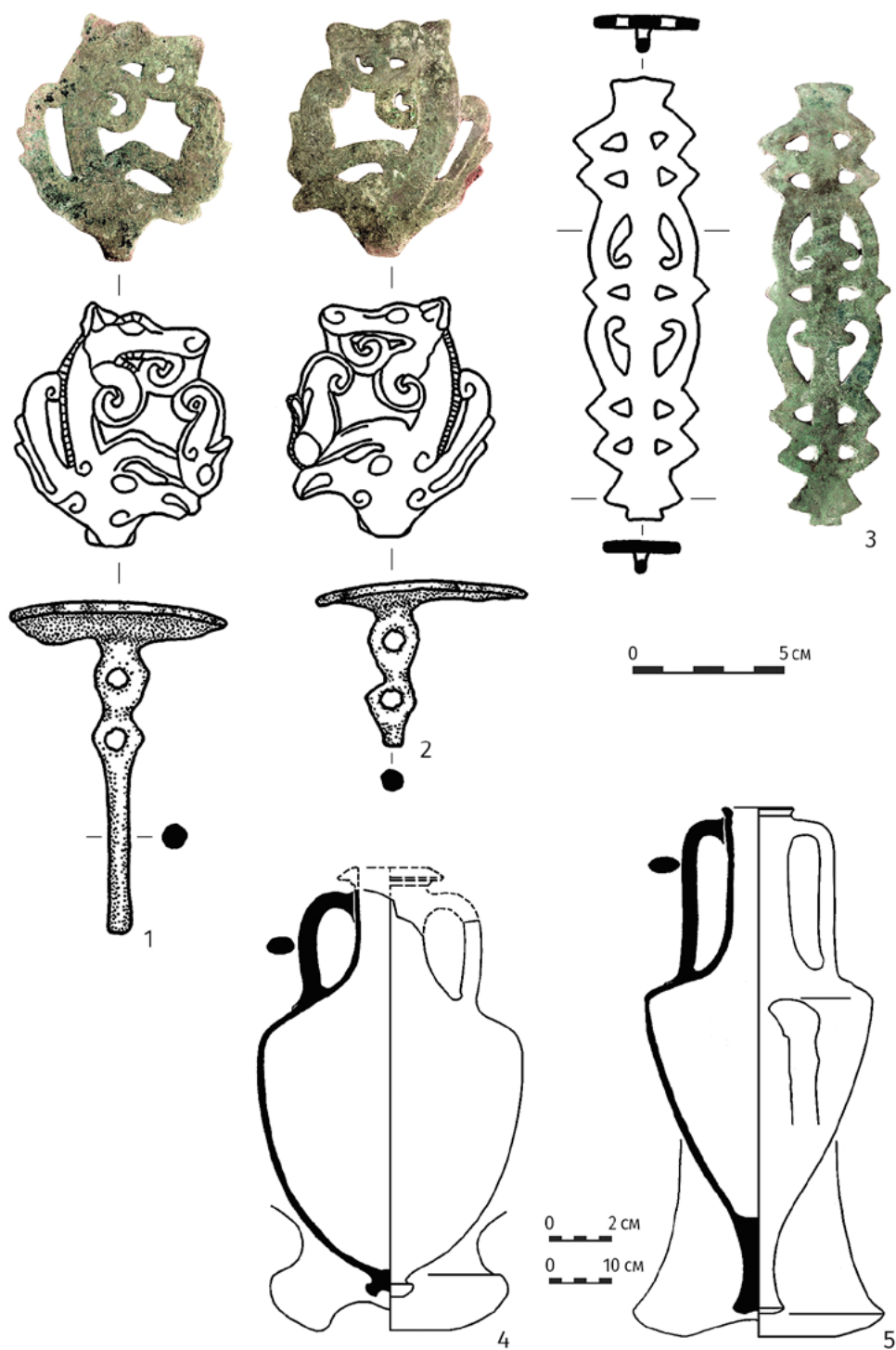
**Fig. 2.** Prikubansky burial ground. Grave 39:

1, 2 — check-pieces;

3 — forehead;

4, 5 — amphorae.

1–3 — bronze; 4, 5 — clay



рогов, центральные отростки которых заканчиваются головой хищника семейства псовых с длинной гривастой шеей, а боковые — головками птиц с закрученным клювом. В.Р. Эрлих считает эту композицию близкой изображению на щитке псалия из меотского святилища в Гюэносе (Гиеносе), на котором три рога оленя заканчиваются птичьими головками (*Шамба*, 1988. С. 56. Табл. XXI: 2, 3; *Эрлих*, 2004. С. 165–166. Рис. 5: 1, 5; 2011. С. 56. Рис. 112: 2, 7). Согласно классификации В.Р. Канторовича, пластины из Прикубанского могильника принадлежат сразу к трем типам, сочетающим различные зооморфные признаки с редуцированными изображениями птиц: типу 26 елизаветовско-елизаветинскому, типу 2 елизаветинскому и типу 6 елизаветинско-тенгинскому (*Канторович*, 2022. Т. 1. С. 271–272; Т. 2.

С. 51, № 1. С. 108, № 14. С. 120, № 1). Однако аналогичные композиции среди них отсутствуют.

Налобник (длина — 15 см, ширина — 4,3 см) в виде ажурной, абсолютно гладкой пластины с симметрично оформленными (по отношению к центральной горизонтальной оси) противоположными частями, оканчивающимися трапециевидными выступами, вероятно, представляющими собой геометризированное изображение голов оленя, рога которых направлены к центру пластины (см. также налобник из погр. 236). Пластина, полностью выполненная в той же схеме, только более тонкая и ажурная, с подчеркнутыми гравировкой зооморфными деталями, происходит из Елизаветинского кургана № 7/1917 г. (Галанина, 2010. С. 111. Табл. 8: 2). В этих композициях с трудом угадываются образы, которые еще довольно хорошо выражены на налобниках из Гюэноса, ст. Гурийской и могильника Лебеди III (см. ниже погр. 1-3/1979 г.), изображающих антитетические головы оленя с рогами, заканчивающимися стилизованными птичьими головками (Шамба, 1988. С. 33. Табл. XVIII: 2; Эрлих, 2004. С. 166–167. Рис. 7: 1, 2, 4; 2011. С. 58).

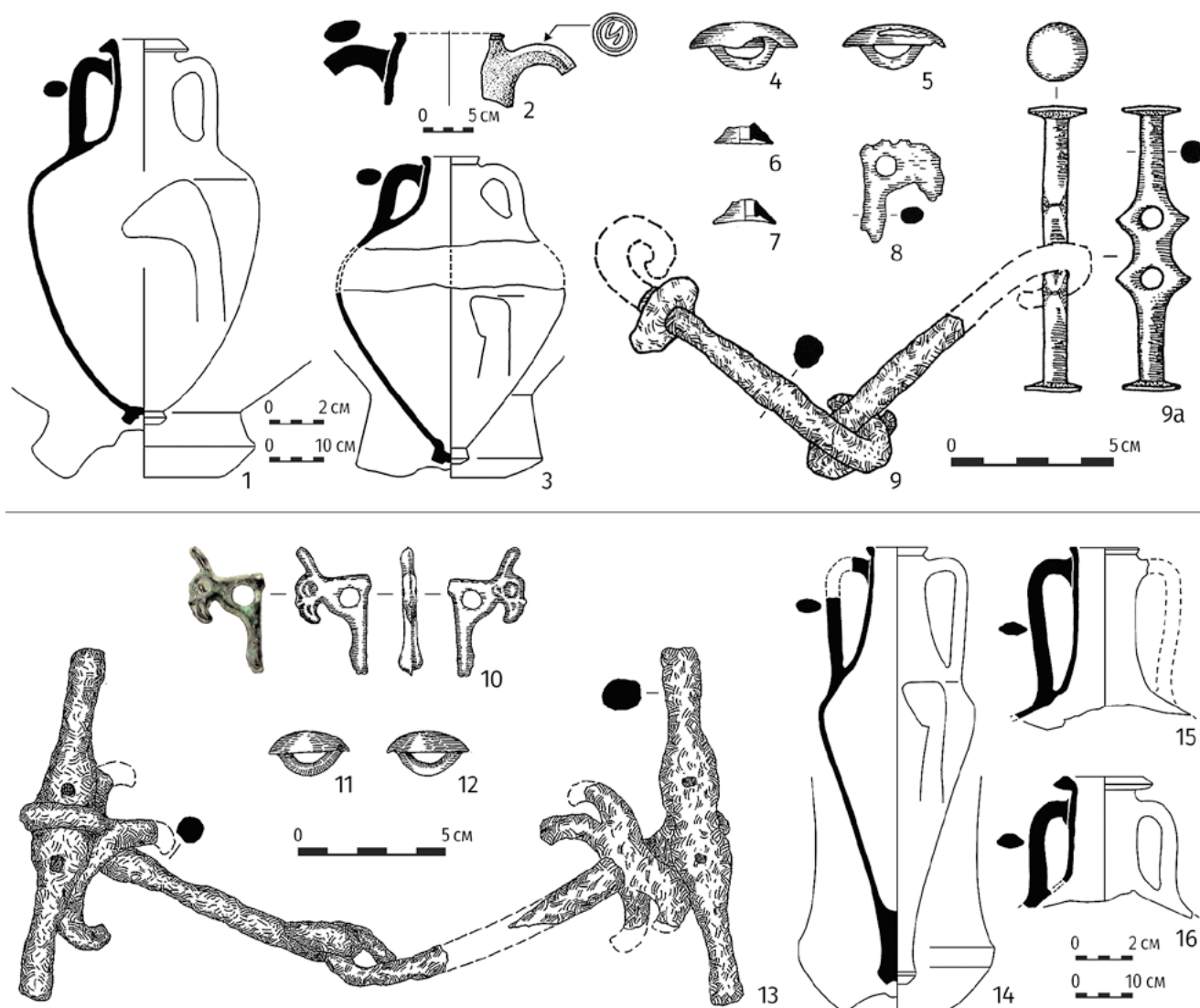
Уточненная хронология погр. 39 определяется по амфорам Менды и не установленного центра производства (рис. 2: 4, 5) в пределах середины IV в. до н.э. или в абсолютных датах 360-ми — 350-ми гг. до н.э. (Монахов и др., 2021. С. 68. Рис. 97).

В погребении 88 лошади не было. Набор конской сбруи, состоящий из удила с остатками крестовидной насадки, одного псалия (рис. 3: 9, 9а), наносника (рис. 3: 8), блях (рис. 3: 4, 5) и ворворок (рис. 3: 6, 7), лежал в ногах человека.

Псалий двухдырчатый стержневидный с двумя ромбовидными расширениями в средней части, на концах — плоские круглые «шляпки». Этот тип псалиев имел широкое распространение в скифском мире, но у меотов бронзовые экземпляры встречаются намного реже, чем железные. Кроме псалиев из Прикубанского могильника, можно назвать псалии с круглым 8-образным расширением из Елизаветинского кургана № 5/1914 г. (Галанина, 2010. С. 108. Табл. 1: 1), а также простые стержневидные псалии с округленными концами (вместе с удилами с насадками варианта В) из Воронежского кургана № 19/1903 г. (ОИАК, 1906. С. 75. Рис. 153).

Наносник (длина — 3,1 см, высота — 2,6 см), декорированный в двухстороннем рельефе, выполнен в виде стилизованной головки «орлиноголового грифона» или, по классификации зооморфных изображений А.Р. Канторовича, «лосептицы» — тип 1 чертомлыцко-уляпский (см. также наносник из погр. 159), к которому относятся и три учтенных исследователем экземпляра из меотских памятников (Канторович, 2022. Т. 1. С. 318–319; Т. 2. С. 127, 309, № 6, 10, 13). Кроме Прикубанского могильника, это Елизаветинский курган № 7/1917 г. (Галанина, 2010. С. 111. Табл. 8: 4) и ритуальный комплекс 1 кургана 8 Уляпского некрополя второй половины IV в. до н.э. (Лесков и др., 2013. С. 64–65, 67. Рис. 69: 2).

Две круглые уздечные бляшки (диаметр — 3,2 см) с невысоким выпуклым щитком и массивной дуговидной петлей, прикрепленной изнутри. Аналогичные бляшки присутствуют в описанных далее погр. 138, 159, 224 Прикубанского могильника и могильника Лебеди III (погр. 1-3/1979 г.). Размеры у них примерно одинаковые. Некоторое различие наблюдается в креплении петли, концы которой могли присоединяться на разном расстоянии от краев щитка или непосредственно к его краям, но эти варианты



**Рис. 3.** Прикубанский могильник. Погребение 88: 1–3 — амфоры; 4, 5 — бляшки; 6, 7 — ворворки; 8 — наносник; 9, 9a — удила с псалием. Погребение 138: 10 — наносник; 11, 12 — бляшки; 13 — удила со строгими насадками и псалиями; 14–16 — амфоры. 1–3, 14–16 — глина; 4–8, 10–12 — бронза; 9, 9a — железо, бронза; 13 — железо

**Fig. 3.** Prikubansky burial ground. Grave 88: 1–3 — amphorae; 4, 5 — plaques; 6, 7 — thimbles; 8 — noseband; 9, 9a — bits with check-piece. Grave 138: 10 — noseband; 11, 12 — plaques; 13 — bits with rigid check-devices and check-pieces; 14–16 — amphorae. 1–3, 14–16 — clay; 4–8, 10–12 — bronze; 9, 9a — iron, bronze; 13 — iron

признаки вряд ли имеют серьезное хронологическое значение. Ареал распространения подобных блях в скифское время очень широк. Без этой универсальной детали конской узда в IV в. до н.э. не обходились и меоты (Эрлих, 2011. С. 61. Рис. 106: 1; Лесков и др., 2013. С. 66–67. Рис. 73: 4, 5), а также население сопредельной территории Центрального Предкавказья (Прокопенко, Рудницкий, 2023. С. 192, 208. Рис. 15: 37, 38).

Две низкие ворворки (диаметр — 1,8 см, высота — 0,9 см) усеченно-конической формы, со скошенным внутрь нижним краем с маленьким выступом изнутри (см. аналогичные экз. в погр. 159). Ворворка таких же пропорций, но с ровным нижним краем и валикообразным утолщением вокруг верхнего отверстия, присутствовала среди других многочисленных деталей узды в кургане 5 возле аула Уляп первой половины IV в. до н.э.



(Лесков и др., 2013. С. 52, 56. Рис. 28: 10). Подобные ворворки из серебра с позолотой встречены и в ритуальных комплексах «Строгановских» курганов на горе Змейка (Прокопенко, Рудницкий, 2023. С. 193, 208. Рис. 15: 3, 4). Наиболее широко использовались ворворки этой формы с ровными или немного выступающими краями основания из бронзы, серебра и железа в скифских уздечных наборах IV в. до н.э. (Могилов, 2008. С. 76–77, 423. Рис. 193; Савченко, 2009. С. 284. Рис. 17: 62, 63; 18: 21, 45, 46, 54).

По амфорам Фасоса, Менды и типа «Солоха I» (рис. 3: 1–3) погр. 88 было датировано 380-ми — 370-ми гг. до н.э. (Монахов и др., 2021. С. 38. Рис. 49).

В погребении 138 при лошади находились удила с крестовидными насадками варианта А со слегка расплюснутыми концами и железными стержневидными псалями (рис. 3: 13), наносник (рис. 3: 10) и бляшки (рис. 3: 11, 12).

Наносник (длина — 3,5 см, высота — 2,6 см) в виде головы хищной птицы с длинным, наклоненным вперед ухом. А.Р. Канторович интерпретирует подобные изображения как «ушастую птицу» — тип 3 гаймановско-солохский. Абсолютное большинство наносников этого типа происходит из скифских памятников. Наиболее близкими являются экземпляры из Гаймановой могилы, Чертомлыка и Братолюбского кургана (Канторович, 2022. Т. 1. С. 275; Т. 2. С. 111, 289–191, № 1–4, 24). В меотских памятниках до сих пор были известны три экземпляра из раскопок Н.И. Веселовского, изображение птицы на которых отличается от прикубанского маленьким ухом. Такой наносник был найден в Елизаветинском кургане № 7/1917 г. (Галанина, 2010. С. 111. Табл. 8: 6), еще два (один из них полностью аналогичен елизаветинскому) — в кургане № 19/1903 г. близ ст. Воронежской (ОИАК, 1906. С. 75. Рис. 143; 145).

Две круглые бляшки (диаметр — 2,8 см) с невысоким выпуклым щитком и массивной дуговидной петлей, прикрепленной внутри щитка, аналогичны найденным в погр. 88, 159, 224 Прикубанского некрополя и погр. 1-3/1979 г. могильника Лебеди III (см. далее).

Совокупная хронология амфор Фасоса, Книда и Менды (рис. 3: 14–16) из погр. 138 позволила датировать комплекс второй четвертью IV в. до н.э. (Монахов и др., 2021. С. 56, 57. Рис. 79).

У лошади из погребения 159, кроме удил с насадками варианта С и Г-образными псалями (рис. 4: 11, 12), имелись наносник (рис. 4: 7), бляхи (рис. 4: 3–6) и ворворки (рис. 4: 1, 2). Набор мелких деталей узды такой же, как и в погр. 88.

Щитки псалиев (размеры: 7,6×5,7 см и 6,6×5,5 см) представляют собой зеркальное изображение двух голов хищников семейства псовых на длинных шеях, одна из которых кусает загнутый кольцом рог, а вторая — загривок первой (ср. псалии из погр. 236, 394, 427). В.Р. Канторович включил подобные изделия (в том числе и данный экземпляр), являющиеся зооморфной трансформацией трех отростков рогов оленя или птичьей лапы, в тип 7 елизаветинско-кужорский и тип 1 семибратненко-елизаветинский (Канторович, 2022. Т. 1. С. 75–76, 155–156; Т. 2. С. 24, № 7. С. 53, № 36).

Наносник (длина — 4,7 см, высота — 2,6 см) — «орлиноголовый грифон» или «лосептица» — того же типа, что и в погр. 88, но гораздо лучшей сохранности.

Четыре круглые бляшки (диаметр — 2,6–2,8 см) с невысоким выпуклым щитком и массивной дуговидной петлей, прикрепленной внутри щитка

**Рис. 4.** Прикубанский могильник.

Погребение 159:

1, 2 — ворворки;

4–6 — бляшки;

7 — наносник;

8–10 — амфоры;

11, 12 — псалии.

Погребение 202:

13, 14 — амфоры;

15 — псалий.

1–7, 11, 12, 15 — бронза;

8–10, 13, 14 — глина

**Fig. 4.** Prikubansky burial

ground. Grave 159:

1, 2 — thieves;

4–6 — plaques;

7 — noseband;

8–10 — amphorae;

11, 12 — check-pieces.

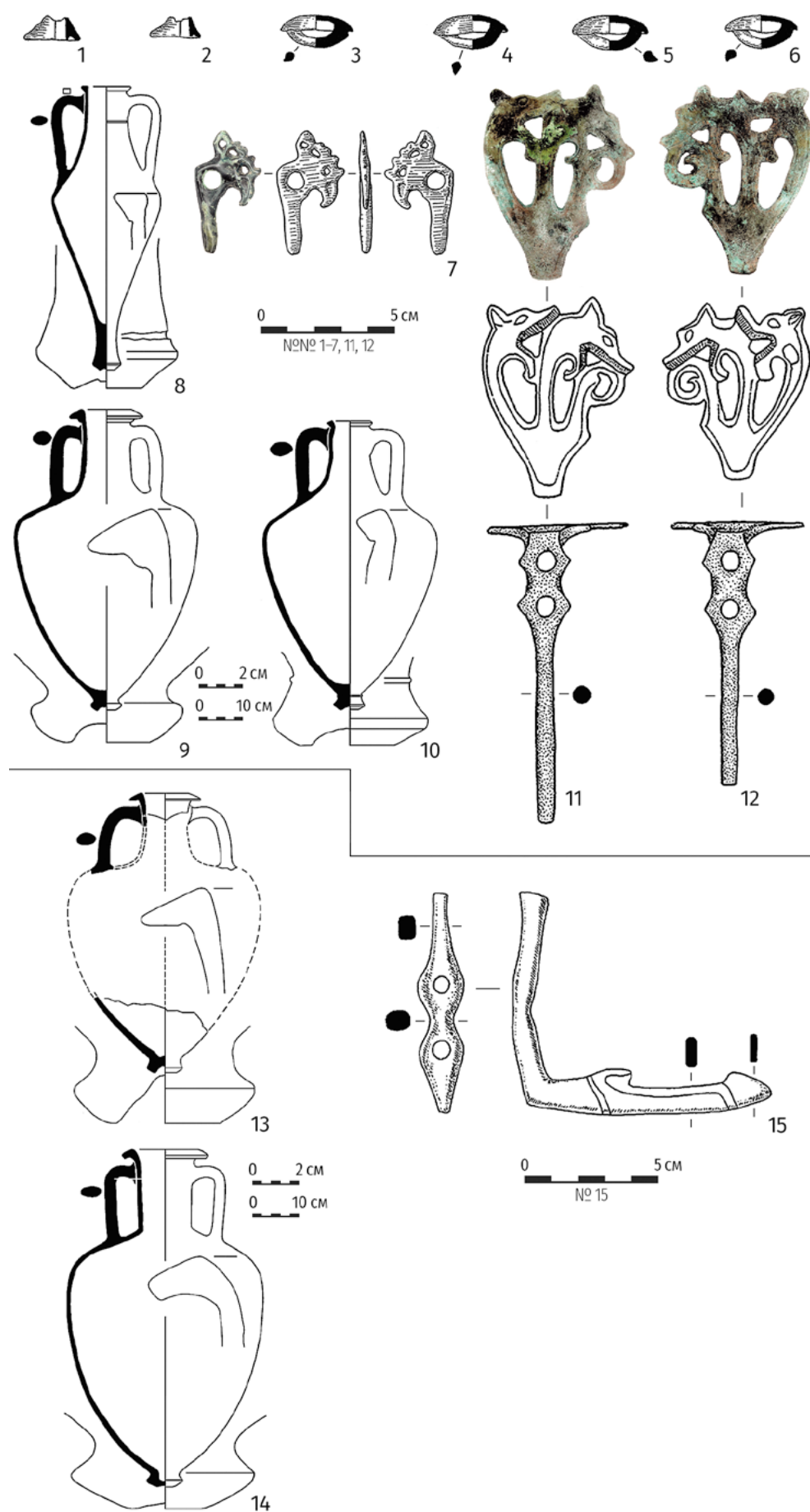
Grave 202:

13, 14 — amphorae;

15 — check-piece.

1–7, 11, 12, 15 — bronze;

8–10, 13, 14 — clay



близко к его краям. Такие же бляшки найдены в погр. 88, 138, 224, а также в погр. 1-3/1979 г. могильника Лебеди III.

Две низкие ворворки усеченно-конической формы с желобком в основании (диаметр — 1,70–1,75 см, высота — 0,7–0,8 см) относятся к тому же типу, что и экземпляры из погр. 88.

По амфорам Книда, Фасоса и Синопы (**рис. 4: 8–10**) погр. 159 отнесено к середине IV в. до н.э. (*Монахов и др.*, 2021. С. 64–65. Рис. 93).

В **погребении 167** лошади не было. Отдельной кучкой (на острие меча) лежали удила со строгими крестовидными насадками варианта В и одним псалием (**рис. 5: 4**), бляшки (**рис. 5: 2, 3**) и ворворка (**рис. 5: 1**).

Псалий двухдырчатый S-видный, слабоизогнутый. Центральная часть псалия с 8-образным расширением — железная, концы — бронзовые, с коническими «шишечками». Половина железного псалия этого же типа с прилитым на конце стержня бронзовым шариком сохранилась в погр. 1183 из могильника Старокорсунского городища № 2. Совместно была найдена амфора Менды 340–330-х гг. (*Монахов и др.*, 2022. С. 109, Мд. 27). В погр. 14 Почтового могильника псалии с бронзовыми шариками на концах были найдены вместе с амфорой Икоса второй четверти IV в. до н.э. (*Лунёв*, 2010. С. 364–365, 369. Рис. 10: 6; *Монахов и др.*, 2022. С. 112, Ik.1).

Среди аналогий можно назвать и псалии из курганов 1 и 2 Тенгинского святилища, «биметаллизм» которых В.Р. Эрлих связал с восточным приуральским «сарматским» влиянием второй половины IV — начала III в. до н.э. (*Эрлих*, 2011. С. 56–57, 81. Рис. 102: 2–4), а также псалии из скопления 3 кургана 14 возле аула Уляп с плакированными бронзовой фольгой шариками. В этом комплексе присутствовали и железные удила с крестовидными насадками варианта А (*Лесков и др.*, 2013. С. 70–71. Рис. 78: 2–4).

Две круглые бляшки (диаметр — 2,3×2,4 см) с выпуклым щитком и массивной петлей, прикрепленной к его краям. У одной из бляшек петля угловатая, ромбического сечения, щиток низкий, у второй — сильно выпуклый щиток и дуговидная, треугольная в сечении, петля. От блях из погр. 88, 138, 159 и др. они отличаются меньшими размерами, т.е. предназначались для более узких ремней. Такие же небольшие бляшки присутствуют и в конских наборах Тенгинского курганного могильника, в том числе, вместе с более крупными экземплярами (*Эрлих*, 2011. С. 30, 45. Рис. 63: 3–5; 65: 4–6; 89: 1, 2–8).

Усеченно-коническая высокая ворворка с расширенным основанием (высота — 1,9 см, диаметр основания — 1,6 см, диаметр верхней части — 0,9 см). Находки таких вытянутых ворворок у меотов редки. С правобережья Кубани происходит единственный экземпляр из раннемеотского комплекса второй — третьей четверти V в. до н.э. (*Лимберис, Марченко*, 2012. С. 63, 114–115. Рис. 52). У населения лесостепной Скифии они были основным типом в конце VI — V в. до н.э., но из погребений IV в. до н.э. известны лишь единичные экземпляры (*Могилев*, 2008. С. 75, 422. Рис. 193). Почти такие же по размерам и аналогичные по форме вытянутые ворворки найдены в Тенгинском курганном могильнике в комплекте с круглыми выпуклыми бляхами и пр. (*Эрлих*, 2011. С. 28, 62. Рис. 57: 2) и в вышеупомянутом кургане 5 Уляпского могильника (*Лесков и др.*, 2013. С. 48, 56. Рис. 28: 11), хотя использовалась в этом регионе с V в. до н.э. (*Габуев, Эрлих*, 2001. С. 118. Рис. 3: 4–6).

Из погр. 167 происходят амфоры Гераклеи и Менды (**рис. 5: 5, 6**), хронология которых позволили ограничить дату комплекса в пределах 390-х — начала 380-х гг. до н.э. (*Монахов и др.*, 2021. С. 30. Рис. 36).

**Рис. 5.** Прикубанский могильник. Погребение 167:

1 — ворворка;  
2, 3 — бляшки; 4 — псалий;  
5, 6 — амфоры.

Погребение 171:

7 — бляшка; 8 — псалий;  
9 — амфоры.

Погребение 195:

10 — нащечник;

11 — амфора.

Погребение 328:

12 — бусы; 13 — пряжка;

14 — бляха нащечная;

15 — амфора.

1–3, 7, 8, 10, 12–14 — бронза;

4 — железо, бронза;

5, 6, 9, 11, 15 — глина

**Fig. 5.** Prikubansky burial ground. Grave 167:

1 — thief; 2, 3 — plaques;

4 — check-piece;

5, 6 — amphorae.

Grave 171:

7 — plaque; 8 — check-

piece; 9 — amphorae.

Grave 195:

10 — cheek plate;

11 — amphora.

Grave 328:

12 — beads; 13 — buckle;

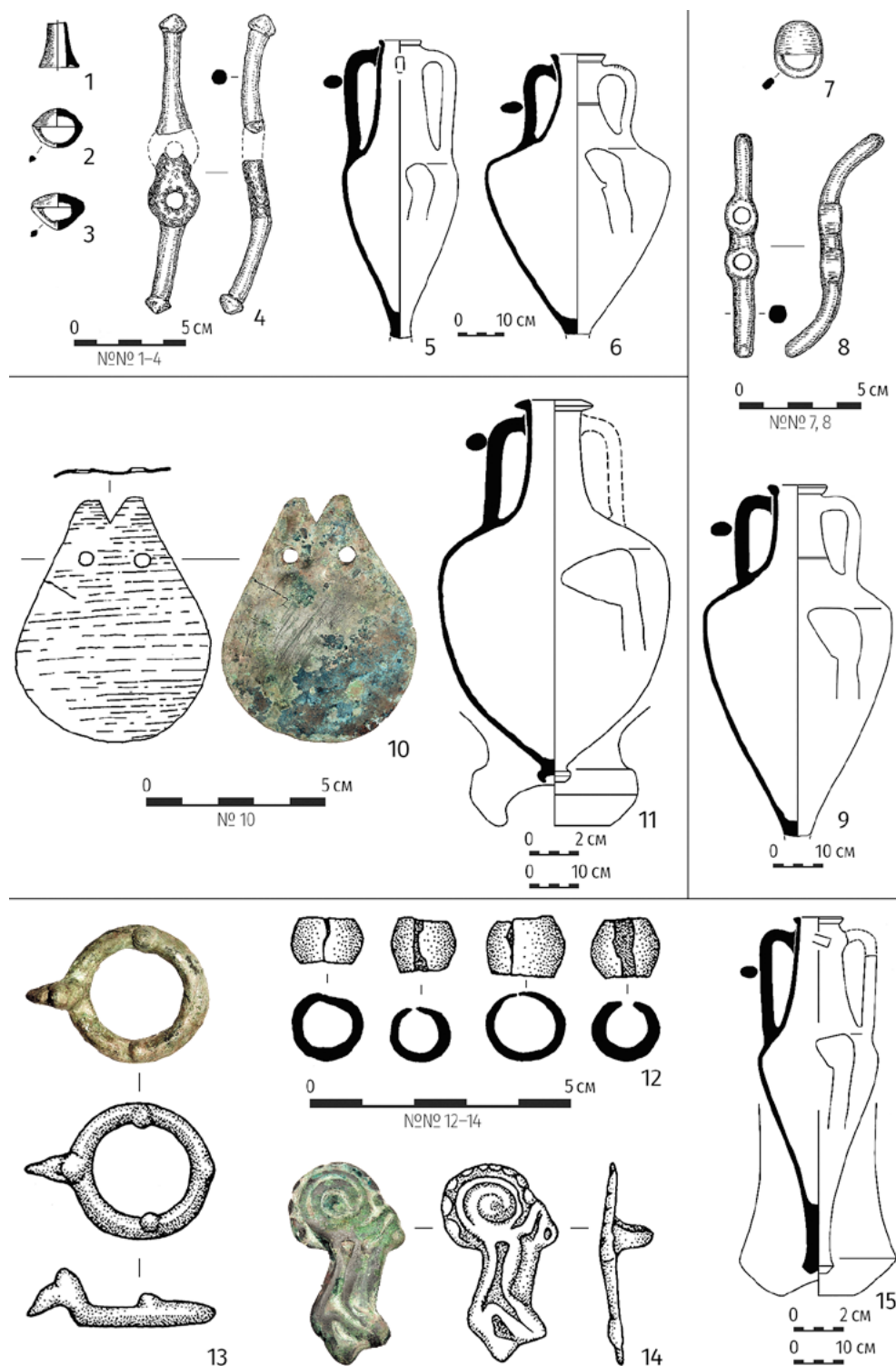
14 — cheek plaque;

15 — amphora.

1–3, 7, 8, 10, 12–14 — bronze;

4 — iron, bronze;

5, 6, 9, 11, 15 — clay



В погребении 171 лошадь также отсутствовала. Всадническая принадлежность погребенного была обозначена лежавшим в ногах звеном железных удил с одним бронзовым псалием (рис. 5: 8) и бляшкой (рис. 5: 7).

Псалий S-видный двухдырчатый, с 8-образным расширением (длина — 9,8 см). Концы стержней гладкие, сечение круглое. Похоже, что у меотов чаще встречаются псалии с концами, оформленными «шишечками» и пр. Один псалий с ровно обрезанными концами стержней, но в сечении ромбовидный, происходит из ритуального комплекса кургана 1 Тенгинского

курганного могильника, второй — из кургана 13 Начерзийского могильника (Эрлих, 2011. С. 55. Рис. 101: 4). В лесостепных скифских памятниках также есть псалии этого типа с гладкими концами разного сечения (Могилов, 2008. С. 34. Рис. 69: 3, 8, 9).

Бляшка (диаметр — 1,9 см) с высоким полусферическим щитком и массивной дуговидной петлей, прикрепленной к его краям (такие же в погр. 1-3/1979 г. могильника Лебеди III, см. ниже). Исследователи не всегда отделяют такие бляшки от других круглых бляшек с выпуклым щитком, но, по нашему мнению, их нужно относить к особому типу. Аналогичные бляшки присутствуют среди многочисленных деталей конской сбруи из Елизаветинского кургана № 7/1917 г. (Галанина, 2010. С. 110. Табл. 9: 10–12). Встречаются они и в памятниках Закубанья: в составе конской сбруи ритуальных комплексов из Тенгинского курганного могильника и Уляпского некрополя второй половины IV в. до н.э. (Эрлих, 2011. С. 61. Рис. 23: 2, 10, 11; 31: 8; 106: 2; Лесков и др., 2013. С. 65, 67. Рис. 69: 4). Подобные бляшки (тип II с гладким щитком «полусферической» формы, по Е.И. Савченко) многочисленны в памятниках скифского времени Среднего Дона и Днепровской Лесостепи (Савченко, 2009. С. 278–279. Рис. 15: 25, 26, 28, 29).

В погр. 171 встречена редкая амфора Аканфа (рис. 5: 9) второй — третьей четверти IV в. (Монахов и др., 2021. С. 177, Ак.4).

В зубах лошади из **погребения 195** находились железные удила со строгими насадками варианта В, на нижней челюсти лежал бронзовый нащечник (рис. 5: 10) каплевидной формы, вырезанный из тонкого листа металла, с маленьким остроугольным вырезом в верхней части и двумя круглыми отверстиями (длина — 6,9 см, ширина — 1,9–5,4 см). Скорее всего, нащечник был изготовлен меотским мастером. Аналогий или прототипов ему найти пока не удалось. Единственный (известный нам) нащечник местной работы был найден в погр. 466 могильника Старокорсунского городища № 2, которое датируется серединой — третьей четвертью IV в. до н.э. По форме он S-видный, подражающий литым зооморфным образцам скифских нащечников второй четверти IV в. до н.э., изображающим фантастических «петушков-гиппокампов» (Канторович, 2022. Т. 1. С. 316–318; Т. 2. С. 126, № 4–6).

По амфоре неустановленного центра производства с грибовидным венцом (рис. 5: 11) датировка погр. 195 ограничивается первой половиной IV в. до н.э. (Монахов и др., 2021. С. 214, Уп.1).

В **погребении 202**, в котором не было лошади, сложенные удила с одной крестовидной насадкой (концы утрачены, но по полевым записям — варианта А) и псалием лежали вместе с сосудами и другим инвентарем у стенки могильной ямы.

Псалий двухдырчатый Г-образный (рис. 4: 15), загнутый конец оформлен в виде ноги (пястной части) копытного животного с рудиментарным пальцем в виде треугольного выступа и трапециевидным копытом, подчеркнутым гравированными линиями. Известные подобные изображения (всего восемь), объединенные А.Р. Канторовичем в тип 5 елизаветинско-майкопский, оформляют бронзовые псалии (в основном, Г-образные) из памятников Прикубанья, в том числе из Елизаветинского кургана № 4/1913 г. (Галанина, 2005. С. 102, 104. Табл. 2: 5, 7; Канторович, 2022. Т. 1. С. 228; Т. 2. С. 83, № 1, 2, 8). Кроме этого, пара Г-образных псалиев с окончанием в виде стилизованного копыта происходит из святилища кургана 2 возле аула Уляп, которое по фрагментам найденных там амфор Менды, Фасоса

и Хиоса датировано авторами раскопок первой половиной (ближе к середине) IV в. до н.э. (Лесков и др., 2013. С. 27, 29. Рис. 15: 8).

По двум амфорам Книда погр. 202 датируется в пределах 360-х — 350-х гг. до н.э. (Монахов и др., 2021. С. 68–69. Рис. 98).

**В погребении 224** было два комплекта узды, которые принадлежали одной лошади: две пары практически развалившихся удилов с псалиями (рис. 6: 6, 12, 13), налобник (рис. 6: 7), бляхи (рис. 6: 2, 3), чумбурный блок (рис. 6: 1) и две пряжки-сюльгамы (рис. 6: 4, 5).

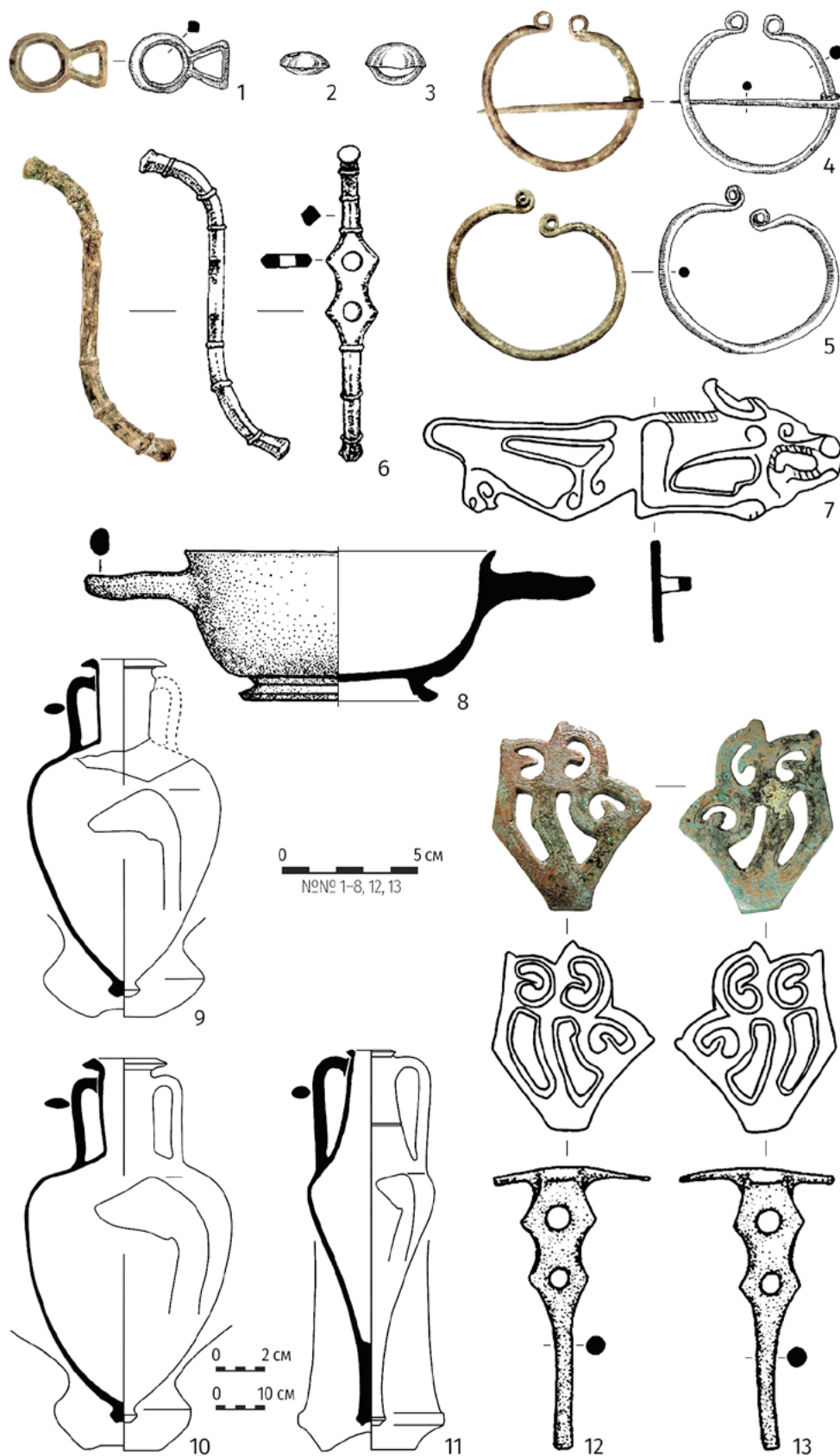
Одна пара удилов (по полевым наблюдениям, с насадками — варианта А), находившаяся в зубах лошади, была снабжена Г-образными псалиями со щитками в виде схематичного изображения трехпалой лапы хищной птицы (размеры: 7×6 см и 7,1×6,0 см). По В.Р. Канторовичу подобные изображения, которые он выделяет в тип 1 семибратненско-елизаветинский, амбивалентны, т.е. одновременно представляют собой и обособленные оленьи рога, и птичьи лапы (Канторович, 2022. Т. 1. С. 155–156; Т. 2. С. 53, № 40). Наиболее близкими являются изображения на щитках псалиев из Елизаветинского кургана № 7/1917 г. (Галанина, 2010. С. 108–110. Табл. 4: 4, 6, 7) и Кужорского кургана (Шедевры..., 1987. С. 86. Кат. 22. Рис. 17).

Вторая пара удилов, лежавшая справа от черепа, представлена одним звеном с S-видным псалием. Отогнутые концы псалия, четырехгранные в сечении, орнаментированные тремя узкими рельефными валиками (на конце, в середине и у ромбовидного расширения), оканчиваются маленькими округленными «шляпками» (длина — 12,5 см, сечение стержня — 0,7×0,6 см). Такие же псалии, только более сложно орнаментированные, происходят из могильника Лебеди III (см. ниже). Бронзовые псалии этого типа с различным образом оформленными концами известны и в других меотских памятниках первой половины IV в. до н.э. (Галанина, 2010. С. 108. Табл. 1: 10; Лесков и др., 2013. С. 45, 56. Рис. 27: 2, 3). Специально выделим набор из Воронежского кургана № 19/1903 г., состоящий из железных удилов с насадками варианта А и S-видных бронзовых псалиев, ложновитые стержни которых, оканчивающиеся выпуклыми «шляпками», украшены валиками (ОИАК, 1906. С. 75. Рис. 152; 153).

Налобник (длина — 15,7 см, ширина — до 5 см) типа I-1-B-I-1 уляпско-тенгинского (Канторович, 2022. Т. 1. С. 46–47; Т. 2. С. 13, 155–156, № 7) в виде припавшего на лапы псового хищника из этого погребения имеет заметные отличия от такого же налобника из погр. 33: штриховкой обозначена грива на холке, выделена задняя лапа, зубастая пасть оскалена, глаз — в виде завитка, нос — в виде кружка, удлиненное ухо прижато назад и приподнято.

Пряжка, состоящая из двух соединенных рамок в виде кольца и трапеции, четырехгранных в сечении (длина — 3,6 см, диаметр кольца — 2,3 см), лежала в погребении на некотором расстоянии от половины звена удилов, вместе с бляшками. Аналогичные бронзовые пряжки (чумбурные блоки) широко представлены в степных скифских курганах: только в Чертомлыкском кургане найдено 43 экз. (Алексеев и др., 1991. С. 84, 149. Кат. 10). Такие пряжки для чумбурного повода входили в состав четырех уздечных наборов из конских захоронений Толстой Могины (Мозолевский, 1979. С. 181, 182. Рис. 18: 8), лошади № 2 Гаймановой могилы и Мелитопольского кургана (Ильинская, 1973. С. 55. Рис. 8: 5; Тереножкин, Мозолевский, 1988. С. 60. Рис. 155: 2). Встречаются они также в памятниках скифского времени: лесостепных (Могилов, 2008. С. 66. Рис. 125: 6–39) и, реже, в среднедонских (Савченко, 2009. С. 247. Рис. 8: 6–8).





**Рис. 6.** Прикубанский могильник.

Погребение 224:

- 1 — пряжка (чумбурный блок); 2, 3 — бляшки;  
4, 5 — пряжки-сюльгамы;  
6 — псалий; 7 — налобник;  
8 — болсал чернолаковый;  
9–11 — амфоры;  
12, 13 — псалии.  
1–7, 12, 13 — бронза;  
8–11 — глина

**Fig. 6.** Prikubansky burial ground. Grave 224:

- 1 — buckle (chumba block);  
2, 3 — plaques;  
4, 5 — buckles-syulgams;  
6 — check-piece;  
7 — forehead;  
8 — black-glazed balsal;  
9–11 — amphorae;  
12, 13 — check-pieces.  
1–7, 12, 13 — bronze;  
8–11 — clay



Среди подобных пряжек из памятников Южного Приуралья В.Н. Мышкин выделил четыре варианта. Автор отмечает, что во второй половине VI — первой половине V в. до н.э. встречаются чумбурные блоки всех четырех вариантов, но преобладает вариант 1. В комплексах же второй половины V — IV в. до н.э. встречены только блоки вариантов 2 и 4 (Мышкин, 2015. С. 532–534. Рис. 1: 3). Однако из упомянутых выше скифских памятников IV в. до н.э. происходят лишь блоки варианта 1, по В.Н. Мышкину. Чумбурный блок из прикубанского комплекса также относится к варианту 1. Среди других меотских древностей (кроме Прикубанского могильника) аналогичные находки пока не известны. Однако в коллекции бронзовых предметов конской упряжи из Елизаветинского кургана № 6/1914–1915 гг. присутствует 8-образная пряжка из колец разного диаметра, круглого сечения (Галанина, 2010. С. 111. Табл. 3: 12), которая, возможно, могла использоваться в качестве чумбурного блока.

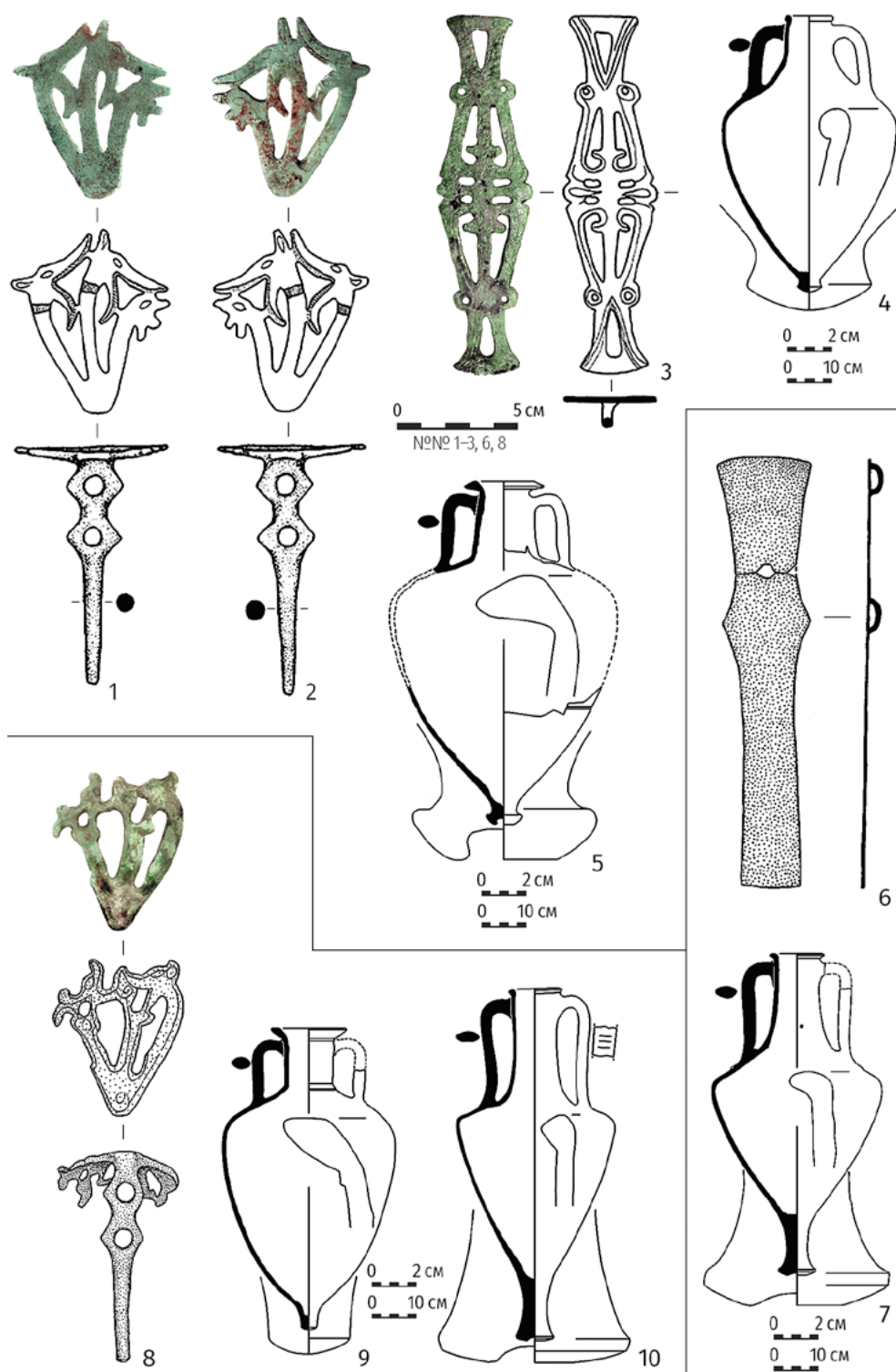
Бляшки (7 экз.) с низким выпуклым и чуть более высоким щитком и массивной дуговидной петлей, прикрепленной изнутри щитка близко к его краям (диаметр — 1,7–2,2 см), аналогичны бляшкам, входившим в уздечные комплекты из погр. 88, 138, 159 Прикубанского могильника и погр. 1–3 могильника Лебеди III.

Среди предметов узды присутствовали также две бронзовые пряжки-сюльгамы: одна (диаметр — 5,9 см) лежала под черепом лошади, вторая (диаметр — 6,70×6,25 см) — справа от черепа. Сюльгамы вплоть до средневековья обычно использовались как застёжки для одежды. География их распространения широка. Две бронзовые пряжки-сюльгамы происходят из бокового женского захоронения Толстой Могилы. Они не являлись деталями костюма, т.к. находились у стенки камеры справа от погребенной, и, как полагал Б.М. Мозолевский, могли служить застёжками покрывала (Мозолевский, 1979. С. 103, 123. Рис. 87; 106: 6). Известны сюльгамы и в памятниках Среднего Дона IV в. до н.э. (Савченко, 2001. С. 56; 2004. С. 240, 243. Рис. 29), а также в северо-кавказских комплексах сарматского времени III в. до н.э. — III в. н.э. (Абрамова, 1987. С. 95. Рис. 60: 16; Абрамова, 1993. С. 83. Рис. 27: 8, 9; Марченко, 1984. С. 40–42. Рис. 1: 20; 1996. Рис. 82: 7). Прикубанский комплекс с двумя сюльгами свидетельствует, что такие пряжки могли использоваться и как принадлежности конской узды.

По двум амфорам Книда, амфоре Фасоса (рис. 6: 9–11) и чернолаковому болсалу (рис. 6: 8) погр. 224 было отнесено к 360-м — 350-м гг. до н.э. (Монахов и др., 2021. С. 69–70. Рис. 100; 101).

В погребении 236 найдены удила с насадками варианта В (по полевым наблюдениям) и парой Г-образных псалиев (рис. 7: 1, 2), а также налобник (рис. 7: 3).

На ажурных щитках (размеры: 7,2×6,1 см, 7,1×6,0 см) псалиев с тремя отростками рогов оленя (или трансформированными птичьими лапами) в зеркальном изображении даны две головы псовых хищников на длинных шеях, с широко раскрытыми в виде «лотоса» пастьми. Одна кусает голову грифона или какого-то мелкого животного, вторая — загривок первой. На шеях хищников заштрихованной полоской изображены «ошейники» (возможно, это собаки). Эта зооморфная композиция соответствует типу 7 елизаветинско-кужорскому и типу 1 семирятненско-елизаветинскому (ср. находки из погр. 159, 394, 427). Наиболее близким вариантом являются псалии из Кужорского кургана (Канторович, 2022. Т. 1. С. 75–76, 155–156; Т. 2. С. 24, № 9; М. 53, № 24, 36; Шедевры..., 1987. С. 86. Кат. 24. Рис. 19).



**Рис. 7.** Прикубанский могильник.

Погребение 236:

1, 2 — псалии;

3 — налобник;

4, 5 — амфоры.

Погребение 324:

6 — налобник;

7 — амфора.

Погребение 394:

8 — псалий;

9, 10 — амфоры.

1–3, 6, 8 — бронза;

4, 5, 7, 9, 10 — глина

**Fig. 7.** Prikubansky burial ground. Grave 236:

1, 2 — cheek-pieces;

3 — forehead;

4, 5 — amphorae.

Grave 342:

6 — forehead;

7 — amphora.

Grave 394:

8 — cheek-piece;

9, 10 — amphorae.

1–3, 6, 8 — bronze;

4, 5, 7, 9, 10 — clay

Ажурный налобник с ромбовидной центральной частью и трапецевидными окончаниями (длина — 14,8 см, ширина — до 3,8 см) отличается от выполненного в той же антистетической схеме налобника из погр. 39 более строгими геометрическими очертаниями и пропорциями, а также наличием гравированных линий и кружков, выделяющих зооморфные детали.

Из погр. 236 происходят амфоры Книда и Синопы (рис. 7: 4, 5), хронология которых позволила датировать комплекс в пределах 360-х — 350-х гг. до н.э. (Монахов и др., 2021. С. 71. Рис. 103).

В ограбленном в древности **погребении 324** от снаряжения коня сохранился комплект удила с крестовидными насадками (скорее всего, варианта В — по полевым наблюдениям), железными двухдырчатыми Г-образными псалиями и бронзовый налобник (**рис. 7: 6**).

Налобник (длина — 18,3 см, ширина — 2,2–4,0 см) представляет собой узкую гладкую пластину с угловатыми боковыми выступами в средней части, немного расширенным коротким верхним концом и ровным, удлиненным, нижним. На обороте — две вертикальные петли. Средняя часть аналогичного налобника (или наносника), состоящая из двух фрагментов, из ритуального скопления 5 кургана 14 Уляпского некрополя была найдена вместе с удилами с крестовидными насадками (варианта А), фрагментом бронзового двухдырчатого псалия и бронзовой полусферической бляшкой (*Лесков и др.*, 2013. С. 71. Рис. 79: 1–5). Прототипами подобным налобникам, вероятно, могли служить узкие скифские налобники с боковыми выступами V в. до н.э. (*Могилов*, 2008. С. 59–60. Рис. 113; 114: 1–5).

Формально близким можно считать и фрагмент средней части налобника из уздечного набора коня 10-го кургана 2 некрополя Тенгинского городища II, с гравированной насечкой по краю, завитками на месте расширений и орнаментом в центральной части. Так же, в «елизаветинском» стиле, орнаментирован и целый налобник подобной формы из Гюэноса, отличающийся более крупными размерами (*Шамба*, 1988. С. 32. Табл. XVIII: 1; *Эрлих*, 2011. С. 58. Рис. 104: 7, 8), который Л.К. Галанина рассматривала как аналогию налобнику с парными волутообразными выступами по бокам из Елизаветинского кургана № 7/1917 г. (*Галанина*, 2010. С. 111. Табл. 7: 2).

Амфора Менды (**рис. 7: 7**) из погр. 324 датируется в пределах 400–360-х гг. или даже уже 380-х гг. до н.э. (*Монахов и др.*, 2021. С. 139, 321, Мд.8).

В **погребении 328** вместе с железными удилами и псалиями (С-видные), которые полностью развалились, сохранились бронзовые детали узды: нащечная бляха (**рис. 5: 14**), подпружная пряжка (**рис. 5: 13**) и несколько бусин (**рис. 5: 12**).

Нащечная бляха (длина — 3,8 см), выполненная в одностороннем рельефе в виде стилизованной задней лапы кошачьего хищника, крепилась к ремню посредством горизонтальной петли на внутренней стороне. Бляхи (нащечники) этой схемы широко представлены в памятниках степной и лесостепной Скифии второй половины V — начала III в. до н.э. (*Манцевич*, 1987. С. 107–108. Кат. 91; *Савченко*, 2009. С. 272–273. Рис. 13: 2, 4, 5, 6; *Могилов*, 2008. С. 53, 418. Рис. 105: 11–27; 193). Наиболее полная сводка (38 памятников) подобных предметов приведена в работе А.Р. Канторовича, который выделил их в тип II-II-3 «Солоха – Чертомлык» и датировал концом V — IV в. до н.э. Но в этой представительной подборке отмечена только одна находка с территории Прикубанья — из кургана Карагодеушах; причем она сильно отличается по форме от нащечника из погр. 328. Наиболее близкими являются экземпляры из Крымской коллекции и кургана 1 у с. Подолье на Украине (*Канторович*, 2022. Т. 1. С. 111–112; Т. 2. С. 37, 194–196, № 30, 24, 36). Нужно отметить также фрагмент аналогичного нащечника из раскопок Елизаветинского кургана № 7/1917 г. (*Галанина*, 2010. С. 111. Табл. 8: 5).

Круглорамчатая пряжка (диаметр — 2,6 см) с неподвижным выступающим язычком-крючком с круглым выступом сверху и двумя диаметрально противоположными выпуклостями на рамке была найдена под ребрами лошади и, скорее

всего, предназначалась для затягивания подпружного ремня. Для скифского времени использование пряжек аналогичной конструкции фиксировалось многократно (Савченко, 2009. С. 246–247. Рис. 7: 1–7), но в меотских памятниках находки их единичны: пряжка с «клювовидным» крючком без выступов на рамке найдена в ритуальном комплексе 1 кургана 8 Уляпского могильника (Лесков и др., 2013. С. 65. Рис. 69: 15). Подобные пряжки из сарматских памятников прохоровского времени не входили в состав конской амуниции (Мошкова, 1963. С. 40. Табл. 25: 22–24).

Четыре бусины (диаметр — 1,3–1,5 см, высота — 0,95–1,1 см), свернутые из листа бронзы, вероятно, использовались для украшения шнурков конского оголовья. Цельнолитые уздечные пронизи «бочонковидной» формы присутствовали и в упомянутом выше уляпском комплексе кургана 8 вместе с подпружной пряжкой и другими деталями конской сбруи (Лесков и др., 2013. С. 65. Рис. 69).

На основании находки амфоры Фасоса (рис. 5: 15) погр. 328 нужно отнести к 380-м гг. до н.э. (Монахов и др., 2021. С. 111, Th.13).

В погребении 394, ограбленном в древности, найдены фрагментированные удила с насадками варианта В (по полевым наблюдениям) и одним Г-образным псалием (рис. 7: 8). Изображение на щитке размером 6,0×4,9 см относится к упоминавшимся уже елизаветинско-кужорскому и семибратненско-елизаветинскому типам (Канторович, 2022. Т. 1. С. 75–76, 155–156; Т. 2. С. 24, № 8. С. 53, № 37): две головы псовых хищников на длинных шеях, с раскрытыми пастьми, кусающие короткие отростки рогов оленя (ср. находки из погр. 159, 236, 427).

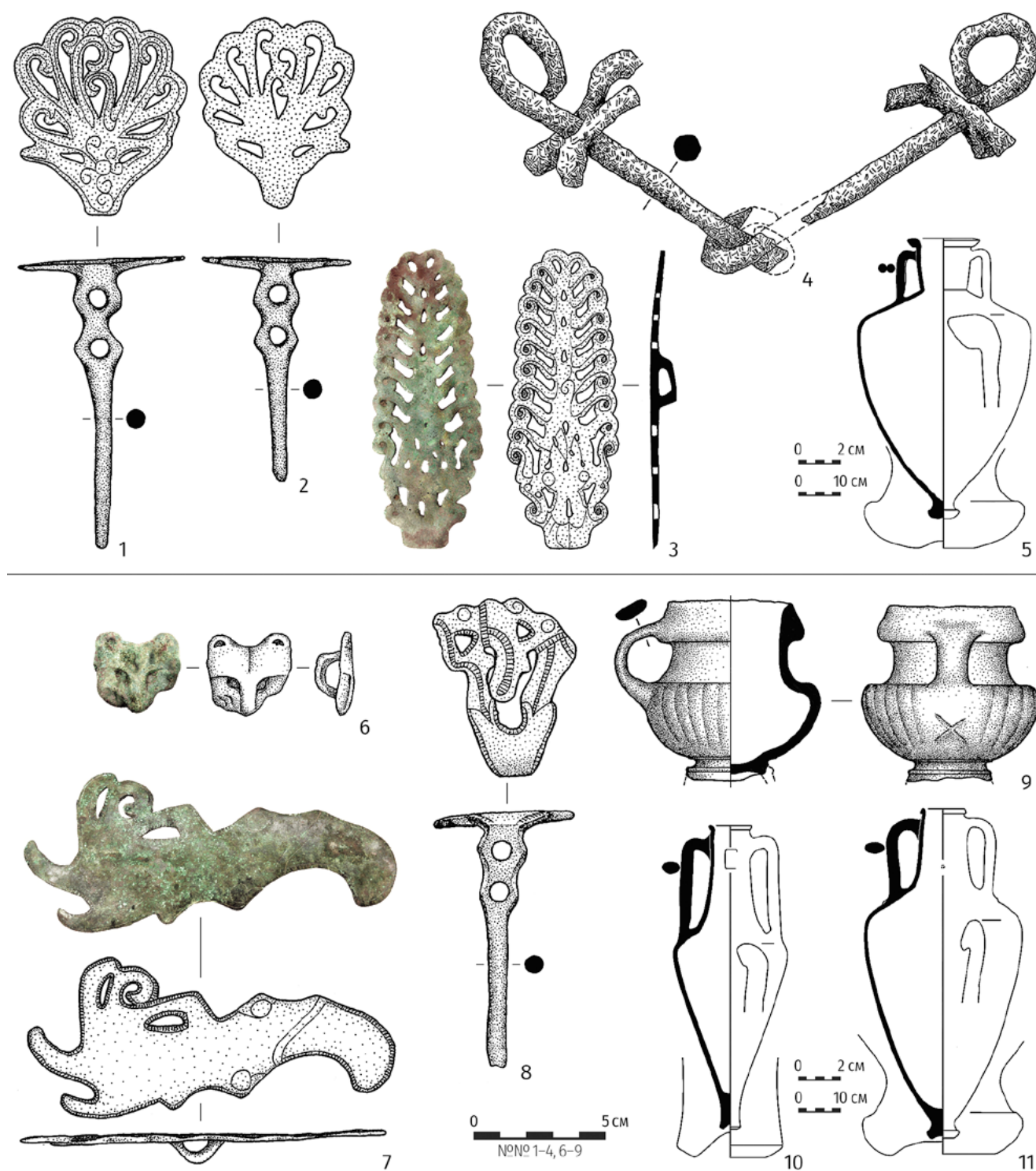
По мендеевской и греко-италийской амфорам (рис. 7: 9, 10) погр. 394 датировано 360-ми — 350-ми гг. до н.э. (Монахов и др., 2021. С. 61–62. Рис. 86; 87).

Комплект сбруи из погребения 402 состоял из пары удил с крестовидными насадками варианта В (рис. 8: 4), бронзовых псалиев (рис. 8: 1, 2) и налобника (рис. 8: 3).

Псалии Г-образные с пластинами (размеры: 7,1×5,8 см и 7,5×6,3 см) в виде стилизованной головы оленя в профиль с ветвистыми рогами, так же как и псалии из погр. 33, по общему контуру напоминают пальметту. Но по расположению завитков им более близки щитки псалиев «елизаветинского круга» из кургана 2 Тенгинского некрополя, к которому принадлежат и псалии из святилища в Гюэносе (Эрлих, 2004. С. 165. Рис. 5: 2; 2011. Рис. 112: 4, 5, 8). Все эти изображения (кроме не вошедшего в свод Гюэноса) А.Р. Канторович объединяет в тип 6 елизаветинско-тенгинский (Канторович, 2022. Т. 1. С. 149; Т. 2. С. 51, 211–212, № 2, 3, 26, 27).

Овальный ажурный налобник (длина — 14,2 см, ширина — до 5,1 см), изображающий голову оленя, сложенную из двух профилей, с вертикально вытянутой «коронай» стилизованных симметричных рогов отнесен к типу 8 семибратненско-елизаветинскому. Практически полную аналогию этой пластине представляет собой налобник из Семибратнего кургана (Канторович, 2022. Т. 1. С. 154–155; Т. 2. С. 52, № 1, 8). В.Р. Эрлих считает подобную схему из многоярусных рогов, в которой выполнены также налобники из Гюэноса и Тенгинской, типичной для «елизаветинского» стиля IV в. до н.э. (Эрлих, 2004. С. 167–168. Рис. 7: 8, 9; 2011. С. 58).

По амфоре Коса (рис. 8: 5) датировка погр. 402 в настоящее время может быть сужена до конца второй четверти — середины IV в. до н.э. (Монахов и др., 2021. С. 204. Кс. 2).



**Рис. 8.** Прикубанский могильник. Погребение 402: 1, 2 — псалии; 3 — налобник; 4 — удила со строгими насадками; 5 — амфора. Погребение 427: 6 — бляшка; 7 — налобник; 8 — псалий; 9 — канфар одноручный чернολаковый; 10, 11 — амфоры. 1–3, 6–8 — бронза; 5, 9–11 — глина

**Fig. 8.** Prikubansky burial ground. Grave 402: 1, 2 — check-pieces; 3 — forehead; 4 — bits with rigid check-devices; 5 — amphora. Grave 427: 6 — plaque; 7 — forehead; 8 — check-piece; 9 — black-glazed kantharos one-handler; 10, 11 — amphorae. 1–3, 6–8 — bronze; 5, 9–11 — clay

Принадлежности узды из **погребения 427** представлены удилами с насадками варианта А и одним псалием (**рис. 8: 8**), налобником (**рис. 8: 7**) и бляхой (**рис. 8: 6**).

Псалий Г-образный, на щитке (размеры — 7,0×5,4 см) изображена композиция из двух голов тупомордых (кошачьих?) хищников с раскрытыми пастьми, одна из которых кусает вторую (ср. псалии из погр. 159, 236, 394), отнесен к елизаветинско-кужорскому / семибратненско-елизаветинскому типу (*Канторович, 2022. Т. 1. С. 75–76, 155–156; Т. 2. С. 24, № 10. С. 53, № 39*).

Налобник (длина — 13,7 см, ширина — 5,9 см) изображает стилизованную голову лося с рогами. Кружками показаны глаза, две изогнутые линии проведены поперек морды. Края и вырезы подчеркнуты заштрихованными полосами. По заключению В.Р. Канторовича, эта пластина (тип 1 «Скифская могила – Кошеватое») представляет собой «крайнюю степень стилизации иконографии данного типа» (*Канторович, 2022. Т. 1. С. 162–163; Т. 2. С. 55, № 4*).

Литая бляха в виде головы хищника семейства кошачьих в фас, выполненная в одностороннем высоком рельефе, относится к типу 2 уляпско-шунтукскому. Это единственная находка с правобережья Кубани, остальные три памятника, где найдены аналогичные предметы, расположены в Закубанье (*Канторович, 2022. Т. 1. С. 81; Т. 2. С. 25, № 1–4; Лесков и др., 2013. С. 28. Рис. 18: 2–4*).

По амфорам Икоса и Гераклеи (**рис. 8: 10, 11**) хронологическая позиция погр. 427 может быть определена в диапазоне 340-х гг. до н.э., чему не противоречит и присутствие чернолакового одноручного канфара (*Монахов и др., 2021. С. 92–93. Рис. 86; 87*).

### Всаднические комплексы могильника Лебеди III

«Двойником» Прикубанского некрополя является могильник Лебеди III, который в 1979–1980 гг. исследовался Северо-Кавказской экспедицией ИА АН СССР. Среди материалов этого памятника, хранящихся на базе ИА РАН в ст. Старокорсунской, И.С. Каменецким при составлении описей и отчетов было выявлено несколько комплексов с бронзовыми деталями конской упряжи<sup>4</sup>. Хронология могильника по амфорной таре<sup>5</sup> не выходит за рамки IV в. до н.э. (*Каменецкий, 2009. С. 163*).

Богатое **погребение 1-3/1979 г.**, где были захоронены три человека, сопровождалось жертвоприношением семи положенных в два ряда лошадей. Бронзовые детали сбруи присутствовали только у лошадей «верхнего» ряда (квадрига?). У «крайних» лошадей (1-й и 4-й) были найдены бронзовые налобники. Кроме того, при лошади 4-й находились фрагменты железных удили с двумя бронзовыми псалиями, а при лошадях 2-й и 3-й («средних») — по бронзовой бляхе (*Каменецкий, 2009. С. 161–162; 2011. С. 292, 297. Рис. 222; 223*).

Налобнику (**рис. 9: 11**) в виде схематичных антиретических головок оленя с рогами (у лошади 1-й) по стилю и композиции зооморфных элементов особенно близки пластины из святилища в Гюэносе и ст. Гурийской

4 Материалы из этого памятника даются по отчетам И.С. Каменецкого за 1979 и 1980 г., предоставленным нам автором и хранящимся в архиве НИИ археологии КубГУ. Многие рисунки к отчетам, в том числе вошедшие в данную работу, были сделаны сотрудником НИИ С.О. Пальченковой.

5 Амфоры по просьбе И.С. Каменецкого определял В.В. Улитин.



**Рис. 9.** Могильник

Лебеди III,

погребение 1-3/1979 г.:

1-7 — бляшки;

8 — ворворка; 9 — канфар

чернолаковый;

10, 11 — налобники;

12, 13 — псалии.

1-8, 10-12 — бронза;

9 — глина

**Fig. 9.** Lebedy III burial

ground, grave 1-3/1979:

1-7 — plaques; 8 — thief;

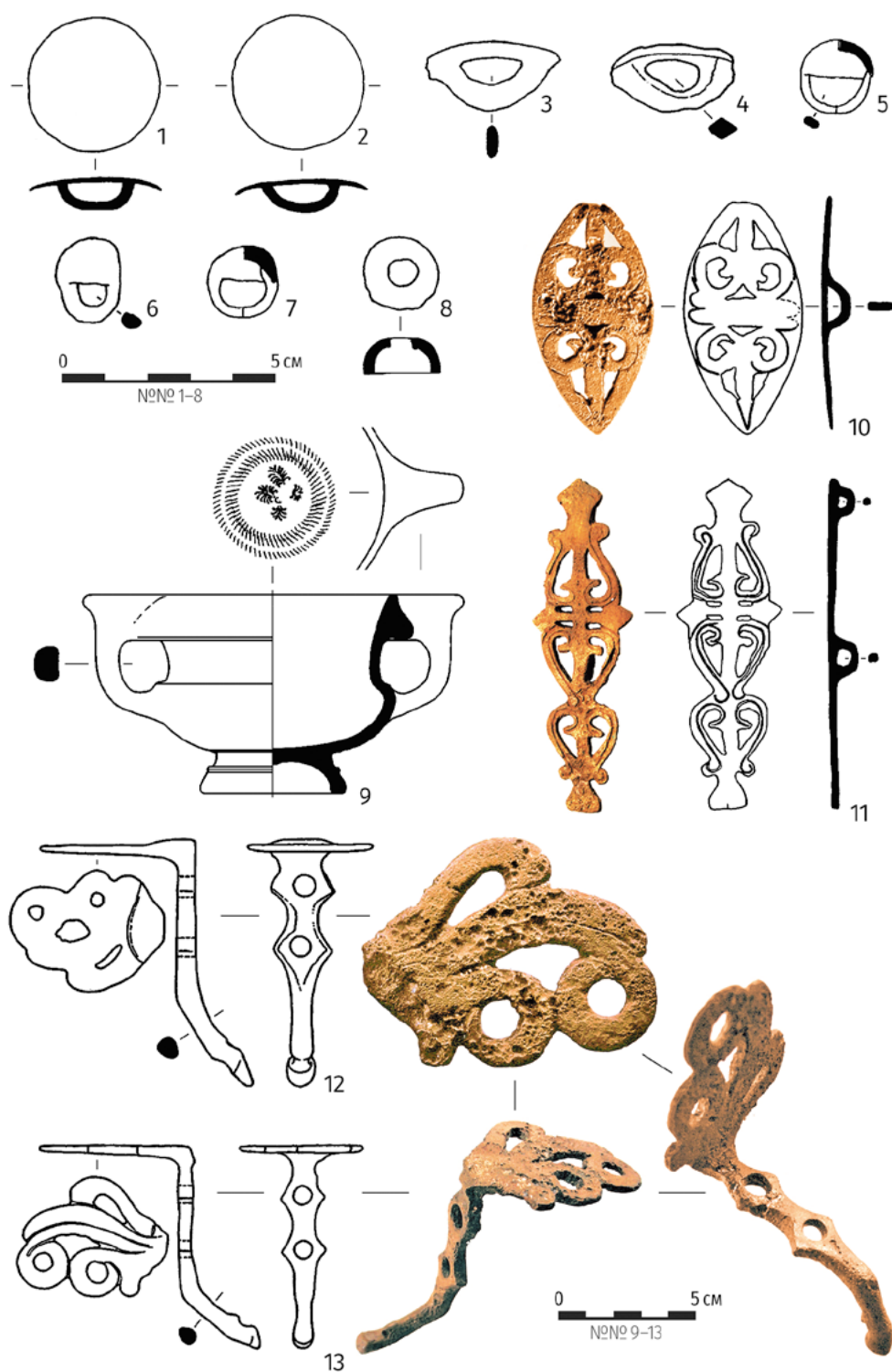
9 — black-glazed kantharos;

10, 11 — foreheads;

12, 13 — check-pieces.

1-8, 10-12 — bronze;

9 — clay



(Шамба, 1988. С. 33. Табл. XVIII: 2; Эрлих, 2004. С. 166–167. Рис. 7: 1, 2, 4; 2011. С. 58). По сравнению с ними, налобники этой же схемы из Прикубанского могильника отличаются большей степенью геометризации.

В той же антиретической схеме выполнен второй ажурный налобник (рис. 9: 10), относящийся к лошади 4-й. Композиция, заключенная в овальную рамку, изображает две удлиненные головы барана в фас с закрученными вокруг ушей рогами, направленные мордами в противоположные стороны относительно центральной горизонтальной оси. Аналогий этой бляхе нет, но явная двухчастная композиция позволяет в какой-то мере



сопоставить ее с налобником, входящим в уздечный комплект коня 15-го из кургана 2 Тенгинского курганного некрополя, на котором отростки рогов оленя выходят из центра пластины (Эрлих, 2011. С. 58. Рис. 104: 1).

Псалии Г-образные двухдырчатые (при лошади 4-й) имеют стержни, концы которых оформлены в виде конского копыта (рис. 9: 12, 13). На щитках представлено изображение оленьих рогов / птичьей лапы, состоящее из трех однонаправленных отростков, амбивалентного типа 1 семибратненско-елизаветинского (Канторович, 2022. Т. 1. С. 155–156; Т. 2. С. 53, № 28, 29). И.С. Каменецкий писал, что пластина псалиев оформлена в виде ажурной пальметты, и если даже допустить, что прототипом являлись рога оленя, «мастер уже не осознавал этого» (Каменецкий, 2011. С. 297).

Бронзовые бляшки, видимо, присутствовали не только у лошадей 2-й и 3-й (или же их было не по одной), но также у других, так как их всего семь экз. разных типов.

Две круглые бляхи (диаметр — 3 см, толщина щитка — 0,1 см) с тонким слабовыпуклым щитком и дуговидной петлей (рис. 9: 1, 2), концы которой крепятся на расстоянии от краев (см. также погр. 10/1979 г.). Однотипная крупная бляха диаметром 6 см входила в состав конской сбруи из святилища кургана 5 возле аула Уляп (Лесков и др., 2013. С. 44. Рис. 28: 13). Крупные бляхи с тонким слабовыпуклым щитком известны и в скифских памятниках. Наиболее близкими по изгибу, толщине и диаметру щитка (до 4 см), а также по креплению и ширине петли являются бляхи из кургана 14 у с. Колбино на Среднем Дону (Савченко, 2009. С. 276. Рис. 15: 6, 8).

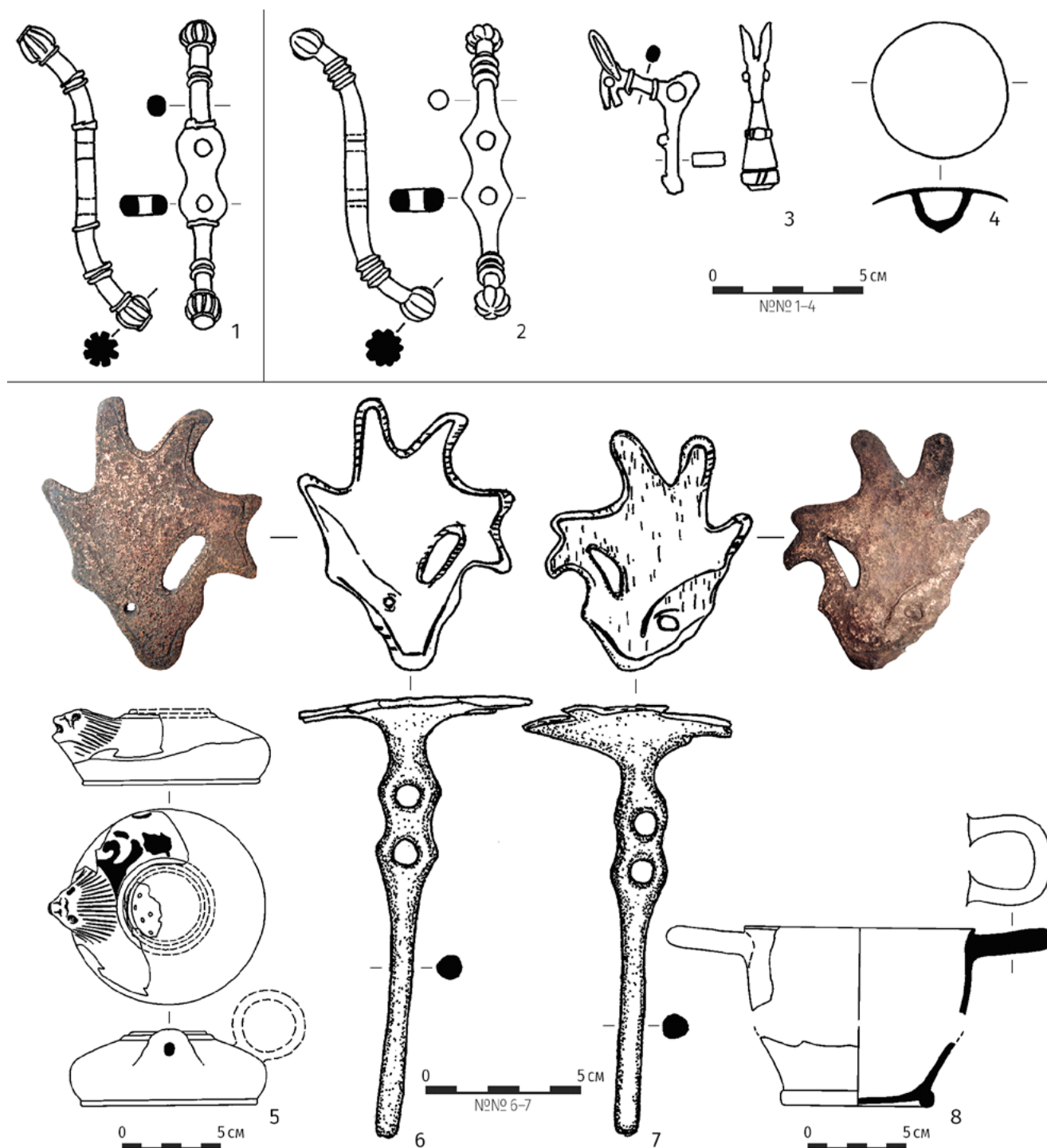
Две бляшки (диаметры — 2,8 см и 3,1 см) со слабовыпуклым щитком и массивной дуговидной петлей, прикрепленной изнутри у его краев (рис. 9: 3, 4). Однотипные бляшки были найдены в вышеописанных погр. 88, 138, 159, 224 Прикубанского могильника.

Три бляшки (диаметрами 1,5–1,7 см, высотой — 1,5–2,0 см) с высоким полусферическим щитком и массивной дуговидной петлей (рис. 9: 5–7). Аналогичная бляшка присутствовала в погр. 171 Прикубанского могильника.

Ворворка полусферическая (рис. 9: 8) относится к довольно распространенному в скифской среде типу (Савченко, 2009. С. 285). У меотов, однако, ворворки этой формы (не только бронзовые, но также из других материалов) не получили распространения. В правобережных памятниках, кроме погребения из Лебедей, известен еще комплекс 46в середины — третьей четверти IV в. до н.э. из могильника Старокорсунского городища № 2, где были найдены две полусферические ворворки с валиком вокруг отверстия, но относятся они к ременной гарнитуре всадника. По два экземпляра из бронзы присутствуют в ритуальных комплексах кургана 1 Тенгинского курганного могильника (Эрлих, 2011. С. 62, 81. Рис. 25: 5, 8) и кургана 8 возле аула Уляп второй половины IV в. до н.э. (Лесков и др., 2013. С. 66–67. Рис. 72: 15, 16).

Погребение сопровождалось двумя фрагментированными амфорами (Гераклеи и типа «Солохи»), которые не реставрировались. Поэтому датировка опирается на хронологию чернолакового канфара (рис. 9: 9) второй — третьей четверти IV в. до н.э. (см.: Лимберис, Марченко, 2016. С. 161, 163; 2017. С. 184, 192, № 3).

Из погребений 9/1979 г. и 10/1979 г. происходят два двухдырчатых S-видных псалия с округлыми ребристыми окончаниями: первый — с 8-образным расширением в средней части, второй — с двумя ромбовидными. Окончания стержней псалия из погр. 9 сверху уплощены, а у основания



**Рис. 10.** Могильник Лебеди III. Погребение 9/1979 г.: 1 — псалий. Погребение 10/1979 г.: 2 — псалий; 3 — наносник; 4 — бляшка. Погребение 281/1980 г.: 5 — аск краснофигурный; 6 — псалий; 7 — скифос чернолаковый. 1-4, 6 — бронза; 5, 7 — глина

**Fig. 10.** Lebedy III burial ground. Grave 9/1979: 1 — check-piece. Grave 10/1979: 2 — check-piece; 3 — noseband; 4 — plaque. Grave 281/1980: 5 — red-figured askos; 6 — check-piece; 7 — black-glazed skythos. 1-4, 6 — bronze; 5, 7 — clay

окружены узкими накладными валиками; два накладных валика расположены посередине стержня, и по одному — с обеих сторон 8-образного расширения (**рис. 10: 1**). Стержни псалия из погр. 10 украшены рельефными валиками, сгруппированными по три (**рис. 10: 2**). Оформление этих псалиев более сложное, чем у псалия того же типа из погр. 224 Прикубанского могильника.

В набор узды из погребения 10 входил также литой объемный наносник (**рис. 10: 3**) в виде погрудного изображения олененка с длинными ушами и круглыми выпуклыми глазами. Такие наносники из скифских памятников А.Р. Канторович объединил в тип 5 волковецко-стеблевский середины VII — середины V в. до н.э. (Канторович, 2022. Т. 1. С. 145; Т. 2. С. 49, № 3, 4, 5, 9, 12, 16). Эти же наносники («нахрапники с головкой лани») А.Д. Могилов датировал V–IV вв. до н.э. (Могилов, 2008. С. 89. Рис. 165: 1–5).

Бляха (**рис. 10: 4**) круглая слабовыпуклая, с тонким щитком (диаметр — 4,5 см, толщина щитка — 0,1 см) аналогична бляхам из погр. 1-3/1979 г.

Амфоры (в обломках) из этих погребений не были определены, т.к. не сохранились. Но из отчета И.С. Каменецкого о раскопках могильника известно, что в погр. 9 их было две: одна, по форме напоминающая гераклею, вторая — с нависающим краем. В погр. 10 также была найдена гераклея (?) амфора (Каменецкий, 1979. С. 31, 33).

Учитывая тип наносника и орнаментацию стержней псалиев, оба погребения можно датировать первой половиной IV в. до н.э., возможно, даже первой четвертью этого столетия.

Из погребения 281/1980 г. происходит пара псалиев (**рис. 10: 6, 7**) со щитками, схематично изображающими голову взрослого оленя в профиль с сильно зауженной мордой и «лопатой» рогов с тремя отростками. Практически идентичный щиток псалия из Елизаветинского кургана № 4/1913 г. А.Р. Канторович отнес к типу 6 елизаветинско-тенгинскому (Галанина, 2005. С. 102. Табл. 3: 2; Канторович, 2022. Т. 1. С. 149–150, 154; Т. 2. С. 51, 211, № 15). Такие же щитки с тремя отростками (в виде лапы хищника или головы оленя/лося) имеет псалий из святилища в Гюэносе (Шамба, 1988. С. 55. Табл. XX: 2, 3; Эрлих, 2004. С. 165. Рис. 3: 2, 3).

В этом комплексе сохранились фрагменты от трех амфор: Менды первой — третьей четвертей IV в. до н.э., «порфмийской» круга Фасоса и средиземноморской неустановленного центра производства. Более точно дату комплекса в пределах первой половины — середины IV в. до н.э. определяет хронология чернолакового (**рис. 10: 8**) и краснофигурного скифосов (см.: Лимберис, Марченко, 2015. С. 234, 239. № 29, 30, 54), а также редкого типа аска (**рис. 10: 5**) с ситечком наверху и носиком-сливом в виде головы льва (см.: Лимберис, Марченко, 2016. С. 169. Рис. 2: 5).

### Выводы

Бронзовая конская узда IV в. до н.э. в Прикубанье в целом сохраняет скифский облик, но в первой половине этого столетия у меотов возник и полностью оформился особый стиль зооморфных изображений, представляющий собой не просто модификацию скифского звериного стиля, но выделившийся в самостоятельное направление. При всей сложности и многообразии его локальных признаков, едва ли не основными формальными отличительными характеристиками можно считать полное или редуцированное изображение животных на плоских пластинах, причем контур и детали подчеркивались гравированными линиями (Переводчиков

ва, 1987. С. 52, 55). К ярким образцам «прикубанского» или «меото-скифского» стиля принадлежат налобники, изображающие лежащего хищника или сложные композиции из рогов оленя, и особенно ажурные щитки Г-образных псалиев, которые, как считают исследователи, «выражают одну из характерных черт локального варианта звериного стиля» (*Переводчикова*, 1984. С. 9) и являются «специфически кубанским элементом уздечного снаряжения» (*Галанина*, 2010. С. 109–110).

Из 16 погребений Прикубанского могильника, в которых присутствовали бронзовые детали конской сбруи, наиболее ранние комплексы (погр. 88, 167, 324, 328) относятся к первой четверти IV до н.э. В двух из них присутствуют вещи, выполненные в чисто скифском зверином стиле: погр. 88 — наносник в виде «орлиноголового грифона»; погр. 328 — нащечная бляха, изображающая стилизованную лапу кошачьего хищника. А в погребении 324 найден пластинчатый налобник с выступами, форма которого восходит к скифским прототипам V в. до н.э. Более представительна группа середины IV в. до н.э., в которую входит 10 погребений, причем шесть из них узко датируются в пределах 360–350-х гг. В составе конской узды из этих комплексов появляются и доминируют зооморфные предметы локального облика: Г-образные псалии со стилизованными щитками, пластинчатые налобники в виде волка, налобники антитетической схемы и «елизаветинского» стиля с многоярусными рогами оленя. Но и здесь встречены типично скифские наносники: погр. 138 — «ушастая птица»; погр. 159 — «орлиноголовый грифон». «Мода» на зооморфное оформление предметов узды у меотов Правобережья Кубани определенно еще существовала в 340-х гг. до н.э. (по крайней мере, так датируется наиболее поздний комплекс погр. 427) и могла сохраняться на протяжении всей третьей четверти IV в. до н.э., но вряд ли до конца этого столетия. Рассмотренные погребения из могильника Лебеди III с вещами в локальном и скифском зооморфном стиле также не выходят за середину IV в. до н.э. Другие бронзовые детали конской сбруи (S-видные и стержневидные псалии, бляшки, ворворки, пряжки) не имели выраженного отличия от конского снаряжения, распространенного в скифскую эпоху.

### Литература и архивные материалы

#### Архивные материалы

*Каменецкий И.С.*, 1979. Раскопки могильника Лебеди III в 1979 году // Архив НИИ археологии КубГУ.

*Каменецкий И.С.*, 1980. Отчет. Могильник Лебеди III: раскопки 1980 г. // Архив НИИ археологии КубГУ.

#### Литература

*Абрамова М.П.*, 1987. Подкумский могильник. М.: Наука. 181 с.

*Абрамова М.П.*, 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.). М.: ИА РАН. 240 с.

*Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.*, 1991. Чертомлык. Киев: Наукова думка. 416 с.

*Габуев Т.А., Эрлих В.Р.*, 2001. Два погребения V в. до н.э. из Предкавказья (Из материалов Государственного музея Востока) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М.: ИА РАН. С. 112–125 (Материалы и исследования по археологии России; Т. 3).

*Галанина Л.К.*, 2005. Кубанское уздечное снаряжение (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н.И. Веселовским в 1913 г.) // АСГЭ. Вып. 37. С. 97–108.

*Галанина Л.К.*, 2010. Конское снаряжение из коллекции Елизаветинских древностей, хранящихся в Государственном Эрмитаже (раскопки Н.И. Веселовского 1914, 1915, 1917 гг.) // АСГЭ. Вып. 38. С. 108–122.

- Ильинская В.А., 1973. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности / Отв. ред. Е.В. Черненко. Киев: Наукова думка. С. 42–63.
- Каменецкий И.С., 2009. Главное погребение могильника Лебеди III // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. Краснодар, 2009 / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: КубГУ. С. 161–163.
- Каменецкий И.С., 2011. История изучения меотов. М.: Таус, 384 с.
- Канторович А.Р., 2022. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы. Классификация, типология, хронология, эволюция: В 2 т. М.: Изд-во МГУ. Т. 1 (431 с.). Т. 2 (359 с.) (Труды исторического факультета МГУ; Вып. 215 (146)).
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р., 2013. Меоты Закубанья IV–III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М.: Государственный музей Востока. 184 с.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2012. Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Традиция. 316 с.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2015. Чернолаковые скифосы из меотских памятников правобережья Кубани // ДБ. Т. 19. С. 226–255.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2016. О некоторых типах чернолаковой керамики из меотского могильника Лебеди III // Археологическая наука: Практика, теория, история: Сб. ст. памяти И.С. Каменецкого / Отв. ред.: А.Н. Гей, И.А. Сорокина. М.: ИА РАН. С. 160–171.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2017. Атрибуция и хронология чернолаковых канфаров из меотских памятников Прикубанья // Stratum plus. № 3. С. 181–198.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2018. Хронология погребений с конской упряжью в зверином стиле из Прикубанского могильника // Вестник ВолГУ. Т. 23. № 3. С. 99–113.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2019. Железные удила со строгими насадками из меотских могильников Прикубанья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. V: Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД». С. 161–174.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2024. Вооружение меотских всадников IV в. до н.э. (по материалам Прикубанского могильника) // НАВ. Т. 23. № 3. С. 21–37.
- Лунёв М.Ю., 2010. Новые погребения IV в. до н.э. из могильника на ул. Постовой (Постовой) // ДБ. Т. 14. С. 357–372.
- Манцевич А.П., 1987. Курган Солоха. Ленинград: Искусство. 143 с.
- Марченко И.И., 1984. Впускные сарматские погребения Правобережья Кубани (Калининская курганная группа) // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа / Отв. ред. Н.И. Кирей. Краснодар: КубГУ. С. 37–71.
- Марченко И.И., 1996. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: КубГУ. 337 с.
- Могилев О.Д., 2008. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ. 439 с.
- Мозолевський Б.Н., 1979. Товста Могила. Київ: Наукова думка. 249 с.
- Монахов С.Ю., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б., 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына). Саратов: ООО «Волга». 324 с.
- Монахов С.Ю., Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Кузнецова Е.В., Чурекова Н.Б., 2022. Амфоры VII–I вв. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е.Д. Фелицына. Саратов: Амирит. 304 с.
- Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. М.: АН СССР. 56 с., 32 табл. (САИ; Вып. Д1-10).
- Мышкин В.Н., 2015. Чумбурные блоки из кочевнических курганов скифского времени на Южном Урале // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17. № 3 (2). С. 532–536.
- ОИАК, 1906. Отчет Императорской археологической комиссии за 1903 год. СПб.: тип. Гл. управл. уделов.
- Переводчикова Е.В., 1984. Характеристика предметов скифского звериного стиля // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа / Отв. ред. Н.И. Кирей. Краснодар: КубГУ. С. 5–15.

- Переводчикова Е.В.*, 1987. Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. № 4. С. 44–58.
- Прокопенко Ю.А., Рудницкий Р.Р.*, 2023. «Строгановские» курганы на горе Змейка (южные окрестности г. Минеральные Воды) // ИИХНСК. Вып. 16. С. 189–242.
- Савченко Е.И.*, 2001. Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I на Среднем Дону (погребальный обряд). Труды Донской (Потудавской) археологической экспедиции // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: Изд-во ИА РАН. С. 53–141.
- Савченко Е.И.*, 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 151–277.
- Савченко Е.И.*, 2009. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону, как исторический источник. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 221–325.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н.*, 1988. Мелитопольский курган. Киев: Наукова думка. 264 с.
- Шамба С.М.*, 1988. Гюэнос-I. Тбилиси: Мецниереба. 133 с.
- Шедевры древнего искусства Кубани, 1987. Каталог выставки. М.: Мин-во культуры СССР. 187 с.
- Эрлих В.Р.*, 2004. Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. № 1. С. 158–172.
- Эрлих В.Р.*, 2011. Святилища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н.э. М.: Наука. 212 с.

### **Bronze accessories of horse harness from Maeotian horsemen's complexes of the 4<sup>th</sup> century BC on the right bank of the Kuban River<sup>6</sup>**

Natalya Yu. Limberis<sup>7</sup>, Ivan I. Marchenko<sup>8</sup>

The main types of bronze horse harness found in Maeotian burials of the 4th century BC include two-holed Г-shaped and S-shaped cheekpieces, decorative forehead-pieces and nosebands, as well as belt plaques, strap-ends, and rare buckles. In the first half of the century, the distinct Maeotian zoomorphic style was fully developed. This style is characterized by flat forehead ornaments in the form of a reclining predator or antithetical compositions of deer antlers, as well as openwork shields on Г-shaped cheekpieces. The other bronze components of bridles did not differ from the horse equipment commonly used in Scythian times. Bronze bridle fittings — especially those in the zoomorphic style — were widely employed by Maeotian riders in the first half to the middle of the 4<sup>th</sup> century BC, as confirmed by the narrow dating of amphorae accompanying the burials.

**Keywords:** *Kuban region, Maeotians, horsemen's burials, bronzecheck-pieces, forehead-pieces, nosebands, zoomorphic style, amphorae, chronology*

6 The study was carried out under the grant of the Russian Science Foundation and the Kuban Science Foundation “Maeotian Horsemen of Kuban VI c. BC. – III c. AD” (Project No. 24-18-20014).

7 Natalya Yu. Limberis — Kuban State University, 149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation; e-mail: limberis2@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0395-315X.

8 Ivan I. Marchenko — Kuban State University, 149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation; e-mail: meot@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7319-5214.

## Чернолаковая керамика из погребальных памятников скифского времени на Среднем Дону

С.А. Володин<sup>1</sup>, А.А. Шевченко<sup>2</sup>

*В публикации анализируются все известные на сегодняшний день находки античных чернолаковых сосудов, происходящих из погребальных комплексов скифского времени в лесостепном Подонье. Проведенное исследование продемонстрировало, что в данном регионе весьма немногочисленная чернолаковая керамика начинает появляться в захоронениях со второй четверти IV в. до н.э., используя в качестве погребального инвентаря вплоть до конца существования среднедонской группы населения на рубеже IV–III вв. до н.э. Изделия представлены четырьмя основными группами посуды, и в первую очередь — сосудами для питья и сервировки стола. При этом типологически рассматриваемая керамика относительно однообразна, в основном, это канфары классических форм и миски с загнутым краем. Предполагается, что такой выбор мог быть не случайным, и связан с особенностями использования посуды в быту в качестве социального или ритуального маркера.*

**Ключевые слова:** Средний Дон, ранний железный век, скифы, античность, чернолаковая керамика, курганные могильники, погребальный обряд, хронология

<http://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-478-4.297-321>

Подкурганные захоронения Среднего Дона V–IV вв. до н.э., исследуемые уже более столетия, являются самыми северными погребальными комплексами скифской культуры. Несмотря на такое отдаленное расположение от основных центров ранних кочевников, лесостепное Подонье занимало важное место в культурно-исторических процессах Восточной Европы в раннем железном веке. Разнонаправленные векторы внешних связей, порой весьма далекие, устанавливаются на основе тщательного анализа погребального инвентаря захоронений. В частности, А.Ю. Скаков, светлой памяти которого посвящена данная работа, предполагал, что поступление кавказских кобано-колхидских импортов в среду ананьинского населения Прикамья осуществлялось именно через Среднее Подонье, а также через левые притоки Дона (см.: Скаков, 2018). Новые находки в целом подтверждают правомерность этой гипотезы (см.: Володин, Шевченко, 2024а).

1 Володин Семен Алексеевич — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: volodinsaimon@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3681-3241.

2 Шевченко Александр Александрович — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: she.shevchenko@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4774-3197.



В предлагаемом исследовании мы остановимся на известном сюжете историко-культурного контекста Восточной Европы в I тыс. до н.э. — скифо-эллинских связях. Пожалуй, без преувеличения можно полагать, что греческие импорты для скифских племен степи и лесостепи Восточной Европы являлись неотъемлемой частью культуры и быта, что правомерно и для региона лесостепного Подонья.

Многочисленные украшения из драгоценных металлов, стеклянные бусы, амфорная тара — сотни этих предметов известны в захоронениях скифского времени на Среднем Дону, демонстрируя тесные контакты местного населения с причерноморскими центрами. Тем удивительнее, что при этом в материалах памятников практически не встречается чернолаковая керамика — более обыденного предмета по сравнению с золотыми украшениями. Так, на поселениях Подонья чернолаковая посуда практически не известна — было обнаружено лишь несколько десятков незначительных фрагментов (см.: *Разуваев*, 2017. С. 17–18; *Пузикова*, 1971. С. 71–72; *Синюк, Березуцкий*, 2001. С. 144. Рис. 98).

Из 230 погребальных памятников V–IV вв. до н.э. на территории Среднего Дона, исследованных на сегодняшний день, лишь в 10 комплексах (менее 5% захоронений) найдены относительно целые керамические изделия или их фрагменты, покрытые черным лаком. Подобная ситуация наблюдается для памятников и остальной Скифии — несмотря на колоссальный объем импорта амфорной тары, чернолаковая керамика в качестве погребального инвентаря встречается довольно редко (см.: *Гаврилюк*, 2006; *Полин*, 2014).

Целые чернолаковые сосуды и их фрагменты на Среднем Дону найдены в 10 погребениях. Это курганы 11, 12 и 13 могильника Колбино-I (*Савченко*, 2001. С. 101, 103. Рис. 34: 2; 36: 10; *Шевченко*, 2009. С. 76. Рис. 15: 10); курганы 1 и 9 могильника Девица-V (*Володин, Шевченко*, 2023. С. 26. Рис. 2: 4; *Гуляев и др.*, 2020. С. 25, 31. Рис. 4: 1; 7: 2); курганы 11 (раскопки ВУАК) и 3 (раскопки В.А. Городцова) могильника Частые курганы (*Замятнин*, 1946. С. 41; *Городцов*, 1947. С. 17. Рис. 5); курганы II (раскопки А.А. Спицына, или 29/21, по П.Д. Либерову) и 15/11 Мاستюгинского могильника (*Манцевич*, 1973. С. 17. Рис. 2: 22; *Пузикова*, 1971. Табл. XXIII: 4, 5); курган 8 могильника у с. Дуровка (*Пузикова*, 2001. С. 227. Рис. 25: 17).

Общее количество чернолаковых предметов, найденных в среднедонских погребальных комплексах скифского периода, составляют (**рис. 1–3**): семь относительно целых экземпляров, сохранность которых позволяет уверенно описать и классифицировать сосуд; четыре фрагмента (от трех сосудов), сохранность которых не дает возможности установить конкретный тип<sup>3</sup>, но позволяет отнести их к определенной группе сосудов; одно изделие, представляющее собой пример вторичного использования чернолаковой керамики.

Последний предмет был обнаружен в кургане 1 могильника Девица-V и представляет собой небольшой фрагмент (вероятно, изначально обломок

3 Следует отметить, что авторы *de visu* исследовали только те предметы, которые были получены в ходе раскопок Донской экспедиции под рук. В.И. Гуляева (материалы могильников Колбино-I и Девица-V). Все остальные материалы изучались по имеющимся изображениям, порой весьма скудным и фрагментарным. Именно по этой же причине в иллюстративном материале работы не всегда имеется прорисовка или фотография ряда предметов.

стенки) сосуда, размерами 3,5×4,0 см, края которого были аккуратно зашлифованы, ему была придана форма овала (рис. 3: 3). Качество обработки не оставляет сомнений, что это было сделано намеренно. Однако о назначении данного изделия сказать трудно. Не исключено, что этот предмет мог служить неким «амулетом».

Остальные чернотеклые сосуды можно разделить на четыре группы в соответствии с их назначением согласно принятой методике классификации (Sparkes, Talcott, 1970; Rotroff, 1997).

### Сосуды для питья

Все сосуды для питья из погребальных памятников Среднего Дона скифской эпохи представлены лишь одной формой — канфарами (три экз.; рис. 1). Причем все они относятся к одной доминирующей форме — канфарам классической серии (Sparkes, Talcott, 1970. P. 123).



**Рис. 1.** Чернотеклые сосуды для питья из погребений скифского времени на Среднем Дону: 1 — курган 13 могильника Колбино-I (рис. по: Савченко, 2001; фотография по: Гуляев, Шевченко, 2022; фотография дна сосуда — архивы Донской экспедиции); 2 — курган 12 могильника Колбино-I (рис. по: Савченко, 2001); 3 — курган 9 могильника Девица-V (рис. по: Гуляев и др., 2020; фотография по: Егорова и др., 2025)

**Fig. 1.** Black glazed drinking vessels from Middle Don burials of the Scythian period: 1 — mound 13 of the Kolbino-I burial ground (fig. by Савченко, 2001; photo by Гуляев, Шевченко, 2022; photo of the vessel's bottom — archives of the Don Expedition); 2 — mound 12 of the Kolbino-I burial ground (fig. by Савченко, 2001); 3 — mound 9 of the Devitsa-V burial ground (fig. by Гуляев и др., 2020; photo by Егорова и др., 2025)

Первый из них был обнаружен в погребении под насыпью кургана 13 могильника Колбино-I (**рис. 1: 1**). Он имеет приземистые пропорции, массивный формованный венчик; короткое горло; гладкое, довольно низкое тулово; низкую профилированную ножку; вертикальные подпрямоугольные в сечении ручки с короткими шипообразными выступами, выходящие слегка выше линии венчика. Размеры: высота — 7,3 см; максимальный диаметр тулова — 9,3 см; диаметр ножки — 5,6 см. Тесто хорошо отмученное, без видимых включений, светло-коричневое после обжига, что позволяет говорить о его аттическом происхождении. Покрытие представлено толстым слоем черного блестящего лака с повреждениями и потертостями от использования (в процессе которого была также отколота небольшая часть венчика). На внутренней поверхности дна сосуда нанесен штампованный орнамент — четыре крестообразно размещенные пальметки, окруженные тремя кольцами двойных насечек.

Подобные изделия являлись одной из самых популярных форм среди сосудов для питья в античном мире со второй четверти IV в. до н.э. (см., например: *Crowfoot et al.*, 1957. P. 241; *Hellström*, 1965. P. 12–14; *Sparkes, Talcott*, 1970. P. 122; *Edwards*, 1975. P. 74–76; *Rotroff*, 1997. P. 83–85). Причем именно для начального этапа их производства характерна приземистость формы. Со второй половины столетия начинают приобретать популярность канфары более вытянутых пропорций, появляются варианты формы с прямым венчиком (*Robinson*, 1950. P. 282, 288. Pl. 82: 510A; *Sparkes, Talcott*, 1970. P. 122; *Рогов, Тункина*, 1998. С. 167, № 82–83, Рис. 6: 2, 4).

В целом, крайняя типичность формы сосуда, его массовая распространенность как в античном мире (см.: *Sparkes, Talcott*, 1970. P. 286. Pl. 29: 696–700), так и в скифских памятниках (хотя в кочевнических погребениях больше распространен вариант с более высокими пропорциями — см.: *Гаврилюк*, 2006; *Полин*, 2014) не оставляет сомнений в том, что он был произведен во второй четверти IV в. до н.э. Впрочем, попасть непосредственно в захоронение он мог несколько позже, о чем говорят многочисленные потертости покрытия и сколы. Отметим, что в среде исследователей давно ведется дискуссия относительно того, насколько долго могла использоваться в варварской среде Северного Причерноморья импортная чернолаковая посуда, и стоит ли омолаживать время сооружения погребальных комплексов на основании предположения о длительном бытовании дорогой столовой посуды (см.: *Брашинский*, 1980. С. 49; *Вдовиченко*, 2008. С. 39; *Внуков*, 2015. С. 161–162; *Егорова*, 2019. С. 242–257; *Масленников*, 2010. С. 390; *Рогов, Тункина*, 1998. С. 173–174; *Тельнов и др.*, 2016. С. 937–945). Пожалуй, наиболее категоричен в этом вопросе С.В. Полин, который резко отрицает возможность длительного бытования отдельных чернолаковых сосудов в кочевой среде (см.: *Полин*, 2014. С. 192).

Наша точка зрения в этой дискуссии отражена в отдельной публикации (*Егорова и др.*, 2025). В случае кургана 13 могильника Колбино-I хронологическую позицию комплекса позволяет скорректировать находка в погребении синопской амфоры, которую А.П. Абрамов датировал в пределах 365–350 гг. до н.э. (*Гуляев*, 1999. С. 150). Общая датировка захоронения определяется им несколько ранее середины IV в. до н.э. При этом Е.И. Савченко подобных уточнений избежал и отнес комплекс ко второй четверти IV в. до н.э. (*Савченко*, 2002. С. 82). Видимо, следует согласиться с мнением А.П. Абрамова о более узкой дате, которая обусловлена как спецификой амфорного материала, так и некоторой длительностью исполь-

зования самого канфара. Других оснований для уточнения даты попросту не сохранилось, комплекс дошедших до нас находок из разграбленной гробницы, к сожалению, крайне скуден и невыразителен (Савченко, 2001. С. 103. Рис. 36).

Второй канфар был также найден в могильнике Колбино-I — в погребении кургана 12 (рис. 1: 2). Точнее, был обнаружен фрагмент сосуда — часть горла с венчиком и одной ручкой, а также частью тулова. Подобная степень сохранности позволяет обоснованно реконструировать его основные характеристики, т.к. античное производство отличалось большой степенью стандартизации (подробнее см.: Егорова, 2009. С. 25). Размеры: максимальный диаметр тулова — 10,5 см; высота верхней половины сосуда — 4,6 см, что позволяет предположить изначальную высоту сосуда в пределах 10,2 см. Таким образом, данный канфар также имел приземистые пропорции, как и первый рассмотренный экземпляр. При этом он имел чуть менее массивный формованный венчик и более высокое горло — все равно меньшее, чем у канфаров с вытянутыми пропорциями. Вертикальные подпрямоугольные в сечении ручки также снабжены короткими шипообразными выступами, выходящими слегка выше линии венчика. Тесто сосуда хорошо отмучено, бежевого и светло-оранжевого цвета, имеет небольшое количество темных включений, что не исключает его аттического производства. Покрытие — толстый слой черного блестящего лака, местами утраченного вследствие использования.

Все вышесказанное по первому канфару в полной мере можно отнести и к сосуду из погребения в кургане 12. По сути, в данном случае можно увидеть поэтапное развитие формы канфаров классической серии, постепенное вытягивание пропорций с течением времени, уменьшение размеров формованного венчика. В целом, это позволяет предположить его чуть более позднюю датировку — третьей четвертью IV в. до н.э., как это предлагают исследователи материалов Афинской Агоры для наиболее схожих изделий (Sparkes, Talcott, 1970. P. 286. Pl. 29: 700, 701; Rotroff, 1997. P. 245. Fig. 6: 36, 37). Впрочем, С.В. Полин датирует подобные канфары второй четвертью столетия, апеллируя к общей приземистости пропорций аналогичных сосудов из других скифских погребений (Полин, 2014. С. 254, 263, 289, 315, 347–348 сл.). В ряде случаев, когда находки канфаров сопряжены с обнаружением хорошо датированного амфорного материала, это оправдано. Однако представляется, что все сосуды для питья, подобные обнаруженному в кургане 12 могильника Колбино-I, особенно не сопровождающиеся находками клейменых амфор, заключать в строгие пределы второй четверти IV в. до н.э. не совсем оправданно.

Таким образом, датировка рассматриваемого канфара должна находиться ближе к середине IV в. до н.э., учитывая, что более ранний по форме вариант анализируемого выше канфара из кургана 13, датируется строго второй четвертью столетия. Подобным же образом датировал комплекс кургана 12 могильника Колбино-I и Е.И. Савченко (Савченко, 2002. С. 82). На несколько более раннюю датировку по сравнению с той, что предлагают исследователи материалов Афинской Агоры, могут указывать, на наш взгляд, и менее развитый шипообразный выступ на ручке. На экземплярах, которые датируются третьей четвертью IV в. до н.э., они более выражены.

Не исключено, что в погребение под курганом 12 античный импорт мог попасть и в начале третьей четверти IV в. до н.э. К сожалению, комплекс

подвергся опустошительному ограблению. Пара находок из заполнения грабительского лаза представлена вещами, имеющими широкие хронологические рамки бытования (Савченко, 2001. С. 101. Рис. 34).

Последней находкой чернолаковой керамики первой группы из погребальных памятников является канфар из кургана 9 могильника Девица-V (рис. 1: 3). Это весьма редкий вариант исполнения канфаров классических форм — с одной ручкой. Подробный анализ данного предмета, как и его описание, были проведены в рамках отдельного исследования (Егорова и др., 2025). Здесь хотелось бы подчеркнуть, что подобные сосуды, как считается, выпускали очень непродолжительный период времени — от конца первой четверти до середины IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott, 1970. Р. 286; Hayes, 1984. Р. 35; Монахов, Рогов, 1990. С. 138; Рогов, Тункина, 1998. С. 169–170). Рассматриваемый экземпляр был произведен во второй четверти столетия.

Вероятно, именно к таким же канфарам классической серии с формованным венчиком относится и находка, сделанная в слое городища Кировское (Либеров, 1965. Л. 11: 12). К сожалению, в настоящее время мы располагаем лишь одной ее фотографией, сделанной с неудачного ракурса (рис. 3: 2). Однако, опираясь лишь на такой источник, можно отметить наличие характерного формованного венчика, шипообразного выступа на ручке, густое покрытие изделия лаком. Эта находка может также датироваться в пределах второй четверти — середины IV в. до н.э. Следует подчеркнуть, что среднедонским населением скифского вермени из всех форм античных сосудов для питья использовались только канфары классической серии близких вариантов, произведенных в узкий хронологический отрезок.

### Посуда для сервировки стола

Данная группа керамических находок, как и сосуды для питья, в памятниках лесостепного Подонья представлена лишь одним типом — мисками с загнутым внутрь краем, мелкого (по С. Ротрофф) варианта (Rotroff, 1997. Р. 161). Всего найдено два экз. и три фрагмента таких сосудов (рис. 2).

Первая из мисок была обнаружена в кургане 11 (раскопки ВУАК) могильника Частые курганы (рис. 2: 1). Она фрагментирована, имеет довольно тонкие стенки с небольшим утолщением в нижней части, венчик плавно загнут внутрь, конец его заострен. У миски сформирован массивный, слегка скругленный по внешней поверхности кольцевой поддон без желобка на подошве<sup>4</sup>, а также имеется утолщение в центральной части донца. На стыке кольцевого поддона и тулова присутствует выемка. Размеры: высота сосуда — 6 см; диаметр венчика — 19 см; диаметр поддона — 10,5 см. По размерным характеристикам данную миску можно отнести к большим экземплярам. Внутреннюю поверхность донца украшает штампованный орнамент из большого кольца насечек в один ряд, внутри которого расположены шесть пальметок, соединенных радиальными линиями, на пересечении которых расположены еще пять пальметок. К сожалению, никакой информации о составе теста и состоянии лака нет.

Производство подобных мисок начинается в IV в. до н.э., особенно они распространены в эпоху раннего эллинизма, т.е. со второй половины сто-

4 Описание составлено исключительно по рисунку, т.к. фотографии предмета отсутствуют и не известно, сохранился ли он в музейных фондах. Поэтому относительно фиксации желобка имеются определенные сомнения.

летия (*Sparkes, Talcott*, 1970. Р. 131; *Rotroff*, 1997. Р. 161). Основным датирующим признаком исследователи выделяют профилировку и размер кольцевого поддона. Так, в третьей четверти IV в. до н.э. в основном распространены массивные поддоны с желобком, уменьшающиеся в размерах к концу столетия. Миски с плоскими подошвами поддонов начинают производить только к рубежу IV–III вв. до н.э. (*Егорова*, 2009. С. 36).

Миски близкой формы встречаются в течение всей второй половины IV в. до н.э. и вплоть до первой четверти III в. до н.э. (*Sparkes, Talcott*, 1970. Р. 295: 830–832; *Rotroff*, 1997. Р. 339: 978–981; 340: 982, 984; *Егорова*, 2009. С. 115: 276; 116: 284; 117: 288; 2017. С. 77–78: 125). Наиболее близкие изделия все же датируются последней четвертью IV в. до н.э. — началом III в. до н.э. Причем, как говорилось выше, поддон без желобка на подошве в данном случае выступает решающим датирующим признаком. Вероятнее всего, миску из кургана 11 (раскопки ВУАК) следует датировать именно концом IV — началом III в. до н.э.

Наибольшую ясность может внести уточнение хронологических позиций всего погребального комплекса под курганом 11 (раскопки ВУАК) могильника Частые курганы. Ранее уже была предложена его датировка в пределах конца третьей четверти — конца IV в. до н.э. (*Володин*, 2024. С. 68–69), привязанная к хронологии Александропольского кургана, о времени сооружения которого существует дискуссия между С.В. Полиным и А.Ю. Алексеевым<sup>5</sup>. В настоящей работе хотелось бы дополнить приведенные раньше аргументы. Так, в частности, среди инвентаря погребения рассматриваемого кургана были обнаружены 42 золотые нашивные бляшки со свернувшимся кошачьим хищником (львом?), голова которого обращена в анфас (*Замятнин*, 1946. С. 43. Рис. 33: 6). Аналогичные бляшки были обнаружены в кургане 5 могильника Девица-V (*Володин, Шевченко*, 2023. С. 38. Рис. 11: 8), а также в кургане 1 (раскопки ВУАК) Частых курганов (*Замятнин*, 1946. С. 15. Рис. 2: 2–4). Причем если экземпляры из Девицы-V сделаны буквально тем же самым штампом, что и украшения из кургана 11 группы Частых, то изделия из кургана 1 раскопок ВУАК явно скопированы позднее, с упрощениями и еще более низкого качества проработкой деталей образа. Это явно указывает на более позднюю хронологическую позицию комплекса. Это предположение подтверждается находкой в погребении бронзовой паты, которую М.Ю. Трейстер датирует не ранее последней четверти IV в. до н.э. (*Трейстер*, 2021. С. 384).

Таким образом, хронологическая позиция кургана 11 (раскопки ВУАК) в пределах конца третьей четверти — конца IV в. до н.э. вполне оправдана, что полностью подтверждается датировкой рассматриваемой миски.

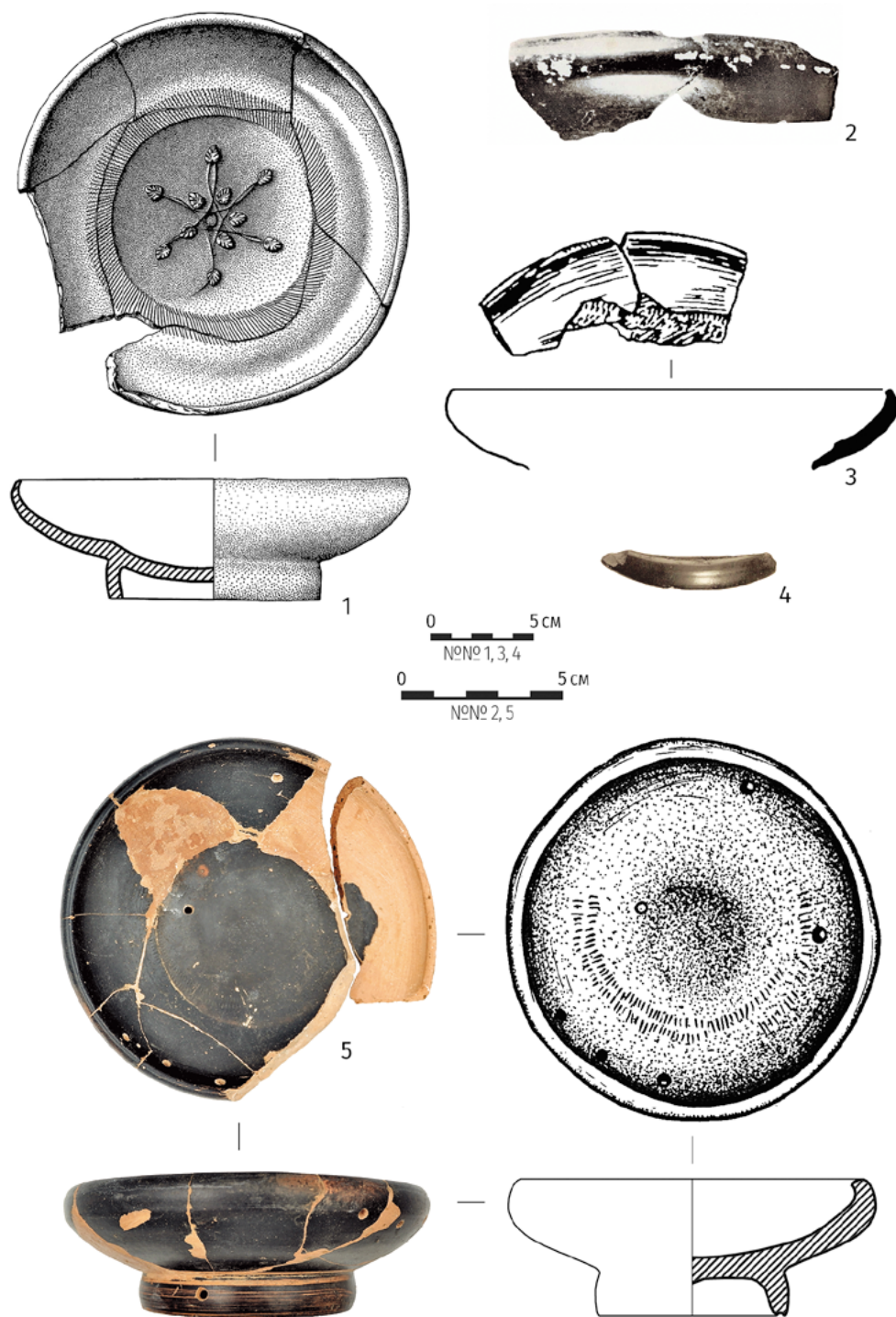
Возвращаясь к находкам чернолаковых мисок в погребальных памятниках Подонья, нужно обратиться ко второму относительно целому изделию этой группы, обнаруженному в кургане 1 могильника Колбино-I (**рис. 2: 5**). Подробно этот предмет был проанализирован в отдельной публикации (*Егорова и др.*, 2025). Типологически эта миниатюрная фрагментированная миска близка находке из Частых курганов и относится к стандартному варианту формы с загнутым внутрь венчиком (*Sparkes, Talcott*, 1970. Р. 295–296: 828–839). Однако наличие характерного утолщения стенок

5 О датировке Александропольского кургана А.Ю. Алексеевым — см.: *Алексеев*, 2003. С. 270; *Полин, Алексеев*, 2018. С. 590. О датировке этого же комплекса С.В. Полиным — см.: *Полин*, 2014. С. 490–499; *Полин, Алексеев*, 2018. С. 464.



**Рис. 2.** Чернолаковая посуда для сервировки стола из погребений скифского времени на Среднем Дону:  
 1 — курган 11 (раскопки ВУАК) могильника Частые курганы (рис. по: Пузикова, 1971); 2 — курган 15/11 могильника у с. Мастюгино (фотография по: Либеров, 1959); 3 — курган II (раскопки А.А. Спицына) могильника у с. Мастюгино (рис. по: Манцевич, 1973); 4 — курган 29/21 могильника у с. Мастюгино (фотография по: Пузикова, 1971); 5 — курган 11 могильника Колбино-I (рис. и фотография по: Егорова и др., 2025)

**Fig. 2.** Black glazed vessels for food serving from Middle Don burials of the Scythian period: 1 — mound 11 (excavations by VUAK) of the Chastye Kurgany burial ground (fig. by Пузикова, 1971); 2 — mound 15/11 of the burial ground near the Mastyugino village (photo by Либеров, 1959); 3 — mound II (excavations by A.A. Spitsyn) of the burial ground near the Mastyugino village (fig. by Манцевич, 1973); 4 — mound 29/21 of the burial ground near the Mastyugino village (photo by Пузикова, 1971); 5 — mound 11 of the Kolbino-I burial ground (fig. and photo by Егорова и др., 2025)



у венчика и желобка в подошве кольцевого поддона говорит о чуть более ранней хронологической позиции данного изделия. Вероятно, она была произведена в середине — третьей четверти IV в. до н.э. При этом нужно отметить многочисленные следы ремонта на ней, а также отверстия в основании, не связанные с починкой миски. Они могут являться свидетельством традиции подвешивания посуды в качестве декора на стены (например: Osborne, 2011. Р. 136). При этом вряд ли миска стала предметом декора в скифской среде, скорее всего, после своего производства и ремонта она какое-то время находилась в эллинском доме как украшение жилища, и лишь только после этого попала в среду ранних кочевников. Таким об-



разом, время ее попадания в погребальный комплекс следует датировать не ранее третьей четверти IV в. до н.э.

Погребальный инвентарь кургана 11 могильника Колибно-I практически полностью был унесен грабителями, и кроме рассматриваемой миски в гробнице были обнаружены лишь фрагменты железного чешуйчатого доспеха, вероятнее всего, нижняя поясная часть панциря (Шевченко, 2009. С. 76. Рис. 15: 5–9). Данные находки, конечно, не способствуют уточнению датировки, вследствие чего чернолаковая керамика является в этом случае единственным хроноиндикатором. В таком случае рассматриваемое погребение следует датировать второй половиной IV в. до н.э., может быть, концом третьей — последней четвертью столетия.

Небольшой фрагмент чернолакового изделия (склеенный из двух обломков) был обнаружен в погребении кургана 15/11 у с. Мастюгино (рис. 2: 2). П.Д. Либеров и А.И. Пузикова описывали эту находку как «чернолаковую чашу», которая по определению В.Д. Блаватского могла бы датироваться началом IV в. до н.э. (Пузикова, 2001. С. 53). К сожалению, мы располагаем лишь единственной фотографией предмета, никаких прорисовок ни в отчете, ни в публикации не представлено. Однако, судя по размерам и морфологии фрагмента, сосуд изначально также мог являться миской весьма крупных размеров, с утолщением ближе к венчику, край которого загнут внутрь. Если это действительно так, то данное изделие можно датировать второй половиной IV в. до н.э., ближе к третьей четверти столетия.

Некоторому уточнению может способствовать оставшийся после ограбления инвентарь захоронения. Например, зооморфный железный крючок-застежка, щиток которого выполнен в виде птицы с крыльями вдоль тела, с распростертым хвостом, а стержень с крючком символизировал шею и голову птицы (Пузикова, 2001. С. 86. Рис. 13: 1). Е.И. Савченко датировал данный крючок концом V в. до н.э. (Савченко, 2004. С. 277. Табл. 20). Подобная датировка, лишенная веской аргументации, вызывает сомнения.

Эта находка относится к серии зооморфных крючков с изображением хищной птицы, которая была весьма распространена в среде среднедонского населения (все находки — см.: Гуляев, 2016. С. 100: 54–59). В сводке А.Р. Канторовича данный тип изображения птицы получил наименование «мастюгинский» (Канторович, 2022. С. 235–236). Наиболее тщательно проработанные экземпляры, изготовленные из бронзы (Мастюгино, курган 47/30) или покрытые золотым листом (Колбино-I, курган 5), представляют собой полноценное изображение ушастой птицы (грифона?): крюк-зацеп выступает в качестве гипертрофированного загнутого клюва, в его основании — проработанные глаза и круглые ушные раковины, на стержне — рубчатое обозначение шейного оперения. Щиток — это крылья и хвост, изображенные будто в положении стремительного пикирования птицы на добычу. Наиболее проработанным является крючок из кургана 47/30 могильника у с. Мастюгино, вероятно, именно он послужил изначальным прототипом всей серии (Пузикова, 2001. С. 105. Рис. 32: 13). К сожалению, сохранившийся материал погребения не содержал надежных хроноиндикаторов. Однако, учитывая датировку остальных крючков этой серии, которые относятся ко второй половине IV в. до н.э., первоначальный прототип должен датироваться несколько раньше: второй четвертью — серединой IV в. до н.э.

Второй крючок серии, с проработанными деталями птичьего оперения на золотой обкладке, обнаружен, как указано выше, в кургане 5 могильника

Колбино-I (Савченко, 2001. С. 90. Рис. 26: 12). Погребение датируется серединой — третьей четвертью IV в. до н.э. (Володин, 2024. С. 67). Остальные крючки серии изготовлены из железа<sup>6</sup>, изображения птицы на них выполнены значительно проще. На экземпляре из кургана II (раскопки А.А. Спицына) у с. Мастюгино остались обозначенными уши птицы, а также насечки оперения (Манцевич, 1973. С. 17. Рис. 2: 21). Стилистически наиболее простые экземпляры были обнаружены в кургане 4 могильника Русская Тростянка, кургане 9 могильника Девица-V, кургане 12 могильника Горки-I (Гуляев, Шевченко, 2017. С. 124. Рис. 13: 5; Гуляев и др., 2020. С. 26. Рис. 4: 2). Вероятно, к этой серии крючков можно отнести и находку в кургане 34 могильника Колбино-I (Шевченко, 2009. С. 101. Рис. 40: 3).

Датировка погребения из Девицы-V — третья четверть IV в. до н.э. (Егорова и др., 2025). К этому же времени относится и захоронение под курганом II у с. Мастюгино (см. ниже). Захоронение в некрополе Горки-I было датировано относительно широко второй половиной IV в. до н.э. (Гуляев, Шевченко, 2017. С. 59). Вероятно, этим же временем следует датировать и курган 34 Колбино-I, хотя надежно датирующего материала в данных захоронениях не сохранилось. Крючок из кургана 4 могильника Русская Тростянка был единственной находкой в полностью ограбленном погребении. Однако, учитывая явное сходство конструкции крючков, время их производства однозначно было близким, не выходящим за пределы второй половины IV в. до н.э. Вследствие этого крючок из кургана 15/11 у с. Мастюгино явно не может датироваться концом V в. до н.э.

Достаточно яркими хроноиндикаторами в рассматриваемом погребении являются, на наш взгляд, золотые штампованные треугольные бляшки с изображением пальметты (Либеров, 1959. Л. 7: ф-6: 4, 5; Пузикова, 2001. С. 86. Рис. 13: 7). Полностью тождественные бляшки были обнаружены в кургане II у с. Мастюгино в составе сложного украшения: в основании бляшек были пробиты по три отверстия, в которые крепились каплевидные подвески (Манцевич, 1973. С. 17. Рис. 2: 7). Аналогий в скифском мире подобному варианту бляшек с растительным орнаментом немного, украшения треугольной формы обычно орнаментировались т.н. псевдозернью. Поэтому точных аналогий данным бляшкам обнаружить пока не удалось<sup>7</sup>. Наиболее близкие аналогии можно увидеть в составе находок погребения 2 кургана 11 Рогачикского могильника (Болтрик, Фиалко, 2007. С. 73. Рис. 7: 5), а также среди набора ожерелья из боковой катакомбы Первого Мордвиновского кургана (Шауб, 2021. С. 103. Рис. 1). Правда, в данных случаях растительный орнамент представлен, скорее, изображением стеблей лотоса. Однако композиционно все эти предметы весьма схожи, вследствие чего можно также предполагать их хронологическую близость.

Ю.В. Болтриком и Е.Е. Фиалко бляшка из Рогачикского курганного поля датируется в пределах середины — третьей четверти IV в. до н.э. (Болтрик, Фиалко, 2007. С. 75). На основе анализа набора нашивных бляшек А.Ю. Алексеевым было определено, что Первый Мордвиновский курган составляет

6 Возможно, они также имели золотое покрытие, которое было впоследствии утрачено.

7 Аналогичное по конструкции, но отличающееся по орнаментации украшение было обнаружено в Северной гробнице № 1 Гаймановой Могилы, которая датируется С.В. Полиным в пределах 365–350 гг. до н.э. (Бидзиля, Полин, 2012. С. 394–395, 510).

одну хронологическую группу с основными гробницами курганов Верхний Рогачик и Мелитопольского, а также может быть соотнесен с Чертомлыком, Куль-Обой, Толстой Могилой и др. Таким образом, датировка Первого Мордвиновского кургана должна находиться в пределах третьей четверти IV в. до н.э. (Алексеев, 1984. С. 72). С.В. Полиным по находке амфоры типа Солоха-I с развитым грибовидным венцом курган датирован второй — третьей четвертью IV в. до н.э. (Полин, 2014. С. 559). Не так давно С.Ю. Монаховым и С.В. Полиным была детально проработана хронология этого памятника. Исследователи пришли к выводу о датировке его в пределах 360–330 гг. до н.э., более узко — середины IV в. до н.э. (Монахов, Полин, 2021. С. 89). Третьей четвертью IV в. до н.э. следует датировать и курган II у с. Мастюгино (см. ниже).

Таким образом, золотые бляшки из кургана 15/11 у с. Мастюгино должны быть датированы в рамках третьей четверти IV в. до н.э. Очевидно, что именно к этому времени следует отнести и время совершения захоронения, а также фрагмент чернотропной миски (?) с загнутым внутрь краем.

Обломок чернотропного «блюдца» (по выражению А.П. Манцевич) был обнаружен в кургане II у с. Мастюгино (рис. 2: 3). При исследовании этого кургана в 1960 г. П.Д. Либеровым, когда он получил обозначение 29/21, был обнаружен еще один фрагмент чернотропного сосуда (вероятно, обломок кольцевого поддона), который А.И. Пузикова сопоставила с находкой, сделанной А.А. Спицыным при исследовании этого погребения в 1905 г. (рис. 2: 4). К сожалению, в настоящее время проверить эти предположения невозможно. Однако если это так, что все эти фрагменты представляют собой части миски точно такого же типа, как и в остальных курганах, описанных выше — на кольцевом поддоне, с утолщением стенок в верхней трети. Общий облик достаточно типичен для данных мисок (Sparkes, Talcott, 1970. Р. 296: 835; Rotroff, 1997. Р. 339: 970, 974, 979, 980). Примечателен реконструируемый диаметр венчика — ~22 см (Манцевич, 1973. С. 22). Общая датировка подобных сосудов укладывается в пределы второй половины IV в. до н.э. К сожалению, мы не располагаем подробной информацией о поддоне для установления более узкой датировки. В.Д. Блаватским этот предмет был датирован широко — в пределах V–IV вв. до н.э., что в настоящее время требует уточнения (Пузикова, 2001. С. 61).

Первоначально погребение в кургане II (29/21) было датировано V в. до н.э. по находке бронзовой гидрии (Башилов, 1966; Пузикова, 2001. С. 61). Однако этот бронзовый сосуд явно древнее остального комплекса находок и не может служить хроноиндикатором. Еще А.П. Манцевич при публикации материалов из Мастюгинских курганов датировала рассматриваемый курган второй половиной IV в. до н.э. на основании находки ритона, аналогия которому обнаруживается в Первом Мордвиновском кургане (Манцевич, 1973. С. 41). На основании анализа золотых бляшек из кургана Е.И. Савченко предложил близкую датировку комплекса (Савченко, 2005. С. 479). Решающим, по его мнению, является сходство бляшек с изображением лошади (Манцевич, 1973. С. 17. Рис. 2: 4) с такими же украшениями из кургана 7 могильника Колбино-I (Савченко, 2001. С. 99. Рис. 33: 21). Он даже предположил, что изображения на изделиях из двух могильников были оттиснуты одним штампом, т.к. они совпадают в мельчайших деталях, с чем мы абсолютно согласны. Датировка колбинского комплекса находится в пределах третьей четверти IV в. до н.э., что устанавливается во многом благодаря находке меча типа Чертомлык (Савченко, 2001. С. 98).

Рис. 32: 13, 14). С датировкой кургана II (29/21) V в. до н.э. также не согласны Д.С. Гречко и А.В. Шелехань, которые относят время совершения погребения к середине — второй половине IV в. до н.э. (Гречко, Шелехань, 2012. С. 103). Серединой — третьей четвертью IV в. до н.э. датирует рассматриваемый комплекс и С.В. Полин (Полин, 2014. С. 143).

Курган II (29/21) у с. Мастюгино является, пожалуй, наиболее богатым среднедонским погребальным комплексом из всех, изученных на сегодняшний день. Об этом свидетельствуют как размеры кургана, сложность и масштабы погребальной конструкции, так и инвентарь захоронения, отличающийся богатством и разнообразием даже после разграбления (Манцевич, 1973. С. 16–25). Подробный анализ хронологических позиций всех находок из этого погребения требует специальной публикации. Впрочем, отдельные предметы уже были проанализированы нами ранее, и все они позволяют уверенно отнести время сооружения комплекса к третьей четверти IV в. до н.э. (Володин, 2022; 2024. С. 66–67; Володин, Шевченко, 2024б. С. 203). Здесь также можно дополнительно отметить, что в рассматриваемом погребении обнаружены семь золотых бляшек с изображениями грифонов в геральдической позе, относящиеся к гаймановско-чмыревскому типу по А.Р. Канторовичу (Канторович, 2022. С. 291). Наиболее раннее изображение этого типа представлено как раз в Гаймановой могиле (о датировке ее см. выше), все остальные бляшки копируют с той или иной степенью тщательности прототип. Соответственно, датировать их следует позже: серединой — третьей четвертью IV в. до н.э.<sup>8</sup> Таким образом, датировка комплекса указанным временем подтверждается многочисленными находками.

Суммируя сказанное, можно заключить, что в ассортименте поступлений на Средний Дон в скифскую эпоху чернолаковой посуды для сервировки стола были исключительно миски с загнутым краем довольно близких вариантов. Время их производства и попадания в погребальные комплексы ограничивается второй половиной IV в. до н.э., верхняя граница датировки самого позднего экземпляра — рубеж IV–III вв. до н.э.

### Столовые сосуды для подачи вина

Данная группа чернолаковых сосудов на Среднем Дону представлена единственной находкой — миниатюрной ойнохоей, обнаруженной в кургане 3 (раскопки В.А. Городцова) могильника Частые курганы (Городцов, 1947. С. 17. Рис. 5) (рис. 3: 1).

Сосуд сохранился в относительно целом состоянии, в древности он лишился ручки. Ойнохоя не имеет выделенных плечиков, имеет форму 3 (shape 3) по С. Ротрофф (Rotroff, 1997. Р. 125–127), тулово каннелированное. Несмотря на утрату ручки, хорошо устанавливается ее подтреугольное сечение. Судя по фотографии, ручка имеет шип у верхнего корня. Горло сосуда относительно невысокое, плавно переходящее к тулову, кольцевой поддон невысокий. Лак покрывает всю видимую поверхность сосуда, за исключением подошвы поддона, весьма сильно потерт, особенно на тулове.

8 Аналогичная гаймановской бляшка с изображением грифонов, но в более упрощенном исполнении, происходит из Чмыревой Могилы. С.В. Полин датирует этот комплекс второй четвертью IV в. до н.э. (Полин, 2014. С. 285). А.Ю. Алексеев датирует курган более поздним временем — 350–320 гг. до н.э. (Алексеев, 1985. С. 34).



Размеры: высота — 14,85 см; диаметр поддона — 5,5 см; максимальный диаметр тулова — 9,5 см.

Производство подобных ойнохой приземистой формы началось в начале IV в. до н.э. (Sparkes, Talcott, 1970. P. 245: 122–124, 127). Близкие по форме сосуды имеются в материалах середины — второй половины IV в. до н.э. (см.: Иванов, 1963. С. 156. Табл. 85: 297, 297б). Однако все эти изделия имеют гладкое тулово, каннелированные сосуды появляются лишь в последней четверти IV в. до н.э., причем и в первой четверти III в. до н.э. каннелированные экземпляры являлись редкостью (Егорова, 2017. С. 61). Так, в материалах Афинской Агоры орнаментация каннелюрами тулова сосудов более вытянутой формы с более высоким и узким горлом появляется в последней

**Рис. 3.** Чернотелые изделия из памятников скифского времени на Среднем Дону: 1 — курган 3 (раскопки В.А. Городцова) могильника Частые курганы (фотография по: Пузикова, 1971); 2 — городище Кировское (фотография по: Либеров, 1965); 3 — курган 1 могильника Девница-V (фотография по: Володин, Шевченко, 2023); 4 — курган 9 могильника Девница-V (рис. по: Гуляев и др., 2020; фотография по: Егорова и др., 2025); 5 — курган 8 могильника у с. Дуровка (рис. по: Пузикова, 2001; фотография по: Пузикова, 1971)

**Fig. 3.** Black glazed pottery from Middle Don burials of the Scythian period: 1 — mound 3 (excavations by V.A. Gorodtsov) of the Chastye Kurgany burial ground (photo by Пузикова, 1971); 2 — Kirovskoye hillfort (photo by Либеров, 1965); 3 — mound 1 of the Devitsa-V burial ground (photo by Володин, Шевченко, 2023); 4 — mound 9 of the Devitsa-V burial ground (fig. by Гуляев и др., 2020; photo by Егорова и др., 2025); 5 — mound 8 of the burial ground near the Durovka village (fig. by Пузикова, 2001; photo by Пузикова, 1971)

четверти IV — середине III в. до н.э. (*Sparkes, Talcott, 1970. P. 245: 130; Rotroff, 1997. P. 293: 469; 294: 472, 473, 477*). Сочетание приземистой формы сосуда из Частых курганов и невысокого горлышка, характерные для ойнохой начала — третьей четверти IV в. до н.э., а также каннелированного тулова, характерного для сосудов рубежа IV–III вв. до н.э. и III в. до н.э., позволяют назвать рассматриваемый экземпляр некоторым гибридом старых и новых традиций и предложить его датировку в пределах последней четверти IV в. до н.э.

Наиболее близкая аналогия с территории Северного Причерноморья имеется в фондах ГМИИ имени А.С. Пушкина, куда ойнохоя поступила из коллекции П.В. Синицына. Схожие размеры и форма позволяют довольно уверенно говорить об их одномоментном производстве. Т.В. Егорова датирует сосуд из собрания ГМИИ последней четвертью IV в. до н.э. (*Егорова, 2017. С. 62–63: 102*). Еще одна близкая аналогия сосуду из Частых курганов была обнаружена в полуразрушенном погребении в зоне затопления Каховского водохранилища. Данный экземпляр С.В. Полин на основании аналогий из материалов Афинской Агоры также датирует последней четвертью IV в. до н.э. (*Полин, 2014. С. 621*).

Следует сказать, что данная ойнохоя была обнаружена в составе находок в т.н. бофре — яме в материковом дне гробницы, специально вырытой, по мнению В.А. Городцова, для приношения даров в ходе совершения погребального обряда (*Городцов, 1947. С. 18–19*). Не вдаваясь в дискуссию о существовании и назначении «бофров», хотелось бы отметить тот факт, что сосуд был уложен в захоронение изначально в неполном виде — без ручки, что является дополнительным аргументом в пользу достаточно длительного бытования сосуда в течение жизни одного поколения, учитывая состояние лаковой поверхности.

Вместе с сосудом в «бофр» был уложен нож, имевший крайне интересную железную орнаментированную рукоять (*Городцов, 1947. С. 18. Рис. 6; Лузикова, 1971. Табл. XXIX: 3, 5*). Она имеет подпрямоугольную форму, а также Н-образное сечение — центральная часть «утоплена» внутрь и перфорирована двумя рядами круглых отверстий по всей длине. В верхней трети края рукояти украшены с двух сторон косыми насечками. Навершие оформлено в крайне упрощенном, деградированном зверином стиле. Оно трапециевидное в плане, посередине имеет подпрямоугольное отверстие. Края сделаны в виде вытянутых, уплощенно-сегментовидных крыльев птицы, опущенных вниз. Оперение нанесено косыми насечками. Между этими крыльями обозначено треугольное в плане оперение хвоста птицы, перья показаны тремя насечками-углублениями, в конце которых пробито по небольшому округлому отверстию. Таким образом, если смотреть на предмет целиком, то получается очень схематичное изображение птицы, схожее с мастюгинским типом зооморфных крючков, рассмотренным выше (особенно, с находкой из кургана 47/30 могильника у с. Мастюгино). Рукоятью по задумке мастера в данном случае служила шея птицы, именно поэтому на нее были нанесены косые насечки — обозначение оперения. Птица изображена с прижатыми к телу крыльями, в моменте стремительного полета, а также распушенным хвостовым оперением. Крайняя схематичность изображения, еле угадываемый зооморфизм может говорить и о хронологической позиции предмета. Подобная деградация скифского искусства наблюдается в целом уже в конце бытования культуры, т.е. к рубежу IV–III вв. до н.э.

Остальной сохранившийся инвентарь представлен литым бронзовым котлом и корчагообразным лепным кувшином с двумя ручками (*Городцов*, 1947. С. 19–20. Рис. 8; 9). Котел весьма распространенного в скифской культуре облика: с чашевидным туловом и довольно высоким воронковидным поддоном, двумя вертикальными петлевидными ручками с тремя выступами. По типологии бронзовых котлов, предложенной С.В. Демиденко, его можно отнести к типу V, варианту 2, подварианту Б за счет наличия орнамента (*Демиденко*, 2008. С. 18–19). Украшение тулова представлено двумя рельефными волutoобразными завитками, отходящими от места крепления ручки к венчику. Котлы подобного облика весьма обычны для скифских памятников, вследствие этого вряд ли могут выступать надежным хроноиндикатором. Однако если обратиться к материалам других погребений Среднего Дона, то типологически близкие экземпляры обнаруживаются в кургане 11 (раскопки П.Д. Либерава) могильника Частые курганы (*Пузикова*, 2001. С. 30. Рис. 7: 3), кургане 16 у с. Дуровка (Там же. С. 252. Рис. 50: 1), а также в кургане 14 некрополя Колбино-I (*Савченко*, 2001. С. 105. Рис. 38: 25). Первый комплекс можно датировать серединой — третьей четвертью IV в. до н.э. (*Володин*, 2024. С. 66). Захоронение в Дуровке может быть отнесено к середине — второй половине IV в. до н.э. по находке железной пряжки-сюльгама, датировка которых в среднедонских памятниках не выходит за пределы этих хронологических рамок (*Володин*, 2024. С. 67).

Датировку погребения в кургане 14 могильника Колбино-I первоначально Е.И. Савченко определял серединой IV в. до н.э. (*Савченко*, 2002. С. 82). Позднее он датировал его серединой — третьей четвертью IV в. до н.э. (*Савченко*, 2009. С. 273). В данном захоронении помимо котла обнаружена железная пряжка-сюльгама, а также С-видные железные псалии с шишечками (*Савченко*, 2001. С. 105–106. Рис. 38: 19; 39: 9, 10). Как отмечал сам исследователь, подобные псалии возникают лишь во второй половине IV в. до н.э. (*Савченко*, 2009. С. 241). Однако С.В. Полин приводит свидетельства того, что в железном исполнении псалии подобной формы возникают в единичных случаях и в конце V в., однако более широкое распространение получают во второй — третьей четвертях IV в. до н.э. (*Бидзиля, Полин*, 2012. С. 231–233).

Также в захоронении кургана 14 могильника Колбино-I был найден бронзовый конский нащечник с изображением руки человека или лапы медведя<sup>9</sup> (*Савченко*, 2001. С. 106. Рис. 39: 6), которое было отнесено А.Р. Канторовичем к типу Ак-Бурун–Корнеевка (*Канторович*, 2022. С. 107–109). Датировка этой находки вступает в противоречие со временем бытования остального вещевого комплекса рассматриваемого колбинского захоронения. В рамках выделенного типа изображений по своему оформлению и общему облику нащечник имеет наибольшие сходства с предметами из погребения 5 мыса Ак-Бурун, датирующегося V в. до н.э. (*Яковенко*, 1970. С. 57. Рис. 24: 2) и впускного погребения Малой Цимбалки, время совершения которого А.Ю. Алексеев определяет в пределах 450–420 гг. до н.э. (*Алексеев*, 1995. С. 56, 58. Рис. 2: 4). Другие находки изображений типа Ак-Бурун–Корнеевка имеют несколько иную общую морфологию, впрочем, большая часть их них также редко датируется моложе, чем первая четверть IV в. до н.э.

Наибольшее сходство находка из Колбино имеет с бляхой из Малой Цимбалки, вероятно, копируя ее. Впрочем, заметно размывание наиболее

9 Подробнее о вариантах трактовки изображений — см.: *Бабенко*, 2015.



характерных и тщательно проработанных деталей оригинала, что, безусловно, свидетельствует о более позднем изготовлении колбинского нащечника. Кроме того, при визуальном осмотре самого предмета хорошо заметны следы длительного использования: потертости металла, утрата фрагмента с сильно заполированным местом скола. Согласно этим наблюдениям, нащечник был произведен намного раньше времени совершения захоронения. Можно предположить, что он был изготовлен ближе к рубежу V–IV вв. до н.э., однако попадание его в погребальный комплекс в третьей четверти IV в. до н.э. сомнительно.

Учитывая все вышесказанное, представляется, что наиболее вероятной датой совершения захоронения в кургане 14 могильника Колбино-I является середина IV в. до н.э., как и предполагал изначально Е.И. Савченко.

Как видим, наиболее близкие аналогии котлу из кургана 3 (раскопки В.А. Городцова) могильника Частые Курганы обнаруживаются в памятниках середины — второй половины IV в. до н.э. Лепные корчагообразные кувшины, подобные находке в этом комплексе, довольно широко представлены в материалах памятников лесостепного Подонья в разных вариантах исполнения: с одной, двумя ручками или без них, причем как в поселенческих, так и погребальных комплексах. Если говорить о захоронениях, то все памятники с подобными сосудами датируются в пределах IV в. до н.э. (Гуляев и др., 2022. С. 45).

Таким образом, погребальный инвентарь гробницы кургана 3 (раскопки В.А. Городцова) никак не противоречит датировке ойнохой последней четвертью IV в. до н.э. Судя по находке рукояти ножа, украшенной изображением крайне деградировавшего звериного стиля, датировка всего комплекса может даже находиться ближе к рубежу IV–III вв. до н.э., что ставит это захоронение в ряд позднейших на Среднем Дону.

### Парфюмерные сосуды

Данная группа чернолаковой керамики на Среднем Дону представлена также всего одним типом — лекифами (два экз.), обнаруженными в кургане 9 могильника Девица-V (**рис. 3: 4**) и кургане 8 у с. Дуровка (**рис. 3: 5**).

Первый из рассматриваемых сосудов этой группы происходил из заполнения грабительского хода и вследствие этого сохранился не полностью: были утрачены горло, часть тулова и ручка, на поверхности заметны повреждения лака. Однако это не мешает установить, что данный экземпляр относится к аттическим арибаллическим лекифам. Вследствие этого мы можем предполагать, что он имел высокое и узкое горло, а также раструбообразный венчик со скошенным внутрь краем (подробнее о сосуде — см.: Егорова и др., 2025). Подобные сосуды в целом распространяются со второй четверти IV в. до н.э. и бытуют до конца столетия (см., например: Morgan, 2004. Р. 167–168; Κωτίτσα, 2019. Р. 210–211; Рукавишникова и др., 2019. С. 463–464). Они часто встречаются в памятниках ранних кочевников, как в степи (см.: Полин, 2014. С. 322, 388, 400, 426, 455 сл.; Лесков и др., 2023. С. 616, 624, 626), так и в лесостепи междуречья Днестра и Дона (Бабенко, 2005. С. 264. Рис. 31: 3).

Попадание в комплекс погребения в некрополе Девица-V этого сосуда можно определить в пределах третьей четверти IV в. до н.э. Одноручный канфар из этого захоронения датируется несколько более ранним временем (см. выше), однако состояние сосуда для питья позволяет предполагать его использование в пределах четверти столетия. Остальной сохранив-

шийся погребальный инвентарь не противоречит этой дате и даже подтверждает ее: железный зооморфный крючок с изображениями птицы и пряжка-сьюльгама (Гуляев и др., 2020. С. 26. Рис. 4: 2, 3), о датировке которых речь шла выше.

Второй лекиф из кургана 8 у с. Дуровка при публикации комплекса был обозначен как «флакон» (Пузикова, 2001. С. 188). С этим нельзя согласиться, т.к. форма античных флаконов предполагает наличие веретенообразного тулова без ручки. Несмотря на неполную сохранность изделия (рис. 3: 5) наличие ручки (судя по всему, овальной в сечении) безошибочно устанавливается благодаря оставшимся местам крепления к плечу и горлу сосуда. Тулово бочковидное, не уменьшенного объема (не т.н. вариант *small and late*), при переходе от горла к плечу — два желобка. Лаковая поверхность значительно потерта, имеет потери. К сожалению, плохая сохранность предмета не позволяет судить об оформлении тулова, а именно, гладкое ли оно было или имело каннелюры или изображения.

На основании имеющегося фрагмента сосуда можно отнести к арибаллическим лекифам (*squat lekythos*), имевшим широкое распространение со второй половины V по середину IV в. до н.э.<sup>10</sup> (Sparkes, Talcott, 1970. P. 153–155; Рогов, Тункина, 1998. С. 171–173; Егорова, 2017. С. 96–98). Отметим также весьма объемное тулово (среди сосудов данного типа) — его максимальный диаметр составляет 6,4 см. Лекифы подобного размера, как правило, уже не используются к середине IV в. до н.э. Уточнение датировки сосуда возможно только лишь на основании анализа остального инвентаря.

В погребении кроме фрагмента лекифа обнаружены железный рюмковидный вток древкового оружия, две амфоровидные бусины-подвески из прозрачного стекла, а также две весьма необычные S-видные бронзовые бляшки с небольшой арочной петлей на обороте (Пузикова, 2001. С. 227. Рис. 25: 12–16). Ясность в хронологическую позицию комплекса могут внести украшения. Подвески относятся к типу 193д по Е.М. Алексеевой, датирующиеся ею широко в пределах IV–III вв. до н.э. (Алексеева, 1978. С. 74. Табл. 34: 40). Позднее А.С. Островерхов при анализе скифских и меотских памятников, древностей кочевников Волго-Уральского региона датировал подобные украшения V–IV вв. до н.э. (Островерхов, 1985. С. 100). В материалах степных скифских памятников подобные подвески были обнаружены, например, в Мелитопольском кургане (Тереножкин, Мозолевский, 1988. С. 84, 105. Рис. 87; 117: n), кургане 15 Золотобалковского могильника (Полин, 2014. С. 133. Рис. 76), погребении 3 кургана 21 могильника Вильна Украина-III (Лесков и др., 2023. С. 581. Рис. 111: 8). Последний комплекс С.В. Полин датирует второй четвертью IV в. до н.э. (Лесков и др., 2023. С. 279), а золотобалковское погребение — второй — началом третьей четверти IV в. до н.э. (Полин, 2014. С. 294). Мелитопольский же курган он датирует серединой — началом третьей четверти IV в. до н.э. (Там же. С. 475). А.Ю. Алексеев предполагает для обоих захоронений датировку третьей четвертью IV в. до н.э., а для женского захоронения, в котором были обнаружены интересующие нас подвески, — время после 330 г. до н.э. (Алексеев, 2003. С. 266).

В материалах Днепро-Донской лесостепи подобные амфоровидные подвески из прозрачного стекла были обнаружены, например, в кургане 18

10 Если бы сосуд имел изображение пальметки, то его можно было бы датировать более поздним временем (см. выше).

Песончинского могильника, который Л.И. Бабенко датировал серединой — третьей четвертью IV в. до н.э. (Бабенко, 2005. С. 259. Рис. 26: 11a); а также в кургане 11 у с. Старый Мерчик, материалы которого были отнесены к 340–325 гг. до н.э., благодаря находкам чернолаковой керамики (Бандуровский, Буйнов, 2000. С. 61, 159. Рис. 19: 16, 17). Таким образом, можно отметить, что в надежно датированных комплексах степи и лесостепи амфоровидные подвески датируются в пределах второй — третьей четвертей IV в. до н.э.

Бронзовые S-видные бляшки довольно замысловатых очертаний с планкой посередине, обнаруженные в кургане 8 у с. Дуровка, были отнесены Е.И. Савченко к поясному набору (Савченко, 2004. С. 228). Однако А.Д. Могилов рассматривает их как украшения ремней конской сбруи, что, на наш взгляд, выглядит необоснованным (Могилов, 2008. С. 313), как и датировка этих предметов в пределах второй — четвертой четвертей V в. до н.э. на основании сходства с псалиями из погребения 2 могильника Криволиманский I (Там же. С. 124). Единственная известная нам аналогия на сегодняшний день была найдена в кургане 10 (раскопки ВУАК) Частых курганов (Замятнин, 1946. С. 38. Рис. 27: 7). В данном комплексе некрополя сохранилось не так много погребального инвентаря, причем большая часть в публикации не проиллюстрирована<sup>11</sup>. Исходя из этого, единственным надежным указанием на хронологическую позицию кургана 10 является находка бронзового зооморфного крючка (Там же. С. 38. Рис. 27: 3). В.И. Гуляевым он был отнесен к серии с изображениями «фантастического» хищника (Гуляев, 2016. С. 99). Данная серия зооморфных крючков на стержне имеет изображение головы ушастой птицы (грифона?), на щитке — длиннорядного волка с длинными остроконечными ушами, относящееся к роменско-сладковскому типу по А.Р. Канторовичу, при этом изображения на серии среднедонских крючков определяются как наиболее поздние реплики внутри типа на основании анализа морфологической динамики (Канторович, 2022. С. 73–75)<sup>12</sup>.

В среднедонских памятниках всего было найдено пять крючков данной серии: в курганах 3 и 10 (раскопки ВУАК) Частых курганов (Замятнин, 1946. С. 25. Рис. 10: 1), а также в курганах 11/16 и 32/32 некрополя у с. Мастюгино (Пузикова, 2001. С. 94, 114. Рис. 21: 2; 41: 6, 7). Курган 3 группы Частых надежно датируется серединой — третьей четвертью IV в. до н.э. благодаря находке меча типа Чертомлык (очень близкого по изображениям на золотых обкладках к эпонимному «царскому» кургану, что предельно сближает их хронологическую позицию). Курган 11/16 у с. Мастюгино по набору золотых бляшек с растительными и зооморфным орнаментами также не может датироваться ранее третьей четверти IV в. до н.э., а, скорее,

11 Коллекции Воронежского краеведческого музея после Великой Отечественной войны не все сохранились.

12 Наиболее ранним изображением А.Р. Канторович предполагает образ волка на крючке из кургана 25 Сладковского могильника на основании датировки всего комплекса второй половиной V в. до н.э. по находке амфоры. Однако нужно учитывать, что комплекс этот не являлся единовременным, а вещи из разных ниш относятся к разным горизонтам функционирования этого необычного памятника (см.: Максименко, 1983. С. 168. Рис. 14). Вследствие этого, на наш взгляд, столь ранняя датировка для крючка не обоснована. Вероятно, его следует датировать не раньше бердянского изображения (подробнее см.: Канторович, 2022. С. 74), т.е. ранее второй четверти IV в. до н.э.

последней третью IV в. до н.э.<sup>13</sup> (Пузикова, 2001. С. 92. Рис. 19). При этом сам крючок из мастюгинского кургана 11/16, очевидно, самый поздний из серии — изображение волка предельно стилизовано и упрощено, голова ушастой птицы на стержне крючка исчезает. Находки двух экземпляров крючков из кургана 32/32 у с. Мастюгино, по всей видимости, в ряду этой серии должны быть «промежуточными»: на одном из них голова птицы уже утрачена, а на втором еще нет, при этом головы волков уже приобретают значительный схематизм. Вероятно, данное погребение из кургана 32/32 можно датировать третьей четвертью IV в. до н.э.

Среди рассмотренной серии зооморфных крючков, на наш взгляд, находка из кургана 10 группы Частых является самой ранней, т.к. только в этом предмете оказываются наиболее проработанными все характерные элементы. Хронологическая позиция, как крючка, так и самого комплекса, должна находиться чуть ранее датировки кургана 3 группы Частых, т.е. в пределах конца второй — начала третьей четверти IV в. до н.э. Таким образом, поясные бляшки S-видной формы никак не могут датироваться V в. до н.э., как полагает А.Д. Могилов (см. выше).

Хотелось бы заключить, что датировка кургана 8 могильника у с. Дуровка, в котором был найден фрагмент чернолакового арибаллического лекифа, учитывая все перечисленные выше хронологические маркеры, должна находиться в пределах второй четверти — середины IV в. до н.э. Доводить датировку погребения до третьей четверти IV в. до н.э. (по аналогиям поясных бляшек) неуместно, т.к. рассматриваемый арибаллический лекиф вряд ли мог бытовать в кочевнической среде дольше одного поколения. К середине столетия большие лекифы подобных форм уже не встречаются в комплексах, уступая место более миниатюрным вариантам.

### Результаты и обсуждение

Проведенный анализ всех античных чернолаковых сосудов, обнаруженных в погребальных памятниках Среднего Дона скифского периода, достаточно ярко продемонстрировал, во-первых, крайнюю ценность данной категории находок с точки зрения определения хронологических позиций вещевых комплексов захоронений. Во-вторых, очевидно, что все чернолаковые изделия относятся к горизонту позднеклассических и раннеэллинистических сосудов и начинают попадать в регион лишь в IV в. до н.э., начиная со второй его четверти. Причем набор посуды был весьма ограничен в типологическом отношении: сосуды для питья представлены только канфарами очень близких вариантов; посуда для сервировки стола — лишь мисками крайне близких форм; сосуды для благовоний и масел — исключительно арибаллическими лекифами. Полностью отсутствуют, например, находки киличков, весьма популярных в среде степных nomadов Причерноморья (см.: Гаврилюк, 2006; Полин, 2014).

---

13 В частности, об этой датировке говорит находка бляшки с изображением оленя завадско-акмечетского типа 3 варианта по А.Р. Канторовичу (Канторович, 2022. С. 123) — это самый поздний пласт изображений типа. Наибольшие аналогии мастюгинскому изображению обнаруживаются в Александропольском кургане, кургане Огузе и кургане 1 могильника у с. Дуровка, которые можно датировать не ранее 340-х гг. до н.э. (разных взглядов на датировку памятников придерживаются С.В. Полин и А.Ю. Алексеев). На наш взгляд, курган 11/16 у с. Мастюгино входит в пласт наиболее поздних погребений региона.

Возможно, это объясняется особенностями использования чернолаковой керамики в быту ранними кочевниками. Так, Н.А. Гаврилюк заметила, что в ненарушенных степных погребальных памятниках канфары связаны только с женскими или детскими захоронениями, редко — с парными комплексами, но никогда — с мужскими<sup>14</sup> (Гаврилюк, 2006. С. 166).

Рассмотрим имеющиеся половозрастные определения для индивидов из погребений, в которых были обнаружены канфары на Среднем Дону. В кургане 12 могильника Колбино-I, действительно, были найдены останки лишь одной женщины 35–45 лет<sup>15</sup> (Савченко, 2001. С. 100). Можно предположить, что другие останки были полностью извлечены. Однако, как показывает полевая практика, посткраниальный скелет редко выносился при ограблении целиком, поэтому в данном случае можно утверждать, что погребение было одиночным.

В кургане 13 колбинского некрополя были обнаружены останки двух человек: женщины 40–49 лет и одного индивида, пол и возраст которого трудно установить (первоначально он был определен как мужчина старше 50 лет). В кургане 9 могильника Девица-V одноручный канфар был зафиксирован *in situ* с нетронутым захоронением женщины 25–35 лет с набором древкового вооружения (Гуляев и др., 2020. С. 30. Рис. 7). Античный сосуд располагался в ногах покойной и был уложен вместе с лепной курильницей. Под плечом женщины находилось бронзовое зеркало в тканом чехле. Высокую взаимовстречаемость киликов и канфаров в женских погребениях с зеркалами, предметами туалета и ритуальными вещами также отметила и Н.А. Гаврилюк, делая вывод о том, что в женской среде ранних кочевников эта чернолаковая керамика теряла функцию сосудов для питья, переходя в разряд ритуальных предметов (Гаврилюк, 2006. С. 163, 166, 170). Возможно, ритуальный статус чернолаковых изделий для среднедонского населения подтверждает находка «амулета» из кургана 1 могильника Девица-V (см. выше).

Таким образом, все находки канфаров на Среднем Дону вполне подтверждают высказанное Н.А. Гаврилюк предположение, что они сопровождали одиночные взрослые женские или парные захоронения. К сожалению, антропологические определения для комплексов с остальными группами чернолаковых сосудов практически отсутствуют. Мы можем говорить только о том, что миска из кургана 11 могильника Колбино-I была положена в коллективное захоронение трех индивидов: мужчины 25–35 лет, женщины старше 40 лет и ребенка 3–4 лет. Грабители сильно нарушили целостность комплекса, вследствие чего принадлежность посуды к конкретному покойному определить не удастся. Лекиф из кургана 9 некрополя Девица-V был найден в заполнении грабительского хода, поэтому не-

14 Безусловно, к данным выводам надо относиться с большой осторожностью, т.к. далеко не для всех рассмотренных исследовательницей захоронений имеются надежные половозрастные определения, сделанные профессиональным антропологом. В этом отношении материалы раскопок Донской экспедиции могильников Терновое-I, Колбино-I, Горки-I и Девица-V отличаются тем, что постоянно сопровождались кропотливой работой антропологов — в первую очередь, М.В. Добровольской.

15 Определения, представленные в первичной публикации, впоследствии подверглись пересмотру специалистами Лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН под руководством М.В. Добровольской. Все половозрастные определения даются по новейшему изданию — см.: Свиркина и др., 2021. С. 135–141.

возможно сказать, к какому из четырех погребенных, находившихся в захоронении, он относился.

Необходимо также отметить интересную закономерность, выявленную при биоархеологическом исследовании антропологических материалов могильников Колбино-I. Только в четырех комплексах некрополя с находками чернолаковой посуды были выявлены индивиды, отличающиеся от остального среднедонского населения особой диетой, включавшей большее употребление ячменя или пшеницы, а не проса (Нелюбов и др., 2024. С. 400). К сожалению, провести подобное исследование для остальных комплексов с находками чернолаковых изделий сейчас не представляется возможным из-за утраты антропологических коллекций. Однако даже это наблюдение вызывает определенный интерес. Возможно, что чернолаковая керамика маркирует особый статус части кочевого населения в регионе.

Приведенные выше наблюдения позволяют высказать предположение, что чернолаковые античные изделия в жизни среднедонского населения могли не только служить бытовой утварью или парадной посудой, но и являться маркером особого положения человека в социуме. Выяснить этот статус на основе имеющейся источниковой базы пока невозможно, однако не исключено, что дальнейшие исследования могут помочь в обосновании этой гипотезы.

### Литература и архивные материалы

#### Архивные материалы

- Гуляев В.И., 1999. Отчет о работе Потуданской экспедиции Института археологии РАН в 1999 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 22709, 22710.
- Либеров П.Д., 1959. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции Института археологии АН СССР в 1959 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1871, 1871а.
- Либеров П.Д., 1965. Отчет о раскопах в Белгородской, Воронежской областях, произведенных Лесостепной скифской археологической экспедиции в 1965 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3126, 3126а.
- Пузикова А.И., 1971. Культура оседлых племен Правобережья Среднего Дона в скифское время // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-2. № 2087.

#### Литература

- Алексеев А.Ю., 1984. О месте Чертомлыкского кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV–III вв. до н.э. // АСГЭ. Вып. 25. С. 65–75.
- Алексеев А.Ю., 1985. Курганы Чмырева Могила и дата его сооружения // СГЭ. Вып. 50. С. 31–35.
- Алексеев А.Ю., 1995. Скифское погребение V в. до н.э. в кургане Малая Цимбалка (раскопки И.Е. Забелина в 1868 году) // АСГЭ. Вып. 32. С. 53–59.
- Алексеев А.Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.: Изд-во ГЭ. 416 с.
- Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука. 120 с. (САИ; Вып. Г1-12).
- Бабенко Л.И., 2005. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: ИД Райдер. 284 с.
- Бандуровский О.В., Буйнов Ю.В., 2000. Курганы скифского времени Харьковской области (северскодонецкий вариант). Киев: ИА НАНУ. 236 с.
- Башилов В.А., 1966. Бронзовая гидрия из кургана у с. Мастюгино // СА. № 2. С. 304–309.
- Бидзиля В.И., Полин С.В., 2012. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Изд-дом «Скиф». 752 с.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е., 2007. Украшение из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля // ССПК. Т. XIV. С. 51–93.
- Брашинский И.Б., 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л.: Наука. 267 с.
- Вдовиченко И.И., 2008. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). Симферополь: СОНАТ. 351 с.

- Внуков С.Ю., 2015. Продолжительность использования античных винных амфор // КСИА. Вып. 238. С. 161–169.
- Володин С.А., 2022. Золотые бляшки с изображением головы кабана из погребальных памятников Среднего Подонья скифского времени // Актуальная археология 6: Материалы междунар. науч. конф. молодых ученых / Отв. ред. А.М. Киселёва. СПб.: ИИМК РАН. С. 167–170.
- Володин С.А., 2024. Среднедонские зооморфные крючки с изображением медведя как хронологический индикатор // Полевой дневник. Восточная Европа в античное время и Средние века: Сб. ст. памяти О.В. Шарова / Отв. ред. А.В. Мاستыкова. М.: ИА РАН. С. 57–75 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 34).
- Володин С.А., Шевченко А.А., 2023. Курганный могильник скифского времени Девица V на Среднем Дону (предварительные итоги исследования) // Полвека в поисках древностей: Материалы межрегион. науч.-практич. конф., посвящ. 50-летию археологической экспедиции Воронежского гос. пед. ун-та / Отв. ред. А.Н. Меркулов. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т. С. 22–47.
- Володин С.А., Шевченко А.А., 2024а. Связи среднедонского населения скифской эпохи с регионами Прикубанья и Кавказа // КСИА. Вып. 277. С. 190–207.
- Володин С.А., Шевченко А.А., 2024б. Об одном типе уздечных бляшек скифской эпохи // КСИА. Вып. 275. С. 193–208.
- Гаврилюк Н.А., 2006. Чернолаковые килики и канфары из степных скифских погребений // АВ. Вып. 13. С. 151–181.
- Городцов В.А., 1947. Раскопки «Частых курганов» близ Воронежа в 1927 г. // СА. Вып. IX. С. 13–28.
- Гречко Д.С., Шелехань А.В., 2012. Гришковский могильник скифов на Харьковщине. Киев: ИА НАНУ. 196 с.
- Гуляев В.И., 2016. Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: Каталог и описание. М.: ИА РАН. 104 с.
- Гуляев В.И., Володин С.А., Шевченко А.А., 2020. Элитный курган скифского времени на Среднем Дону (по материалам раскопок могильника Девица V) // РА. № 4. С. 21–39.
- Гуляев В.И., Володин С.А., Шевченко А.А., 2022. Новые открытия Донской экспедиции ИА РАН на Среднем Дону в 2021 г. // РА. № 3. С. 35–51.
- Гуляев В.И., Шевченко А.А., 2017. Новые курганные могильники скифского времени на Среднем Дону: Горки-I и Девица-V. М.: ИА РАН. 156 с.
- Гуляев В.И., Шевченко А.А., 2022. Сокровища скифских курганов Среднего Дона. М.: ИА РАН, 144 с.
- Демиденко С.В., 2008. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. — III в. н.э.). М.: Изд-во ЛКИ. 328 с.
- Егорова Т.В., 2009. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 253 с.
- Егорова Т.В., 2017. Античная чернолаковая керамика из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. М.: тип. «НП-Принт». 204 с.
- Егорова Т.В., 2019. К вопросу о продолжительности использования чернолаковой посуды (по материалам Пантикапея и Танаиса) // АМА. Вып. 19. С. 242–257.
- Егорова Т.В., Володин С.А., Шевченко А.А., 2025. Новые находки чернолаковой керамики IV в. до н.э. на Среднем Дону: к проблеме длительности использования античной посуды ранними кочевниками // КСИА. Вып. 281. В печати.
- Замятнин С.Н., 1946. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем // СА. Вып. VIII. С. 9–51.
- Иванов Т., 1963. Античная керамика некрополя Аполлония // Аполлония. Разкопките в некрополя на Аполлония през 1947–1949 гг. София: Бълг. акад. на науките. С. 65–273.
- Канторович А.Р., 2022. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция): В 2 т. М.: Изд-во МГУ. Т. 1. 431 с. (Труды исторического факультета МГУ; Вып. 215 (146)).
- Лесков А.М., Полин С.В., Дараган М.Н., Белан Ю.А., 2023. Скифские курганы левобережной Херсонщины (раскопки А.М. Лескова в 1968–1972 гг.). Т. 1. Киев; Кишинэу: Видавецъ Олег Філюк. 778 с.



- Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та. 224 с.
- Манцевич А.П., 1973. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. № 15. С. 12–28.
- Масленников А.А., 2010. Чернолаковая посуда с поселения Генеральское-западное (юго-западный склон) // ДБ. Вып. 14. С. 373–396.
- Могилов А.Д., 2008. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ, Кам'янець-Подільський: ПП Мошинський В.С. 439 с.
- Монахов С.Ю., Рогов Е.Я., 1990. Керамические комплексы некрополя Панское I // АМА. Вып. 8. С. 122–151.
- Монахов С.Ю., Полин С.В., 2021. Об амфорах из Первого Мордвиновского кургана и хронологии этого памятника // Первый Мордвиновский курган / Отв. ред.: Ю.А. Виноградов, М.В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН. С. 80–89 (Архивное наследие ИИМК РАН. Т. 1).
- Нелюбов С.А., Володин С.А., Добровольская М.В., 2024. Биоархеологические аспекты изучения коллективных подкурганных захоронений скифского времени на Среднем Дону // КСИА. Вып. 274. С. 391–405.
- Островерхов А.С., 1985. Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ. № 3. С. 92–109.
- Полин С.В., 2014. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине. Киев: Издатель Олег Філюк. 776 с.
- Полин С.В., Алексеев А.Ю., 2018. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н.э. в Нижнем Поднепровье. Киев; Берлин: Видавець Олег Філюк. 930 с.
- Пузикова А.И., 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М.: Индрик. 271 с.
- Разуваев Ю.Д., 2017. Античный керамический импорт на поселениях скифского времени в донской лесостепи: картографическое исследование // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 22. № 2. С. 15–24.
- Рогов Е.Я., Тункина И.Н., 1998. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // АВ. Вып. 5. С. 159–175.
- Рукавишникова И.В., Егорова Т.В., Бейлин Д.В., Федосеев Н.Ф., 2019. Чернолаковые и краснофигурные сосуды из тризновых комплексов кургана «Госпитальный» // ДБ. Т. 24. С. 445–472.
- Савченко Е.И., 2001. Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 53–144.
- Савченко Е.И., 2002. К вопросу о хронологии могильника «Терновое I – Колбино I» // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века / Отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. пед. ун-та. С. 79–83.
- Савченко Е.И., 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 151–277.
- Савченко Е.И., 2005. Украшения населения скифского времени на Среднем Дону // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья / Гл. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 451–489.
- Савченко Е.И., 2009. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 221–329.
- Свиркина Н.Г., Самородова М.А., Веселкова Д.В., Добровольская М.В., Данилевская В.И., 2021. Коллекции палеоантропологических материалов, исследуемых в ИА РАН. Краткий каталог // Архив палеоантропологических материалов: контексты, информационное сопровождение, исследования / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН. С. 123–143.

- Синюк А.Т., Березуцкий В.Д.*, 2001. Мостищенский комплекс древних памятников (Эпоха бронзы — ранний железный век). Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т. 192 с.
- Скаков А.Ю.*, 2018. Кавказ не на Кавказе: кавказские древности эпохи раннего железа в иных культурах // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье / Отв. ред.: Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: ИП Шлепнев М.В. С. 274–279.
- Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Сеника В.С.*, 2016. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь: Stratum plus. 1096 с. (Археологические памятники Приднестровья; Т. 3).
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н.*, 1988. Мелитопольский курган. Киев: Наукова думка. 264 с.
- Трейстер М.Ю.*, 2021. Македонская (фракийская?) бронзовая патера из кургана № 1/1910 группы «Частые курганы» на Среднем Дону // МАИАСП. № 13. С. 380–403.
- Шайб И.Ю.*, 2021. Золотое ожерелье // Первый Мордвинский курган / Отв. ред.: Ю.А. Виноградов, М.В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН. С. 102–110 (Архивное наследие ИИМК РАН; Т. 1).
- Шевченко А.А.*, 2009. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 26–112.
- Яковенко Э.В.*, 1970. Уздечный набор V в. до н.э. из Восточного Крыма // КСИА. Вып. 124. С. 54–60.
- Crowfoot J.W., Crowfoot G.M., Kenyon K.M.*, 1957. The Objects from Samaria. No. 3. London: Palestine exploration fund. 478 p.
- Edwards G.R.*, 1975. Corinthian Hellenistic Pottery. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens. 340 p. (Corinth. American School excavations. Vol. VII. Part II).
- Hayes J.W.*, 1984. Greek and Italian Black-Gloss Wares and Related Wares in the Royal Ontario Museum: a Catalogue. Toronto: Royal Ontario Museum. 204 p.
- Hellström P.*, 1965. Pottery of Classical and Later Date Terracotta Lamps and Glass. Lund. 130 p. (Labraunda. Swedish Excavation and researches. Vol. II).
- Κωτίτσα Ζ.*, 2019. Εργαστήρια και χρονολόγηση των αρυβαλλοειδών ληκύθων με ανθέμιο από το βόρειο νεκροταφείο της Πύδνας // Τῷ διδασκάλῳ. Τιμητικός τόμος για τον καθηγητή Ιωάννη Ακαμάτη. Θεσσαλονίκη. Ρ. 209–223.
- Morgan C.*, 2004. Attic fine pottery of the archaic to Hellenistic periods in Phanagoria. Leiden; Boston: Brill. XVI, 291, 54 p., ill. (Phanagoria Studies; Vol. 1).
- Osborne R.*, 2011. The History Written on the Classical Greek Body. Cambridge: Cambridge University Press. 322 p.
- Robinson D.M.*, 1950. Excavation at Olynthus. Vol. XIII. Part XIII: Vases Found in 1934 and 1938. Baltimore: Johns Hopkins Press. 463 p.
- Rotroff S.I.*, 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies. 612 p. (The Athenian Agora. Vol. XXIX).
- Sparkes B.A., Talcott L.*, 1970. Black and Plain Pottery of the 6<sup>th</sup>, 5<sup>th</sup>, 4<sup>th</sup> Centuries B.C. New Jersey; Princeton: The American school of classical studies at Athens. 500 p. (The Athenian Agora. Vol. XII). 500 p.

## Black glazed pottery from the Middle Don funerary sites of the Scythian period

Semyon A. Volodin<sup>16</sup>, Aleksandr A. Schevchenko<sup>17</sup>

The paper examines all currently known finds of antique black-glazed pottery originating from forest-steppe Don burial sites dating to the Scythian period. The research indicates that in this region, black-glazed vessels first appeared in burials during the second quarter of the 4<sup>th</sup> century BC and continued to be used as grave goods until the disappearance of the Middle Don population at the turn of the 4<sup>th</sup>–3<sup>rd</sup> centuries BC. The black-glazed finds are represented by four main groups of tableware, primarily drinking and serving vessels. The typological analysis indicates that the pottery is highly uniform, consisting mainly of kantharoi of classical form and bowls with curved rims. It is assumed that this selection of shapes was not accidental, but rather associated with the specific ways these vessels were used in domestic contexts as social or ritual markers.

**Keywords:** *Middle Don, Early Iron Age, Scythians, Antique, pottery, black glazed pottery, burial mounds, burial rite, chronology*

---

16 Semyon A. Volodin — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: volodinsaimon@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3681-3241.

17 Aleksandr A. Shevchenko — Institute of Archaeology of the RAS, 19 Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: she.shevchenko@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4774-3197.

## Общность знаков раннесредневековых строителей Кавказа на примере храма Гиеноса, армянских церквей и крепости Дербента

И.В. Скакова<sup>1</sup>

*В статье рассмотрены знаки и символы, оставленные мастерами и/или строителями на плинфах раннесредневекового храма в Гиеносе (Республика Абхазия, г. Очамчира). На территории Абхазии — это первый памятник, на котором был проведен подобный анализ символики на строительной керамике. Подробную базу знаков на Кавказе можно найти в трудах А.Ю. Казаряна, описавшего символы мастеров-каменщиков армянских храмов VII в., а также у М.С. Гаджиева, систематизировавшего знаки строителей, найденных на каменных укреплениях в Дербенте. Несмотря на различие материала, на который эти знаки нанесены, некоторые из них имеют большое сходство с метками на плинфах из Гиеноса. В статье дается подробное описание символов, имеющих аналогии на других строительных материалах Кавказа.*

**Ключевые слова:** Абхазия, Армения, Дербент, Гиенос, раннесредневековый храм, плинфа, знаки на плинфе

<http://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-478-4.322-333>

В 1935–1936 гг. на окраине г. Очамчира (Республика Абхазия) во время археологических раскопок при строительстве порта было обнаружено античное и византийское поселение Гиенос (Куфтин, 1950. С. 259–297; Воронов, 1976). Городище располагалось на трех холмах, два из них в настоящее время находятся под территорией военной базы и порта, и их раскопки невозможны. На оставшемся восточном холме еще в 1977 г. были обнаружены руины раннесредневекового византийского храма (Барамидзе и др., 1982). В 1981–1985 гг. он был исследован экспедицией АБИЯЛИ им. Д.И. Гулиа под руководством С.М. Шамба, однако работы не были доведены до конца (Шамба, 1988; Хрушкова, 2018. С. 273–290; Кобахия и др., 1987). В 2019 г. на территории городища Гиенос начались раскопки совместной российско-абхазской археологической экспедиции под руководством А.Ю. Скакова и А.И. Джопуа (Скаков и др., 2020. С. 39–42). После безвременной кончины начальника экспедиции А.Ю. Скакова в 2023 г. раскопки были продолжены при поддержке ИВ РАН. Силами экспедиции были заложены раскопы с запада и востока от храма. На обоих раскопах найдено большое количество строительного материала, использовавшегося при постройке храма, в основном в сильно фрагментированном состоянии.

<sup>1</sup> Изабелла Владимировна Скакова — Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, д. 12, Москва, 107031, Российская Федерация; e-mail: bella.skakova@yandex.ru; ORCID: 0009-0000-6929-2994.

Церковь в Гиеносе датировалась исследователями с V–VI по VII в. н.э., однако точные датировки пока отсутствуют (см.: Хрушкова, 2002. С. 273; Шамба, 1988. С. 60; Скакова и др., 2021. С. 10–11). Храм (рис. 1) представляет собой однонефную церковь с наосом размерами 23,0×19,5 м. С севера и юга к нему прилегают две симметричные пристройки, а с запада и юга-запада пристроен нартекс необычной Г-образной формы (Хрушкова, 2002. С. 275). Фундамент храма сделан из гальки, скрепленной известковым раствором, а стены сложены из тонкого римского кирпича (плинф) и гальки в технике *opus mixtum*. Впервые за всю историю изучения раннехристианского строительства на Кавказе было начато всестороннее и систематическое изучение плинфы — основного строительного материала, использовавшегося при постройке храма (Скакова и др., 2021; 2024; Скакова, 2025). Одной из главных особенностей плинф в Гиеносе является большое количество найденных на них различных знаков или меток.

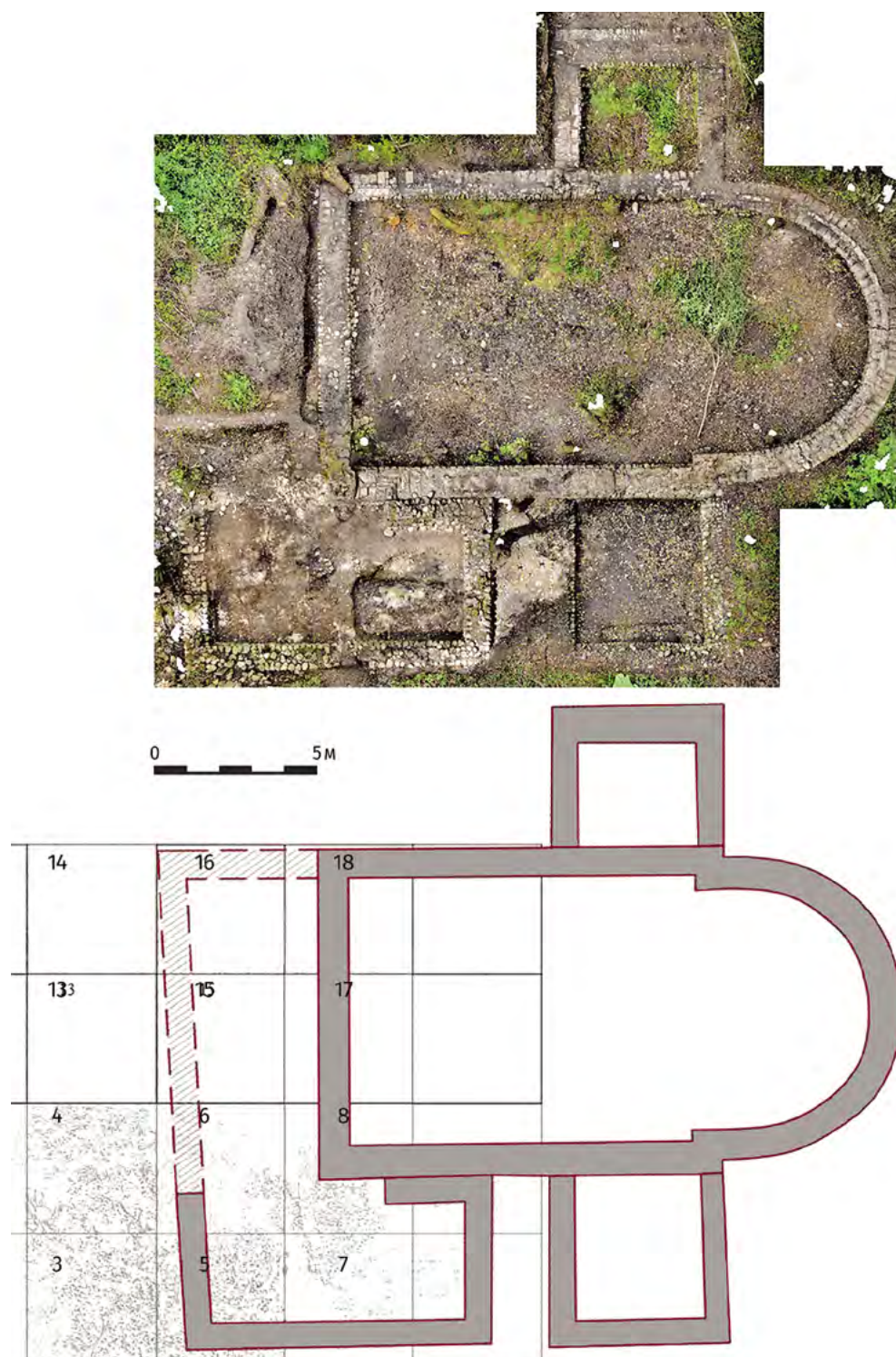
Проблема изучения знаков на строительной керамике на настоящий момент изучена достаточно слабо, особенно на Кавказе, где больше данных представлено по меткам на каменных плитах, а не на кирпиче. Знаки каменщиков армянских церквей VII в. н.э. были собраны и обобщены А.Ю. Казаряном (Казарян, 2012). Символы на плинфах из армянских, грузинских и частично абхазских церквей упомянуты в статье Д.Д. Ёлшина, однако больше внимания уделено их размерным классам (Ёлшин, 2021). М.С. Гаджиев подробно описал, классифицировал и нашел аналогии знакам, нанесенным на каменные оборонительные стены Дербента VI в. н.э. (Гаджиев, 2016). Знаки на строительной керамике, найденной на территории Абхазии, остаются малоизученными. Больше всего информации по ним можно найти в трудах Л.Г. Хрушковой (Хрушкова, 2002; 2018; Khroushkova, 2006), в особенности по символам, найденных в Питиунде, Цандрипше и Цибилууме, однако исследовательница фактически не дает классификации знаков. Более подробно описаны метки на кирпичах, найденные при раскопках храма в с. Веселое, их классифицировала Е.А. Армарчук (Армарчук и др., 2012). Знаки, найденные на строительной керамике городища Гиенос, до сих пор не были описаны и классифицированы, предыдущие исследователи памятника лишь вскользь упоминали самые распространенные из них.

В основном знаки на плинфах в Гиеносе были нанесены на сырец в процессе сушки. Метки делались либо пальцем, либо каким-либо острым предметом, возможно, деревянной палочкой или острием ножа для снятия излишков теста с верхней постели. Выяснить, какой именно процент плинф имел знаки, не представляется возможным из-за сильной фрагментированности найденного строительного материала. Можно только отметить, что метки встречаются более, чем на трети найденных кирпичей.

Насколько можно судить, чаще всего на плинфу наносился только один знак на верхние и нижние постели или боковые поверхности, при этом на других гранях иногда найдены различные полосы или линии, не несущие смысловой нагрузки. Только на четырех целых или фактически целых плинфах найдено по два знака: один на верхней (в одном случае, на нижней) постели, другой на боковой поверхности. Соотношение прочерченных и нанесенных пальцем знаков примерно одинаковое, но последних немого больше: 42% и 58% соответственно. Чаще всего знаки наносились на верхние постели плинф, на боковой поверхности найдено всего 19% меток. Больше половины символов нанесены пальцем на верхние постели

**Рис. 1.** Ортофотоплан  
и схема храма в Гиеносе

**Fig. 1.** Orthophotomap  
and diagram of the temple  
in Gyenos



(54%), знаки, прочерченные острым предметом на верхней постели (27%), также как и на боковой поверхности (15%), встречаются реже. Символы, нанесенные пальцем на боковую поверхность, составляют всего 4% от всех найденных (табл. 1).

**Табл. 1.** Раннесредневековый храм Гиеноса. Соотношение способа и места нанесения знаков

**Tab. 1.** Early medieval temple of Gyenos. The correlation of the method and place of application of the signs



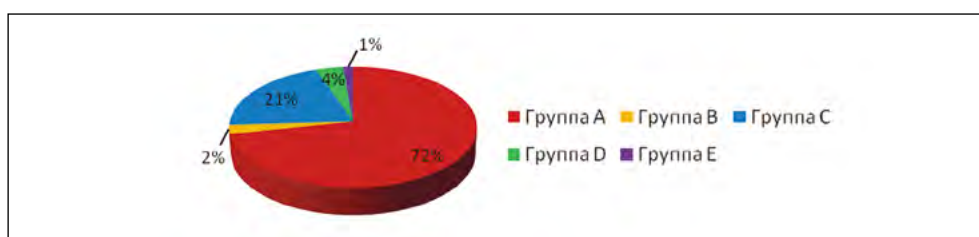
За все время раскопок с 2019 по 2024 г. обнаружено и исследовано 487 знаков. Они были объединены в пять групп, в которых выделено 84 типа символов (**рис. 2**):

- 1) группа А — крестообразные знаки;
- 2) группа В — V-образные знаки;
- 3) группа С — знаки из закругленных линий;
- 4) группа D — знаки, похожие на буквы греческого алфавита;
- 5) группа Е — стреловидные знаки (Скакова, 2025. С. 106–120).

Группа А является самой обширной, она состоит из 38 типов символов, почти в каждом из которых найдено несколько знаков. Она составляет 72% от всех найденных меток в Гиеносе. Группа С состоит из 11 типов знаков, которые составляют 21% от всех найденных. Хотя в группу D входят 18 типов знаков, однако почти все они найдены в единственном экземпляре, поэтому метки этой группы составляют всего 4%. Группы В и Е состоят из 10 и 7 типов символов соответственно, найденных в единственном экземпляре, поэтому занимают всего 2% и 1% от найденных знаков (**табл. 2**).

**Табл. 2.** Раннесредневековый храм Гиеноса. Диаграмма соотношения знаков в группах

**Tab. 2.** Early medieval temple of Gyenos. Diagram of the relationship of signs in groups

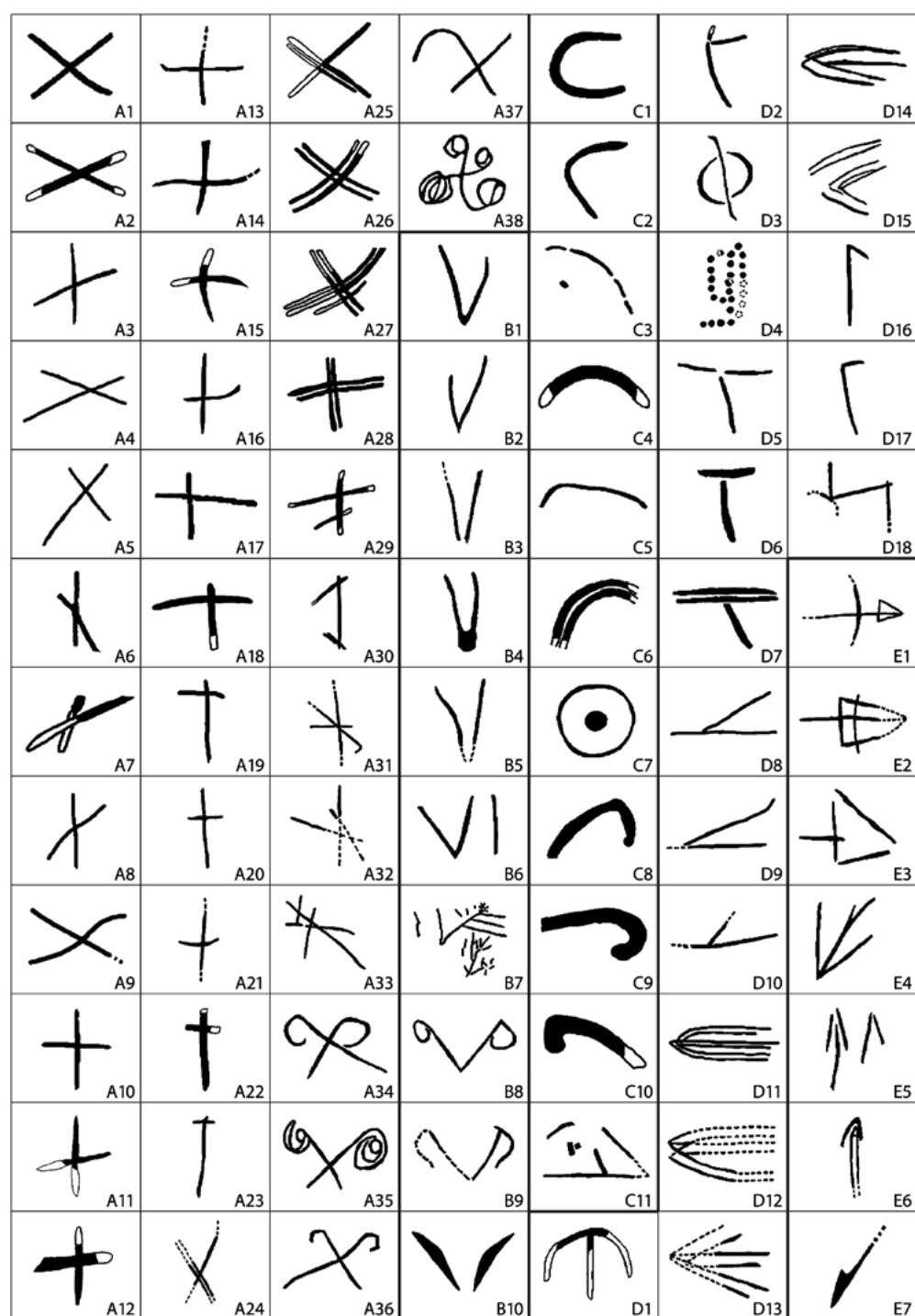


Для 34 типов знаков из выделенных 84 обнаружены аналогии на других памятниках средневекового Кавказа (**рис. 3; 4**). Имеется много общего между ними и знаками, найденными в 49 армянских церквях VII в. н.э., расположенных на территории совр. Армении, Грузии, Азербайджана и Турции. Некоторые знаки, обнаруженные на каменных оборонительных стенах Дербента VI в., также имеют сходство с символами на плинфах из Гиеноса. Всего в Дербенте выделено 277 типов знаков, объединенных в 11 групп, из них 21 тип имеет сходство с метками Гиеноса (Гаджиев, 2016. С. 83–100). В армянских церквях из плинфы, которые находятся на терри-
























































**Рис. 2.** Сводная таблица знаков на плинфах Гиеноса

**Fig. 2.** Summary table of signs on the Gyenos bricks



тории Армении и Турции (Аракелоцванке (X–XIII вв.), Долискане, Кечаванке, Хумсайванке и Цпотиванке (IX–X вв.)), имеется сходство с четырьмя типами знаков из групп А и С (Ёлишин, 2021. С. 350). На плинфах из четырех храмов Абхазии (Алахадзы, Цандрипше, Цибилуеме и с. Веселое, датированных V–VII и IX–XI вв.) присутствует сходство с пятью типами из групп А, С и D (Хрушкова, 2002. С. 178; 2020. С. 108; Khroushkova, 2006. Р. 238; Армарчук, 2012. С. 85–86).

В **группе А** аналогии на Кавказе найдены у 17 из 34 типов знаков. К ним относятся косые, квадратные и прямоугольные кресты, с дополнительными линиями, а также крестообразный знак с верхними завитками. Косые кресты типов А1 и А2 наносились пальцем на всю поверхность верхних постелей плинф, при этом знак типа А1 является одним из самых распро-

Абхазия		Армения		Дербент	Грузия	Турция
Гиенос	Плинфа	Камни	Плинфа	Камни	Камни	Плинфа
	V-VII/IX-XI вв.	VII в.	X-XIII вв.	VI в.	VI-VII вв.	IX-X вв.
 A1						
 A2						
 A3						
 A4						
 A5						
 A6						
 A8						
 A10						
 A17						
 A19						
 A20						
 A26						
 A27						
 A28						
 A29						
 A31						
 A34						

**Рис. 3.** Сравнительная таблица аналогий знакам группы А (по М.С. Гаджиеву, Д.Д. Ёлшину, А.Ю. Казаряну, Л.Г. Хрушковой) (ссылки на источники иллюстраций — см. в тексте)






**Fig. 3.** Comparative table of analogies for signs of group A (according to M.S. Gadzhiev, D.D. Yolschin, A.Yu. Kazaryan, L.G. Khrushkova) (references to sources figures — see text)

страненных символов на плинфах в Гиеносе (к нему относится 102 экз., тогда как к типу А2 — всего 29). Еще одним наиболее часто встречающимся на памятнике символом является прочерченный на верхней постели косой крест типа А3 (46 экз.). В отличие от двух предыдущих символов он имеет достаточно небольшие размеры, всего 6,7×7,5 см. Косые кресты типов А4, А5 и А8 также нанесены острым предметом, но на боковые поверхности и имеют разное начертание. Все они занимают почти всю толщину боковой поверхности и имеют размеры: 5,5×3,3, 4,7×3,1 и 4,1×7,7 см соответственно. Чаще всего встречен тип А4 (12 экз.), на втором месте — тип А8 (девять экз.), к типу А5 относится всего шесть знаков.

Большой интерес представляет небольшой прочерченный на верхней постели косой крест типа А6 (размерами 3,2×5,0 см). Крестов этого типа

**Рис. 4.** Сравнительная таблица аналогий знакам группы B, C, D, E (по А.М. Апакидзе, М.С. Гаджиеву, Д.Д. Ёлшину, А.Ю. Казаряну, G. Chitaia) (ссылки на источники иллюстраций — см. в тексте)

**Fig. 4.** Comparative table of analogies for signs of group B, C, D, E (according to A.M. Apakidze, M.S. Gadzhiev, D.D. Yolschin, A.Yu. Kazaryan, L.G. Khrushkova, G. Chitaia) (references to sources figures — see text)

Абхазия		Армения		Дербент	Грузия	Азербайджан	Турция	
Гиенос	Плинфа	Камни	Плинфа	Камни	Камни	Камни	Камни	Плинфа
	V-VII/IX-XI вв.	VII в.	X-XIII вв.	VI в.	VI-VII вв.	IX-X вв.	VII в.	IX-X вв.
 B1								
 B7								
 C1								
 C3								
 C4								
 C6								
 C7								
 C8								
 C11								
 D1								
 D3								
 D5								
 D8								
 D16								
 E3								
 E4								
 E5								

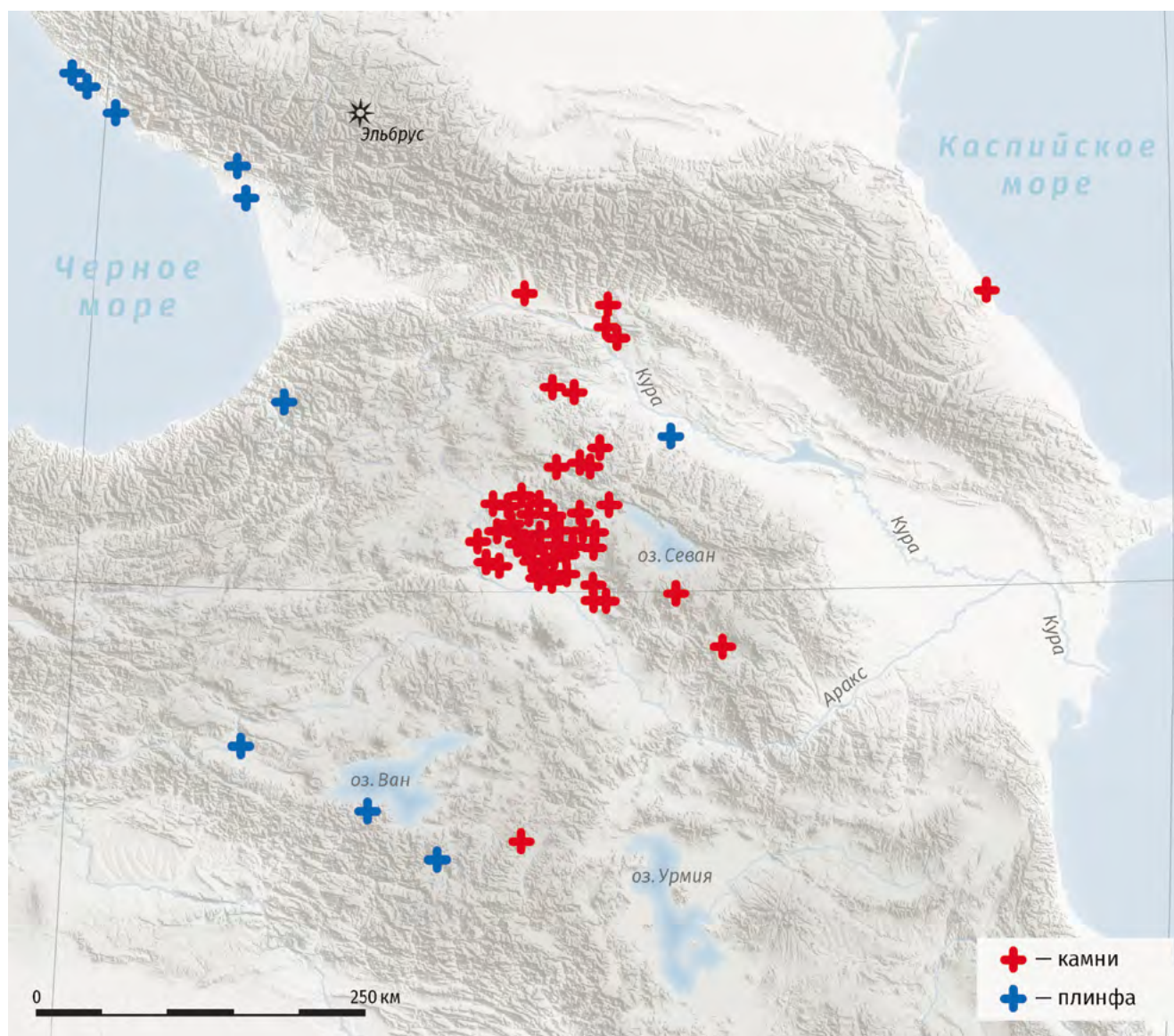
найденно 19 экз. Один из них находился на плинфе, найденной *in situ* в слое пола в юго-западном проеме наоса храма. Квадратный крест типа A10, прочерченный на верхней постели, также имеет небольшие размеры (6,5×7,0 см), найден в восьми экз. Прямоугольный ассиметричный крест типа A17 нанесен пальцем на верхнюю постель, его размеры — 9,5×5,0 см. С этим знаком имеют некоторое сходство прямоугольные кресты типов A19 (12,3×26,0 см) и A20, которые прочерчены острым предметом на верхних постелях. В каждом из этих типов найдено по два знака. Типы A26 и A27 представляют собой косые кресты из двойных и тройных полос, нанесенные пальцем на всю поверхность верхних постелей, оба найдены в единственном экземпляре. Прямоугольный крест типа A28 также нанесен двойными прочерченными линиями и занимает всю поверхность верхней

постели плинфы. К этому типу относятся два креста, обе плинфы с ними были также найдены *in situ* в слое пола. Следует отметить, что все три вышеупомянутые плинфы лежали верхней постелью вниз, соответственно знаки на них видны не были. Крест с дополнительной перекладиной типа А29 начерчен пальцем на верхней постели, дошедшая его часть имеет размеры 8,5×5,5 см. Знак типа А31 также представляет собой крест с дополнительной линией с гаской внизу, однако он прочерчен острым предметом на верхней постели, размеры дошедшей его части — 7,3×9,3 см. Крестообразный знак типа А34 нанесен острым предметом на боковую поверхность, размеры знака — 4,5×3,3 см.

Следует отметить, что наибольшее количество аналогий найдено именно у крестов типов А1 и А10. В 39 из выбранных 49 армянских церквей встречается 12 типов крестообразных знаков, имеющих сходство с символами из Гиеноса. Это шесть вариантов косых крестов, квадратные и три вида прямоугольных, крестообразный знак из двойных линий, с дополнительными полосами и с засечками на концах (в отличие от закругленных концов крестообразного знака типа А34 в Гиеносе). Особенно часто встречаются косые и прямоугольные кресты (Казарян, 2021. С. 13–16). В Дербенте М.С. Гаджиевым выделено 28 типов крестообразных знаков типа А, из них девять похожи на знаки, найденные в Гиеносе. К ним относятся пять вариантов косых крестов, квадратный, два вида прямоугольных и крестообразный знак с дополнительными линиями (Гаджиев, 2016. С. 107. Рис. 5). Аналогии крестообразным знакам на плинфах встречаются гораздо реже, всего в трех храмах: Аракелоцванке, Долискане и Кечававанке. Это косые кресты, очень похожие на типы А1, А26 и А27. Как и в Гиеносе, метки занимают всю поверхность верхних постелей (Ёлишин, 2021. С. 350. Рис. 83). В Абхазии знаки на плинфах, похожие на типы А1 и А10, можно увидеть в базиликах в Цандрипше и Алахадзы (Хрушкова, 2002. С. 178; Khroushkova, 2006. Р. 210; Ёлишин, 2015. С. 333. Рис. 246; 2021. С. 314. Рис. 19).

В **группе В** аналогии на Кавказе пока удалось найти только двум из 10 типов знаков. К ним относится V-образный символ типа В1, прочерченный на верхней постели. Знак очень небольшого размера, всего 1,7×2,7 см. Символ типа В7 представляет собой также прочерченные на верхней постели полосу и V-образный знак, однако справа знак дорисован деревом, и еще одно дерево начерчено ниже. Размеры метки составляют 7,9×6,4 см. Наибольшее количество аналогий можно увидеть у типа В1. V-образные знаки встречаются в 11 храмах, причем ориентация знаков везде разная. В Гаяне также найден символ, отдаленно напоминающий тип В7 (Казарян, 2012. С. 13–16). На каменных сооружениях Дербента знак типа В1 можно увидеть в группе прямолинейных фигур типа Н. Ориентация знака также отличается (Гаджиев, 2016. С. 110. Рис. 8).

Для **группы С** найдено много аналогий — у семи из 11 типов знаков. Прежде всего к этим символам относится один из самых распространенных в Гиеносе: подковообразный знак типа С1, нанесенный пальцем в центре верхней постели. Это достаточно крупный символ, его размеры — 14,5×10,0 см. Также к выбранным меткам относится небольшой символ типа С3 в виде прочерченной на верхней постели закругленной полосы с точкой под ней (размерами 2,1×2,0 см), найденный в единственном экземпляре. Знак типа С4 достаточно распространен (к нему относится 14 экз.) и представляет собой закругленную полосу, нанесенную пальцем на боковую поверхность, размерами 9,0×4,5 см. Знак типа С6 в виде двух парал-



**Рис. 5.** Карта расположения храмов на Кавказе с найденными аналогиями  
**Fig. 5.** Map of the location of temples in the Caucasus with found analogies

лельных полос, прочерченных пальцем на верхней постели, имеет сходство с типом С1. К сожалению, все четыре найденных символа этого типа фрагментированы, размер дошедшей части 9,0×8,5 см. Интересен знак типа С7, представляющий собой круг с точкой внутри, нанесенный предметом, напоминающим клеймо. Размеры символа 2×2 см, он обычно располагается примерно посередине боковой поверхности, к этому типу относится 20 знаков. Плинфа со знаком типа С8, также как и три предыдущих, найдена *in situ* в слое пола. Знак представляет собой полосу с завитком на конце, прочерченную пальцем на верхней постели, размерами 7,0×4,8 см. Последний знак этой группы типа С11 напоминает рисунок, нанесенный острым предметом на верхнюю постель плинфы. Размеры дошедшей части составляют 4,9×2,7 см.

Наибольшее количество аналогий встречается у знаков типов С8 и С1. Знак, похожий на тип С7, найден только в Абхазии и Дербенте. Символы, близкие с группой С, часто встречаются как в армянских средневековых храмах, так и в Дербенте. Аналогии можно увидеть в 22 армянских средневековых церквях, т.е. чуть меньше, чем в половине выбранных. Ориентация знака снова различается (Казарян, 2012. С. 13–16). В Дербенте подобные знаки встречаются в трех группах. Наибольшее количество таких знаков

можно увидеть в группе криволинейных фигур типа G (похожие на типы C1, C4, C6 и C8). Сходство с типом C3 прослеживается у метки из группы криволинейно-точечных знаков типа I, а у типа C7 — в группе кругов и производных фигур типа B (*Гаджиев*, 2016. С. 107, 109–110. Рис. 5; 7; 8). На плинфах из Хумсайванка и Цпативанка, а также в Цандрипше можно увидеть знак, похожий на тип C6, однако в первых двух храмах данный символ состоит из трех параллельных полос (*Ёлиин*, 2015. С. 350. Рис. 83; *Хрушкова*, 2020. С. 108. Рис. 156: 08/99). В Абхазии в Цандрипше и Цибилиуме на верхних постелях плинф также встречаются знаки, похожие на типы C4 и C7 (*Хрушкова*, 2002. С. 178. Рис. 58; *Khroushkova*, 2006. P. 210, 238. Pl. 52: c).

Для **группы D** аналогии на настоящий момент найдены у пяти из 18 типов знаков. Тип D1, состоящий из двух знаков, представляют собой фрагменты ε-образного символа, нанесенного пальцем на верхнюю постель. Метка была достаточно крупной, т.к. размеры сохранившейся части — 9,5×8,5 см. Знак типа D3 является φ-образным символом, прочерченным на боковой поверхности, размеры метки — 1,5×2,5 см. Знак типа D5, прочерченный острым предметом, представляет собой T-образный знак на верхней постели, размерами 6,5×5,0 см. Тип D8 является λ-образным (?) знаком, прочерченным на верхней постели плинфы, размеры символа — 8,7×3,2 см. Знак типа D16 похож на небольшой Г-образный символ (размерами 0,9×2,5 см), прочерченный на боковой поверхности.

Эта группа (для всех пяти выбранных типов знаков) обнаруживает наибольшее сходство со знаками из Дербента, тогда как в армянских храмах можно встретить только три типа (похожие на D1, D5 и D8). Такие символы найдены только в 14 армянских храмах, причем чаще всего встречается метка, похожая на тип D8, тогда как знак, близкий типу D1, найден только в Зарандже (*Казарян*, 2012. С. 13–15). В Дербенте подобные знаки найдены в трех группах. Сходство с типом D3 есть в группе кругов и производных фигур типа B, у типов D5 и D8 — в группе прямолинейных фигур типа H, у типа D1 — в группе литеровидных знаков типа K (*Гаджиев*, 2016. С. 107, 110. Рис. 5; 8). На плинфах похожие знаки пока не зафиксированы.

Для трех из семи типов знаков **группы E** можно найти аналогии на Кавказе. Все три типа представляют собой стрелы разного вида, прочерченные на верхних постелях. Они относятся к типам E3, E4 и E5 и имеют размеры 6,5×5,0, 2,9×4,2 и 4,7×6,8 см соответственно. В Дербенте стреловидных знаков вообще не зафиксировано. В 12 армянских церквях встречаются стреловидные символы, чаще всего это стрелы, напоминающие типы E3 и E4 (*Казарян*, 2012. С. 13–15). Кроме того, стрелы, похожие на эти типы, найдены в крепости в Лазике и в Мцхете (*Анакидзе и др.*, 1958. С. 177. Рис. 113б; *Chitaia et al.*, 2020. P. 175).

Учитывая все найденные на Кавказе схожие с Гиеносом символы, можно сделать вывод, что подобные метки на строительном материале были достаточно распространены. Близкие между собой знаки встречаются от Сочи до севера Турции и от Грузии до Дербента. Однако основная масса памятников с группой общих с Гиеносом знаков расположена на территории Армении (**рис. 5**). Такие знаки можно встретить на строительных материалах от V до XIII в. Главным отличием является именно материал, на который эти знаки нанесены: на настоящий момент наибольшее их количество найдено на камнях, а не на глине. В то же время надо отметить, что в Гиеносе наблюдается очень большое разнообразие символов, некоторые из выделенных типов встречаются в большом количестве. Здесь можно

провести параллель с символами из Дербента. В то же время в армянских храмах редко бывает больше 30 вариантов меток (Казарян, 2012. С. 12).

Найденные знаки определенно должны были нести некую символическую нагрузку, выяснить которую пока не удалось. Учитывая большое сходство со знаками мастеров-каменщиков армянских храмов, можно сделать предположение, что это могли быть метки мастера или группы мастеров-строителей храма. Основные найденные материалы в Гиеносе не имеет привязки к местонахождению в церкви, за исключением трех типов знаков из уровня пола, о которых известно, что они лежали изобращением вниз. На настоящий момент также неизвестны временные рамки изготовленной плинфы, возможно, часть является переиспользованным материалом из более ранних памятников. Дальнейшее изучение найденных и обработанных материалов может дать новые результаты в решении поставленных задач.

### Литература

- Апакидзе А.М., Гобеджишвили Г.Ф., Каландадзе А.Н., Ломтатидзе Г.А., 1958. Мцхета. Итоги археологических исследований. I. Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР. 405 с.
- Армарчук Е.А., Мимоход Р.А., Седов Вл.В., 2012. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // РА. № 3. С. 78–90.
- Барамидзе М.В., Пхакадзе Г.Г., Бжания В.В., Шамба Г.К., Квирквелия Г.Т., Чигосвили Т.Э., 1982. Основные итоги исследований на строительных площадках Абхазской АССР // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР / Под ред. Т.К. Микеладзе. Тбилиси: Мецниереба. С. 90–98.
- Воронов Ю.Н., 1976. Гиенос // СА. № 4. С. 42–55.
- Гаджиев М.С., 2016. Опыт интерпретации знаков строителей Дербента // Степи Восточной Европы в средние века. Сборник статей памяти С.А. Плетневой / Отв. ред. И.Л. Кызласов. М.: ИА РАН. С. 81–118.
- Ёлшин Д.Д., 2015. Кирпич в средневековой церковной архитектуре Абхазии // Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Церковная архитектура Абхазии в эпоху Абхазского царства. Конец VIII–X в. М.: Индрик. С. 323–337.
- Ёлшин Д.Д., 2021. Кирпич в средневековой церковной архитектуре Кавказа: новые обследования и попытка обобщения // Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. История и искусство христианской Алании / Отв. ред.: У.Ю. Кочкаров, А.Ю. Скаков. Изд. 2-е, испр. М.: ИВ РАН. С. 299–381.
- Казарян А.Ю., 2012. Автографы мастеров-каменщиков VII века. Армения, Иверия, Кавказская Албания. М.: URSS. 48 с.
- Кобахия Б.С., Хрушкова Л.Г., Шамба С.М., 1987. Результаты исследований раннехристианской церкви на городище Гюэнос // Археологические открытия в Абхазии 1983 г. Тбилиси: Мецниереба. С. 23–28.
- Куфтин Б.А., 1950. Материалы к археологии Колхиды. Т. II. Археологические изыскания в Рионской низменности и на Черноморском побережье 1935 и 1936 годов. Тбилиси: Техника да Шрома. 381 с.
- Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Акопян А.В., Ендольцева Е.Ю., 2020. Ранневизантийский храм на городище древнего Гиеноса (Абхазия): новые находки // Архитектурная археология. № 2. С. 39–50.
- Скакова И.В., Скаков А.Ю., Джопуа А.И., 2021. Плинфа раннесредневекового храма в Гиеносе (г. Очамчира, Республика Абхазия): публикация материалов раскопок 2019–2021 гг. // Byzantino Caucasica. I. С. 9–53.
- Скакова И.В., Джопуа А.И., Фомин М.В., Скаков А.Ю., 2024. Плинфы со знаками из раннесредневекового храма в Гиеносе: итоги работ 2023 г. // Вестник Дагестанского науч. центра. Вып. 93. С. 32–48.
- Скакова И.В., 2025. Знаково-символическая культура строителей средневековых храмов: репертуар знаков на строительной керамике византийского Гиеноса // Проблемы



- сохранения объектов культурного наследия и новейшие цифровые технологии: Сб. материалов круглого стола / Ред.: Е.Ю. Ендольцева и др. М.: ИВ РАН. С. 103–124.
- Хрушкова Л.Г., 2002. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: Наука. 500 с.
- Хрушкова Л.Г., 2018. Восточное Причерноморье в византийскую эпоху. История. Архитектура. Археология. Калининград; М.: РОС-ДООАФК. 480 с. (Труды ист. ф-та МГУ; Т. 137. Серия II. Исторические исследования; Вып. 80).
- Хрушкова Л.Г., 2020. Раннехристианская двойная церковь в Пицунде в Абхазии. М.; Сухум: Абгосиздат. 216 с.
- Шамба С.М., 1988. Гиенос-1. Тбилиси: Мецниереба. 136 с.
- Chिताiа G., Papuashvili R., Vinogradov A., 2020. A New Complex of Greek Inscriptions from Machkhomei Fortress in Lazica // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 214. P. 169–178.
- Khroushkova L., 2006. Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noir. Abkhazie. IV<sup>e</sup>–XIV<sup>e</sup> siècles. Belgium: Brepols Publishers n.v. 340 p.

## Commonality of signs of early medieval builders of the Caucasus on the example of the temple of Gyenos, Armenian temples and the fortress of Derbent

Izabella V. Skakova<sup>2</sup>

The article examines the signs and symbols left by craftsmen and/or builders on the bricks of the early medieval temple at Gienos (Ochamchira District, Republic of Abkhazia). This is the first monument in Abkhazia where such an analysis of symbolism on building ceramics has been conducted. A detailed database of signs in the Caucasus can be found in the works of A.Yu. Kazaryan, who described the symbols of master masons on Armenian churches of the 7<sup>th</sup> century, as well as in articles by M.S. Gadzhiev, who systematized the builders' marks found on stone fortifications in Derbent. Despite the difference in the materials on which they were applied, some of these marks are very similar to the signs on the bricks from Gienos. The article provides a detailed description of the symbols that bear parallels to those found in other building materials in the Caucasus.

**Keywords:** *Abkhazia, Armenia, Derbent, Gyenos, early medieval temple, bricks, signs on bricks*

2 Izabella V. Skakova — Institute of Oriental Studies of the RAS, 12 Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation; e-mail: bella.skakova@yandex.ru; ORCID: 0009-0000-6929-2994.

## Список печатных работ Александра Юрьевича Скакова

### Научные работы по археологии

#### 1994

Относительная хронология погребений Тлийского могильника // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 1994. С. 37–38.

#### 1996

Железодельный комплекс на поселении Сауар // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX «Крупновские чтения». М., 1996. С. 116–117. (В соавторстве с Мошинским А.П.).

Работы Северо-Кавказской экспедиции ГИМ в 1991–1995 годах // Тезисы докладов Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 годах. М., 1996. С. 35–37. (В соавторстве с Мошинским А.П.).

#### 1997

К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии. М., 1997. С. 70–87.

Работы в Дигорском ущелье Северной Осетии // Археологические открытия 1996 года. М., 1997. С. 220–221. (В соавторстве с Мошинским А.П.).

#### 1998

Изображения звериных лап и голов в кобано-колхидском графическом искусстве // Древности Северного Кавказа. Махачкала, 1998. С. 96–104.

Об одной из групп кобано-колхидских орнаментированных топоров // Историко-археологический альманах / Армавир. краевед. музей. Вып. 4. Армавир; М., 1998. С. 12–23.

Семантика топора и стрелы у древнего населения Кавказа // Военная археология: оружие и военное дело в исторической перспективе. СПб., 1998. С. 44–47.

Эволюция кобано-колхидского графического стиля и его локальные варианты // XX юбилейные международные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Ставрополь, 1998. С. 116–118.

#### 1999

Культовый комплекс в производственном квартале кобанского поселения Сауар // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1999. С. 146–148. (В соавторстве с Мошинским А.П.).

Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 121–135.

Работы в Дигории // Археологические открытия 1997 года. М., 1999. С. 181–182. (В соавторстве с Мошинским А.П.).

**2000**

К вопросу о хронологии некоторых закавказских кладов эпохи поздней бронзы // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Кисловодск, 2000. С. 132–133.

Новые исследования по кобанской культуре // РА. 2000. № 2. С. 205–212. (В соавторстве с Мошинским А.П.).

**2001**

Некоторые редкие мотивы кобано-колхидского графического искусства // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001. С. 97–122.

Хронология протокобанских памятников // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 233–238.

Исследования в Дигорском ущелье // Археологические открытия 1999 года. М., 2001. С. 160–161. (В соавторстве с Мошинским А.П.).

Культы кобанского поселения Сауар // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001. С. 86–102. (Материалы по археологии России; № 3). (В соавторстве с Мошинским А.П.).

**2002**

К вопросу о хронологии Красномаякского могильника // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища: Материалы междунар. науч. конф. Ч. 2. СПб., 2002. С. 220–232.

Клад из Мехчис-цixe в контексте хронологии некоторых археологических памятников Юго-Западного Закавказья // РА. 2002. № 2. С. 132–141. (В соавторстве с Вальчаком С.Б.).

**2003**

К вопросу о хронологии Красномаякского могильника // Абхазоведение: история, археология, этнология. Вып. 2. Сухум, 2003. С. 30–41.

К вопросу о хронологии могильника Гуадику // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Резюме докладов XI междунар. науч. конф. (31 мая – 5 июня 2003 г.). Ростов-на-Дону, 2003. С. 11.

Об одной категории протокобанских украшений // РА. 2003. № 1. С. 91–102.

Сурьмяные украшения Дигорского ущелья протокобанской эпохи // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф. Ч. II. М.: ГИМ, 2003. С. 18–22.

Хронология могильников Колхиды раннего железного века // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. СПб., 2003. С. 142–144.

Памяти Николая Константиновича Шенкао (1937–2003) // РА. 2003. № 4. С. 178–179. (В соавторстве с Авидзба В.Ш.).

Дигорские «пекторали» предскифского периода // РА. 2003. № 3. С. 114–122. (В соавторстве с Вальчаком С.Б.).

Работы в Бзыбской Абхазии // Археологические открытия 2002 года. М., 2003. С. 455–457, рис. 43. (В соавторстве с Джопуа А.И., Брилевой О.А.).

**2004**

К вопросу о нартских ныхасах Кавказа // Евразия: Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы: тез. докл. науч. конф. (16–19 ноября 2004 г.). М., 2004. С. 169–172.

Некоторые проблемы и перспективы изучения колхидской культуры // Древний Кавказ: ретроспекция культур: Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Евгения Игнатьевича Крупнова. XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. М., 2004. С. 178–181.

Протокобанская эпоха на Кавказе // Кавказ: история, культура, традиции, языки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Абхазского ин-та гуманитар. исслед. им. Д.И. Гулиа (28–31 мая 2001 г.). Сухум, 2004. С. 188–196.

Новые находки в селе Абгархук из Абхазии // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 335–343. (В соавторстве с Бжания Д.С.).

Комплексы второй половины V – IV вв. до н.э. с бронзовыми «эгретками» из Абхазии // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь; Керчь, 2004. С. 27–46. (В соавторстве с Джоуа А.И.).

Новый памятник колхидской культуры в Бзыбской Абхазии // Абхазоведение: история, археология, этнология. Вып. III. Сухум, 2004. С. 40–59. (В соавторстве с Джоуа А.И.).

Новый могильник колхидской культуры в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир, 2004. С. 66–84. (В соавторстве с Джоуа А.И., Шамба Г.К.).

Раскопки поселения эпохи бронзы в селе Абгархук // XLVIII итоговая научная сессия (11–13 мая) Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии: Тез. докл. Сухум, 2004. С. 19–22. (В соавторстве с Джоуа А.И., Цвинария И.И.).

Работы в селе Абгархук Бзыбской Абхазии // Археологические открытия 2003 года. М., 2004. С. 522–525. (В соавторстве с Джоуа А.И., Цвинария И.И., Брилевой О.А., Филатовой А.Н.).

## 2005

Ареал распространения и назначение «нартовских ныхасов» Кавказа // II международная научная конференция «Полевая этнография»: Материалы конф. СПб., 2005. С. 66–67.

Беденская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 3. М., 2005. С. 157.

Два бронзовых топора из Бзыбской Абхазии // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тез. и докл. Краснодар, 2005. С. 264–265.

К изучению хронологии колхидской культуры // РА. 2005. № 3. С. 16–24.

Ещё раз о хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья: памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005. С. 201–227. (В соавторстве с Эрлихом В.Р.).

К вопросу о времени бытования мотыжек типа «Сочи-Адлер» // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тез. и докл. Краснодар, 2005. С. 261–263. (В соавторстве с Джоуа А.И., Цвинария И.И.).

Новые данные об Абгархукском поселении // XLIX итоговая научная сессия Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа: Тез. докл. Сухум, 2005. С. 23–26. (В соавторстве с Джоуа А.И., Цвинария И.И.).

Новый позднекобанский комплекс из горной Чечни // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья: памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005. С. 504–509. (В соавторстве с Сташенковым Д.А.).

Работы в селе Абгархук Гудаутского района Абхазии // Археологические открытия 2004 года. М., 2005. С. 563–565. (В соавторстве с Джоуа А.И., Цвинария И.И., Брилевой О.А., Филатовой А.Н.).

## 2006

Ганджа // Большая Российская Энциклопедия. Т. 6. М., 2006. С. 378.

Вани // Большая Российская Энциклопедия. Т. 4. М., 2006. С. 581.

Вишапы // Большая Российская Энциклопедия. Т. 5. М., 2006. С. 414.

Еще раз к вопросу о кобано-колхидском единстве // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Третья Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рожд. проф. Г.А. Федорова-Давыдова: Тез. докл. М., 2006. С. 45–47.

К вопросу о происхождении обряда кремации у кобанских и колхидских племен // Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия: Первая Абхазская междунар. археолог. конф.: посвящ. памяти Ю.Н. Воронова: Материалы. Сухум, 2006. С. 325–328.

К вопросу об использовании перевалов Западного Кавказа в эпоху раннего железа // Производственные центры, источники, «дороги», ареал распространения: Материалы тематич. науч. конф. СПб., 2006. С. 80–85.

«Нартовские ныхасы» Кавказа // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии: памяти В.Н. Чернецова. М., 2006. С. 282–312.

Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 2006. С. 172–175.

Проблемы выделения археологических культур эпохи поздней бронзы – раннего железа в Западном Закавказье // Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. археолог. съезда (23–28 октября 2006 г.). Т. I. Новосибирск, 2006. С. 461–463.

Исследования совместной археологической экспедиции ИА РАН и АБИГИ на территории Абхазии в 2002–2005 гг. // Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия: Первая Абхазская междунар. археолог. конф.: посвящ. памяти Ю.Н. Воронова: Материалы. Сухум, 2006. С. 82–85. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Могильник абазгов в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 6. Краснодар, 2006. С. 235–260. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Великентский комплекс // Большая Российская Энциклопедия. Т. 4. М., 2006. С. 734. (В соавторстве с Магомедовым Р.Г.).

Исследования Абгархукского поселения в 2005 г. // 50-я итоговая научная сессия Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа Академии наук Абхазии: Тез. докл. Сухум, 2006. С. 47–51. (В соавторстве с Джопуа А.И., Цвинария И.И., Гольевой А.А.).

## 2007

Даблагоми // Большая Российская Энциклопедия. Т. 8. М., 2007. С. 209.

Дигорская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 8. М., 2007. С. 729.

Дольмен // Большая Российская Энциклопедия. Т. 9. М., 2007. С. 225–226.

Дольменная культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 9. М., 2007. С. 226.

Гинчинская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 7. М., 2007. С. 149.

К вопросу о погребальных обрядах населения древней Колхиды // Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2007. С. 215–218.

К вопросу о функционировании перевальных коммуникаций на Западном и Центральном Кавказе в древности // Восток в эпоху древности: Новые методы исследований: Междисциплинарный подход, общество и природная среда: Тез. конф. М., 2007. С. 44–45.

«Кобанская бронза» Бзыбской Абхазии // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Материалы Междунар. науч. конф. «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала, 2007. С. 102–105.

Некоторые неопубликованные позднекобанские древности Чечни // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2007. № 1. С. 176–182.

Некоторые проблемы изучения хронологии колхидской культуры // Вестник Академии наук Абхазии. 2007. № 2. С. 189–208.

Позднеколхидские памятники у перевалов Главного Кавказского хребта // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: материалы Междунар. науч. конф. Ч. II. СПб., 2007. С. 196–205.

«Черная археология» в Абхазии // Международный художественный бизнес в контексте глобализации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2007. С. 57–61.

Двин // Большая Российская Энциклопедия. Т. 8. М., 2007. С. 373. (В соавторстве с Гавритухиным И.О.).

Дманиси // Большая Российская Энциклопедия. Т. 9. М., 2005. С. 120. (В соавторстве с Зубовым А.А.).

Жилище эпохи бронзы на территории Абхазии // Лавровский сборник. Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2007. С. 202–204. (В соавторстве с Гольевой А.А., Джоуа А.И.).

Исследования в Абхазии // Археологические открытия 2005 г. М., 2007. С. 576–578. (В соавторстве с Джоуа А.И., Цвинария И.И.).

Памяти Георгия Кучовича Шамба // РА. 2007. № 3. С. 186–190. (В соавторстве с Эрлихом В.Р., Джоуа А.И.).

Грузия (Исторический очерк: археология) // Большая Российская Энциклопедия. Т. 8. М., 2007. С. 57. (В соавторстве с Михалёвой Н.А. и др.).

Гянджа // Большая Российская Энциклопедия. Т. 8. М., 2007. С. 207. (В соавторстве с Араповым Д.Ю. и др.).

Дагестан (Исторический очерк: археология) // Большая Российская Энциклопедия. Т. 8. М., 2007. (В соавторстве с Михалёвой Н.А. и др.).

Дагестан (археология) // Большая Российская Энциклопедия. Т. 8. М., 2007. (В соавторстве с Аликберовым А.К. и др.).

## 2008

Две пряжки из могильника Фаскау и судьбы кобано-колхидского графического искусства // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: Материалы тематич. науч. конф. СПб., 2008. С. 144–148.

Зандак клад // Большая Российская Энциклопедия. Т. 10. М., 2008. С. 230.

Казбекский клад // Большая Российская Энциклопедия. Т. 12. М., 2008. С. 444.

К вопросу о хронологии некоторых закавказских кладов эпохи поздней бронзы // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. С. 709.

Комплекс археологических памятников у селения Камунта в горной Дигории // Северный Кавказ в древности и в средние века. Махачкала, 2008. С. 129–151.

Криминальный промысел «черных» археологов // Республика Абхазия. 2008. № 10 (2238) (29–30 января).

Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. С. 955–956.

Относительная хронология погребений Тлийского могильника // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. С. 514.

Погребальные памятники Бзыбской Абхазии X–VII вв. до н.э. // РА. 2008. № 1. С. 15–27.

Происхождение и хронология фибул древней Колхиды // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Владикавказ, 2008. С. 342–344.

Урарту и Колхида: к вопросу о связях // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. М., 2008. С. 67–69.

Фибулы древней Колхиды: происхождение, типология, хронология // Revista Arheologică. Serie nouă. 2008. Vol. IV. Nr. 2. С. 74–99.

Эволюция кобано-колхидского графического стиля и его локальные варианты // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. С. 647–648.

Бронзовые «эгретки» из Абхазии // Труды Абхазского государственного музея. Вып. VI. Сухум, 2008. С. 3–25. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Джантухский могильник в контексте древней истории Колхиды: новые исследования // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. М., 2008. С. 69–72. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Джантухский могильник – памятник локального варианта Ингури-Рионской колхидской культуры // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Владикавказ, 2008. С. 345–347. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Раскопки Джантухского могильника // 52 научная отчетная сессия Абхазского института гуманитарных исследований: Тез. докл. Сухум, 2008. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Древние металлурги Горной Осетии // Горный журнал. Цветные металлы. Черные металлы. Обогащение руд. 2008. Спец. вып. Посвящен Государственному историческому музею. С. 5–9. (В соавторстве с Мошинским А.П.).

Железодельный комплекс на поселении Сауар // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2008. С. 582. (В соавторстве с Мошинским А.П.).

Кобано-колхидская культурно-историческая общность: внутренняя структура и отражающие ее понятия // В.Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения: I Всероссийские Миллеровские чтения: Тез. докл. Владикавказ, 2008. С. 28–29. (В соавторстве с Мошинским А.П.).

Абгархукское поселение в контексте поселенческих памятников Западного Закавказья эпохи бронзы // Поселение как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии): Тез. докл. Междунар. науч. конф. М., 2008. С. 13–15. (В соавторстве с Джопуа А.И., Гольевой А.А.).

Ингушетия (Исторический очерк: археология) // Большая Российская Энциклопедия. М., 2008. (В соавторстве со Страшун Б.А. и др.).

## 2009

Кармир-Бердская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 13. М., 2009. С. 186.

Каякентско-харачоевская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 13. М., 2009. С. 420.

Квишарские клады // Большая Российская Энциклопедия. Т. 13. М., 2009. С. 498.

Клдеети // Большая Российская Энциклопедия. Т. 14. М., 2009. С. 245.

Кироваканский курган // Большая Российская Энциклопедия. Т. 14. М., 2009. С. 33.

Кобанская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 14. М., 2009. С. 361.

Колхидская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 14. М., 2009. С. 564.

Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // КСИА. 2009. Вып. 223. С. 143–172.

Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии // Кавказ: Археология и этнология: Материалы Междунар. науч. конф. Баку, 2009. С. 173–177. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Древнейшие погребения Джантухского могильника // Историко-археологический альманах. Вып. 9. Армавир; Краснодар; М., 2009. С. 17–27. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Некоторые новые случайные находки эпохи раннего железа из Бзыбской Абхазии // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009. С. 352–355. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Раскопки на горе Джантух // Археологические открытия 2006 года. М., 2009. С. 724–726. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Ачандара акытантэи абазгаа рыпсыжырта // Алашара. 2009. № 3. С. 156–160. (В соавторстве с Цьануа А.И.).



Разведки на горе Лашкендар // Археологические открытия 2006 года. М., 2009. С. 721–722. (В соавторстве с Джопуа А.И., Федотовой А.В.).

Новые поселения эпохи бронзы – раннего железа на территории Имеретинской низменности и их место в системе поселенческих древностей Северо-Западного Закавказья // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009. С. 90–93. (В соавторстве с Джопуа А.И., Мимоходом Р.В., Клещенко А.А.).

## 2010

Ареал распространения и хронология крестовидных подвесок на Кавказе // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Магас, 2010. С. 324–327.

Археологические исследования в Абхазии // Институт археологии: Новые полевые исследования. М., 2010. С. 28–29.

К вопросу о выделении археологических культур в Западном Закавказье // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: Сб. ст. к 100-летию со дня рожд. Леонида Ивановича Лаврова. СПб., 2010. С. 48–67.

Крупнов Евгений Игнатьевич // Большая Российская Энциклопедия. Т. 16. М., 2010. С. 128.

Кувшинные погребения // Большая Российская Энциклопедия. Т. 16. М., 2010. С. 246.

Кумбулта // Большая Российская Энциклопедия. Т. 16. М., 2010. С. 330.

Куро-Араксская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 16. М., 2010. С. 421.

Куфтин Борис Алексеевич // Большая Российская Энциклопедия. Т. 16. М., 2010. С. 479.

Кызыл-Ванк // Большая Российская Энциклопедия. Т. 16. М., 2010. С. 507.

О формировании и исторических судьбах Бзыбской колхидской культуры // Археология, этнология, фольклористика Кавказа: междунар. науч. конф. (Тбилиси, 25–27 июня 2009): Сб. крат. содерж. докл. Тбилиси, 2010. С. 263–264.

Исследования на горе Джантух // Археологические открытия 2007 года. М., 2010. С. 565–567. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Абгархукское поселение эпохи бронзы в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 11. Армавир, 2010. С. 32–73. (В соавторстве с Джопуа А.И., Гольевой А.А.).

Jantuch Burial of the Early Iron Epoch in Abhazya // 2<sup>nd</sup> International Congress of Eurasian archaeology. East Anatolian and Caucasian bronze Age Cultures (ICEA 2010, Tire): Abstracts. Izmir, 2010. P. 24. (В соавторстве с Dzhopua A.).

## 2011

Абхазия в контексте древней истории Восточного Причерноморья // Первые международные Инал-Иповские чтения (Сухум, 9–12 октября 2007 г.). Сухум, 2011. С. 329–347.

Абхазия в эпоху античности: страна на перекрестке культур и коммуникаций // Материалы Первой международной научной конференции, посвященной 65-летию В.Г. Ардзинба. Сухум, 2011. С. 115–129.

Колокольчики «казбекского типа» // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород – Старая Русса). Т. I. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 383–385.

Луговой // Большая Российская Энциклопедия. Т. 18. М., 2011. С. 99–100.

Луристанские бронзы // Большая Российская Энциклопедия. Т. 18. М., 2011. С. 152.

Лчашен // Большая Российская Энциклопедия. Т. 18. М., 2011. С. 175–176.

Погребальные ямы Колхиды // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный; М., 2011. С. 95–113.

Раскопки Джантухского могильника в Абхазии // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 4 (65). С. 121–132.

Талыш-муганская археологическая культура. Краткий очерк // The 2<sup>nd</sup> International Conference on Talishi Studies: Abstracts. Yerevan, 2011. С. 22–24.

Вклад М.М. Трапш в изучение древностей Абхазии // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Вторая Абхазская Междунар. археолог. конф. (8–12 ноября 2008 г.): посвящ. памяти М.М. Трапш: материалы. Сухум, 2011. С. 9–13. (В соавторстве с Бгажба О.Х.).

Джантухский могильник в Абхазии: новые открытия // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Вторая Абхазская Междунар. археолог. конф. (8–12 ноября 2008 г.): посвящ. памяти М.М. Трапш: материалы. Сухум, 2011. С. 132–147. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Древнейшие погребения Джантухского могильника // Абхазоведение: археология, история, этнология. Вып. V–VI. Сухум, 2011. С. 8–26. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Исследования Джантухского могильника // АО 2008 г. М., 2011. С. 532–533. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

К вопросу о датировке Лашкендарского храма и рельефа с барсами // Первые международные Инал-Иповские чтения (Сухум, 9–12 октября 2007 г.). Сухум, 2011. С. 362–363. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Материалы защиты Ю.Н. Вороновым диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук // Проблемы археологии Кавказа: к 70-летию Ю.Н. Воронова: Сб. материалов Междунар. науч. конф. Сухум, 2011. С. 202–298. (В соавторстве с Чхаидзе В.Н.).

Новые данные о поселениях района Сочи в эпоху раннего железа (по материалам раскопок в Имеретинской низменности) // Проблемы археологии Кавказа: Сб. материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Ю.Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум, 2011. С. 61–74. (В соавторстве с Мимоходом Р.А., Клещенко А.А.).

## 2012

Археология в Абхазии на рубеже XX–XXI вв. Проблемы и перспективы // Международный симпозиум, посвященный 125-летию со дня рождения академика Иосифа Абгаровича Орбели: Тез. докл. Ереван, 2012. С. 107–115.

Комментарии к статье Б. Тержан «В поисках Медеи – исследование по раннему железному веку Кавказа» // Российский археологический ежегодник. № 2. СПб., 2012. С. 541–548.

Мингечаур // Большая Российская Энциклопедия. Т. 20. М., 2012. С. 343–344.

Муганская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 21. М., 2012. С. 378.

Муцацир // Большая Российская Энциклопедия. Т. 21. М., 2012. С. 539.

Нальчикская гробница // Большая Российская Энциклопедия. Т. 21. М., 2012. С. 728.

Находки подражаний статерам Александра Македонского и Лисимаха в Западном Закавказье // Историко-археологический альманах. Вып. 11. Армавир; Краснодар; М., 2012. С. 53–69.

Об одной группе поясных пряжек кобано-колхидской культурно-исторической общности // Проблемы археологии Кавказа: Сб. группы по археологии Кавказа. Вып. 1. М., 2012. С. 132–147.

Мещанинов Иван Иванович // Большая Российская Энциклопедия. Т. 20. М., 2012. С. 202. (В соавторстве с Алпатовым В.М.).

Мингечаур // Большая Российская Энциклопедия. Т. 20. М., 2012. С. 343–344.

Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Евразия в скифо-сарматское время: памяти Ирины Ивановны Гущиной. М., 2012. С. 217–238. (Тр. ГИМ; вып. 191). (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Новая находка золотого подражания статеру Александра Македонского в Западном Закавказье // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские чтения»: Материалы Междунар. науч. конф. Махачкала, 2012. С. 234–236. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

К вопросу о датировке кинжалов типа Postiș на основании кавказских параллелей // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII

«Крупновские чтения»: Материалы Междунар. науч. конф. Махачкала, 2012. С. 198–200. (В соавторстве с Козубовой А.).

Мцхета // Большая Российская Энциклопедия. Т. 21. М., 2012. С. 545–546. (В соавторстве с Павлиновым П.С.).

Памяти Д.С. Бжания // РА. 2012. № 3. С. 188–189. (В соавторстве с Джоуа А.И., Агумаа А.С.).

Международная научная конференция XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010 г. // РА. 2012. № 1. С. 183–187. (В соавторстве с Албеговой З.Х., Корневским С.Н., Коробовым Д.С., Багаевым М.Х., Гадиевым У.Б.).

Über die Formierung der Bzyb'-Kolchis-Kultur // Austausch und Kulturkontakt im Südkaukasus und seinen Angrenzenden Regionen in der Spätbronze-/Frühisenzeit (Ende 2./Anfang 1. Jt. v.Chr.) / Hrsg. A. Mehnert, G. Mehnert, S. Reinhold. Langenweißbach, 2012. S. 47–63.

## 2013

Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников // Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья / Ин-т востоковедения РАН. Т. I. Абхазия. М., 2013. С. 23–75.

Крестовидные подвески-навершия в кобано-колхидских древностях // Древности Западного Кавказа. Вып. I. Краснодар, 2013. С. 29–43.

Норшун-тепе // Большая Российская Энциклопедия. Т. 23. М., 2013. С. 345–346.

О начале изучения археологических памятников Кодорского ущелья Республики Абхазия // Маан О.В. Гулрыпшский район Абхазии. История, этнография. Сухум, 2013. С. 484–488.

О некоторых образах кобано-колхидского искусства: скульптурные изображения лежащего зверя и зооморфные свастики // Археологические вести. Вып. 19. СПб., 2013. С. 229–245.

Культовая вымостка и «тайник»: неизвестные особенности колхидского погребального обряда на могильнике Джантух // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: материалы конф. Краснодар, 2013. С. 381–384. (В соавторстве с Джоуа А.И.).

Новые исследования на Джантухском могильнике: 2010–2012 гг. Предварительное сообщение // Абхазоведение: археология, история, этнология. Вып. VIII–IX. Сухум, 2013. С. 7–19. (В соавторстве с Джоуа А.И.).

Памяти Д.С. Бжания // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Вып. VIII–IX. Сухум, 2013. С. 373–375. (В соавторстве с Джоуа А.И., Агумаа А.С.).

Памяти Анзора Семеновича Агумаа (1958–2012) // Абхазоведение: археология, история, этнология. Вып. VIII–IX. Сухум, 2013. С. 376–381. (В соавторстве с Джоуа А.И., Ендольцевой Е.Ю.).

Открытия Г.К. и С.М. Шамба на могильнике Джантух: новый взгляд на старые находки // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Материалы Третьей Абхазской междунар. археолог. конф., посвящ. памяти Г.К. Шамба (28 ноября – 1 декабря 2011 года, г. Сухум). Сухум, 2013. С. 22–45. (В соавторстве с Джоуа А.И., Козубовой А.).

Раскопки могильника на горе Джантух // Археологические открытия 2009 года. М., 2013. С. 354–356. (В соавторстве с Джоуа А.И., Козубовой А.).

Памяти Анзора Семеновича Агумаа (1958–2012) // РА. 2013. № 2. С. 189–190. (В соавторстве с Сангулия Г.А., Требелевой Г.В.).

Георгий Кучович Шамба. Ученый, археолог, друг // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Материалы Третьей Абхазской междунар. археолог. конф., посвящ. памяти Г.К. Шамба (28 ноября – 1 декабря 2011 года, г. Сухум). Сухум, 2013. С. 11–22. (В соавторстве с Джоуа А.И., Ксенофонтовой И.В., Эрлихом В.Р.).

Investigation of the chemical Composition of the colchian Gold Articles of 5–2 cc. B.C. from Dzhantuch burial Mound // XIXe colloque d'Archéométrie du GMPCA (Groupe des Méthodes Pluridisciplinaires Contribuant à l'Archéologie) (22–26 avril 2013, Université de Caen Normandie). Caen, 2013. P. 216–217. (В соавторстве с Saprykina I.).

**2014**

Восточная Абхазия в эпоху раннего железа (по материалам новых исследований Джантухского могильника) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II. Казань, 2014. С. 169–172.

Очамчирский археологический комплекс // Большая Российская Энциклопедия. Т. 24. М., 2014. С. 745.

Ткуарчалская археологическая экспедиция // Научные экспедиции Российского гуманитарного научного фонда. М., 2014. С. 365–366.

Транскавказские связи на Западном и Центральном Кавказе в эпоху раннего железа // Древняя и средневековая культура адыгов: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Нальчик 16–20 октября 2013 г.). Нальчик, 2014. С. 151–172.

О книге «Археологическое наследие Армении» // Ушарздан (Памятник): ежегодник. 9. Ереван, 2014. С. 169–170.

Пицунда // Большая Российская Энциклопедия. М., 2014. С. 303–304. (В соавторстве с Бруенок А.В.).

Керамика могильника Джантух эпохи раннего железа (Восточная Абхазия) // КСИА. 2014. Вып. 236. С. 99–108. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Керамический комплекс могильника Джантух // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М., 2014. С. 197–200. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

**2015**

Джантухский могильник в Абхазии // Институт археологии: Новые экспедиции и проекты. М.: ИА РАН, 2015. С. 30–31.

К вопросу о механизмах формирования колхидских древностей Западного Закавказья = Zur Frage der Mechanismen Formierung der kolchischen Antike im Westlichen Transkaukasien // Кавказ как связующее звено между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога: к 140-летию А.А. Миллера: Материалы Междунар. науч. археолог. конф. и Гумбольд-лектория (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург) / Ред. М.Т. Кашуба и др. СПб., 2015. С. 156–161.

Самтавро культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 29. М., 2015. С. 304–305.

Северокавказская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 29. М., 2015. С. 650.

Античный керамический импорт Джантухского могильника // Древняя Диоскуриада: Материалы конф. (4 декабря 2015 года, г. Сухум. Сухум, 2016. С. 55–71. (В соавторстве с Джопуа А.И., Журавлевым Д.В.).

Поселение Джантух в Восточной Абхазии: к вопросу о социальном статусе ремесленников эпохи Великого переселения народов // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные: Материалы Междунар. науч. конф. (Сухум, 31 мая – 5 июня 2015 г.) / Отв. ред. А.В. Мастыкова. М.: ИА РАН, 2015. С. 41–44. (В соавторстве с Кадиевой А.А., Джопуа А.И.).

Могильник эпохи раннего железа Веселое 2 (предварительная публикация) // Города, поселения, могильники: Сб. ст. Чебоксары: Перфектум, 2015. С. 78–99. (Материалы охранных археологических исследований; т. 17). (В соавторстве с Мимоходом Р.А., Клещенко А.А.).

Поселения раннего железного века и средневековья в зоне строительства олимпийских объектов (г. Сочи, Краснодарский край) // Институт археологии: Новые экспедиции и проекты. М.: ИА РАН, 2015. С. 40–41. (В соавторстве с Мимоходом Р.А., Клещенко А.А.).

Раскопки Джантухского могильника // Археологические открытия 2010–2013 гг. М., 2015. С. 812–815. (В соавторстве с Джопуа А.И., Козубовой А., Кадиевой А.А.).

Работы Сочинской экспедиции ИА РАН в зоне строительства олимпийских объектов // Археологические открытия 2010–2013 гг. М., 2015. С. 397–399. (В соавторстве с Мимоходом Р.А., Клещенко А.А., Армарчук Е.А.).

XXVIII Международные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Москва, 2014 // РА. 2015. № 1. С. 183–188. (В соавторстве с Багаевым М.Х., Албеговой З.Х., Корневским С.Н., Коробовым Д.С., Леоновой Е.В., Малашевым В.Ю.).

Einige kritische Bemerkungen zur Datierung der Dolche vom Typ Posmuş und ihrer kaukasischen Parallelen // An der Grenze der Bronze- und Eisenzeit. Festschrift für Tibor Kemenczei zum 75. Geburtstag / Hrsg. I. Szathmari. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2015. S. 301–315. (В соавторстве с Kozubová A.).

## 2016

Археология в Абхазии в начале XXI века: сотрудничество российских и абхазских ученых // Абхазия в мировой истории и международных отношениях: посвящ. 70-летию Владислава Григорьевича Ардзинба: Материалы Междунар. науч. конф. (Сухум, 14–17 мая 2015 г.). Сухум; М., 2016. С. 74–135.

Неизвестная коллекция албанской керамики из Борисоглебского краеведческого музея Воронежской области РФ // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX «Крупновские чтения»: Материалы Междунар. науч. конф. (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.). Грозный, 2016. С. 170–171.

Новые находки и публикации кобано-колхидских орнаментированных топоров // Из истории культуры народов Северного Кавказа: науч. альманах. Вып. 8. Ставрополь, 2016. С. 21–37.

Обзор новых находок кобано-колхидских орнаментированных топоров // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти Марии Николаевны Погребовой. М., 2016. С. 229–241.

Перспективы сохранения историко-культурного наследия народов Северного Кавказа: вызовы и угрозы // Наследие веков: электронный журнал / Южный филиал Рос. науч.-исслед. ин-та культур. и природ. наследия им. Д.С. Лихачева. 2016. № 4. С. 36–44.

Тейшебаини // Большая Российская Энциклопедия. Т. 31. М., 2016. С. 756.

Триалети тепе // Большая Российская Энциклопедия. Т. 32. М., 2016. С. 383.

Триалетская культура // Большая Российская Энциклопедия. Т. 32. М., 2016. С. 383.

Узерлик-тепе // Большая Российская Энциклопедия. Т. 32. М., 2016. С. 715.

Бронзовая зооморфная пластика могильника Джантух // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX «Крупновские чтения»: Материалы Междунар. науч. конф. (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.). Грозный, 2016. С. 115–117. (В соавторстве с Джоуа А.И.).

Новые находки памятников кобано-колхидского графического искусства в Абхазии // КСИА. 2016. Вып. 245, ч. I. С. 154–167. (В соавторстве с Джоуа А.И.).

Раскопки Джантухского могильника // Археологические открытия 2014 года. М., 2016. С. 427–429. (В соавторстве с Джоуа А.И.).

Проблема датировки кинжалов типа POSMUS и их кавказские аналоги // РА. 2016. № 3. С. 84–101. (В соавторстве с Козубовой А.).

Владимир Александрович Коренько (03.03.1952–09.01.2016) // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 182–184. (В соавторстве с Бобровниковым В.О., Панариным С.А., Ярлыкаповым А.А.).

Памяти Вадима Викторовича Бжания (1934–2014) // РА. 2016. № 1. С. 186–187. (В соавторстве с Мунчаевым Р.М., Габелия А.Н., Джоуа А.И.).

Цъантыхэтэи апсыжырта // Абхазоведение: археология, история, этнология. Вып. X. Сухум, 2016. С. 7–18. (Джоуа А.И., Скаков А.Ю. Джантухский могильник). (На абхаз. яз.; резюме на рус. яз.). (В соавторстве с Цъануа А.И.).

**2017**

Ананьинский мир и Кавказ: контакты и импорт // Эпоха бронзы и ранний железный век: Материалы III междунар. науч. конф. «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации». Казань, 2017. С. 274–298. (Археология Евразийских степей; № 3/2017).

Об одном из типов бронзовых колокольчиков Кавказа эпохи раннего железа // Из истории культуры народов Северного Кавказа: науч. альманах. Вып. 9. Ставрополь, 2017. С. 34–51.

Урбниси // Большая Российская Энциклопедия. Т. 33. М., 2017. С. 77.

Хасанлу // Большая Российская Энциклопедия. Т. 33. М., 2017. С. 783–784.

Керамика Джантухского могильника // Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур: Материалы IV Абхазской междунар. археолог. конф., посвящ. археологу-кавказоведу Л.Н. Соловьеву. Сухум: АБИГИ, 2017. С. 75–80. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Новые открытия на Джантухском могильнике эпохи поздней бронзы – раннего железа в Восточной Абхазии // VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Социально-экономическое развитие населения Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы междунар. археолог. конф. (г. Краснодар, 31 мая – 2 июня 2017 г.). Краснодар, 2017. С. 240–243. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Новый комплекс с орнаментированным кобано-колхидским топором (погребение 45 могильника Эльхотово) // КСИА. 2017. Вып. 246. С. 280–297. (В соавторстве с Чишневым В.Т.).

Исследования на горе Джантух (Абхазия) // Археологические открытия. 2015 год. М., 2017. С. 495–497. (В соавторстве с Джопуа А.И., Щегловым Е.В., Авидзба Д.З., Счастливым Д.А.).

Кабардино-Балкария (Исторический очерк: археология) // Большая Российская Энциклопедия. М., 2017. (В соавторстве с Петрушиной М.Н. и др.).

**2018**

К вопросу о связях племен Армянского нагорья и Колхиды в эпоху раннего железа // По ту сторону Арагаца. Археологические исследования, посвященные памяти Телемака Хачатряна. Ереван, 2018. С. 199–205.

Кавказ не на Кавказе: кавказские древности эпохи раннего железа в иных культурах // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы междунар. археолог. конф. (г. Краснодар, 30 мая – 1 июня 2018 г.). Краснодар, 2018. С. 273–278.

Могильники эпохи раннего железа на территории Абхазии: погребальные памятники и погребальный обряд // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века / Отв. ред. М.В. Андреева. М.: ИА РАН, 2018. С. 328–365.

Ткуарчалская археологическая экспедиция // Институт востоковедения РАН – прошлое и настоящее: к 200-летию основания / Авт.-сост. Д.В. Дубровская. М., 2018. С. 260–261.

Бронзовая зооморфная пластика Северо-Западной Колхиды (могильник Джантух) // КСИА. 2018. Вып. 253. С. 120–139. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Зооморфная пластика могильника Джантух // Труды Абхазского государственного музея. Вып. VII. Сухум: Абгосиздат, 2018. С. 3–39. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Исследования последних лет на Джантухском могильнике в Абхазии // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 152–161. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Новая находка шлема и пекторали предскифского времени на Кавказе (предварительная публикация) // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы междунар. археолог. конф. (г. Краснодар, 30 мая – 1 июня 2018 г.). Краснодар, 2018. С. 279–281. (В соавторстве с Журавлевым Д.В.).

Новый комплекс эпохи раннего железа из села Абгархук (Абхазия) // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2: Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию проф. В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 2018. С. 76–98. (В соавторстве с Джоуа А.И., Хондзия З.Г.).

Новая находка элитного комплекса эпохи раннего железа в Абхазии // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения»: Материалы Междунар. науч. конф. Карачаевск, 2018. С. 254–257. (В соавторстве с Хондзия З.Г., Джоуа А.И.).

Карачаево-Черкесия (Исторический очерк: археология) // Большая Российская Энциклопедия. М., 2018. (В соавторстве с Петрушиной М.Н. и др.).

## 2019

Древности горы Джантух // Новые археологические проекты Института археологии РАН. М., 2019. С. 38–41.

К вопросу о местонахождении Фасиса, расселении генихов и локализации кораксов // Записки ИИМК РАН. Вып. № 21. СПб., 2019. С. 153–165.

Отдел бронзового века // Институт археологии РАН: 100 лет истории. М., 2019. С. 35–42.

Исследование могильника на горе Джантух (некоторые итоги) // Археология евразийской степи. 2019. № 6. С. 53–60. (В соавторстве с Джоуа А.И.).

Новые находки эпохи бронзы в Восточной Абхазии: набор маркеров высокого социального статуса на «белом пятне» археологической карты // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы исследования древних и средневековых поселений и могильников Западного Кавказа: к 110-летию со дня рождения Н. В. Анфимова: Материалы междунар. археолог. конф. (г. Краснодар, 29–31 мая 2019 г.). Краснодар, 2019. С. 275–280. (В соавторстве с Джоуа А.И.).

Некоторые проблемы и перспективы археологического изучения Восточного Причерноморья эпохи раннего железа // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): материалы Междунар. конф. (18–22 ноября 2019 г.). Т. I. Древняя Центральная Азия к контексту евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). СПб., 2019. С. 113–114. (В соавторстве с Кашубой М.Т.).

Поселение на горе Джантух – производственный центр раннего железа в Абхазии (предварительное сообщение) // IX «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы исследования древних и средневековых поселений и могильников Западного Кавказа: к 110-летию со дня рождения Н.В. Анфимова: Материалы междунар. археолог. конф. (г. Краснодар, 29–31 мая 2019 г.). Краснодар, 2019. С. 281–284. (В соавторстве с Джоуа А.И., Щегловым Е.В.).

Работы на горе Джантух (Восточная Абхазия) в 2016–2017 гг. // Археологические открытия. 2017 год. М.: ИА РАН, 2019. С. 534–537. (В соавторстве с Джоуа А.И., Щегловым Е.В.).

## 2020

Археологические материалы из Абхазии в музеях Российской Федерации, Республики Абхазия и Республики Грузия // Conferința Științifică Internațională «Istorie – Arheologie Muzeologie», a Muzeului Național de Istorie a Moldovei (ediția a XXX-a), 29–30 octombrie 2020. Chișinău, 2020. P. 40–41.

Железные боевые топоры раннего железного века Северо-Западного Закавказья и их аналогии в соседних регионах // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. Самара, 2020. С. 113–115.

Клад из селения Пшав (Абхазия) // Древности Кубани. Вып. 24. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2020. С. 89–99.

Племена восточного побережья Черного моря в эпоху античности. Краткий исторический очерк. Часть I (генихи, тиндарида, кораксы, ахейцы, керкеты, тореты) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 2020. С. 82–102.



«A la recherche d'un mouvement perdu»: шествия животных и людей на гравированных бронзовых поясах Кавказа // ДИАЛОГ 2017–2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: Материалы объединенного семинара ИА РАН и ИИМК РАН (Санкт-Петербург, 2017 – Москва, 2018) / Отв. ред.: Е.С. Леванова, Н.Ю. Смирнов. М.: ИА РАН, 2020. С. 115–144.

Железные топоры раннего железного века из могильника и поселения Джантух (Абхазия) // Археологические вести. Вып. 27. СПб., 2020. С. 72–89. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Железные топоры Северо-Западного Закавказья эпохи раннего железа (обзорное сообщение) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 12–13. Ставрополь, 2020. С. 40–62. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Комплекс археологических памятников на горе Джантух: новое в изучении эпохи раннего железного века Восточной Абхазии // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Т. II. Самара, 2020. С. 116–117. (В соавторстве с Джопуа А.И.).

Зооморфные образы в архитектурной пластике Кавказа IX–XI вв. (Абхазия и Южная Осетия): традиционная культура в формировании христианских образов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2020. № 37. С. 9–27. (В соавторстве с Ендольцевой Е.Ю.).

Раннекобанский клад бронзовых предметов с горы Стрижамент (Ставрополье) // КСИА. 2020. Вып. 259. С. 164–184. (В соавторстве с Мошинским А.П.).

Новая находка арамейской надписи на территории Абхазии // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археолог. экспедиции. Махачкала, 2020. С. 290–292. (В соавторстве с Акопяном А.В., Джопуа А.И.).

Новые исследования на городище древнего Гиеноса (Абхазия) // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археолог. экспедиции. Махачкала, 2020. С. 278–280. (В соавторстве с Джопуа А.И., Ендольцевой Е.Ю.).

Исследования поселения на горе Джантух в Восточной Абхазии // Археологические открытия. 2018 год. М.: ИА РАН, 2020. С. 533–536. (В соавторстве с Джопуа А.И., Щегловым Е.В.).

Ранневизантийский храм на городище древнего Гиеноса (Абхазия): новые находки // Архитектурная археология. 2020. № 2. С. 39–50. (В соавторстве с Джопуа А.И., Акопяном А.В., Ендольцевой Е.Ю.).

Христианские памятники средневековой Южной Осетии: первый этап реализации проекта // Международная конференция «Искусство и культура Средневековья: наследие и перспективы осмысления» (26–31 октября 2020 г.): Тез. докл. СПб.: СПбГУ, 2020. С. 59–60. (В соавторстве с Ендольцевой Е.Ю., Гаглойти Р., Табуевой Н.).

## 2021

Диоскурия и Себастиополис: краткий историографический очерк // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 2021. С. 276–295.

Крепость и храм в Гагре (Абхазия): история изучения // Общество и власть на Кавказе и Ближнем Востоке: проблемы развития взаимоотношений в прошлом и настоящем: к 80-летию проф. Александра Абакаровича Кудрявцева. Ставрополь, 2021. С. 246–262.

Образ оленя в мифологии древнего населения Кавказа // Кавказский сборник. Т. 13 (45). М., 2021. С. 29–40.

Образы змеи, лягушки и рыбы в мифологии древнего населения Кавказа (кобано-колхидская культурно-историческая общность эпохи раннего железа) // ALLON: к 60-летию заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю.А. Дзиццойты: коллективная монография. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2021. С. 101–139.

О старых источниках и новых гипотезах. Некоторые спорные вопросы истории Апсилии, Абазгии, Санигии и Мисиминии // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 14. Ставрополь, 2021. С. 231–234.

Пояс с гравированными изображениями животных. Краснодарский край, Россия. Случайные находки // Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н.э.: каталог выставки. СПб.: ГЭ; М.: ГИМ, 2021. С. 575–576. (В соавторстве с Журавлевым Д.В.).

Шлем ассирийского типа с прикрепленной к нему «пекторалью». Краснодарский край, Россия. Случайные находки // Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н.э.: каталог выставки. СПб.: ГЭ; М.: ГИМ, 2021. С. 574–575. (В соавторстве с Журавлевым Д.В.).

Предисловие // Бударгин О.М., Гречка А.Ю., Рябов В.А. Очерки истории и археологии Имеретинской низменности. Краснодар, 2021. С. 5–7. (В соавторстве с Мимоходом Р.А.).

Исследования в Республике Абхазия // Археологические открытия. 2019 год. М.: ИА РАН, 2021. С. 500–503. (В соавторстве с Джоуа А.И., Щегловым Е.В.).

Новые находки кобано-колхидских металлических изделий на северо-восточном побережье Черного моря (Краснодарский край). Неизвестный ареал кобано-колхидской бронзы // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 105–126. (В соавторстве с Кудиным М.И., Кизиловым А.С.).

Плинфа раннесредневекового храма в Гиеносе (г. Очамчира, Республика Абхазия): публикация материалов раскопок 2019–2021 гг. // ByzantinoCaucasica. I. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2021. С. 9–53. (В соавторстве со Скаковой И.В., Джоуа А.И.).

Валентина Ивановна Козенкова (1931–2021) // РА. 2021. № 4. С. 201–202. (В соавторстве с Албеговой З.Х., Коробовым Д.С., Эрлихом В.Р.).

## 2022

Археология в независимой Абхазии в начале XXI века: достижения, проблемы, перспективы // Этнополитические конфликты на Кавказе и Ближнем Востоке и механизмы их урегулирования: история и современность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (21–22 октября 2022 г., Ставрополь). Ростов-на-Дону; Таганрог, 2022. С. 161–166.

Валентина Ивановна Козенкова – выдающийся ученый-кавказовед // Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железа: памяти В.И. Козенковой / Отв. ред.: А.А. Малашев, А.Ю. Скаков. М., 2022. С. 5–7.

Еще раз о датировке и некоторых особенностях храма на горе Лашкендар // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы Пятой Междунар. Абхазской археолог. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М., 2022. С. 265–274.

Изучение археологии Кавказа в Отделе бронзового века ИА РАН / АН СССР // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы Пятой Междунар. Абхазской археолог. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М., 2022. С. 55–66.

К истории изучения Эшерской надписи // Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы Пятой Междунар. Абхазской археолог. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. выдающегося археолога-кавказоведа Михаила Маметовича Трапша. М., 2022. С. 158–164.

Ныхас // Энциклопедия Осетинской Нартиады. Т. 2. И–О / Гл. ред. Л.А. Чибиров. Владикавказ, 2022. С. 345–347.

Ныхас Ахсау // Энциклопедия Осетинской Нартиады. Т. 2. И–О / Гл. ред. Л.А. Чибиров. Владикавказ, 2022. С. 347–348.

Ныхас Кумбулта // Энциклопедия Осетинской Нартиады. Т. 2. И–О / Гл. ред. Л.А. Чибиров. Владикавказ, 2022. С. 348.

Ныхас Лесгора // Энциклопедия Осетинской Нартиады. Т. 2. И–О / Гл. ред. Л.А. Чибиров. Владикавказ, 2022. С. 348–349.

Ныхас Мацута // Энциклопедия Осетинской Нартиады. Т. 2. И–О / Гл. ред. Л.А. Чибиров. Владикавказ, 2022. С. 349.

Предметы эпохи бронзы и раннего железного века из Рекома (находки 1936 г.) // Археология, этнография и языки Кавказа: Сб. ст. 3-х науч. чтений (25 октября 2021 г., Санкт-Петербург) / Сост. Л. Д. Бондарь; под ред. И.В. Тункиной и др. СПб.: Реноме, 2022. С. 166–173. (Ad fontes: материалы и исследования по истории науки; вып. 22).

Фасис: историографический очерк // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. Л.Э. Голубев. Майкоп: Изд-во Магарин О. Г., 2022. С. 219–233.

Новая находка пряжки «типа Исти-Су» с территории Чечни // Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железа: памяти В.И. Козенковой / Отв. ред.: А.А. Малашев, А.Ю. Скаков. М., 2022. С. 132–141. (В соавторстве с Ахмаровым А.У.).

Клад из села Куачира (Абхазия) // Древности Северного Кавказа и прилегающих территорий: посвящ. 95-летию юбилею крупнейшего специалиста по аланской археологии и истории, д-ра ист. наук Владимира Александровича Кузнецова. Ставрополь, 2022. С. 100–107. (Из истории культуры народов Северного Кавказа; вып. 15). (В соавторстве с Джоуа А.И.).

Лац // Энциклопедия Осетинской Нартиады. Т. 2. И–О / Гл. ред. Л.А. Чибиров. Владикавказ, 2022. С. 196–198. (В соавторстве с Дзиццойты Ю.А.).

Круглый стол: «Кобанская культурно-историческая общность в археологии Кавказа: история и перспективы исследований». Москва. 23.11.2021 // Древности Северного Кавказа и прилегающих территорий: посвящ. 95-летию юбилею крупнейшего специалиста по аланской археологии и истории, д-ра ист. наук Владимира Александровича Кузнецова. Ставрополь, 2022. С. 396–398. (Из истории культуры народов Северного Кавказа; вып. 15). (В соавторстве с Малышевым А.А.).

Предметы эпохи поздней бронзы и начала раннего железа из музеев Лабинского района Краснодарского края // КСИА. 2022. Вып. 267. С. 72–84. (В соавторстве с Пелихом А.Л.).

Новые исследования древнего Гиеноса (Абхазия) // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения: Материалы Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа, посвящ. 125-летию раскопок Майкопского кургана (Майкоп, 18–23 апреля 2022 г.). Майкоп, 2022. С. 183–186. (В соавторстве с Джоуа А.И., Скаковой И.В.).

Раннесредневековый храм в Гиеносе (Республика Абхазия): Итоги работ 2022 г. // Byzantino Caucasia. Вып. 2 / Отв. ред. В.Н. Чхаидзе. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2022. С. 69–109. (В соавторстве со Скаковой И.В., Джоуа А.И.).

## 2023

Памяти Александра Пинкусовича Мошинского (1954–2022) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16. Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий, посвящ. памяти известного специалиста по археологии Северного Кавказа, канд. ист. наук Александра Пинкусовича Мошинского. Ставрополь; М., 2023. С. 15–28. (В соавторстве с Журавлевым Д.В.).

Памяти Александра Пинкусовича Мошинского (1954–2022) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 21. Армавир; Карачаевск, 2023. С. 297–307. (В соавторстве с Журавлевым Д.В.).

Кобано-колхидская культурно-историческая общность: внутренняя структура и отражающие ее понятия // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16. Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий, посвящ. памяти

известного специалиста по археологии Северного Кавказа, канд. ист. наук Александра Пинкусовича Мошинского. Ставрополь; М., 2023. С. 100–117. (В соавторстве с Мошинским А. П.).

Iron Metallurgy of Ancient Colchis: The Mineralogical and Geochemical Composition of Slags and Artifacts from the Dzhantukh Site // Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy – 2021 / Ed. N.N. Ankusheva. Cham: Springer, 2023. P. 237–253. (Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences). (В соавторстве с Kulkova M.A., Kashuba M.T., Kulkov A.M., Vetrova M.N.).

## Редактор

Гаврилов В., Шеповой Н. Нетрадиционные войны на постсоветском пространстве. Южный Кавказ: монография / Науч. консультант А.Ю. Скаков. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2009.

Проблемы археологии Кавказа: Сб. материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Ю.Н. Воронова (10–11 мая 2011 г., г. Сухум) / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум. 2011.

Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Вторая Абхазская междунар. археолог. конф. (8–12 ноября 2008 г.): посвящ. памяти М.М. Трапш: материалы / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум, 2011.

Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения / Науч. ред. А.Ю. Скаков. М., 2012.

Северный Кавказ: взгляд изнутри. Вызовы и проблемы социально-политического развития / Ред. А.Ю. Скаков. М., 2012.

Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Материалы Третьей Абхазской междунар. археолог. конф., посвящ. памяти Г.К. Шамба (28 ноября – 1 декабря 2011 года, г. Сухум) / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум, 2013.

Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья / Ин-т востоковедения РАН. Т. I. Абхазия / Отв. ред. А.Ю. Скаков. М., 2013.

Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения»: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва. 21–25 апреля 2014 г.) / Ред. А.Ю. Скаков и др. М., 2014.

Историко-культурное наследие Юга России: науч.-практ. конф. (г. Ставрополь, 9 февраля 2015 г.) / Ред. А.Ю. Скаков и др. М.: Науч. о-во кавказоведов: Лобанов В.И.: Книжный мир, 2015.

Религия и политика на юге России: аспекты взаимодействия: междунар. конф. (г. Москва, Президент-отель, 8 июня 2015 г.) / Ред. А.Ю. Скаков и др. М.: Науч. о-во кавказоведов: Лобанов В. И.: Книжный мир, 2015.

Абхазия в мировой истории и международных отношениях: посвящ. 70-летию Владислава Григорьевича Ардзинба: Материалы Междунар. науч. конф. (Сухум, 14–17 мая 2015 г.) / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум; М., 2016. 736 с.

Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX «Крупновские чтения»: Материалы Междунар. науч. конф. (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.) / Ред. А.Ю. Скаков и др. Грозный, 2016.

Историческая память и российская идентичность на Северном Кавказе / Ред. А.Ю. Скаков и др. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2017.

Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур: Материалы IV Абхазской Междунар. археолог. конф., посвящ. археологу-кавказоведу Л.Н. Соловьеву / Ред. А.Ю. Скаков и др. Сухум: АБИГИ, 2017.

Периодизация и типология археологических памятников древней и средневековой Абхазии и сопредельных территорий: Материалы Пятой Междунар. Абхазской археолог. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. выдающегося археолога-кавказоведа М.М. Трапш / Отв. ред. А.Ю. Скаков. Сухум, 2018.

## Научные статьи по современной истории

### 1998

Грузинско-дагестанские и грузинско-чеченские отношения // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья: Сб. ст. № 7. М. 1998. С. 80–108.

### 1999

Национализм и сепаратизм на Северном Кавказе. Некоторые тенденции // Государство. Этносы. Сепаратизм: тезисы выступлений на круглом столе 31 марта 1999 года. М., 1999. С. 15–17.

### 2000

Азербайджан в составе ГУУАМ (Грузия, Узбекистан, Украина, Азербайджан, Молдавия): особые отношения в рамках СНГ // Независимый Азербайджан: новые горизонты. Т. 2. М., 2000. С. 21–55. (В соавторстве с Беловым О.А., Гузенковой Т.С., Шиловой Р.А.).

Грузинско-чеченские отношения // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2 (8). С. 196–213. Англ. версия: Skakov A. On two sides of the border: Georgia and Chechnia // Central Asia and the Caucasus. 2000. № 2.

Национализм и сепаратизм на Северном Кавказе. Некоторые тенденции // Государство, этносы, сепаратизм и проблемы прав человека: «Круглый стол»: проблемы, дискуссии, предложения. М., 2000. С. 31–38.

### 2001

Кабардино-Балкария: угрозы стабильности // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1 (13). С. 193–202. Англ. версия: Skakov A. Kabardino-Balkaria: Threats to Stability // Central Asia and the Caucasus. 2001. № 1 (7). P. 165–173.

### 2002

Абхазия: социально-демографические процессы, экономика, политика // Грузия: проблемы независимого развития. Т. 2. М., 2002. С. 131–165.

Внутриполитическая ситуация в Грузии // Грузия: проблемы независимого развития. Т. 2. М., 2002. С. 259–315.

Сепаратизм и терроризм на Кавказе. Позиция России // Формирование атмосферы мира, стабильности и доверия на Южном Кавказе. Роль международных и региональных организаций безопасности. Ереван: Conflict Studies Research Centre, 2002. С. 31–33. На англ. яз.: Skakov A. Separatism & Terrorism in the Caucasus – The Russian Position // Shaping an Environment for Peace, Stability & Confidence in South Caucasus – The Role of International & Regional Security Organisations. Ереван: Conflict Studies Research Centre, 2002. P. 29–33.

Южная Осетия: социально-демографические процессы, экономика, политика // Грузия: проблемы независимого развития. Т. 2. М., 2002. С. 167–197.

### 2003

Угрозы и вызовы безопасности России в Кавказском регионе // Образование в области международных отношений в российском регионе: государственный стандарт и региональные особенности: Материалы семинара заведующих кафедрами и ведущих преподавателей регион. ун-тов Российской Федерации. Иваново, 2003. С. 282–289.

Этническая и миграционная ситуация в Азербайджане // Миграции на Кавказе: Материалы конф. Ереван, 2003. С. 96–112.

Соотечественники в странах СНГ и Балтии // Новая Евразия. Россия и страны ближнего зарубежья: аналит. альманах. № 15. М., 2003. С. 5–27. (В соавторстве с Александровым Д.А.).

Соотечественники в странах СНГ и Балтии // Российский вектор: информ.-аналит. Бюллетень / Рос. ин-т стратегич. исслед. 2003. № 1 (14). С. 1–7. (В соавторстве с Александровым Д.А.).

### 2004

Абхазия: настоящее и будущее непризнанной республики // Южный Кавказ. Проблемы региональной безопасности и интеграции: сб. науч. ст. Т. 1. Ереван: Рос.-армян. (Славян.) ун-т, 2004. С. 121–147.

Чечня в Интернете и проблемы противодействия информационной деятельности чеченских сепаратистов // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья: аналит. альманах. № 16. М., 2004. С. 50–76. (В соавторстве с Брилевой О.А.).

## 2005

Непризнанные государства Южного Кавказа: политика России и перспективы стабильности в регионе // Россия и Кавказ: история и современность: материалы науч. конф. (11–12 ноября 2004 г.). Владикавказ, 2005. С. 254–264.

Политика России в Закавказье: вызовы и перспективы // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: энергетика и политика. Вып. 2. М., 2005. С. 316–336.

Abkhazia at the Crossroads: On the Domestic Political Situation in the Republic of Abkhazia // Iran and the Caucasus. 2005. № 9.

Russia's Role in the South Caucasus // Helsinki Monitor. 2005. № 2.

## 2006

Абхазия: вызовы и угрозы республике и региону // Вопросы региональной безопасности. Ереван: SPECTRUM, 2006. С. 106–122.

Перспективы стабильности на Южном Кавказе и режим Саакашвили в Грузии // Модели стабильности в Черноморско-Кавказском регионе: материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2006. С. 168–176.

Россия и страны Южного Кавказа: 2004 г. // Кавказ. Ежегодник Кавказского института СМИ. Вып. 2. Ереван, 2006. С. 146–181.

## 2007

Абхазия в начале XXI века: угрозы и вызовы стабильному развитию // VII Конгресс этнографов и антропологов России (Саранск, 9–14 июля 2007 г.): Доклады и выступления. Саранск, 2007. С. 126.

Перспективы «размораживания» конфликтов на территории Грузии и признания независимости Абхазии и Южной Осетии // Независимая Абхазия: проблемы и решения. М., 2007. С. 124–129.

Перспективы существования непризнанных государств в контексте международных политических и экономических отношений (на примере Нагорного Карабаха) // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4-го Конвента Рос. ассоц. междунар. исслед. (РАМИ). Т. 8. Южный Кавказ в реалиях меняющегося мира: глобальное, региональное, локальное. М., 2007. С. 61–70.

Российско-грузинские отношения и роль внешнего фактора на Кавказе // Особенности политической ситуации на Кавказе и подходы внешних сил. М., 2007. С. 28–41.

Статьи «Азербайджанская Республика», «Республика Армения», «Грузия» // Содружество Независимых Государств: юбилейный справочник. Население и трудовые ресурсы. История. Экономика. Образование. Историко-архитектурные памятники. М., 2007. С. 36–61, 78–89.

## 2008

«Революция роз» в Грузии // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья: аналит. альманах № 18. М., 2008. С. 79–99.

Россия и ГУАМ // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. 2008. № 3–4 (57–58). Спец. вып. ГУАМ: от тактического альянса к стратегическому партнерству. С. 162–177.

Южная Осетия: проблемы и перспективы // Непризнанные государства Южного Кавказа: Сб. ст. // Ученые записки Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 2. М., 2008. С. 201–218.

Russia and GUAM // Central Asia and the Caucasus: Journal of Social and Political Studies. 2008. № 3–4 (51–52). Special Issue. GUAM: From a Tactical Alliance to Strategic Partnership. P. 142–156.

**2009**

Августовский кризис на Кавказе и его последствия // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1 (61). С. 25–38. Англ. версия: *Skakov A. The August Crisis in the Caucasus and its Consequences // Central Asia and the Caucasus: Journal of Social and Political Studies*. 2009. № 1 (55). P. 22–33.

**2011**

Политика России на Южном Кавказе и вызовы 2011 г. // Кавказ спустя 20 лет: геополитика и проблемы безопасности: тр. междунар. науч. конф. (Владикавказ – Цхинвал, 20–30 июня 2011 г.). Владикавказ, 2011. С. 197–209.

Президентские выборы 2011 г. в Абхазии и Южной Осетии: вызовы и перспективы // Россия и Закавказье: проблемы безопасности и сотрудничества: Материалы Междунар. науч. конф. Владикавказ: Владикавказский ин-т управления, 2011. С. 26–37.

Россия в полицентричном мире: коллективная монография / С.Н. Абашин и др. М.: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений, 2011.

Южная Осетия накануне президентских выборов // Кавказские научные записки. 2011. № 2 (7). С. 30–44.

Possibilities to address Humanitarian Issues related to the Situation around Abkhazia and South Ossetia // *Russia and Georgia: Searching the Way out. Policy Discussion Papers by Georgian and Russian experts*. 2011. P. 125–134.

**2012**

Внутриполитическая ситуация в Южной Осетии: президентские выборы 2011–2012 гг. и их последствия // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15, вып. 4. С. 80–94. Англ. версия: *Skakov A. The Political Scene in South Ossetia: The 2011–2012 Presidential Elections and what became of them // Central Asia and the Caucasus: Journal of Social and Political Studies*. 2012. Vol. 13, Iss. 4. P. 71–83.

Евразийский союз: за и против. Комментарий // Регион и мир: науч.-аналит. журнал. Ереван, 2012. № 1. С. 75–77.

The Southern Caucasus and Central Asia: Russia's Interests and the Struggle for Influence in the Region. Section 3.2. The Southern Vektor // *Russia in a Polycentric World / Foreword by Y. Primakov, A. Dynkin, N. Ivanova*. Moscow: Institute of World Economy and International Relations, 2012. P. 407–419. (В соавторстве с *Abashin S., Alikberov A.*).

**2013**

Грузия как фактор влияния на ситуацию на Западном Кавказе // Западный Кавказ: современные проблемы: Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 18–19 марта 2013 г.). М., 2013. С. 35–51.

Международные отношения в представлениях политической элиты Грузии // Труд и социальные отношения. 2013. № 10 (112). С. 134–151.

Поиски национальной идентичности и трансформация идеологии в этнополитических конфликтах Южного Кавказа // Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе / Отв. ред.: А. Аликберов, И. Звягельская. М., 2013. С. 112–139.

Ситуация на Кавказе и Сочинская Олимпиада 2014: новые вызовы и угрозы // Западный Кавказ между прошлым и будущим: науч. семинар (г. Сухум, 28–29 ноября 2012 г.). Сухум; М., 2013. С. 139–150.

**2014**

Перспективы развития ситуации вокруг конфликтов на Южном Кавказе: взгляд из Москвы = Prospects for Developments around the South Caucasus Conflicts: A View from Moscow // Евро-атлантическое партнерство и Южный Кавказ. Стратегический подход к региональной безопасности = Euro-Atlantic Partnerships and the South Caucasus. A strategic Approach to regional Security: материалы конференции. Ереван: SPECTRUM, 2014. С. 136–145 (114–122).



Южная Осетия, 2014 год: навстречу новым испытаниям // Ежегодник ИМИ (Института международных исследований) МГИМО (Московского государственного института международных отношений). 2014. Вып. 2 (8). Актуальные проблемы современной мировой политики. С. 53–62.

## 2015

В.Г. Ардзинба и российско-абхазские отношения // Политическое наследие В.Г. Ардзинба и современные российско-абхазские отношения. Сухум: Благотворит. фонд «Гражданское действие», 2015. С. 14–18.

Президентские выборы в Абхазии и их итоги // Постсоветский материк: науч.-аналит. журнал. 2015. № 1 (5). С. 41–54.

Религия и политика на юге России: взаимодействие, симбиоз, противоречия? // Религия и политика на Юге России: аспекты взаимодействия: междунар. конф. (г. Москва, 8 июня 2015 г.). М., 2015. С. 110–120.

Сохранение и развитие малых народов Кавказа: опыт России и стран Закавказья // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / Под общ. ред. Р.Г. Абдалатипова, А.-Н.З. Дибирова. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 245–253.

Циркумпонтийская зона как пространство взаимодействия культур: Крым // Религия и политика на Юге России: аспекты взаимодействия: междунар. конф. (г. Москва, 8 июня 2015 г.). М., 2015. С. 181–191.

Шапсуги Западного Кавказа в начале XXI века // Россия и новые государства Евразии / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. 2015. № I (XXVI). С. 57–68.

Юг России и Северный Кавказ как перекресток культур и пространство межкультурного диалога: прошлое, настоящее, будущее // Историко-культурное наследие Юга России: науч.-практ. конф. (г. Ставрополь, 9 февраля 2015 г.). М.: Научное о-во кавказоведов, 2015. С. 20–32.

Новый этап российско-абхазских отношений // Запад – Восток – Россия: ежегодник / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. 2014. М., 2015. С. 98–102. (В соавторстве с Крыловым А.Б.).

Перспективы открытия железнодорожного сообщения через Абхазию // Россия и новые государства Евразии. 2015. № III (XXVIII). С. 67–75. (В соавторстве с Крыловым А.).

Conflict and Peace in South Ossetia – from a Local Perspective // Politorbis. Bern, 2015. № 60, 2: The Caucasus Conflicts: Frozen and Shelved. S. 17–22. (В соавторстве с Druey С.).

## 2016

Азербайджанское меньшинство в политической жизни современной России // Россия и новые государства Евразии. 2016. № II (XXXI). С. 66–77.

Пробные учебники истории для классов с русским языком обучения средних школ Туркменистана // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 110–120.

Транскавказские перевальные маршруты Западного Кавказа в древности и перспективы их восстановления в начале XXI века // Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Ставрополь, 28–29 сентября 2015 г.). Ставрополь: Северо-Кавказский федер. ун-т, 2016. С. 57–65.

Религия и традиция на Западном и Центральном Кавказе: борьба, взаимодействие или симбиоз // Абхазоведение: археология, история, этнология. Вып. X. Сухум: АБИГИ, 2016. С. 155–161.

[Раздел в Отчете о заседании круглого стола «Южный Кавказ в «Системе трех морей»: внешние угрозы и внутренние вызовы»] // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 10. С. 106.

Выборы в Грузии 2016 г. и перспективы российско-грузинских отношений // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2016. Вып. 5, т. 9: Постсоветское пространство как сфера конфликта и диалога. С. 77–94. (В соавторстве с Мухановым В.М.).

Абхазия в 2015 году: основные политические и социально-экономические тренды // *Ежегодник ИМИ (Института международных исследований)*. 2016. Вып. 1 (15): Международная политика в меняющемся мире. С. 117–128. (В соавторстве с Новиковым В.В.).

## 2017

Абхазия: радикализм на фоне традиционного ислама // *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ / Отв. ред.: А.Д. Саватеев, Н.А. Нефляшева, Э.Ф. Кисриев. М., 2017. С. 528–559.

Внутриполитическая ситуация в Южной Осетии // *Постсоветские государства: 25 лет независимого развития*. Т. II. Южный Кавказ. М.: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений, 2017. С. 86–94.

Выборы – 2017 в Абхазии и Южной Осетии // *Россия и новые государства Евразии*. 2017. № II (XXXV). С. 121–131.

Парламентские выборы в Грузии // *Запад – Восток – Россия: ежегодник Ин-т мировой экономики и междунар. отношений*. 2016. М., 2017. С. 102–106.

Россия и Южный Кавказ: итоги 2016 г. // *Кавказ – 2016: ежегодник*. Ереван: Ин-т Кавказа, 2017. С. 99–114.

Социально-политическая ситуация в Абхазии в 2016 году // *Внешняя политика России: глобальное и региональное измерения*. Т. 1, ч. 2: Сб. материалов X Конвента РАМИ (Рос. ассоц. междунар. исслед.) (8–9 декабря 2016 г.). М., 2017. С. 382–389.

Постсоветская Грузия: от турбулентности к стабильности и предсказуемости // *Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия*. М.: Рос. совет по междунар. делам, 2017. С. 131–140. (В соавторстве с Маркедоновым С.).

Абхазия: предварительные социально-политические итоги 2017 г. // *Международная аналитика / Московский гос. ин-т междунар. исслед.* 2017. № 3 (21). С. 43–55. (В соавторстве с Мухановым В.М.).

Внутриполитическая ситуация в Грузии // *Постсоветские государства: 25 лет независимого развития*. Т. II. Южный Кавказ. М.: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений, 2017. С. 42–65. (В соавторстве с Мухановым В.М.).

Российско-грузинские отношения // *Постсоветские государства: 25 лет независимого развития*. Т. II. Южный Кавказ. М.: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений, 2017. С. 66–74. (В соавторстве с Мухановым В.М.).

Социально-политическая ситуация в Абхазии и российско-абхазские отношения // *Постсоветские государства: 25 лет независимого развития*. Т. II. Южный Кавказ. М.: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений, 2017. С. 95–121. (В соавторстве с Мухановым В.М.).

## 2018

Абхазия в 2018 году: перспективы «абхазского проекта», вызовы и возможности // *Центральная Евразия*. 2018. № 2 (2): Культурно-сложные общества. С. 64–92.

Новые договоры между Россией и Абхазией, Россией и Южной Осетией (2014–2015 гг.) в контексте двусторонних отношений // *Центральная Евразия / Ин-т востоковедения РАН*. 2018. № 1 (1). С. 31–51.

Президентские выборы 2018 года в Грузии // *Россия и новые государства Евразии*. 2018. № 4. С. 193–203.

Республика Абхазия в 1993–2018 гг. Некоторые итоги развития // *Абхазия, Южная Осетия: 10 лет без войны*. М.: Междунар. информ. агентство «Россия сегодня», 2018. С. 87–92.

Русские в Абхазии: Трансформация национальной общины в XIX–XXI вв. // Россия и славянские народы в XIX–XXI вв.: Междунар. науч. конф. (г. Новозыбков, Брянская область, 18 мая 2018 г.). Брянск, 2018. С. 200–208.

Выборы в Грузии 2016 г. и перспективы российско-грузинских отношений // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 5. С. 77. (В соавторстве с Мухановым В.М.).

Политическая стабильность по-грузински. Грузия после выборов 2016 г.: проблемы и перспективы развития // Мировая экономика и международные отношения / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. 2018. Т. 62, № 1. С. 53–62. (В соавторстве с Мухановым В.М.).

## 2019

Грузия выбрала президента // Запад – Восток – Россия: ежегодник. 2018. М., 2019. С. 88–91.

Президентская кампания в Абхазии // Запад – Восток – Россия: ежегодник. 2019. М., 2020. С. 94–98.

Президентские выборы 2019 года в Абхазии // Россия и новые государства Евразии. 2019. № IV (XLV). С. 48–58.

Вместо введения // Центральная Евразия. 2019. № 1 (3). С. 7–8. (В соавторстве с Аликберовым А.К.).

## 2020

Абхазия – стабильная нестабильность на фоне пандемии // Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы: коллективная монография. М.: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений, 2020. С. 135–142.

Вместо введения // Центральная Евразия. 2020. № 1 (4). С. 7–9.

Идея государства в культурном наследии народов Южного Кавказа: динамика трансформации // Центральная Евразия: Территория межкультурных коммуникаций: коллективная монография / Отв. ред. А.К. Аликберов. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2020. С. 64–71.

Итоги 2019 года для Абхазии: Республика на распутье или масштабный кризис? // Центральная Евразия. 2020. № 1 (4). С. 137–159.

Южная Осетия – перманентный внутривнутриполитический кризис // Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы: коллективная монография. М.: Ин-т мировой экономики и междунар. отношений, 2020. С. 135–147.

## 2021

Нагорный Карабах – 2020: последствия войны и перспективы поствоенного урегулирования (обзор) // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 6. С. 128–138. (В соавторстве с Мухановым В.).

## 2023

Республика Абхазия: итоги 2022 года // Россия и новые государства Евразии. 2023. № I (LVIII). С. 126–139. (В соавторстве с Новиковым В.).

## Работы по истории и культурологии

[Биографии русских святых: Авраамий и Коприй Печенгские; Василий Ростовский; Вассиан Рыло; Кирилл Новоезерский; Корнилий Псково-Печерский; Косма Яхромский; Даниил Александрович Московский; Герасим Вологодский; Геронтий Московский; Иаков Железнодорожников; Иосаф Снетогорский и Василий Мирожский; Юрий Всеволодович Владимирский; Иван Калита] // Enciclopedia dei santi. Le chiese orientali. Vol. I. Roma, 1998. С. 43; С. 395–397; С. 411–413; С. 511–513; С. 532–536; С. 552–553; С. 606–608; С. 993–995; С. 1012–1014; С. 1030–1032; С. 1044–1045; С. 1101–1103; С. 1124–1125. (На итал. яз.).

[Биографии русских святых: Исидор, пресвитер Юрьевский; Исидор Твердислов; Марк, Иона и Васса Псково-Печерские; Моисей Белозерский; Мстислав Андреевич Владимирский; Никита, епископ Новгородский; Ксенофонт Робейский; Федор Кузмич; Федор Стародубский;

Феодосий Бывальцев; Зосима и Адриан Волоколамские] // *Enciclopedia dei santi. Le chiese orientali*. Vol. II. Roma, 1999. С. 256–257; С. 257–259; С. 426–428; С. 549–550; С. 556–558; С. 622–626; С. 958–959; С. 1183–1186; С. 1193–1195; С. 1217–1218; С. 1397–1398. (На итал. яз.).

История Кавказа. Программа лекционного курса. Проект / МГУ им. М.В. Ломоносова; Ин-т стран Азии и Африки. М., 2004. С. 1–48. (В соавторстве с Ганич А.А., Маркедоновым С.М.).

Прихоперье и его обитатели: из семейной хроники // Мурашев А. «Павловка» Борисоглебского уезда и ее обитатели. 2015. С. 217–220.

Путеводители по Абхазии начала XXI века: общее и особенное, достоинства и недостатки // Третьи Международные Иналиповские чтения (Сухум, 4–6 октября 2016 г.). Сухум: АБИГИ, 2017. С. 296–307.

Сухумский район Республики Абхазия: история и современность. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2021. 312 с.

### Газетные и журнальные статьи; интервью

Исторический аспект чеченской проблемы // Век. 1999. № 16 (331).

Проблемы истории черкесского (адыгского и абазинского) народа в свете Обращения Президента РФ Б.Н. Ельцина к народам Кавказа в связи со 130-летием окончания Кавказской войны: выступление на «Круглом столе» «Черкесы на рубеже эпох» // Жизнь национальностей. 1999. № 2–3. С. 60–62.

Ситуация в КЧР: итоги и перспективы // Век. 1999. № 22 (337).

[Интервью] // *Asahi soken report (Asahi Shimbun)*. 2000. № 6. № 144. С. 27–31. (На яп. яз.).

Конец каспийской виртуальности // Евразия сегодня. Декабрь 2001 – январь 2002. № 1 (3). С. 48–52.

Болезнь российского федерализма // Status Quo: рос. обществ.-полит. и худож. альманах. 2002. № 1. С. 18–27.

Кавказ перед оттепелью // Век. 2002. № 7 (474) (15–21.02). (В соавторстве с Халмухамедовым А.).

Экспедиции станут ежегодными. Содружество российских и абхазских археологов // Республика Абхазия. 2002. № 125 (1484) (2–3 ноября). (В соавторстве с Джоуа А.).

На месте древнего поселения // Республика Абхазия. 2003. № 117 (1621) (21–22 октября). (В соавторстве с Джоуа А.).

Россия и горцы // Status Quo: рос. обществ.-полит. и худож. альманах. 2004. № 2. С. 100–107.

Россия и Грузия: между дружбой и враждой // История. 2003. № 21 (693) (1–7 июня). С. 1–6.

Северный Кавказ на переломе эпох. Россия и горцы // История. 2003. № 30 (702) (8–15 августа). С. 1–5.

Эдуард Шеварднадзе обеспечил себе политическое будущее // Независимая газета. 2003. № 243 (3076) (12 ноября).

Абгархыкэтэи ажэытэ мазакэа // Апсны. 2004. 11 августа. (На абхаз. яз.). (В соавторстве с Цьопуа А.).

Абгархыкэтэи атцааракэа // Бзыбь. 2004. 13 августа. (На абхаз. яз.). (В соавторстве с Цьопуа А., Цнариа И.).

Древнейшие храмы Подмосковья // Родное Подмосковье. 2004. № 6 (36) (19 февраля).

Иждержки «прямой демократии» по-абхазски // Независимая газета. НГ Дипкурьер. 2004. 25.10.

Объединение оппозиции станет крахом для выдвиженца Ардзинбы // Независимая газета. НГ Дипкурьер. 2004. 27.09.

Свои интересы в регионе Россия будет отстаивать всеми возможными путями // Голос Армении. 2004. № 45 (19132) (29 апреля).

- Трехногий конь святого Георгия // Независимая газета. НГ Религии. 2004. № 11 (141) (16 июня).
- Абгархыкэтэи атцааракэа // Апсны. 2005. № 60–61 (19322) (11 августа). (На абхаз. яз.). (В соавторстве с Цьопуа А.).
- Выход Грузии из СНГ не выгоден никому // Газета. 2005. 22.11.
- Итоги выборов в Азербайджане // Азеррос. 2005. 22.11.
- Как жили предки абхазов в глубокой древности // Республика Абхазия. 2005. № 91 (1884) (13–14 августа). (В соавторстве с Джоуа А.).
- Не играйте против России // Абхазский меридиан. 2005. № 11 (43) (ноябрь).
- От эпохи средней бронзы до раннего средневековья // Республика Абхазия. 2005. № 104 (1897) (15–16 сентября).
- Хрупкий баланс. Абхазия: первый курорт или второй Кувейт? // Политический журнал. 2005. № 33 (84) (10 октября. С. 46–47).
- Аспекты грузино-абхазского конфликта. № 11. Обсуждение российского фактора (Москва, 21–22 июня 2004 г.) // Ирвайн, 2006. С. 55, 98–101.
- Атака клонов // Евразия сегодня. 2006. № 48 (май). С. 36–37.
- Витринная демократия. Грузия отстраивает властную вертикаль по-путински // Политический журнал. 2006. № 6 (101) (28 февраля). С. 42–44.
- Красная черта для Тбилиси // Политический журнал. 2006. № 37–38 (132–133) (09.10).
- На референдум за «охранной грамотой» // Московская среда. 2006. № 34 (189) (20–26 сентября).
- Не стоит надеяться только на помощь России // Республика Абхазия. 2006. № 32 (28–29 марта).
- Пациент будет мучиться дальше // Московские новости. 2006. № 39 (13–19.10).
- Перспектива одна // Эхо Абхазии. 2006. № 21 (23 мая).
- Процесс урегулирования завели в тупик // Независимая газета. НГ Дипкурьер. 2006. 13 ноября. (В соавторстве с Гузенковой Т.).
- Синхронное оттаивание // Независимая газета. НГ Дипкурьер. 2006. 27 марта.
- Уникальные находки на горе Джантух. Новые исследования археологов в Ткуарчале // Республика Абхазия. 2006. 31 октября – 1 ноября. (В соавторстве с Джоуа А.).
- В Тбилиси чутко прислушиваются к указаниям «Вашингтонского обкома» // Эхо Абхазии. 2007. № 25 (590) (26 июня).
- Купцы и воины древности у перевалов Абхазии: новые открытия археологов // Эхо Абхазии. 2007. № 35 (04 сентября). (В соавторстве с Джоуа А.).
- Миротворчество в СНГ как поле противоречий // Независимая газета НГ Дипкурьер. 2007. 2 апреля. (В соавторстве с Гузенковой Т.).
- Пиар по-кавказски // Евразия сегодня. 2007. № 62 (июль). С. 39.
- Проникая в тайны горы Джантух // Республика Абхазия. 2007. № 91 (2173) (11–12 августа). (В соавторстве с Джоуа А.).
- Цьантоутэи археологиатэ тцааракэа (Джантухские археологические исследования) // Апсны. 2007. № 94–95 (13 декабря). (В соавторстве с Цьопуа А.).
- Домашние заготовки // Московская среда. 2008. № 6 (258) (20–26 февраля).
- Попытка «сдачи» Абхазии вызвала бы непредсказуемые последствия для России // Эхо Абхазии. 2008. № 7 (4 марта).
- Выдающийся исследователь древностей. 15 сентября исполняется 75 лет со дня рождения выдающегося абхазского археолога-антиковеда, действительного члена АНА, доктора исторических наук Г.К. Шамба // Республика Абхазия. 2009. № 102 (2413) (12–13 сентября). (В соавторстве с Эрлихом В., Джоуа А., Ксенофонтовой И.).

[Выступление на экспертном круглом столе «Северный Кавказ: факторы стабилизации и дестабилизации»] // Звенья: экспертное издание Фонда исторической перспективы. Северный Кавказ: факторы стабилизации и дестабилизации. 2010. № 1 (13). С. 88–92.

Редчайший памятник древности на Джантухе // Республика Абхазия. 2010. № 92 (2547) (17–18 августа). (В соавторстве с Джоуа А.).

У Ингушетии один сценарий развития // Пограничник. 2010. № 12 (1292) (декабрь). С. 51.

Очарованный странник. Исследователь древностей Кавказа Юрий Николаевич Воронов // Достояние поколений. 2011. № 1 (10). С. 28–35.

Акармара ажэытэзатэи амазакэа раартра (Открытие древностей в пос. Акармара) // Апсны. 2012. № 67 (20052) (31 августа). (На абхаз. яз.). (В соавторстве с Цьануа А.).

Перспективы сотрудничества археологов России и Абхазии // Чегемская правда. 2012. № 31 (403) (14 августа). (В соавторстве с Джоуа А.).

Тайны Джантухского могильника // Республика Абхазия. 2012. № 100 (2845) (04–05 сентября). (В соавторстве с Джоуа А.).

Армения у порога Таможенного союза // Ноев ковчег. 2013. № 21 (227) (16–30 ноября).

Безумие может стать реальностью // Ноев ковчег. 2013. № 8 (214) (1–15 мая).

Джантоу ахэаен (Гора Джантух) // Апсны. 2013. № 71 (20056) (13 сентября). (В соавторстве с Джоуа А.).

Интеграционные альтернативы: сложный выбор Армении между Европой и Россией // Ноев ковчег. 2013. № 17 (223) (16–30 сентября).

На Кавказе больше перспектив мира, чем войны // Ноев ковчег. 2013. № 22 (228) (1–15 декабря).

Новые исследования на горе Джантух // Чегемская правда. 2013. № 32 (454) (13 августа). С. 2. (В соавторстве с Джоуа А.).

Современные аспекты нагорно-карабахского урегулирования // Ноев ковчег. 2013. № 20 (226) (1–15 ноября).

Юг Кавказа: между «Восточным партнерством» и евразийскими инициативами Москвы // Ноев ковчег. 2013. № 11 (217) (16–30 июня).

Абхазский политический кризис: демократия без «майдана» // Ноев ковчег. 2014. № 12 (242) (1–15 июля).

Армения между Анкарой и Баку // Ноев ковчег. 2014. № 1 (231) (1–15 января).

Армянское лицо Абхазии // Ноев ковчег. 2014. № 2 (232) (1–15 февраля).

Евразийский союз рассматривается как экономическая, а не политическая организация // Ноев ковчег. 2014. № 10 (240) (1–15 июня).

Новые границы на Южном Кавказе // Ноев ковчег. 2014. № 14 (244) (август).

Сложный путь Армении в Евразийский союз // Ноев ковчег. 2014. № 18 (248) (1–15 октября).

Сочинская Олимпиада и безопасность на Кавказе // Ноев ковчег. 2014. № 4 (234) (1–15 марта).

Трехсторонний формат Кавказа // Ноев ковчег. 2014. № 5 (235) (16–31 марта).

Малые народы в России и Азербайджане // Ноев ковчег. 2015. № 10–11 (262–263) (июнь).

Дрюэ Сесиль. Направить общество не к войне, а к миру: интервью с политологом, сотрудником Швейцарского миротворческого фонда / Беседу вел А. Скаков // Ноев ковчег. 2015. № 2–3 (254–255) (февраль). С. 1–2.

Евразийская интеграция: надежды, проблемы, перспективы // Ноев ковчег. 2016. № 7 (282) (июль).

Акопян Сергей (наст. имя Скаков Александр). Кто в Армении направляет протестное недовольство против России? // Ноев ковчег. 2016. № 6 (281) (июнь).

Референдум в Абхазии: возможность стабилизации или новое раскачивание лодки // Ноев ковчег. 2016. № 8 (283) (август).

С искренним недоумением [Электронный ресурс] // Научное общество кавказоведов. 06.07.2016. URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2016/07/06/s-iskrennim-nedoumeniem.html>

Экономика Абхазии: между антитурецкими санкциями и российской помощью // Ноев ковчег. 2016. № 5 (280) (май).

Абхазия – Грузия: есть ли свет в конце тоннеля? // Ноев ковчег. 2017. № 8 (295) (август). С. 4.

Весомый вклад в абхазоведение // Республика Абхазия. 2017. № 92 (3553). (В соавторстве с Джоуа А.).

Парламентские выборы 2017 г. в Абхазии: итоги первого тура // Ноев ковчег. 2017. № 4 (291) (апрель). С. 11–12.

Археологические исследования на горе Джантух // Республика Абхазия. 2018. № 93 (3694) (5–6 сентября). С. 4. (В соавторстве с Джоуа А.).

Новые совместные исследования археологов Абхазии и России // Республика Абхазия. 2019. № 94 (3834) (11 сентября). (В соавторстве с Джоуа А.).

Бунт осмысленный // Известия. 2020. № 4 (30483) (14 января). С. 03.

Нагорный Карабах – 2020: разморозка конфликта и переформатирование его урегулирования [Электронный ресурс] // РСМД (Российский совет по международным делам). 26.11.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nagornyy-karabakh-2020-razmorozka-konflikta-i-pereformatirovanie-ego-uregulirovaniya/>

Древний Гиенос – Очамчира: изучение истории города продолжается // Ерцаху. Очамчира, 2021. № 16 (27 августа). С. 3. (В соавторстве с Джоуа А.).

Западу не нужны ни Ереван, ни Баку, Западу нужны нефть и газ // Голос Армении. 2012. № 123 (20335) (17 ноября). С. 6.

### Составитель

Барон и Муза: Николай Врангель, Паллада Богданова-Бельская / Сост.: А.А. Мурашев, А.Ю. Скаков. СПб.: Коло, 2001

Барон и Муза: барон Николай Врангель, Паллада Богданова-Бельская / Сост.: А.А. Мурашев, А.Ю. Скаков. Фрязино, 2020.

Список научных трудов Александра Пинкусовича Мошинского / Сост.: Д.В. Журавлев, А.Ю. Скаков // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16. Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий, посвящ. памяти известного специалиста по археологии Северного Кавказа, канд. ист. наук Александра Пинкусовича Мошинского. Ставрополь; М., 2023. С. 48–56.

### Рецензент изданий

Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия 1917–1919. М., 2011.

Кореневский С.Н., Мимоход Р.А. Курганы позднего периода среднего бронзового века у станции Архонской в Северной Осетии: монография. М.: ИА РАН, 2011.

История Осетии: в 2 т. Т. 1. История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века. Т. 2. История Осетии в XIX – начале XX века. Владикавказ, 2012.

Брилева О.А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. – X в. н.э.). М.: ТАУС, 2012 // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 6. Ставрополь, 2014. С. 45–48.

Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии: Сб. к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта. М.: ИА РАН, 2014.



*Корневский С.Н.* Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тысячелетия до н.э.). Очерки военизации древних обществ по данным археологии. Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток. М.: ИА РАН: Таус, 2017.

*Аликберов А.К.* Общество и религия в фокусе истории. Казань, 2018.

Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения ученого-кавказоведа Ю.Н. Воронова. Сухум, 2018.

*Тахнаева Патимат.* Гуниб, август 1859 г. «Последние дни джихада в Дагестане...». Махачкала, 2018.

Труды Абхазского государственного музея. Вып. VII. Сухум: Абгосиздат, 2018.

*Тахнаева Патимат.* Хаджи-мурат. Хаджимурад из Хунзаха. М., 2019.

*Ендольцева Е.Ю.* Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2020.

*Корневский С.Н.* Поселение раннего бронзового века Тузла-15 на Тамани. М., 2020.

*Хасанилав ал-Гимрави.* Имам Газимухаммад. Аварская хроника времен Кавказской войны (1827–1831 гг.). М., 2020.

АИОН: к 60-летию заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю.А. Дзиццойты: коллективная монография. М., 2021.

*Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* История и искусство христианской Алании. Изд. 2-е, испр. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2021.

Россия и Казахстан: 30 лет стратегического партнерства и всестороннего сотрудничества: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 20 апреля 2021 г.). Нур-Султан; М., 2021.

*Трапш М.М.* Труды: в 5 т. Т. 1, 2, 3. Сухум, 2017, 2019, 2021.

Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железа: Сб. памяти В. И. Козенковой. М., 2022.

*Сызранов А.В.* Ислам на Нижней Волге. Очерки истории и этнографии. М., 2022.

Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона: культурные процессы и взаимодействия: к 100-летию со дня рождения Н.Я. Мерперта: Сб. тез. докл. М.: ИА РАН, 2022.

Открытый архив: электронные публикации на сайте Российского исторического общества.

О фальсификации чеченской истории в статье «Чеченская республика» в «Большой энциклопедии». Статья в открытом архиве № 988 28.01.2010. (В соавторстве с Наумкиным В.В., Аликберовым А.К., Роциным М.Ю.).

Азербайджан: об опасности военных авантюр в регионе Нагорно-Карабахского конфликта. Статья в открытом архиве № 11032013 11.03.2013.

Восточная Абхазия в эпоху раннего железа (по материалам новых исследований Джантукского могильника). Статья в открытом архиве № 6/н 08.01.2015.

Евразийская интеграция: надежды, проблемы, перспективы. Статья в открытом архиве № 5458 01.07.2016

Референдум в Абхазии: возможность стабилизации или новое раскачивание лодки. Статья в открытом архиве № 5505 01.08.2016.

Южная Осетия: третий лишний, или как заинтересовать политологов. Статья в открытом архиве № 18012017 18.01.2017.

Грузия на европейском маршруте? Статья в открытом архиве № 08022017 08.02.2017.

Южная Осетия: надо просто соблюдать конституцию. Статья в открытом архиве № 09022017 09.02.2017.

Южная Осетия: в надежде на сохранение стабильности. Статья в открытом архиве № 3803277 06.03.2017.

Абхазия в ожидании. Статья в открытом архиве № 1020574156 10.03.2017.

Митинги вместо выборов: Кокойты против Южной Осетии. Статья в открытом архиве № 21032017 21.03.2017.

Разные соусы к одному хинкалу. Статья в открытом архиве № 23440 25.06.2017.

### **P.S. [2023]**

Новые находки закавказских бронзовых пластинчатых поясов в собрании ГИМ // Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийского региона: Материалы конф., посвящ. памяти А.Ю. Скакова. М., 2023. С. 58–62. *(В соавторстве с Геворковой Д.А., Журавлевым Д.В.).*

Лыхненский клад бронзовых топоров: старые и новые данные // Там же. С. 101–110. *(В соавторстве с Пелихом А.Л., Джошуа А.И.).*

Серебряный кубок из села Ачандара // Там же. С. 125–130. *(В соавторстве с Эрлихом В.Р., Джошуа А.И.).*

Элитный колхидский комплекс из села Ачандара (Бзыбская Абхазия) // Кавказ и Циркумпонтийский регион в древности: материалы, исследования, гипотезы. М., 2025. С. 249–270 *(В соавторстве с Эрлихом В.Р., Джошуа А.И.).*

Составитель А.Ю. Скаков,

дополнено и отредактировано Д.В. Журавлёвым<sup>1</sup> и В.Ю. Луньковым<sup>2</sup>

---

1 Денис Валерьевич Журавлёв — Государственный исторический музей, Красная площадь, д. 1, Москва, 109012, Российская Федерация; e-mail: denzhuravlev@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1139-6621.

2 Владимир Юрьевич Луньков — Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Российская Федерация; e-mail: vlunkov69@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5294-2214.

## С чего все начиналось...

Конечно, с чтения книг, посещения музеев, выставок, монастырей, разных городов. Однажды Юрий Александрович (папа) с Сашей в букинистическом магазине купили книгу по истории архитектуры Смоленска. Это была любимая его настольная книга. Непрерывно рисовались храмы и колокольни, а из спичек, палочек от мороженого «эскимо» и кубиков строились башни и городища. Это до школы. А в школе Саша рассказывал одноклассникам об истории Руси, храмах. Ребята ходили за ним толпой и с удовольствием слушали. А меня вызывали в школу к директору выяснять — не сектанты ли мы. Объяснились.

С первого класса я зачислила Сашу в исторический кружок в Центральный дворец пионеров на Воробьевых дворах. Потом был археологический кружок там же, а в 8-м и 9-м классах — археологический кружок МГУ.

Так что для первой археологической экспедиции он был подготовлен. Она состоялась в 1984 г. В Дворце пионеров я познакомилась с археологом Олегом Олейниковым и уговорила его принять меня на работу в экспедицию на один месяц, но копать будет сын 13 лет. Несовершеннолетний мальчик. Зачем? Мы с мужем решили, что Саша должен познакомиться с реальной работой археологов, может быть и закончится его увлечение.

Раскопки велись на берегу Волги, недалеко от г. Ржева. Территория когда-то готовилась к затоплению (недалеко расположен ржевский гидроузел). Там варварски был вырублен лес, выселены несколько деревень. Мы потом посещали эти брошенные хаты.

Саша работал без всяких скидок на возраст, наравне со взрослыми, без каких-либо нареканий. Вел дневник ежедневно. Были интересные находки, в том числе и военного времени. Там каждый год при вспашке земли подрывались тракторы. Земля была напичкана металлом.



Дома.  
Февраль, 1980 г.



Замок в г. Каунас.  
Май, 1984 г.

Месяц работы заканчивался, но Саше не хотелось уезжать в Москву, и он уговорил меня оставить его в экспедиции еще на один месяц «за кормежку».

Я вернулась в Москву, нужно было подготовиться к совместному семейному отдыху: лето мы проводили в поездках с палаткой, байдаркой и необходимым туристическим снаряжением.

К концу июля мы приехали за Сашей. Уставший, счастливый, полный новых впечатлений он вернулся в Москву. Все решено: я буду археологом. В августе мы отправились в путешествие курсом на Минск. Посетили разные города, исторические памятники. Одним из таких мест был г. Новогрудок. После мы посмотрели на археологические раскопки в Детинце. Там работала Ленинградская археологическая экспедиция под руководством Ф.Д. Гуревич из Ленинградского отделения Института археологии. Смотрели, Саша, конечно, копал. Провели там весь день. Эта встреча переросла в переписку Саши с Фридой Давыдовной до конца ее жизни в 1988 г.

*Людмила Ивановна Скакова (мама)*

*Можно сколько угодно преследовать книжечеев,  
запрещать науки, уничтожать искусства,  
но рано или поздно приходится спохватываться и со скрежетом зубовым,  
но открывать дорогу всему, что так ненавистно властолюбивым тупицам и невеждам.  
Да будет вам известно, что мною, министром охраны арканарской короны,  
были предприняты некоторые действия против так называемых книжечеев,  
ученых и прочих бесполезных и вредных для государства людей.  
Эти акции встретили некое странное противодействие.*

А. Стругацкий, Б. Стругацкий  
«Трудно быть богом»

## Саша

— А вот! Вот и тот самый книжный магазин! — Виноградов очертил рукой дугу, зазывая спутников в неприметный сухумский книжный маркет (как назвали бы сие заведение сегодня).

Виноградов, Ёлшин и примкнувший к ним Чхаидзе совершали поездку по раннехристианским храмам Абхазии. Главная цель — изучение архитектурного убранства и техники кладки, с упором на плинфу. Лыхны, Мюсера, Бедиа... Белецкого на границе развернули. Впрочем и по причине скандала с отцом Виссарионом, с подачи которого в Лыхнах была снесена аутентичная купель X века, а взамен — забабахан мраморный бассейн.

— Тут практически все исторические издания, выпущенные в Республике за последние годы! — продолжал целевой маркетинг Виноградов.

В полутьме небольшого магазина, казалось, не было ни покупателей, ни продавцов. На полках до потолка громоздились, покрытые субтропической пылью, республиканские издания всевозможных научных отраслей.

— Ну и где тут искать археологию? — недовольно осведомился Чхаидзе.

Вдруг на этих словах в глубине книжного лабиринта материализовалась и ринулась, подобно Минотавру, навстречу высокая фигура в строгом костюме.

— Ба! Ба! Какие люди! Почему не предупредили?! — раздался характерный, немного грассирующий, хорошо знакомый голос.

Саша! Разве можно было его не встретить, оказавшись проездом в книжном магазине посреди абхазской столицы?!

Разумеется, эта знаменательная встреча имела достойное продолжение в одном из духанов на сухумской набережной, где (какой стол!), помимо обязательной мамалыги, можно было и «лыхнуться» (это не про храм, изувеченный Виссарионом), и апснутя под бесконечные тосты Саши, закономерно занявшего пост тамады.

Лет за 20 до этого мое знакомство с Сашей, как ни странно, тоже произошло в библиотеке. И все последующее наше дружеское общение было осенено его почти маниакальной любовью к книгам.

Где бы мы не встречались и не проводили время — на конференциях и съездах, в двух институтах, где работали, случайно на улице (жили в одном районе), а то и просто на пикнике в лесопарке с друзьями — образ Саши был неизменным: пиджак, брюки, галстук с принтом — «Поцелуй» Климта,

белая рубашка (ближе к вечеру одна пола стандартно навывпуск — «канонический Шарль», по типологии Асана Торгоева). И главное — у Саши всегда была с собою сума или рюкзак, а часто и то, и другое, набитые книгами.

Книги были с ним всегда. В любом городе, который Саша посещал, первым делом оказывался «окученным» книжный магазин (зачастую не один), причем Саша «шерстил» не только историческую литературу — приобретались бесчисленные альбомы по искусству — от классического до самого современного, книги религиозного и культуроведческого толка, не говоря уже о библиографии, беллетристике и поэзии.

— Са-шаа! Ну, зачем тебе эта книгааа?!

— У меня такой нет! Она должна у меня быть!

Неоднократно, и так же случайно, я сталкивался с Сашей в знаменитом московском книжном «Фаланстере» (но не так ярко, как в Сухуме), причем в одну из встреч мы распрощались за два часа до...

Надо сказать, книги он приобретал не только для себя. Бывало, редкие издания находил специально для друзей, так как, конечно, был в курсе научной необходимости многих из них. Активно участвовал в книгообмене. Распространял те же абхазские сборники, буквально «на своем горбу» привозя их в столицу и распределяя по библиотекам и по коллегам. Излишне говорить, что в городе Москва самым полным собранием печатных изданий по кавказоведению, по истории Кавказа с древнейших времен и по сегодняшний день, является личная библиотека Саши. Сейчас она перевезена в Институт востоковедения РАН.

Весь дом Саши был завален книгами. Они были везде, разве что только не на потолке. Шутили, что даже в кухонной плите, в духовке. И если родным Саши худо-бедно еще удавалось в каких-то уголках квартиры отвоевать себе жизненное пространство, то в личной комнате Саши, от дверей к его лежбищу (кровати), расположенному, понятное дело, под нависающими книжными полками, проходила извилистая узкая дорожка между двумя рядами штабелей книг, уложенных почти по пояс. Он шутил: «Когда я умру, это все составит мой погребальный костер».

После ухода Саши появилось несколько некрологов, список изданных работ. Но как-то осталось в стороне, что, помимо работы над сугубо научными статьями, Саша обращался и к литературному творчеству, свидетельством чему служит целый ряд рассказов и опубликованное эссе...

Я специально описал эту Сашину книжную или книгочеевскую ипостась. Не знаю, есть ли жизнь после смерти, и существует ли Рай, но, если он все-таки существует, можно предполагать, кто в нем состоит библиотекарем.

*Виктор Чхаидзе*

## О Саше

Очевидно, я общался с Сашей не так часто, как большинство из коллег, воспоминания которых представлены в этом нужном нам всем сборнике. И гораздо меньше, чем мне всегда хотелось.

Я познакомился с Шарлем, если мне не изменяет память, на День археолога в экспедиции В.Р. Эрлиха в 2001 году. Я тогда закачивал работу над текстом своей кандидатской диссертации, а Саша был уже признанным специалистом по колхидо-кобанским бронзам. И здесь я впервые ощутил на себе его человеческую доброту и цепкий ум специалиста. Мой весьма сырой (что особенно я вижу с высоты прожитых лет) текст диссертации, который я ему позже послал с просьбой просмотреть, он прочел очень внимательно, дал несколько нужных мне советов по материалам Закавказья. Но особенно важным была для меня, провинциального молодого парня, его моральная поддержка: он не раскритиковал мою работу, как мог, с высоты столичного остепененного специалиста, а, наоборот, отметил ее сильные стороны (зная и слабые), тем самым дав мне дополнительные силы работать дальше.

Я никогда не забуду общение, поддержавшее меня за считанные месяцы перед моей защитой, на съемной квартире Саши, где он принимал тогда меня с Ольгой Брилевой. И ту реальную «техническую» помощь, которую он без всяких сомнений и проволочек, просто по широте своей души, мне тогда оказал.

По той же широте своей души Шарль посетил по моему приглашению провинциальный Армавир. Он, как известный политолог, участвовал в 2008 году в организованной в нашем педагогическом университете конференции (Скаков А.Ю. Перспективы Абхазии и Южной Осетии в контексте проблем российской внешней политики на Кавказе // Социокультурные трансформации в России: исторический опыт, проблемы, перспективы: Материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию университета, Армавир, 3–4 октября 2008 года. Армавир: РИЦ АГПУ, 2009. С. 283–287).

Наши встречи, в основном проходившие в рамках научных конференций, потом надолго, на целое десятилетие, по моим личным причинам прервались. И я благодарен Саше за то, что когда с 2019 года я вновь появился на научных мероприятиях, он даже не поднимал тему моего длительного ухода: он вновь встретил меня как старого доброго знакомого и продолжил наши разговоры на научные археологические темы, как будто они прервались только вчера... Достаточно быстро мы вновь стали обсуждать совместные научные планы, реализовавшиеся, в частности, в виде совместной статьи (Пелих А.Л., Скаков А.Ю. Предметы эпохи поздней бронзы и начала раннего железа из музеев Лабинского района Краснодарского края // КСИА. 2022. Вып. 267. С. 72–84).





А.Ю. Скаков (Шарль),  
А.Л. Пелих и Суджата Чанд-  
расекаран в полевом  
лагере в станице  
Тенгинской (2001 г.).  
Фотография В.Р. Эрлиха

Когда я, по совету В.С. Бочкарёва, начал плотно заниматься поздне-  
бронзовым металлом Колхиды, именно Шарль поддержал меня в этом. Он,  
вместе с А.И. Джопуа, встретил меня в Сухуме, где мы стали совместно  
работать. К сожалению, плоды этой работы в виде двух статей (Пелих А.Л.,  
Джопуа А.И., Скаков А.Ю. Лыхненский клад бронзовых топоров: старые  
и новые данные // Связи и взаимоотношения культур Циркумпонтийско-  
го региона: Материалы конференции, посвященной памяти А.Ю. Скакова.  
М.: ИА РАН, 2023. С. 101–110; Пелих А.Л., Джопуа А.И., Скаков А.Ю. Клад  
бронзовых топоров из с. Лыхны: современный взгляд // Археологические  
вести. 2024. Вып. 44. С. 261–276) вышли в свет уже после ухода Саши в иной  
мир...

Я уверен, что мы продолжим начатую совместно с Сашей Скаковым  
работу. В память о большом ученом и замечательном, с открытой душой,  
человеке.

*Алексей Пелих*

## План-перехват, или Детектив по-археологически — фантазия скаковская

Осень 1999 года была тревожным временем для нашей страны: в сентябре были взрывы домов в Москве, люди дежурили по подъездам, прошлогодний дефолт сказывался на ценах, назревала вторая чеченская война. Провинциальные же города жили своей сонной жизнью: маленький городок Рязск, затерявшийся на необъятных просторах рязанской земли, в конце ноября 1999 года был и жил как все, пока в город не прибыл странный незнакомец. Черная борода, росшая клоками, потрепанная, истертая черная кожаная куртка, засаленные штаны и странные, истоптанные сотнями километров дорог башмаки, большой рюкзак за спиной. В маленьких городах все друг друга знают, и появление незнакомца еще на вокзале отследил постовой милиционер: субъект, которого в оперсводке окрестили «доходяга» купил карту города. Решено было за ним пронаблюдать, так как вел себя «доходяга» довольно странно: зашел в магазин «Ветерок» и купил бутылку портвейна, но пить не стал. Дальше направился к храму Рождества Христова на Совхозной улице и что-то долго там высматривал. Потом зашел внутрь, вышел, обошел вокруг здания и направился в центр города. Посетил местный музей и Успенский храм. Странное поведение насторожило оперативников: «доходяга» постоянно что-то писал в блокноте и несколько раз звонил из телефона автомата куда-то. Решено было по согласованию с местным отделением УФСБ по рязанской области ввести план-перехват: подозреваемый проходил по ориентировке на известного чеченского боевика Муслима Яхжиева по кличке Муса. И тут наружка дала маху — объект скрылся. Только шел по улице — и нет его. Все силовые части были подняты по тревоге. Начальник городской милиции полковник И.П. Наливайко уже поднимал очи к небу — он видел сыпавшиеся звезды на погоны, благодарность от министра за поимку особо опасного бандита. Вскоре пропавший был обнаружен в местном кабаке «У Ашота». Навалились гурьбой, заломили руки.

— Кто такой? Документы? Почему в таком виде?

— Паспорта с собой нет, зовут меня Александр Скаков, я археолог из Москвы, к вам заехал посмотреть церковь, и у меня сегодня день рождения, между прочим.

— Сейчас посмотрим, какой ты археолог, пару раз по почкам дадим! Почему в бороде? Что высматривал? Кто хозяева?

— Я — археолог, интересуюсь старыми русскими городами, не брился две недели просто.

— Так-так, посмотрим твои вещички. Может саперов надо вызывать.

Когда опера открыли рюкзак, первой они увидели ту самую карту. Она была вся в крестиках на месте самых известных построек города. После

такого сержанты почувствовали себя майорами, остальное же начальство видело генеральские звезды и уже перевод в Главк непосредственно в Москву. Доставили прямо в кабинет к главному — к Наливайко. «Доходяга» не сдавался и все бубнил про археолога и какого-то Скакова. Решили позвонить в Москву, в Институт археологии. Оказалось, что есть такой археолог Скаков и даже очень крупный, в смысле работ. Занимается археологией Кавказа. И звание имеет, и награды, и почет, и уважение. Начальники смутились. Звезды и перевод в Москву остались где-то в вышине.

— Наручники хоть снимите, куда я побегу? Вас здесь целая орава..., — примирительным тоном попросил Александр Юрьевич.

— Мы пока не уверены, кто Вы, и документов при Вас нет, поэтому пока сидите так, — уже менее уверенно сказал Наливайко.

Пока суть да дело, нашего Александра Юрьевича отправили в КПЗ, дали ему матрас, сняли шнурки, ремень. А карту отправили экспертам. На следующее утро из Института археологии пришла телефонограмма с подробным описанием и фото, подтверждающая что Скаков — это Скаков. Так Александр Юрьевич встретил свой двадцать восьмой день рождения в славном городе Рязске.

Все мы знаем любовь нашего почившего друга к памятникам старины родной Отчизны. Помним его поистине энциклопедические познания в области культовой архитектуры. Он мог на память перечислить основные храмы в любом древнерусском городе. Давайте помнить и его, нашего друга Шарля.

### **Сижу за решеткой**

Успенский собор в поселке Дранда, расположенный на правом берегу р. Кодор, известен многим — это один из самых знаменитых крестово-купольных кирпичных храмов в Абхазии, поражающих своими гигантскими размерами и сегодня. Про архитектурные особенности говорить не стоит: написано по этому поводу столько, что хватило бы, наверное, на небольшую библиотеку. Раскопки проводились в середине-конце 70-х годов XX века В. Цинцадзе и М. Хотелашвили, но они, как это часто бывает, не опубликованы. Уже в наше время местный архиерей пытался копать сам, об этом узнала служба охраны памятников, грянул жуткий скандал, дело чуть не дошло до суда, так как без всякого надзора вокруг храма было снято 2–3 метра культурного слоя. Но сегодняшняя история не об этом.

Непосредственно рядом с храмом, за колючей проволокой находится еще одно здание, не менее известное на всю страну — тюрьма. «Почему эта тюрьма так известна?» — спросите вы. Потому что это единственная тюрьма на территории современной Абхазии, расположенная прямо в стенах одного из корпусов монастыря. Тюрьма начала действовать сразу после революции, особую же мрачность приобрела во времена бериевского «большого террора». В один из сезонов мы в очередной раз приехали в Дранду на экскурсию. Руководил нами наш начальник, вождь и учитель, тонкий знаток архитектуры сих мест Александр Юрьевич Скаков. Изучив собор изнутри, мы решили пофотографировать окрестности. Естественно обратили внимание на тюрьму и ее сидельцев — они махали нам из камер и что-то кричали по-абхазски. Александр Юрьевич даже пару раз успел щелкнуть затвором фотоаппарата. Но, как говорят, от сумы и от тюрьмы не зарекайся! Не успели мы отойти и на десяток шагов, как ворота со скрежетом открылись, из них выбежало пять автоматчиков, взяв нас в кольцо.

— Вы на режимном объекте, нарушаете порядок, и мы вынуждены вас задержать. Кто старший?

Все молча показали на Шарля, который за ответом в карман не полез:

— А кто у вас старший, чей приказ исполняете и кто такие? Мы известные абхазские археологи и находимся здесь на экскурсии, я кандидат наук и заслуженный деятель наук Абхазии!..

— Мы исполняем приказ начальника тюрьмы, полковника Мильтона Зурабовича Бахария, вас увидели по камерам, так что пройдемте с нами до выяснения.

Так меня, Александра Юрьевича как старшего, и красного философа, потомка известного декабриста Волконского повели в тюрьму, заломив руки и тыча стволом в спину. За нами с лязгом закрылись ворота, потом отсекающие решетки. Мы явственно представили себе Лаврентия Павловича в пенсне и знаменитой шляпе. Кабинет начальника тюрьмы нас потряс. Видимо, здесь раньше была келья настоятеля, а теперь повсюду были ковры, на стене в раме из-под картины висел позолоченный автомат Калашникова, гигантский стол красного дерева, за которым как-то потерялся довольно нетрезвый на вид лысоватый мужичонка. Шарль вышел вперед и попытался заговорить, но его прервали фонтаны мата, вырывавшиеся из уст начальника зоны. Нужно было что-то решать. Все знают, что Саша по характеру был очень импульсивен. Здесь же наш доблестный начальник проявил изрядное хладнокровие: он просто начал перечислять абхазских чиновников, с кем был лично знаком, начиная с президента. На пятнадцатой фамилии Шамба (который был тогда главой абхазского Совбеза) Бахария сломался и решил позвонить: на столе у него был обычный дисковый телефон. Видимо что-то ему такое сказали про Скакова, после чего он перестал материться. Вызвал подчиненного. Через несколько минут доблестный нукер вернулся с двумя бутылками водки, завернутыми в газету. Водка полилась в стаканы и предназначалась нам. Зря думал Бахария, что нас этим можно напугать. Сначала Шарль, потом красный философ и лишь затем Ваш покорный слуга осушили граненые. Затем попросили добавки. После третьей бутылки пошел обычный разговор: кто кого знает, и кто кому родственник. Нукер бегал за водкой еще два раза. Когда заканчивалась последняя, Милтон Зурабович со слезами на глазах полез снимать золотой «АК» дабы мы могли с ним попозировать для фотографии, но вовремя спохватился. Провожала нас вся конвойная смена. Люди снаружи думали, что никогда нас не увидят, и бросились навстречу. В соборе начиналась очередная служба. Александр Юрьевич, будучи уже изрядно навеселе, процитировал фрагмент из своей любимой «Каравеллы» Гумилева:

А у нас на утлой лодке  
Только синие решетки  
Перекрещенных штыков.  
Где лобзавший руку дамам  
Низко кланяется хамам —  
Видно, жребий наш таков.

*Евгений Щеглов*

## Случай в Драндах

Летом 2002 года команда молодых людей под эгидой Александра собралась в Сухуме. Деятельная натура начитанного руководителя находила занятия для ожидающей начала работ команды. В эти дни в его руках часто мелькала маленькая желтая книжка за авторством Ю.Н. Воронова «В мире архитектурных памятников Абхазии» из серии «Дороги к прекрасному».

В один из дней команда отправилась в Дранды, зачарованная рассказами Юрия Николаевича Воронова в пересказе Александра Юрьевича Скакова. Нас ждал «самый древний храм Абхазии», «крестовокупольный четырехстолпный», VI–VII вв. н.э., «большой и изящный», «бывшая резиденция епископа», которому подчинялись земли от Кодора до Анакопии. Между делом, когда мы уже были в пути, оказалось, что рядом с храмом в бывшем монастыре располагается единственная в Абхазии тюрьма. Такое соседство нас поначалу нисколько не насторожило.

Поднявшись на гору, мы увидели храм. Признаться, он нас несколько обескуражил своим видом. Да, на нем уже не росли «выросшие и состарившиеся фиговые деревья», но стены храма были покрыты серым цементом, и основное впечатление мы могли получить лишь от внешней формы строения. Расспросив находившего при храме послушника, мы услышали о древних туннелях, выкопанных монахами, которые вели от храма к высокому обрыву. Спустившись и осмотрев внимательно склон, мы не нашли достойных нашего внимания заманчивых подземных ходов. Снова поднявшись к храму, мы стали внимательно изучать его окрестности. И как-то незаметно оказались в поле зрения охранников единственной в Абхазии тюрьмы.

Внезапно калитка в воротах тюрьмы открылась, и оттуда выбежало пятеро молодых людей, вооруженных автоматами. Они окружили нас и спросили: «Кто главный?» Вперед вышел Александр Юрьевич. Он возглавил нашу колонну. Под дулами автоматов мы вошли на территорию тюрьмы. Нас охраняло двое автоматчиков у стены одного из зданий. Еще три человека с автоматами повели руководителя отряда «на разговор» к начальнику тюрьмы.

Открытые окна кабинета начальника тюрьмы оказались на третьем этаже ровно над нашими головами. Мы услышали вопрошающий грозный голос. Последовал какой-то короткий ответ. И затем открылись дверцы шкафа, зазвенели стаканы, и полилась по стаканам жидкость. Судя по раздававшему звону, разговор перешел в мирное русло. Где-то через полчаса конвоиры вывели Александра и проводили нас за ворота тюрьмы. Так наша безобидная поездка в Дранды чуть не обернулось гораздо более серьезным событием.

Это воспоминание об Александре Юрьевиче Скакове показывает, как легко он мог найти общий язык с самыми разными людьми, а также о его таланте к организации поездок и странным приключениям.

*Ольга Брилева*

## Список сокращений

АБИГИ/АБИЯЛИ АНА	— Абхазский институт гуманитарных исследований / Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа АН Абхазии. Сухум
АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург
АВЕС	— Археология восточно-европейской степи. Саратов
АГМ	— Абхазский государственный музей. Сухум
АМА	— Античный мир и археология. Саратов
АН	— Академия наук
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург
БИ	— Боспорские исследования. Керчь
Б.и.	— Без [указания] издательства
ВAAЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва
ВУАК	— Воронежская ученая архивная комиссия
ГИAMЗ	— Государственный историко-археологический музей-заповедник
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва
ГМИИ им. А.С. Пушкина	— Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург
Д.	— дело
ДБ	— Древности Боспора. Москва
ДСПК/ССПК	— Древности степного Причерноморья и Крыма / Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжє / Запоріжжя
ИА	— Институт археологии
ИА РАН	— Институт археологии РАН. Москва
ИAA	— Историко-археологический альманах. Армавир; Краснодар; Москва
IA HAHY	— Інститут археології Національної академії наук України. Київ
ИAЭ(Т) CO PAM	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Новосибирск
ИВ РАН	— Институт востоковедения РАН. Москва
ИИKNCK	— Из истории и культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь
ИИМК PAM	— Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
КГИAMЗ	— Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына

КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. Москва
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар
Л.	— лист
МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья
МАК	— Материалы по археологии Кавказа. Москва
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
МИАР	— Материалы и исследования по археологии России. Москва
МИАСК	— Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
МИИХНСК	— Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь; Москва
МРС	— мелкий рогатый скот
НА	— Научный архив
НАНУ	— Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НИИ	— научно-исследовательский институт
НМИУ	— Национальный музей истории Украины. Киев
НОА	— Научно-отраслевой архив
ОИАК	— Отчет Императорской археологической комиссии
Оп.	— опись
ПАИ	— Полевые археологические исследования.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск
РА	— Российская археология. Москва
РАН	— Российская академия наук
РО	— Рукописный отдел
СА	— Советская археология. Москва
САИ	— Свод археологических источников по археологии СССР / России. Москва
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
СО РАН	— Сибирское отделение РАН
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
Ф.	— фонд





*Научное издание*

**Кавказ и Циркумпонтийский регион в древности:  
материалы, исследования, гипотезы**

Верстка и художественное оформление *И.Н. Лицук*  
Корректор *И.В. Скакова*

Подписано в печать 24.12.2025. Формат 60×90 1/8.  
Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 47. Уч.-изд. л. 32,5.  
Тираж 300 экз. Заказ 3569

Отпечатано в соответствии  
с предоставленными материалами  
в типографии ООО «Принт»  
426035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.

# Caucasus and the Circumpontic in antiquity: materials, studies, hypotheses

This collection of articles includes proceedings of the All-Russian scientific conference “Connections and Interrelations of Cultures of the Circumpontic Region” held in December 1, 2023 at the Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia) as well as related papers. The conference was dedicated to the memory of the outstanding researcher in Caucasus studies Aleksandr Yurievich Skakov. The articles in the collection are mainly focused on the issues of the Bronze Age and Early Iron Age of the Caucasus and the Circumpontic, which were a main part of the researcher’s scientific interests. A separate section features articles and memoirs about A.Yu. Skakov, as well as a complete list of his published works. The publication is intended for researchers specializing in archaeology, art studies, history, for university students and a wide range of readers interested in the ancient past of the North Caucasus and the Circumpontic region.

